

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Серия самых выдающихся книг великих русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения:

Св. митр. Иларион	Коялович М. О.	Соловьев В. С.
Св. Нил Сорский	Лешков В. Н.	Бердяев Н. А.
Св. Иосиф Волоцкий	Погодин М. П.	Булгаков С. Н.
Иван Грозный	Беляев И. Д.	Хомяков Д. А.
«Домострой»	Филиппов Т. И.	Шарапов С. Ф.
Посошков И. Т.	Гиляров-Платонов Н. П.	Щербатов А. Г.
Ломоносов М. В.	Страхов Н. Н.	Розанов В. В.
Болотов А. Т.	Данилевский Н. Я.	Флоровский Г. В.
Пушкин А. С.	Достоевский Ф. М.	Ильин И. А.
Гоголь Н. В.	Одоевский В. Ф.	Нилус С. А.
Тютчев Ф. И.	Григорьев А. А.	Меньшиков М. О.
Св. Серафим Сар- ровский	Мещерский В. П.	Митр. Антоний Хра- повицкий
Шишков А. С.	Катков М. Н.	Поселянин Е. Н.
Муравьев А. Н.	Леонтьев К. Н.	Солоневич И. Л.
Киреевский И. В.	Победоносцев К. П.	Св. архиеп. Иларион (Троицкий)
Хомяков А. С.	Фадеев Р. А.	Башилов Б.
Аксаков И. С.	Киреев А. А.	Концевич И. М.
Аксаков К. С.	Черняев М. Г.	Зеньковский В. В.
Самарин Ю. Ф.	Ламанский В. И.	Митр. Иоанн (Снычев)
Валуев Д. А.	Астафьев П. Е.	Белов В. И.
Черкасский В. А.	Св. Иоанн Крон- штадтский	Лобанов М. П.
Гильфердинг А. Ф.	Архиеп. Никон (Рождественский)	Распутин В. Г.
Кошелев А. И.	Тихомиров Л. А.	Шафаревич И. Р.
Кавелин К. Д.		

КОНСТАНТИН ПОБЕДОНОСЦЕВ

**ГОСУДАРСТВО
И ЦЕРКОВЬ**

ТОМ I

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2011

УДК 347
ББК 66.1(2)5
П-41

Победоносцев К. П.

П-41 Государство и Церковь / Сост., предисл., коммент. О. А. Суржик / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — Т. I. — 704 с.

Институт русской цивилизации выпускает двухтомное собрание сочинений великого русского мыслителя, ученого, обер-прокурора Святейшего Синода Константина Петровича Победоносцева (1827–1907).

Как христианский мыслитель Победоносцев учил, что наука и философия содержат лишь вероятностные предположения, не имеющие в себе абсолютного, безусловного и цельного знания. Только православная вера, которую русский народ «чувствует душой», способна давать целостную истину. Победоносцев последовательно отстаивал идеал монархического устройства, называя западную демократию «великой ложью нашего времени». В своих трудах он убедительно критикует основные устои западной государственности, видя ее главные пороки в псевдонародовластии и парламентаризме, ибо они «рождают великую смуту», затуманивая «русские безумные головы».

Часть произведений, публикуемых в настоящем двухтомнике, издаются впервые после столетнего перерыва.

УДК 347
ББК 66.1(2)5

ISBN 978-5-902725-93-0

© Институт русской цивилизации, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Константин Петрович Победоносцев родился 21 мая 1827 года в Москве, в Хлебном переулке, в семье профессора словесности Императорского Московского университета Петра Васильевича Победоносцева (1771–1843) и его второй жены Елены Михайловны Левашовой (1786–1867). Дед будущего мыслителя со стороны отца, Василий Степанович Победоносцев (ум. в 1805 г.), был священником церкви св. Георгия Победоносца на Варварке. Константин Петрович был одиннадцатым ребенком в семье. Основы мировоззрения К. П. Победоносцева начали формироваться еще в раннем детстве. Мать собственным примером заложила в сыне основы веры. 29 сентября 1867 года К. П. Победоносцев писал А. Ф. Аксаковой (урожденной Тютчевой, дочери поэта) после похорон своей матери: «Она была у нас точно святыня в доме, точно живая благодать, Богом посланная в благословение. Всегда кроткая, тихая, ясная, всегда на молитве за нас за всех, она, как свеча, горела перед Господом Богом – как свеча и погасла на 81 году жизни, в одно мгновение, одним ясным утром, в бодрости духа»¹. Детство К. П. Победоносцева прошло среди молитвы и церковной службы, о чем он тепло повествует в произведении «Праздники Господни».

В 1841 году Константин Петрович поступил в Императорское училище Правоведения, началась подготовка к подвигу служения Богу и ближним. Много лет спустя, в 1902 году, К. П. Победоносцев писал своему другу, князю А. В. Шаховскому: «Нынешний день 22 июля для меня знаменателен, ибо

в этот день в 1841 году старец отец двинулся из Москвы везти меня на экзамен в училище Правоведения... Отсюда и началось волею Божией течение, приведшее меня напоследок на здешнее поле брани – увы! Ныне брань сия с князем мира сего иже рыкающе ходит по стогнам града, иский кого поглотити, и нередко Львовым образом подвизается на мя»². В этот период времени Константин Петрович ведет дневник, полный ярких наблюдений, отразившихся в его позднейшем творчестве. Отрывки из него Победоносцев опубликовал в 1885 году.

По окончании училища Правоведения в 1846 году Константин Петрович поступил на службу в Московские департаменты Сената, под руководством В. П. Зубкова и С. Н. Урусова, которую описал в «Московских воспоминаниях» в 1904 году: «Каким-то новым духом веяло от этой деятельности; новая работа закипела в канцелярии; на приготовлении к докладам, на составлении резолюций и определений вырабатывалось искусство юридического анализа и изложения, так что образовывалась мало-помалу, посреди бумажного производства, целая школа сознательного труда и умственного развития. Все, в то время проходившие эту школу, сохраняли до конца своей жизни благодарное воспоминание о том времени»³.

В 1859 году К. П. Победоносцев защитил магистерскую диссертацию, результаты которой были опубликованы в «Русском вестнике» под заглавием «О реформах в гражданском судопроизводстве», где он выступал за тщательную проработку, осторожное и постепенное проведение реформы гражданского судопроизводства с учетом местных особенностей. В 1860 году Победоносцева избирают профессором Московского Университета по кафедре гражданского права, в котором он преподавал в 1862–1865 годах.

Около семидесяти лет в историографии существует мнение, что авторство произведения «Граф В. Н. Панин, министр юстиции»⁴, опубликованного А. И. Герценом в «Голосах из России» в 1859 году, принадлежит К. П. Победоносцеву, что, в свою очередь, стало одной из причин, по которой Победоносцева 1860-х годов стали считать либералом, превратившимся

в реакционера 1880-х, как в жизни, так и в мировоззрении. Но участие в «либеральных» реформах еще не доказывает «либерализма» участника этих реформ. Для решения вопроса о «либерализме» Победоносцева необходимо обратиться к его системе ценностей. Константин Петрович видел выход не в идеальном законодательстве, а в правильной организации его исполнения. Победоносцев говорил о законе как о возможности, тогда как либералы принимали закон как осуществление права, как бы не замечая его декларативности. Закон был для Константина Петровича средством, а не целью. Победоносцев участвовал и в разработке реформ 1905 года, чьей основой были начала, против которых он боролся всю жизнь. Зачем же Константин Петрович участвовал в реформах, основные идеи которых не разделял? Он изначально знал, что не достигнет идеальных результатов, устраивающих всех, но пытался сделать все возможное, чтобы не было хуже, чтобы сохранить и приумножить то, что считал лучшим. Таковы были особенности жизненной стратегии К. П. Победоносцева. Pamфлет «Граф В. Н. Панин, министр юстиции», опубликованный А. И. Герценом в «Голосах из России» в 1859 году, отличается от оригинальных произведений, изданий, переводов и эпистолярного наследия Константина Петровича не только по языку, стилю, но и по ценностным ориентирам и мировоззрению. Предположение об авторстве Победоносцева было сделано только на основании косвенных свидетельств и слухов, не нашедших прямых подтверждений в наследии предполагаемого автора и издателя памфлета.

С 1861 года К. П. Победоносцев был приглашен главным воспитателем великих князей графом С. Г. Строгановым преподавать правоведение наследнику Николаю Александровичу и другим великим князьям. Константин Петрович был наставником будущих царей Александра III и Николая II, а также по просьбе императрицы Марии Александровны преподавал историю цесаревне Марии Федоровне. В 1863 году он сопровождал наследника Николая Александровича в путешествии по России, совместно с И. Бабстом описав эту поездку в книге

«Письма о путешествии Государя Наследника Цесаревича по России от Санкт-Петербурга до Крыма».

В начале 1860-х годов XIX столетия К. П. Победоносцев принимал участие в подготовке проектов документов для судебной реформы. В декабре 1861 года он представил в комиссию по составлению судебных уставов записку «О гражданском судопроизводстве», в которой критиковал некоторые предложения составителей проекта нового устава гражданского судопроизводства. В 1864 году выходит его статья «О жалобах на действия должностных лиц административного ведомства», где автор выступает против превышения пределов судебной власти в ущерб власти административной. В 1865 году Победоносцев анонимно публикует статьи, посвященные судебной реформе, в газете «Московские ведомости», где выступает против основания реформы на отвлеченных началах, но за тщательную проработку деталей с учетом местных условий. Победоносцев предлагает не ограничиваться вопросом «что делать?», но призывает сконцентрироваться на вопросе «как делать?». Для Константина Петровича скептическое отношение к какой-либо правительственной мере или реформе не было достаточным основанием для отказа от деятельности по ее разработке, для отказа от борьбы за свои ценности, от исполнения своего долга.

В 1865 году К. П. Победоносцев был назначен членом консультации Министерства юстиции, в 1868 году – сенатором, а в 1872 году – членом Государственного совета. Начинается, по выражению Константина Петровича, «служба немалая на официальном рынке»⁵, которую он постоянно противопоставляет службе церковной.

В 1866 году К. П. Победоносцев женился на Екатерине Александровне Энгельгардт (1848–1932) – дочери помещика Могилевской губернии Александра Андреевича Энгельгардта. Екатерина Александровна разделяла взгляды супруга и оказывала ему помощь и поддержку в образовательных, просветительских и благотворительных проектах. У Победоносцевых не было своих детей, но они помогли множеству

обездоленных и нуждающихся ребят. В 1896 году в их семье появилась приемная дочь Марфинька (1896–1964), о которой Константин Петрович пишет с большой любовью в письмах своему другу А. В. Шаховскому⁶.

В 1872 году князь В. П. Мещерский познакомил К. П. Победоносцева с Ф. М. Достоевским. Кроме сотрудничества в издании «Гражданин», продолжавшегося с 1873 года до смерти Достоевского в январе 1881 года, их соединяла искренняя дружба и общие взгляды на вопросы веры, народности, литературы. Именно с Победоносцевым обсуждал великий писатель главы своего последнего романа «Братья Карамазовы». Из переписки Победоносцева и Достоевского⁷ известно, что они немало общались во время написания «Братьев Карамазовых», обсуждали многие идеи романа. Федор Михайлович ходил по субботам после всенощной к Константину Петровичу «лечить дух». Это обстоятельство подтверждено письмами Победоносцева другим корреспондентам. 4 февраля 1881 года К. П. Победоносцев писал Е. Ф. Тютчевой о Достоевском: «Мы с ним познакомились у Мещерского в пору «Гражданина», с тех пор мы были друзьями. Он хаживал ко мне по субботам, после всенощной, и был самым интимным у меня гостем»⁸. О возможном влиянии Победоносцева на формирование идеи «Братьев Карамазовых» свидетельствует его письмо от 10 марта 1904 года к А. Г. Достоевской, в котором автор благодарит за присылку упомянутой книги: «Когда Федор Михайлович писал эту книгу, в ту пору ходил он ко мне по субботам вечером и с волнением рассказывал новые сцены романа»⁹. В письме от 1 февраля 1881 года Победоносцев писал наследнику Александру Александровичу (будущему Александру III) о похоронах Ф. М. Достоевского: «Мне очень чувствительна потеря его: у меня для него был отведен тихий час в субботу, после всенощной, и он нередко ходил ко мне, и мы говаривали долго и много за полночь»¹⁰.

В апреле 1880 года К. П. Победоносцев был назначен обер-прокурором Святейшего Синода, а 28 октября того же года – членом Комитета министров. 24 апреля 1880 года он

писал С. А. Рачинскому о своем назначении на должность обер-прокурора Синода: «Радуюсь надежде, что представители духовной иерархии и священники, имеющие дух церковный, найдут во мне живой отзыв своей любви и своим добрым стремлениям»¹¹.

После убийства Александра II в марте 1881 года К. П. Победоносцев оказал нравственную поддержку молодому государю Александру III, понесшему невосполнимую утрату и получившему в наследство страну с расшатанным управлением и «общество», чаявшее власти. Константин Петрович стал автором Высочайшего манифеста от 29 апреля 1881 года, которым провозглашалась неизменность православной самодержавной монархии, вопреки ожиданиям определенной части «общества», желавшей водворения «конституции» М. Т. Лорис-Меликова, либо иных ограничений монархии. С тех пор Победоносцева стали отождествлять с реакцией и приписывать ему почти безграничное влияние на царя в вопросах внутренней и внешней политики.

К. П. Победоносцев активно участвовал в организации адресной помощи нуждающимся людям, школам, больницам, церквям. Константин Петрович искал нуждающихся через лиц, которым доверял, чтобы передать им деньги жертвователей, давая подробный отчет об употреблении денег, представляя жертвователю или письмо человека, получившего помощь, или вещи, которые куплены на пожертвованные деньги. Александр III, поступая вопреки советам Победоносцева во многих предприятиях, прислушивался к его мнениям о людях. Их связывали также совместные дела милосердия, в которых Александр III безоговорочно доверял своему наставнику.

К. П. Победоносцеву принадлежит заслуга распространения церковно-приходских школ, проводивших не только светскую грамотность в народную среду, но и православное просвещение, нераздельное с церковной жизнью. Церковно-приходские школы возникают в начале XIX века, к концу царствования Александра II их насчитывалось около 300. Александром III в 1884 году были утверждены «Правила

о церковно-приходских школах». К 1884 году их число от начальных школ в России составляло 10%, всего более 4000. В последующие годы царствования Александра III и Николая II их количество значительно увеличилось. Так, в 1903 году существовала 44 421 школа с 1 909 700 учениками, в 1905 году – 42 886 школ с 1 990 300 учениками¹². Церковно-приходское образование способствовало не только ликвидации безграмотности среди народа, но помогало ему узнать собственную веру и противостоять сектантскому влиянию, разобщавшему народ, способствовало единению царя с народом в вере, устраняло разобщение между догматическим изучением веры и практикой церковной жизни, которое было допущено западно-схоластическими системами образования.

Церковно-приходская школа являлась для Победоносцева воплощением идеи об общности цели образования и цели жизни в вере. В 1886 году была обнародована программа церковно-приходских школ, утвержденная Святейшим Синодом, вводившая единство направления в обучении, поставив на первое место воспитание учащихся в церковно-православном духе. Главный предмет – Закон Божий: Священная история Ветхого и Нового Завета, катехизис и объяснение богословия. Остальные предметы курса дополняли и развивали главный предмет. «Славянское чтение укрепляет в памяти учащегося события Священной истории, изучаемые на уроках Закона Божия; церковное пение способствует изучению церковных песнопений и последующего хода богословия; в книгах для русского чтения даются статьи преимущественно духовно-назидательного и исторического содержания»¹³. В арифметике механическое изучение чисел заменялось задачами, связанными с крестьянским бытом. Насаждение церковно-приходской школы имело тройную цель: во-первых, формирование православного мировоззрения, во-вторых, укрепление православной самодержавной монархии и единение царя и народа в вере, в-третьих, сохранение народных традиций, соответствующих православному миропониманию и потребностям быта населения, укрепление народного самосознания, единение различных

слоев населения. В условиях стремления интеллигенции к формированию внецерковного, часто антицерковного гражданского общества, Победоносцев пытался создать альтернативу – церковное гражданское общество, частью которого была церковно-приходская школа.

К. П. Победоносцев занимался также научной, публицистической, издательской деятельностью и переводами. В результате проведения и воплощения в жизнь судебной реформы в 1868–1892 годах выходит «Курс гражданского права».

Реформы привели не только к изменению внешних условий жизни, но повлияли на сознание общества. В 1865 году после проведения цензурной реформы общество подверглось серьезным испытаниям гласностью. Пьянство освобожденных слоев населения, закрытие церквей в результате церковной реформы, гласность судебных заседаний, ставших своего рода развлечением, суд присяжных, оправдывающий преступников, разочарование в результатах реформ, обсуждение данных проблем в прессе – все это нередко способствовало изменению представления о нравственных основах жизни, что не могло не волновать Победоносцева. Религиозно-нравственные вопросы всегда имели для него огромное значение; так, в 1869 году Константин Петрович публикует перевод Фомы Кемпийского «О подражании Христу»¹⁴, в начале 70-х годов – статьи на религиозную и церковно-государственную тематику в «Гражданине»¹⁵.

В 1870–1890 годы Победоносцев, занимаясь педагогической деятельностью и став в 1881 году обер-прокурором Святейшего Синода, переходит к проблемам образования, веры и религиозного сознания. Он публикует работу «Конечная цель жизни» в 1877–1878 годах, «История Православной Церкви до начала разделения церквей» – в 1891 году, «Ле-Пле» о роли веры и традиции в жизни разных народов – в 1893 году, «Московский сборник» – в 1896 году, «Новая школа» – в 1898 году, «Об университетском преподавании» – в 1899 году, «Ученье и учитель» – в 1900 году, «Вопросы жизни» – в 1904 году. Хронологическое деление в отношении произведений Победоносцева

весьма условно, поскольку религиозно-нравственная проблематика пронизывает все его работы. В 1900-е годы издательские труды мыслителя увенчались переводом Нового Завета на русский язык, предназначенным для домашнего чтения. Во время Русско-Турецкой войны 1877–1878 годов, события которой Победоносцев переживал особенно остро, он опубликовал перевод произведения XVI века «Приключения чешского дворянина Вратислава в Константинополе и в тяжелой неволе у турок с австрийским посольством»¹⁶, где затрагиваются проблемы, обсуждаемые в обществе в связи с современной войной. Это и славянский вопрос, и проблемы веры и терпимости. Война 1877–1878 годов имела для Победоносцева не только политический, но и духовный смысл – борьба Христианства и дехристианизации, причем носителями последней выступали не столько турки, сколько «союзники». На обсуждение вопросов церковной реформы в начале XX века Победоносцев ответил статьей 1906 года «О реформах в нашем богослужении», направленной против замены церковно-славянского языка богослужения языка на русский.

Перу Победоносцева принадлежат научные исторические произведения «Исторические исследования и статьи» (1876 г.), посвященные истории крепостного права, «Историко-юридические акты переходной эпохи XVII–XVIII вв.» (1886 г.), «Материалы для истории приказного судопроизводства в России» (1890 г.). С 1880 года К. П. Победоносцеву присвоено звание почетного члена Императорской Академии Наук.

В честь 900-летия Крещения Руси 31 октября 1889 года при Воскресенском Новодевичьем монастыре в Санкт-Петербурге была открыта женская церковно-учительская школа для подготовки учительниц для церковно-приходских школ и школ грамоты Петербургской епархии, куда принимались только крестьянские девочки. В 1895 году была построена деревянная школьная церковь Введения. В 1898 году ее заменили каменной¹⁷. Екатерина Александровна Победоносцева исполняла обязанности начальницы школы. Константин Петрович Победоносцев был одним из попечителей Свято-Владимирской

церковно-учительской школы. Как обер-прокурор Святейшего Синода, он способствовал ее учреждению и обустройству. В Свято-Владимирской школе образовательная концепция Победоносцева получила наилучшее воплощение: качественное светское образование было неразрывно связано с догматическим церковным образованием и практикой церковной жизни, при этом немалое внимание уделялось детскому творчеству. Победоносцевы не оставляли своей заботой выпускниц и после окончания учебного заведения. Бывшие ученицы нередко приезжали в «родную школу» на праздники. Свято-Владимирская школа и ее церковь становятся центром интеллектуального и духовного общения близких Победоносцеву по духу людей, да и просто неравнодушных к православному культуру, любящих гармонию церковного пения.

21 августа 1901 года К. П. Победоносцев писал А. В. Шаховскому по поводу прошения его бывшего камердинера принять в Свято-Владимирскую школу его дочь: «По уставу Владимирской школы принимаются туда исключительно *крестьянки*¹⁸ из деревни, притом лучшие ученицы церковно-приходских школ; прием бывает раз [в] два года, о чем оповещается Училищным Советам всех губерний, и оттуда присылаемые подвергаются строгому экзамену, так что извергаемых бывает очень много. Приводят до двухсот и более девочек, а принимаются только двадцать пять. Это для жены моей поистине страдная пора. Если б собирались только *званные*¹⁹, то есть избранные от Училищных Советов, дело было бы легче; но приходит масса незванных, ибо промчится по всея российским слово сие о школе... Бывали случаи, что бедный старик продает корову, чтобы привести внучку свою в Питер... Является зрелище, коему, конечно, нет подобного ни в одной школе при приеме. Предстоит толпа нищих и голодных полуодетых детей и родителей, и встречают их два огромных самовара, и две молодые учительницы питают их. И многим приходится отыскивать приют, пришедшим из Пермских пустынь, из Архангельских и Олонецких болот и лесов, от Финских скал и от пламенной Колхиды. Начинается выбор – каково выбирать

двадцать пять из двухсот и более! Далее – радость одним, другим – плач и рыдание, а затем – сколько неимущих меди при поясе, коих надлежит устроить на обратный путь. Суди, брате Александре, что тут делать со многими просьбами камердинеров, швейцаров, фельдфебелей и тому подобных! А опыт показывает, что лишь из сел и трущоб получается золото, а из градов, в них же обитает лихва и лезть, идет ржавое золото»²⁰.

В 1904 году Победоносцев, несмотря на несогласие с самим принципом указа о веротерпимости, по просьбе Николая II редактирует его проект.

В октябре 1905 года в результате формирования нового кабинета министров С. Ю. Витте Константин Петрович был уволен с поста обер-прокурора Святейшего Синода и члена Комитета министров с оставлением в должностях члена Госсовета, статс-секретаря и сенатора. О решающем участии С. Ю. Витте в отставке К. П. Победоносцева свидетельствуют воспоминания первого. По словам Сергея Юльевича, как и перед Портсмутом, государь в 1905 году был *«вынужден»* обратиться к нему: «Было решено, что обер-прокурор *Победоносцев*²¹ оставаться на своем посту не может, так как он представляет *определенное прошедшее*, при котором участие его в моем министерстве *отнимает у меня всякую надежду* на водворение в России новых порядков, требуемых временем. Я просил на пост обер-прокурора Святейшего Синода назначить Алексея Дмитриевича Оболенского»²². 19 октября и 2 ноября Николай II писал матери: «Почти все, к кому я обращался с вопросом, отвечали мне так же, как *Витте*²³, и находили, что другого выхода, кроме этого, нет. Он *прямо объявил, что если я хочу его назначить председателем Совета министров, то надо согласиться с его программой и не мешать ему действовать*... Хотя теперь я получаю массу самых трогательных заявлений благодарности и чувств, положение все еще очень серьезное. Люди сделались совсем сумасшедшими, многие от радости, другие от недовольства. Власти на местах тоже не знают, как им применять новые правила – ничего еще не выработано, все на честном слове,

*Витте на другой день увидел, какую задачу он взял на себя. Многие, к кому он обращался занять то или другое место, теперь отказываются. Старик Победоносцев ушел, на его место будет назначен Алексей Оболенский. Глазов тоже удалился, а преемника ему еще нет. **Все министры уйдут, и надо будет их заменить другими, но это дело Витте... Все боятся действовать смело, мне приходится всегда заставлять их и самого Витте быть решительнее. Никто не привык брать на себя, и все ждут приказаний, которые затем не любят исполнять.** Ты мне пишешь, милая Мама, чтобы я оказывал доверие Витте. Могу тебя уверить, что **с моей стороны делается все возможное, чтобы облегчить его трудное положение.** И это он чувствует. Но **не могу скрыть от тебя некоторого разочарования в Витте**»²⁴.*

После оставления обер-прокурорского поста К. П. Победоносцев продолжает работу над переводом Нового Завета на русский язык для домашнего чтения, облегчающего понимание истин веры и церковной службы. Новый Завет в переводе К. П. Победоносцева выходит в 1906 году, а в 1907 – «Пособие благочестивому читателю при чтении Святого Евангелия», где наряду с кратким содержанием четырех Евангелий дается описание тех мест, где проходила земная жизнь Спасителя.

После отставки у Победоносцева появляется больше времени для посещения любимой Свято-Владимирской школы. 29 ноября 1905 года он писал А. В. Шаховскому: «Только здесь и имеем утешение»²⁵. В то время, по словам Константина Петровича, к нему не ездили «во власти сущие», а простые люди. 25 декабря 1904 года он делился переживаниями с тем же корреспондентом: «Когда пошлет Бог по грешную душу, жаль будет покидать эту школу и чудную церковь, и вдохновенную картину на горнем месте»²⁶, и малых девочек, яко сонм неких ангелов, поющих хвалу Господу!»²⁷. Свято-Владимирская школа стала для Победоносцевых последним утешением «среди юных, чистых душ» и тем результатом труда, который удалось увидеть, последней земной привязанностью. 15 января 1906 года К. П. Победоносцев писал А. В. Шаховскому: «Как

хорошо! Какая красота! Кажется, когда умирать будешь, вообразал бы перед глазами эту церковь, как преддверие бесмертной вечности»²⁸.

28 августа 1903 года К. П. Победоносцев говорил тому же корреспонденту: «Убывают дни мои»²⁹. 12 сентября также сообщал, что чувствует предел. Ему не были свойственны такие речи, несмотря на преклонный возраст, и склонность сетовать. Победоносцев всегда помнил о смерти, но никогда не писал о скором ее предчувствии, только в самом конце жизни. Ощущая близкую кончину, Победоносцев пытался успеть провести это время с наибольшей пользой, переводя Новый Завет. А тем временем шла Русско-Японская война, революция, кипели страсти. То, что Победоносцев торопится напечатать перевод, «дабы не пропало», свидетельствует, что делал он это не только для себя, но для людей. Значит, надеялся, что его труд не напрасен и что, приближая к пониманию читателя слова Нового Завета, можно вернуть умы и сердца людей к Церкви и ко Христу. 9 августа 1905 года К. П. Победоносцев писал А. В. Шаховскому: «Ныне Послания можно будет читать с большим разумением – а ведь в них вся сущность первоначального Христианства. Подумайте, ведь писано, когда о писанных Евангелиях и слуху еще не было, ибо первое Павлово послание писано только через 20 лет после смерти и Воскресения Спасителя! Стало быть, живые люди благовествуют о том, что видели и слышали, и осязали – живую веру Христову. Хотел по сему поводу включить сюда и нечто о Павле, но рассудил, что не к лицу и что не могут понести архиепископы, во власти сущие, ибо все сие писано, когда не было еще Патриархов, разделивших с царями область мутного величия и славы... А тут сияет Крест Христов. Еллинам – безумие, а верным – Христос Божия Сила и Божия премудрость. Приходило ли вам на мысль, что в Кресте сила веры, что Крестом вера Христова победила и будет побеждать мир. Ибо в Кресте соединяются все бесчисленные кресты человечества... Никакая иная вера не дает страданию такого значения. Вот оружие, каким “победил Галилеянин”»³⁰.

Константин Петрович Победоносцев отошел в жизнь вечную вечером 10 марта 1907 года и был похоронен у алтаря церкви Свято-Владимирской церковно-учительской школы в Петербурге, где покоится и по сей день вместе с супругой.

Лучшей формой правления для России К. П. Победоносцев считал самодержавную монархию, которая существенно отличалась в своей идее от абсолютизма. Любая власть в его представлении нераздельна с ответственностью. Монарх, имея источником власти Бога, в своей деятельности ответственен перед Богом. Он с детства профессионально готовится к управлению и ответственности за судьбы подданных, которые должны повиноваться ему не за страх, а за совесть. Как власть, так и подчинение мотивируются в данном случае не только соображением необходимости порядка, но в гораздо большей степени – совестью, чувством ответственности перед Богом. Главным расхождением Победоносцева со своими оппонентами в оценке любой человеческой деятельности был вопрос о ее целях. Если для вторых это было построение земного рая, то для первого – это Царство Небесное, будущая жизнь. Самодержавная монархия тоже существовала не сама для себя и не только для обеспечения благосостояния подданных, но и для охранения Православной веры и Церкви.

К. П. Победоносцев придерживался идеи симфонии церковной и государственной властей. Эта идея так же далека от «цезарепапизма», как и от «папоцезаризма», но основана на соблюдении своих пределов каждой властью. Государственной власти принадлежит по преимуществу область светская, церковной – духовная. Разумеется, они пересекаются между собой, но здесь конфликт разрешается при помощи совести. Победоносцев обращал внимание читателя на историю св. Амвросия, обличившего царя Феодосия, чрезмерно жестоко расправившегося с мятежным городом. Царь покаялся и принял епитимью. «И современники, и отдаленное потомство достойно оценили как величие христианского епископа, бесстрашно уличившего того, кто нарушил христианский закон человеколюбия и справедливости, так и величие царя, признавшего

над собою силу христианской истины и искренно и смиренно покаявшегося»³¹. Необходимо отметить, что Победоносцев не идеализирует никакую власть, поскольку любая земная власть представлена людьми, а люди в земной жизни постоянно пребывают в борьбе и искушении. Отдавая предпочтение православной самодержавной монархии, он выбирает путь, наиболее приемлемый для России, созданной Православием. Православная самодержавная монархия в России была важна не только как охранительница материального порядка, но как охранительница веры и Церкви.

К. П. Победоносцев поддерживал вариант разделения властей, предложенный французским ученым Ле-Пле: теократический принцип – в духовной сфере, демократический – в общине, аристократический – в области (провинции), монархический – в семье и государстве. Не будучи поклонником формы, Победоносцев полагал, что характер власти необходимо всегда согласовывать с требованиями условий и традиций народа.

Парламентаризм К. П. Победоносцев называл «великой ложью нашего времени», поскольку под декларируемой свободой и властью большинства скрывалась деспотичная власть меньшинства, зачастую не связанного никакими моральными нормами, ответственность распылялась и власть переходила от одной партии к другой, все менее исполняя свои обязанности и все более теряя престиж. Особенно неприемлемой такая форма правления оказалась для России, где она не имела традиции.

Не находила поддержки мыслителя и идея так называемой свободы печати, представлявшей собой безответственную и некомпетентную власть, имеющую право судить кого угодно и о чем угодно, произнося «лживые речи о правде» ради погони за сенсацией. Победоносцев опровергает навязываемое представление самозваной власти о ее тождестве с мнением всего общества и ее независимости, поскольку печать всегда зависит от того, кто ее оплачивает. Кроме того, мыслитель не мог не заметить антигосударственный и антиправославный характер многих печатных изданий.

К. П. Победоносцев связывал изменчивость убеждений с ложью, а смирение – с устойчивостью в натуре человека. Поэтому в миссионерской деятельности он склонялся к использованию культурных особенностей обращаемого народа для привития Христианства, допуская разность обряда и языка богослужения. Он считал, что в церковном обряде бессознательно выражаются основы народной культуры. Так, например, Константин Петрович подчеркивал разность погребального обряда в Православии и протестантизме и выраженный страх смерти в последнем, и надежду на воскресение в первом. Победоносцев придерживался убеждения в равенстве народов перед Богом. Он подчеркивал сложность выражения главного словами, искажение простого чувства самосознанием, ложь, возникающую при формализации идеи.

Необходимым условием свободы Победоносцев считал возможность осознанного выбора, волевого решения, а для этого необходимо православное просвещение, обращение к опыту профессионалов деятельности духовной. Константин Петрович призывал испытывать не веру, основанную на опыте Церкви, а сомнение, основанное на мнимом знании, считая богослужение лучшим училищем веры. Вера не определяется исключительно интеллектом, но также волей и ощущением. Безверие он считал следствием нравственной порчи. К. П. Победоносцев полагал, что поступки людей чаще основываются не на знании, а на ощущении. Поэтому именно господство чувственного среди приоритетов современного общества, а не наука отводит от веры.

В качестве альтернативы интеллигентскому «героизму» и жажде громких дел Победоносцев предлагал смиренное исполнение долга на своем месте. Неотъемлемой частью понятия свободы К. П. Победоносцев полагал понятие о ее границах. Он отдавал предпочтение свободе духовной, внутренней, свободе от себя, от своих страстей, а не политической свободе. Стремление к чисто внешней свободе без признания необходимости свободы от греха мыслитель расценивал как признак духовной пассивности, уход от борьбы с собой и перенесение

ее вовне. Происходит «позволение греха» силой общественно-политического, религиозного, научного авторитета.

В деперсонализированной интеллигентской «любви к человечеству» он видел проявление эгоизма, а проявлением истинной любви считал любовь к ближнему. «Любовь к человечеству», по мнению мыслителя, оборачивается равнодушием к личности. На лжи и духовной пассивности, по мнению Победоносцева и его единомышленников, основаны представления общественного сознания о любви к человечеству и о свободе личности, смысл которой виделся в своеволии и материальных благах – «хлебах» – как самоцели. В качестве альтернативы мыслитель предлагал возвратиться к христианскому варианту этих понятий – любви к ближнему в Боге и свободе от своеволия греха.

Победоносцев считал, что не счастье, понимание которого у всех различно, нужно считать критерием истины, а Истину в христианском понимании – критерием счастья. Нет счастья и нравственности без Бога. Константин Петрович выступал против дехристианизации в общественном сознании таких христианских понятий, как добродетель, нравственность, истина, путем исключения их основы – Личности Христа, сказавшего: *Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня*³². При этом он пытался привести читателя к мысли, что и протестующие против догматов Церкви сами не избегают догматизма – как религиозного, так и научного. Отвержение церковного авторитета ведет к нетерпимости фанатизма собственной религии. Атеизм, по его мнению, как бы он ни стремился к наукообразию, также религиозен, поскольку религиозное чувство неистребимо. Истинная наука всегда тяготеет к вере.

К. П. Победоносцев квалифицировал антицерковность современных религиозных течений как Христианство без Христа, основанное на невежестве новых пророков. Константин Петрович воспринимал Церковь не как «институт», а как живое Тело Христово. К. П. Победоносцев, подобно Ф. М. Достоевскому, считал, что только в Личности Христа – красота,

полнота, истина, а не в каком-либо учении. Он подчеркивал, что догматы Православия не были чьим-то прихотливым искусственным вымыслом, а стали соборной реакцией Церкви на вызов противников Христианства.

Победоносцев в своих произведениях неоднократно подчеркивал то обстоятельство, что равнодушие как следствие невежества принимается за терпимость как следствие просвещения, что вызвано разделением в общественном сознании веры и разума. Равнодушие под видом терпимости ведет к отрицанию, а отрицание – к преследованию. Константин Петрович не разделял терпимость с нравственной культурой, понимая под последней личное отношение одного человека к другому, то есть терпимость, имеющую личностный характер. В православном мышлении автора это основано на евангельских заповедях о любви к Богу и ближнему³³, снисхождении к согрешившему человеку, но осуждении самого греха, что выражено в евангельской истории о взятой в прелюбодеянии и обреченной на смерть женщине³⁴.

К. П. Победоносцев различал свободу верования от свободы проповеди. Он выступал против притеснения православных под предлогом веротерпимости, господства чиновников-либералов в Православной Церкви, притеснения Церкви государством в расчете на равнодушие общества. Это, по его мнению, неизбежно обернется против государства. В нежелании отдавать судьбу Церкви в руки инородцев и иноземцев Победоносцев не усматривал проявления нетерпимости. Мыслитель настаивал на необходимости существования утвердившейся государственной религии. Такое положение не только не способствует возникновению гонений, но, напротив, препятствует их возникновению. Константин Петрович отмечал такую особенность русской культуры и христианского миссионерства, как жертвенность и христианизацию без нарушения национальных особенностей народа. Победоносцев считал, что в вопросах веры следует действовать убеждением.

Победоносцев и его единомышленник миссионер-востоковед Н. И. Ильминский выступали против унификации и ни-

велировки национальных особенностей, приведения «к одному знаменателю», выраженных в латинстве и магометанстве в форме неприятия богослужения на национальном языке, в социальных учениях – в интернационализме, во французском «братстве», руководствуясь традицией апостольской проповеди на языке той местности, в которой находились. Оба мыслителя, признавая важную роль сохранения национальных особенностей как важного охранительного элемента против дехристианизации, утверждали при этом приоритет веры над национальностью и равенство народов перед Богом.

При этом Победоносцев четко ограничивал пределы терпимости, подчеркивая различие верующего от вероучения (осуждая вероучение, не осуждать верующего). Терпимость Победоносцева выражалась в том, что он уважительно относился к людям другой веры, заступался за них (например, способствовал возвращению отнятых у родителей молоканских детей), не оставляя убеждения в преимуществе своей веры над другими. Дело терпимости – смягчать неизбежную борьбу, устранение борьбы ведет к равнодушию и отрицанию.

К. П. Победоносцев критиковал стремления общественных и религиозных течений достигнуть духовного совершенства механическими средствами через анализ черт ламаистского богослужения: заменой молитвы механическим действием, верой в предопределение, деперсонализацией отношений человека и божества, отсутствием церковности, молитвами на непонятном языке.

Константин Петрович считал сознание простого русского народа истинно христианским, основанным на смирении и персонализме, противопоставляя его гордыне и деперсонализации интеллигентского сознания. Христоцентричная вера народа противопоставлялась интеллигентскому «христианству вообще».

Искусство Победоносцев считал отражением жизни, и, как в жизни, в нем должна отражаться борьба добра и зла, стремление к идеалу. Борьба идет либо за начало правды, либо против него. Мыслитель настаивал на безоговорочном разделении добра и зла. «Чистый», вне ценностей Христианства, реализм

был также неприемлем для него, как и «чистый» идеализм или «чистое» искусство. Искусство, по мнению Победоносцева и его единомышленников, должно было вести человека к Христу. В признании идеализации предполагается смирение, поскольку в этом случае художник не утверждает «как есть», но показывает борьбу в стремлении личности к тому недостижимому идеалу, который указывает Православие. Реализм, как правило, пессимистично рисует «как есть» и побуждает человека бороться с тем, что есть вокруг него, не меняя себя. Идеализм побуждает человека переносить основную борьбу внутрь себя, не оставляя внешней борьбы за идеал. Отрицание идеала ведет к уничтожению нравственного чувства.

В статье 1859 года «О реформах в гражданском судопроизводстве» К. П. Победоносцев писал, что жизнь человека получает смысл не от материальной силы и благосостояния, а от идеи, которая ее одушевляет. Главной идеей власти он считал служение. Право для государства – идеал. Движение невозможно без свободы, а свобода – без порядка. ***Право и суд для него – средство, а не цель. Победоносцев видел выход не в идеальном законодательстве, а в правильной организации его исполнения***, то есть важна не форма, не установление (конституция), а люди, воспитанные в определенной традиции. И если Победоносцев произносит слова «свобода», «закон», «гласность», то важно понимать, какое значение он им придавал в контексте своего мировоззрения, воспитания и целеопределения.

Цель судебной реформы Победоносцев видел не в перемещении прав, как в крестьянской реформе, а в возрождении существующих, но недостаточно обеспеченных. ***Средства ее***, по мнению автора, – в улучшении способов судопроизводства. Победоносцев говорит о законе как о возможности, тогда как либералы принимали закон как осуществление права, как бы не замечая его декларативности. Закон был для Победоносцева средством осуществления правды, а не целью. Под гласностью он понимал юридическую информированность населения о прецедентах судебных решений.

Победоносцев сознавал, что понятия «свобода» и «право» были безусловными ценностями и ориентирами общества, поэтому пытался придать им православный смысл: свобода имеет границы, право влечет за собой ответственность. Право ограничивает свободу настолько, насколько и обеспечивает, поэтому необходимы чувство меры, постепенность, опыт, проверка временем, приспособление к местным условиям, изучение отечественной и зарубежной судебной практики, преемственность и школа.

Константин Петрович Победоносцев не разделял науку и воспитание в образовательном процессе, считая первоочередной задачей научить человека мыслить, полагая эту способность в основание любой науки. Умение мыслить позволяет объединить разрозненные сведения, создать их иерархию. Слишком скорая уверенность в своем понимании какого-либо предмета, по мнению Победоносцева, есть признак поверхностного восприятия информации. Знание не должно быть просто «информацией», а ее осмыслением, причем не только интеллектуальным, но и духовным. Искушенность разума должна была сопровождаться искусностью воли.

Победоносцев отмечал важность личной связи учителя и ученика, подчеркивая также необходимость связи теории и практики. Таким образом, истинное знание – это осмысленная и примененная на практике теория. К. Д. Ушинский, как позднее Победоносцев, указывал на неразрывную связь умственного и нравственного образования, без которой учение не приносит доброго плода, так как цельное знание без воспитания духовного не представлялось ему возможным. Победоносцев утверждал принцип нераздельности светского и духовного образования. «В том состоит великое значение религии для воспитания характера, что она, оживляя в нас сознание Бога и присутствия Божия, дает единство всей нашей жизни... Весь успех нашей жизни состоит в сознании этого основного ее единства, в коем ясна становится взаимосвязь всех частей нашей жизни, ясно истинное значение всех малых дел и явлений, из коих составляется жизнь наша... Лишь в мысли о Боге

можем мы обрести равновесие земного бытия, уразуметь идею единства жизни; лишь в мысли о Боге мы сами себя обретаем посреди бесчисленных дробностей жизни»³⁵.

К. П. Победоносцев выступал также против клерикализма – религиозного воспитания без Церкви. Основа религиозного обучения должна быть догматическая, поскольку верования необходимо выражать четко и определенно. Любовь должна соединяться со знанием. В догматах Константин Петрович видел сохранение опыта лучших представителей Церкви, лучших последователей Христа. В представлении мыслителя как школа должна быть связана с жизнью, так догматы и вероучение – с церковной службой. Образование, по мнению Победоносцева, служит для лучшего осмысления жизни и веры.

Важным средством воспитания К. П. Победоносцев считал обращение к совести ребенка. Победоносцев указывал на необходимость воспитания у детей правдивости, борясь с эгоизмом и самолюбием как источником лжи, осторожно действуя на ум и сердце ребенка. Лучшим средством в этом случае Константин Петрович считал возбуждение у маленького человека чувства собственного достоинства, обращение к его совести. «Источником лжи в каждом отдельном случае служит почти всегда побуждение эгоизма или себялюбия – желание выгоды, желание избежать наказания или горького сознания своей вины... Идеал для ребенка – быть большим человеком: надобно, чтобы он понял, как этот идеал искажается и разрушается ложью»³⁶.

К. П. Победоносцев признавал приоритет воспитанных качеств над врожденными. С этой точки зрения находит большее оправдание и система наследственной власти, поскольку к ней в данном случае приходит не выигравший в конкурентной борьбе, не стесняющийся в средствах человек, а с детства воспитанный и профессионально обученный для этой цели. Начальная школа застает благоприятный возраст для развития добрых качеств и естественной предрасположенности человека к добру и истине. По мнению Победоносцева, образование должно быть проникнуто нравственным началом,

чего невозможно добиться одними наставлениями о том, что хорошо, а что плохо, которые лишь ослабляют волю, а только упражнением в добрых делах, потребность в которых вызвана нравственным чувством. Умственная или воображаемая добродетель без упражнения в добром деле производит самообольщение. Результатом формального подхода к обучаемым становится лицемерие с их стороны.

К. П. Победоносцев считал полуобразование хуже невежества, то есть отсутствия понятий о предмете, так как первое заявляет претензии на всезнание, ко всему относясь поверхностно, основываясь на беспорядочном чтении и схватывании только общих взглядов и понятий, принимая свою необразованность за свободу мысли и духа, отрицая истины веры и вековые предания во имя новых учений, о которых знает лишь по газетам. Он считал необходимым ограничивать поток информации в деле обучения, так как ее переизбыток ведет к расстройству мысли и физического здоровья, создавая барьер для восприятия действительной жизни. В преподавании Константин Петрович считал необходимым двигаться от конкретного к отвлеченному, от жизни к теории. Наука, по мнению Победоносцева, является инструментом осмысления жизни, поэтому он настаивал на необходимости существования науки, неразделенной с жизнью, и образования, нераздельного с воспитанием и практикой церковной жизни.

К. П. Победоносцев считал чувство долга и память о духовной сущности труда у преподавателя важнее метода преподавания, отмечая положительное воздействие праведной души на окружающих. Развитию чувства долга способствует совесть, она возникает там, где благоустроена семья. Школа должна развить его, приучив детей к добросовестному труду.

Основой восхождения в силу Победоносцев считал самоограничение и воздержание, борьбу с собой ради исполнения долга при четком и осмысленном целеопределении, сосредоточении. Мыслитель настаивал на необходимости развития в учениках привычки судить не по впечатлению, а глубоко вникнув в предмет. Но главное, чему призывал учить воспитанни-

ков Константин Петрович, – справляться во всем с началом правды Божией. Эти наставления К. П. Победоносцев высказал своему воспитаннику, великому князю Сергею Александровичу, в день его совершеннолетия в 1873 году.

По мнению К. П. Победоносцева, образование должно происходить внутри той среды, где человек живет и где ему предстоит действовать, поэтому школа должна учитывать семейные и народные традиции. **Задачу начального образования** К. П. Победоносцев видел не в обязательной подготовке учеников к высшему образованию, считая это неисполнимой и искусственной целью, но в обучении детей первым элементам **умственной и практической культуры**. Он полагал, что, прежде всего, следует познать себя и свою среду, в которой необходимо жить и действовать, свою страну, свою природу, свой народ, его душу, быт, нужды и потребности. Таким образом, история народа для Победоносцева – это история его духа, необходимая каждой личности для самопознания. Он видел в истории и ее изучении важнейший консервативный элемент общества не в смысле статичности, а смысле традиционности и почвенности, как духовного явления. И это было важно для Константина Петровича как возможность сохранения христианских ценностей в обществе. Отношение Победоносцева к проблеме «отцов и детей» базируется на его собственном духовном опыте, в котором конфликт поколений не считался нормой.

При этом К. П. Победоносцев полагал, что действительность не приемлет слепого поклонения прошлому и отсутствия движения, но требует постоянной работы с учетом прежнего опыта и постепенного развития на основе национальных традиций. Но приоритетом для К. П. Победоносцева был все же не национальный, а религиозный элемент. Он полагал, что отделение школы от Церкви станет причиной ее упадка, так как в этом случае возобладают над жизнью отвлеченные искусственные идеи, с помощью которых пытаются пересоздать человека для какой-то идеальной жизни, отрывая его от своей среды. Школа должна быть связана с Церковью и с семьей как цельными элементами жизни, чтобы готовить людей, способ-

ных жить в своей среде. Преобразования на уровне семьи легче осуществить, чем на уровне институтов, поэтому социальные преобразования лучше проводить при помощи воспитания, на уровне семьи, а не «общества» и «человечества». К. П. Победоносцев настаивал на необходимости определять понятие «*прогресс*» как *развитие и сосредоточение*. Победоносцев понимал народ, поскольку имел с ним общую веру и знал, что все сведения будут восприниматься сквозь призму этой веры.

К. П. Победоносцев заявлял о необходимости всестороннего развития личности умственно, художественно, социально, физически, нравственно. Он утверждал, что физический труд способствует восприятию нравственных и религиозных наставлений. Наука о человеке и человеческих обществах могла, по мнению Победоносцева, выполнить связующую функцию для всей совокупности человеческих знаний. Человек изучается в контексте своей деятельности с позиций ценностей Христианства. Эта деятельность познается через личность с ее недостатками. Такова концепция гуманитарного знания Победоносцева. Константин Петрович подчеркивал огромное значение в деле обучения слуха, звука и осмысленного чтения, приводящих разум и чувства в гармонию с жизнью.

Победоносцев не только в теории, но и на практике пытался так организовать руководство обучением детей, чтобы оно отвечало практическим запросам, но при этом старался соблюсти «золотую середину», чтобы практический интерес не преобладал над интеллектуальным и духовным развитием детей. Константин Петрович также выступал против чрезмерной нагрузки детей.

Победоносцев, как и его соратник Ильминский, ратовал за сохранение русского языка, который сформировался под влиянием Христианства. Изменение языка влекло за собой и изменение мировоззрения, поскольку язык принадлежит к сфере бессознательного.

Консерватизм не был для Константина Петровича самоцелью. По его мнению, высказанному в «Гражданине» в 1873 году, консерваторы действуют, как радикалы, под воздей-

ствием «гуманитарной религии», извратившей основные понятия о государственном управлении. Взгляды Победоносцева не расходились с теми положениями либерализма, немецкого романтического идеализма, даже позитивизма, которые не несли в себе зерна дехристианизации. Есть элементы разного характера в разных учениях: элементы христианского учения в различных системах философии и элементы дехристианизации у христианских философов, уверовавших в свой разум. В иерархии ценностей Победоносцева христианский элемент был несравненно выше государственного или национального, поэтому автором данной статьи вместо деления общественной мысли на радикальную, либеральную и консервативную вводится другая система обозначения – христианизационные-дехристианизационные (в православном понимании) элементы общественной мысли.

В своей интеллектуальной деятельности Победоносцев соединил святоотеческое Православие с достижениями светской мысли, используемыми в качестве инструментария христианизации общественных воззрений. Он не отрицал важность проблем, затрагиваемых общественной мыслью, но предлагал иную иерархию ценностей, на вершине которой – Личность Христа, как это принято понимать в православной традиции. Основа его воззрений оставалась неизменной в течение всей жизни и интеллектуальной деятельности. Источником формирования картины мира Победоносцева была православная традиция. Интеллектуальная деятельность заключалась в адаптации православных понятий к языку современного общества. Целью данной деятельности была христианизация общественной мысли в понимании православной традиции.

Государственные должности являлись для Константина Петровича не целью, а орудием для осуществления своей деятельности по христианизации общественной жизни и мысли. В интеллектуальной деятельности К. П. Победоносцев был обусловлен гораздо меньше, чем в государственной, поэтому интеллектуальная деятельность точнее отражает его личность и характер. Расхождение Победоносцева со своими оппонента-

ми, как правило, представителями «нового религиозного сознания», и общность с единомышленниками носила не столько идеологический, философский или политический, сколько религиозный характер.

В соответствии с православным мировоззрением Константина Петровича Победоносцева вся человеческая деятельность должна быть направлена к достижению Царства Небесного, что возможно только через подражание Спасителю, непрестанную борьбу со своими страстями и соединение с Христом через Таинства Церкви. Разные цели предполагают различное осмысление своей жизни, ее приоритетов и ценностей, в соответствии с которыми одни и те же слова наполняются разным смыслом. Затем направление мысли влияет на направление и характер деятельности, причем тем глубже, чем менее осознанно это воздействие. На рубеже веков дехристианизация общественной мысли в России достигла своего апогея в религиозной философии. И если в 1860–1870-е годы основной упор в христианизации общественной мысли делался Победоносцевым на конкретизацию проблем (важно не что делать, а как делать), то ближе к рубежу веков акцент переносится на персонализацию проблемы. Это было вызвано переходом общественной мысли на более глубокий уровень восприятия – область религиозного сознания, для которого характерно не только отрицание и крайности, но также снижение, а то и полное отвержение роли Спасителя в иерархии религиозных ценностей. Часто этот процесс начинался с критики «исторической», «омертвевшей» Церкви.

Последовательность, история этого перехода отражена в структуре «Московского сборника», изданного в 1896–1901 годах. Он включал статьи и переводы Победоносцева, сделанные на протяжении четырех десятилетий, о чем свидетельствует переписка Константина Петровича. Сначала в сборнике помещены статьи, посвященные государству, государственно-церковным отношениям, печати, «болезням общества», затем – вере, духовной жизни, образованию и человеческим характерам. Осознанно или неосознанно, но автор изображает

историю процесса дехристианизации в русской общественной мысли второй половины XIX – начала XX века, причину которой видел в нежелании следовать Образу, оставленному Христом. Последней работой Победоносцева стал перевод Нового Завета на русский язык, что облегчало для понимания современников священные тексты и являлось попыткой вернуть словам и понятиям христианский смысл. При этом он раскрывал механизм их дехристианизации, который представлялся ему как приближение их к одной или другой крайности. Победоносцев обращался к строгой логике вопреки поверхностному представлению об иррациональности Православия, стараясь уравновесить понимание проблемы, ограничивая, «смирняя» идею и конкретизируя ее.

Оценки Победоносцева современниками весьма различны. Даже внешность воспринималась и описывалась ими по-разному: для одних Победоносцев был «нетопырем», другие видели «старческое лицо с умными и ласковыми глазами» и добродушной улыбкой. Разница заметна не только в словесном описании. На картине И. Е. Репина Победоносцев сух, скучен и замкнут, на портрете В. А. Серова он такой, как его описала монахиня Мария по воспоминаниям своего детства: добрый мудрый старик, любящий детей, проникнутый глубокой верой и любовью к Богу, к ближним, к России. Безусловно, подобные оценки очень субъективны. Но на чем основана субъективность, как не на мировоззрении, вере и ценностных ориентирах? Причина разнополярного восприятия личности и деятельности Победоносцева кроется в основных религиозных ценностях «судей». Именно этой мерой мерили Победоносцева. Сознательно или неосознанно, одни хвалили его за то, что он был «свой», другие ругали за то, что он «чужой». Причем, поскольку Православие в России являлось культурообразующим фактором, борьба шла на уровне христианизации-дехристианизации мышления, сознания, воли и действия.

Православие являлось для Победоносцева не только вероисповеданием, не совокупностью теоретической «информации», а образом жизни, поэтому многие его элементы, как показал

сравнительный анализ источников, присутствуют в текстах на уровне мышления. Влияние контекста общественной мысли на интеллектуальную деятельность Победоносцева заключалось в том, что Константин Петрович заимствовал проблематику у различных мыслителей, предлагая собственную интерпретацию и способы решения жизненных задач. Это характерно для интеллектуальной деятельности в рамках православной традиции: христианизировать элементы религиозной и общественной мысли, подвергавшиеся дехристианизации. Проблема не формируется, а дается православная «реакция» на дехристианизационный «вызов». Победоносцеву в его интеллектуальном творчестве было свойственно обращаться к той же проблематике, что и большинству представителей общественной мысли его времени, христианизируя те понятия, через которые происходила дехристианизация общественного сознания, – счастье, свобода, равенство, братство, просвещение, искусство, терпимость, женский вопрос и проч. Говоря языком Л. А. Тихомирова, он не признавал «автономности» человека от Бога в вопросах познания, нравственности, законодательства, человеческих взаимоотношений, творчества и т. д. В качестве мыслительного инструментария К. П. Победоносцев использовал философию Ф. Бэкона, Г. Гегеля, У. Гладстона, И. Канта, Т. Карлейля, К. Каруса, Д. Милля, Ш. Монтескье, Г. Спенсера, Р. Эмерсона и многих других, исключая неправославные (пантеистические, человекоцентричные) элементы их воззрений и уточняя в них то, что соответствует православной картине мира.

В своей интеллектуальной деятельности Победоносцев воплотил принципы православного интеллектуализма начала XIX века³⁷, усвоенные им от отца – профессора Московского университета П. В. Победоносцева. В своей дальнейшей служебной, законотворческой, преподавательской и публицистической деятельности Победоносцев ориентировался на православную систему понятий, с данной точки зрения оценивая принимаемые решения. В том же духе он пытался оказывать влияние на членов царской семьи, которых обучал правведению, а позднее – и на государей.

К. П. Победоносцев предлагал обществу обратиться к ценностям и приоритетам православной традиции во всех сферах жизни – от государственной деятельности до «малых дел» и дел милосердия. Причем подкрепил свои слова собственным примером. Он предлагал сделать началом любой деятельности внутреннее преобразование деятеля, самовоспитание, как это понимается в православной традиции, что совсем не означало отказ от внешней деятельности, а придавало ей новый смысл. Это являлось реакцией мыслителя на идею «автономности» разума человека от его нравственного состояния. Победоносцев утверждал, что чувство долга основано не на юридических понятиях права и обязанности, но на органической природе человека и семьи, зарождаясь в союзе мужа и жены, родителей и детей, в общем хозяйстве, во взаимной заботе друг о друге, порядке и послушании, при котором каждый знает свое место и дело. Обращение к данной проблеме было вызвано влиянием общественной мысли в аспекте разделения юридического права и нравственной обязанности.

Свою деятельность, связанную с заседаниями в различных советах и комиссиях, с обсуждением законов, Победоносцев характеризовал как «службу немалую на официальном рынке», где «толков много, а толку нет». При этом он критиковал не предмет обсуждения, а характер дискуссии: «не хотят идти к центру», «поставить вопрос во всю ширь и глубину», то есть сопоставить с конечной целью жизни, измерить мерой христианизированного сознания. В этом Победоносцеву виделась проблема разногласий и неконструктивных обсуждений текущих проблем. Считая деятельность в сферах государственной власти личной трагедией, он принимал решение ее осуществлять, чтобы «впустить» в «языческие формы» «хоть немного своей веры». По мнению Победоносцева, человек должен делать все от него зависящее на своем месте, даже если опасается не достичь результатов. Возможно, такая жизненная стратегия являлась одной из причин работоспособности и устойчивости К. П. Победоносцева. Она была сформирована под воздействием ценностных ориентиров православной традиции.

Тем не менее, Победоносцев считал, что «редкое практическое дело совершается без сделки». В государственной деятельности его смущала именно необходимость сделок, на которые приходилось идти на практике. Его тревожил не только компромисс, но и постоянная борьба и сомнение в том, где допустимый предел этого компромисса.

Когда деятельность приобретала христианский смысл, Победоносцева оставляли сомнения в ее необходимости. Так было с делами Общества Добровольного Флота в 1870–1880-х годах, когда перевозили каторжных из Одессы на Сахалин. В результате организации Победоносцевым миссии во главе со священником, который внимательно исповедовал каторжников, было принято решение о снятии с арестантов кандалов. Хотя Победоносцева признавали скептиком в вопросах государственного переустройства, он был оптимистом в вопросах переустройства человеческой души, поскольку смог поверить в исправление каторжных, отправленных по этапу, хотя его предупреждали об опасности возникновения беспорядков. Победоносцев воспринимал эту деятельность, избавляющую человеческую душу от отчаяния, как «стакан холодной воды».

К. П. Победоносцев не только формулировал взгляды, но и пытался реализовать их в государственной, публицистической, просветительской, благотворительной деятельности. Победоносцев показывал христианизацию мысли в ее деятельной форме – благотворительности. Он нашел один из эффективнейших путей христианизации общественной мысли – школу.

Различные оппозиционные течения общественной мысли были направлены на разделение общества, находя точки соприкосновения лишь в отрицании официальной идеологии и существующих политических порядков, но не имели в своей основе традиционной, проверенной жизнью, единой и общепризнанной системы взглядов. В ответ на этот вызов Победоносцев выдвигает образовательную концепцию, сформированную православной традицией. Она представляет собой попытку достижения духовного единства как на личностном

и семейном, так и на государственном уровне. Главной целью образования для Победоносцева была христианизация и персонализация общественной мысли.

Итак, К. П. Победоносцев предлагал следующие средства христианизации общественного сознания и жизни: в области обсуждения и решения проблем законоотворчества и государственного управления – концентрироваться на аспекте возможности и механизмах конкретного применения предлагаемых проектов, призывая каждого исполнять свой долг на своем месте, основываясь на православном понимании власти как служения на любом уровне – от государственного до семьи; практиковать адресную помощь, основываясь на христианском понимании любви к ближнему. В области искусства он настаивал на необходимости отражения в произведениях духовной борьбы в стремлении к идеалу в христианском понимании; в области образования – на неразрывности теоретического обучения с практикой церковной жизни. К. П. Победоносцев предлагал начать попытки изменения окружающего мира с преобразования собственной личности по Образу Христа согласно святоотеческой традиции.

В Европе Реформация неизменно предвляла Революцию, русская реформация религиозного сознания предшествовала русской революции. Это вполне закономерно, поскольку действия людей во многом определяются тем, во что они верят. Революцию 1905 года С. Н. Булгаков называл интеллигентской³⁸. Русская религиозная реформация сопровождалась критикой «омертвевшей» Церкви и «исторического Православия». К. П. Победоносцев стал серьезным препятствием на пути распространения дехристианизации.

Поскольку Константин Петрович Победоносцев был обер-прокурором Святейшего Синода, крупным государственным и церковным деятелем, защитником православной самодержавной монархии, правоведом и наставником двух последних самодержцев, распространителем церковно-приходского просвещения, благотворителем, мыслителем, публицистом и ученым, его личность в истории нельзя было обойти молчанием.

Но соприкосновение с его мыслью, выраженной в произведениях и письмах, несло серьезную угрозу как политическим идеям коммунизма, либерализма, так и религиозным их основам – атеизму, пантеизму (обоготворение природы, стихий, поклонение творению вместо Творца), «неохристианству». Это и стало причиной резко негативного отношения к Победоносцеву в советской и части постсоветской историографии³⁹, продолжавшей идейные традиции своей предшественницы. При этом авторы опирались на критические отзывы современников о нем. Победоносцев – «обскурант», «временщик», «реакционер», «кошей православия», «душитель народного просвещения», в лучшем случае – «консерватор», стоявший на пути всего нового и лучшего, не создавший ничего, а лишь тормозивший развитие общества. По этой причине произведения К. П. Победоносцева в советское время не издавались (опубликована только часть писем в 20-е, 30-е и 80-е годы) и были недоступны широкому кругу читателей. В 1990–2000-е годы многие сочинения мыслителя увидели свет, появились более объективные исследования о Победоносцеве⁴⁰. Тем не менее, до сих пор не существует полного собрания сочинений К. П. Победоносцева, немалое число его произведений, изданий и огромное количество писем недоступно широкому кругу читателей, хотя интерес к личности и творчеству великого мыслителя неуклонно растет, поскольку его идеи не утратили своей остроты, а, напротив, актуализировались в эпоху постмодернизма, глобализации и поставленных на высокий профессиональный уровень технологий манипуляции массовым сознанием.

К. П. Победоносцеву было суждено родиться, жить и действовать в целом каскаде переломных эпох. Пожалуй, нигде и никогда антихристианство так яростно и изощренно не боролось с Христианством, как в России нового времени. И если детство, юность и ранняя зрелость Победоносцева пришлись на период православного возрождения русского образованного общества, середина жизненного пути – на укрепление православного самосознания в народе через православное просвещение, нераздельное с церковностью, то закат жизни пришелся

на глубокий духовный декаданс и языческое реакционерство русской интеллигенции. Разумеется, этот процесс не был тотальным, но таковы общие тенденции. Это и привело к победе богоборческой власти (еще в феврале 1917 года), цареубийству и массовому геноциду православного населения. Но эпоха гонений явила множество святых мучеников и исповедников, и в этом есть немалая заслуга личного подвига исповедничества и труда К. П. Победоносцева. Как богоборческая идеология подготовила духовный декаданс, равнодушие, неприязнь к Православию, царю и монархии в среде российской интеллигенции, так Победоносцев подготовил в среде народа, православной интеллигенции и духовенства почву для сознательного исповедничества, утверждая в течение всей своей жизни систему образования, не отделенную от просвещения православного, в неразрывной связи с практикой церковной жизни. Россия приобрела множество молитвенников, и люди, чья жизнь начиналась в Церкви, среди нужды и лишений, сохранили и передали потомкам искорку Христовой веры. И в современном возрождении Православия видится прямое следствие подвига людей ушедших поколений, в числе которых – К. П. Победоносцев. Его произведения расскажут о нем лучше кого бы то ни было: в них его борьба и страдание, и пасхальная радость надежды на вечную жизнь с Христом Спасителем.

О. С. Суржик

ВЕРА

Православие и церковность

ПОСОБИЕ
БЛАГОЧЕСТИВОМУ ЧИТАТЕЛЮ
ПРИ ЧТЕНИИ СВЯТОГО ЕВАНГЕЛИЯ

Ко всякому христианину должно быть обращено это слово: читайте Евангелие и не забывайте о нем во все дни вашей жизни. Юный и старый, ищущий веры и хотящий сохранить ее, читайте Евангелие.

Всякая учебная книга священной истории способна только исказить простоту и величие Евангельского слова, которое одно лишь прямо идет в душу верующую и стремящуюся к вере и несет с собою правду верования и чувства.

Евангелие повествует о земной жизни Господа нашего Иисуса Христа в Палестине, и читать Евангелие естественно желательно, представляя ее себе в тех местах, где пребывал и проходил Господь Иисус, творя чудеса и неся народу проповедь любви и мира, и правды.

В этой книжке благочестивый читатель может найти себе краткое изъяснение о тех местах древней Палестины, где пребывал Господь в земной Своей жизни.

К[онстантин] П[обедоносцев].

Содержание четырех Евангелий

Евангелие от Матфея

1. Родословие Иисуса Христа. Рождество Иисуса. По обручении оказалось, что Мария имеет во чреве от Духа Свята. Иосиф соблазняется, но Ангел во сне сказывает ему истину о Иисусе, во исполнение пророчества. Тогда Иосиф принял жену свою, и она родит Сына Своего первенца, нареченного Иисусом.

2. Родился в Вифлееме во дни Ирода царя. Звезда приводит в Иерусалим волхвов поклониться Ему. Тревожится Ирод о пророчестве, что Вождь народа родится в *Вифлееме*. Посылает волхвов в Вифлеем разведать. Звезда приводит их к месту рождения. Поклоняются Младенцу, приносят дары и не возвращаются к Ироду. По внушению Ангела Иосиф идет с Младенцем и Матерью в *Египет*, где остается до смерти Ирода. Избиение младенцев в Вифлееме и пределах его и Раме. По смерти Ирода Иосиф возвратился в *землю* Израилеву, но не идет в Иудею из страха от Архелая¹, сына Иродова, а идет в Галилею и поселяется в Назарете.

3. Приходит Иоанн Креститель и проповедует покаяние в пустыне Иудейской. Крещение приходящих к нему в *Иордане*. Обличает фарисеев и саддукеев², возвещает гнев Господень на нераскаянных и проповедует идущего по нем Сильного. Приходит к нему Иисус из Галилеи. Иоанн крещает Его, и видит сходящего Духа в виде голубя, и слышит глас с небеси. Иисус возведен Духом в пустыню и постится сорок дней. Искушение от дьявола. Дьявол оставляет Его, и Ангел приходит.

И услышав, что Иоанн в темнице, оставляет *Назарет* и поселяется в Капернауме, в пределах Завулоновых и Нефалимовых. С того времени проповедует покаяние и Царство Небесное.

4. Проходя близ моря Галилейского, призывает двух рыбаков, Симона и Андрея, да будут ловцы человеков. Они оставляют все и следуют за Ним. Иисус ходит по Галилее, уча в синагогах и исцеляя болящих. Таких приводят к Нему со всей

Сирии, и много народа идут за Ним из Галилеи, Десятиградия, Иерусалима, Иудеи и из-за Иордана.

5. Нагорная проповедь народу и ученикам. Блаженства. Вы соль земли и свет миру. Ни одна черта не прейдет от закона. Не гневаться напрасно, примиряться с противником, о прелюбодеянии и разводе. Не клянитесь отнюдь. Не противьтесь злу. Любите врагов ваших, будьте совершенны.

6. Милостыню творить в тайне. Молиться в тайне, не выказываясь перед людьми. Молитва «Отче наш». Отпускать людям согрешения их. Не являться людям постящимися. Не собирать себе сокровищ. Светильник телу – око. Нельзя работать двум господам. Не пекитесь о завтрашнем дне.

7. Не судить ближнего. Сучок в око брата и бревно в своем око. Не бросать святыню псам. Просите и дастся вам. Входите тесными вратами, не ищите широких. Берегитесь лжепророков. По плодам познавайте древо. Кто творит волю Отца, увидит в Царствии, не в слове спасение, а в деле. Строение на песке и на камне.

Учит Иисус как власть имеющий.

8. Иисус очищает прокаженных. В *Капернауме* сотник просит исцелить раба его. Вера сотника. Иисус исцеляет раба словом, сказанным сотнику. В доме Петровом исцеляет тещу его от болезни и множество болящих. От множества народа переплывает на *тот берег*.

Книжника, хотящего следовать за Ним, учит оставить домашнюю заботу. На пути в корабле – буря. Христос усмиряет волнение моря.

На той стороне, в краю Гергесинском, двое бесноватых; бесы входят в стадо свиное, и оно потонуло в водах. Страх городских жителей.

9. Возвращается в Свой город (*Капернаум*). Исцеляет ослабленного, отпускает грехи его. Обличает книжников о власти отпускать грехи.

Призывает с мытницы Матфея. Фарисей осуждает Его за то, что ест с мытарями и грешниками. Обличает их Иисус, милости хотящий, а не жертвы.

Поучение ученикам Иоанновым о посте. Притча о ветхих и новых мехах.

Князь некий зовет Его в дом оживить умершую дочь. На пути исцеляется жена кровоточивая, прикоснувшись к одежде Его. Входит в дом и воскрешает умершую девицу. На пути исцеляет двух слепцов и из немого бесноватого изгоняет беса.

Проповедует по городам и селам. Милосердует о народе, бродящем, как овцы без пастыря. Жатвы много, делателей мало.

10. Призвав двенадцать учеников, посылает их с даром исцелений на проповедь ко овцам погибшим дома Израилева. Дает наставление, как пребывать в тех местах, где останоятся, и где их примут, и где не примут. Предвещает им гонение и узы – не убойтесь. Мир не принес Он на землю, но разделение. Об исповедании Христа пред человеками. Недостоин, кто не примет креста своего и любит своих домашних паче Христа.

11. Иисус учит и проповедует в городах учеников Своих.

Иоанн посылает к Нему учеников спросить Его, Он ли Христос. Иисус велит возвестить Иоанну, что они видят и слышат. Говорит народу об Иоанне. Он больше пророка и он – Илия, коему должно прийти. Притча о детях, кличущих друг друга на торжище. Соблазн людской об Иоанне и о сыне человеческого. Укоряет грады нераскаянные – Хоразин, Вифсаиду, Капернаум и возвещает им гибель паче Тира и Сидона и земли Содомской. Исповедание пред Отцем о тайнах, открытых младенцам. Иго мое благо и бремя мое легко есть.

12. Проходят нивою; ученики в субботу срывают и едят колосья. Соблазняются фарисеи о субботе. Иисус обличает их и учит о субботе. В синагоге в субботу исцеляет сухорукого и обличает ропщущего притчею об овце, упавшей в яму. Совет фарисеев погубить Его, тогда уходит оттуда и исцеляет множество народа, запрещая объявлять Его. Пророчество: «Не услышит кто на распутьях гласа Его».

Исцеляет бесноватого, слепого и немого. Обличает речи фарисеев, будто Он силою веельзевула изгоняет бесов. Притча о разделившемся царстве. О хуле на Духа Святого. От плодов познается древо, и об исходящих из благого и лукавого сердца.

Книжники и фарисеи ищут от Него знамения. Отвечает знамением Ионы роду прелюбодейному. Больше Ионы Пророк проповедует, и не каются. Притча о нечистом духе, возвращающемся в человека с семью лютейшими духами. Вызывают Его из дома к Матери и братьям, но Он указывает на учеников и творящих волю Отца: она паче матери и братьев.

13. Иисус при море сидит в корабле и с корабля учит народ на берегу притчами. Притча о сеятеле и истолкование ее. Ответ ученикам, для чего учит Он притчами. Притча о поле, на коем посреди доброго семени враг человека посеял плевелы. Исторкование притчи. Притча о зерне горчичном и о закваске. Притча о сокровище, сокрытом на поле, о многоценной жемчужине. Притча о неводе, захватившем рыб всякого рода. Разбор их, подобный разбору праведных и злых при кончине века.

Затем пошел Иисус в отечество Свое (Назарет). Учит в синагоге. Но люди говорят: ведь Он простой плотников Сын, – и соблазняются о Нем. И не сотворил там сил многих за неверие их.

14. Ирод Четверовластник (Антипа, сын Ирода Большого)³ услышал об Иисусе и думает, что это Иоанн, убитый им, восстал. Ирод всадил Иоанна в темницу и потом, обещав дочери Иродиادیной голову его, велел усекнуть его в темнице. Ученики Иоанновы пришли возвестить Иисусу; и, услышав то, что Он отошел кораблем один в пустынное место, народ пошел за Ним пеши. Исцеляет недужных. Вечером, не хотя отпустить народ, насыщает их пятью хлебами и двумя рыбами, пять тысяч человек. Учеников отослал на корабле на тот берег. Ночью на море волнение, и Иисус идет за ними по морю. Петр, понадеясь, идет Ему навстречу и утопает, но Иисус поддержал его. Ученики поклоняются Ему: воистину Ты Сын Божий. Прибыли в землю Геннисаретскую. Приносят Ему болящих на исцеление.

15. Книжники и фарисеи из Иерусалима осуждают учеников, что не умывают рук, когда едят хлеб. Иисус обличает их, что они разоряют закон за свое предание, и народу проповедует, что выходящее из уст, а не входящее сквернит человека. Изясняет это ученикам.

Иисус отходит в страны Тирские и Сидонские. Исцеляет жену хананеянку⁴. Речь жены о псах, питающихся от крупиц со стола.

Переход к *мору* Галилейскому. На горе. Приступило множество народа с болящими и увечными. Иисус исцеляет их. Чтобы не отпустить людей не евских, насыщает четыре тысячи семью хлебами и рыбками. Кораблем приходит в пределы Магдалинские.

16. Фарисеи и саддукеи просят Его показать знамение с небеси. Учит, что умеют различать лице неба, но не различают знамений времен. Роду лукавому дастся только знамение Ионы пророка. Забыли ученики, переправляясь, хлеба взять. Иисус учит их остерегаться от закваски фарисейской и саддукейской. Приходит в страны Кесарии Филипповой. Впрошает учеников, за кого люди почитают Его, Сына человеческого. Петр признает Его Христом, Сыном Бога Живого. Иисус, похвалая его, возвещает, что на камени его созиждет церковь и даст ему ключи Царствия Небесного. Ученикам возвещает страдания Свои в Иерусалиме и воскресение. Петр не хочет верить, но Иисус упрекает его. Слово о кресте и о том, что кто погубит ради Его душу свою, тот спасет ее. Вскоре увидят Сына человеческого, грядущего во Царствии Своем.

17. Через шесть дней возводит на гору высокую Петра, Иакова и Иоанна. Преображение Господне. Явление Моисея и Илии. Вопрос учеников об Илии.

Когда пришли к народу, отец приводит сына бесноватого. Исцеляет его Иисус. Но ученики не могли изгнать беса. Иисус объясняет им причину.

В Галилее говорит им Иисус, что предан будет в руки человеков, и убьют Его, и в третий день восстанет.

В Капернауме. Сборщики на храм требуют с Него дидрахму⁵. Велит Петру поймать рыбу и, открыв у ней рот, взять статир⁶ и уплатить.

18. На вопрос учеников: «Кто больше всех в Царствии Небесном?», – Иисус ставит дитя как образ смирения. О соблазнах и горе соблазнителью. Иисус пришел взыскать и спасти

погибшее. Притча о человеке, потерявшем одну овцу из всего стада, и радость, когда найдет ее. Что делать, когда согрешит к тебе брат твой. Что свяжете и разрешите на земли, таково будет на небеси. Где двое и трое собраны во имя Мое, там Я посреди их. Петра учит прощать согрешившему брату до седмижды семидесяти раз. Притча о человеке, стяжающемся с рабами своими, должниками. Неверный раб, отказавший помиловать должника, товарища своего.

19. Вышел Иисус из Галилеи и пришел в пределы Иудейские на той стороне Иордана. Исцеляет больных в народе.

Фарисеи искушают Его о разводе. О неразрывности брака и о браках с отпущенною. О скопцах. Приводят к Нему детей. Запрещает возбранять им. Вопрос богатого, как ему иметь жизнь вечную. На слова о раздаче имения нищим огорченный отходит. Слова к ученикам, как трудно богатому внити в Царствие Божие. Притча о верблюде. Спрашивает Петр, что им будет, когда они оставили все и пошли за Ним. Христос обещает, что сторицею примут, что сядут на двенадцати престолах.

20. Притча о хозяине, нанимавшем работников в виноградник свой и давшем поздним одинаковую плату с ранними. Первые и последние. Восходят в Иерусалим. На пути возвещает ученикам смерть Свою и воскресение.

Просьба матери сынов Зеведеевых о возвеличении их во царствии Его. Слово Иисуса о чаше, которую будут пить, и о крещении, которым крещены будут. Слово о смирении: кто хочет быть большим, пусть будет всем слугою по образу Сына человеческого.

Проходит Иерихон. Исцеление двух слепцов.

21. Подходят к Вифании и горе Елеонской. Посылает Иисус двух учеников привести осленка, отвязав его. Вход Господень в Иерусалим. Торжество народное и клики «осанна». Народное волнение.

Иисус входит в храм и изгоняет торгующих. Исцеления. Негодование архиереев и книжников.

Входит в Вифанию. Утром на пути засыхает по слову его смоковница. Слово к ученикам о силе веры.

Приходит в храм. Спрашивают его архиереи и старцы, кою властью творит сие. Ответ Иисуса о крещении Иоаннове. Притча о двух сынах хозяина, из коих один отказался работать, а потом пошел, а другой согласился и не пошел. Мытари и любодейцы предварят вас в Царствии Божиим.

22. Притча о делателях, изгнавших и побивших рабов, присланных за плодами винограда, а потом убивших и сына хозяина. О камне краеугольном, отверженном строителями. Возбуждение против Него архиереев и фарисеев.

Притча. Брачный пир царя сыну своему. Званные частью пренебрегли приглашение, частью оскорбили и убили рабов его. Тогда царь приказал собрать на пир всех, кто найдется, с распутый; но увидев на пиру человека, не одетого в брачную одежду, казнил его. Много званых, но мало избранных.

Ученики фарисейские с иродианами искушают Иисуса вопросом: достойно ли давать подать кесарю? Иисус дает им подать монетой платежной.

Саддукеи дают вопрос о силе брака в воскресении. Ответ Иисуса о духовной силе воскресения мертвых.

Законник искушает Его о том, какая заповедь большая в законе. Ответ Иисуса о заповеди любви к Богу и ближнему.

Вопрошает фарисеев, почему Христа, Сына Давидова, Давид⁷ называет Господом. Они не умеют ответить.

23. В беседе к народу и к ученикам. Горькие обличения книжников и фарисеев. Грозные предвещения кары. Обращение к *Иерусалиму*, не принимающему призыва к истине.

24. По выходе из храма ученики показывают Ему церковные здания. Он возвещает разрушение всех зданий. На горе Елеонской на вопрос учеников о знамениях Его пришествия возвещает грядущие бедствия и прельщения, и гонения, проповедание по всей земле Евангелия, явление мерзости запустения и скорбь велию и, наконец, явление знамения Сына человеческого и пришествие Его во славе. Образ смоковницы. Проповедует готовность на всякий час.

Притча о рабе, ждущем нечаянного пришествия господина.

25. Притча о десяти девах. О пришествии Сына человеческого и суде над народами. В Своем образе показывает странника, коего одни напитали, одели, посетили, другие оставили без попечения. Милосердие к меньшим братьям – заслуга одним; бесчувствие – осуждение другим.

26. Скончав все словеса сии, возвещает через два дня предание Свое на распятие. Архиереи и книжники совещаются во дворе Каиафы взять Иисуса и убить, но боятся в праздник ради народа.

Иисус в Вифании. В доме Симона прокаженного некая жена возливает миро на главу Его. Ученики негодуют на напрасную трату, но Иисус похваляет жену, что приготовила Его на погребение. Слово о нищих.

Иуда Искариот идет к архиереям и за тридцать серебряников обещает предать Его.

В первый день опресночный Иисус посылает учеников в город к известному дому, чтобы приготовили пасху.

Пасхальная вечеря. Иисус показывает хлебом предателя. Таинство Тела и Крови Господней – хлебом и вином.

Воспев, пошли на гору Елеонскую. На пути возвещает, что они рассеются, и велит по воскресении ждать Его в Галилее. Петру, уверяющему верность свою, предвещает троекратное его отречение.

Приходят в Гефсиманию. Взяв из числа учеников и обоих сынов Зеведеевых, скорбит и тоскует. Молитва двукратная ко Отцу о чаше. Ученики спят. Он в третий раз стал на молитву. Возбуждение учеников, но уже идет Иуда со множеством народа и вооруженных. Иуда предает Его лобзанием. Взяли Иисуса. Ученик ранит мечом раба архиереева, но Иисус укоряет ученика и народу говорит: зачем вы приходите, как на разбойника. Ученики разбежались. Ведут Иисуса к Каиафе, входит и Петр. Ищут лжесвидетелей и не находят. Наконец, двое говорят, что Он хвалился разорить и восставить в три дня храм Божий. Допрос Иисуса у архиерея. Обвиняют Его в богохульстве, бьют и ругаются. Троекратное отречение Петра. Запел петух, и Петр плачется горько.

27. Наутро совет архиереев и старцев предаёт смерти Иисуса. Связав, повели Его к Пилату.

Иуда, раскаившись, возвращает тридцать серебряников и удавился. Архиереи же купили на эти деньги село Скудельниче. Пророчество Иеремии.

Допрос Иисуса у Пилата. Он молчит. Пилат предлагает отпустить Его на праздник. И жена Пилата, увидев сон, просит отпустить Его. Но архиереи возбудили народ; с воплями просят вместо того отпустить разбойника Варавву.

Пилат умывает руки перед народом. А народ кричит: кровь Его на нас и на чадах наших.

Тогда, бив, Пилат предал Иисуса. Воины, раздев Его, облекли в багряницу и надели терновый венец. Ругаются над Ним и плюют на Него. Сняли багряницу, облекли в одежды Его и повели. Симон Киринейский несёт крест Его.

Голгофа. Дают пить уксус с желчью. Разделяют одежды Его по жребию. Надпись на кресте. Распяли с Ним двух разбойников. Хуление мимоходящих и архиереев: спаси Себя Сам, сними со креста. И разбойники распятые ругаются Ему.

Тьма от пятого часа до девятого. В девятый час возопил Иисус: Боже Мой, Боже! Дают пить на губке. Иисус предал дух. Завеса в храме раздралась. Камни расселись. Многие мертвецы восстали. Исповедание сотника и стражи. Жены и многие смотрят издалеча: Мария Магдалина и Мария, мать Иакова и Иосии, и мать сынов зеведеевых.

Иосиф Аримафейский испрашивает Тело и, обвив, полагает в *новом гробе*, привалив камень.

Видели Мария Магдалина и другая Мария. На другой день по просьбе архиереев приставлена стража ко гробу до трех дней, чтобы не украли Тела ученики. К камню приложили печать.

28. В вечер субботный на рассвете в первый день недели пришли ко гробу Мария Магдалина и другая Мария. Землетрясение. Ангел отвалил камень и сидел на нем. Стража омертвела. Ангел возвещает женам воскресение и велит сказать ученикам, чтобы шли в Галилею.

Со страхом побежали жены к ученикам. Иисус встретил их со словом: радуйтесь! Емлются за ноги Его. «Пусть идет в Галилею».

Архиереи и старцы подкупают воинов говорить, что ученики украли Его ночью.

Ученики идут в Галилею; видев Его, поклонились, иные же усомнились. Приступает Иисус со всякою властью и заповедает идти на проповедь. «И се Аз с вами до скончания века».

Евангелие от Марка

1. Начинается с появления Иоанна. Приходит Иисус от Назарета Галилейского.

Крещение во Иордане.

Сорок дней в пустыне, искушение.

По предании Иоанна приходит в Галилею. Проповедь.

На море Галилейском призвание учеников-рыбарей.

В Капернауме. Учение в синагоге. Исцеление бесноватого.

В доме Симонове исцеление тещи его. Исцеления приходящих. Молитва в пустынном месте. Идет по *Галилее* с учениками.

Исцеление прокаженного.

2. Капернаум. Исцеление спущенного в кровлю расслабленного. Обличение книжников.

У моря. Призвание Левия на мытнице. На трапезе у него. Обличение книжников. О посте. О срывании колосьев на ниве в субботу.

3. В синагоге. Исцеление сухорукого в субботу. Обличение о субботе.

Опять у моря. Притекает множество народа. Учение с моря в корабле. Исцеления. Поставление двенадцати учеников на горе.

Капернаум. В доме. Обличение книжников о силе веельзевуловой. Родные вызывают Его из дома, но Он обличает их.

4. Опять у *моря*. Учит народ с корабля.

Притча о сеятеле и ее истолкование. Притча о растущем в земле семени и о горчичном семени. Отплывает с учениками на ту (восточную) сторону моря.

Буря ночью и укрощение бури.

5. На том берегу в стране Гадаринской. Исцеление бесноватого свирепого. Легион бесов входит в стадо свиное. Потопление стада. Исцеленный проповедует Его в Десятоградии⁸.

Иисус возвратился морем на ту сторону. Идет в дом Иаира к больной дочери умирающей. На пути в народе исцеление жены кровоточивой. В доме Иаира исцеление умершей дочери.

6. Приходит в отечество Свое, Назарет.

Учит в синагоге в субботу. Соблазн в народе и неверие. Наставляет Апостолов, посылая их по два в села, со властью целения.

Кончина Иоанна от Ирода и дочери Иродиады.

Апостолы собрались и возвещали о делах своих.

Отсылает их одних морем в пустынное место на берегу.

А к Нему стекается народ.

Насыщение народа пятью хлебами и двумя рыбами.

Отсылает учеников в пустынное место кораблем, а Сам отошел.

Велит им ждать Его на той стороне у *Вифсаиды*, а сам отошел на гору на молитву.

Ночью настагает их, ходя по морю.

Пристали в землю *Генисаретскую*.

Тут прибежал к Нему народ. Исцеление больных.

7. Фарисеи. Обличение предания старцев об омовениях и об отношениях к родителям.

Учение об исходящем из сердца и сквернящем человека.

Отошел Иисус в пределы *Тирские* и *Сидонские*.

Исцеление бесноватой дочери у жены хананеянки. Отошел Иисус к морю близ Десятоградия. Исцеление глухонемого. Запрещает разглашать о Нем.

8. Собрался к нему народ и три дня не расходился. Насыщение четырех тысяч семью хлебами и рыбой.

Отходит морем на тот край, к Далмануфе.

Фарисеи ищут от Него знамения.

Переплывает опять на ту сторону.

Учение Апостолам о хлебах и закваске фарисейской.

В Вифсаиде. Исцеление слепого. Идет Иисус к Кесарии Филипповой.

На пути вопрошает учеников о Себе Самом. Петр оглашает Его Христом.

Иисус возвещает о предстоящих страданиях и воскресении.

Обличает Петра за прекословие о сем.

Учение ученикам и народу о кресте.

9. Через шесть дней, предвещая знамение, ведет Петра, Иакова и Иоанна на гору высокую. Преображение.

Истолкование об Илии и о страданиях Сына человеческого.

Стекается народ. Стязание книжников с учениками (вероятно, после исцелений).

Отец привел сына бесноватого, свирепого. Вопли отца о вере.

Исцеляет бесноватого. Ученикам говорит, почему они не могли изгнать беса.

Проходит неведомо через Галилею. Еще возвещает о страдании и воскресении Сына человеческого.

В Капернауме. Стязание учеников, кто из них больший. Учение о смирении и образ младенца.

Велит не претить и стороннему, именем Его действующему.

Учение о соблазне и о каре соблазнительям.

10. Иисус на пути в Иерусалим, чрез Заиорданскую сторону входит в Иудею. Фарисеи искушают Его, спрашивая о разводе. Поучение о неразрывности брака и ученикам.

Не велит ученикам отгонять детей и благословляет детей.

Ответ богатому, вопрошающему о путях к вечному спасению. Услышав совет раздать свое имение, <богач> отходит, скорбя. Поучение ученикам, как трудно богатому внити в Царствие Божие. Ответ на вопрос Петра, что будет им, когда они оставили все и пошли за Ним.

На пути в Иерусалим возвещает им Иисус, что будет с Ним в Иерусалиме, о страдании и воскресении.

Просьба Иакова и Иоанна Зеведеевых о возвеличении их во славе Его. Ответ Иисуса и наставление ученикам о смирении.

Иисус идет через Иерихон. Исцеление Вартимея слепого.

11. Подходит в Виффагии и Вифании к горе Елеонской. Иисус посылает двух учеников привести молодого осла. Торжество входа в Иерусалим. Иисус в храме и обратно в Вифании. Наутро лишение плода смоковницы. Снова в храме Иисус и изгоняет торгующих. Вечером на пути в Вифанию беседа о силе веры по поводу смоковницы. Об отпущении всяких обид на молитве.

Снова в Иерусалиме Иисус и в храме. Ответ книжникам и старцам, какую властью все творит Он.

12. Притча о виноградарях, избивших рабов хозяина, пришедших за плодами, и, наконец, убивших сына его. О краеугольном камне, отвергнутом строителями.

Фарисеи и иродианы⁹ искушают Его вопросом о подати. Ответ Иисуса на монете воздавать кесарево кесареви и Божие Богу. Искушают саддукеяне вопросом о воскресении. Учит Иисус о воскресении.

Вопрос книжника: какая первая из заповедей в законе? Ответ Иисуса о заповеди любви к Богу и ближнему. Ответ о том, как Христос – Сын Давидов. Обличение величаний и лицемерия книжников.

Хвала бедной вдовице за убогую жертву в церковную казну.

13. На выходе из храма возвещает Иисус ученикам гибель великих церковных зданий, предстоящие народные бедствия и гонения и великую скорбь мира, пришествие Сына человеческого во славе. «Бдите и молитесь».

14. За два дня до опресноков. Замыслы архиереев и книжников убить Иисуса.

Вечеря в Вифании в доме Симона прокаженного. Жена возливает на главу Иисуса дорогое миро из алавастра¹⁰. Неправый ропот учеников на излишнюю трату вместо раздачи денег нищим.

Иуда вызывается предать Иисуса за сребряники.

На заколение пасхи Иисус посылает двух учеников уготовать Ему комнату для вечери и приготовить пасху.

Тайная вечеря с двенадцатью учениками. Извещает Иисус, что один из них предаст Его. Тайна Тела Христового и Крови Христовой в хлебе и вине. Восстав, идут на гору Елеонскую. Уверяет Петр, что хотя бы все оставили Его, он пребудет верен.

Но Иисус возвещает, что он трижды отречется от Него прежде, чем петух пропоет дважды.

Пришли в Гефсиманию. Предсмертный ужас и молитва Иисуса. Ученики заснули, но приближается предатель с толпой вооруженного народа и лобзанием предает Иисуса. Один кто-то бросился на раба и урезал ему ухо.

Ученики разбежались. Неизвестный юноша нагой в покрывале пошел было за Ним, но его забрали, и он убежал.

Привели Иисуса к первосвященнику. Допрос и лжесвидетели. Ответ Иисуса на вопрос, Христос ли Он. Осуждают Его за хулу и бьют.

Петр во дворе архиерея, и когда его признали, трижды отрекся от Иисуса. Запел петух, и Петр плачет.

15. Наутро синедрион отвел Иисуса Пилату.

Допрос без ответа.

Просят отпустить Варавву и распять Иисуса.

Распятие и надругательства.

Несение креста. Симон Киринейский. Распят между двумя разбойниками. Хулительные приветствия. Толпа.

Конец. Воскликание сотника.

Жены смотревшие: Мария Магдалина, другая Мария и Саломия.

Иосиф Аримафейский. Погребение Иисуса.

16. Минувшей субботе две Марии и Саломия идут помазать тело. Видят камень отвален. Явление Ангела, возвещающего воскресение.

Явление Иисуса Марии Магдалине. Явление двум на пути.

Неверие учеников.

Явление Иисуса одиннадцати ученикам.

Наставление о проповедании.

Вознесение.

Евангелие от Луки

1. Захария первосвященник и жена его Елисавета неплодная.

Захарии у алтаря Ангел Гавриил возвещает рождение Иоанна.

Онемение Захарии и зачатие Иоанна.

Благовещение Деве Марии в Назарете от Ангела Гавриила.

Мариам посещает Елисавету в горнем во граде Иудове.

Приветствие Елисаветы и ответ Мариами.

Рождение и наименование Иоанна. Детство Иоанна.

2. Перепись. Иосиф с Марией приходят из Назарета в Вифлеем.

Рождение Иисуса. Явление Ангела пастырям. Пастухи в Вифлееме у яслей. Обрезание Иисуса. Принесение Его во храм Иерусалимский для законного обряда.

Сретение Младенца Симеоном. Молитва и пророчество Симеона. Анна пророчица.

Возвращение в Назарет. Воспитание Иисуса.

Путешествие в Иерусалим на праздник.

Потеряли Иисуса, находят Его в храме, двенадцатилетнего, в беседе с учителями.

3. В пятнадцатый год Тиверия кесаря Иоанн выходит из пустыни на проповедь о покаянии. Проповедь.

Возвещение народу о грядущем Христе Иисусе.

Иоанн в темнице Иродовой.

Крещение Иисуса в Иордане.

Родословие Иисуса тридцатилетнего.

4. Иисус от Иордана исходит в пустыню.

Искушение от дьявола.

Начало проповеди в Галилее. В Назарете. Беседа в синагоге о пророчестве Исаии.

Но свои в Назарете не приняли Его и хотели свергнуть с горы. Идет в Капернаум. Проповедь в Капернауме.

В синагоге исцеление бесноватого.

Исцеление тещи Симоновой и больных, приводимых к Нему в пустыне.

5. Иисус у озера. Проповедь народу с корабля Симонова. Чудесная ловитва рыбы. Призвание Симона и Иакова и Иоанна Зеведеевых.

Исцеление прокаженного.

Исцеление расслабленного, спущенного через кровлю, и обличение книжников о власти отпуска грехов.

Трапеза у Левия с мытницы. Ответ на ропот книжников о сообществе с мытарями о посте. Притча о ветхой одежде и о ветхих и новых мехах.

6. Ответ фарисеям об учениках, срывавших на пути колосья в субботу.

Исцеление сухорукого в субботу в синагоге.

Поучение о субботе и ярость фарисеев. По ночной молитве на горе призвание двенадцати и наречение Апостолами.

На месте ровном беседа с народом многим.

О блаженствах. О прощении обид, о милосердии и справедливости.

Притча о слепцах, ведущих друг друга. О неосуждении. О добром и худом древе. О чистоте сердца и о деле, согласном со словом.

Притча о доме, созданном на камне и на песке.

7. В Капернауме. Исцеление раба у сотника. Свидетельство о вере сотника.

В городе Наине воскрешение сына вдовы наинской.

Ученики от Иоанна приходят с вопросом: Он ли Христос? Ответ Иисуса и слово к народу об Иоанне. Притча о детях на торжище, кличущих друг друга.

На трапезе в доме фарисеевом. Жена грешница с алавастром мира, плачущая, целует ноги Иисусовы. Соблазняются фарисеи. Ответ Иисуса. Притча о двух должниках, коим простил заимодавец.

8. Ходя с учениками, проповедует по городам и селам. Ходят и жены некие и Мария Магдалина, и Иоанна, жена Хузы, и Сусанна.

Притча о сеятеле и ее истолкование ученикам. О свете и о хранении слова слышанного.

Ответ Матери и братьям, вызывавшим Его от народа. Переплывают на ту сторону. Буря на пути, и по слову Иисуса море стихает.

В стране Гадаринской. Из бесноватого Иисус изгоняет легион бесов, входят в стадо свиное, и оно потонуло в озере.

По возвращении идет в дом Иаириов и на пути исцеляет кровоточивую, прикоснувшуюся к одежде Его.

Воскрешение дочери Иаириовой.

9. Посылает двенадцать Апостолов на проповедь с даром исцелений.

Наставление им не запасаться в путь и как пребывать там, где будут.

Недоумение Ирода: Христос не есть ли воскресший Иоанн?

По возвращении Апостолов отошел с ними в *пустынное* место, к Вифсаиде. Собрался народ. Питание пяти тысяч пятью хлебами и двумя рыбами.

Вопрос Иисуса ученикам: за кого люди разумеют Его? И ответ Петра, что Он есть Христос.

Возвещает, что предстоит Ему пострадать.

О кресте и о том, как должно отвергнуть себя.

Через восемь дней возводит на гору Петра и Иоанна, и Иакова.

Преображение и глас Отца о Сыне возлюбленном.

Когда сошли с горы, исцеляет бесноватого, приведенного отцом.

Снова внушает ученикам о предании Его на страдание, но они не понимают, а думают, кто из них больший.

Господь учит их смирению и ставит дитя в образец им.

Идет к Иерусалиму через Самарию, но в Самарии не приняли Его. Ученики Иаков и Иоанн требуют мстительной казни, но Иисус умиряет их и учит, какого они духа, не на гибель, а на спасение.

Тех, кои просятся идти вслед за Ним, но желают отсрочки за домашними нуждами, учит не озираться вспять.

10. Поставляет Господь и других семьдесят <учеников> и посылает их на проповедь с даром исцелений. Наставление им и как быть в тех местах, где пребывают. Грозное пророчество о Хоразине, Вифсаиде и Капернауме. Наставление им, когда вернулись ученики. О смирении и простоте. Вопрос законни-

ка о том, как наследовать жизнь вечную. На вопрос, кто есть ближний мой, Господь сказывает притчу о милосердном Самарянине. Господь в доме у Марфы и Марии.

11. Учит учеников молитве «Отче наш». Просите и дастся вам. Притча о друге, просящем займы хлеба ночью.

Изгнание беса из немого. Обличение людям, говорившим, что Он силою веельзевула изгоняет бесов. О бесах.

Голос из народа о блаженном чреве, носившем Его. Слово к народу о знамениях. О соблюдении света в себе.

На трапезе у фарисея. Обличение фарисеев об очищении только внешнего, а не внутреннего. Горькие обличения лицемерия книжников и законников.

Фарисеи ищут уловить Его в слове.

12. Учение. О лицемерии – закваске фарисейской. Не убойтесь убивающих тело. Об исповедующих Сына человеческого и отвергающих. О хуле на Духа Святаго. Об ответе начальствам и властям.

О любостыжании. Притча о богатом, собирающем себе, а не в Бога. Не опутывать душу заботами о пище и одежде. Ищите Царствия Божия. Будьте готовы на всякий час на пришествие Сына человеческого. Притча о рабе достойном и недостойном в пришествие господина. Разделение на новом учении истины. Умейте различать не одно лицо неба и земли.

13. Если не покаетесь, все погибнете, как погибли подавленные столпом в Силоаме или избитые Пилатом. Притча о бесплодной смоковнице, не осужденной, но вновь окопанной.

Исцеление скорченной жены в синагоге в субботу. Обличение старейшины о субботе. Притча о семени горчичном и о закваске. По пути в Иерусалим поучение о тесных вратах и о первых, кои будут последними, и последних, кои будут первыми. Слово фарисеям, увещавшим Его удалиться и спастись от Ирода; об Иерусалиме, где предстоит пророку погибнуть. Горький упрек Иерусалиму и осуждение.

14. В доме князя фарисейского исцеляет больного водяною [болезнью] и обличает законников о субботе. Притча о скотине, упавшей в колодезь. Притча о званых, выбирающих

места на пиршестве. Учит о смирении и о пиршестве не для богатых, а для бедных. Притча о вечери, от которой званые отрицались, а из собранных нищих мало оказалось избранных. Учит об отвержении себя и о несении креста своего. Притчею о строении столпа и о приготовлении на брань изъясняет отречение. Притча о соли обуявшей.

15. Фарисеи осуждают Его, что приемлет мытарей и грешников. Обличая их, сказывает притчу о пастыре, утеревшем одну овцу из стада, и о жене, нашедшей драхму погибающую. Притча о распутном сыне, вернувшемся домой к отцу, о зависти добродетельного старшего сына.

16. Притча об уволенном домоправителе, искусно сотворившем себе друзей от мамоны неправды. Верный в малом, верен и во многом. Нельзя двум господам служить.

Обличает фарисеев в лицемерии. Ни одна черта не погибнет от закона. Благовестие о Царствии Божиим. О разведенных. Притча о богатом и Лазаре.

17. О соблазне и горе соблазнителью. Отпущение вины согрешившему брату. О силе веры. Притча о рабе, исполнившем лишь повеленное ему. По пути в Иерусалим, между Самарией и Галилеей, исцеление десяти прокаженных и возвращение одного из них, благодарного.

Царствие Божие внутрь вас есть, не придет оно приметно.

О пришествии Сына человеческого. Надлежит Ему много пострадать. Придет как потоп во дни Ноевы¹¹.

18. О неотступной молитве. Притча о мольбе вдовицы к судье. Обращет ли веру на земле Сын человеческий.

Притча о смирении. Мытарь и фарисей. Принимает детей, приносимых к Нему. Дитя – образ входящего в Царствие Божие.

Ответ князю о наследовании жизни вечной: раздать имение свое. Как трудно богатому внити в Царствие Божие.

Ответ на вопрос Петра, что будет им, оставившим все. Возвещает свои страдания, но ученики не понимают. Подходят к Иерихону. Исцеляет слепого на пути.

19. В Иерихоне видит Закхея мытаря на дереве и идет в дом к нему. Спасение Закхея.

Притча о талантах, розданных рабам. Имущему дано будет. Близ Вифании и Виффагии и горы Елеонской посылает двух учеников привести молодого осла. Вход Господень в Иерусалим. Ропот фарисеев на ликоующих учеников. Иисус плачет об Иерусалиме, предсказывая его разорение.

В храме изгоняет торгующих. Злоба книжников и старшин.

20. В храме отвечает на вопрос старшин и книжников, кто дал Ему власть сию.

Притча о делателях виноградника, изгнавших рабов господина и, наконец, убивших сына его. О камне краеугольном, отвергнутом строителями. Враги ищут взять Его, но боятся народа. Искушают Его о подати кесарю. Ответ Иисуса на платажной монете. Вопрос саддукеев о воскресении и ответ Иисуса. О воскресении мертвых.

На вопрос Иисуса о сыне Давидове, коего Давид нарицает Господом, не могут ответить. Обличает гордость и тщеславие книжников.

21. О вдовице убогой, положившей в церковную казну две лепты – больше, чем клали богатые.

Предвещает гибель храма и всех богатств его. На вопрос учеников, когда сия будут, возвещает страшные знамения, брани и гонения. Увещает о терпении. Притчею о смоковнице учит различать знамения времени и близости Царствия Божия. Бдите и молитесь.

Днем Иисус в храме, ночью – на горе Елеонской.

22. Подходит праздник опресноков. Иуда предлагает предать Иисуса архиереям и книжникам за деньги.

Иисус посылает Петра и Иоанна уготовить пасху и найти для сего дом по указанию человека, несущего кувшин с водою. Тайная вечеря с учениками. Предложение хлеба и чаши в причащение Тела и Крови. Слово о предателе. Поучение о смирении на спор учеников, кто из них больший. Слово к Симону об отречении его от Христа прежде, чем пропоет петух. Слово о влагалище и мече.

Пришел с учениками на гору Елеонскую. Молитва Иисуса и предсмертное борение. Ангел укрепляет Его. Ученики спят. Появление толпы народной. Иуда предает Его лобзанием.

Один из учеников урезал ухо рабу, и Иисус исцелил рану. Слово архиереям, для чего вышли на Него с оружием.

Иисус приведен во двор первосвященника. Петр сидит у огня. Обличение ему от рабыни и еще от двоих, но он отрекся от Иисуса. Петух запел, и Петр горько кается. Глумление над Иисусом и удары.

Наутро повели Его на сонмище. Допрашивают хулою, Христос ли он, и обвиняют в хуле.

23. Повели Иисуса к Пилату и возводят вины на Него. Отвечает Пилату на вопрос, Царь ли Он. Пилат не находит в Нем вины, но толпа вопиет на Него. Пилат, видя, что Он из Галилеи, отправляет Его к Ироду Антипе, правителю Галилеи, находившемуся по случаю Пасхи в Иерусалиме. Иисус молчит пред Иродом. Ирод, наругавшись, возвращает Его к Пилату.

Пилат, не находя в Нем вины, полагает отпустить Его ради праздника. Но они требуют распятия, а отпустить просят разбойника Варавву. Превозмогли вопли архиереев и толпы, и Пилат предает им Иисуса.

Повели Его на распятие. Крест несет Симон Кириянин. Слово Иисуса женам, следовавшим за Ним: плачьте не обо Мне, но о себе и о детях ваших ради предстоящих бедствий.

На Лобном месте распинают Его между двух злодеев. Иисус молится за распинающих. Делят одежды Его по жребию. Ругательства толпы и воинов. Надпись на кресте: «Царь Иудейский». Покаяние одного из распятых и слово прощательное Иисуса. Померкло солнце, завеса церковная раздралась. Кончается Иисус. Сотник у креста прославляет Бога. Плач людей, пришедших смотреть с женами галилейскими.

Иосиф Аримафейский испрашивает тело Иисуса и погребает его в новом гробе. На рассвете субботы жены готовят ароматы для помазания тела.

24. В первый день недели рано жены приходят ко гробу и не находят тела. Явление двух Ангелов, возвещающих воскресение. Магдалина Мария, Иоанна и Мария Иаковлева и прочие сказывают Апостолам. Не поверил Петр, идет ко гробу и находит одни ризы.

Два ученика, один из них Клеопа, идут во Еммаус, встречают Иисуса и не узнают. Беседа на пути. Вечером познакомился им в благословении хлеба. Возвращаются в Иерусалим, рассказывают ученикам. И Сам Иисус является, показывая им раны, вкушает пищу, изъясняет Писания, благословляет на проповедь, велит ждать Духа в Иерусалиме. Изведя их до Вифании, возносится на небо. Апостолы возвращаются в Иерусалим.

Евангелие от Иоанна

1. В начале бе Слово. Стало плотию и вселилось в нас, Единородный от Отца, свет истинный, просвещающий всякого человека, Иисус Христос.

Иоанн свидетельствует о Нем. Ответ Иоанна на вопрос посланным фарисеям, кто он. Он не Христос, а Христос – Грядущий по нем.

В Вифаваре, по ту сторону Иордана, где крестил Иоанн. Подходит к нему Иисус. Иоанн свидетельствует о Нем и о сошествии на Него Духа в виде голубя.

Наутро стоял Иоанн с двумя учениками и, видя Иисуса, сказал: «Се Агнец Божий». Два ученика пошли за Иисусом, один из них (из Вифсаиды) Андрей. Он приводит к Иисусу брата своего Симона. Иисус дает ему имя Петра.

2. Наутро идет Иисус в Галилею. Призывает Филиппа (из Вифсаиды). Филипп зовет Нафанаила, но он, услышав о *Назарете*, сомневается. Иисус познает Нафанаила мужем без лести и похвалит за веру. Иисус с Матерью и учениками на браке в Кане Галилейской. Первое знамение – претворяет воду в вино.

Иисус в Капернауме. К Пасхе иудейской приходит в Иерусалим. В храме изгоняет торгующих. Спрашивают иудеи, какое знамение покажешь, чтобы оправдать такую власть. Отвечает о разорении храма (тела Своего) и воздвижении его. Многие уверовали, но Иисус знает сердца человеков.

3. Никодим из фарисеев приходит к Нему ночью. Беседа с Никодимом о рождении свыше – водою и Духом и о веровании в Единородного Сына Божия, и о свете, пришедшем

в мир. Приходит с учениками в Иудейскую землю. Крещает. Иоанн крещает в Еноне, близ Салима. Спор Иоанновых учеников с иудеями.

Иоанн свидетельствует о Христе, Сыне Божиим.

4. Крещают ученики Иисусовы более, нежели Иоанн. Когда услышали о сем фарисеи, Иисус уходит из Иудеи в Галилею. Проходя через Самарию, в городе Сихари, у источника Иаковлева встречает жену Самарянку, пришедшую почерпать воду. Беседа с нею о воде живой и о том, где и как следует поклоняться Отцу. О поклонении духом и истиною. Исповедует Себя Христом Мессиею. Стекаются к Нему по зову жены люди из Самарии и веруют по слову жены. Беседа Иисуса с учениками о пище духовной и о жатве, которая предстоит им.

Пробыл у них два дня, идет в Галилею. В Кане Галилейской. Исцеляет словом сына больного у некоего царедворца, живущего в Капернауме. Слово Иисуса о знамениях.

5. К празднику иудейскому приходит в Иерусалим. В овчей купели Вифезда исцеляет лежащего расслабленного и велит ему взять одр свой и ходить. Суббота была, и иудеи обвиняют больного в нарушении субботы. Злоба иудеев на Иисуса за субботу и что Отцом Своим называет Бога. Ответ Иисуса о Сыне, принявшем власть от Отца. О воскрешении мертвых и о суде. О свидетельстве Иоаннове и более того, свидетельстве делами, на кои дал Ему силу Отец, и от Писаний, свидетельствующих о Нем. О свидетельстве Моисея; о славе от Единого Бога.

6. Идет на ту сторону моря Тивериадского в Галилее. Близо уже была Пасха. Множество народа идет за Ним. Слово к Филиппу о хлебах для народа. Насыщает пять тысяч людей пятью хлебами и двумя рыбами. Народ прославляет Его, но Он уходит от них на гору. К вечеру ученики поплыли на ту сторону в Капернаум. Ночью сильное волнение, Иисус походит к Ним, идя по морю, и корабль пристает к берегу. Наутро народ, видев, что Иисус не входил в корабль, сели в корабли, пришедшие из Тивериады, и приплыли в Капернаум, ища Иисуса. Слово Его к народу о пище, пребывающей в жизнь вечную. Для веры своей они просят от Него знамений,

как с хлебом. Иисус говорит: Я хлеб жизни, веруйте в Сына, для жизни вечной сшедшего с небеси. Люди соблазняются о сем слове. Хлеб сей, говорит Он, плоть Моя, и ее предам за жизнь мира; хлеб сей – истинная пища, и кровь Моя – питье. Слово это говорил в Капернауме в синагоге. Соблазняются, слыша то, иудеи, соблазняются ученики, и многие отошли от Него совсем, остались двенадцать, но и об одном из них прорек Иисус, что один сей – дьявол.

7. Иудеи ищут убить Его, Он уходит из Иудеи в Галилею. На праздник кушей братья (не веровавшие в Него) уговаривают Его идти в Иерусалим и явить Себя в делах. Он отрекается, но скрытно приходит на праздник. Иудеи ищут Его и спорят о Нем; в преполовение праздника Он вошел в храм. Дивятся учению Его и знанию Писаний. Мое учение, говорит он, не Мое, но Пославшего Меня. Фарисеи посылают слуг схватить Его, но еще не пришел час Его, слуги возвращаются, объявляя, что Он говорит, как никто не говорил еще. В последний день праздника Иисус воззвал: кто жаждет, пусть идет ко Мне и пьет. Это слово было о Духе. Распря о Нем в народе усиливается, и многие уверовали в Него. Слово Никодима к фарисеям, что нельзя осуждать человека, не выслушав его.

8. Иисус на горе Елеонской. Наутро в храме. Книжники и фарисеи приводят жену, в прелюбодеянии ятую, искушая Его. Иисус отпускает ее, пристыдив приведших.

Беседа с фарисеями и с уверовавшими иудеями, но не разумеют они, что Он говорил им об Отце и о свете истинном. За слова Его о том, что Он прежде Авраама был, хотят побить Его камнями, но Он уходит от них.

9. Видит человека, слепого от рождения, и исцеляет, помазав очи его брением. Фарисеи допрашивают Его, не доверяя его рассказу, допрашивают и родителей его и изгоняют его. Иисус находит его, и он верует в Иисуса Сына Божия. Слово Иисуса о невидящих, кои прозирают, и видящих, кои слепнут.

10. Притча об истинном пастыре, коего знают овцы. Себя именует Пастырем, приводящим овец во двор Свой. Распря между иудеями об Иисусе.

Праздник *обновления*¹² в *Иерусалиме*. Иисус в храме, при-творе Соломоновом¹³. Иудеи приступают к Нему с допросом: Он ли Христос. Отвечает: Я сказал вам, но вы не веруете, ибо вы не из овец Моих. А когда сказал: «Я и отец – едино», – взяли за камни побить Его. Но Он уклонился и пошел за Иордан на место крещения Иоаннова. Многие там уверовали.

11. Лазарь в Вифании, брат Марии и Марфы. Послали они сказать Ему о болезни Лазаря, коего любит. Он остался на месте два дня и потом собрался идти, хотя иудеи собирались убить Его. Лазарь умер, пришедший Иисус застал его четыре дня по смерти. Марфа пошла из Вифании встретить Его. Он провещает ей о воскресении. Марфа пошла за Марией. Приходит Мария, рыдая о брате. Плачет Иисус. Приходят с народом ко гробу. Воскрешение Лазаря. Многие видевшие веруют. Архидиереи и фарисеи совещаются, что делать. Проречение Каиафы. Положили убить Его. Иисус отходит с учениками в город Ефрем. Подходит Пасха. В храме ищут Его, следят за Ним.

12. За шесть дней до Пасхи. Приходит Иисус в Вифанию. На вечери Мария помазывает миром и отирает волосами ноги Его. Внушения Иуды: не лучше ли цену мира раздать нищим. Сошелся народ видеть Иисуса и Лазаря. Хотят убить и Лазаря. Наутро входит Иисус в Иерусалим. Встреча народная. Эллины пришедшие хотят видеть Иисуса. Душа Его возмутилась – пришел час, да прославится Сын человеческий. Ответный глас с небеси. Иисус провещает вознесение Свое на крест, вслух народа. Слепление людей неверующих, прореченное Исаиею. Иисусово слово о верующих: не в Меня веруют, но в Пославшего Меня. Слово Мое есть слово Отца Моего.

13. Тайная вечеря. Встает Иисус, умывает ноги ученикам и Петру, несмотря на его отрицание. Учит их, объясняя образ смирения. Возмущается духом и говорит о предателе. По просьбе Иоанна указывает хлебом Иуду, и Иуда вышел. Беседа Иисуса с учениками. Заповедь о любви. Предсказание Петру о его отречении.

14. Беседа с учениками. О пути к Отцу. О единении Его с Отцом. О молитве и прошениях к Отцу. О духе истинном,

когого пошлет им. Кто любит Его и возлюблен будет Отцом. Оставляет им мир. Приидет к ним. Беседа – уходят.

15. Он лоза истинная, и они ветви на лозе. И сотворят плод. Заповедь о любви к Нему и между собою. О ненависти мира к Нему и к Отцу и к ним.

16. Будут преследовать и убивать их. Он уходит, но придет Утешитель и обличит мир о грехе, о правде и о суде. Дух истины о всем возвестит им. Идет ко Отцу, и не увидят Его, но вскоре опять увидят, и возрадуется сердце их, не помня скорби, как жена рождающая. О чем попросят Отца во имя Его, даст им Отец. Все они рассеются в разные стороны, но да мужаются в скорби.

17. Молитва Иисуса ко Отцу о учениках и о верующих.

18. Исходит Иисус с учениками *на ту сторону потока Кедрского* и входят в сад. Является Иуда с воинами и слугами. Кого ищете – это Я, говорит Иисус. Симон Петр вынул меч и урезал раба архиереева, но Иисус возбраняет ему. Связали Иисуса и повели к Анне, тестю Каиафину. Во дворе архиереев первое отречение Петра перед рабою придверницей. Допрос Иисуса, ответ Его, ударяют Его в ланиту, возражение Иисуса. Иисус послан к Каиафе. Второе отречение Петра у огня и третьем. Тогда запел петух. Ведут Иисуса в преторию одного, ради Пасхи. Пилат выходит вон к людям и спрашивает о вине Иисуса. Возьмите Его вы сами и судите по-своему, говорит Пилат. Пилат в претории допрашивает Иисуса, Он ли Царь Иудейский. Слово Иисуса о Его царстве не от мира сего и о свидетельстве истины. Слово Пилата об истине. Пилат выходит к иудеям, не находя вины в Иисусе, и предлагает отпустить Его. Но они просят отпустить Варавву.

19. Пилат велит взять Иисуса и бить Его. Возложили на Него терновый венец и облекли в ризу багряную. Ругаются и бьют Его по ланитам. Пилат выводит Его к иудеям, не находя вины в Нем. Говорит: «Возьмите вы Его и распните». Услышав, что Он объявил Себя Сыном Божиим, убоился и призвал Иисуса и спрашивает: «Откуда Ты?» Иисус молчит на вопрос, но говорит: «Власти надо мною не имеешь, если б не дано было тебе свыше».

Пилат пытается отпустить Его, но иудеи страшат его именем кесаря. Пилат выводит Иисуса на Гаввафу¹⁴ и на вопли иудеев предает им Иисуса.

Он несет крест Свой на Голгофу. Распятие. Трехязычная надпись на кресте. Пилат не соглашается изменить ее. Воины бросают жребий об одежде Иисусовой. Стоят при кресте Мать Его, Мария Клеопова¹⁵ и Мария Магдалина. Слово Иисуса к Матери, вручает Ее Иоанну как мать.

Жаждет Иисус, напояют Его губкой. Рек Иисус: «Совершишася», – и предал дух.

Пятница. Ради субботы иудеи молят о снятии тел распятых. Приходят воины перебивать распятым голени, но Иисус уже умер, и воин пронзил Ему ребра. Истекли кровь и вода. Да сбудется Писание. Видевший свидетельствует о сем Евангелист. Иосиф из Аримафеи¹⁶ испросил тело Иисуса и снял его. Помазали его с Никодимом и обвили пеленами и положили в *саду* в *новом гробе*, поспешая ради пятницы.

20. В первый день недели рано приходит ко гробу Мария Магдалина, видит, камень взят от гроба. Говорит Петру и Иоанну, они идут туда; прежде прибежал Иоанн, увидел пелены, но не вошел. Петр вошел и видит одни пелены и плат, пришел и другой, увидели, но не poznали воскресения.

Мария стояла у входа, с плачем приникла и видит двух Ангелов и спрашивает: «Где тело?» Но, обратившись, видит Иисуса и, приняв за садовника, спрашивает, но Он зовет ее: «Мария», – но не велит касаться Его. Мария возвещает ученикам, но в тот же день вечером Он является к Ним дверем затворенным со словом: «Мир вам!» Посылает на проповедь с дуновением Духа.

Через восемь дней явление Иисуса таким же образом ученикам и Фоме неверующему, которому дает осязать раны.

21. Является восставший Иисус ученикам на море Тивериадском. Были вместе Симон Петр и Фома, и Нафанаил, и сыны Зеведеевы, и еще два. По зову Петра пошли рыбу ловить и ничего не поймали в эту ночь. Наутро Иисус стоит на берегу, но не признали Его. Говорит: «Закиньте сеть по правую сто-

рону», – закинули и поймали множество – сто пятьдесят три рыбы. Тут Иоанн признал Иисуса, и Петр бросается в море к берегу, и остальные приплыли. На берегу огонь и рыба, и хлеб. Зовет их Иисус: «Обедайте», – знают Его и не спрашивают. Дает им хлеб и рыбу.

А когда обедали, трижды вопрошает Иисус Петра: любишь Меня? И затем заповедует: паси овец Моих, и предрекает ему иносказательно, какую смертью прославит Бога, и говорит: «Иди по Мне». Вопрос Петра об Иоанне и слово Иисуса: если хоч, чтобы он пребывал до Моего пришествия, что тебе? И неправо стали толковать, будто Иоанн не узрит смерти.

***Краткое изъяснение о местах, где пребывал
и проходил Господь Иисус Христос в течение
земного жития Своего в Палестине***

Внимательный читатель Евангелия не может не заметить, что первые три Евангелия описывают, главным образом, служение Христа Спасителя в Галилее, тогда как Евангелие Иоанна почти не касается Галилеи, обращаясь исключительно к служению Иисуса Христа в Иудее, когда Он посещал Иудею до последней Своей Пасхи Иерусалимской. В то время Иудея и Галилея представлялись отдельными областями, независимыми друг от друга. Каждая из них имела своего правителя и свое правление, и вся Палестина состояла на этом основании из трех отдельных областей – Иудеи, Галилеи и Самарии. Правда, что с древности Иудея и Галилея имели отдельную судьбу свою и отдельную историю, как отдельна была судьба четырех северных и четырех южных колен Израилевых, расселенных в этой местности; а во время земной жизни Христа Спасителя разделение это было еще явственнее, потому что средину между Галилеей и Иудеей занимала Самария, населенная враждебно самарянской сектой. Итак, неудивительно, что о многих событиях и делах, происходивших в Галилее, не упоминается в Евангелии Иоанна, коего все внимание обращено было на происходившее в Иудее. И по свойству природы, и по составу

населения, и по характеру политической истории Иудея представляет черты не только не схожие с Галилеей, но и совершенно противоположные. Иудея была и оставалась политическим центром Израила и укрепленную его твердыню, пограничная область между Палестиной и дикой пустыней: повсюду горы, широкие долины, и на горах города, служившие с давних времен крепостями; природа скудная и дикая. Столица – Иерусалим, наполненный великолепными зданиями, башнями и дворцами Давидова и Иродова строения; в Иерусалиме храм, святыня всего народа и основание веры народной. В Иерусалиме целое сословие ученых церковников, хранителей и проповедников закона, архиереев, книжников и фарисеев, иудейской аристократии, презиравшей народ, не ведущий закона. Не Иудею избрал Христос для Своей проповеди о Царстве Божиим, о любви и правде. Он избрал для этого Галилею, зная, что в Иудее скончается земная жизнь Его и там Он предан будет в руки врагов, пострадает и в третий день воскреснет.

Галилея – удел четырех северных колен Израилевых, область, удаленная от боевой арены края Иудова, страна плодородная, богатая растительностью, посреди роскошной природы, сопредельная с приморскою торговою страню Тира, Сидона и Финикии, отличалась от других областей и составом своего населения, в значительной части смешанного с поселениями чужеземцев-язычников (Галилея язык); и в выговоре населения Галилеи были особенности, по коим можно было различить природного галилеянина (Мф. 26:73). Итак, немудрено, что посреди простого населения Иисус Христос избрал главное место Своего пребывания и проповеди. К тому способствовала в особенности местность вокруг озера или моря Тивериадского (Галилейского), которое приобрело с тех пор всемирную славу. Западный берег озера в пределах Галилеи был самым плодородным и самым оживленным краем Палестины. Это озеро размером не более 13 миль в длину и 6 миль в ширину славилось издревле необыкновенным обилием рыбы, и берега его оживлены были рыболовством, судостроением и перевозочным промыслом. Горы окружали озе-

ро на западной стороне; но у самых берегов в северной части озера оставалась свободною широкая полоса земли – равнина, слывшая под именем земли Геннисаретской (Мф. 14). Здесь у самого берега образовались многолюдные селения рыболовов и промышленников, одно из них носило даже название «рыбного дома» (Вифсаида, родина Филиппа, Андрея и Симона). Не было места в Палестине (за исключением столицы), столь благоприятного для дел служения Иисусова, для проповеди и благотворений. Из этого центра молва о Нем протекала в дальнюю Сирию (Мф. 4) и привлекала к Нему несметное множество народа из всей Галилеи, из Десятоградия, из Иудеи, из пустынь Заиорданских, так что где ни пребывал, где ни проходил Он, приводили и сносили к Нему всяких недужных. Вдалеке от столицы, в смешении с поселенцами с Ливана и из Аравии жители берегов Галилейского озера непричастны были к ожесточенным предрассудкам фанатизма, которые господствовали в южной части Палестины и мешали принять от Него учение любви и правды. Восприимчивы к сему скорее оказывались люди, сидевшие в стране и сени смертной края Завулонова и Неффалимова, и жители Галилеи языков, когда воссиял на них свет от Него (Мф. 4:15). Галилеяне считались в презрении у гордых иудеев. Невозможно казалось им, чтобы пророк явился в Галилее (Ин. 7:52) и чтобы Апостолы, тоже галилеяне, могли быть учителями. А Он и пришел проповедовать Евангелие нищим, труждающимся, обремененным, пришел взыскать и спасти погибшее. Тут Он нашел и призвал учеников Себе из простых рыбаков, закидывавших и изымавших сети. Тут у берегов мог Он встретить и мытарей, сидевших на мытнице за сбором податей, и воинов римских, проживавших на службе с домом своим и рабами (Лк. 7). Тут, на низменном берегу, у самой воды видим мы Иисуса, как Он входит в корабль и с корабля учит народы на берегу (Мк. 4), как видит два корабля и входит в один из них, Симонов, и говорит ему: «Поступи во глубину» (Лк. 5); как на рассвете возвращаются ученики в корабле своем с бесплодной ловитвы и видят: Он стоит на берегу и зовет их: «Дети!» (Ин. 21).

Море Галилейское было поистине морем жизни в противоположность другому морю, на юге Палестины, которое и было и есть донныне море смерти – Мертвое море. Но близости от равнины Геннисаретской в гористой и холмистой местности немало было пустынных мест, куда уединялся Христос или отходил с учениками для уединенной молитвы. На верхней, северной стороне озера Геннисаретского процветала одна жизнь; на нижней, южной стороне зачиналась в это время другая жизнь – плод новой римско-иудейской цивилизации. Там Ирод Антипа и брат его Филипп положили основание новому поселению, названному Тивериадой в честь императора Тиверия, на месте, которое славилось целебными источниками и красотой месторасположения. В эту пору только что начиналась Тивериада в виде римской колонии. Отсюда образовался впоследствии роскошно обстроенный город, ставший как бы столицей Галилеи. В этот нижний край Галилейского озера ни разу не заходил Христос Иисус, посланный к овцам погибшим дома Израилева.

Восточный берег озера представлял совершенную противоположность с западным. Это была сторона дикая, пустынная, безводная, сопредельная с хищным населением пустыни. Сюда направлялся Господь, когда из равнины Геннисаретской переплывал с учениками «на ту сторону»; здесь, в стране Гадаринской, изгнал из бесноватого легион бесов, вселившихся в стадо свиное.

Не раз бывало, как мы видим в евангельской повести, что Христос удалялся из мест постоянного Своего служения в дальние края и концы Палестины. Так было, когда ученики Иоанновы пришли возвестить Ему о том, что учитель их обезглавлен Иродом (Мф. 14); когда оставили Его многие ученики Его (Ин. 6). Он отходит в дальние северные места к Тиру и Сидону, к Кесарии Филипповой; уклоняясь от желающих схватить Его в Иудее, отходит в пустыню Заиорданскую (Ин. 10) перед последнею Пасхой; когда открылось в Иерусалиме, что готовы схватить и убить Его, Он перестал ходить явно между иудеями и удалялся в пустынный гористый город Ефраим,

к северу от Иерусалима, на высокой утесистой горе (Ин. 11). Предприняв последнее Свое шествие в Иерусалим, Он уже выбирает не обычный путь из Галилеи в Иудею, но, не желая «ходить явно» между иудеями, избирает путь обходной, и входят они в пределы Иудейские из-за Иордана (Мф. 19) и идут через Иерихон (Мф. 20).

На всех Его делах и на всех словах Его отражается, как в зеркале, действительная жизнь окружавшей Его в Галилее природы и среды человеческой. Из окружающей природы заимствует Он и образы Своих притчей, из коих многие сказаны были из корабля людям, на берегу стоящим. Нивы, готовые к жатве, сеятель, бросающий в землю семена свои, земля, прорастающая¹⁷ сначала зелень и траву, потом выводящая плод, плевелы, прорастающие между пшеницей, дерево разветвленное, в коем гнездятся птицы небесные, птицы, коих Отец Небесный питает, невод, закинутый в воду и собирающий рыб худых и добрых, цветы в красоте такой, какой Соломон не видел во всей славе Своей, – все это образы из галилейской природы. В Иудее и для других слушающих, и для другой поры Своей жизни берет Он для Своих притчей новые образы: виноградник со столпом и его точилом (виноградниками особенно богата была Иудея), хозяина и делателей винограда, смоковницу в винограде, возвещающую близость грядущего лета, пастыря доброго, разыскивающего потерянную овцу в горах, пастыря, ему же суть овцу свои, пастыря, разделяющего овец и козлищ одесную и ошуюю, путника, впадшего в разбойники на пути из Иерусалима в Иерихон (Лк. 10:30–37).

Вифлеем. В самое смутное время Израиля колена Иудово укрывалось от врагов на горных твердынях, где расположены были так называемые укрепленные города Иудовы (где укрывался некогда и Давид от преследования врагов своих) и между ними в уединенной нагорной местности – незначительное селение Вифлеем, ничем не отличавшееся в тысячах Иудовых, как сказано у Михея пророка (Мих. 5:2). На предгорьях Вифлеема известны были обильные хлебом нивы, на которые указывает само имя Вифлеема (значит «дом хлеба»). Тут была

родина Вооза и Руфи, тут был и «свой град» Давидов¹⁸ Иосифа, где он должен был записываться (Лк. 2:4). Через Вифлеем лежал путь из Северной Палестины вниз, в Египет, – путь, коим следовал Иосиф с Младенцем и Матерью Его, удаляясь от «ищущих душу Отрочати». Между тем в Вифлееме и во всех пределах его происходило по велению Иродову избиение младенцев (Мф. 2:16); в пределах его, близ Вифлеема, находилось и селение Рама с гробницею Рахили, почему евангелист и приводит Иеремиино пророчество о глазе в Раме, коим плачетя Рахиль о чадах своих.

Назарет. С Назарета начинается история детского и юношеского воспитания Христа Спасителя, и Назарет называется у евангелиста «отечеством Его», и отсюда выходит Он, наконец, на служение Свое в Галилее и Иудее. До тех пор видим только путешествие Его в Иерусалим, 12 лет от роду, вместе с родителями на Пасху (Лк. 2:42).

Назарет – уединенное тихое место между горами, посреди роскошной природы и богатой растительности. Имя его совсем не встречается в ветхозаветной истории и появляется только с появлением Христа Спасителя. Население Назарета не пользовалось доброю славой, чем объясняются и слова Нафанаила из соседней Каны: «Из Назарета может ли добро бытии?» По месту воспитания Господа Иисуса называли Назореем (Мф. 2:23; 26, 71) и Назорейянином (Ин. 19:19). Название это с именем Иисусовым перешло впоследствии в народ, так что у иудеев и потом у мусульман христиане назывались назорейянами.

В Назарете, жительстве Св[ятой] Девы Марии, совершилось явление Ей Архангела Гавриила и Святое Благовещение; и ныне местное предание с именем Св[ятой] Девы соединяет источник, где было Ей явление Ангела, когда Она приходила почерпать воду.

По выходе Иисуса из Назарета Евангелия три раза упоминают о посещении Им Назарета. Но дикое население этого города не в состоянии было признать пророка в бывшем жителе Назарета, где все видели Его с самого детства. Как, говорили они, ведь это простой плотник, и вся семья, все родные Его

между нами. И Он дивился неверствию их и не сотворил тут сил многих. И братья Его не веровали в Него. А когда, придя в Назарет, Он вошел в синагогу и, проповедуя о пророчестве Исаии, укорял их за неверие их, толпа пришла в такую ярость, что изгнали Его из города и, приведя на обрыв горы, хотели низвергнуть (Мк. 6; Мф. 13; Лк. 4; Ин. 8:5).

В трех часах расстояния от Назарета находился Наин, где у выхода из городских ворот Иисус встретил погребальное шествие и, остановив его, воскресил сына бедной вдовы (Лк. 8). Несколько дальше была Кана Галилейская, где Евангелист Иоанн показывает двукратное пребывание Христа: однажды с Матерью на браке, другой раз, когда пришел к Нему сотник просить о сыне (Ин. 2:1, 11; 4:46).

Капернаум. Выходя из Назарета на великое служение Свое, Иисус Христос поселяется в приморском Капернауме, в пределах колен Завулонова и Неффалимова, где и продолжается Его пребывание до окончательного исхода в Иерусалим. И у евангелиста называется он «Своим городом Иисусовым» (Мф. 9). Капернаум – одно из селений, расположенных у самого моря, в долине Геннисаретской, и населенных рыбаками. Здесь проповедовал Он в народе и в синагогах, здесь совершал исцеления и чудеса, описанные в Капернауме у первых трех евангелистов, сюда стекались к Нему из ближних и дальних краев несметные толпы народа и приводили и привозили недужных и бесноватых. Отсюда переправлялся Он с учениками в корабле на ту сторону озера.

В этой же местности были и другие промышленные селения, упоминаемые в Евангелии, – Вифсаида, Хоразин, также при море или поблизости от моря. Но местоположение их остается в совершенной неизвестности, ни памятников нет, и в местных преданиях не сохранилось никаких следов их. Удивительно, как не сохранилось в памяти народной признаков даже Капернаума, где было пребывание и совершалось непрерывно служение Христа Спасителя до исхода Его на страдание. В этом, видно, исполнилось над этими городами грозное пророчество Христа об их совершенной гибели (Лк. 10; Мф. 11).

Гибель возвещена им паче земли Содомской. И на берегах Мертвого моря указывают еще место нахождения Содома, тогда как о Капернауме нет никаких следов в памяти.

Вифсаида Галилейская была на западной стороне моря, в равнине Геннисаретской, и именуется в евангельской повести о чудесном насыщении народа пятью хлебами и двумя рыбами (Мк. 6; Лк. 9; Ин. 6). Но кроме того, была другая Вифсаида, того же имени («дом рыбный»), на северо-восточной стороне озера – селение, которое ради высоты и красоты местоположения тетрарх Филипп превратил в город и назвал Вифсаида Юлия, по имени дочери кесаря Юлии. Здесь, по-видимому, происходило описанное у Иоанна (Ин. 6) насыщение народа на широком месте, где травы было много. Сюда прибежал народ пешим путем, когда Иисус пошел «на ту сторону моря» и взшел на высокую гору с учениками, а потом отослал учеников на другую сторону, в Капернаум; тогда оставшийся у Вифсаиды народ наутро вернулся туда же, в Капернаум, на кораблях, приплывших из Тивериады.

Десятоградие. (Мф. 4; Мк. 5:7). По завоевании Сирии римлянами отделены были десять городов, колонизованы и выделены в особое управление под названием Десятоградия. Почти все они расположены были на восточной стороне Иордана. В числе их и была Гадара на земле Гадаринской, куда переправился Иисус морем из Капернаума (Мф. 8; Мк. 5; Лк. 8.), где изгнан легион бесов из бесноватого, вышедшего из гробов и разглашавшего потом о чуде в Десятоградии. Ныне на месте Гадары ничтожное селение, окруженное старинными гробницами, высеченными в горах, и в этих гробницах, подобно евангельскому бесноватому, укрываются донныне дикие жители того края.

Горняя. Горная сторона к западу, вблизи от Иерусалима. Здесь были на горах так называемые «грады Иудовы», из коих 9 еще со времени Иисуса Навина отведены были священникам, потомству Ааронову (Нав. 21). В одном из этих градов был дом Захарии, куда приходила «со тщианием» в Горняя к Елисавете Пресвятая Дева Мария (Лк. 1). Ныне, по

преданию, место этого града и дома Захарии предполагается в селении Айн-Керим, куда направляются на поклонение паломники Св[ятой] Земли.

Магдала (пределы Магдалинские). Имя это встречается только у евангелиста Матфея (15:39), когда по насыщении четырех тысяч народа Иисус вошел в корабль и вступил в пределы Магдалинские. Других следов этого имени нет в священных книгах, но, по преданию, предполагается место Магдалы на западном берегу Галилейского озера, между Капернаумом и Тивериадой. В той же местности находилась, по-видимому, Далмануфа, которую называет евангелист Марк (Мк. 7), повествуя, что Иисус, тоже по насыщении четырех тысяч народа, вошел в корабль и прибыл в пределы Далмануфские. Магдала, по преданию, была местом рождения Марии Магдалины.

Кесария Филиппова – самый северный пункт Палестины, до коего простиралось хождение Господа Иисуса по Палестине. Это был предел северного колена Данова, поблизости от истоков Иордана. Место возвышенное, отличавшееся и обилием вод, и роскошною растительностью. Здесь Иродом построен был храм, посвященный императору Августу. Здесь же сын его Филипп, тетрарх, властитель этой страны (Итурей и Трахониды), построил великолепный город, назвав его Кесарией в честь кесаря с прибавлением его имени.

В этот дальний край направился Иисус, как видится, когда отошли от Него многие ученики и когда в Иудее готовились убить Его. До самой Кесарии едва ли доходил Он, и, вероятно, в окрестностях ее последовало исповедание Апостола Петра (Мф. 16). По шести днях затем последовало преобразование Господне на горе высокой. Вышед оттуда, проходил Он чрез Галилею и не хотел, чтобы кто узнал Его (Мк. 9), и на пути возвещал ученикам грядущие Свои страдания. И, по-видимому, это было последнее возвращение Иисуса в Галилею перед окончательным отходом в Иудею.

Самария. Издревле священная область израильского народа, удел колена Ефремова. Здесь, в Сихеме, было первое

пристанище Авраама на пути его из Халдеи в обетованную землю и первое поселение Иакова близ горы Гаризина; здесь ископан им и кладезь, из коего «сам пил и дети его, и скоты его» (Ин. 4). Здесь находилась гробница Иосифа. Здесь образовался первый священный центр – столица Израиля по овладении Палестиною¹⁹. Во все время истории царства Израильского Гаризин считался первою его святынею, и цари ездили сюда венчаться на царство, и самые священные предания всего народа с этим местом были связаны. Но когда после ассирийского пленения сюда выведены были возвращенные из плена новые поселенцы, из них образовалась в течение времени особливая секта самаритян, враждебная иудейству, и между иудеями и самаритянами выросла взаимная ненависть, так что одно имя самаритянина стало бранным словом у иудеев (Ин. 8:48).

Через Самарию лежал обычный путь из Иерусалима в Галилею. Итак, когда оставил Иисус Иудею и пошел опять в Галилею, надлежало Ему проходить через Самарию (Ин. 4:3), и Он, утрудившись на пути, сел у источника Иаковлева. Здесь происходила достопамятная беседа Его с женою Самарянокю, веровавшею вместе с отцами своими, что только в горе сей, то есть Гаризине, следует поклоняться Богу, и здесь изъяснил ей Иисус, что Бог есть Дух и не с местом связано поклонение Отцу в духе и истине. И здесь у источника, вблизи от Сихема, ставшего уже Сихарем, открывалась перед Ним побелевшая нива, поспевшая к жатве, во образ великой жатвы, на которую готовились ученики Его.

Но и доныне на том же месте оставшиеся Самаряне остаются при прежней вере, что на Гаризине может быть истинное поклонение.

Иордан, имея истоки в Ливанских горах, проходит последовательно озеро Меронское, озеро Тивериадское, впадая, наконец, в Мертвое море. Река, которую можно назвать пустынною: и с запада, и с востока берега ее представляют дикую пустыню, и ни с той, ни с другой стороны не бывало на берегах ее ни городов, ни селений. В этой дикой пустыне по-

является Иоанн, как он описан у евангелиста Матфея (Мф. 3; Мк. 1; Лк. 3), в пустыне Иудейской, и там в пустыне был к нему глагол Божий (Лк. 3), и пошел проповедовать по всей стране Иорданской покаяние всем людям. Нигде нет прямого указания на особое место его проповеди или место крещения, разве у евангелиста Иоанна (Ин. 1:29) – указание на Вифавар, «по ту сторону Иордана» (стало быть, на восточной стороне реки), куда иудеи присылали к нему спросить, кто он, и где увидел он Иисуса, грядущего к нему и исповедал Его Агнцем Божиим и Сыном Божиим.

Но местонахождение Вифавара остается неизвестным. После того Иоанн, повествуя (Ин. 3:22; 4:2), что Иисус пришел с учениками в Иудейскую землю и жил там с ними, и ученики Его крестили, говорит, что крестил и Иоанн во Еноне, близ Салима, так как были там многие воды. Это место предполагается в другой, не южной стороне Иордана и не за Иорданом, но на западной стороне Иордана, где была местность, называемая Еноном, богатая множеством источников.

На последнем пути Иисуса Христа к Иерусалиму лежал ключ к этому пути – *Иерихон*, единственный знаменитый город на берегах Иордана, как бы столица всей долины Иорданской. Он лежит во главе двух проходов из этой долины во внутренность Палестины, служа воротами в долгий и трудный путь от Иерихона к Иерусалиму, тот самый путь, по которому шел впадший в разбойники путник притчи о милосердном Самарянине. Не менее шести часов надлежало употребить на трудное восхождение по каменистым голым утесам, лишенным всякой растительности. Здесь проходил и Христос Спаситель с учениками, покуда открылись пред Ним покрытые зеленью вершины горы Елеонской и приблизилась Вифания с готовым для Него приютом.

Гора Елеонская связана священными воспоминаниями со всю историю Израиля; близка, в субботнем пути от Иерусалима (Деян. 1), ночное уединение и ночная молитва Христа Спасителя, когда Он днем был в храме, а вечером удалялся на гору, а ночной приют имел в Вифании, в доме Марии, Марфы

и Лазаря. Вифания же была последнее селение у горы Елеонской на пустынном и диком пути из Иерусалима в Иерихон, у подошвы утесистой горы, откуда по дороге в Иерусалим проходил вверх по горе Елеонской трудный кружный путь к потоку Кедронскому и в Иерусалим. Приближаясь по пути иерихонскому к Иерусалиму, когда завидел Он Виффагию (селение близ Вифании) и Вифанию, посылает учеников привести осленка. Отсюда проходил Он в день торжественного Своего входа в Иерусалим посреди множества толпы народной, которая отчасти двигалась перед Пасхою по пути из города в Вифанию, отчасти в город из Вифании, куда стекались люди на место Лазарева гроба и воскресения (Ин. 12:17, 18). Вдоль по пути срывали они ветви с оливковых деревьев на дороге и постилали на пути, иные же постилали на землю одежды свои. Одни шли впереди, другая толпа за ними следовала, и, приближаясь к спуску с горы Елеонской, восклицали: «Осанна Сыну Давидову!» И тут же в толпе народной фарисеи, соблазняясь, говорили Ему: «Запрети ученикам Твоим», – но Он, указывая на лежавшие по дороге камни, отвечал: «Если они умолкнут, то камни возопиют» (Лк. 19:39, 40). Еще ближе, на повороте, открылся перед Ним город со всем великолепием зданий, и, видя его, возмутился Он духом и заплакал о губительной судьбе его. Наутро, выходя снова из Вифании в город, проходил Он по пути, остановившись у бесплодной смоковницы (Мф. 21).

У подошвы горы, близ потока Кедронского, был сад, где часто собирался Иисус с учениками Своими. И, окончив предсмертную беседу Свою с ними, на последнем пути от вечери из Иерусалима вошел Иисус в сад Сам и ученики Его. И знал это место Иуда предатель...

В то время много было растительности и оливковых деревьев в Гефсимании. Ныне там остаются только 8 деревьев от великой отдаленной древности, остаток священного вертограда, там совершалась великая молитва Иисусова в предсмертном томлении и ужасе...

Праздники Господни

*Блажени людие ведущие воскликновение:
Господи, во свете лица Твоего пойдут.*

Пс. 88:16.

Праздник! Святое слово. Когда Бог осудил падшего человека возделывать землю, обремененную проклятием греха, и в поте лица своего есть хлеб свой, Он изрек человеку заповедь – праздновать субботу: «день же седьмой – суббота Господу Богу твоему»²⁰. Это не значит только: один день отдыхай, человек, от трудов своих. Нет, это значит много более: неделю работал ты, человек, в заботе о земном, приникая лицом к земле, твоей питательнице, но в седьмой день воздвигни лицо твое от земли, обрати взоры свои к небу, к Богу Создателю твоему, и воспарь к Нему благодарною душою. И тогда оставь гнетущие тебя заботы; упразднись и от богатства и чести, и от нищеты и бесчестия и обратись к источнику жизни бессмертной – туда, где нет нужды, болезни, зла и неправды.

Это вековечный завет Божий человеку. Святая Церковь наша крепко хранит его, и все верные дети ее, все любящие Церковь, хранят его крепко, и верно, и любовно, потому что не могут не любить праздники, посвященные воспоминанию великих событий в Церкви Христовой.

Как бы мы, верующие, жили здесь без этих праздников, как бы пуста и безотраднa показалась нам жизнь посреди всей ее суеты, посреди гнетущих забот, посреди нужды и неправды! А всякая душа, «скорбящая, озлобленная, помощи и милости от Бога требующая», без праздника куда бы девалась, на чем бы отдохнула от своей отчаянной скорби? Всякую душу, как бы ни была она погружена и в молву людскую, и в безмолвие одиночества, праздник призывает петь песнь Вседержителю Богу.

Слово это понятно и сочувственно русскому человеку, с детства воспитанному в благочестивом обычае, с детства зна-

ющему Церковь с ее праздниками. Русский человек всю свою жизнь, все свое рабочее время привык измерять по праздникам церковным. Русская душа отдыхает и радуется в церковный праздник, и благо тому, кого благочестивые родители с детства приучили чтить праздник, с радостным чувством ждать его и услаждаться его освежающей и возвышающей силой. А Церковь наша своим богослужением так торжественно обставила не только великие праздники, но и таинственное ожидание их для верующих, что праздник сам собою постепенно вступает в душу, озаряя ее тихим светом благодати.

Весь год светится этот свет тому, кто привык ощущать его. Настает весной праздников праздник, Пасха Христова, и ему предшествует семь недель торжественного приготовления и ожидания – непрерывною цепью молитвенных созерцаний, таинственных воспоминаний и вдохновенных песнопений. Настает подлинно «царица времен, весна душам», как сказано в каноне на неделю св[ятого] Фомы. За Пасхой идет ряд недель по Пасхе, посвященных евангельским воспоминаниям, умиляющим душу, до радостного Вознесения, на котором Церковь собрала подлинно и песнопения, и звуки, исполненные светлой радости. Недолго затем ждать цветущего праздника Пятидесятницы: «небеса поведают славу Божию», природа пышным расцветом своим призывает славить Бога во Святой Троице, и живые с усопшими соединяются в общей друг за друга молитве. Осень приводит великие дни Преображения, Успения, Рождества Богородицы, Воздвижения и Покрова. И уже в начале зимы возникает в душе чаяние Введеньева дня, когда затеплится заря Рождества Христова и в церкви уже слышится тихое пение: «Христос рождается!». Ждем сочельника, и чему уподобить торжественную тишину этого дня, исполненного от царских часов до вечерни и всенощной таинственных образов, пророчеств и песнопений! Знают эти дни все церковные люди, кто стаивал в трепетном ожидании первой вечерней стихир²¹: «Приидите, возрадуемся Господеви, настоящую тайну сказующе».

Вслед за Рождеством – Богоявление со своим торжественным сочельником, Сретение, Благовещение, уже озаряемое дальним сиянием Пасхи.

Многим людям, принадлежащим к Церкви, но не имеющим живой связи с нею и с ее богослужением, странно и непонятно кажется радостное ожидание Великого Поста. Но церковный человек стремится к нему как к источнику живой воды в пустыне и жаждет ощутить в нем тишину среди житейского шума. Открывается постная Триодь, наступает Неделя мытаря и фарисея, предвестница поста, и уже видятся вдали отблески первой зари Воскресения.

С раннего утра в Чистый понедельник уже ощущается тихое веяние Великого Поста. Какая тишина в московских улицах и переулках и в свежем, чистом весеннем воздухе, какой гармонией звучат серебристые переборы колоколов, отовсюду зовущих к утрени! Войдешь в любую церковь – она наполнена, и в какой тишине стоят всюду первые говельщики. Зачинается что-то торжественное всюду, и православный человек ждет, когда за вечерней потекут умирительные песни Великого Канона и послышатся давно не слышанные тихие, величественные напевы ирмосов²²: Помощник и Покровитель.

Каждая неделя затем – новая ступень восхождения к великому празднику. Ждать этого праздника, переживая день за днем возвышенные богослужения Страстной недели, и, наконец, вступить в час светлой полуночи: счастлив, кому знакомы эти ощущения, кого они переносят светлым воспоминанием в дальние годы цветущего, невинного детства.

Такова благословенная цепь праздников, связующая из года в год жизнь христианина в Церкви. Но в течение года и на каждой неделе сияет верующей душе день воскресный. Утомленный шестидневной суетой и заботой, жаждет человек вечера субботы – и вот опять раскрывается перед ним священная поэма субботы на воскресной всенощной; торжественное начало вечерни, голосами природы призывающее славить Господа, потом осмогласие²³ воскресных стихир и вечерняя песнь на солнечном закате; потом в сумраке и тишине

молитвы и возвышенные образы псалмов Давидовых; потом в сиянии света громкие торжественные песни Воскресения, с детства радующие слух верного сына Церкви, и на каноне чудные песни ирмосов на 8 гласов, один другого благозвучнее, один другого торжественнее, все издавна знакомые слуху, все неизменно умиляющие душу...

Так совершается венец лета в Церкви и в жизни православного христианина. Истинно блаженны люди, ведущие воскликновение в праздниках церковных.

Москва.

Хлебный переулочек

20 июня 1857 года²⁴

Слуху моему даст радость и веселие

Пс. 50:10

Как прилична эта молитва входящему в храм Господень! Случается, чтоходишь и стоишь на молитве с тупою мыслью, с заснувшим чувством. Вокруг тебя поют и читают, проносятся слова, исполненные святого, великого значения, но слова проходят мимо ушей, не ложась на сердце и не пробуждая мысли. В голове вертится и развивается что-то чуждое храму, мирское, суетное. Принуждаешь мысль свою, гонишь прочь чуждые представления и картины, но ничто не помогает, если Бог не пошлет Своей благодати. Эта благодать есть радость и веселие слуха, когда он жадно ловит каждое слово, каждое слово ложится на сердце и возбуждает его. Посреди слез и вздыханий сердце радуется; потому радуется, что согласно с самим собою; расположение вполне соответствует желанию. Душа расплавилась в молитве и беседует с Богом в радости и весельи. Слуху моему дал Бог радость и веселие: вот и начало, и цель доброй молитвы. В то время, когда сердце, исполненное сокрушения, смиряется перед Богом, исполняется вздыханиями, Бог посылает ему радость и веселье.

Это действие Духа, ходатайствующего о нас вздыханиями неизглаголаннми. Как будто Христос явился в сонме учеников и сказал; мир вам, радуйтесь!

О, святая и неизглаголанная радость! Нет без тебя обращения к Богу, нет без тебя сыновней любви и сыновнего дерзновения. С тобою все легко на этом свете, и мысль о счастье с тобою только становится понятною человеку, потому что с тобою ощущает он в своем сердце счастье, не зависящее ни от людей, ни от времени, ни от обстоятельств. Тебя принес на землю Христос Спаситель и тебя оставил Он на земли в утешение человеку. Он дал ему силу, любовь и дерзновение звать: Авва Отче! к Богу Вседержителю, к Богу, Который грозен, как поедающий огонь, и Которого одна только благодатная радость представляет человеку Отцом, Любовию утешающею, согревающею, оживляющею. Господи! Слуху моему даси радость и веселие, да познаю Тебя в животворящем Слове Твоем, в жизни, в природе, в человеке, и во всем да возлюблю Тебя, и все да познаю и возлюблю в Тебе, Начало всякой любви и радости, и всякого ведения!

10 августа 1857 года²⁵

Кому случилось испытать на себе дивную силу воспоминаний, тот знает по опыту, как часто вдруг, неожиданно, среди равнодушия и усталости, среди шума и суеты, одно невзначай услышанное слово, один напев или звук будил уснувшую душу и мгновенно отворял ей двери в обширный мир прожитого, минувшего. Мгновенно воскресала в душе живая картина из минувшей жизни со всею ее обстановкою, возникали из глубины прошедшего милые образы, давно оставшиеся позади нас, и душе слышалась так явственно, так понятно и усладительно целая гармония того момента, которого коснулось воспоминание. Никакими словами невозможно выразить впечатление, производимое в душе таким воспоминанием: какая-то торжественная поэма слагается в ней из остатков минувшего, за минуту перед тем бывших отрывочными представлениями.

Тут все они оживляются и сходятся в стройное целое. Все, что было слишком резко и угловато в действительности, пропадает, уступая место мягким тонам и краскам. Такие минуты принадлежат к лучшим минутам в жизни.

Но как счастлив тот, у кого воспоминания детства и юности соединены с самыми возвышенными ощущениями, какие способны охватывать душу, – с ощущениями и впечатлениями веры! Сколько новых источников религиозного вдохновения приобретает душа, у которой есть запас религиозных ощущений из минувшего времени, и как оживляется такими воспоминаниями молитва! Придя в церковь с холодным и неподвижным чувством, вдруг оживляешься от одного слова или напева, напомнившего то ощущение, с которым слушал его когда-то в другое, давно прошедшее время, то настроение духа, в котором тогда звук этот был встречен. Смотришь на стены, на иконы, на алтарь и вспоминаешь, как во время оно стоял и молился здесь, как сюда приносили и приводили тебя домашние, молившиеся за тебя или вместе с тобою. Сидишь дома в день праздничный и ждешь колокола; вот ударили – и вдруг душа тронулась. Один этот звук напомнил тебе, как ту же самую минуту давным-давно встречал ты в детстве, и так же как тогда с горячим желанием, с нетерпеливым ожиданием чего-то таинственного и торжественного спешишь ты в церковь стать на свое место. Как часто дома, читая Библию и равнодушно проходя мыслию целые страницы, вдруг попадешь на слово, которое разом согревает душу и вводит тебя в мир самых сладостных и возвышенных духовных ощущений. Отчего? Оттого, что это слово – слово родственное, знакомое душе, слово, которое в ту пору будило твою мысль и лелеяло твоё чувство. Вспоминаешь торжественную минуту прошедшего – и настоящая минута озаряется тем же торжественным светом. Кажется иногда, что некоторые слова Св[ятого] Писания сами по себе имеют какую-то таинственную силу зажигать и поднимать душу. Чем чаще читаешь его в лучшие минуты душевного умиления, тем глубже западают в душу эти слова и хранятся в ней до того времени, когда понадо-

бится душе слово для того, чтобы раздуть в ней искру того же умиления, хранившуюся под пеплом...

21 ноября 1860 г.²⁶

*Матери, срадитесь!
Девы, възграйте!*

Не напрасны эти слова. Дева христианская, услышав их в церкви, възграет сердцем, и тронется божественным вдохновением сердце ее, может быть, уже слишком знакомое с иными восторгами светской суеты. Но если доброе семя посеяно в этом сердце ранними уроками матери и Словом Божиим, если мысль о чистоте сердечной дорога для нее, если, обращаясь с молитвою к Пресвятой Деве, она полюбила душою идеал девы христианской, в ней проснется и възграет дух молитвы при этих словах песни церковной. Она почувствует радость о Чистой Деве, приведенной в храм и ставшей пред Богом в радости и в трепете душевном, радость о том, что сама она, дева христианская, стоит перед Богом в храме Его. Как ей не сказать в эту минуту: Господи, се аз перед Тобою. Благослови меня и сделай чистым мое сердце! Матерь Божия! Пречистая Дева! Помоги мне сохранить чистоту сердца посреди мира, наполненного всякою нечистотою!

Чистый, святой образ Матери Божией должен каждую минуту напоминать деве христианской, что нет на земле имени и места святее и чище имени и места девы и что нарушить эту святость, обесславить это имя – великий грех, великое несчастье, великое презрение к дару и званию Божию. С тех пор как явилась на земле Дева – Матерь Божия, все чистое, доброе и славное в природе человеческой соединилось в одном этом слове – дева. Где найдем другое имя, которое сравнялось бы с этим, где найдем такую честь, которая стоила бы этой, где встретим образ чистоты и невинности, похожий на образ девы христианской? Это сила веры, побеждающей весь мир, сила смирения, о которое сокрушается всякая гордость; это любовь,

и радость, и мир о Святом Духе. Та самая деятельная любовь, которая долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не помнит зла, не радуется о неправде, а радуется о истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Та самая радость, которая и среди земного горя хранит улыбку кротости и упования, владеет дивной силой озарить и утешить всякую омраченную и отчаянную душу человека, не ведавшего любви и сочувствия. Возьмите из мира деву – как станет темно и пусто в мире. Посреди забот всех и каждого о селе своем, и о купле своей, и о людской своей чести беда, если затмится мысль о чистоте и невинности! А она затмится, когда пропадет вера в святое имя и звание девы, когда исчезнет сияние над ее местом, когда перестанут воздавать ей честь девства и невинности, перестанут смотреть на нее в семье как на ангела хранителя, как на славу родителей и целого дома, в обществе – как на чистое существо, при чьем появлении должны умолкнуть нечистые слова и нестройные речи. Горе будет тому обществу, в котором пропадет святое уважение к деве и появление ее перестанет возбуждать в каждом заботу о том: хороша ли мысль его, чисто ли его слово?

Но беда и той деве христианской, у кого в душе пропало святое желанье ходить достойно своего звания и носить в себе честь свою для того, чтобы та честь, которую воздает ей общество, не сделалась ложью и упреком. Беда ей, когда привыкнет принимать она эту честь как должную дань, захочет властвовать в кругу своем образом и тенью красоты и невинности; потребует любви и служения от всякого, кто к ней приближается, забыв о том, что в мире христианском всякая власть есть служение и что любовь христианская сама прежде всего любит, не ожидая любви от других: как Бог возлюбил мир и человека. Тогда честь ее станет лицемерием, любовь ее станет лестью и обманом. Отойдет от нее радость, которую следовало ей всюду приносить с собою, пропадет благоухание чистоты, исчезнет великая сила, которая по воле Божией соединена с именем и званием девы христианской.

Всякая истинная сила у нас от Бога, и всякую силу Бог указал нам носить в хрупком «глиняном» сосуде. У кого этот сосуд цел еще, у кого не разбился он на рынке житейской суеты, тот пусть благодарит Бога за милость и, прося от Бога помощи, пусть несет сосуд свой с верою и со страхом Божиим до конца земной дороги. Иному дана была великая сила на доброе и славное, но он разбил сосуд свой на половине дороги, не совершив ничего доброго и славного, только помышляя о том, сколько добра и славы несет он с собою в запасе. Другому дана малая сила, но Бог помог ему сохранить малую силу в сердечной простоте, и малый свет его светится, и малое дело его вокруг него растет и благоухает. Страшно человеку носить в себе силу, страшно ходить в ней с честью перед людьми, когда человек помнит, что ходит перед Богом и что Бог, а не воля человеческая, возложил на него звание. Страшно потому, что всякий человек есть ложь и всякое слово его, от себя сказанное, есть праздное слово самообольщения. Оттого-то страх Божий объемлет человека, едва только станет он со своею мыслью, со своим чувством, словом и делом не перед самим собою, не перед людьми и судом людским, но прямо перед Богом. И благо, если этот страх Божий приводит его каждый раз к смиренной молитве, к сознанию своего ничтожества и Божьей силы, к чувству любви и благодати Божией. Тогда, пройдя сквозь огонь молитвы, растопившееся сердце человека зацветет праздничною радостью, которую дает живая любовь к Богу и надежда на Него. Сердце человека зыграет перед Богом.

Так зыграет сердцем христианская дева, когда, став в храме в нынешний день, подумает она, как чиста была, смиренна душою и полна тихой веры и любви Божией Та, Которую Бог избрал Себе нерукотворенным храмом. Подумает потом о своем звании и о великой чести девы христианской; подумает о себе и, поставляя себя перед Богом, увидит, как ей далеко до чистоты и простоты сердца, достойной ее звания. Как должно загореться в ней желание быть в числе тех дев, которые «приведутся к Царю» вслед Пречистой Девы и «введутся в дом Царев»! Как горячо станет молиться Богу и Пресвятой Деве о

помощи и очищении посреди мира, чтобы не смутила ее людская лесть, чтобы не соблазнила честь людская, чтобы желание любви и служения многих не отвело ее от любви и служения немногим, с кем связана будет судьба ее, чтобы праздное слово о любви не ослабило в ней любви делом и истиною, чтобы не иссякла в сердце ее та духовная радость, которою человек сам счастлив и делает счастливым ближнего, подходящего к нему! Благодать Божия ответит на простую и горячую молитву, и дева христианская глубоко почувствует правду церковного воззвания к девам: «Девы, възграйте!».

25 декабря 1856 года

Рождество Христово

Никогда так сильно не ощущаются в душе моей впечатления детства, никогда так явственно не переносится воображение в отдаленное, цветущее время моей молодости, как в дни великих праздников Рождества Христова и Святой Пасхи. Это праздники по преимуществу детские, и на них как будто исполняется сила слов Христовых: аще не будете яко дети, не имате внити в Царствие Божие. Прочие праздники не столь доступны детскому разумению и любезны для детей более по внешней обстановке, нежели по внутреннему значению. Такова, например, Пятидесятница.

Однако же и из двух названных больших праздников дитя скорее поймет и примет простым чувством Рождество Христово. Как счастлив ребенок, которому удавалось слышать от благочестивой матери простые рассказы о Рождестве Христа Спасителя! Как счастлива и мать, которая, рассказывая святую и трогательную повесть, встречала живое любопытство и сочувствие в своем ребенке, и сама слышала от него вопросы, в коих детская фантазия так любит разыгрываться, и, вдохновляясь этими вопросами, спешила передавать своему дитяти собственное благочестивое чувство. Для детского ума и для детского воображения как много привлекательного в этом рас-

сказе. Тихая ночь над полями палестинскими, уединенный вертеп, ясли, обставленные теми домашними животными, которые знакомы ребенку по первым впечатлениям памяти, в яслях – повитый Младенец, и над Ним кроткая, любящая мать с задумчивым взором и с ясною улыбкою материнского счастья; три великолепных царя, идущих за звездою к убогому вертепу с дарами, и вдали на поле пастухи посреди своего стада, внимающие радостной вести Ангела и таинственному хору сил небесных. Потом злодей Ирод²⁷, преследующий невинного Младенца; избиение младенцев в Вифлееме; потом путешествие святого семейства в Египет – сколько во всем этом жизни и действия, сколько интереса для ребенка! Старая и никогда не стареющая повесть! Как она была привлекательна для детского слуха и как скоро сживалось с нею детское понятие! Оттого-то, лишь только приведешь себе на память эту простую повесть, воскресает в душе целый мир, воскресает все давно прошедшее детство с его обстановкою, со всеми лицами, окружавшими его, со всеми радостями его, возвращается в душе то же таинственное ожидание чего-то, которое всегда бывало перед праздником. Что было бы с нами, если б не было в жизни таких минут детского восторга!

Таков вечер пред Рождеством: вернулся я от всенощной и сиюю дома в той же комнате, в которой прошло все мое детство; на том же месте, где стояла колыбель моя, потом моя детская постелька, стоит теперь мое кресло перед письменным столом. Вот окно, у которого сживала старуха няня и уговаривала ложиться спать, тогда как спать не хотелось, потому что в душе было волнение, ожидание чего-то радостного, чего-то торжественного наутро. То не было ожидание подарков – нет, – чувлось душе точно, что завтра будет день необыкновенный, светлый, радостный, и что-то великое совершаться будет. Бывало, ляжешь, а колокол разбудит тебя перед заутреней, и няня, вставшая, чтобы идти в церковь, опять должна уговаривать ребенка, чтобы заснул.

Боже! Это же ожидание детских дней ощущаю я в себе и теперь... Как все во мне тихо, как все во мне торжествен-

но! Как все во мне дышит чувством прежних лет, с какою духовною алчностью ожидаю я торжественного утра. Это чувство – драгоценнейший дар неба, посылаемый среди мирского шума и суеты взрослым людям, чтобы они живо вспомнили то время, когда были детьми, следовательно, были ближе к Богу и непосредственнее, чем когда-либо, принимали от Него жизнь, свет, день, пищу, радость, любовь и все, чем красен для человека мир Божий.

Но это ожиданье радости великой и великого торжества наутро у ребенка никогда не обманывалось. У ребенка минута ожидания так сливалась с минутою наслаждения и удовлетворения, что не было возможности уловить переход или середину. Ребенок просыпался утром и непременно находил то, о чем думал вечером, встречал наяву то, о чем говорили ему детские сны: существенность для ребенка – не то же ли, что сон; сон его – не то же ли, что существенность? Ребенок утром просыпался, окруженный теми же благами жизни детской, которые бессознательно принимал каждый день, только освещенные праздничным светом, лица, его окружавшие, были вдвое веселее, ласки живее, игры одушевленнее. Чего же более для ребенка? Ребенок не жалел наутро о том, чего ожидал вечером; как было бессознательно вчерашнее ожидание, так и утреннее наслаждение было бессознательно: не было места рефлексии, анализу и сравнению. Вчерашняя мечта была так похожа на нынешнюю действительность; нынешняя действительность так соответствовала вчерашней мечте, что мечту нельзя было назвать мечтою, и действительность не нужно было противопоставлять ей.

Не всегда так бывает со взрослым; но жаль того, у кого радостное ожидание праздника при наступлении праздничного утра заменяется горьким чувством пустоты и разочарования! «Всякой вещи время под небесем»²⁸. Детство проходит, и взрослый человек не может жить так, как жил ребенок. Для того, чтобы сохранить в себе способность к живой, полной и чистой праздничной радости, взрослый человек не может довольствоваться тем непосредственным ощущением, которое

свойственно ребенку; как смотрел на мир свой ребенок, так не может взрослый человек смотреть на свой мир: с тех пор, как он начал расти и приходить в сознание, в душе его образовался свой мир, сложившийся в нем часто бессознательно, частью сознательно, мир обширный, как вселенная, мир беспредельный, как вечность! Что положил туда человек, то и вынесет оттуда.

И если впечатления своей юности положил он туда, как старую вещь, не назначив ей места, не уразумев ее значения, не связав ее мыслью и духом со всем остальным запахом, собранным по житейской дороге, эти впечатления будут служить ему только блестящею игрушкой, которую можно вынуть на время для потехи, но которую надо будет потом отложить в сторону с грустью или с насмешкой. Что толку в одной игрушке для взрослого человека?

Но если в этих впечатлениях своего детства удалось человеку уловить таинственный смысл жизни и вечности, если от них на всю жизнь до последней земной черты ее светит ему свет любви и истины, если в воспоминаниях детства сердце его бьется тем же радостным биением, какое ощущает и за пределами детства во всяком стремлении к добру, красоте и истине, если в самых лучших и самых сильных порывах души своей взрослый человек узнает то же чувство, которое бессознательно зарождалось в душе в ранний период ее жизни, в таком случае воспоминания детской радости никогда не покажутся ему одною игривою мечтою. Тогда не обманет человека и праздничное утро в том счастливом ожидании, которое он ощущал вечером. И если вечером сияла на нем заря счастливого детства, то утро озарит его тихим светом восхода солнечного и разольет в душе его мир, любовь и надежду. Если прежде в дни Рождества Христова был он ребенком, внимательно слушавшим и бессознательно сохранившим святую повесть о Божественном Младенце в яслях, то теперь просветленное сознанием, укрепленное верою, согретое любовью, еще живее возродится в нем детское чувство и, снова ощутив себя младенцем, обратится он всем сердцем к уединенному вертепу, к

Младенцу, лежащему в яслях, младенчески приникнуть к ним, и младенческим взором и сердцем, младенческими устами воскликнуть к Младенцу Христу, как некогда восклицал к Богу Самуил²⁹: се аз, Господи!³⁰

О, великая таинственная ночь! О, светлое, торжественное утро! Если забуду тебя, если останусь равнодушен к тебе, если перестану слышать те речи и словеса, коих гласы слышатся в тебе всякой душе верующей, стало быть, я забуду свое детство, свою жизнь и самую вечность..., ибо что иное вечность блаженная, как не вечная радость младенца перед лицом Божиим!

Двадцать пятое декабря <без года>

В кафедральном соборе столичного города один из самых торжественных моментов – обедня в день Рождества Христова, и после нее известное, родное каждой православной русской душе благодарственное молебствие по случаю нашествия на Москву и на Россию галлов и с ними двадцати язык³¹.

Какое торжество из всех общественных собраний может сравниться с этим торжеством в величии, в истине и сосредоточенности чувства, проникающего всех и каждого, объединяющего в себе два великих, два господственных ощущения человеческой природы – религиозное и национальное? Поистине мир самых возвышенных явлений искусства и науки не может представить ничего подобного. Вся эта сплошная, громадная масса голов слилась как будто воедино и живет одною жизнью праздничного, торжественного настроения, и из груди ее льется единая песнь Родившемуся Христу, Спасителю человечества, Спасителю верующей России.

Идет литургия, гремит с клироса могущественное, гармоническое пение, старый и малый (ибо родители приводят и приносят сюда, не страшась давки, и малых детей своих), самый знатный и самый простой человек стоят рядом в простом, бессознательном и тем более драгоценном состоянии общего равенства перед Богом и празднуют Богу в молитве.

Но вот кончилась литургия.

Из алтаря выходит процессия, направляясь к возвышению посреди храма. На помост становится весь собор пребывающих в столице иерархов, и посреди их есть старейшие, убеленные сединами, живые свидетели или участники многих великих событий в Церкви, иной – современник, хотя по детству своему, с великою эпохою освобождения России в 1812 году. Начинается служба, великая служба, составленная художником церковной речи, коей каждое слово отдается в русском сердце, начиная с громогласного «С нами Бог». Русские люди с трепетом ждут после Рождественских песен, когда загремит «Всемирная слава» с ее могучим «Дерзайте, людие Божии», когда раздадутся знакомые слова пророчества о гордом завоевателе, раздражавшем землю, потрясавшем царей, положившем вселенную всю пусту, слова Апостола Павла о героях народной брани, победивших врагов верою, слова Евангелия о тяжких временах, когда восстанет язык на язык и царство на царство³². Диакон возглашает умиленные прошения сугубой ектении³³ с благодарением и исповеданием Богу, что не по беззакониям нашим сотворил нам, но в годину искушения, пришедшую на всю вселенную, избавил нас, и внегда обышедше обыдоша нас враги наши, явил нам свое спасение, с молитвою об упокоении душ вождей и воинов и всех ревнителей веры и правды, в годину искушения душу свою за братию положивших.

Наконец, настает самая торжественная минута богослужения, когда вслед за престарелым митрополитом вся громада народа, наполняющая храм, как бы вся Церковь Российская, преклоняет колена и слушает в глубоком молчании великую, подлинно великую заключительную молитву. И престарелый митрополит, умеющий, как никто, произносить всенародные молитвы, произносит ее, как сказано в уставе, «со всяким вниманием и умилением велегласно». Каждое слово молитвы слышится во всех углах храма.

Послушаем.

«Ты глаголал сынам Израилевым: если не послушают гласа Твоего хранить и творить все заповеди Твои, наведешь на них язык бесстуден лицом, да сокрушит их во грехах их...

И мы ведали, что страшный глагол сей наступал на нас и на отцов наших! Но не боявшись прещения³⁴ Твоего и вознерадев о Твоем милосердии, оставили мы путь правды Твоей и ходили в волях сердец наших, и не научились иметь в разуме и сердце Тебя Бога разумов и сердец! И еще, вменив ни во что отеческое предание, прогневали мы Тебя ради чужих. И вот за то нас, как древле сынов Израилевых, объяло лютое обстояние, и те самые, кого мы желали иметь учителями себе и наставниками, явились нам буйными и зверонравными врагами... Но Ты, Господи Боже, щедрый и милостивый... на малое время оставив нас, помиловал нас велиею милостию!.. Ты призрел на скорбь нашу и на потребление царствующего града, в коем от лет древних призываемо было имя Твое, и на моления наши... и дал нам хребет нечестивых супостатов... Даруй нам, Господи, иметь в себе тверду и непрестанну память сего славного посещения Твоего...».

Кто из отцов и дедов наших, свидетелей незабвенного 1812 года, не проливал горячих слез при чтении этой великой, потрясающей русскую душу, молитвы! Но можем ли и мы, сыны людей того века, слышать ее равнодушно? В ней вопиет к нам вся история Русской земли, история бедствий и внезапных радостей, тяжких падений и восстаний от падения, безначалия и внезапного воскрешения власти, история, проникнутая непоколебимою верою доброго народа в Промысел Божий над нашим отечеством... И разве ныне, так же как в ту пору, не носится над нами тот страшный глагол, реченный некогда сынам Израилевым и пришедший на нас и на отцов наших? И разве ныне не готовы превратиться для нас во врагов буйных и зверонравных те самые, на кого мы смотрим как на учителей и наставников?

Ранняя обедня

Кончилась торжественная всенощная накануне Рождества. Тихо и радостно на душе в ожидании завтрашнего утра. Устали все, но усталость какая-то отрадная. Раньше ложишься

в постель, как бы не проспять утро. Засыпаешь под носящиеся в голове звуки песни: «Рождество Твое, Христе Боже наш, воссия миру свет разуму».

Но проспять невозможно. «Спишь, а сердце чуткое не спит», и носится перед ним вид ярко освещенного храма, и молящийся народ, и широко разливающееся пение. Трепетное ожидание, точно улыбка дитяти навстречу издали подходящей матери, и никогда еще это ожидание не обманывалось.

Пришел час, и что-то будит, точно шепчет в ухо: пора. Темно и тихо на улице – рано, «прежде денницы». Снег хрустит под ногами, мороз щиплет лицо; мимо смутные тени проходят туда же. Весело и бодро пробираешься к церкви; всюду «ударяют» к ранней обедне, и привычное ухо различает звук каждого колокола: вот у Николы, вот у Бориса и Глеба, вот у Феодора Студита, вот наш родной колокол. Входишь – церковь полна, и яркий свет льется во тьму из окон. Входят, крестятся, и вскоре, точно колосья в снопе, сплотилась в одно вся толпа народная. Рано поднялись они, и сколько в числе их таких, кому этот только ранний час можно урвать из своей непрерывной рабочей жизни – ради праздника Господня! Многие собрались из темных углов и тесных жилищ своих, от нужды и горького горя, от несносной работы. И вот в этом доме Господнем каждый чувствует себя дома, на вольном месте: в этот ранний час все властители первых мест еще покоятся на ложах своих, уступая вольное место рабочему человеку.

Стоят они сплошной стеною, от входной двери до солеи, до самых икон местных, стоят и крестятся, и молятся. Храм сияет огнями. Сборный хор на клиросах, из той же среды соборный, поет широкою праздничною песнью. Торжественные антифоны³⁵ между ектениями потоком выливаются из души, а тропарь³⁶ праздника на малом входе, точно широкая, многоводная река, выносит душу на самое средоточие радости. Православному человеку отрадно исчезать со своим я в этой массе молящегося народа, которая сливается в эти минуты в единую празднующую перед Богом душу, и волна народной веры и молитвы поднимает высоко и молитву,

и веру у каждого, кто, не мудрствуя лукаво, принесет с собою в церковь простоту верующего чувства. Тут почувствует православный человек, что значит для него церковь и какое хранилище веры в душе народной.

Кончилась обедня, народ разошелся. Но еще не опустела церковь: по темным углам, у лампад перед иконами стоят еще люди и в тишине молятся. Видно, что им еще не хочется выйти из церкви, где так хорошо было, что трудно им оторваться от тишины и молитвы, что больно им от праздничной радости возвращаться в свой угол, где, может быть, ждет их ежедневная нужда и горе, где обоймет их забота или оглушит шум нестройного веселия.

На улицах брезжит свет. В окнах повсюду загорелись огни. Дома все еще тихо, и человек, вернувшийся из церкви, приносит с собою в дом свой тихую радость. Неси ее, человек, бережно, как полный сосуд на неровной дороге, как горящий светильник на ветреном поле, покуда не разнес ее ветер всяческих ощущений, покуда не заглушил шум всяческой молвы человеческой!

31 декабря 1860 года

Новый год

Еще раз на пороге нового года... Еще вершина, на которой можно остановиться, с которой можно обозреть пройденный путь, прежде чем пуститься снова в дорогу. Остановлюсь, отдохну, скажу запрет хоть на эту минуту беспокойному сердцу, укроюсь от вьюги, которая провожала меня всю дорогу и снова встретит меня, когда опять выйду из своего уединения. Боже! Помоги мне спокойно взглянуть в свою душу и на Твое творение.

Смотрю отсюда на творение Божие, на все, что было Им послано мне, что поставлено около меня, что по воле Его собрано в моей жизни, и, положив руку на сердце, из глубины сердца и совести говорю: вся добра зело! Вот мое счастливое детство: как ярко сияет и благоухает оно из далекого про-

шедшего, как освещает передо мною путь мой, как освежает душу в минуты изнеможения! Вот пылкая юность, и с нею все, от чего зародились в душе первые восторги сочувствия. Вот мои уроки, мои радости, мои горькие потери, вот люди, с которыми жить мне в счастье, вот другие, кого похоронил я в сырую землю, сам себя не помня от скорби, вот все те, с которыми я рос и работал, от кого лились на меня дары любви и негодования, от кого принимал я и честь, и бесчестие; вот природа, которая казалась мне иногда еще живее и сочувственнее, чем живые люди, и еще сильнее возбуждала дух мой; вот мои забавы, мои встречи, мои болезни. Вся, вся добра зело. Все хорошо, что пришло мне в жизни от Промысла Божия. Все было недаром. Все было во благо.

Мое прошедшее! Как далеко ушло оно назад, в неизвестную сторону, из которой достаешь себе то радостный звук, то милый образ, то утешенье и надежду, то горький упрек совести. Посмотришь в него – улыбнешься радостно; посмотришь другой раз – от стыда закроешь лицо руками. И все-таки думаешь: оно – мое, оно – я сам, оно – часть моей жизни, и никакая сила не возьмет его от меня, не изгладит то, что в нем написано. А написано в нем все будущее, вся судьба человека. Много в нем таких строк, коих таинственный смысл разгадаешь когда-нибудь после, после, когда созреет зерно, которое было там положено, когда выступит наружу и обрисуется яркими буквами то слово, которое написала там еще неоткрывшаяся уму и совести, но всегда присущая жизни вечная мудрость. Пока человек переживал дни свои, пока делал и спал, смеялся и плакал, пока кружился и отдыхал, она написала в жизни его это слово и запечатала его своей печатью и положила на него зарок, пока придет время – сломится печать, и еще темный уголок прошедшего осветится светом сокрытого в жизни разума Божия. Больно бывает читать иные слова, но когда прочтешь их, сердце узнает, что это глаголы любви Божией и Промысла Божия о человеке. С каждым новым словом еще тайна является, еще снимается покров и открываются человеку помышления и желания его сердца.

Вся добра зело... И все-таки бьется, и все-таки просит чего-то в эту минуту беспокойное сердце, и все-таки заботливо вглядывается в далекое будущее.

Господи, благослови!

1 января 1861 года

Кто не испытал этого чувства? Кому не приходилось на своей дороге останавливаться в торжественную минуту, когда все говорит человеку, что жизнь его куда-то поворачивает? Куда – неизвестно. Все, что наполняло душу интересом житейским и волнением, прожито, прежний круг жизни закончен, открывается какой-то новый круг, в который зовет Провидение. Лелеял в себе чувство – оно разбилось; разрабатывал в себе мысль – она оказалась заблуждением; привязал свое сердце к земному сокровищу – оно украдено; положил всю душу свою в любимого человека – он отступил и оставил. Сердце разбито, побледнели все радужные образцы жизни; надежды, которыми жила душа, улетели и оставили в душе горькую пустоту. Надобно проститься с тем, что было всего дороже, в чем рассчитывал провести и закончить жизнь свою. Тяжкие минуты, но в такие минуты горизонт наш прочищается и взгляд, отуманенный заботами, начинает пристальнее всматриваться в ту ясную даль, где лежит наше «единое на потребу», где Промысел Божий таинственно скрывает до времени судьбу своего создания. Оглядываешься назад и видишь, сколько раз в тяжелой борьбе твоей со своим желаньем, в слезах об утраченной земной радости и надежде оборачивалась к тебе судьба твоя и на миг показывала тебе светлое и задумчивое лицо свое, для того чтобы сказать твоему сердцу: не бойся, Бог любви есть. Видишь, как всякое горе, всякое расставание, всякая новая пустота, оставленная в сердце несбывшимся желанием и разрушенную связью, как все это глубоко залегло в твоей жизни и наметило в ней грани и ступени провидения Божия, как из самых мрачных мест засиял свет, по острым холмам пролегла ровная дорога. Ты думал – кончилось, ты запретил сердцу же-

лать по-прежнему, желать и привязываться, ты говорил себе: не подвигуся вовек, наученный горьким опытом, не обманусь более. Но вот еще немного, и снова ты пожелал, и опять привязал свое сердце к новому сокровищу, опять положил в человека душу свою, утвердил на нем свое счастье, и опять лежит твое сердце, разбитое, обманутое. А казалось, желание было так законно, замысел был так прост, счастье было так близко!

В такие минуты приходит на память трогательная история Павлова прощания в Милете с учениками. Как было ему горько! Горячая душа его давно уже вся отдалась любви Божией; но в эту минуту и в нем заговорила человеческая природа. В тоске, в слезах обнимает он друзей и учеников своих, чувствуя, что прощается в последний раз с теми, кого полюбил до того, что для спасения их готов был пожертвовать своим спасением. Жизнь его от них отходит. «Ныне, говорит он, аз, связан духом, гряду в Иерусалим, я же в нем хотящая приключится мне не ведый»³⁷. Много тяжкого испытал уже он в своем служении, много уз и скорбей; но вот Дух свидетельствует ему, что ждет его что-то, еще более тяжкое – что такое, не знает.

Стоя в раздумье, тоске и тревоге на новом повороте жизни, в минуту прощания с тем, к чему привязал свою душу, и я спрашиваю: куда Ты ведешь меня, Боже всеведущий? Не знаю, где моя дорога, что меня ожидает на ней, когда она окончится, но голос Духа Твоего говорит мне ясно, что новые узы, новые скорби ждут меня на ней. Сколько раз еще разобьется сердце, сколько пройдет еще огней, покуда загорится все чистым огнем Твоим! Сколько еще переживет земных привязанностей, сколько раз горьким опытом убедится, что всяк человек – ложь, и что Ты один – любовь и истина. Когда устанет «прелюбодействовать от Тебя», когда кончит любить для себя и найдет в Тебе сокровище любви Божией и человеческой, и в этой любви погасит и победит всякое желание? Гляжу на свою жизнь и всюду вижу любовь Твою и знаю: тем ли, другим ли путем она поведет меня до конца моей жизни. Знаю и боюсь – боюсь тоски, боюсь боли, боюсь своего игривого сердца, боюсь обольщений земной любви, боюсь, Боже мой, своей слабости и

Твоей силы, сокрушающей все нечистое, чтобы очистилось все сухое, чтобы смягчилось и расцвело и принесло плод. О, когда бы мог я сказать с Павлом: «я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение»³⁸.

31 декабря <без года>

В юности, когда сердце отверсто на весь мир, когда цветут в душе раскрывшиеся силы жизни, как просто кажется любить Бога и веровать в Него, и смотреть с надеждою в дальние горизонты жизни! Заботы так легко еще проносятся мимо, и само горе скоро спадает с души, как одежда, которую устал носить. Горькое, жгучее горе палит юную душу, но жало его скоро смягчается, потому что в душе цела еще радость бытия, потому что на ней лежат еще девственные покровы и под ними не открылась еще глубокая, таинственная тьма жизни, тьма, в которой настоящее, прошедшее и будущее, сливаясь вместе, погружают душу в священный страх – страх бытия!

Настанет для верующей души и этот день, день борьбы с таинственной, неведомой, но осязаемой силой, которая преграждает ей путь бытия и пред которой человек бессилён. Тут смущается воля, закрываются горизонты, и мысль теряется в вопросах: что я? Кто я? Откуда я? Зачем я? Куда я? Таинственное объемлет душу, и благо ей, когда, познав в этом таинстве откровение Божие, она вынесет из него новую крепкую веру в Небесного Отца, Бога, Промыслителя и Спасителя.

Вспоминается юноша Иаков³⁹. Он взял хитростью благословение отца своего и в страхе от брата, которого обидел, бежал изгнанником в дальнее странствование. И вот однажды, когда, остановясь в Харране, ночевал он на каменном изголовье, явился ему Бог в духе мира, прощения и благословения. Земля, на которой спал он, отверстым путем соединяется с небом: лестница стоит на земле, а верх ее касается неба, и Ангелы Божии сходят и восходят по ней, и Бог Авраама и Исаака подтверждает ему завет милости и благословения. «Это дом

Божий, это врата небесные». Встал Иаков бодрый и пошел в путь свой, радуясь: «Господь будет со мною».

Прошло с лишком двадцать лет с тех пор. Иаков со всем домом и со всем нажитым богатством возвращается, по завету Божию, в землю отцов своих. Но на пути встречает его страшная весть, что идет ему навстречу обиженный мститель за прежнее, брат его Исав. Нет спасения. И вот, готовясь на гибель, отослав вперед себя всех, кто был ему дорог, и все свое богатство, Иаков остался за рекою один темною ночью. И тут во тьме услышал он голос и почувал присутствие, и приблизился к нему Некто, и боролся с ним до появления зари. «Кто ты? – спросил Иаков, обессиленный борьбою, – скажи мне имя Твое?» – «На что ты спрашиваешь? – сказал ему невидимый Борец. – Имя Мое чудно. Ты боролся с Богом и человеков одолевать будешь...»

Так, в ожидании гибели, в решительную минуту жизни, объятый страхом, боролся человек с Богом и отошел, радуясь, что сохранилась душа его.

5 января 1857 года

Крещение Иоанново

Странная молва разнеслась в земле Иудейской. Стали говорить, что в пустыне Иорданской появился человек Божий, живет уединенно в подвижничестве, отказался от всех сладостей жизни, дому не имеет, одет в верблюжью шкуру с кожаным поясом, питается тем, что дает ему пустыня, и всех, кого встречает, зовет к покаянию и погружает в струях Иорданских, и всем говорит про какого-то нового Пророка, который придет вслед за ним и будет сильнее его и принесет народу новое крещение. В эту пору все, у кого в сердце хранился еще религиозный завет отцов и праотцов и кого волновала народная забота о судьбах Израиля, все находились в каком-то смутном ожидании исполнения пророчеств и явления обещанного Мессии, все были заняты вопросами: кто Он будет? Откуда явится?

Где Его видеть? Как Он устроит дело славы и освобождения? И вот, прослышав о явлении Иоанна в пустыне, толпы стали собираться к нему из окрестностей Иордана, со всей Иудеи и из Иерусалима: «еда той есть Христос»^{40?}

Без сомнения, массу народа влекло, прежде всего, любопытство, влекло национальное чувство, возбуждавшее новые надежды, ожидания и мечты при всяком событии, в котором думали видеть признаки явления Мессии. Ждали, может быть, услышать таинственные вести об Избавителе, принять таинственные распоряжения о том, как и где вокруг Него собраться, чаяли увидеть зарю народного торжества, получить предвестие славного народного царства... Но вместо того встретил их суровый подвижник, встретил строгим и пытливым взглядом, проникающим в душу, встретил словом о грехе и покаянии и грозною на первый раз вестью о близости не того земного царства, которого они чаяли, но Царствия Небесного. «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное»!⁴¹

Не то встретили, чего ожидали; но что они увидели и услышали, то пало им на душу и разбудило в них дух. Без сомнения, в числе их было много таких, что никогда не думали о грехе, не испытывали сердца своего и о судьбе его не предлагали ему вопросов; были и люди, давно уже носившие в себе совесть, отягченную грехом, сердце, утомленное заботою о путях жизни, ум, возмущенный борьбой между парением мысли и слабостью воли действующей. Приходил бедный народ – люди, у которых мысль дремлет, связанная тяжкими попечениями о хлебе насущном, сдавленная притеснением и унижением; приходили мытари – люди, для которых притеснение народа стало привычкою, делом жизни и средством для жизни; приходили воины, загрубевшие духом и сердцем в делах воинского служения, насилия и прибытка.

Но во всех этих людях была искра Божества, была живая душа, способная к восприятию мысли и огня, душа желающая и воздыхающая и требующая лучшего. Многие из них блуждали во тьме и жаждали света и не находили его.

У них были писания пророческие, был храм со всеми обрядностями Моисеева закона, с жертвами о грехе, с сонмом священников и учителей, но в этих обрядах закона и в его служителях не было уже живого духа: «на Моисееве седалище сели книжники и фарисеи»⁴²; те, что берут к себе ключ разумения, сами не входят и желающих не пускают; те, что налагают на совесть бремена тяжкие и не хотят перстом своим двинуть их; были ученые знатоки закона и писаний – те, что глубокими изысканиями решают вопросы, «где Христос рождается», но родившегося Христа не ощущают и отвергают. Были учителя, замкнувшиеся в мертвой букве закона, но живых учителей не было. Были высокие проповедники, одно говорившие, а другое делавшие, оттого и слово их оставалось словом без власти и без силы и не поражало душу и не возбуждало сознания.

Не было учителей в городах и селах, посреди действительной и деятельной жизни, и вот, вдалеке от мирских дел, в пустыне явился народу человек, в котором народ почуял живого учителя. Он, незнакомый вовсе с делами житейскими, изможденный телом от пустынных подвигов, отчужденный вовсе от общения с людьми, он умел разбудить сердца и каждому сердцу сказать его печальную историю и в каждом сердце зажечь огонь покаяния. К нему, к жителю пустыни, житейские люди от своих учителей, с ними живущих, обращаются с вопросом: что нам делать? – и от него принимают наставления, приличные каждому званию.

Странное дело: человек мысли, человек тихого созерцания духовного приходит и влечет к себе несметные толпы людей, в мире живущих и погруженных в дела мирские, и приковывает их смятенные взоры к своему взору строгому и суровому, и мысль их, разбежавшуюся по миру, – к своему сильному и жесткому слову. И какое слово он им приносит? Не слово о любви и нежности, не обетование мира, не пророчество о блаженстве и славе, не то слово, от которого обыкновенно тает и умиляется душа, жаждущая блага и счастья, а горькое страшное слово угрозы, слово «о грядущем гневе» на

сынов противления. Вот какое слово Бог избрал орудием для того, чтобы потрясти загрубевшие души, чтобы уготовить в них путь Господень и уравниять стезю Его.

Иоанн возбудил сердца словом о грехе и о законе возмездия за грех, и, услышав это слово, может быть, в первый раз произнесенное со властью, человеком, которому дана была власть и сила правды, сердца почувяли в себе грех и дрогнули, и подвинулись. Таковы все мы, дети суетного мира – и неверные, и почитающие себя верными, и холодные деятели, и горячие мечтатели, и глубокие мыслители, и рассеянные искатели наслаждений. Носим в себе грех и не знаем, где сыскать его. Думаем, что знаем жизнь, а жизнь нас обходит и стоит позади нас, неведомая. Воображаем, что образ правды ясен и светел перед нами, а с нами играет ложь призраками правды. Наслаждаемся делами рук своих и не подозреваем, что дела наши призрачны, как страстное желание, которое их породило, обманчивы, как наслаждение, которого мы в них ищем. Мы живем и ходим над бездною, и знаем, и говорим о бездне, но тому месту, по которому мы ходим, вверяемся, как твердыне. Несмысленно тоскуем, несмысленно радуемся и, обольщая себя, других обольщаем. Жаждем исполнения сердечных желаний, но чего хотим волею, того не в силах делать, а делаем то, чего не хотим. Кто выведет нас из этого обмана, кто очистит нам очи, и раскроет слух наш, и выведет нас на высокое место, и с вышины покажет нам жизнь нашу, и расскажет нам истину о жизни и о сердце, кто сдернет могучей рукой обманчивые покровы и сильным словом потрясет до глубины дремлющую нашу душу! Блажен, кто почувял над собой такую руку и встретил на пути своем человека с крепкою верою и всевластным словом истины. Сурово будет это слово, и, заслышав его, душа затрепещет от ужаса. Оно покажет нам жизнь, как она есть, и в жизни раскроет неумолимый закон правды, и когда мы увидим лицом к лицу грех свой и страшную судьбу его, вся душа в нас затрепещет одним чувством: «куда убежим от грядущего гнева»? Увидим, какие семена мы посеяли, и узнаем, чего не знали прежде, что каждое семя

дает свой росток и приносит плод свой и готовит жатву греха в жизни и судьбе человеческой. Любовь управляет миром, но об этой любви мы только мечтали в самоуслаждении; что будет с нами, когда мы увидим, что любовь не уничтожает закона жизни и не отступает ни перед каким страданием человеческим? Ты согрешил – тебя ждет страдание, этого закона любовь не нарушает и страстным путем проводит страстного человека, и этого закона не минует ни одна душа человеческая, ни суровая и жестокая, ни мягкая и нежная, цветущая благоволением человеческого сердца. Когда пробуждается в нас сознание греха, мы в первый раз чувствуем, что такое гнев грядущий и как он страшен. Божий Дух дан был мне, чистый, со стремлением к совершенству; я загрязнил его чистоту, я искажил его высокие стремления, я загасил в себе свет лучезарный; и все, что совершил я и что во мне совершилось, было и есть и стоит передо мною неизгладимым, неотразимым событием, записанным в судьбу мою; не вернешь прошедшего мгновения, не переделаешь зла, которое сделано, оно осталось. Осталась моя обида ближнему, который в ту минуту прошел мимо меня и уже не вернется и эту минуту не принесет с собою; осталось прозвучавшее в воздухе слово соблазна, осталось нечистое движение воли и породило множество движений и слов, и дел. Все это со мною, а сколько отошло от меня и исчезло без возврата добрых движений, не принесших плода! Они пронеслись, оставив след лжи в моей жизни, и эта ложь осталась со мною. О, какая глубокая тоска нападает на проснувшуюся душу, когда открывается перед нею свой грех, без конца и без меры отражаясь в ней самой и во множестве других душ, его принявших и к нему приобщившихся! И тут, когда станет перед человеком мысль о вечности, в которой ничто не пропало и все записано в судьбу человеческую, тут открывается место ужасу и стыду, и горькому чаянию «грядущего гнева».

Таково «крещение Иоанново», оно потрясает душу сознанием греха и чаянием гнева грядущего и омывает ее водою покаяния.

6 января 1861года⁴³

Богоявление

Кто узрит лице Господне и жив будет! В тот день, когда Бог явил славу Свою и дал услышать глас Свой народу еврейскому на горе Синайской, слава Божия явилась в облаке, глас Божий слышался из среды огня. Но народ, внимая заповедям Божиим с благоговейным трепетом, испытывал тяжкое чувство ужаса, в котором сладости не было, не было, по-видимому, и любви. Страх, один только страх овладел душою слышавших. Оттого, когда явление совершилось, народу страшно стало, как бы еще не повторилось оно. И вот старейшины говорят Моисею: мы видели, что Бог может говорить с человеком и человек может остаться в живых. Но теперь, для чего нам подвергаться опасности смерти? Лучше приступи ты, слушай и пересказывай нам, а если мы еще будем слушать, страшный огонь пожрет нас. И Моисей отвечал им: не умрете. Бог пришел испытать вас и положить на вас страх Свой, чтобы страх удержал вас от преступления заповедей. И Бог страха тогда же подтвердил слова Моисеевы. Но тогда же дал Он почувствовать уstraшенному народу, что придет время иного явления. «Я воздвигну им Пророка из среды братьев твоих, как и тебя. Я вложу слова Мои в уста Его; Он будет говорить им все, что Я повелю Ему».

Но в Моисее был не один страх. Ему дано было дерзновение в меру ревности Его по Боге и верности Богу. И вот настал час, когда, излив Богу пламенную молитву за неверный и грешный народ свой, Моисей пришел в крайнюю меру дерзновения. В нем загорелось желание видеть ближе страшную славу Божию, не в образе, но в действительности. Но Бог не открыл Моисею лица Своего. Он сказал: нельзя человеку видеть лицо Мое и остаться в живых. Вот что сотворил Он с Моисеем. Он провел перед ним благость Свою и провозгласил имя Иеговы⁴⁴. Когда проходила слава Божия, Бог сокрыл Моисея в расщелине скалы, покрыв Его рукою Своею, и потом показал ему

Себя сзади, показал след Своего присутствия; этот след озарил лицо Моисея лучезарным сиянием, и на сияние это народ не мог взирать без страха смерти.

В другую годину испытаний, к беззаконным потомкам беззаконных отцов явился другой пророк, муж огненного духа и слова огненного, Илия Фесвитянин⁴⁵. Велика была ревность его, велико его дерзновение. Однажды пришел к нему час тяжкого испытания. Именем Божиим сотворил он великие чудеса перед беззаконным царем и беззаконным народом: низвел огонь на жертву, низвел воду на землю, поразил пророков Вааловых⁴⁶. Но и чудеса не смягчили ожесточенных. Илия должен был бежать, и уныние напало на его душу; он в себе усомнился «Господи, говорил он; пожил я; возьми теперь душу мою, потому что я не лучше своих отцов»⁴⁷. Обличения пророка не подействовали; знамения не вразумили нечестивых; чего было ждать пророку, разве великого гнева, великого суда, великого истребления? И вот Господь на горе Хоривской вопрошает его: зачем ты здесь, Илия? И велит ему выйти и стать на горе и обещает ему Свое откровение: «се мимо пойдет Господь». Зашумела буря, трескались горы, разбивались скалы, земля затряслась и пронесся огонь. Но ни в буре, ни в землетрясении, ни в огне, ни в чем страшном не открылся Господь. После бури настала тишина, настало веяние прохлады, и в этой тишине Бог открыл Себя Своему пророку «И дух велик и крепок разорь горы, но не в душе Господь. И по душе трус, и не в трусе Господь. И по трусе огонь, и не во огни Господь. И по огни глас хлада тонка, и тамо Господь»⁴⁸. Господь в сладкой тишине! Господь в прохладе открывается человеку! О, какую сладостью веет на нас, христиан, из глубины веков от этого тихого явления Божия: в нем душа христианская видит прообразование того Божественного явления, в котором человек на небо взыдет и Бог на землю снидет, Бог станет человеком, и совершенная любовь по благодати Господней вон изгонит страх Божия присутствия.

«Слово плоть бысть и вселися в ны, и видехом славу Его, славу яко Единородного от Отца, исполнь благодати и истины»⁴⁹. Пришло положенное время, и в тихом веянии про-

хлады явился миру Единородный Сын Божий в плоти и крови человеческой, повитым Младенцем в яслях, на руках Матери – Девы от рода человеческого, явился безгрешный и стал под закон, данный ради греха, среди плачущих младенцев, среди ликующих грешников, среди трудов, болезней и бедствий беззаконного человечества. Бог сошел на землю и не слышно трубного звука, не видно страшной славы Божией, нет бури и землетрясения. Он идет по земле, кроткий и милостивый, благословляет грешную землю, с грешниками ест и пьет: «не преречет, ниже возопиет, ниже услышит кто на распутии гласа Его! Трости сокрушенны не преломит и лена взявшася не угасит»⁵⁰. Дух Господень на Нем и помазал Его «благовестити нищим, послал Его исцелить сокрушенные сердцем, проповедать пленным отпущение и слепым прозрение, отпустить сокрушенные в отраду, проповедать лето Господне приятно»⁵¹.

6 января 1859 года

Се Агнец Божий

В известном псалме пророк изображает себя благословенным агнцем Божиим. «Господь пасет мя и ничтоже мя лишит»!⁵² Агнец Божий спокоен и безопасен под рукою пастыря, не знает ни одной заботы в сознании покровительства Божия и в этом чувстве безопасности находит возможность вкушать в полноте и в простоте все простые блага жизни: «на месте злачне тамо всели мя, на воде покойне воспита мя». Это описание представляет нам навсегда самую полную картину счастья, какую только можно представить. В ней узнаем мы то именно состояние духа, к которому все стремимся, о котором все воздыхаем, которого все ищем напрасно и, не находя его, считаем жизнь свою неудавшеюся; это небо наше, о котором мы мечтаем, ходя на земле; небо, которое везде возможно для нас и ни с каким местом, ни с каким положением не связано, лишь бы мы только умели найти его. Оно повсюду, но когда спросим себя: где оно? – не знаем ответа, потому что никто

сам по себе не знает, где найти его, разве те немногие, им же дано есть. Вот царство, которого образ провидел пророк и царь земной в своем вдохновенном гимне, и если найдется на земле двое или трое счастливых, которым это царство досталось, они одни достойны названия победителей жизни, царей вселенной, которым царство досталось без крови, без борьбы, без врагов и побежденных, без пятна и без раздробления, целое, полное, чистое, святое царство. Где бы ни был, где бы ни жил такой человек: в бедной хижине, в келье монастырской или посреди шума рыночного – он везде царь, потому что просто сердце его, ничем он не связан, повсюду свободен, везде ясно око его, и он победитель повсюду.

Прежде чем Иисус Христос явился миру Ангцем Божиим в смысле таинственной жертвы за грехи мира, он является на берегах Иордана тем Агнцем Божиим, которого изображает псалом. Вышел он из скромного жилища во всей простоте и кротости Духа Божия, во всей полноте благодатного дара Господня, в сиянии мира, который на нем почивает по слову пророческому. В этом смысле невыразимым миром исполнена вся картина таинственной ночи Его рождения; в этом смысле сияет миром вдохновенное описание Мессии у Исаяи пророка: «отрок Мой, возлюбленный Мой, на Нем почиет Дух Мой, трости сокрушенной Он не преломит и тлеющего льна не угасит». Ему при самом рождении дана всякая красота и всякая победа, и всякое богатство. Его судьба, Его призвание – принести мир на землю, примирить Бога с человеком, разрушить средостение вражды между небом и землею, и вот Он является Сыном мира, в простоте Божией, во всем обилии внутреннего мира; Он несет с собою Царствие Божие, и это Царствие – внутри Его.

Таким-то является Христос Спаситель на берега Иордана, Агнца Божия встречает человек крепкой борьбы, с самого рождения поставленный на дело борьбы и подвигов. Это не Агнец Божий в том смысле, в каком изображает Агнца псалом. Мира нет в душе у него. Истина возбудила в душе его сознание силы и стремление к деятельности; истина вывела его из города и

свела в пустыню, сначала на крепкую борьбу с самим собой, со своими желаниями и мыслями и страстями; истина утвердила мысль его, и во имя истины созывает он около себя огненным, суровым своим словом толпы народные, пробуждая их к новой жизни, к ощущению нового духа, которого веяние он прежде всех почуял. Он зовет к ним: очиститесь! Покайтесь! Приближается Царствие Небесное.

И вот оно приблизилось – новое, неслыханное царство, которое издалека почуял Илия, когда Бог открылся ему, мимо грома и бури, в тихом веянии. Агнец Божий появился на берегах Иордана. И суровый пророк, муж силы и борьбы, вскормленный пустынею и подвигом, после многих годов брани не познавший еще мира, видит перед собою Того, Кто явился Сыном мира и Агнцем Божиим при самом рождении; узнает и преклоняется перед Тем, в Ком признает высшую силу, совершенство и полноту, преклоняется перед Тем, в Ком не было еще внутреннего раздвоения и смущения веры, в Ком глубокие и тяжкие думы не поднимали еще бури и волнения. Он видит на Христе Спасителе царственную печать мира и преклоняется перед Его величием. Из глубины сердца, увидевшего вне себя живой образ того примирения и единства, которого напрасно в себе отыскивало, должен был Иоанн воскликнуть при виде Христа: «Вот Агнец Божий»⁵³.

2 февраля 1861 года⁵⁴

Нынешний день должен быть праздником старости. Если в праздник радуется сердце всякого человека, всякого возраста, переживая в себе событие жизни Христовой, то в нынешний праздник сердце старца должно особенно радоваться. Чистая отроковица, Пресвятая Дева-Мать приносит в церковь сорокадневного Младенца Иисуса, новорожденную Надежду Израилеву. И вот, в душе старца⁵⁵, прожившего весь предел земной своей жизни, уставшего от жизни, исполненной множественством своих и народных испытаний, загорается сильнее, чем когда-либо, живая надежда избавления. Ему было возвещено

Духом, что он не умрет, пока не увидит живою свою сокровенную надежду, пока не увидит Избавителя, от века ожидаемого, Христа Господня. Для всех пришла надежда избавления, для него настала самая минута избавления и свободы. Он долго ждал и, наконец, дождался. Идет в храм и видит желанного Младенца, и берет Его на руки, и, воздавая славу Богу, говорит: «Теперь-то отпускаешь Ты раба Своего, Владыка (из этой жизни) по Твоему обетованию, с радостным духом. Вот, очи мои увидели Спасителя, Коего Ты воздвиг перед лицом всех племен земных. Это свет для просвещения язычников, это слава для народа Твоего Израиля»⁵⁶.

Жизнь каждого человека – ожидание. Не знает, чего ожидает младенец, играющий перед Богом на лоне своих родителей, спокойный, тихий, веселый, доверчивый, довольный. Он доволен, но и он ожидает, ожидает всего того, чем отзывается ему и сказывается земное счастье, ожидает возвращения отца, материнской ласки, луча солнечного, детской игры своей, ожидает новой радости, проводив прежнюю радость. Сбываются ожидания младенца – не нынче, так завтра, не теперь, так в другую минуту. Оттого жизнь младенца – счастье, какое только есть на земле. Не знает, чего ожидает юноша, когда ко всему бросается и все хочет вкусить, и прожить в этом мире всей полнотой души, и все делать, и всему отдать себя, и все преодолеть кипучей силой молодости, крепко веруя всем порывам и любви своей, и своего негодования. Не знает, чего ожидает муж, взросший в жизненном опыте дела, горя и наслаждения. И дело, и горе, и наслаждение не принесло ему того, за чем он стремился, не принесло ему счастья и мира, но он все еще впереди полагает свою надежду, все еще отбрасывая назад и забывая прожитые дни, грудью пробивается вперед и захватывает отовсюду дело, и горе, и наслаждение, и новые надежды и ожидания... Он успел уже узнать, как обманчива его надежда, а все еще носит ее в себе, и жизнь его полна грустного, но все еще крепкого и горячего ожидания.

Они ждут и не знают, чего ждут так упорно, во что положили, к чему направили стремления души своей. Приходит

старость... и она ожидает еще крепче, еще упорнее. Но горе старцу, если и он не знает, чего ожидает усталое его сердце! Горе старцу, когда, провожая с грустью прошедший день, он волнуется беспокойством только о том, каков будет завтрашний день, когда и он все еще собирает полупотухшие силы для того только, чтобы захватить и выдержать те же радости и наслаждения, за коими гонится молодость, когда и он в неудачах утешает себя песнью молодости: «завтра я буду счастливее»! Нет, когда бы такова была всякая старость, горе было бы человеку дожить до старости, и какую жалость и безнадежность жизни встречал бы человек в конце своего земного поприща!

Но не такую старость указал Господь в любви Своей человеку. Все добро – у Господа, на всяком возрасте почиет благодать Его, Его благословение.

Признаем эту благодать, и старость наша будет не горе, не упадок надежды, не плач о прошедшей радости, не разрушение жизненных сил, а мир, любовь и радость, возрастание в сознании, собирание силы и утверждение надежды. Прошла кипучая, деятельная молодость и не возвратится – всему свое время под небесами. Но благо тому, кто вместо бесплодных слез о прошедшем и грешного ропота на настоящее, обозревая прошедшее свое, говорит: оно мое и есть драгоценный дар Божий; обращаясь к настоящему, говорит: здесь покой мой, здесь указал мне Бог место селения, да будет место свято и покой благодатен!

После всего шума и всей суеты пережитых годов Бог в старости уготовал человеку тихое место успокоения. Некуда стремиться в жизни, некуда бежать, и сил нет принять участие в суетливых делах юного поколения. Нет соблазна рассеиваться во внешности и извне набирать в себя звуки и образы, и мимолетные впечатления. В эту минуту узнает человек цену того сокровища, которое собрано для него во всей прошедшей жизни, исполненной даров и наказаний Божиих, и благословит Бога за тишину, в которой Бог при конце жизни поставил его, и дал ему великую, благодатную книгу прошедшего, и указал ему великое дело – Боговедения и самопознания. Блажен, кто,

достигнув старости, научится читать эту книгу и уразумеет простой для простых, мудреный для мудреных язык ее. Тогда на каждой странице этой книги откроется человеку смысл всей прошедшей его жизни; тогда он поймет, чего желал, куда стремился, чем волновался, вечно недовольный и вечно жаждущий, чего ожидал каждый день и час в раннюю и позднюю свою пору, не понимая своего ожидания. И по мере того как старец станет углубляться в чтение прошедшего, это смутное ожидание чего-то неизвестного, какого-то неведомого счастья превратится у него в тихое и ясное ожидание известного блага – ожидания Христа Господня, Надежды Израилевой... Придет, наконец, день, когда отворятся для старца двери храма, и Дух Господень призовет его войти и встретить Желанного, благословить Бога и сказать: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром».

5 апреля 1859 года

Вербная Суббота

Какую радость пробуждает в душе моей звон колокола к торжественной всенощной нынешнего дня! Сколько светлых воспоминаний! Ребенку, только что вышедшему из колыбели, только что начинающему ходить, уже знаком, уже приятен вид вербы. Ее приносила ему в постель от заутрени старая няня, ею слегка ударяла по одеялу, приговаривая ласковые слова, ее потом отдавала ему, и, еще лежа в своей постельке, долго играл малютка гладкими красными прутьями, сдирая с них ароматную кору и любуясь красивыми бархатными белыми барашками, из них потом целый день составлял он свое стадо и гонял его по столу в разные стороны.

Потом, в раннем детстве, какое веселое утро было утро субботы: по улицам носят раскрашенных и раззолоченных херувимов на вербе, на длинных шестах носят клетки с певчими птицами, беспрестанно раздаются певучие крики разносчиков. Весеннее солнце глядит приветливо в окно; оно так и вызывает

выпроситься с няней на гулянье под вербами, где так много детей и игрушек; да и без гулянья на широком дворе, начинающем уже высыхать, сколько новых разнообразных удовольствий! Там кудахтают курицы, недавно еще выпущенные из зимнего заточения, кричит петух, как будто зовет скорее весну, тепло и зелень; обсохнувшие доски и бревна давно уже манят мальчика походить и попрыгать по ним через ручьи тающего снега, и строить мостики, и пускать кораблики...

Приходит вечер. Давно уже мальчик осаждал мать неотступными просьбами взять его в церковь, где, по ее же словам, всем так хорошо и весело, где все стоят с вербами и свечами, откуда все возвращаются, встретив Христа, с улыбкою и песнью. Что-то неведомое и таинственное представляется в храме юному воображению: как там должно быть хорошо и светло, как должно быть весело стоять вместе со всеми, держа в руке горящую свечку на длинной ветке. И вот, наконец, мать, после нескольких годов упорного отказа, решается взять с собою в церковь дитя свое. Боже мой – какая радость! «Мама, когда же зажгут свечки?» – спрашивает ребенок и ждет не дождется желанной минуты. Вот, наконец, пришла она! Мать сама зажгла ему свечку, налепила на вербу и дала ему в руки, и стоит он первое время в каком-то смущении, но в то же время гордый тем, что и он, так же как и все большие, стоит со свечой, и сердце прыгает от волнения. «Молись, – шепчет ему мать, – Христос идет». Таинственный трепет ожидания впервые нападает на душу, и точно кажется ребенку, что здесь Христос, о Котором так много говорила ему мать еще нынешним утром, и он видит перед собою картину из большой своей книги, как шествует Христос, сидя на ослиати, среди народа, столпившегося на улице, облепившего заборы и кровли, как стелют Ему по дороге ковры и одежды, как матери подносят Ему детей, и дети кричат Ему: осанна! И долго после того чудится ребенку торжественная картина, когда на другой день играет он принесенною из церкви вербою и лепит фигуры из своей свечки. И на другой год, едва подходит весна, он уже нетерпеливо спрашивает у матери:

скоро ли вербы? Скоро ли вербы? Скоро ли вербы? Скоро ли пойдем в церковь и зажжем опять свечи?

Сладкий трепет чудесного! Святое ожидание! Бессознательное чувство радости, обнимающей детскую душу! Знает ли еще вас душа человека, далеко оставившего за собою детство со всей бессознательностью чистых его впечатлений? Счастлив тот, на ком хоть отблеск этого детского чувства отражается поздней порою жизни в церковном празднике Вербного Воскресенья.

Стану я в церкви, затеплю свечу свою, возьму в руки пушистую вербу: Боже, зажги святой огонь в душе моей, воскреси в ней юное чувство, как воскресла жизнь весною в моей молодой вербе! Вот вокруг меня стоят дети и бережно держат свои вербы и пристально смотрят на пламя свечи своей. Посмотрю на них и вспомню, как я был младенцем и младенчески стоял перед Тобою в детской радости и беззаботно играл перед Тобою в ожидании твердой мысли и ясного сознания. Посмотрю – и сердце мое растает перед Тобою, если Ты поможешь мне растопить его, и снова забьется живою верою и любовью к Тебе, и опять послышится в нем голос матери: «Молись, дитя мое, вот Христос идет!» И пусть затем услышу я, как бывало прежде, тихую поступь осляти и шелест риз Христовых, и робкие голоса детей, и громкие народные клики: «Осанна Сыну Давидову»⁵⁷, и сам из глубины потрясенного сердца воскликну вместе с ними: осанна!

Что же я сделаю? Что принесу Христу Победителю? Мало одного клика, который сам собою выходит из сердца, я хочу отдать Ему, что свое... Отдам Ему одежду, в которой пришел сюда. Отдам Ему заботу обо всем, что любил и о чем думал целое утро и целый день в житейской тревоге, отдам все планы, которые строил, все дела, которые делал и задумывал делать, отдам память о вчерашнем и расчеты на завтрашний день, отдам скорби прожитых дней и счастье, которое Он посылал мне, отдам Ему похвалу людскую, которая так срастается с душою, и людское осуждение, которое так скоро от нее отпадает, отдам сознание достоинства и подвига,

довольство труда, успех самостоятельной мысли, отдам все, что вырастила в душе и чем облекла ее жизнь вседневная, и останусь перед Ним нагим, как младенец, с простым детским чувством, с простою детской радостью...

Господи, пошли мне такое чувство на этот час, чтобы я мог встретить Тебя, как мне хочется, как жаждет душа моя! И пусть оно придет ко мне опять в ту решительную минуту, когда Ты в последний раз мне явишься взять мою душу. Пусть и тогда не останется на мне ни одной одежды, сотканной земною жизнью, чтобы я мог и тогда с детской радостью встретить Тебя и сказать с последним дыханием: Осанна! Ей, гряди, Господи Иисусе!⁵⁸

11 апреля 1864 года

Вербная Суббота

Праздник на улице – зашевелилась толпа, и повсюду, куда ни пойдешь, встречаются сияющие лица, точно у всех тяжесть будничная спала с души, точно всем вольнее стало дышать в Божьем мире, точно всем захотелось открытым взглядом окинуть мир и встретить взгляд другого человека; развязалась речь и мягче стало выражение лиц, и как будто, говоря с ближним дружно и весело, «от избытка сердца уста глаголют»⁵⁹. Дети идут с гулянья с вербами и с игрушками, и позади, взрослые, провожая детей, будто и сами по-детски радуются. У старого не сходит с лица улыбка, и эта молодежь, что каждое утро и вечер радуется жизни, сегодня как будто особенно веселится и радуется.

Строгий моралист, суровый проповедник готов при виде кочующей толпы спрашивать: кто из числа многих хранит в себе священную память праздника и привык святить жизнью и делом день Господень? Напрасный вопрос, ибо перед ним все мы безответны. Но сегодня Церковь не спрашивает ответа. Сегодня, в праздник Свой, Бог затворил черную бездну, куда страшно заглянуть грешному человеку, и положил на верху ее печать Своей благодати.

Радуются дети. Пусть вспомнит, кто был ребенком, знал ли он, чему радовался. Но эта радость легла у взрослого в душе основанием всякой земной радости: она – первое звено всех праздников его жизни. В детской душе праздничная радость полагает зерно благодати, и «спит человек и встает ночью и днем; а как семя прозябает и вырастает, не знает сам». В детской душе воспоминание праздничной радости оставляет лучезарный свет, который сам неведомо отсвечивает далеко из здешней жизни и в будущую, то затеняется и тускнеет, то, поднявшись из неведомой глубины душевной, вдруг осияет всего человека, и не различишь, какие лучи принесло прошедшее и какие грядущее послало им навстречу, ибо в душе человеческой тайна Божия совершается. И так иногда после многих лет сна душевного, забвения, неведения и страсти вдруг поднимается в усталой душе потухшая заря детского праздника и озарит ее, сгонит тени, разобьет крепкие узлы сомнения и поставит человека перед Богом в новом чувстве праздничного веселения.

Иной простой человек не устоял до конца в праздничной одежде и смешал праздник с грязью житейской нужды, с грязью грубого веселья и грубой привычки... Но как знать, какую долю праздничной радости дал ему Бог, когда с восходом солнца осиял его праздничным светом; как знать, может быть, доля его была богаче нашей, и глубже, чем нам, чувство легло ему в душу, и раньше, чем нам, отразится ему в часы горя и тьмы душевной. Всем нам праздник отворяет двери храма, и в храме светит «тихий свет святыне славы Отца Небесного»⁶⁰ – одному меньше, другому пространнее, одному отразится на пороге, другого осияет внутри храма. Пройдет пора, затворятся двери, но остается в душе сладость блаженного созерцания. И мы стоим перед дверьми, и стучим, и зовем грешной душой: отвори, Господи! Что, если этой простой душе, без зову и без усилия, отворились настежь двери и явилась слава Господня, и, показав ей свет Свой, Господь отпустил ее с миром?

Гуляют беспечные и гордые юноши и, точно не чувствуя праздника, проходят мимо святыни с легкомысленной улыб-

кой... Но что же призвало их сюда, в праздничную толпу; что же заставляет и их бодрее и веселее вчерашнего смотреть на мир Божий; что же, как не праздничное народное чувство, которое, им самим неведомое, ими самими, может быть, отрицаемое, бессознательно таится в глубине души и поднимает в ней неслышной силой ключи жизни? И на них лежит печать дара Божия, пускай еще не признан и не тронут этот дар, но и им он дан не напрасно; и в них под печатью лежит зерно истины и благодатного ведения. Когда оно воспрянет – как знать? Прото ведает Бог, источивший воду из камня, из сухого дерева возрастивший зеленую ветвь. И у них в душе хранится память детства, но ключи их не навеки запечатаны. Нам сегодня радость «общего воскресения», и верба наша гласит нам весть о вечной жизни и о победе над смертью. Пусть несут свою вербу и они вслед за народом, пусть не знают сами, чем вместе с народом радуются, настанет и для них время. Господь пришел «взыскати и спасти погибших»!

Станем радоваться, не смущаясь, что всякий радуется посвоему. Праздник Господень осветил вселенную и на всех без разбора светит. В сей день, его же всем людям сотворил Господь, возрадуемся и возвеселимся со всеми людьми Его!

30 марта 1863 года

Великая Суббота

Вчера вид Его был бесчестен, умален паче всех сынов человеческих. Ученики Его разбежались, толпа, которая ходила за Ним в изумлении и славил чудеса Его, против Него обратилась, когда увидела Его низложенным, униженным, осужденным, распятым.

Но сегодня – покой Его честь. Странствуя по земле Иудейской, Он не имел, где главы подклонить. Умер Он. Богатый и знатный человек устроил Ему погребение и положил Его в своем гробе, «и взвалив камень велий над двери гроба отыде»⁶¹. Еще только что настало утро, еще не запечатан

гроб, еще не приставлена иудейская стража. Где вы в эту минуту, все те, кто любил Его, кто ходил с Ним, кто держит Его в сердце и тихо по Нем плачет?

Вот жены, следовавшие за Ним, сидят прямо у гроба; они стояли у креста, они видели, как страдал Он, они смотрели, как погребали Его, и теперь еще не в силах отойти от того места, где лежит Его тело. Петр еще до распятия, исшед вон, плакася горько; он не смел идти ко кресту, он и теперь горько плачет в уединении и тем уже показал, что о себе плачет в эту минуту, а не о Том, Кого так горячо клялся любить до крови и до смерти. У него свои слезы: о, как горьки должны быть такие слезы, потому что ни с чьими слезами не могли смешаться в одно общее чувство. Другие ученики – где они? Они разбежались в страхе, думая о своем спасении; они не были у Креста Господня, они не видели страданий Иисусовых, они узнают от других, как Он страдал, как был поруган, как при кончине зывал к Отцу Небесному: всякую Мя оставил еси? Слышат и думают: кто же был Он? Мы видели силу Его, видели чудеса Его, слышали слово Его, и вот Его победили враги, и Бог, Которого Он называл Отцом Своим, Его оставил. «Мы же надеемся, яко сей есть хотяй избавити Израиля»⁶². Плачут ли они? Да, они плачут, потому что любили человека, но в их душе сомнение, в их уме вопросы практической жизни. Они уже думают: что нам делать теперь? И вот Господь по воскресении застанет их снова за прежним промыслом.

Один не оставил Его – возлюбленный ученик Его, тот, кто на вечери склонял голову на перси к Нему, тот, кто следовал за Ним во двор Анны, хотя и «знаем бяше архиереови»⁶³. Любовь Иоанна не знала страха; он вместе с Матерью Иисусовой стоял у Креста Его, он вместе с нею с первой до последней минуты прожил всю страшную историю суда, поруганий и мучений Спасителя. Видно, он любил, подобно тому как любит мать, просто, без размышления, без мысли о себе, без заботы о том, что будет, горячею, но простою, полною, цельною любовью, которая ни о чем не спрашивает, ничего не исследует, в которой нет мысли о мере преданности, так как

нет мысли о возможности сомнения, уклонения или измены. Оттого, ведая простоту этого сердца, умирающий Спаситель этому сердцу поручил заботу о Матери Своей: «Жено! се сын твой. Се мати твоя!»⁶⁴

«И от того часа поят ю ученик восвояси». Итак, Она у него в доме, и, конечно, вместе плачут они, если могут плакать; вместе хранят в тайне безмолвия и веры как святыню и сокровище память об Усопшем и любовь, которая слилась со всею их жизнью, со всем существом их. Сколько было горькой скорби в свежем воспоминании о страданиях Возлюбленного, мы не знаем, но можем представить себе, если заглядывали в ту черную страшную бездну, которая раскрывается перед человеком у смертного одра, в страданиях того, в кого перешла вся душа безмерною любовью. А здесь умирал, поруганный и замученный, Тот, Кто был красен добротой паче всех сынов человеческих, в Ком обитала вся полнота Божества Телесного, Кого Бог Отец назвал возлюбленным Своим Сыном. Как Его любила, как на Него смотрела Пресвятая Дева-Матерь, это может ли понять, может ли исследовать какая бы то ни было земная мать по сравнению со своим чувством, как бы ни было оно глубоко, горячо, бескорыстно и чисто! Слово Божие не останавливается на Ее любви к Сыну, не рассказывает, не описывает нам Ее чувств и отношений. Перед этой любовью должно остановиться в благоговении исследование любви человеческой, и если где, то здесь является нам любовь таинством. Каким бы огнем ни горела любовь сердца человеческого на земле, этот огонь – земной, ибо здесь я человеческое приражается к другому я, плоть говорит языком плоти и дух любит «в ревности». Но каким именем назвать, каким свойством объяснить таинственную любовь Пресвятой Девы к Сыну-Богочеловеку, как в этом чувстве Ее отделить полноту любви от полноты веры? И любовь, и вера в нем единою, без разделения, без смешения. Так любит Бога смиренная душа человеческая, объятая радостью и трепетом в чувстве присутствия Божия, любит, не видя, но только веруя. И Она веровала верой человеческой, веровала в Сына, возвещенного Ей ангелом Благовещения; но этого Сына, в Кого веровала, Она и

видела! Она Его держала и пеленала, и кормила, и хранила Его, и воспитывала, и «болящи искала Его» человеческой заботой, и ходила за Ним, и слушала Его, и видела дела Его во плоти, и во всей полноте Ее Божественной любви пребывала нераздельно любовь к Сыну Человеческому. И оттого, какова бы ни была Ее вера в вечную жизнь и воскресение Сына, как Ей было не страдать, и кто измерит глубину, кто исповедает горечь Ее страдания? Оно известно Ему одному, Тому, Кто, ведая Божество и видя славу Свою, в то же время чувствовал природой человеческой, что «прискорбна душа Его даже до смерти»⁶⁵, и молил Отца, если возможно, пронести мимо смертную чашу. В торжественном покое великой Его субботы было ли место и покою великой скорби сердца материнского?

О, великое таинство субботы, таинство любви и веры, таинство креста и страдания, таинство жизни и смерти! В этом гробе, за этим камнем, под этою печатью «да молчит всякая плоть человека и да стоит со страхом и трепетом и ничтоже земное в себе да помышляет»⁶⁶.

Литургия Великой Субботы

Ранее утро, тихое, свежее, весеннее утро. В воздухе замирают последние звуки колокола. Только что отошла утренняя Великой Субботы. Начало ее – во мраке ночи; на заре светлого дня совершился торжественный ход погребения Христова; народ, наполнивший церкви, разошелся по домам, и посреди торжественной тишины началось торжественное ожидание праздника.

Ожидание. Кому незнакомо это чувство перед всяким торжественным событием жизни, перед чаемою радостью, перед желанным свиданием! Кому не приходилось, вспоминая давно прошедшие дни жизненной радости, спрашивать себя, что отраднее отражается в памяти сердца – яркий ли свет совершившейся радости или тихий свет ее ожидания?

И счастлив тот, кому знакомо с юных лет, кому доступно и во всей жизни до конца чувство ожидания Светлого праздника! Знакомо оно тому, кто привык проходить чудную лестницу

богослужений всего Великого Поста и в особенности Страстной недели, которая по ступеням молитвенного, возвышенного созерцания возводит верующую душу на самую вершину спасительного таинства веры. И вот вершина недалеко: в полночь с первым ударом колокола на Иване Великом⁶⁷ отзовется на него вся церковь чудным хором колоколов, и всякая грудь православная осенится крестным знамением.

Но теперь все замолкло, все ждет на пороге Воскресения. Заря его занимается. Тишина в воздухе, тишина в душе. Но душа еще просится – куда просится? В церковь, где предстоит ей пережить, перечувствовать чудную поэму воспоминания и созерцания, переступить порог и вступить торжественно и тихо в преддверие воскресной радости.

В полдень начинается литургия Великой Субботы. Кому знакома эта единственная в году и все превосходящая таинственным своим составом служба, тот ждет ее каждый год с радостным ожиданием. Вот после первой ектении на вечерне трепетное чувство объемлет душу, исполненную впечатлений страсти и кончины Христовой, когда раздается первая стихира первого гласа, первая песнь Воскресения: «Вечерние наши молитвы прими, Святый Господи, и подаждь нам оставление грехов, яко Ты еси Един явлей в мире воскресение». Одна за другою эти стихиры, привычные слуху, возвышают чувство и отражаются в душе, точно слышишь их в первый раз, точно в первый раз заблестало в них торжественное обетование всемирного воскресения умирающих и умерших. А когда изменяется глас с первого на восьмой, с новым трепетом слышишь громогласные победные песни Церкви с олицетворением низверженного ада: «Днесь ад стена вопиет – изнемогает смертная держава», – и в конце каждой потрясет душу припев: «Слава, Господи, кресту Твоему и воскресению Твоему». Последняя величественная стихира изобразит таинственное знаменование субботы ветхозаветного и новозаветного дня упокоения: «Днешний день тайно великий Моисей прообразоваше глаголя: и благослови Бог день седьмый, ее бо есть благословенная суббота, сей есть упокоения день, воньже почи от всех дел Своих Единородный

Сын Божий»⁶⁸. Громкая «Всемирная слава» сменяется гимном «Свете тихий», который получает особенное значение в этот день, прославляя при свете вечернем тихое сияние славы Отца Небесного у гроба, из коего возникает воскресение.

И вслед за последними звуками пения «Сыне Божий, живот даждь, тем же мир ты славит», начинается чтение паремий⁶⁹, в которых проходит перед нами в образах и песнях вся история домостроительства Божия о спасении человека, от начала творения до Воскресения: жертвоприношение Исаака⁷⁰, учреждение Пасхи Господней⁷¹, переход израильтян через Чермное море⁷², история Ионы⁷³, воскрешение младенцев по молитвам Елисея⁷⁴ и Илии в Сарепте Сидонской и у вдовы соманитянки, наконец, песнь трех отроков в печи вавилонской⁷⁵. А посреди этих образцов слышатся торжественные речи пророков о Иерусалиме и Сионе. Кто привык с детства слышать в церкви паремии Великой Субботы и узнавать в них знакомые лица и образы священной истории, простые и умиленные рассказы о скорбях и радостях человеческих, у того всякий раз отзываются в душе напечатлевшиеся в ней картины: об Ионе, храпящем на корабле и малодушествующем под тыквою, о младенце вдовы соманитянки, как у него заболела голова, и он умер на коленях у матери, как шел к ней Гиезий с жезлом от пророка и со строгим наказом от него никого не приветствовать по дороге, как на поле Деире со звуком мусикии, псалтири и самвики кланяется народ телу златому, которое поставил Навуходносор царь, и три еврейских отрока обличают царя пред народом...

В тишине посреди церкви раздаются слова чтеца, но дважды тишина эта прерывается громогласным повторением торжественных библейских песнопений: отверзаются царские врата, и вслед за чтецом, повторяющим стих за стихом торжествующую песнь Мариамны по переходе через Черное море, хор громогласно восклицает: «поим Господеви, славно бо прославися». Но на последней паремии св[ятая] Церковь поставила самую торжественную песнь библейских сказаний, песнь трех отроков в печи вавилонской, песнь всей природы и всего человечества в

прославление Всевышнего Создателя Бога. Все светила небесные, все стихии, все твари, вся Церковь живых и усопших – все призываются славить Бога, и за каждым стихом славословия хор возглашает: «Господа, пойте и превозносите Его веки».

Потрясающее душу впечатление этой песни стихает на чтении возвышенных слов Апостола Павла об участии христианина в страданиях Христовых по подобию смерти Его, и в Его воскресении: «И вы помышляйте себе мертвым убо быти греху, живым же Богови о Христе Иисусе Господе нашем»⁷⁶.

И вот наступает опять минута торжественного созерцания. Вслед за чтением Апостола перед плащаницею⁷⁷ ввиду Царя Христа, лежащего во гробе, чтец возглашает стих за стихом псаломский урок смертным царям, владыкам и судиям земли, всем властным, творящим неправду, доколе не явится Сам Царь правды исполнить пророческое слово о водворении правды на земле «Бог ста в сонме богов, посреди же боги рассудит. Доколе судите неправду и лица грешников приемлете? Судите сиру и убогу, смиренна и нища оправдайте. Измите нища и убога, из руки грешничи избавите его. Не познаша, ниже уразумеша, во тьме ходят. Да подвижатся вся основания земли. Аз рех: бози есте и сынове Вышняго вси. Вы же яко человецы умираете и яко един от князей падаете»⁷⁸. И за каждым стихом слышится в пении хора, как вся тварь, страдающая и воздыхающая от неправды, зовет: «Воскресни, Боже, суди земли, яко Ты наследисти во всех языцех»⁷⁹.

Настала минута тишины в храме. Посреди ее выступает из алтаря через всю церковь перед плащаницу шествие диакона с Евангелием. Идет он, по подобию Ангела Божия, вестника Воскресения, весь в белом облачении, на которое к этой минуте все священнослужители сменили прежнее черное, ибо возглашается уже великое, «в вечер субботный, свитаючи во едину от суббот, когда прииде Мария Магдалина и другая Мария⁸⁰ видети гроб». И когда читает диакон это Евангелие, вся церковь точно в первый раз слышит весть Воскресения, и когда посреди глубокой тишины в уши народа, желанием души ловящего каждый звук святой повести, раздаются слова: «и

се Иисус сrete их, глаголя: радуйтесь»⁸¹, все точно слышат от Него Самого в первый раз это живительное слово...

На этом служение литургии оглашенных как бы сливается с литургией верных⁸² в один состав, ибо уже в самой первой части ее слышится песнь крещения: «Елицы во Христа крестистесь», и в первые века Христианства к этой минуте выступал в храм из крестильни сонм приавших св[ятое] крещение в белых одеждах, присоединяясь к собранию верных.

Душа переполнена торжественными ощущениями: посреди них возникает таинственная песнь Великой Субботы: «Да молчит всякая плоть человека». Таинственное объемлет душу в преддверии величайшего праздника и держит ее в мире и тишине светлого ожидания до самой полуночи...

22 апреля 1861 года

Светлая ночь Воскресения

Пришел великий вечер. Огни погашены. В доме настала тишина. Все улеглись на покой в ожидании торжества. Шум на улицах умолк: и там все чего-то ждет, к чему-то готовится. Только в моей комнате светится еще огонь, и из тишины, которая окружает меня, слышатся голоса таинственной ночи, голоса далекого и близкого прошедшего.

Как много говорят они мне – нет, не просто говорят, а шепчут, лаская чувство, и будят одно за другим воспоминания детства и юности. Вся жизнь моя прошла в этом тихом приюте. Здесь висела колыбель моя, здесь потом, между кроватями братьев и сестер, стояла моя детская кроватка. Здесь у окна сидела и приговаривала меня ко сну старая няня. Никогда уговоры ее не были так усердны и убедительны, как в этот вечер, под праздник Светлого Воскресения, и никогда детское упрямство не было так настойчиво. Как можно заснуть вечером, когда целый день был одною веселою песнею о той радости, какая будет завтра, когда с самого утра начинался ряд тех необыкновенных явлений, которые всегда совершаются в доме перед большим

праздником и всего более привлекают и занимают детское воображение. Вчера еще кончилось целых два дня продолжавшееся мытье, чищение и убирание: сегодня с утра целый дом смотрит заново, свеж, выметен и украшен, новым духом веет от него, духом радостного ожидания. А сегодня начались новые работы; сегодня, как только пришли от обедни, все занялись малыми делами: готовят платья, красят яйца; дети перебирают свои игрушки и, подражая большим, чистят и моют маленькое свое хозяйство. Сколько новых толков поднялось в этом маленьком мире, сколько суеты и забот о том, что для взрослого давно потеряло всякую цену, а для ребенка составляет важное дело, великое событие! Завтра «Христос Воскрес!» Завтра праздник! И никогда не понять взрослому, сколько прелести для ребенка в одном этом слове: праздник! Старшие дети знают, что они пойдут к заутрени вместе с большими, и вместе с большими улеглись они спозаранку в ожидании ночи. Старшие дети хотят спать и не могут, маленькие дети могут и не хотят. И как им спать, когда отовсюду из кроватей слышится шепот, слышатся отрывистые переговоры о том, что завтра будет, что было сегодня. Как им спать, когда из каждого угла при свете лампы глядит таинственный образ праздника!

Но усталость берет свое. Не удалось уговорить мать, чтобы взяла с собой в церковь, уговариваешь няню: няня! Милая! Разбуди меня, когда пойдут вокруг церкви! И няня обещает, она обещала бы все на свете, лишь бы угомонился ребенок. Но из других кроваток старшие счастливы отвечают смехом на обещания няни, и опять поднимается неугомонный ребенок, и опять уговаривает няню, и опять заставляет ее в десятый раз обещать, что сделает, не забудет. Старая няня, кажется, в самом деле не забудет, она так сердится на старших шалунов, что смущают ребенка и не дают заснуть ему. И дремлешь в сладкой надежде; но страх, что няня обманет, пересиливает сон, и еще раз полузаснувший ребенок заставляет няню повторить свое обещание.

«Заснул! – говорит няня. – Слава Тебе Господи!» Крепок детский сон, завтра совсем будет светло, когда проснется дитя, убаюкиваемое сладким обещанием, и готово заплакать,

когда видит, что ночь прошла и прошла светлая заутрени. Но как плакать, когда уж явился праздник и так весело взглянул в лицо, и около постели стоит няня, стоят братья и сестры, и целуют, и смеются, и отовсюду слышится: Христос воскрес! Христос воскрес!

Но и в крепком сне не засыпает иногда светлая надежда ребенка. Случалось, она будила меня в ту минуту, когда по всей Москве носится таинственный гул и тысячи медных голосов сливаются в первую песню воскресшему Спасителю. Случалось, вскакивал ребенок, и няня, оставшаяся дома, подносила его к окну и показывала ему сверкающие огни на колокольнях и светильники воскресного хода. На минуту затихло все в комнате, и ребенок полусонный, полупроснувшийся прислушивался вместе со старухой к последним звукам церковного перезвона, и потом засыпал он снова в своей постельке, а старая няня дребезжащим голосом пела: «Христос воскрес!» и «Светися, светися». И вот то, что виделось и слышалось тогда сквозь сон, теперь, как сладкий сон, видится и слышится из туманного, из далекого прошедшего...

Первая заутрени! Боже мой, как билось сердце, когда, наконец, в первый раз мать решила взять с собой дитя свое к светлой заутрени. Укладывают спать, спать не хочется, и только ждешь, когда, час за часом, наступит желанное время. Вот наступило оно. После тишины, в которую погрузился целый дом, поднимается внизу и вверх и во всех углах его радостный шум приготовления к заутрени. Одетый по-праздничному, ночью идешь по темной еще улице; не звонили еще, в церкви темно, но она уже полна народом, всякий спешит занять свое место, и стоят все одетые по-праздничному, с новыми свечами, и носится по всему храму таинственный шепот ожидания. Зажигают свечи в больших паникадилах⁸³, которые никогда, кажется, не зажигали. Как стало светло, как полна народом церковь, как весело все глядят, и как весело глядеть на всех! И вот вдруг кто-то возле перекрестился, заслышав удар соборного колокола; в самом деле ударили, другой, третий, и понеслись хором чудные, таинственные звуки, и вот, наконец, наш родной колокол своим

густым гудением покрыл весь хор и поглотил все звуки. Как хорошо, Боже мой! Как хорошо стоять возле матери и братьев и сестер и слушать таинственные голоса, и смотреть во все глаза вокруг себя, и ждать, ждать всем существом своим.

А дальше – дальше целый мир новых ощущений для взволнованного ребенка. Вынесли из алтаря старые, где-то далеко стоявшие иконы, которых никогда еще не видывал, сняли с места хоругви, которых еще ни разу не видывал в движении, и запели «Воскресение Твое, Христе Спасе»⁸⁴, и тронулся крестный ход. И вот затворились двери, церковь полна народу, и все зажгли свои свечи, у всех такие спокойные, важные лица, и все стоят тихо-тихо, не говоря ни слова. Чудно становится ребенку, смотрит он вокруг себя: возле старая няня стоит с зажженным огарком и молится, и плачет, братья и сестры и мать смотрят прямо в глаза и не улыбаются, и тихо все так, как будто никого нет в церкви, и над этой тишиной только носится тот же торжественный гул колоколов. Боже, что будет, хорошо и странно! Но вот за дверями послышались отрывистые звуки возгласов священника и ответы хора, и толпа зашевелилась, люди крестятся и молятся и шепчут. Вдруг отворились двери и раздалось громкое «Христос воскрес!», и в ответ ему народ загудел свое стоязычное: воистину! И скоро вся церковь запела вместе с хором радостные песни воскресения.

О, святые песни, всякому знакомые, всякому милые! Кто из русских людей не знает и не поет вас и не отвечает на ваши звуки всем своим сердцем. И ребенок, в первый раз слышав вас, чувствует трепет праздничной радости, и старик, много раз проводивший Пасху на веку своем, когда услышит вас, как будто снова делается ребенком и празднует Христу детскою радостью. Когда бы ни слышало вас мое ухо, когда бы ни представило воображение светлую ночь Пасхи и церковь празднующую, в душе моей расцветает и благоухает праздничное чувство. И детство, милое, давно прошедшее детство смотрится в нее и в ней отражается, и снова слышатся в ней те же надежды и обещания, которыми жила и радовалась душа в ту благословенную пору. В этих надеждах и обещаниях – свет

и надежда целой жизни, отголосок вечного праздника, отблеск невечернего дня в царствии Христовом. Отойдите прочь, горькие заботы! Пусть чего ждало сердце, то не пришло, пусть то, о чем вспомнить и подумать страшно, остается в жизни, пусть стоит тут со мной, возле меня! Пусть то, чему поверило сердце и во что положило себя, то ему изменило; пусть то, что было дороже жизни, оставило жизнь! Пусть то, что казалось правдой и красотой, и светом, явилось ложью и тьмой, и безобразием! Жизнь вся как есть и со всем, что есть в тебе, оставайся, я не боюсь тебя, потому что с этим ударом колокола проклятие спало с тебя; в это мгновение Божие благословение озарило тебя вновь, от края до края, с первой до последней минуты, и ты сияешь, и ты красуешься, и блещешь, и трепещешь от любви Божией, милая, светлая, благословенная жизнь! Вся покрыта росой Божией, вся омытая Кровью моего Спасителя, лучезарная, чистая, без конца и без меры, без смерти, без горя, без потери. Свет воскресения Христова открыл твою истину, и будущее твое слил с настоящим и прошедшим в одном сознании счастья бесконечного! О, когда бы остановить эту минуту! О, когда бы навсегда удержать в душе эту гармонию и начать бы жить и не кончить жить с одним этим словом, с одним этим чувством: «Христос воскрес! Христос воскрес!»

12 апреля 1859 года⁸⁵

Потерпи Господа в день Воскресения Его, потерпи Господа, человече! Долго и напрасно звал Он и стучал в двери сердца твоего и в нем искал Себе храмины, где главу подклонить, но ты не пускал Его. Дом твой был нечист и неубран, храмина твоя была полна гостей, и от утра до утра пелись в ней песни и велись пиры; и все гости твои были Ему недруги. Как было Ему войти в дом твой? Но Он возлюбил тебя и восхотел и тебе дать, и у тебя Себе найти упокоение; оттого не отходил Он от дверей твоих и все звал тебя, и посылал к тебе друзей Своих сказать тебе: се, зовет Господь. Но ты слушал лениво, ты вел шумную беседу с гостями своими, и выгнать их было тебе

жаль и стыдно. Редко, протрезвившись на минуту, отворял ты дверь посмотреть, ждет ли Господь, но вновь на зов гостей из внутренних комнат затворялись твои двери, и ты запирался опять со своими друзьями, забывая о гласе Господа, стоящего у дверей. Он молил тебя хоть одну внутреннюю комнату оставить Ему и в ней водворить Его в мире; и ты соглашался, и ты охотно отводил Ему комнату в доме своем, и сначала с жаром и горячностью Его принял, но твои гости и друзья были тебе дороже Господа. Им отдавал ты весь день и всю ночь свою, а к Нему входил на одну минуту, чтобы тотчас же снова Его оставить. Вот ныне, явившись во славе, в день Воскресения, Он осиял Своим светом грязный и нечистый дом твой, и преобразился вид его, и бежали из него нечистые собеседники. Господь грядет к тебе в свете и торжестве; Он тебя не забыл, однажды возлюбив тебя, и в день Воскресения Своего хочет побыть у тебя в мире и зовет тебя: потерпи Меня в день Воскресения Моего! Потерпи хоть ныне и возрадуйся со Мною!

Июнь 1861 года

Вознесение Господне

Слово «плоть» бысть и вселися в ны. Бог всесильный и непостижимый, Бог Дух, в свете живой неприступном, плоть бысть и вселися в ны. Возлюбив нас, Он соединился видимым образом с нашей природой и стал един от нас, Сын Человеческий, и мы подошли к Нему и увидели в Нем смертного человека. Он явил Себя Сыном Божиим в знамениях и в учении, и в свидетельстве отчем; и все видевшие и слышавшие могли веровать свидетельствам, что Он – Слово Отчее, Сын Божий, и веровали, и исповедовали. Но как ни крепка, как ни горяча была вера, человеческая природа не могла вместить ее в себе, не в силах была с полнотою веры слить и примирить в одном цельном чувстве мысль о том, что Бог живет посреди нас, как един от нас. «Во своя прииде, и свои Его не прияша. Елицы же прияша Его, даде им область чадом Божиим быти, верующим

во имя Его, иже не от плоти... но от Бога родишася» (Ин. 1:11–13). Но и эти избранные, и эти чада Божии были тоже люди со слабою природой человеческой. Они видели ежедневно рядом с собою Сына Божия, и сколько ни любили Его, сколько ни веровали, сколько ни видели дел Его, не могли не соблазниться. Не один из них спрашивал себя в недоумении: наш Мессия, Сын Бога Живого – Он ли это? Он ли это ест и пьет, и прикасается к скверне человеческой, и возлежит с мытарями и грешниками? Он ли это известного рода и известной матери, рожденный на земле и на земле взросший с детьми человеческими? Он ли это носит одежду человеческую и подчиняется закону, и подати платит чужеземной человеческой власти? Он ли это любит и скорбит, как человек, и проливает слезы человеческие о тех, кого любит? Он ли это, Мессия, Бог, Который неизвестно откуда приходит и неведомо где пребывает, и во славе и в силе является? Творил ли Он чудеса, повергавшие всех в ужас и изумление, говорили: пророк великий восста в нас и посети Бога людей Своих, но вспоминали о прежних пророках, творивших чудеса, и в недоумении спрашивали себя: Он Мессия — отчего же вся природа наша окрест Его не изменяется, и как это — Бог посреди нас, а мы и все вокруг нас остается по-прежнему? Отчего при Нем и около Него остаются наши болезни, люди умирают и бедствуют, как прежде, человек возделывает землю в поте лица своего, чужеземная власть угнетает народ Божий, незаконные незаконничают и неправда властвует над правдой? Он ли это, тот, кого мы ждали, в ком чаяли избавление от неволи, от угнетения, от бедствий: отчего не настает царство правды и свободы, и счастья? Он ли это, избавитель и царь, проповедует нам закон терпения и блаженство страдания и неволи? Где же власть Его и сила? Сотворит ли Он великое чудо – за восторгом и изумлением следует соблазнительная мысль о том, каково будет новое чудо Его, в чем Он Себя откроет, и каждое чудо возбуждает ненасытимую жажду новых чудес. Насытил Он народ в пустыне – и родится мысль: отчего же, если это Бог, одождивший манну, отчего только те насытились, кто был с ним, а целые тысячи не бывших голодают в земле

Иудейской? Отчего и те, что насытились сегодня от руки Его, завтра должны по-прежнему добывать себе хлеб в поте лица своего? Отчего здесь Он расслабленного восставил, мертвую воскресил, слепому возвратил зрение, а там тысячи гибнут от меча Иродова, сотни задавлены башней Силоамской? Отчего Он Сам не знает, где главу приклонит, и ученик покупает для Него и для себя хлеб из скудного денежного запаса? Он говорит о царствии – и веруют, и плачут от умиления, а наутро завязывается между учениками спор о том, кому из них в этом царстве занять возле Него первое место! А всю ту ночь, когда Его, как преступника, схватили и связали, все соблазнились о Нем, и прежде всех тот соблазнился, кто исповедал Его: Ты еси Христос, Сын Бога Живого. Любовь его была горяча, но вера его не в силах была вынести противоречия действительности с тем живым представлением об учителе, которое он себе составил. В связанном и поруганном пленнике он не в силах был узнать того, кого признал Сыном Бога Живого, и вера его поколебалась. А когда Он с незаконными вменился, когда висел на кресте, как последний из злодеев, в ком еще могла оставаться вера в Богочеловека? В эту минуту враги Его со злобной усмешкой и вслед за ними чернь с горьким презрением звали к Нему: если Ты Сын Божий, сойди с креста; когда увидим, тогда и уверуем в Тебя. И если с тою же мыслью не обращались к Нему в эту минуту те, кто любил Его и ходил с Нем, конечно, одна любовь, та горячая и простая любовь, что не справляется с верой и не спрашивает о возлюбленном: кто Он? – Одна она делала эту мысль невозможной. А вера, одна вера человеческая и в них не вынесла бы этого страшного зрелища. «Мы же надеемся, яко Сей есть хотяй восставить Израиля!» (Лк. 24:21).

Но вот Он воскрес, и празднует пораженная любовь, и оживает умершая вера! Узнает Христа-Учителя и видит – Он Сам, но не тот, что был прежде, не тот, что скитался в унижениях по путям и стогнам, «дондеже изведет в победу суд»⁸⁶. Узнала Его Мария и зовет: Учитель! И в восторге готова броситься к Нему и слышит: не прикасайся Мне⁸⁷! Узнали Его ученики за трапезою в Эммаусе и прежде чем успели закричать Ему от

полноты сердца: Учитель! – Он уже «невидим бысть има»⁸⁸. Он является им потом, Он вкушает у них рыбу и мед. Он дает Фоме⁸⁹ осязать Себя, но уже не делит с ними дни и ночи, и трапезы, и неосязаемо является, и неосязаемо оставляет их, и, думая о Нем, они говорят: Господь! И чувство любви к человеку сливается у них с трепетом благоговения к Господу. Уже не ходят они с Ним и только ждут Его у своего промысла, у своего дела, за которое каждый вновь принялся, будто оставив то дело, за которым ходили вместе вслед за Христом, они видят своего Господа телесными очами. Это их праздник, но празднику недолго длиться – и придет день Вознесения. Нельзя человеку в теле оставаться надолго в том состоянии, в котором находились Апостолы по воскресении, и воистину сказал им Христос: «уне вам есть, да иду от вас»⁹⁰. Как им жить с верою и видением, как вынести то и другое вместе? Как удержать в себе всю целостность веры, когда есть видение? Как уберечь в чистоте мысль свою о Господе, Которого живым видят перед собою, как остеречься, чтобы не исказить в представлении образ Господень, видимый телесными очами? Как видимое совместить с невидимым? Как не соблазниться желанием сердца человеческого, приступая с ним к Тому, в Ком исчезают и объединяются желания и Кто один ведает добро и зло, и истину, и начало, и конец всего сущего? Вот в прославленной плоти Своей Он является им и говорит им словеса духа и жизни «еже о Царствии Божиим», а они еще вместить не могут! Они еще, сошедшись, вопрошают Его: «Господи! аще в лето сие устрояеши царство Израилево?»⁹¹ Они думают все еще о земном царстве Израилевом.

Но пришел день Вознесения. Он вознесся от них на небо, сказав им, что будет с ними во все дни до скончания века и что пошлет обетование Отца Своего на них. Они не видят Его – видение от них отнято, но как все в них изменилось верою! Только с того времени, как Он вознесся от них на небо, они узнали Его и почувствовали в себе обещанную крепость, обещанную радость, которой никто уже не отнимет. Не видят телесно Христа – Сына Человеческого, но никогда не чувствовали так близко присутствие Сына Божия, Богочеловека. Все они в себе

носят Христа Духом Святым, все уразумели силу царствия и, не боясь смерти, идут проповедовать Его по вселенной. Нечем уже смущаться в Нем, когда Он вознесся во славе и воссел одесную Бога, нечего желать, когда одно явилось сокровище на небе, всем равно близкое, всем равно желанное; нечего спорить о том, кто к Нему ближе, когда Он, вознесшись от земли, всех привлек к Себе и всех призвал в свободу чад Божиих; нечего помышлять о царстве Израилевом, когда всемирное Царство Божие открылось и каждый в себе ощутил «правду о мире и радость о Дусе Святе»⁹².

И теперь душа христианская, разгоревшись любовью ко Христу, ищет видения и скорбит о том, что видеть не может, не может слышать и осязать Христа своего. Малодушно это желание! Когда бы вера была в нас твердая, оно не приходило бы к нам. Но веры мало в нас, и мы в малодушии сердца думаем: ах, когда бы увидел я Христа телесными очами, когда бы жил при Нем, как утвердилась бы моя вера! Мы забываем, что веру нельзя согласить с видением, и где есть видение и ощущение, там и именно там вера всего скорее ослабевает. Когда Он жил на земле, «ни братья Его вероваху в Него»⁹³. Как бы ни было горячо стремление к нему нашего сердца, любовь Петрова была во сто раз пламеннее; он жил с Ним, ходил за Ним, слушал Его, видел дела Его, но в час опасности вера изменила Петру, и он отрекся! Из тех, которые кричали: «Распни Его!» – сколько было видевших Его и чудеса Его, слушавших Его и плакавших от умиления! Иуда был ученик Его, а что случилось с Иудею! Сколько было свидетелей дивных чудес Его, свидетелей Лазарева воскресения, а в час смертный все «оставльше Его, бежаша»⁹⁴.

Нет, в том, что должно в целости обнимать всю душу человека, в цельном сознании Бога и вечности, не [по]может нам видение. Вспомним, что сказано о родных Евангельского богача: «аще кто из мертвых воскреснет, не имут веры». Видение только долей и отрывком действует на ощущение человеческое, видение только поражает человека живым образом; прошло видение, чувство ослабело, и в душе родится вопрос; он требу-

ет нового видения, нового опыта, нового ощущения, и нет конца вопросам, и нет конца сомнениям. Кто ищет преходящих образов и видений, чтобы на них утвердить свою веру, тот не знает, чего хочет. Верую ходим здесь, а не видением. Когда бы сказали нам: се zde Христос или се онде мы пошли бы искать Христа вне себя, в том или в другом месте, и где бы мы нашли Его? И, нашедши Его в одном месте, мы стали бы, подобно иудеям, по желанию своего сердца и по представлению чувства судить о том, каким показался нам Христос, и вообразили бы себе Христа своего, и потом, увидев Его вновь не таким, каким представило Его обманчивое сердце, и мы соблазнились бы, как соблазнялись иудеи, ждавшие избавления, просившие знамения, как соблазнялись эллины, искавшие премудрости.

Троицын день

Сегодня заключился круг праздников, от самой Недели мытаря и фарисея, возводящих верующую душу как бы по ступеням молитвенного созерцания от одного таинства к другому. Мы созерцали тайну греха, тайну воплощения, тайну страдания, тайну воскресения. И вот, как венец, как альфа и омега, начало и конец созерцания, воссиял нам и осиял нас радостью праздник Св[ятой] Троицы. Люди Божи! Ведь это самая глубина нашей веры, это таинство жизни и смерти.

И стоит наш праздник как раз на той поре года, когда возникает отовсюду, возбуждается и возрастает жизнь всякого создания. Вся земля цветет и красуется, крины сельные одеты славою, воздух кишит мириадами тварей, и каждый лист, каждый цветок, каждая былинка, каждая мошка есть тайна создания, великая, неразгаданная, но ощущаемая тайна. Посреди ходит человек – величайшая тайна жизни, нося в себе подобие образа Божия, и над всем этим великая и страшная тайна вечности, отовсюду объемлющая жизнь! Посреди этой жизни, под кровом этой тайны душа человеческая чувствует, что она откуда-то по чьему-то велению возникла вместе со всем, что живет с нею во вселенной, и живет и стремится

куда-то к своему началу! Как ей отрешиться от этой тайны, когда над нею высоко свод небесный с таинственными светилами мироздания, вокруг нее жизнь природы, исполненная таинств, а внизу на земле и в прахе земном – могилы, через которые прошло и проходит все живущее! И сколько бы ни слышалось вокруг умных и безумных речей о том, что нет никакой тайны, не поверит этому душа человека и не перестанет от могилы обращаться вверх к светилам и великим стремлением истины искать Духа животворящего, от Коего все исходит и Коим все содержится.

И вот, чтобы не ослабела на пути наша вера, чтобы обновилось новой силой наше стремление, сегодня Св[ятая] Церковь составила нам этот великий праздник и собрала на нем все словесные черты великой тайны, чтобы на них сосредоточилось и процвело радостью молитвенное ее созерцание. Вот уже в той молитве, которую каждый день привыкли мы твердить, сегодня слышится нам точно новое торжественное откровение глубоко таящегося в душах таинственного ожидания: «Царю небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде Сый и вся исполняй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны и очисти ны от всякие скверны и спаси, Блаже, души наши!».

Вся утренья сливается как бы в одну торжественную песнь Троидиному Божеству, Создателю и Спасителю мира, одухотворяющему жизнь всего живущего во вселенной. «Во дворах Твоих воспою Тя, Спасе мира, и преклоню колена поклонюся Твоей непобедимой силе, вечер и утро, и полудне, и на всякое время благословлю Тя, Господи». И во всех этих песнях, потоком несущихся на весь собравшийся Собор церковный, слышится, и у всех, больших и малых, на лицах отражается тихая радость торжественного созерцания тайны Божией. Господь Иисус, Слово Божие, «тихообразно совершив, – по словам церковной песни, – сердца человеков», вознесся на небо, но пребывает неотступно, и Духа Своего ниспослал ученикам, и сотворил их ловцами человеков, некнижных мудрости научил, рыбаблей богословцами показал и открыл им тайну языков, и

послал их во вселенную просвещать светом сердца и души и вносить в жизнь новые заветы: один – любите друг друга, как Я возлюбил вас, и другой завет – радуйтесь. И вот сегодня оглянемся вокруг: на всех лицах тихая радость, все несут с собою цветы и зелень – знамение жизни и красоты, все радуются на цветущую со всех сторон природу; и у всех играет сердце, когда послышится на литургии потоком несущийся антифон: «Небеса поведают славу Божию, творение же руку Его возвещает твердь. Услышит тя Господь в день печали. Спаси ны, Утешителю Благий, поющая Ти: Аллилуия!»

В свете нынешнего праздника церковь объемлет молитвою всю вселенную в вечности, перед лицом вечного Бога, Иже несть Бог мертвых, но Бог живых. С ними – сонм всех ближних и милых, оплаканных нами в жизни, и мы за них молимся, веруя, что они живы и вместе с нами все, все совокуплены в празднующую и молящуюся Церковь, и мы в памяти их, улыбаясь, плачем, и плача, радуемся, что жизнь, по слову и по вере Церкви святой, сливается воедино со смертью в единой вечности и что смерть есть не гибель и уничтожение жизни, но «преставление с худшего на лучшее», от зла и неправды и рабства в «свободу славы чад Божиих».

Вечер субботний

Встань, ветер северный, и подуй, южный ветер, в саду моем, и закапят его ароматы... Сплю я, но не спит сердце мое – и вот, слышно, глас возлюбленного ударяет в двери: отпри, сестра моя, ближняя моя, голубица моя, чистая моя...

Песн. 4:16; 5:2.

Так говорила невеста, когда ждала жениха своего, и вся душа ее трепетала горячим ожиданием желанного счастья. Мало ей было думать и любить: видеть хочет она того, кому отдалась душа ее, назвать его своим, всю себя еще раз отдать

ему, собрать все свои сокровища для него и всю красоту свою, и всю свою доброту в праздничном наряде поставить ему на радость. Пришло ее время: всех и все хочет забыть она, кроме того, кому несет свою душу: она оставила всякую работу, она отослала всех чужих и все остатки ежедневного суетливого шума заглушила в себе. Она убрала свой дом для желанного гостя, все приготовила и ждет, когда стукнет в двери, когда войдет он, и за ним затворится дверь. Сад насадил ей возлюбленный жених ее, и каждый день растит она и поливает, и украшает свой сад, и хочет ему показать его в цветах и свежей зелени. «Приди, – зовет она, – приди, полуденный ветер, и подей на вертоград мой, и пусть закаплют его ароматы».

Вот идет к тебе жених твой, душа. Так ли ты любишь его, так ли трепещешь горячим ожиданием, так ли жаждешь принять жениха своего, видеть его, для него все забыть и приготовить ему торжество свое, и еще раз сказать ему: я твоя и ничья больше. Целую неделю не приходил он; целую неделю работала ты в суете житейской, целую неделю под окнами твоими был шум рыночный и стучались в дверь твою праздные посетители. Входили к тебе и садились с тобой, и глядели тебе в глаза, и ловили твои желанья, и говорили тебе про красоту, говорили про любовь и обещали тебе честь и веселие. Слушала ты их? Соблазнялась льстивыми их речами? Надевала наряд свой и выходила гулять с ними и величалась их честью и любовью? Или в тишине делала ты свое дело и между льстивых речей думала: о, когда опять придет желанный, кому отдала я свое сердце, кому готовлю жизнь свою, для кого украшала себя красотою; он меня любит, он каждый день шлет мне привет и ласку и обещает приход свой.

Вот прошла неделя, и он идет опять оживить твою усталость, и несет тебе радость свидания и торжество праздничное. Он сказал, уходя в последний раз: приду опять в субботу вечером. Сложи свою работу, сними свое рабочее платье, надень праздничный наряд свой. Посмотри – вечер подходит, и тихим светом засияло над холмами и рощами села твоего заходящее солнце. Пахарь оставляет соху свою, последние

снопы сложены на гумно, и стадо возвращается домой с поля. Ветер утих: каждый лист на дереве стоит неподвижно и сквозит на солнце изумрудным светом молодой зелени; каждая былинка на земле, свесив головку, ждет росы вечерней; каждый колос на неубранном поле отдыхает, облитой золотистым светом вечерних лучей. Слышишь: зазвонил в неподвижном воздухе вечерний колокол, видишь: народ потянулся к церкви пестрою толпою.

Приди же, тихий ветер, и подуй на мою молодую рошу. Проснись, зеленый сад мой, собери и пролей свои ароматы навстречу желанному жениху. Он идет, не спит мое сердце, и чу! Глас возлюбленного ударяет в двери.

Июнь, 1860.

ИСТОРИЯ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ДО НАЧАЛА РАЗДЕЛЕНИЯ ЦЕРКВЕЙ

Предисловие

Задача этого труда несложная и понятна будет всякой душе истинно христианской; эта задача – внушить учащимся детям любовь к Церкви, научить любить ее *сознательно* за то, что она все превозмогла и сберегла в себе тот святой огонь, который Спаситель пришел Сам низвести на землю!

Горит огонь этот и поныне, и, если Бог даст, даже эта малая книжка сможет зажечь его в юных сердцах, когда по прочтении ее станет им понятно чувство умиления и благодарности за то, что соблюдена нам наша Церковь во всей красоте своей!

Грустно и обидно, если при мысли об «Истории Церкви» возникает представление о заучивании известных фактов, расположенных в известном порядке, как-то: последовательное

перечисление семи Вселенских Соборов⁹⁵ с обозначением цели каждого и т[ому] п[одобное]. История Церкви должна запечатлеться не в одной памяти, но в сердце каждого, как таинственная история страдания, ради великой бесконечной любви. Должно помнить, что все те, которые в борьбе и страдании претерпели до конца, терпели не только ради имени Божия, но нераздельно и ради Церкви Его: как во времена языческие, самые страшные гонения не могли искоренить открытого исповедания Господа, так и во времена иконоборства никакие страшные гонения не могли заставить отречься от святых икон, когда их освятила Церковь, не могли заставить умолкнуть те чудные песнопения, которые именно во время преследований слагались с такой любовью в честь этих икон.

При должном отношении к истории Церкви скажется во всей полноте великое значение самой Церкви, и станет понятно, что ничто не может сокрушить ее и что она теперь та же, что была в те далекие времена, – источник нашей лучшей радости и единственное наше земное сокровище.

Наше сказание начинается с описания Рима в ту пору, когда в последний раз прибыл в Рим святой Апостол Павел, и оканчивается в ту пору, когда впервые упомянуто в истории о нашей вновь просвещенной стране, и история Русской Православной Церкви сразу становится тождественной и уже нераздельной с историей русского народа.

В нашем рассказе мы не касаемся истории Церкви апостольской, самых первых годов служения Апостолов, не считая себя вправе *перефразировать* сказания самих Апостолов.

Наша книжка предназначена для учительской школы: детям этих школ уже знакома книга Деяний, пусть же привыкнут они прямо в этой святой книге находить простое вдохновенное сказание о том, как сложилась история Церкви с самой той минуты, как приняла она Духа Святого. Пусть представление об этих первых годах роста Церкви останется во всей чистоте своей, без примеси нашего словосочинения... Что можем мы убавить или прибавить, например, в величавой картине обращения Савла⁹⁶? Священные слова лучше сохра-

нить и для ума, и для сердца, и для слуха в неприкосновенной святости «Слова Божия», в цельном составе той книги, в которой они «сияют лучезарною красою».

Содержание книги Деяний святых Апостолов

Глава I. Повеление Господа Иисуса Христа.

Он повелел им: не отлучайтесь из Иерусалима, но ждите обещанного от Отца... ибо Иоанн крестил водою, а вы, через несколько дней после сего, будете крещены Духом Святым (Деян. 1:4, 5).

Вознесение Господа.

И будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самари и даже до края земли. Сказав сие, Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их (Деян. 1:8,9).

Ожидание в молитве и моление об исполнении обещания.

Избрание на апостольское служение нового Апостола: жребий выпадает Матфию⁹⁷.

Глава II. Пятидесятница.

Сошествие Святого Духа на Апостолов. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра... И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещивать (Деян. 2: 2–4).

Великое смущение народа.

Мощное слово Петра: он приводит целый ряд пророчеств, которые ясно указывают на только что совершившиеся события, и в заключение призывает народ к покаянию: *покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святого Духа. Ибо вам принадлежит обетование и детям вашим, и всем дальним, кого ни призовет Господь Бог ваш (Деян. 2:38, 39).*

Народ умиляется сердцем: в этот самый день крестятся около 3000 душ. Верующие пребывают в любви и молитве, и с каждым днем спасаемые прилагаются к Церкви.

Глава III. Первое чудо: исцеление хромого от рождения.

Изумление и страх народа.

Петр снова обращает речь свою к народу: *что дивитесь сему, или что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит?.. И ради веры во имя Его, имя Его укрепило сего, которого вы видите и знаете, и вера, которая от Него, даровала ему исцеление сие пред всеми вами.* И снова заканчивает эту свою речь призывом к покаянию тех, которые по неведению распяли Христа: *Бог, воскресив Сына Своего Иисуса, к вам первым послал Его благословить вас, отвращая каждого от злых дел ваших... Итак, покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши, да придут времена отрады от лица Господа* (Деян. 3:12, 16; 19, 20, 26).

Глава IV. Злоба и досада саддукеев. Апостолов отдают под стражу. Первосвященники Анна, Каиафа⁹⁸ и другие, призвав Апостолов, требуют, чтобы они признались, чьей властью они сотворили чудо.

Петр, исполнившись Духа Святого, дает ответ: *то да будет известно всем вам и всему народу Израильскому, что именем Иисуса Христа Назорея, Которого вы распяли, Которого Бог воскресил из мертвых, Им поставлен он перед вами здрав* (Деян. 4:10).

Первосвященники, недоумевая перед смелостью этих простых, некнижных людей и не имея возможности опровергать очевидное чудо, решают отпустить Апостолов, запретив им с угрозой учить о имени Иисуса.

Но Петр и Иоанн *единодушно возвысили голос к Богу и сказали: Владыко Боже, сотворивший небо и землю и море и все, что в них! И ныне, Господи, воззри на угрозы их, и дай рабам Твоим со всюю смелостью говорить слово Твое!* (Деян. 4:24, 29).

Многое множество народа уверовало, и у уверовавших было *одно сердце и одна душа* (Деян. 4:32).

Глава V. Апостол Петр обличает во лжи Ананию и Сапфиру. Кара Божия постигает их.

Чудеса исцеления продолжают, народ прославляет Апостолов.

Зависть первосвященников и саддукеев возрастает. Апостолы, по их приказанию, заключены в темницу. Ангел Господень ночью выводит их из темницы: *сказал: идите и, став в храме, говорите народу все сии слова жизни* (Деян. 5:19, 20).

Изумление и ярость синедриона, когда узнали, что заключенные Апостолы на свободе и проповедуют в церкви.

Апостолы перед синедрионом.

Смелые ответы Петра и других Апостолов на вопрос первосвященника: *не запретили ли мы вам накрепко учить о имени сем?* – доводят гнев синедриона до крайних пределов. Замышляют умертвить их.

Знаменитый законоучитель Гамалиил⁹⁹ своей разумной речью отклоняет членов синедриона от их намерения наложить руки на Апостолов.

Апостолы с радостью переносят бесчестие побиения во имя Господа Иисуса.

Отпущенные с повторением запрещения говорить о Христе, они продолжают открыто благовествовать слово Божие, и число верующих все возрастает.

Глава VI. Ропот эллинистов, недовольных распределением пособий, ежедневно раздаваемых Апостолами из общей казны.

Апостолы решают именно на это служение поставить 7 диаконов, чтобы самим пребывать в молитве и служении слова.

Рукоположение Стефана¹⁰⁰, Филиппа и пяти других диаконов.

Стефан силой своей проповеди увлекает многих: *и из священников очень многие покорились вере* (Деян. 6:7).

Лжесвидетели обвиняют его в богохульстве.

Стефан перед синедрионом: *И все, сидящие в синедрионе, смотря на него, видели лицо его, как лицо Ангела* (Деян. 6:15).

Глава VII. Речь Стефана.

В этой знаменитой вдохновенной своей речи он последовательно, точно восстанавливает всю историю Ветхого Завета, начиная с обетования Бога Аврааму и изречениями самих пророков доказывая, что весь Ветхий Завет есть как бы подготовление к принятию того Завета Нового, которого Израиль

не захотел познать; он заканчивает речь грозным обличительным словом; *Жестоковыйные! люди с необрезанным сердцем и ушами! вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы. Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествие Праведника, Которого предавателями и убийцами сделались ныне вы* (Деян. 7:51, 52).

По мере того как говорит Стефан, растет негодование и усиливается ярость синедриона; но когда Стефан, исполнен Духа Святаго, возрев на небо, воскликнул: *вот, я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога* (Деян. 7:55, 56), все в единодушном ужасе устремляются на него и влекут его за город, чтобы предать смерти: *побивали камнями его... И, преклонив колени, воскликнул громким голосом: Господи! не вмени им греха сего. И, сказав сие, почил* (Деян. 7:59, 60).

Глава VIII. Тут же стоял юноша, именем Савл (Деян. 7:58). *Савл же одобрял убиение его* (Деян. 8:1).

Гонение на Иерусалимскую церковь.

Апостолы остаются в Иерусалиме; ученики их, рассеявшись по Иудее и Самарии, благовествуют Слово.

Проповедь Филиппа в Самарии: *И была радость великая в том городе* (Деян. 8:8).

Ангел внушает Филиппу идти по дороге, ведущей в Газу.

Встреча с царским евнухом, едущим на колеснице и в недоумении читающим книгу пророка Исайи¹⁰¹. Филипп по внушению Духа подходит к колеснице: *Филипп отверз уста свои и, начав от сего Писания, благовествовал ему об Иисусе* (Деян. 8:35). Евнух изъявляет желание креститься, исповедуя веру свою: *верую, что Иисус Христос есть Сын Божий* (Деян. 8:37).

Крещение евнуха.

Глава IX. Савл. *Еще дыша угрозами и убийством на учеников Господа* (Деян. 9:1), Савл испрашивает у первосвященников разрешение идти в город Дамаск, в котором было много последователей учения Христова, и там утвердить гонение. *Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говоря-*

щий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна. Он в трепете и ужасе сказал: Господи! что повелишь мне делать? И Господь сказал ему: встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать (Деян. 9:3–6). Савл от сияния света теряет зрение, его приводят незрячего в Дамаск.

Видение Анании, повеление исцелить Савла.

Смушение и возражение Анании. Анания исцеляет Савла: и, возложив на него руки, сказал: брат Савл! Господь Иисус, явившийся тебе на пути, которым ты шел, послал меня, чтобы ты прозрел и исполнился Святаго Духа. И тотчас как бы чешуя отпала от глаз его, и вдруг он прозрел; и, встав, крестился (Деян. 9:17, 18).

Первая проповедь Савла в Дамаске. И тотчас стал проповедовать в синагогах об Иисусе, что Он есть Сын Божий (Деян. 9:20).

Недоумение и изумление иудеев, их злоба на Савла; намереваются умертвить его.

Прибытие Савла в Иерусалим.

Недоверие и смушение Апостолов при встрече с Савлом, Варнава¹⁰² повествует Апостолам обо всем бывшем с Савлом. И пребывал он с ними, входя и исходя, в Иерусалиме, и смело проповедовал во имя Господа Иисуса (Деян. 9:28).

Церковь преуспевает по всей Иудее, Галилее и Самарии.

Петр исцеляет расслабленного в городе Лидде, воскрешает девицу Тавифу в Иоппии.

Глава X. Видение римского сотника Корнилия¹⁰³: Он в видении ясно видел около девятого часа дня Ангела Божия, который вошел к нему и сказал ему: Корнилий!.. молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом... призови Симона, называемого Петром... он скажет тебе слова, которыми спасешься ты и весь дом твой (Деян. 10:3–6).

Таинственное троекратное видение Петра.

Прибытие в Иоппию посланных Корнилия.

По внушению Духа Петр следует за ними в Кесарию.

Корнилий со всем домом своим встречает Петра. Петр сказал им: *вы знаете, что иудею возбранено сообщаться или сближаться с иноплеменником; но мне Бог открыл, чтобы я не почитал ни одного человека скверным или нечистым... Но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему* (Деян. 10:28, 35).

Дух Святой сходит на всех уверовавших еще во время благовествования Петра.

Они все крестятся во имя Иисуса Христа.

Недоумение иудеев, пришедших с Петром, что дары Духа Святого изливаются и на язычников.

Глава XI. Апостолы по возвращении Петра в Иерусалим упрекают его за его общение с язычниками.

Петр повествует им о своем таинственном видении, во время которого был *голос с неба* ему: *что Бог очистил, того ты не почитай нечистым, о явлении Ангела Божия Корнилию и о ниспослании даров Духа Святого на вновь уверовавших язычников. Выслушав это, они успокоились и прославили Бога, говоря: видно, и язычникам дал Бог покаяние в жизнь* (Деян. 11:18).

Варнава послан на проповедь в Антиохию, и приложилось довольно народа к Господу (Деян. 11:24).

Прибытие Савла также в Антиохию; больше года оба Апостола учат в Антиохийской церкви. В Антиохии в первый раз ученики их стали называться христианами.

Глава XII. Гонение на Апостолов все усиливается.

По повелению царя Ирода (внук того, кто избил младенцев в Вифлееме), предан смерти Иаков¹⁰⁴ (брат Иоанна), Петр заключен в темницу, и назначен день его казни.

Чудесное явление Ангела Божия Петру в ночь накануне казни: *И вот, Ангел Господень предстал, и свет осиял темницу... и пробудил его... Петр вышел и следовал за ним...* (Деян. 12:7, 9).

Пройдя первую и вторую стражу, они пришли к железным воротам, ведущим в город, которые сами собою отворились им... (Деян. 12:10).

Апостолы все вместе в ту ночь усердно молились Господу о Петре.

Их радость и изумление, когда Петр вдруг предстал пред ними и рассказал им, как послал Господь Ангела Своего, чтобы избавить его от руки Ирода.

Гнев Ирода, вскоре страшная его кончина. *Слово же Божие росло и распространялось* (Деян. 12:24).

Глава XIII. Варнава и Савл откровением Божиим поставляются на великое служение: *Дух Святой сказал: отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их* (Деян. 13:2).

Оба принимают рукоположение.

Савл выступает на проповедь в первый раз как Павел.

Проповедь на острове Крите.

Обращение проконсула Сергия Павла¹⁰⁵.

Волхв Елима, наказание его.

Прибытие Варнавы и Павла в Антиохию Писидийскую. День был субботный, они прямо идут в синагогу.

По окончании служения в синагоге начальники синагоги посылают сказать им: *если у вас есть слово наставления к народу, говорите* (Деян. 13:15).

Павел во вдохновенном слове возвещает им о Господе Иисусе: *Итак, да будет известно вам, мужи братия, что ради Него возвещается вам прощение грехов; и во всем, в чем вы не могли оправдаться законом Моисеевым, оправдывается Им всякий верующий* (Деян. 13:38, 39).

Иудеи при виде впечатления, которое производят на народ слова Павла, исполнены зависти и противоречат ему с хулой и злословием.

Варнава и Павел в негодовании дерзновенно обращают к ним речь свою: *вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам* (Деян. 13:46).

Радость язычников. Слово Божие быстро распространяется по всей стране.

Иудеи изгоняют Апостолов из своих пределов. Апостолы же *исполнялись радости и Духа Святого* (Деян. 13:52).

Глава XIV. Чудо в Листре: Павел своим словом исцеляет хромого от рождения.

Восторг народа, который восклицает: *боги в образе человеческого сошли к нам* (Деян. 14:11).

В знак благодарности весь народ со жрецами во главе стремится совершить перед ними, как перед своими богами, жертвоприношение.

Ужас Апостолов. Обращение их к народу: что вы это делаете? *И мы подобные вам человеки, и благовествуем вам, чтобы вы обратились от сих ложных к Богу Живому, Который сотворил небо и землю, и море, и все, что в них...* (Деян. 14:15).

Некоторые иудеи, придя из Антиохии, возбуждают народ против Апостолов.

Внезапная бессмысленная ярость народа.

Павел страшно побит камнями. Народ, считая его мертвым, выбрасывает его за город.

Апостолы благовествуют в Иконии, в Пергии и Атгалии, рукополагают пресвитеров в каждой церкви и словом своим утверждают души учеников: *увещевая пребывать в вере и поучая, что многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие* (Деян. 14:22).

Возвращение в Антиохию, откуда были посланы на проповедь: *Прибыв туда и собрав церковь, они рассказали все, что сотворил Бог с ними и как Он отверз дверь веры язычникам* (Деян. 14:27).

Глава XV. Иудеями возбуждается вопрос об обрезании и подчинении закону Моисея язычников, принимающих Христианство. Для уяснения и окончательного разрешения этого важного вопроса созывается Собор.

Первый Собор в Иерусалиме.

Речь Апостола Петра: он напоминает, как он первый был избран Господом для привлечения к Нему именно язычников: *и Сердцеведец Бог дал им свидетельство, даровав им Духа Святого, как и нам; и не положил никакого различия между нами и ими, верою очистив сердца их... Мы веруем, что благодатию Господа Иисуса Христа спасемся, как и они* (Деян. 15:8, 9, 11).

Речь Апостола Иакова. Он указывает на знаменательные пророчества: *«потом обращусь и воссоздам скинию Давидову падающую, и то, что в ней разрушено, воссоздам, и исправлю ее, чтобы взыскали Господа прочие человеки и все народы, между которыми возвестится имя Мое, говорит Господь...»* (Деян. 15:16, 17), и предлагает Собору прийти к решению не обременять соблюдением закона Моисеева язычников, обращенных в Христианство, и их об этом решении известить письменно.

Собор принимает предложение Апостола Иакова.

Первое Соборное Послание, писанное к братьям из язычников. Оно заканчивается следующими словами: *Ибо угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного, и крови, и удавленнины, и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите. Соблюдая сие, хорошо сделаете* (Деян. 15:28, 29).

Павел, Варнава, Иуда и Сила¹⁰⁶, отправленные в Антиохию, вручают послание. *Они же, прочитав, возрадовались о сем наставлении* (Деян. 15:31).

Варнава отделяется от Павла.

Глава XVI. Павел, взяв с собой Силу и нового ученика Тимофея¹⁰⁷, продолжает дело благовествования в Малой Азии, пока они не призваны Господом в ночном видении благовествовать в Македонии.

Прибытие в город Филиппы.

Обращение Лидии, и *Господь отверз сердце ее внимать тому, что говорил Павел* (Деян. 16:14).

Изгнание злого духа из служанки-прорицательницы служит поводом к волнению в народе.

Павла и Силу влекут на площадь к начальникам.

Им дают по приказанию воевод много ударов, ввергают в темницу, забив им ноги в колоду.

Апостолы проводят всю ночь в пении молитв.

В полночь землетрясение, раскрываются двери, распадаются узы.

Ужас темничного стража: *в трепете припал к Павлу и Силе, и, выведя их вон, сказал: государи мои! что мне делать, чтобы спастись? Они же сказали: веруй в Господа Иисуса Христа* (Деян. 16:29–31).

В ту же ночь он берет их в дом свой и крестится сам и все домашние его.

Воеводы, узнав, что Апостолы – римские граждане, приходят в страх, извиняются перед ними и просят удалиться из Филипп.

Глава XVII. Павел благовествует в Фессалонике и Верии: *И многие из них уверовали, и из Еллинских почетных женицин и из мужчин немало* (Деян. 17:12).

Иудеи не перестают возбуждать народ против Павла.

Павел должен удалиться и из Верии.

Павел в Афинах: *возмутился духом при виде этого города, полного идолов* (Деян. 17:16).

Он ежедневно учит в синагогах иудейских и на торжищах.

Философы разных философских школ входят с ним в препирательства и ссоры. Приводят его в ареопаг, говоря: *Ибо что-то странное ты влагаешь в уши наши. Посему хотим знать, что это такое?* (Деян. 17:20).

Павел перед ареопагом. Речь его.

Во вдохновенном, огненном слове он перед лицом всего образованного мира исповедует Бога своего: *Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано «неведомому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам. Бог, сотворивший мир и всё, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живет и не требует служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду, Сам дая всему жизнь и дыхание, и всё* (Деян. 17:23–25).

Афиняне слушают со вниманием, но относятся легкомысленно ко всему слышанному, о воскресении же мертвых рассуждают насмешливо. *Итак, Павел вышел из среды их* (Деян. 17:33).

Глава XVIII. Павел в Коринфе.

Акила и Прискилла¹⁰⁸; с ними Павел занимается ремеслом: деланием палаток.

Павел проповедует и эллинам, и иудеям.

Иудеи продолжают со злобой хулить всячески учение Христово.

Грозное к ним слово Павла: *кровь ваша на главах ваших; я чист; отныне иду к язычникам* (Деян. 18:6).

Обращение Криспа, начальника синагоги, и многих других.

Иудеи приводят Павла на суд к правителю Галлиону¹⁰⁹.

Галлион не принимают их жалобы, не желая быть судьей в споре, касающемся учения и веры.

Видение Павла: *Господь же в видении ночью сказал Павлу: не бойся, но говори и не умолкай, ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла* (Деян. 18:9, 10).

Павел остается в Коринфе год и шесть месяцев, непрестанно уча слову Божию.

Глава XIX. Павел снова в Ефесе.

В продолжение двух лет он в Ефесе благовествует, творя немало чудес: *Бог же творил немало чудес руками Павла* (Деян. 19:11).

С такую силою возрасло и возмозало слово Господне (Деян. 19:20).

Утвердив Церковь в Ефесе, Апостол Павел решает побывать предварительно в Иерусалиме и потом идти в Рим.

Мятеж в Ефесе. Серебряник Димитрий.

Апостол Павел покидает Ефес.

Глава XX. В Троаде он воскрешает юношу Евтихия.

В Милите, перед тем как отплыть в Палестину, Павел вызывает из Ефеса пресвитеров Ефесской церкви.

Последняя его беседа с ними.

Это прощальное его слово есть выражение его любви к Церкви Христовой, его заботы о чадах этой Церкви и также его всецелой радостной преданности тому служению, которое он принял во имя Господа Иисуса: *иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною; только Дух Святой по всем горо-*

дам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня. Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса (Деян. 20:22–24). Бодрствуйте, памятуя, что я три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас. Во всем показал я вам, что, так трудясь, надобно поддерживать слабых и памятовать слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: «блаженнее давать, нежели принимать» (Деян. 20:31, 35).

Общая коленопреклоненная молитва.

Со слезами провожают Апостола на корабль.

Глава XXI. По всему пути, в разных городах ученики Павла умоляют его не следовать в Иерусалим.

Таинственные слова пророка Агава¹¹⁰.

Павел сказал: ...я не только хочу быть узником, но готов умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса (Деян. 21:13).

Ученики перестают уговаривать его: успокоились, сказав: да будет воля Господня (Деян. 21:14).

Прибытие Павла в Иерусалим.

Апостол Иаков советует Павлу, в надежде сближения с иудеями, принять участие в исполнении обрядов закона Моисеева.

Иудеи при виде Павла в их храме приходят в неудержимую ярость. Мгновенно волнение охватывает весь город: *что весь Иерусалим возмутился* (Деян. 21:31). С криками и побоями разъяренная толпа устремляется на Павла и влечет его на казнь.

Начальник войска освобождает его из рук черни, приказывает заковать в цепи и отвести в крепость.

При входе в крепость Павел спрашивает позволение говорить народу.

Глава XXII. Павел, стоя на лестнице, дал знак рукою народу; и, когда сделалось глубокое молчание, начал говорить на еврейском языке так (Деян. 21:40): *выслушайте теперь мое оправдание перед вами* (Деян. 22:1).

В кратких чертах он воспроизводит перед ними историю всей своей жизни: как был он строгим ревнителем закона Моисеева и жестоко, безжалостно гнал последователей Христа, как

на пути его в Дамаск чудное видение отверзло его душевные очи, и он тут же сам призвал имя Того Иисуса, Которого гнал, как, наконец, стоя на молитве в храме Иерусалимском, он пришел в исступление: *и увидел Его, и Он сказал мне: «поспеши и выйди скорее из Иерусалима, потому что здесь не примут твоего свидетельства о Мне»... И Он сказал мне: «иди; Я пошлю тебя далеко к язычникам»* (Деян. 22:18, 21).

Иудеи прерывают его слово с яростными криками.

Начальник воинов повелевает предать его бичеванию, но узнав, что он римский гражданин, отменяет казнь и, создав весь синедрион, выводит Павла на суд.

Глава XXIII. *Павел, устремив взор на синедрион, сказал: мужи братия! Я всею доброю совестью жил пред Богом до сего дня... Я фарисей, сын фарисея; за чаяние воскресения мертвых меня судят* (Деян. 23:1, 6).

Ожесточенная распря между фарисеями и саддукеями.

Начальник воинов опасается, чтобы саддукеи не растерзали Павла.

Павла уводят обратно в крепость.

Видение Павла. *В следующую ночь Господь, явившись ему, сказал: дерзай, Павел; ибо как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме* (Деян. 23:11).

Тайный заговор иудеев убить Павла на пути из крепости в синедрион.

Ночью под сильной охраной конных и пеших воинов Павла ведут в Кесарию к правителю Феликсу¹¹.

Глава XXIV. Обвинители Павла также спешат в Кесарию.

Павел на суде перед правителем Феликсом.

Оправдательная речь Павла производит глубокое впечатление на правителя Феликса.

Он откладывает решение дела.

Однако в угоду иудеям содержит Павла в узах еще два года.

Глава XXV. Преемник Феликса, правитель Фест¹².

Снова первосвященники иудейские требуют суда над Павлом с тем, чтобы его привели из Кесарии в Иерусалим. *Павел*

сказал: *я стою перед судом кесаревым, где мне и следует быть судиму. Иудеев я ничем не обидел* (Деян. 25:10).

Тогда Фест решает отправить его в Рим: *ты потребовал суда кесарева, к кесарю и отправишься* (Деян. 25:12).

Торжественный прием царя Агриппы и царицы Вереники¹¹³.

Фест сообщает им о деле Павла. *На другой день, когда Агриппа и Вереника пришли с великою пышностью и вошли в судебную палату... по приказанию Феста приведен был Павел* (Деян. 25:23).

Глава XXVI. Речь Павла к царю Агриппе. Он выясняет причины гонения на него иудеев: *И ныне я стою перед судом за надежду на обетование, данное от Бога нашим отцам* (Деян. 26:6), указывает на видения и откровения, которыми был призван на великое служение свое: *«...Я теперь посылаю тебя открыть глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу, и верю в Меня получили прощение грехов и жребий с освященными»* (Деян. 26:17, 18).

Агриппа слушает Павла с глубоким, сосредоточенным вниманием. *Агриппа сказал Павлу: ты немного не убеждаешь меня сделаться Христианином* (Деян. 26:28).

Царь и все слушавшие оправдательную речь Павла находят, что он ничего достойного смерти или уз не сделал.

Царь своей властью освободить его не может, так как Павел уже потребовал суда у кесаря.

Глава XXVII. Павел поручен с другими узниками сотнику Юлию и отплывает в Италию. Противный ветер.

Страшная буря, страх и ужас спутников Павла.

Павел ободряет их, говоря, что из них никто не погибнет: *Ибо Ангел Бога, Которому принадлежу я и Которому служу, явился мне в эту ночь и сказал: «не бойся, Павел! тебе должно предстать пред кесаря, и вот, Бог даровал тебе всех плывущих с тобою»* (Деян. 27:23, 24).

Глава XXVIII. Корабль попадает на мель.

Все спасаются на берегу острова Мелита (Мальты).

Жители встречают сострадательно и дружелюбно.

Укушение ехидны не причиняет вреда Павлу, жители во-
ображают, что он бог.

Исцеление Публия¹⁴ и многих других от разных недугов.

Признательность жителей острова.

Прибытие Павла в Рим.

Тамошние братья, услышав о нас, вышли нам навстречу...

Увидев их, Павел возблагодарил Бога и ободрился (Деян. 28:15).

Павлу позволяют жить особо от других узников.

Он созывает знатных иудеев, живущих в Риме, объясняет
им, почему он искал суда кесаря.

Иудеи изъявляют желание слышать от самого Павла о его
учении, которое везде возбуждает столько споров.

Одни принимают это учение, другие не верят ему и уходят.

Последнее слово Павла к иудеям: *хорошо Дух Святой ска-
зал отцам нашим через пророка Исаию: «пойди к народу сему
и скажи: слухом услышите и не уразумеете, и очами смотреть
будете и не увидите. Ибо огрубело сердце людей сих, и ушами
с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не
услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, что-
бы Я исцелил их». Итак, да будет вам известно, что спасение
Божие послано язычникам: они и услышат (Деян. 28:25–28).*

Апостол Павел два года открыто проповедует в Риме сло-
во Божие, и принимал всех, приходивших к нему (Деян. 26:30).

Глава 1. Рим. Первое гонение.

Святые первоверховные Апостолы Петр и Павел

Когда апостолы Христовы явились в мире с проповедью
Евангелия, люди языческого мира, *сидевшие во тьме*, впервые
увидели *свет велий* (Ис. 9:2; Мф. 4:16) и услышали слово ис-
тины и спасения.

Весь известный тогда мир был под властью Рима, но ни
в народе, ни в правителях его не было веры, а без веры чело-
вечество развращается и гибнет. Правда, все большие города
Римской империи были наполнены великолепными храмами,
посвященными ложным богам, всюду возвышались художе-

ственные их статуи и приносились жертвы, но люди ученые и образованные перестали уже верить богам своим, а для простого народа обряды служения этим богам служили только зрелищем, не давая никакого утешения и никакой надежды. Но как человек не может быть без всякой веры, то вместо веры истинной распространились суеверия всякого рода. Вся жизнь римлян была полна обрядов, совершаемых из суеверного страха перед таинственными враждебными силами, заклинаний, гаданий и волшебств. Жрецы, совершавшие все эти обряды, сами в них не верили, но прилежно совершали их, обманывая народ. При всем том языческая религия почиталась государственной и поддерживалась государством; с падением веры в идолов число их не только не уменьшилось, но еще умножалось теми ложными богами, которых приносили с собой в Рим покоренные народы. Раблепный страх перед императорами довел до обоготворения злодеев, сменявшихся на троне: в честь Тиверия и Калигулы¹¹⁵ воздвигались алтари, возносились жертвы, курился фимиам, и совершение обряда в честь них считалось свидетельством верности и любви к отечеству, а уклонение от того – изменой.

Рим обогатился награбленными от всех покоренных народов сокровищами, но эти сокровища не обращались на пользу народную и не составляли народного богатства. Они послужили лишь к непомерному обогащению правителей и знатных сановников, распространяя повсюду жадность к приобретению новых богатств от народного угнетения, чрезвычайную роскошь и всеобщий разврат. С умножением роскоши и разврата распространилась жестокость в народах и страсть к зрелищам, возбуждающим страсти. Любимым народным зрелищем стали гладиаторские игры, на которых борцы бились друг с другом насмерть, и дикие звери терзали людей, брошенных им на съедение, или театральные представления, на которых выставлялись на вид самые безнравственные действия и отвратительные пороки. Рабы, в бесчисленном множестве собранные со всех концов мира, несли на себе весь труд в общественной жизни и в домашнем быту владельцев. Будучи людьми, имея,

подобно всем, бессмертную душу, нередко – образование и художество, они считались не за людей, а за вещь, не имели никаких прав и состояли на полной воле – жизни, терзания и смерти, – у бесчеловечных и развратных господ своих.

До того доходило это ужасное состояние общества в древнем Риме, что в нем не было уже, как многим казалось, места правде, добродетели и чистоте. Один из лучших римлян, философ Сенека¹¹⁶, писал так о своем отечестве: «Мир исполнен преступлений и пороков, и нет средства избавиться от этого зла. Порок, попирая все доброе и священное, рыщет повсюду на своей воле и уже ни от кого не скрывается. Порочная злоба стала так бесстыдна, так проникла во все сердца, что уже нельзя и искать чистоты и невинности: ее не найдешь нигде».

Но выйти из такого безотрадного состояния, по мнению этих лучших людей древности, человечество было бессильно. Для этого, утверждали они, нужна была сверхъестественная Божественная помощь, нужен был тот небесный Посланник, о Котором говорилось в священных книгах иудейского народа и ожиданием Которого был тогда исполнен весь иудейский мир. Действительно, все надежды поработенной Риму Иудеи были обращены к будущему Мессии. Когда Иоанн Креститель выступил на проповедь, из Иерусалима к нему было послано посольство спросить: не он ли Мессия? Простые женщины, рыбаки, самаряне, люди из грубого народа знали все пророчества, возвещавшие об Иисусе Христе, Спасителе людей... вся Иудея томилась в ожидании своего Избавителя. Но всегда считавшие себя народом избранным, народом Божиим, иудеи не могли допустить мысли оставаться вечно в порабощении другим народам и в обещанном Мессии ждали царя-завоевателя, который даст земное царство славы одному еврейскому народу. Гордый своей истинной религией, бывшей только у него одного, еврейский народ ожидал и Мессию только для одного себя, как народа избранного. Признаки явления Мессии, означенные в книгах пророков, всем казались теперь близкими, все ждало обновления, и среди этой тьмы вдруг засиял тихий луч Божественного света и благодать учения Христова впер-

вые коснулась человечества, погрязшего в идольской лести, в заблуждениях, пороках и бедствиях всякого рода. Все сердца, в которых оставалось еще желание ощутить цель своей бедственной жизни и правду, которой посреди ее нигде не находили, все пресыщенные наслаждениями порока, равно как и *все труждающиеся и обремененные* (Мф. 11:28), со всей горячностью верования принимали в душу новое слово любви, проповедуемое Апостолами. Новая вера явила им в первый раз Бога – Отца всякой живой души, Им созданной по образу Своему и подобию, Бога, из любви к падшему человеку сошедшего на землю в лице Сына Божия и с Собой воскресившего человека на вечную жизнь. Проповедниками Евангелия явились живые свидетели о Христе, с Ним жившие и Им посланные в мир, и по их пламенному слову у старцев и юношей, у жен и дев и малых детей сердца загорались любовью ко Христу, любовью крепкой паче смерти.

Христианская вера распространилась сперва в кругу людей бедных и незначительных и довольно долго не привлекала внимания правительства и языческого общества. Точно Сам Господь охранял начало Святой Церкви Своей: в тишине, как бы в тайне лица Его, росла она и крепла, изменяя и жизнь, и сердца уверовавших, приготавливая их к принятию предстоявшего им подвига. В великолепных чертогах Рима еще совершались возлияния в честь языческих кумиров, а в мрачных его подземельях уже зарождалась новая жизнь... Туда во множестве стекались христиане для молитвы, для слушания Слова Божия и как воины Христовы ждали призыва, памятуя в сердцах своих слово Спасителя, сказанное ввиду предстоящих гонений на Его учение: *не мир пришел Я принести, но меч* (Мф. 10:34).

Когда настал час, весь иудейский и языческий мир воздвиг гонение на христиан. Иудеи возненавидели христиан как последователей Того, Кого они сами не захотели познать, и непримиримую свою на них злобу выразили убиением первомученика Стефана, который в грозной, вдохновенной речи, возвестив им падение Ветхого Завета, обличил их в противлении Самому Духу Святому за то, что Завета Нового они не захотели принять.

Язычники, которые долго смотрели на Христианство, как на иудейскую секту, возненавидели его, когда, осознав свою ошибку, поняли, что это новое учение обращено не к одному какому-нибудь народу, но стремится собою объять весь мир, и увидели, насколько оно, почти никем не примеченное, успело уже распространиться, подрывая основы народной религии, грозя поколебать весь строй языческой жизни! Римское правительство сочло своей обязанностью препятствовать распространению этой новой веры, и вступление в эту веру с той поры стало считаться государственной изменой.

Гонение на христиан со стороны язычников начинается собственно при императоре Нероне¹¹⁷. До того времени если были преследования, то лишь частные и случайные.

Изверг-император, губивший для своего удовольствия жизнь и благосостояние своих подданных, однажды для своего развлечения сжег более половины Рима. Голос народный винил его самого в этом пожаре; чтобы отвлечь от себя подозрение и успокоить волновавшийся народ, Нерон обвинил в поджоге христиан. Народ легко поверил этой клевете; подстрекаемый жрецами, он давно смотрел с отвращением на христиан как на безбожников, на людей преступных и самых порочных. Ярость черни не знала пределов... начались доносы, казни, и правительство воздвигло гонение, которое распространилось по всем областям Империи и продолжалось около четырех лет, до самой смерти Нерона. В Риме гонение было особенно жестоко. Христиан зашивали в звериные шкуры и бросали на растерзание псам, распинали их на крестах; иных обмазывали смолянистым составом и, привязав к столбам, зажигали. Сами язычники, привыкшие к кровавым зрелищам, содрогались от ужаса при виде страданий христиан.

Именно во время этого жестокого гонения находились в Риме святые Апостолы Петр и Павел. Невзирая на опасность, они бесстрашно проповедовали Евангелие. Раздраженный распространением учения Христова, Нерон стал искать святых Апостолов, чтобы предать их казни. Вскоре оба – и Петр, и Павел заключены были в темницу. Тут, как говорит предание,

святые Апостолы пробыли около девяти месяцев, обратили стражей темничных и совершали чудеса. В последнем Послании к Тимофею, писанном из заключения, Апостол Павел говорит: *я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало. Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его* (2 Тим. 4:6–8).

Апостолов осудили на смертную казнь. Петр сперва был свидетелем казни жены своей и затем сам претерпел крестную смерть, считавшуюся у римлян самой позорной. Святые Отцы Церкви указывают, что Господь предрек ему крестную смерть, сказав ему известные слова: *когда состаришься, ты прострешь руки твои, и другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь* (Ин. 21:18).

Святой Апостол Павел, как римский гражданин огражденный от позорной казни, был обезглавлен мечом. Полагают, что христиане погребли тела святых учителей в катакомбах или подземельях, которых было много в Риме. Верующие часто собирались на молитву на гробницах великих Апостолов и благоговейно чтили их память. Вот что пишет о святых Апостолах святой Климент¹⁸, который жил в Риме одновременно с ними и разделял их апостольские труды: «Много претерпел Петр от неправды людской, и так совершив свое мученичество, достиг уготованного ему места славы. Павел в борьбе со злобой явил пример долготерпения и стяжал венец нетленный. Семь раз был он в оковах, претерпел ссылку, побиваем камнями, но проносил слово Божие на восток и до крайних пределов запада, проповедуя праведность в целом мире: наконец, претерпев мученичество у владык земных, отошел на место святое из здешнего мира».

Святой Апостол Петр был по преимуществу «апостолом обрезания», апостолом для иудеев, и оба Соборные его Послания обращены к *избранным пришельцам рассеяния* (1 Пет. 1:1), то есть к иудеям верующим, рассеянным между язычниками, в Малой Азии, в Сирии, в Вавилоне. Главное же дело его, по

завету Господню, было в Иерусалиме, где в первое время является он главным действующим лицом и служит поистине камнем для созидания Церкви, и ему суждено было первому открыть двери Царствия сначала иудеям, потом и язычникам. Павел был «апостолом необрезания», апостолом язычников. Еще Савлу явился в чудном видении Сам Господь и сказал ему: *«иди; Я пошлю тебя далеко к язычникам»* (Деян. 22:21). И Савл, под именем уже Павла, понес имя Божие в отдаленные страны, возвещая людям, что Новым Заветом упразднено различие между иудеем и язычником, что и без обрядового закона Моисеева всякому доступна благодать через веру, что не буква закона, но дух веры и любви есть основание христианской жизни, что все – христиане: и иудей, и эллин, и раб, и свободный – все равно и одинаково составляют одно Тело, Единую Церковь, которой Глава – Христос.

Более всех других Апостолов он трудился, более всех других страдал... Сам он горел духом, был великим проповедником любви христианской и в своих вдохновенных посланиях огненными, таинственными словами начертал для нас, чем должна быть жизнь тех, кто принял на себя звание последователя Господа Иисуса Христа.

Глава II. Святые Апостолы

Господь Иисус, когда повелел Апостолам Своим проповедовать Евангелие, предрек им, что они за то подвергнутся гонениям от людей, что их станут ненавидеть ради имени Его и обвинять перед правителями и царями. Но вместе с тем Господь обещал им всемогущую помощь; обещал быть всегда с Церковью Своей; обещал, что Дух Святой внушит им мудрость и твердость, и силу слова; что именем Христа они будут творить знамения и чудеса.

После сошествия Святого Духа Апостолы в первое время благовествовали в Иерусалиме, где надлежало им, по завету Христову, прежде всего свидетельствовать о Воскресении. Здесь в совокупном собрании, по вдохновению свыше,

они сложили и первый «Символ веры», известный под именем Символа Апостольского и состоящий из двенадцати членов. 1. Верую в Бога Отца Всемогущего; 2. Творца неба и земли; 3. Верую во Иисуса Христа, Сына Его Единородного, Господа нашего; 4. Который зачат был от Духа Святого, рожден от Марии Девы; 5. Пострадал при Понтии Пилате, распят, умер и погребен; 6. Сошел в ад, в третий день воскрес из мертвых; 7. Восшел на небеса, сидит одесную Бога Отца Всемогущего; 8. Оттоле придет судить живых и мертвых; 9. Верую и в Духа Святого, Святую Церковь Соборную; 10. Общение Святых; 11. Воскресение плоти; 12. Жизнь вечную.

Затем разошлись они по тому же слову *даже до края земли* (Деян. 1:8), проповедуя Евангелие, совершая крещение, утверждая церкви.

Голод и холод, преследования, темницы, смерть – ничто не останавливало их; глаголом они жгли сердца людей; везде, где они появлялись, возникали новые церкви. По словам современников, Христианство, как зараза, проникало всюду, не только в города, но и в села и деревни, так что пустыли языческие храмы, сами собою прекращались языческие празднества.

Объяснить какими бы то ни было причинами быстрое распространение Евангелия на огромном пространстве, между многими тысячами людей невозможно: это распространение есть само по себе чудо.

Святой Апостол Иаков был епископом Иерусалимской церкви, и один из Апостолов жил постоянно в Иерусалиме. Своей праведной жизнью, строгим подвижничеством, постом, непрестанной молитвой в храме он приобрел уважение даже неверовавших иудеев и снискал себе особую любовь всего народа тем, что хотя одобрил решение Апостольского Собора, постановившего, что обряды закона Моисеева не обязательны для обращенных из язычества, сам строго соблюдал их. Ему одному дозволялось во всякое время входить в ту часть храма Иерусалимского, куда даже первосвященники входили только раз в год. Все звали его праведным и твердыней народной. Вот как повествует о нем один историк¹¹⁹ того времени: «Многие иудеи, по

слову его, уверовали во Христа, даже некоторые из старейшин. Это встревожило фарисеев и книжников. Зная, как народ любит Иакова, и думая, что народ идет ко Христу ради его слова и его праведности, они стали уговаривать его, чтобы остановил народ и отговорил его от веры во Христа – Мессию Распятого. Итак, когда на Пасху сошлось множество народа в Иерусалим, они поставили Иакова на крыле церковном, чтобы он держал речь к народу. Тогда Иаков громогласно сказал: “Что вопрошаете меня об Иисусе, Сыне Человеческом? Он сидит на небесах одесную силы Божией, и опять придет на облаках небесных судить живых и мертвых”. Тогда верующие в народе воскликнули радостно: “Слава Богу! Осанна Сыну Давидову!” Но раздраженные фарисеи и книжники стали кричать: “Праведный заблуждается, свергнем его, тогда народ перестанет ему верить”, и, низринув его, стали побивать камнями. Праведный, собрав последние силы, стал на колена, поднял руки к небу и громогласно молился, говоря: “Господи Боже, прости им! Они не знают, что творят!” Пока его били, некто священник из племени Рихава бросился в народе криком: “Что вы делаете? Праведный молится за вас, а вы его побиваете!” В это время один суконщик ударил Иакова тяжелым валиком и разбил ему голову».

Хотя Апостол всю жизнь свою провел в Иерусалиме, но он имел горячую заботу и о христианах, рассеянных по дальним странам: к ним он написал известное Соборное Послание, исполненное духом любви и мира, в котором он умоляет их доказывать любовь свою и веру во Христа добрыми делами, всегда помня, что вера без дел мертва.

Святой Иаков еще составил первый чин служения литургии к совершению Святой Евхаристии. Эта литургия и донныне совершается в Иерусалиме в день его памяти.

Святой Апостол Матфей проповедовал сначала в Иудее и первый написал Евангелие на еврейском языке. Оно было почти тотчас же переведено на греческий язык, как полагают, святым Иоанном Богословом.

Святой Лука был верным спутником Апостола Павла и в Риме не оставлял его до самой его кончины. Лет 15 спустя по

Вознесении Господнем он написал на греческом языке Евангелие; он же передал нам в книге Деяний святых Апостолов драгоценную повесть о распространении Церкви Христовой. Он проповедовал в разных странах и был епископом в греческом городе Солуне; сподобился мученической смерти, по мнению одних, в Ефесе, а по словам других – в Патрах. Святой Лука был врачом и живописцем.

Святой Марк сопутствовал Апостолу Петру при первом его путешествии в Рим, и под его руководством написал там Евангелие на греческом языке. Был первым епископом Александрийской церкви и в Александрии положил начало училищу, которое впоследствии сделалось знаменитым. В этом же городе святой Марк был замучен язычниками, которых отвращал от поклонения идолу. Перед кончиной он сподобился явления Христа и радостно перешел в лучшую жизнь.

Святой Андрей Первозванный благовествовал в Иудее, Греции, Малоазийских областях, лежавших близ берега Черного моря; в Грузии, Абхазии и проник даже в Россию, которую тогда называли Скифией и мало знали. Древние летописи наши¹²⁰ сообщают нам, что святой Андрей проповедовал в Херсонесе Таврическом (на нынешнем Крымском полуострове) и потом по Днепру доплыл до того места, где ныне стоит Киев; что тут на горе он водрузил крест и сказал спутникам своим: «На этом месте воссияет благодать Божия, воздвигнутся храмы Богу, и свет истинный изыдет отсюда на всю страну». Святой Апостол дошел и до Новгорода.

Святой Андрей много пострадал от язычников в городе Синопе, близ Черного моря. Затем он основал церковь в Византии (нынешнем Константинополе). В греческом городе Патрах первозванный ученик Христа сподобился положить жизнь за веру свою. В этом городе его благовествования и чудеса обратили ко Христу множество язычников, и в том числе брата и жену самого начальника области. Начальник, узнав об этом, велел заключить в тюрьму святого Апостола, но в темницу и вокруг нее собирались верующие для молитвы и слушания слова, и число христиан все увеличивалось.

Начальник призвал к себе Андрея и долго увещевал его отречься от Христа. «Как можно, – говорил он, – верить в человека, который, как злодей, был распят на кресте»? Святой Апостол объяснял ему, что Господь добровольно, из любви к людям, принял страдание; что Он смертью Своей примирил людей с Богом и даровал им вечную жизнь. Начальник не уверовал в спасительную истину и осудил святого Андрея на крестную смерть. С радостью приветствовал Апостол крест, считавшийся у язычников орудием самой позорной казни, но освященный для христианина смертью Христа. «О, крест давно любимый! – воскликнул он, – возьми меня от людей и отдай меня Учителю моему; пусть тобой примет меня Тот, Кто тобой меня спас!»

Чтобы продлить мучения святого Апостола, начальник велел привязать его ко кресту, а не пригвоздить. Народ вознегодовал, ибо успел полюбить Апостола за его святую жизнь и спасительное учение. «За что страдает этот святой муж, этот друг Господень?» – восклицала толпа, негодовала и волновалась. Андрей же с креста своего поучал народ и увещевал его к кротости, говорил о любви к ближним, о прощении обид, о вечной жизни. «Не страшна смерть для тех, которые подвергаются ей за правду, – говорил он, – они ею достигают блаженного покоя; она страшна лишь для тех, которые в сей жизни рабы греха, ибо те идут на вечную казнь. Братья, не забывайте учения моего: любите веру истинную, храните заповеди Господа Иисуса Христа». Два дня и две ночи уже висел на кресте ученик Господень и, следуя примеру Божественного Учителя, произносил лишь слова любви и прощения; на третий день народ, наконец, с угрозами и криком потребовал от начальника, чтобы его сняли со креста. Начальник, испугавшись волнения, сам пришел на место казни и велел воинам своим снять святого мученика, но Андрей с молитвой предал душу Богу.

Святой Иоанн Богослов, возлюбленный ученик Господа, во исполнение завета Божественного своего Учителя оставался охранителем Его Пречистой Матери и потому не отлучался из Иерусалима до самой Ее кончины, последовавшей в 48 году,

когда, согласно преданию, Апостолы, восхищенные облаком, чудным образом прибыли из разных стран в Иерусалим и сделались свидетелями небесной славы Пречистой Девы.

Святой Иоанн Богослов просвещал своим благовествованием все области Малой Азии, главным же его местопребыванием был город Ефес. Отсюда во время великого гонения, воздвигнутого императором Домицианом¹²¹, он был вызван в Рим, где сподобился быть исповедником за Христа. Долго убеждали святого старца отречься от христианской веры, били его жестоко, думая истязаниями вынудить отречение; но Иоанн среди мучений оставался верен Божественному Учителю своему. Заставили его выпить отравленное ядом питье, но отравы не подействовала на него, по слову Спасителя, обещавшего ученикам: *и если что смертоносное выпьют, не повредит им* (Мк. 16:18). После этого повергли святого Апостола в котел с кипящим маслом, но и тут он остался здоров и невредим. Присутствующие, изумленные чудом, стали восклицать: «Велик Бог Христианский!» Тогда Домициан, убедившись, что истязания бессильны над человеком, которого так чудесно охраняет невидимая сила, велел отвезти Иоанна на заточение на остров Патмос, близ берегов Малой Азии.

Но и на далеком, пустынном острове святой Иоанн не чувствовал себя одиноким, с ним была любовь Того, за Кого он смолоду был готов отдать и жизнь, и душу свою, и здесь эта любовь посетила его в таинственно чудном видении, в котором ему дано было узреть небесную славу Господа, созерцать Его благость, ощутить Его любовь к Церкви и к людям Своим и, наконец, постичь неземным испытанием красоту Иерусалима Нового, то есть Царствия Небесного! По повелению Божию Иоанн описал это чудное откровение; оно дошло до нас в священной книге, называемой Апокалипсисом или Откровением святого Иоанна. Кончая описание чудесного видения своего, он восклицает: *Ей, гряди, Господи Иисусе!* (Откр. 22:20). Эти слова его выражали, как томилась его душа по Тому, Кого он так любил на земле! Но ему предстояли еще долгие годы труда. Император Домициан был убит, наследник его, Нерва¹²², вы-

звал из ссылки всех изгнанных христиан, и Иоанн возвратился в Ефес к великой радости своей паствы.

В это время страшные ереси, или ложные толкования свя-
 тых истин веры, начали вкрадываться в общества христиан, и
 эти лжеучения распространились особенно в Малой Азии. По-
 явились лжеучители, которые стали отвергать саму сущность
 Христианства – искупление человека смертью Сына Божия:
 одни отвергали Его Божественность, другие – Его человек-
 ность и почитали Его за духа, имевшего только призрачный
 образ человека. Иоанн негодовал и скорбел, стараясь всеми си-
 лами оградить своих *от лютых волков, не щадящих стада...*
 (Деян. 20:29) Тогда пресвитеры Ефесской церкви и многие из
 христиан приступили к нему с мольбой изложить им учение о
 Христе так, как он принял его от Самого Божественного Учи-
 теля. Предание говорит, что он наложил на христиан пост и
 сам с учеником своим Прохором удалился на гору, на которой
 пробыл три дня в посте и непрерывной молитве; наконец,
 вдохновенный свыше, велел Прохору записывать со слов его,
 что внушал ему Дух Святой. Так было написано Евангелие,
 которое начинается величественным исповеданием Божества
 Христа Бога, Слова Единосущного с Богом Отцом, и как Он,
 Творец мира. *И Слово стало плотью, – возглашал, в опро-
 вержение еретикам, вдохновенный евангелист, – и обитало с
 нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, сла-
 ву, как Единородного от Отца* (Ин. 1:14).

До конца жизни своей святой Иоанн продолжал посещать
 собрания верующих, он был так слаб, что ученики приносили
 его на руках, не доставало у него сил говорить, как прежде, по-
 учения, он только с любовью останавливал свой взор на окру-
 жающих, повторяя тихим голосом то слово, которое он принял
 от своего Господа: «Дети, любите друг друга». Ученики спра-
 шивали: «Отчего ты повторяешь все одно и то же слово?» «От-
 того, – отвечал он, – что это одно слово все в себе содержит».

Святой Иоанн почил в Господе уже в первых годах второ-
 го столетия. В продолжение долгой жизни своей он образовал
 многочисленных учеников, которые ревностно распростра-

няли Христово учение и всей жизнью являли пример христианской добродетели. Самые известные из учеников Иоанна были: святой Игнатий Богоносец¹²³ и святой Поликарп, епископ Смирнский¹²⁴.

Глава III. Святые мужи апостольские

С Иоанном Богословом кончается первый век Христианства, век апостольский. Все очевидцы Слова жизни почил в Господе, но оставили учеников, которым сообщили власть, данную им Господом: благовествовать слово, совершать таинства, вязать и разрешать, научать все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа. Они оставили писания – источник отрады, утешения и наставления для человечества до скончания века. Многочисленные ученики Апостолов продолжали ревностно дело благовествования. Святых мужей, получивших наставление непосредственно от Апостолов, церковная история именует мужами апостольскими. Таковыми мужами апостольскими считаются: святые Варнава, Климент и другие.

Святой Варнава – друг и спутник святого Павла, с которым положил основание Церкви в Антиохии, благовествовал на Кипре, в Милане и скончался мученической смертью на Саламине. Мы знаем, что он один из первых продал имущество свое для того, чтобы раздать деньги нуждающимся и что он был прозван Апостолами *сыном утешения* (Деян. 4:36), потому что имел особый дар утешать скорбящих.

Святой Климент родился в Риме в богатом и знатном семействе, бывшем в родстве с самим императором. Странная судьба, постигшая семейство его, омрачила печалью его детство и его раннюю молодость: когда он был еще малым ребенком, мать его и двое старших братьев предприняли далекое путешествие, и с самой той поры о них больше ничего не было слышно; отец, удрученный горем, оставив в Риме своего младшего сына, отправился разыскивать жену и остальных детей и, узнав вскоре, что корабль, на котором они плыли, разбился о скалы, не имел силы возвратиться в дом свой; многие годы все

они, спасенные и хранимые Промыслом Божиим, были рассеяны и оплакивали друг друга как погибших.

Климент же рос один. Роскошь окружала его; но молодая жизнь, не знавшая ласки и любви матери, не знала и радости, и «бе печален всегда», сказано о нем в его житии. Он тщательно изучил все философские учения того времени, но не находил в языческой мудрости ни опоры, ни отрады. Часто размышляя с тоской о кончине родителей своих и всех своих присных, не находя никакой сладости в благах земных, он в смущении спрашивал себя: есть ли жизнь иная, лучшая после этой кратковременной жизни?.. С каждым годом он становился мрачнее и задумчивее, ему минуло 24 года, когда в первый раз он услышал о Христовом пришествии в мир: разом душа его озарилась светом и распалилась желанием неизреченным узнать ближе это учение о Христе. Он оставил дом свой, все свои богатства и поспешил в Иудею, где слышал, что еще проповедовали святые Апостолы. Первые слова благодати услышал он от святого Апостола Варнавы, а Святое Крещение принял от Апостола Петра и с той поры стал его учеником. Вместе с ним он направился обратно в Рим. На пути Господь послал ему радость: он чудным образом обрел всех членов своей семьи и всех их обратил в веру Христову.

В Риме Климент был участником всех трудов святого Апостола Петра, в терпении и любви благовествовал вместе с ним слово Божие. Перед своей мученической кончиной Апостол Петр поставил его епископом города Рима, и долго он опытной рукой направлял корабль Церкви Христовой среди волнений и бурь. Памятником его деятельности на пользу Церкви оставалось его послание к Церкви Коринфской, в которой еще при жизни святого Апостола Павла образовались различные религиозные партии: одни называли себя учениками Павловыми, другие Петровыми, иные Христовыми, а некоторые совсем отложились от иерархии и отказались признавать ее власть. В своем послании святой Климент, проникнутый духом апостольской любви и кротости, убеждает своевольных коринфян смириться, покаяться и покориться своей иерархии,

доказывая им, что все церковное устройство имеет происхождение божественное. Это послание святого Климента было в большом уважении в древней Церкви, так что читалось при богослужении наравне с Книгами Апостольскими.

Нравственное действие святого Климента простиралось не только на простой народ, но и на людей знатных и ученых. Частые случаи обращения им в Христианство знатнейших граждан Рима возбудили гнев императора Траяна¹²⁵ – святой Климент был сослан в Херсонес Таврический на работы в каменоломнях. Прибыв туда, он нашел готовое дело, к которому приложил душу свою: на рудниках было многое множество христиан, осужденных на тяжкие работы, и все эти несчастные, скорбные, забытые, горем убитые люди почувствовали силу его молитвы за них. Не их одних его слово любви озарило радостью надежды – множество язычников уверовали и крестились. Чтобы прекратить это движение, император Траян приказал прибегнуть к пыткам и казням, но, видя радость, с которой эти люди все шли на мучение за Христа, решил не губить столько народа, а предать смерти одного. Святой Климент сподобился мученической кончины: на ладье отвезли его далеко в море и там потопили. На берегу стоял народ, напутствуя его молитвами и горьким рыданием. Святой Апостол Павел в своем Послании к филиппийцам, упоминая о святом Клименте, причисляет его к тем, *которых имена – в книге жизни* (Флп. 4:3).

Много веков спустя его святые останки были обретыны просветителями славян – Кириллом и Мефодием. После Апостола Андрея святой Климент был первым проповедником христианской веры в отдаленном краю отечества нашего, откуда впоследствии воссиял и на всю Россию свет истинный.

Святой Игнатий Богоносец. Церковное предание как бы тихим сиянием осветило имя святого Игнатия, повествуя о нем следующее: «Егда бе еще младенец, и Христос Господь, на земли с человеки живый, народы о Царствии Божии учаше, Господь воззре нань и призва к Себе, и объем и, на руке взем, рече: аще не обратитесь и будете яко дети, не внидите в Царствие Небесное: и иже аще примет отроча таково во имя Мое,

Мене примет. И того ради святой Игнатий Богоносец наречен бысть, яко носим бе руками Бога воплощена, и сего ради, яко и он ношаше Бога в сердце своем, и во устах своих пронесе имя Божие перед языками и цари» (Четьи-Минеи). Смолоду святой Игнатий был учеником святого Апостола Иоанна Богослова, слушателем святого Апостола Петра, был, как говорит о нем святой Иоанн Златоуст, и «общником их и в речах, и в том, что неизреченно». Сам Апостол Иоанн Богослов рукоположил его во епископа церкви Антиохийской, и этой Церковью он управлял более тридцати лет.

Времена были тяжкие: свирепствовало гонение, воздвигнутое на христиан Домицианом, возникали ереси, которые могли поколебать веру в истину Христова учения. Святой Игнатий во время своего великого служения Богу и людям проявил, по словам святого Иоанна Златоуста, все добродетели, какие только возможны для человека. Непрестанным учением, молитвой и любовью он оберегал паству, вверенную ему Богом, «чтобы не потонул кто-либо из малодушных или неопытных». Он любил красоту церковного богослужения и особенно о ней заботился. Он ввел в Антиохийской церкви торжественное антифонное пение на два лика и постоянно в своих поучениях указывал на силу общественной молитвы, совершаемой в духе единения, мира и любви: «Если молитва того или другого – писал он, – имеет великую силу, то тем более молитва епископа и всей Церкви». Все наставления свои он преподавал в духе любви и крайнего смирения: «Я сам не совершен во Христе, а говорю вам, потому что любовь моя к вам не позволяет мне молчать». Умилительно, что в последнем своем послании к христианам Римской церкви он их просит молиться за его Антиохийскую церковь, веруя, что Тот, Кто сказал: *Я есмь пастырь добрый* (Ин. 10:11, 14), Сам посетит ее и попечется о ней.

В 107 году император Траян, отправляясь на войну с парфянами, прибыл в Антиохию, и ему было донесено, что в торжественной встрече, сделанной от города, не приняли участия христиане, а на епископа Игнатия указано, как на главного в этом виновника. Сделан был допрос, и последовало решение

императора: «Игнатия приковать к воинам и отправить в Рим на съедение зверям для увеселения народа». Велика и неутешна была скорбь его паствы, со слезами и рыданием провожали они его. Труден был путь узника во имя Господа, жестоко с ним обращение десяти воинов, сопровождавших его, но любовь и преданность обратили этот скорбный путь как бы в величавое шествие к принятию победного венца: всюду толпы христиан встречали святого епископа, желая принять его последнее благословение, слышать от него последнее наставление; многие Церкви высылали к нему своих представителей, чтобы пригласить его и иметь радость послужить ему. В ответ на все эти умиленные изъявления любви святой Игнатий во время пути написал семь посланий, из которых самое замечательное было вызвано опасением, что на самом месте казни, в самом Риме, христиане возымеют желание спасти его от той смерти, на встречу которой он шел так радостно. «Я узник во Христе, – писал он, – и молю Бога, чтобы Он помог мне воспринять до конца жребий мой... Боюсь любви вашей... Мне хорошо идти ко Господу, любовью вашею не мешайте мне...»

«Господа желаю. Сына истинна Бога и Отца, Иисуса Христа. Того ишу, Кто за нас умер и воскрес!»

«Простите меня, братие! Не мешайте мне идти к жизни – Иисус бо есть жизнь вечная!»

«Кто Христа имеет в себе, тот поймет меня».

«Пишу к вам полный жизни, объятый любовью к Иисусу Христу, желанием умереть за Него! Моя любовь распята на кресте, и нет больше во мне огня любви к миру сему. Помолитесь вместе со мной, чтобы Духом Святым я достиг!»

Вслед за письмом своим прибыл в Рим и сам святой епископ. С тихой скорбью встретили его христиане Римской церкви, никто из них теперь не возражал ему... Он был прав, когда писал, что его поймут все, имеющие Христа в себе... Все вместе помолились одной коленопреклоненной молитвой, поручая друг друга любви Божией, прося Его даровать мир Церкви Его святой, каждому из них силу *подвигом добрым подвизаться* (1 Тим. 6:12; 2 Тим. 4:7). Затем, со слезами обняв святого Игна-

тия, оставили его в руках воинов, которые тотчас повлекли его на казнь. Медлить было нельзя, праздничные игры приходили к концу, цирк был переполнен зрителями, с нетерпением ожидавшими своей потехи – зрелища казни святого старца.

С величественным спокойствием обратился святой Игнатий к народу и громко сказал: «Знайте, римские граждане, что не за злодеяние и преступление осужден я на смерть, но за веру во Единого Бога моего, Которого люблю! Я – пшеница Его, а зубами звериными измалываюсь, чтобы сделаться для Него чистым хлебом...». Едва успел мученик произнести эти слова, как на него накинулись два выпущенных льва и мгновенно растерзали его.

Это было 20 декабря 107 года. Христиане с благоговением собрали оставшиеся кости мученика и доставили их в Антиохию вместе с повествованием о его кончине, писанным очевидцами – Филоном и Агафоподом. Они следующими словами заключают рассказ свой: «Мы, видевшие это собственными глазами, всю ночь потом провели дома в слезах и с коленопреклонением и молитвой просили Бога утешить нас о случившемся. Когда потом мы немного заснули, некоторые из нас увидели блаженного Игнатия, стоявшего близ нас и нас обнимающего; другие видели его молящимся за нас; иные же – облитым потом, как после великого труда, и предстоящим Господу. С радостью увидев это и сравнив сонные видения, мы воспели хвалу Богу».

Святой Поликарп вместе с Игнатием Богоносцем был учеником Апостола Иоанна Богослова. Быв рукоположен от самого Апостола во епископа Смирнского, он отечески пас Церковь более сорока лет и пережил несколько гонений. При начале гонения от Марка Аврелия¹²⁶ взволновалась языческая чернь и потребовала казни святого епископа. Поликарп сначала хотел остаться в городе, но потом склонился на просьбу близких ему людей и удалился в одно селение. Здесь во время молитвы было ему видение, что горит возглавие на его постели. Он сказал своим спутникам: «Я буду сожжен живым». Наконец место его убежища было открыто. Со словами «Да будет воля Господня!» Поликарп сам вышел к своим преследо-

вателям и даже велел дать им угощение, попросив себе только несколько времени для молитвы, по окончании которой бодро отправился на место мучения. Вблизи города встретили его начальники римской стражи и стали убеждать к отречению от Христа: «Что худого сказать, – говорили они, – “господи (domine) кесарь”, чтобы спасти себе жизнь?» Но святой Поликарп был непреклонен. При появлении его на городской площади чернь подняла страшный крик. В эти минуты явственно для святого Поликарпа и окружавших его христиан раздались слова: «Мужайся, будь непоколебим!» Проконсул сказал святому Поликарпу: «Пощади свою старость, одумайся, поклянись гением кесаря, произнеси хулу на Христа, и я тебя отпущу». Святой Поликарп отвечал: «Восемьдесят шесть лет я служу Ему и видел от Него только доброе: могу ли хулить Царя моего и Спасителя?» Проконсул стал грозить ему дикими зверями, костром и пр[очим]. Поликарп твердо стоял в своем исповедании, и радостно сияло лицо его. Толпа между тем неистово кричала: «Это учитель нечестия, отец христиан, хулитель наших богов – львам его!» Когда распорядитель зверинца в цирке объявил, что представление уже окончено, то раздались новые крики: «Сжечь Поликарпа!», и проконсул согласился на это требование. Тотчас натаскали бревен и дров, причем особенно усердно действовали евреи. Святого Поликарпа по обычаю хотели прикрепить к столбу железными скобами; но он стал просить, чтобы оставили его на свободе. «Тот, Кто даст мне силу терпеть сожжение, – сказал он, – поможет и без железных уз быть на костре неподвижным!» Поэтому привязали его к столбу только веревками. «С руками, связанными за спиной, – пишут очевидцы, – он походил на агнца, избранного в жертву благоприятную Господу. Пред самым временем зажжения костра святой Поликарп произнес молитву, в которой благодарил Бога за то, что Он причитает его к сонму Своих мучеников. Когда костер был зажжен, то к всеобщему удивлению пламя вздулось, как будто от сильного напора ветра, и окружило мученика наподобие сияния; в воздухе носился аромат ладана или благоуханных кореньев».

Очевидцы страданий святого мученика, описав в письме все, нами рассказанное, кончают так послание свое: «Язычники не знают, что мы не можем отступить от Христа, пострадавшего за спасение всех, и поклониться кому-либо другому. Ему мы поклоняемся, как Сыну Божию; а мучеников достойно любим как учеников и подражателей Господа; любим за их неизменную приверженность к своему Царю и Учителю. Да сподобимся и мы быть их общниками и соучениками!»

Глава IV. Падение Иерусалима

Придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружат тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего (Лк. 19:43, 44).

Как точно и буквально сбылись эти слова Иисуса Христа над преступным народом! Еще живы были слышавшие Христа Спасителя, в последний раз восклицавшего в храме: *Се, оставляется вам дом ваш пуст* (Мф. 23:38), как уже предсказанные Им бедствия пришли и разразились.

Первым и самым тяжким бедствием для иудеев были правители их, достойные наместники императоров Калигулы, Клавдия¹²⁷, Нерона. Они сменяли один другого, усиливая жестокости и грабительства предшественника, пока, наконец, в лице Гессия Флора¹²⁸, последнего прокуратора Иудеи, не соединились все низкие страсти. Побуждаемый корыстолюбием, он безнаказанно грабил и убивал граждан и, наконец, коснулся и до сокровищ храма Иерусалимского. Тогда народ, подстрекаемый зилотами (ревнителями), в безумном ослеплении решился сам вступить за себя и отрекся от повиновения кесарю: возмущение охватило всю Палестину. Это было в 67 году.

Начались бедствия, предсказанные Иисусом Христом, и Промысл предвозвестил их страшными знамениями на небе и на земле. Еще прежде восстания Иудеи, страшные землетрясения, разрушившие целые города в Италии и Вифинии, ужас-

ный голод, предсказанный пророком Аггеем и опустошивший Рим, Грецию и Палестину, язва и междоусобия, казалось, предвещали приближение Великого Суда Божия. Комета, целый год виденная над Иерусалимом в образе меча, свет, около часа виденный ночью во храме вокруг жертвенника, видение колесниц и войска на облаках, наконец, в день Пятидесятницы, при входе священников в храм, шум и голос «прейдем отселе», вызывавший христиан из погибающего Иерусалима за Иордан, в Пеллу – давали знать, что исполнение суда Божия имеет быть вскоре (Лк. 21:11). Первые действия римского войска против осажденного города не имели успеха и только ободрили мятежный народ. Но Нерон послал в Палестину лучшего своего полководца Веспасиана¹²⁹, и страшные римские легионы вызваны были отовсюду на Иерусалим. Между тем по смерти Нерона сам Веспасиан стал императором, а покорение Палестины довершено было сыном его Титом¹³⁰.

При первом известии о мятежных действиях в Иудее чернь во всей Римской империи начала истреблять иудеев страшными казнями. Повсюду они погибали десятками тысяч. Военная сила захватила всю землю Израилеву. Кого буря войны застигала на кровле дома, тот не успевал уже спастись, если заходил еще в дом за имуществом; кто был на поле, тот не мог уже возвратиться домой за одеждами. Никому не было пощады; кто избегал меча, того продавали в рабство. Тучи бедствий нависли над самим Иерусалимом, и еще в такую пору, когда туда, по случаю праздника Пасхи, собралось более двух миллионов народа. В Иерусалиме, окруженном со всех сторон римским войском, начались ужасные бедствия: съестные припасы были скоро истреблены, и настал такой страшный голод, что одна мать, терзаемая голодом, заколола и съела свое новорожденное дитя. Развилась болезнь, люди умирали в таком множестве, что некому и негде было их хоронить. Более 150 000 трупов было выкинуто только в одни из городских ворот. Многие из евреев бежали вон из города прямо в руки неприятеля, и их распинали на крестах. Более 500 крестов стояло вокруг города с распятыми евреями, и видимо исполнилось безумное их за-

клятие: «Кровь Его на нас и на чадах наших». Наконец, не достало и дерева для крестов.

После долговременной осады и бесполезных переговоров о сдаче Тит назначил приступ, приказав воинам беречь храм, считавшийся чудом искусства. После кровопролитных приступов римские легионы одолели тройной ряд стен с 90 башнями, защищавшими Иерусалим, и язычники вошли в святилище Бога Израилева. Но на этом месте давно уже стояла «мерзость запустения», и великолепному храму не суждено было сохраниться. Римский солдат, защищаясь от неприятеля, бросил в него пылающую головню; от нее запылал храм, и все здание погибло со всеми своими сокровищами. Иерусалим был разрушен со всеми своими твердынями.

Прошло около 70 лет после этого ужасного опустошения; песни левитов давно уже смолкли и жертвы прекратились, но иудеи все еще питали надежды обновить развалины Иерусалима и храма. Обольщенные появлением нового лже-мессии, они опять подняли знамя бунта против римлян, и опять полились реки крови. Император Адриан¹³¹ решил окончательно уничтожить еврейский народ. Иерусалим снова взят был римлянами; 580 тысяч иудеев погибло, город разрушен совершенно, а по развалинам храма, по повелению императора, прошел плуг. Здесь окончательное исполнение слов Спасителя о храме Иерусалимском: *не останется здесь камня на камне; всё будет разрушено* (Мф. 24:2). Новый город с новыми жителями, с новым именем и богами, возник на развалинах Иерусалима, а иудеи навсегда изгнаны из него; им запрещено даже приближаться к нему, а позволено только в один известный день издали, с Елеонской горы, посмотреть на город отцов своих. «В этот день, – говорит блаженный Иероним¹³², – толпы старцев, покрытых рубищем, женщин, одетых в траур, с большими усилиями взбирались на Елеонскую гору, и когда устремляли оттуда взоры свои на великолепный город Адриана, слезы потоками лились из глаз их; только одни рыдания и стоны слышны были на этой священной горе, и за это позволение плакать в виду Иерусалима они должны были расплачиваться золотом с солдатами и три-

бунами! Таким образом те, которые некогда купили у Пилата кровь Иисуса Христа, должны были теперь, по закону ужасного возмездия, покупать у римлян позволение проливать слезы!»

Так исполнились древние пророчества о народе еврейском. Вот что писано о нем было еще в ветхозаветных книгах пророка Моисея:

За то, что ты не служил Господу Богу твоему... будешь служить врагу твоему... в голоде жажде, и нагоде, и во всяком недостатке (Втор. 28:47, 48).

Пошлет на тебя Господь народ издалика, от края земли: как орел налетит народ, которого языка ты не поймешь, народ наглый, который не уважит старца и не пощадит юноши (Втор. 28:49, 50).

И рассеет тебя Господь Бог твой по всем народам, от края и до края земли... Но и между этими народами не успокоишься, и не будет места покоя для ноги твоей (Втор. 28:64, 65).

Глава V. Борьба с язычеством. Апологеты

Сбывались слова Спасителя: *наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу* (Ин. 16:2).

Радостно и восторженно, старые и молодые, богатые и бедные шли на смерть, так как смерть была для них жизнью.

Гонения на христиан, как уже было сказано выше, начались с царствования императора Нерона. В последующие за тем времена степень гонений зависела то от произвола, то от воззрения и характера государей. Император Траян был правителем справедливым и мудрым, но на христиан смотрел с точки зрения язычника и первый издал о них положительный закон. По этому эдикту все обвиняемые в принятии Христианства подлежали строгому наказанию. Но розыски и доносы этим законом воспрещались.

При императоре Адриане этот закон не был изменен с той только особенностью, что нападки на христиан сделались чаще и ожесточеннее; нередко даже судить обвиняемых становилось

затруднительным, так как яростная толпа требовала немедленной их казни! Император, возмущенный подобными беспорядками, издал дополнительный закон, который ограждал христиан, по крайней мере, от самоуправства черни. В царствование императора Марка Аврелия произошла существенная перемена в отношениях римского правительства к христианам: доселе правительство не разыскивало и не преследовало их, только производило над ними суд, когда их обвиняли и приводили пред судилище; теперь же оно само начинает их преследовать, и новый эдикт императора повелевает: всюду христиан разыскивать, убеждать их отказаться от своих заблуждений, а если они останутся непреклонными, предавать пыткам, которые прекращать тогда только, когда они поклонятся богам...

Жестоко и страшно было гонение в это царствование!.. Затем следует целый ряд императоров, из которых иные – по равнодушию, другие – по убеждению не возобновляли последовательного гонения на христиан. Но если некоторые государи и были лично благосклонны к христианам и старались не давать воли ненависти народа, ненависть эта становилась все сильнее и сильнее и ждала случая проявить себя. Случай этот представился, когда римский престол занял император Декий¹³³ – человек, способный на всякое злодеяние. Он был истинным ненавистником христиан и решил истребить их совершенно.

В 250 году был издан и разослан ко всем областным правителям страшный эдикт, по которому в определенное время все христиане известной области должны были являться в назначенное место и тут же приносить жертву богам...

Преследование, которое началось со дня обнаружения этого эдикта, превосходит своей жестокостью все предшествующие гонения. Толпами шли христиане на предназначенные места мучения, иные претерпевали страшные пытки и оставались в живых, но в большинстве были замучиваемы до смерти...

Вопреки всем врагам Церковь росла и множилась, бойцы ее не изнемогали и после каждого нового нападения врага точно входили они в силу... И ученый языческий мир, который, в свою очередь, восстал на них, победить их не смог.

Не ограничиваясь насмешками и ругательствами над Христианством, многие знаменитые ученые разных философских школ предприняли труд в научных сочинениях научно доказать его несостоятельность и грубым толкованием того, что было христианину заветно и дорого, подорвать основы Церкви. Тогда в защиту Церкви выступили из среды самого язычества обращенные ученые и даровитые мужи. Познав истину учения Христова, они предприняли оправдать ее и перед римским правительством, и перед обществом языческим от клевет, возводимых на нее врагами. Эти христианские писатели называются апологетами, а сочинения их носят общее название апологий (что значит *защита, оправдание*).

Самые замечательные из них: Иустин Философ и Мученик, Ориген¹³⁴ и Тертуллиан. Святой Иустин и Тертуллиан родились язычниками и язычниками долго оставались, но когда познали учение Христово, так же как и Ориген, возлюбили это учение и бесстрашной твердой защите его посвятили всю жизнь.

Святой Иустин родился около 105 года. Родители его были язычники, и потому он получил воспитание в среде, чуждой Христианству. Обширное научное образование не удовлетворяло Иустина, душа его жаждала Бога, а в философских учениях он напрасно искал ответа на вопросы о вере. К христианскому учению внимание его было впервые привлечено тем мужеством, с которым христиане шли на смерть. Он слышал и отчасти сам верил обвинениям, возводимым на христиан; но когда он стал вглядываться глубже и внимательнее, то понял, что христиане не страшатся не только смерти, но и всего того, чего обыкновенно страшатся люди, понял, что Христианство в сердцах этих людей создало новый образ красоты и совершенства, образ, доступный не одним ученым и разумным, но и людям простым, смиренным и нищим духом, и что тысячи, десятки тысяч готовы умереть за веру во Христа, «который есть сила неизреченного Бога».

Постепенно окрыляясь, душа его готовилась к принятию высшей истины.

Сам Иустин в одной из своих книг рассказывает о своем таинственном свидании с неведомым старцем на пустынном

берегу моря, куда он однажды удалился, чтобы в тишине предаться своим размышлениям. Этот старец величавого, но кроткого вида при первой встрече с ним точно овладел его душой: долго длилась их беседа, и старец закончил ее следующими словами: «Во времена отдаленные от нас, ранее всех философов, жили мужи святые и праведные, и угодные Богу, которых звали пророками. Они говорили, будучи научены Духом Святым, и предсказали то, что ныне и сбылось. Они возвестили людям истину; не зная страха, не ища себе славы, они говорили то, что слышали и видели, когда были исполнены Святого Духа. Писания их существуют поныне и содержат то, что должно знать истинному философу... Они прославляли Творца всего, Бога и Отца, и возвещали о посланном от Него Христе, Сыне Его... Только прежде всего молись истинному Богу, да отверзет тебе двери света – Он один может открыть их и открывает тем, кто с молитвой и любовью обращается к Нему». Сказав эти слова, старец скрылся, и Иустин уже больше никогда не видел его. «Но сразу, – продолжает он, – как бы огонь возгорелся во мне, я полюбил и пророков, и всех тех, кто был близок ко Христу, я понял, что истинно все в словах Христовых и что великая сила их наводит ужас на отступающих от них и дает мир и радость исполняющим их».

На тридцатом году жизни Иустин принял Святое Крещение. В Риме он открыл училище, и все свои знания, все силы свои посвятил на служение Христову учению. «Кто может возвещать истину и не возвещает, тот будет осужден Богом», – писал он. Когда император Антонин¹³⁵ открыл гонение на христиан, Иустин лично подал ему свою знаменитую апологию, или защиту христианского учения от языческих обвинений.

«К вам (к императору, сыну его, сенату и народу римскому), – говорит он, – обращаюсь я с моим словом и прошением за людей из всех народов, несправедливо ненавидимых и гонимых...

Нас называют безбожниками – сознаемся, что мы безбожники в отношении к мнимым богам, но не в отношении к Богу Истиннейшему, Отцу правды и всех добродетелей и чистому от всякого зла... Мы чтим благоговеиным поклонением Его и

Его Сына, а равно и Духа Пророчественного, воздаем сию почесть словом и истиной, открыто преподавая всякому желающему поучиться тому, чему сами научены.

В нашей воле отречься при допросах, только мы не хотим жить обманом. Мы желаем вечной и чистой жизни, мы стремимся к пребыванию с Богом.

Когда вы слышите, что мы ожидаем Царства, то напрасно полагаете, что мы говорим о каком-либо царстве земном, между тем как мы говорим о царствовании с Богом; это ясно из того, что при допросе мы признаемся, что мы христиане, хотя знаем, что нам за то предлежит смертная казнь.

Знайте, что истинно только то, что говорим мы, узнавши от Христа, от предшествовавших Ему пророков, которые древнее всех писателей ваших. Надо верить словам нашим не потому, что мы говорим сходное с ними, но потому, что говорим истину, как научил нас Иисус Христос, Единый собственно Сын Божий, Первенец и Сила, по воле Бога сделавшийся человеком».

Христиане нигде не могли чувствовать себя в безопасности; однако же Иустин продолжал открыто учить и проповедовать. Вскоре Иустин и с ним еще пять человек были обвинены в исповедании христианской веры и приведены на суд к префекту Рустикю. Суд был коротким... Рустик обратился со следующими словами к Иустину: «Послушай ты, который называешься ученым и думаешь, что обрел истинную мудрость: если по всему телу будут бить тебя бичами, а потом отсекут голову, уверен ли ты, что взойдешь на небо?» «Да, я надеюсь получить обещанное Христом, – отвечал Иустин, – ибо я знаю, что Он милостив ко всем, до конца хранящим заповеди Его».

Тогда Рустик произнес смертный приговор. Перед казнью всех христиан жестоко били, а потом отсекали им головы мечом. Верующие похоронили тела святых мучеников.

Такой кончины уже давно ожидал святой Иустин. Он и прежде не раз повторял гонителям: «Знайте, вы можете убить нас, но погубить не можете».

Ориген был сыном христианского мученика и, следовательно, христианин по самому своему происхождению. С ран-

них лет и сердце, и ум его были направлены к тому, что впоследствии дало смысл и цель его жизни: маленьким ребенком он ежедневно, заучивая наизусть места Священного Писания, изумлял отца своего своими вопросами о внутреннем смысле усвоенных им рассказов, точно с этих пор душа его навывкала понимать красоту таинственного и находить себе удовлетворение именно в том, что было сокровенного в Святом Слове. Вся жизнь Оригена прошла в изучении Слова Божия. Постоянное общение с миром духовным, близость того, что свято, наложило отпечаток какой-то особой чистоты на образ этого великого учителя первых веков Христианства.

С семнадцатилетнего возраста началась его учительская деятельность. Сначала он давал частные уроки словесных наук лишь для того, чтобы спасти от нищеты свою семью, которая после мученической кончины его отца оставалась на его попечении. Затем, когда многие язычники, желавшие принять Христианство, обращались к нему, чтобы он их научил истине, он сделался огласителем. Вскоре же его великие дарования и его ревность по вере были замечены епископом Александрийским Димитрием, который поручил ему должность катехета и начальника Александрийского огласительного училища. Всецело отдался Ориген новому своему служению. Ученики толпами стекались к блестящему молодому учителю, и число их постоянно увеличивалось. Приходили слушать его и те, которые искали выхода из заблуждений язычества, и те, которые яростно защищали правоту своего верования; приходили еретики и философы, и люди праздного любопытства, и все чувствовали силу его убежденного слова, многие от него принимали то самое учение, которое пришли опровергать и хулить... Таким образом он обратил знатного ученого еретика Амвросия, который сделался с той поры первейшим его другом. Везде, где почитается имя Оригена, там с благодарностью вспоминается и имя Амвросия: все свое огромное богатство он посвятил на облегчение ученых трудов Оригена, когда, побужденный им же, Ориген решил предпринять великий, бессмертный труд свой – толкование и исследование

текста Священного Писания. К этому труду, для которого потребовалось изучение и еврейского языка, Ориген приступил с чувством глубокого смирения и с сознанием, что один Бог может просветить ум его к разумению Писания. Вот что писал он к Амвросию, беспрестанно побуждавшему его заняться толкованием Библии: «Ты меня довел до сего, тогда как я, сознавая опасность, долго отказывался рассуждать о Священном Писании. Итак, ты будешь свидетелем моим перед Богом, когда Он будет испытывать жизнь мою и писания, с каким расположением принял я это на себя... Так как без Бога ничего не может быть доброго, особенно же разума Святого Писания, то еще и еще прошу тебя молиться о мне и просить Бога, Отца всех, чрез Спасителя нашего и Первосвященника Бога Рожденного, дабы мог я верно исследовать».

В продолжение 27 лет занимался Ориген исследованием Ветхого Завета и писал толкование почти на все Святое Писание. Кроме того, он написал множество сочинений по разным богословским и философским вопросам и апологии в защиту учения Христова. Самая замечательная из них – его ответ известному ученому Цельсу¹³⁶, который в своем сочинении «Истинное слово» систематично, научными приемами пытался доказать призрачность всего того, на чем было построено верование христиан.

При своем обширном знании языческой философии и глубоком понимании Святого Писания Ориген со спокойным сознанием своей силы и ничтожности доводов своего противника опроверг, что злобой и клеветой было возведено на Христианство, и в заключение указал на то, что распространение Христианства по всему миру вопреки всем и всему не есть призрак, но факт, признанный даже язычниками, громкое засвидетельствование истины Христова учения.

Много пришлось Оригену пострадать и от зависти и непонимания своих современников... Буря их негодования часто бушевала вокруг него, но он, исследуя Писания (Ин. 5:39), в величавом спокойствии совершал свой великий подвиг труда и терпения, уповая на Того, Кто утишал и ветры, и море. Вся

жизнь его была как бы одной непрерывной молитвой, одним непрерывным стремлением к общению с Невидимым!

Ориген смолоду жаждал мученичества за имя Христово; в гонении, воздвигнутом императором Декием, он сподобился принять великое страдание. Долго, страшно пытали его... Он все превозмог, но, измученный истязаниями, скончался скоро после того, как его освободили из темницы.

Он известен в истории Церкви под славным прозвищем Адамантова, что значит *непобедимый*.

Тертуллиан (150–?) считается одним из знаменитых писателей Западной Церкви. Он был сыном римского сотника и получил блестящее образование. Страстный и впечатлительный по природе, он с ранней молодости весь отдался увлечениям шумной, развратной жизни того времени. Наконец, беспокойство, уныние, отвращение к самому себе побудило его искать в Христианстве тот мир, которого мир не мог ни дать ему, ни отнять у него. Все, что было чистого, доброго в нем, точно сразу воскресло в том чувстве покаяния, которое привело его к подножию Престола Божия. Сознание его собственной немощи не покидало его: в молитве и терпении он *сберег душу свою* (Мф. 10:39). Вслед за его обращением вскоре последовало и его крещение. В силу и действительность Крещения он имел глубокую, непоколебимую веру и готовился к нему со страхом и великой радостью.

По принятии Крещения Тертуллиан все свои богатые дарования, блестящий ум, энергию, образование посвятил на служение христианскому учению, в котором он нашел возрождение.

В своих знаменитых апологиях Тертуллиан с увлекательным красноречием объясняет и отстаивает учение Христово и нравственную красоту христианской жизни.

Как в пылу своей юности не мог он противиться искушениям, так и в преклонном возрасте не устоял от увлечений и впал в некоторые заблуждения, осужденные Церковью. Однако Церковь отнеслась к нему снисходительно и, несмотря на его заблуждение, считает его одним из своих учителей.

Глава VI. Гонения. Святые мученики и мученицы

Я посылаю вас, как овец среди волков: итак, будьте мудры, как змии, и просты, как голуби (Мф. 10:16). Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить (Мф. 10:28). В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир (Ин. 16:33).

В этих словах Господа точно предначертана вся история мученичества. В 284 году вступил на императорский престол Диоклетиан¹³⁷, с именем которого связано последнее великое гонение на христиан.

Осознав, как трудно одному управлять громадной Римской империей, на окраине которой производили постоянные набеги варварские народы, Диоклетиан выбрал себе соправителем одного из своих полководцев Максима¹³⁸ и поручил ему западную половину Империи, предоставив ему титул августа. Затем он избрал еще двух помощников в управлении, дав им титул кесаря: Констанция Хлора¹³⁹ – для Западной империи, Галерия¹⁴⁰ – для Восточной. Жестокий кесарь Галерий был злейшим врагом Христианства. Находясь под влиянием своей матери, грубой и суеверной женщины, он был упорно предан язычеству и христиан ненавидел всем существом своим. Как подчиненный кесарь, он не мог сам воздвигнуть всеобщего, открытого гонения, но вскоре сумел совершенно подчинить своему влиянию большого, престарелого императора и возбудил в нем такое же чувство ненависти, выставив перед ним христиан мятежниками, презрительями религии и царской власти, готовыми на поджигательства и всякое преступление. Решено было искоренить Христианство со всеми его учреждениями и храмами к положенному сроку, и обнародован следующий эдикт: «Все богослужебные собрания христиан запрещаются. Христианские храмы должны быть разрушены; списки Святого Писания должны быть отбираемы и сжигаемы; все христиане лишаются своего достоинства и гражданских прав; у христианских рабов отнимается навсегда на-

дежда на освобождение; при суде над христианами дозволяются всякие пытки, без принятия от них жалоб...».

В 303 году, 23 февраля, в день великого языческого праздника этот эдикт вступил в силу, в этот же день великолепный Никомидийский храм был разрушен до основания, святые книги отняты и сожжены... Вслед за тем начались ужасы, которые и изобразить трудно. «Если бы у меня, – пишет один из современников, – были сотня уст и железная грудь, то и тогда я не мог бы исчислить всех родов мучений, претерпленных верующими». Свирепство доходило до такой степени, что изувеченных снова лечили, чтобы мучить, мучили в одном месте от десяти до ста человек в день без различия пола и возраста. «Я сам был очевидцем этого, – говорит историк Евсевий, – так что железо при-туплялось и ломалось, и сами убийцы, утомившись, поочередно сменяли друг друга». И на Востоке, и на Западе, в Египте, Сирии, Палестине, Малой Азии, в Африке и Италии – везде вновь воздвигнутые храмы Божии разрушались, сжигались священные книги и страшно умножалось число святых мучеников.

Из необозримого числа христианских мучеников и мучениц времен гонения представим хотя бы несколько примеров.

В Карфагене пострадали святые мученицы *Перпетуя* и *Фелицитата*. Они готовились принять Святое Крещение, когда их схватили и привели на суд. Вивия Перпетуя была знатная и богатая вдова, всего 22 лет от роду: мать-христианка научила ее вере; Фелицитата – ее служанка. Перпетуя сама описала допросы и заточение свое в темнице. Отец ее был язычником и вместе с судьями умолял ее отречься от Христа, но мольбы его, как и угрозы судей, были тщетны.

Допросы продолжались несколько дней, и в продолжение этого времени все обвиненные нашли средство принять свое крещение. Это исполнило их еще большей ревностью; они только молили Бога, чтобы даровал им силу все перенести за имя Его. Вскоре их всех заключили в темницу.

«Я ужаснулась, – говорит святая исповедница, – никогда я не была в столь ужасной темноте. Тяжелый день! Томительная духота от множества заключенных, жестокое обращение

приставников и, наконец, мучительная тоска о ребенке...» Верующие, подкупив стражей, нашли возможным несколько облегчить страдания юной исповедницы. Она поспешила воспользоваться данной ей льготой, чтобы кормить свое дитя. Наконец, ей дозволено было взять его к себе в тюрьму. «Темница стала теперь для меня дворцом», – говорит обрадованная мать, лаская своего малютку. В темницу пришел к Перпетуе престарелый отец, и начались для нее жестокие испытания. Отец не приказывал своей дочери, а просил ее, умолял, падал перед ней на колени, убеждая ее отречься от веры, целовал ей руки и обливал их слезами. «Умилосердись над моей сединой, – говорил он своей дочери, – не делай меня предметом поругания. Посмотри на свою мать, братьев, сына, ему не жить без тебя!» С невыразимой тоской смотрела на отца святая Перпетуя и, оставаясь непреклонной в истине исповедания, истощалась в усилиях сколько-нибудь умерить скорбь его. «Не скорби, отец, – говорила она, – будет то, что угодно Богу; мы зависим не от себя, а от воли Его».

Вот что пишет она сама о публичном допросе. «Множество народу собралось на это зрелище. Нас привели и поставили на какое-то возвышение. Сначала стали спрашивать моих товарищей. Когда дошла очередь до меня, подошел ко мне отец с грудным моим ребенком на руках и, отведя меня в сторону, стал говорить: “Пожалей ребенка!” Стал говорить и проконсул: “Сжался хоть над своим ребенком, принеси жертву за здоровье императора”. “Не могу”, – отвечала я. “Так ты христианка?” “Да, я христианка”. Отец ни за что не хотел оставить меня и беспрестанно уговаривал, чтобы я отреклась от веры; проконсул приказал столкнуть его вниз и наказать розгами. Этого я не могла вынести, лучше бы меня били, а не его. Наконец, проконсул произнес приговор: нас осудили бросить зверям на съедение. Мы вернулись радостные в свою темницу».

За три дня до казни Фелицитата в тюрьме родила дочь и жестоко мучилась родами. «Ты страдаешь теперь, – говорил ей тюремщик, – что же будет, когда звери станут терзать тебя?» «Теперь, – сказала ему мученица, – я страдаю одна и кричу от

боли, а тогда не я одна буду выносить муку: Тот, за Кого стану страдать, укрепит меня».

«Наконец, – продолжает рассказ, – настал день победный, повели мучеников из тюрьмы в амфитеатр. Они шли, как на праздник. Перпетуя – последняя, тихо, величаво, точно матрона христианская, возлюбленная Богом, шла, опустив глаза, а вся толпа вперила на нее взоры».

Перпетую и Фелицитату раздели донага и окутали сетью, но народ вступился за них и потребовал, чтобы их одели. Выпустили на них бешеного быка, он подхватил на рога Перпетую и отбросил далеко. Она встала и, готовясь снова навстречу зверю, спешила прикрыть разорванными лоскутьями наготу свою и завязать себе волосы, «для того, – поясняет рассказ, – что мученик должен быть прибран и украшен, не должен, идя на победную славу, быть в растерзанном виде, свойственном похоронному трауру». Перпетуя, уже раненная, забыв о своей боли, стала поднимать лежавшую Фелицитату, и обе жены обнялись нежно посреди арены. Зрители были тронуты, так что мучениц увели по требованию народа, но лишь затем, чтобы они оправились для решительной казни. Их вывели снова, вместе с остальными, на середину арены, и тут гладиаторы закололи их копьями.

Молодой воин, очень любимый царем, по имени *Георгий*, бесстрашно обличал суетность идолопоклонства, и самые жестокие истязания не могли склонить его отречься от Христа, как того требовал Диоклетиан. Бог помогал молодому христианину, чудесно врачуя его раны и даруя ему власть творить чудеса. Эти дивные проявления силы Божией изумляли язычников, и многие из них обращались. Супруга Диоклетиана, царица *Александра*, пораженная дивной силой Божией, громко исповедала, что и она христианка; она была осуждена на казнь, но предала душу Богу прежде, чем ее коснулся меч. Юный воин претерпел казнь и славен в нашей Церкви под именем великомученика Георгия Победоносца.

Другой молодой воин по имени из дворцовой стражи *Севастиян* посещал темницы, где содержались христиане, ободрял узников и славил подвиг их. Два брата, осужденные на

казнь за исповедание веры Христовой, склонились было к отречению, видя слезы родителей и жен своих. Севастиан увещаниями своими возвратил их к долгу и, обратив многих ко Христу, сам сподобился мученической смерти: его пронзили стрелами и потом забили до смерти палками. Вместе с ним пострадало великое множество христиан.

Святая *Потамиена*, молодая рабыня редкой красоты, была предана на казнь господином своим, который донес на нее, что она христианка. Ее мучили ужасным образом и, наконец, медленно опустили в котел с кипящей смолой. Во время допроса и истязаний присутствовавший народ осыпал девицу ругательствами; но один воин по имени *Василид*, тронутый ее терпением и кротостью, старался, сколько мог, ограждать ее от оскорблений разъяренной толпы. Потамиена поблагодарила его и обещала, что по смерти станет молить Господа о спасении его. Прошло несколько времени. Однажды товарищи Василида по какому-то случаю требовали от него клятвы. Он сказал, что клясться не может, потому что он христианин. Ему не поверили, подумали, что он шутит, но он повторил исповедание свое, и его отвели к судье. И тут Василид продолжал утверждать, что он христианин, и судья велел заключить его в темницу. Некоторые христиане, услышав об этом, посетили его и расспрашивали о причине такого внезапного обращения. Василид рассказал им, что через три дня после казни Потамиены девица явилась ему и, возложив на голову его венец, сказала, что она исполнила обещание свое и что он скоро умрет за имя Христа. Василид в темнице принял Святое Крещение и вскоре затем был казнен как христианин.

Вот еще трогательная повесть о чудесном обращении одного комедианта по имени *Генес*. Осмеивая христиан, он на сцене для забавы царя и народа представлял таинства христианского богослужения; все смеялись, дивясь искусству его. Вдруг, по милосердию Господа, луч небесной благодати коснулся души его; он воскликнул: «Я верую и желаю креститься». Зрители продолжали смеяться, но Генес повторил исповедание свое и, обратясь к товарищам, сказал им, что вовсе не шутит, а желает принять Святое Крещение, потому что познал истину христи-

анской веры. Повели комедианта к царю; и он опять сказал, что верует во Христа; что пока он осмеивал таинства веры, ему было чудное видение; что он видел Ангела, омывающего в воде Крещения книгу, в которой были вписаны все согрешения его, и что он хочет быть христианином. Ни увещания, ни угрозы, ни мучения не поколебали его твердости, и он был казнен.

Святая Анастасия Узорешительница. *В темнице был, и вы пришли ко Мне* (Мф. 25:36) – глубоко проникло это слово в душу святой Анастасии. Все горе своей разбитой молодой жизни, связанной с человеком жестоким и грубым, за которого ее насильно выдали замуж, она утолила в чувстве любви и сострадания к тем «забытым» людям, которыми переполнены были смрадные и ужасные темницы тогдашнего Рима.

Бодрая, светлая, образованная радостью, которую давала другим, она ежедневно обходила темницы, и везде встречали ее, как Божиего Ангела.

Но недолго была с ней благодать этого утешения: муж ее вознегодовал на нее и, опасаясь, что она все богатство свое расточит на заключенных, стал держать ее взаперти, приставил к ней стражу. Она доходила до отчаяния и писала своему бывшему воспитателю: «Моли за меня Бога, за любовь к Которому я страдаю до изнеможения...». Старец ей ответил на это: «Не забывай, что ходящий по водам Христос силен утишить всякую бурю: *Но Он, встав, запретил ветру и волнению воды; и перестали, и сделалась тишина* (Лк. 8:24). Ты теперь стоишь как бы среди волн морских, в терпении ожидай Христа – Он придет к тебе... Свету всегда предшествует тьма; после смерти обещана жизнь; конец предстоит земной скорби, как и земной радости. Благословен от Бога тот, кто уповает на Него».

Вскоре святая Анастасия овдовела и получила свободу отдать все свое богатство и всю жизнь свою на то служение, которое она так возлюбила. Теперь она уже не ограничивалась темницами одного Рима, она переходила из города в город, из страны в страну, доставляла узникам пищу, одежду, омывала их раны, большими деньгами подкупала темничных стражей, чтобы они освобождали страдальцев от железных

оков, натиравших им раны. За эти дела и присвоено ей наименование Узорешительницы.

Сколь многим ее любовь принесла утешение, сколь многим она дала силу претерпеть до конца! Трудясь день и ночь, она совершенно забывала, что и сама может подвергнуться преследованию: однажды, придя в темницу к узникам, которым она служила еще накануне, не нашла их на месте, так как ночью все они были казнены, чтобы опростать место в темнице для множества других, вновь забранных христиан. Она горько заплакала и спрашивала у всех сквозь слезы: «Где же мои друзья-узники?» Заключив из этого, что и она христианка, ее взяли и представили на суд к правителю: ее распяли между четырьмя столбами и развели огонь, чтобы ее сжечь, но прежде чем разгорелось пламя, она скончалась среди мучений.

Святая Варвара. Сам Господь вложил нам в душу желание красоты, и в природе она находит удовлетворение, потому что природа есть высшее выражение¹⁴¹ бесконечной красоты – Бога. Природа таинственно научает нас через видимое созерцать невидимое, и в природе слышит простая и верующая душа призыв в той радости небесной, о которой поведает нам красота природы. Умилительна повесть, сохраненная Церковью о том, как «этот призыв к небесному» был услышан юной язычницей, отроковицей Варварой. По преданию, она была дивной красоты и, по желанию отца своего Диоскора, жила вдали от всех родных и сверстниц, с одной наставницей и несколькими рабынями, на высокой башне, которую отец нарочно для нее построил. Окружена она была всякой роскошью, одно требовалось строго: чтобы никто не нарушал ее уединения. Башня, в которой жила она, стояла на высокой горе, и далеко вокруг в непрерывной красоте расстилались чудные картины. Варвара любила сидеть у окна и по целым часам безмолвно смотрела на «горняя и дольняя создания Божия». Душа ее прислушивалась и зрела в тишине. Солнечное сияние, течение луны, бесчисленные звезды, нивы, леса, цветы – вся эта светлость небесная и красота земная таинственно будто глядела на нее, и она вглядывалась... и трепетно становилось у ней на душе.

«Кто сотворил все это»? – наконец, спросила она у своей наставницы и у рабынь, приставленных к ней. «Наши боги», – отвечали они. Опечаленная, она больше не стала их спрашивать. Однажды, когда по обыкновению своему сидела она у своего окна и долго смотрела на небо, думая с тоскою: «Кто сотворил эту ширь небесную, эту голубую таинственную даль», – внезапно неизъяснимая сладость наполнила ее душу: свет благодати коснулся ее, она поняла и через создание познала Создателя.

С той поры все желание Варвары было устремлено к одному – скорее познать учение Божие. Но не могла она найти себе наставника, так как никто к ней проникнуть не мог. Жила она, как чистая голубица, на высокой башне своей вдали от всего земного, ни к чему земному не прилагая сердце свое и чувствуя близость Бога Живого, Который все содержит, все устрояет, все оживляет, о всех промышляет.

Настал, наконец, и светлый день, когда она в первый раз услышала имя Иисуса Христа. Когда отсутствие отца в дальнюю поездку дало ей возможность сходить со своей башни, она встретила христианок, которые объяснили ей учение Христово. С неизреченной радостью приняла она Христово учение: оно раскрыло перед ней новую жизнь, которую уже давно предчувствовало и предугадывало ее сердце. От проезжего из Александрии священника она тайно приняла Святое Крещение и тем приготовила себя к принятию огненного Крещения страданием.

Скоро отец ее узнал, что она приняла Христианство. Страшен был гнев его, и страшно читать, на какие муки злоба людская осудила эту чистую молодую жизнь! С молитвой за тех, кто страдает, отошла она *в радость Господа своего* (Мф. 25:21, 23). Святая Церковь празднует 4 декабря память святой великомученицы Варвары и так восхваляет ее:

Радуйся, Варвара, незлобивая голубица!

Радуйся, яко в твари аки в зеркале Самого Творца усмотрела еси!

Радуйся, яко в созданных светилах несозданный Свет узрела еси!

Более всего поражала язычников, стоявших вне Церкви, взаимная любовь христиан, та любовь, которая в своем бесконечном сочувствии и жалости ко всем ближним была для языческого мира чем-то совершенно новым. Сила этой любви особенно проявлялась во времена общественных бедствий: голода, язвы и т[ому] п[одобного], когда верующие, страдая наряду со всеми, с изумительным самоотвержением ходили за умирающими и больными, которые были покинуты самыми близкими им людьми. На таких-то людей были направлены гонения, для них придумывались всевозможные пытки и мучения, утомившие под конец самих мучителей.

1 мая 305 года Диоклетиан отрекся от престола. В течение нескольких лет императорская власть была в руках у шести императоров, которые оспаривали ее друг у друга. И положение христиан в империи было неодинаково, смотря по характеру различных правителей. Констанций Хлор в Британии и Галлии, хотя и язычник, уважал христиан и тайно покровительствовал им. Но на Востоке, при Галерии, продолжалось страшное гонение, пока Бог не поразил его страшной, мучительной болезнью. Тогда в нем заговорила совесть: в ужасе он прекратил гонение и издал указ, которым дозволялось христианам исповедовать открыто свою веру и восстанавливать свои церкви. Но суеверный страх внушил язычнику закончить указ своей просьбой к христианам, чтобы они молились о его выздоровлении!

После смерти Галерия Максимин – жестокий, грубый и суеверный, поспешил отменить указ Галерия, и гонения возобновились на Востоке с новой силой. В то же время на Западе Максентий¹⁴² преследовал христиан в Африке и Италии.

Между тем готовились те великие события, которые привели к торжеству христианской веры: на Западе в могуществе и силе возрастал будущий покровитель христиан – Константин.

Глава VII. Император Константин Великий

В то время как языческий мир, вооружившись против Христианства огнем и мечом, мечтал совсем стереть его с лица

земли, Промысл Божий уготовлял для Церкви Своей, среди самого двора кесарей, царственного покровителя в лице великого и равноапостольного Константина.

Константин был воспитан в веровании отца своего Констанция Хлора, который был язычником, но глубоко сочувствовал Христианству и в нем более, нежели в язычестве, находил удовлетворение своему религиозному чувству. Под влиянием впечатлений, полученных с самой ранней юности, Константин имел возможность беспристрастно следить за ходом событий языческого мира и мира христианского. Он был свидетелем обнародования эдикта Диоклетиана и следовавших за тем ужасов, он видел жестокость римских правителей, лукавство языческих жрецов, видел кротость и верность христиан, неодолимость Христовой Церкви среди всех ее бедствий и видел, наконец, бедственное положение самого язычества, тщетно искавшего помощи от несуществующих богов. Все эти впечатления также слагались в мысли его: он сам еще не сознавал, что делалось в тайнике его души, но рука Божия постепенно уготовляла его и многообразными средствами очищала в избранный сосуд Своей славы.

После смерти Констанция Хлора Константин был провозглашен императором. Он еще больше, нежели отец его, оказывал покровительство христианам, часто давал им предпочтение пред язычниками, но сам продолжал принимать участие во всех общественных обрядах язычества. Решающее событие в духовной жизни Константина совершилось в 312 году, когда он выступил походом против императора Максентия. Этот император, злейший враг и гонитель христиан, располагал громадными военными силами и не опасался за исход борьбы. Константин, который в этой борьбе видел борьбу не за власть, но за правду, ощущал потребность сверхъестественной помощи.

«Он вспомнил, – говорит историк Евсевий, – что Бог христиан был втайне и Богом отца его, и к этому Богу он теперь обратился с такой мольбой: Боже! явись мне, вразуми меня о Себе и в подлежащем деле простри мне Свою десницу». Когда он так молился, то увидел на небе лучезарный крест с надписью:

«Сим победиши». Будучи поражен видением, император вдруг впал в глубокий сон, и тогда явился к нему Спаситель и, держа в Своей руке тот же символ, который показан был на небе, повелел ему употребить его как знамя на войне и дал уверенность в победе. Когда Константин пробудился от сна, он начертал знак, который показан был ему в сновидении, и тотчас обратился к христианским священникам за объяснением сего таинственного явления. От них получил он наставление о значении чудного видения, «которого сподобил его Господь». С этого времени войска Константина никогда не выступали в поход иначе, как под покровом *Iabagum*, т[о] е[сть] знамени, на котором крест соединен был с первыми буквами имени Искупителя.

Победа осталась за Константином: войско Максентия, несмотря на свою многочисленность, было разбито, сам Максентий утонул в реке Тибр, и Рим в первый раз открыл врата свои перед изображением Креста!

Тотчас после победы была воздвигнута в Риме статуя императора с крестом в правой руке и надписью, в которой победа приписывается не ему, а силе «сего спасающего знамени».

Константин по смерти Максентия остался один правителем на Западе. На Востоке же в это самое время, по смерти императора Максимиана, правителем стал Ликийский¹⁴³. Первым указом, обнародованным императором, был указ, возвещавший всем его народам полную веротерпимость: язычникам оставлялись права совершать обряды своего богопочитания, христианам дозволялось свободно, открыто поклоняться одному истинному Богу.

По всем городам начались праздники обновления и освящения церквей, везде слышались хвалебные песни, возносились благодарственные моления. Император не только возвратил христианам их усыпальницы, отнятые гонителями, но сам щедро содействовал построению новых церквей: всюду воздвигались великолепные храмы. Сам Константин усердно посещал церковные богослужения и тщательно изучал Святое Писание. Епископы были его любимыми собеседниками, он всегда стоя выслушивал самые даже длинные их речи, глубоко ценил их советы, ими руководствовался, хотя и сам глубоко вникал во все

вопросы, касающиеся веры. Священнослужителей он освободил от налогов и от всяких обязательных посторонних занятий, дабы они могли совершенно себя посвятить служению Богу.

Все христиане, находившиеся в ссылке или на рудниках, были им возвращены; те из них, которые лишены были общественных должностей вследствие своей веры, были восстановлены в них. Собственность мучеников была возвращена их наследникам, и если не оказывалось таковых, то отдавалась Церкви. Он также облегчил участь рабов, дозволив, чтобы освобождение их совершалось в церквах. Сирот, бедных, увечных, больных – всех этих несчастных, которые языческому миру внушали лишь ужас и отвращение, он принял под свое покровительство.

В 315 году им была отменена казнь распятия на кресте. Государственным умом своим он постиг, что в Христианстве одном была сила жизни, что оно одно могло принести обновление, восстановить могущество империи. Учение Христово, видимо, налагало свой отпечаток на все мероприятия властелина Запада, тогда как на Востоке жестокий повелитель Ликиний не переставал угнетать и преследовать всех тех, кто этому учению следовал.

«Римская империя, – писал Евсевий, – разделенная на две части, кажется всем разделенной на день и ночь: населяющие Восток объаты мраком ночи, а жители другой половины государства озарены светом самого ясного дня». Сношения Ликиния с Константином мало-помалу перешли в открытую борьбу. Эта борьба должна была решить судьбу Христианства в Римской империи. Оба императора готовились к решительной битве, каждый сообразно со своей верой. Оракулы предвещали победу Ликинию, христиане молились за Константина.

Бог даровал победу Константину, Ликиний лишился жизни и престола. Константин сделался единодержавным – Христианство восторжествовало.

После победы своей Константин поспешил распространить и на христиан восточных областей те самые права, которыми они пользовались на Западе.

В своем указе областным начальникам восточных стран Константин, увещевая всех своих подданных к добровольному

принятию Евангелия, заканчивает это свое слово молитвенным к Богу обращением, по которому можно судить о заботе, наполнявшей его душу.

«Теперь, – пишет он, – молю Тебя, великий Боже! Будь милостив и к восточным Твоим народам! Под Твоим руководством начал я и окончил дело спасения, преднося везде Твое знамя, и вел за ним победоносное свое войско. Потому и предал я Тебе свою крепко испытанную в любви и страхе душу, что искренно люблю Твое имя и благоговею перед Твоей силой, которую явил ты мне. Хочу, чтобы народ Твой наслаждался спокойствием и безмятежностью, хочу, чтобы, подобно верующим, мир и тишину вкушали и заблуждающиеся, ибо такое восстановление общения может их вывести на путь истины».

Константин как явный покровитель христиан был мало любим в Риме, где оставалось еще много обычаев и нравов языческих; поэтому он редко и неохотно посещал древнюю столицу. Он решил основать новую столицу, новый Рим, город христианский, который не был бы ничем связан с язычеством. Ему полюбилось положение Византии, древнего небольшого города на берегах Босфора, и он избрал его в новую столицу империи.

С чудесной быстротой воздвигалась новая столица, названная по имени императора: дворцы, водопроводы, бани, театры украсили ее, и она наполнялась сокровищами искусства, свезенными туда из Греции, Италии и Азии. Гладиаторский бой и другие варварские зрелища, составлявшие услаждение римлян, ее не осквернили, и в ней никогда не было воздвигнуто храмов языческим богам.

Первая церковь нового города была посвящена Софии Премудрости Божией.

Глава VIII. Первый Вселенский Собор. Арий

Христианское учение стало из гонимого торжествующим, и Церковь Христианская наслаждалась внешним миром. Но внутреннего мира в ней не было. Ереси, или ложные учения

о предметах веры, появившиеся еще со времен апостольских, умножились и возбуждали вражду между последователями различных учений. Отцы Церкви и местные Соборы обличали лжеучения, но от лица всей Церкви Христовой не было провозглашено, в чем должно состоять истинно православное учение, по которому следует отличать правую веру от неправой.

В царствование Константина появилась в Церкви новая, не бывшая до того ересь – арианство. Арий¹⁴⁴, александрийский пресвитер, человек даровитый, но гордый умом своим и ученостью, составив по своему рассуждению понятие о лицах Святой Троицы, стал учить и проповедовать, что Иисус Христос не единосущен с Богом Отцом и не безначален, но сотворен Отцом, и было время, когда Его не было. Это заблуждение Ария могло бы остаться личным его заблуждением и не произвести волнений в Церкви, если бы он не был человеком столь гордым и честолюбивым. Он надеялся быть епископом в Александрии, но клиром и народом был выбран не он, а Александр. Выслушав от Ария богохульное его мнение, надменно высказанное, Александр ужаснулся; но Арий, не вникая никаким увещаниям, стал обзывать еретиками всех несогласных с ним и, не подчинившись суду епископа, стал распространять свое учение. Он не покорился и Собору в Александрии, осудившему его, но стал проповедовать ересь свою в Египте и в Палестине и распространять ее в народе посредством стихотворений, гимнов и песней. Сам Арий привлекал к себе множество последователей: его изможденный, почти дикий вид, порывистые, нервные движения, часто безумно-возбужденная речь производили странное впечатление, а тихий, мелодичный голос и что-то душевно-ласковое в обращении имело удивительное воздействие на всех, кто ближе подходил к нему. Вскоре арианская ересь охватила весь Восток. Повсюду поднялись горячие, соблазнительные споры о лице Господа Иисуса Христа не только в среде духовенства, но и в народе, споры, возбуждавшие ненависть, до драк и кровопролитий. Многие из епископов, увлекаясь учением Ария, приняли его сторону. Разрасталась ужасная ересь, которая

вела к отвержению искупления рода человеческого, следовательно, и всего Христианства.

Константин, объезжая Восток, со скорбью и удивлением услышал о споре, о котором на Западе почти ничего не знали. Сначала, так как он был еще недостаточно посвящен в вопросы церковного богословия, ему казалось, что весь этот спор есть не что иное, как суетное словопрение. В надежде примирить враждующих он отправил к Александру и Арию письмо, убеждая их кончить спор любовно и его, императора, успокоить. В этом письме Константин свидетельствует с клятвой, что он почитает своим призванием и целью своей жизни соединить весь мир в одном правлении и в одной вере. «С какими надеждами, – говорит он, – ехал я от смятенного бранями Запада к восточным пределам, откуда воссиял Божественный свет, и – о, Божественное Провидение! – какой язвой поражен здесь слух мой, или скорее, мое сердце! Оставьте пустые, бесконечные ваши споры, возвратитесь к согласию единой, общей веры! Возвратите и мне безмятежные дни мои и спокойные ночи, дайте мне свет и радость вместо воздыханий и слез».

Это письмо было привезено в Александрию Осией¹⁴⁵, епископом Кордубским, одним из самых уважаемых пастырей всего Запада, близким другом и советником самого Константина. Но было уже поздно надеяться на примирение, когда ересь распространилась так далеко. Осия, выслушав Ария на новом Соборе в Александрии, вместе с прочими епископами осудил его лжеучение. Арий не уступил. Тогда император взглянул на все это дело иначе. Он понял, какую великую и существенную важность имело рассматриваемое учение. Необходимо было вернуть мир взволнованной Церкви: невозможно было допустить, чтобы вечность и Божественность Христа Спасителя оставалась вопросом спорным для верующих. Вся Церковь, через предстоятелей своих, должна была изложить веру, преданную ей Христом и Апостолами Его. Константин остановился на мысли созвать всех епископов христианского мира на Вселенский Собор в город Никею, столицу Вифинской области.

До сих пор еще не было и не могло быть Вселенского Собора; он стал возможен только теперь, когда все обширное Римское государство, от Востока до Запада, в первый раз объединилось под властью одного христианского царя.

Призыв на Собор, по необходимости, должен был исходить от императорской власти как единственной власти, которая непререкаемо признавалась всеми христианами империи.

Императором были разсланы призывные грамоты епископам всей вселенной. Епископы со всех стран с готовностью поспешили в Никею. Все издержки их путешествия и пребывания в Никее принимал на себя император. Прибыли епископы из Египта и Палестины, из Сирии и Месопотамии, Африки, областей Малой Азии, Греции, из Персии, Армении, Мизии и Дакии, от задунайских готфов¹⁴⁶, недавно обращенных в Христианство, – всех 318; их сопровождали и другие духовные лица, пресвитеры и диаконы. Были здесь и ученые, и малограмотные, и знатные, и бедные, и старые, и молодые, престарелые епископы, которые уже стояли на краю могилы, молодые, только что поставленные диаконы, едва вступившие на свое служение. В этом собрании подразделение на старое и новое поколения имело особое значение, потому что как бы олицетворяло события истории Церкви Христовой: новое поколение выросло во времена мира и тишины, оно смутно помнило радость, возбужденную первым эдиктом великого императора, но само через страдание оно не прошло... Старое же поколение, которое составляло самую значительную часть собрания, наоборот, великого этого страдания сподобилось... Это все были воины Христовы, прошли они все чрез брань, оставившую на них следы страшных увечий, отпечаток тяжелых мучений. Постановления этого Собора закреплены навсегда и в силу того, что он был Вселенский, и в силу того, что почти все члены его принадлежали к святому воинству мучеников и исповедников.

Собор открылся в июне 325 года в обширной палате царского дворца. Всех присутствовавших с пресвитерами и диаконами было более 2000 человек: епископов 318. Вокруг ря-

дами расположены были седалища и скамьи для епископов и пресвитеров; посреди на престоле лежали книги Священного Писания как верное свидетельство истины, с которым должно было согласоваться решение Собора.

Все ждали с напряженным вниманием, всеми чувствовалось приближение давно желаемого... Извне послышался сдержанный шум: императорское шествие приближалось, и в зал один за другим стали появляться лица свиты императора. Оруженосцы и воины отсутствовали. Они не были допущены на великое это христианское собрание, которое собой уже освятило место, на котором заседало. Из приближенных царских получили разрешение сопровождать своего владыку лишь те, которые приняли Христианство.

Наконец, широко распахнулись двери зала, все собрание мгновенно поднялось со своих мест, и в первый раз его восторженному взору предстал император. Его величавая осанка, красивые, правильные, выразительные черты вполне соответствовали величию его сана. Было что-то светлое в его взгляде, какое-то удивительное сочетание силы и кротости во всем его облике, которому великолепии и пышность царских одежд придавали еще более блеска и красоты.

Многим из собранных здесь епископов доводилось в первый раз в жизни находиться в присутствии царя... При виде царского величия и царственной красоты, при сознании того, что сделал для них и для их Церкви этот именно царь, все они трепетно взирали на проходящего мимо них Константина, видя в нем не человека, но Ангела Божиего, посланника небесного.

Константин в первый раз видел себя в среде представителей той Церкви, в которую привела его благодать Божия: перед ним стояли люди, которые почти все успели страданием исповедать перед Богом и людьми свою крепкую, юную веру, и все они на него с восторгом взирали, как на своего покровителя. Благоговей перед ними, император сам смутился, краска разлилась по лицу его, он неровной поступью с поникшим взором подошел к креслу, которое было ему уготовано, и стоял неподвижно, пока епископы сами не пригласили его сесть.

Таково было начало великого Вселенского Собора, постановившего твердый, непререкаемый и на Востоке, и на Западе закон православной нашей веры.

Арий упорно защищал свое учение; его сторону открыто держали до семнадцати епископов, но православные с силой оспаривали их. Особенно привлек на себя общее внимание молодой диакон, прибывший с Александрийским епископом, Афанасий, которому суждено было прославиться своей твердостью и постоянством в борьбе с арианами. Никто не превосходил его силой красноречия; меткость его возражений удивляла его противников, но тщетны были все усилия вздумать ариан: чем долее продолжались прения, тем очевиднее становилось, сколь далеки ариане от истины. Арий не уступил, лжеучение его было торжественно осуждено, и он был изгнан с некоторыми из приверженцев своих.

Решив главный предмет спора, Собор занялся обсуждением и других вопросов. Вопрос о времени празднования Пасхи до сих пор оставался еще нерешенным; и Пасха еще в некоторых Церквях совершалась в одно время с иудейской. Отцы Собора положили праздновать Пасху везде одновременно, а именно в первое воскресенье после весеннего полнолуния.

Во всех постановлениях Собора строгость смягчалась духом христианской любви, снисходящей к человеческой слабости. Некоторые епископы предложили безбрачие духовенства, но против этого очень сильно восстал исповедник и пустынный Пафнутий¹⁴⁷, епископ Фиваидский. Хотя сам безбрачный, он не считал нужным возлагать на клириков непрременную обязанность безбрачия и словами Апостола Павла доказывал честность брака. Его мнение превозмогло. Отпуская епископов с Собора, Константин в прощальных словах, обращенных к ним, умолял их иметь мир между собой. «Берегитесь, – говорил он, – горьких ваших споров между партиями. И пусть никто не имеет зависти к епископам, явившим особенную мудрость: достоинство каждого считайте общим достоянием всей Церкви. Высшие и превосходные, не смотрите высокомерно на низших: Богу одному ведомо, кто

превосходнее. Совершенство редко где бывает, и надо иметь снисхождение к слабейшим братьям; все неважное покрывайте прощением, берите в рассуждение людские слабости: мирное согласие всего дороже. И спасайте неверующих, помните, что не всякого можно обратить ученым рассуждением: искренние любители истины редки. Мы должны походить на врачей и соображать свои лекарства с болезнями, а свое учение – с различными расположениями каждого».

Собор разошелся, совершив свое великое дело: утвердил на вечные времена догмат воплощения Сына Божия Христа Спасителя, основной догмат Христианства. Вера Вселенской Церкви единодушно выразилась следующим образом в Никейском Символе:

Веруем во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца всего видимого и невидимого; И во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, рожденного от Отца, т[о] е[сть] из сущности Отца, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, Отцу единосущного, чрез Которого все произошло как на небе, так и на земле. Ради нас, человеков, и ради нашего спасения низшедшего, воплотившегося и вочеловечившегося, страдавшего и воскресшего в третий день, восшедшего на небеса и грядущего судить живых и мертвых; и в Духа Святого.

Глава IX. Борьба с арианством. Смерть Константина

Арианская ересь была торжественно осуждена на Никейском Соборе, но этому лжеучению суждено было еще долго производить волнения в Церкви. Споры между арианами и православными о лице Господа Иисуса Христа вскоре снова поднялись, и поднялись еще с большим ожесточением. В первый раз история Церкви представляла странное явление: гонение христиан на христиан. Знаменательно и поучительно, что это первое гонение исходило не от правоверных против еретиков, но от еретиков против правоверных.

Арианская партия не замедлила найти себе доступ к императорскому двору: Констанция¹⁴⁸, сестра императора, на смертном одре своем умолила брата приблизить к себе ее духовника, имевшего неограниченное на нее влияние. Этому пресвитеру, арианину по убеждению, удалось поколебать мнение Константина относительно правоты осуждения Ария, и Арий из ссылки был вызван в Константинополь. Здесь он сам представил императору письменное исповедание своей веры, изложив в нем в общих чертах учение о Божестве Сына Божия и Его рождении прежде всех век от Отца.

Константин, будучи недостаточно сведущ в вопросах богословия, предполагал на основании этого исповедания, что Арий оставил свои заблуждения, и вследствие этого освободил его от заточения. Почти одновременно были возвращены из ссылки на свои прежние кафедры епископы Евсевий Никомидийский¹⁴⁹ и Феогний Никейский, оба ярые сторонники арианства.

Имея значение и влияние при дворе, ариане теперь смело выступили против православных; все защитники Православия на Никейском Соборе подверглись их нападению. Но более всех был им ненавистен епископ Александрийский, святой Афанасий, и на него, главным образом, была направлена их злоба.

Через несколько месяцев после своего возвращения с Никейского Собора в Александрии скончался престарелый епископ Александр, указав на святого Афанасия как на своего преемника. Афанасий, несмотря на свои молодые годы, был единогласно избран в епископы. В продолжение 46 лет занимал он кафедру александрийскую, посвящая все свои силы на утверждение истинного учения. Его непреклонному стремлению к одной благой цели, его крепкой воле и умению обращаться с людьми Восточная Церковь, и конечно вся Церковь, обязана сохранением от арианской ереси. Ариане ненавидели его не только вследствие его высоких дарований, но также вследствие того, что он был епископом той самой Церкви, из которой был изгнан Арий. Им хотелось, чтобы безотлагательно именно эта Церковь восстановила Ария в прежнем его сане, и они уговорили самого императора написать Афанасию письмо с прось-

бой принять Ария и его последователей в общение с Церковью, письмо заканчивалось угрозой низложения и ссылки в случае отказа. Отказом ответил Афанасий. Он твердо заявил, что не может признавать лиц, которые осуждены определением всей Церкви. Константин не настаивал. Казалось, что дело тем и кончилось. Но противники Афанасия хорошо понимали, что сдержанный гнев Константина был готов вспыхнуть при каждой удобной минуте: была подготовлена почва для принятия всякой лжи, всякой клеветы!

Действительно, одно обвинение следовало за другим и, наконец, с согласия императора был созван в городе Тире Собор¹⁵⁰, на который велено было явиться и Афанасию. Афанасий явился в сопровождении пятидесяти епископов. Когда, войдя в зал заседания, он направился к тому месту, которое принадлежало ему по старшинству его кафедры, ему было повелено председателем Собора Евсеием Кесарийским стоять как лицу обвиняемому. Все до одного обвинения оказались ложными. Но так велика была ярость врагов Афанасия, что император, хотя, быть может, в душе своей и был возмущен их клеветами, счел необходимым для предохранения Церкви от больших смут удалить Афанасия с того места, где он мог сделаться опасен. Афанасий был сослан в Тревы, главный город Галлии. Там великий поборник Православия нашел почетный прием при дворе сына императора, младшего Константина.

Арию дозволено было вернуться в Александрию. Но дух великого епископа продолжал одушевлять Александрийскую церковь: была твердо отвергнута попытка Ария добиться общения, и он был принужден вновь удалиться. На александрийскую кафедру, несмотря на настойчивые требования ариан, Константин отказался назначить преемника Афанасию, и этот отказ не мог не смущать торжествующих ариан...

Тяжело было святому Афанасию жить далеко от возлюбленной своей паствы, от всего, что было ему знакомо и дорого с самого детства. Известия, доходившие до него из Александрии и Константинополя, волновали и глубоко возмущали его душу... С замиранием сердца узнал он, что Евсевию Кесарий-

скому, наконец, удалось окончательно убедить императора в правоте Ария и в необходимости для отвращения новых страшных бед всенародно возвратить его к общению с Церковью.

Император снова взял на себя допрос Ария, снова был удовлетворен его ответами... Тогда, признав учение Ария свободным от всякой ереси, император призвал епископа Константинопольского Александра и приказал ему на другое утро торжественно ввести Ария в церковь.

Епископ Александр, человек робкий, ничего не сумел возразить императору. Сознывая с глубоким смирением, что нет у него той силы, которая могла бы устоять против воли царской, он поспешил в ту церковь, в которой ему было приказано на другое утро принять Ария, и со слезами молил Бога, говоря: «Если Арий придет завтра в эту церковь, возьми меня отсюда! Но если Ты жалеешь Свою Церковь, то возьми отсюда Ария, дабы, когда он войдет, не вошла с ним ересь!..».

Настало роковое утро. Толпы возбужденного народа наполняли улицы. Арий, окруженный своими приверженцами, торжественно направлялся в церковь, когда вдруг почувствовал себя дурно и тут же на пути внезапно скончался...

Нельзя было в этой смерти не признать посещения Божия, чудесного проявления Божией силы, оградившей Свою Церковь от страшного лжеучения, когда всякое вмешательство человеческое оказывалось тщетным.

Закончилась жизнь одного из важнейших деятелей Никейского Собора, приближался конец и императора, созывавшего Собор.

Константин собирался в дальний путь в Палестину. Посетить эту страну стало его заветным желанием с тех пор, как его заботой был восстановлен Иерусалим и Святая Земля сделалась предметом общего благоговения. По его желанию, мать его, царица Елена, совершила в 336 году свое знаменитое путешествие по Палестине и сподобилась чудесным образом обрести на самой Голгофе Святое Древо Животворящего Креста Господня. При ней был тогда же заложен в Иерусалиме великолепный храм Воскресения и сооружены церкви на

горе Елеонской и над пещерой Вифлеемской и в первый раз принесена была бескровная жертва на тех самых местах, где родился, жил, пострадал и воскрес Спаситель. Во множестве стали стекаться паломники на поклонение великой святыне, к ней мысленно стремился и Константин.

Настала Пасха 337 года. Всегда праздник этот совершался с величайшим торжеством: по всем улицам города зажигались высокие восковые столбы, которые превращали темную ночь в светлый день; всю ночь в церквах молились, а когда наступало утро, царь раздавал всему народу дары в знак радости Воскресения Христова. В последний раз был Константин участником этой светлой радости! Долго и усердно молился он всю святую ночь в церкви Святых Апостолов, призывая благословение Божие на предпринимаемое им путешествие, и тут же вдруг занемог.

Состояние его здоровья ухудшалось с изумительной быстротой. Врачи отправили его на теплые минеральные воды; облегчения не последовало, и болезнь приняла угрожающий характер.

Чувствуя приближение смерти, Константин переехал в предместье Никомидии. Тут он призвал епископа Кесарийского Евсевия и других епископов, поведал им свою скорбь, что воля Божия не допустила осуществиться его желанию принять Святое Крещение во святых струях Иордана, и просил их неотлагательно совершить над ним Святое Таинство. Не только во времена Константина, но еще и долго после него у многих было в обычае отлагать Крещение на многие годы. Одни поступали так из смиренного сознания своей греховности и из благоговения к Великому Таинству, к которому считали необходимым приготовиться годами молитвы и покаяния; другие не решались вдруг отказаться от прежней жизни и возродиться в новую жизнь, духовную и святую, тем более что Церковь была строга к согрешениям, совершенным после Крещения; веря, что Крещение омывает от грехов, думали, что лучше всего принять это таинство перед самой смертью, дабы явиться на суд очищенными. Приготовившись молитвой и исповедью,

Константин с умилением и глубокой верой принял Святое Крещение, видя в нем залог своего возрождения. Облеченный в белые ризы крещаемого, возлег он на ложе, покрытое покровом также белым, и так ждал призыва Господа своего.

Велика была радость его по принятии Святого Таинства, когда воины и ближние люди вошли в его комнату и, горько рыдая, стали прощаться с ним, он восторженно им улыбался и уговаривал их радоваться, что он так скоро достигнет небесной своей отчизны. В полдень, в самый день великого праздника Пятидесятницы, 20 мая 337 года, император скончался. Страшный вопль скорби поднялся среди войска и народа, когда разнеслась весть о кончине Константина.

Тело его было положено в золотой гроб и в торжественном шествии, в котором принимала участие вся армия, перенесено в Константинополь, где было положено в церкви Святых Апостолов, в гробницу, заранее уготовленную самим императором. Церковь, с благодарностью вспоминая его ревность к христианской вере, именует как его, так и мать его, царицу Елену, *равноапостольными* и празднует память их обоих вместе 21 мая.

Креста Твоего образ на небеси видево, и якоже Павел, звание не от человек прием, во царех Апостола, Твои, Господи, царствующий град в руке Твоей положи, егоже спасай всегда в мире молитвами Богородицы, Едине Человеколюбче <Тропарь равноапостольных царя Константина и царицы Елены>.

Глава X. Продолжение борьбы с арианством. Святитель Афанасий

Константину Великому наследовали три сына: Константин¹⁵¹, Констанс¹⁵² и Констанций¹⁵³. Воцарение их сопровождалось ужасным делом, поголовным истреблением императорского рода: братья Константина, его племянники, все ближайшие его родственники были умерщвлены воинами, спаслись лишь двое малолетних его племянников, один из них, Галл, недолго оставался в живых, другому, Юлиану¹⁵⁴, суждено было сделаться отмстителем этого страшного злодеяния.

Старший из императоров, Константин, который на долю свою получил Галлию, Британию и Испанию, был убит на войне уже в 340 году. Император Констанс, которому достались Италия и Африка, после смерти брата завладел всем Западом. Император Констанций царствовал на Востоке. Человек слабый и подозрительный, неумолимый в своей вражде, он много причинил бед Церкви своим неразумным вмешательством в дела ее. Он совершенно ошибочно считал себя глубоким богословом, и его невежество и тщеславие делали из него слепое орудие тех, кто умел подходить к нему.

Знаменательно, что Константин Великий, быв на смертном одре, вспомнил о святом Афанасии и точно для того, чтобы самому засвидетельствовать его правоту, повелел тотчас возвратить его из ссылки на его александрийскую кафедру. Преемники Константина поспешили исполнить эту его волю, и после двух с половиной лет разлуки Афанасий вернулся к своей возлюбленной пастве, которая твердо хранила его учение и еще крепче прежнего привязалась к нему в эти годы скорбей и гонений.

Однако ариане не могли примириться с возвращением Афанасия и стали употреблять все усилия для окончательного его низложения. Им удалось, наконец, собрать против него в Антиохии Собор, на котором ариане осудили и низложили его, а в Александрию послали нового епископа, арианина Григория. Александрийская церковь с негодованием отвергла его, ссылаясь на свое древнее право избрания, которое было нарушено лживым «собором». Тогда решено было водворить Григория силой. В самые дни Великого поста Григорий явился в Александрии. Видя, что православные готовы стоять за своего епископа до последней крайности, епарх Египта, взяв себе на помощь язычников и иудеев, силой ввел Григория в церковь, изгоняя из нее православных, подвергая оскорблениям иноков и дев, посвященных Господу. Одна церковь была совершенно разграблена, а затем начались пытки и истязания православных. Афанасий, убедясь, что его присутствие в Александрии только более раздражает врагов и подвергает опасности приверженцев его, решил тайно оставить город.

На Востоке Церковью завладели ариане – он решился искать опоры на Западе, где арианство было бессильно, и отправился в Рим. В Риме папа Юлий¹⁵⁵ созвал Собор, торжественно восстановивший Афанасия.

Тогда император Константин явился заступником его и настоятельно потребовал от брата, чтобы он возвратил Афанасия из ссылки, грозя в случае отказа силой оружия восстановить пастыря, желаемого всей паствой. Между тем умер и лжеепископ Григорий. Тогда только Афанасий отправился в Александрию. Возвращение его было настоящим торжеством: народ с радостными восклицаниями толпился вокруг мужественного страдальца, скитавшегося в изгнании более семи лет; паства ликовала. В Антиохии Афанасий виделся с императором, и благосклонность, оказанная ему Констанцием, устрасила на время врагов его. Из страха перед Констансом даже вожди арианства отреклись от прежних своих действий и письменно осуждали то учение, за которое прежде стояли.

Но это торжество Афанасия было непродолжительно. В 350 году покровитель Православия Констанс погиб в войне с Магнецием¹⁵⁶, который завладел всей его областью. Вскоре затем Констанций, одолев и Магнеция, стал единодержавным государем всей империи. Констанций ненавидел Афанасия, тем более что так долго из страха должен был скрывать свои чувства и оказывать ему притворную благосклонность. Как только он достиг полной власти, то созван был в 355 году Собор в Милане уже не для рассмотрения обвинений на Афанасия, а прямо для осуждения его; западным епископам повелено было принять осуждение, произнесенное восточными, а не соглашавшихся всех сослали в заточение.

Все покорялось воле кесаря в деле веры и совести... Один Афанасий стоял, как твердыня: весь мир был против него, и он один был против мира. Полстолетия продолжалась эта неравная борьба между тем, кто имел за себя все земное, и тем, кто за себя имел лишь Бога и смерть: Бога – как Защитника его правоты, смерть – как избавление от скорбей.

Энергичный и строгий, но вместе с тем полный сочувствия и нежного сострадания, Афанасий, как магнит, притягивал к себе людей и, умея поддерживать в них твердость духа и непоколебимое упование на всемогущество Бога, мог спокойно править Александрийской церковью. Ненависть Констанция к этому непреклонному христианскому епископу возрастала изо дня в день, и, наконец, повелено было нанести ему решительный удар. В Александрию прибыл царский сановник с требованием, чтобы Афанасий оставил свою Церковь, но не предъявлял письменного повеления от императора. Афанасий же имел несколько писем, в которых Констанций, находясь еще под страхом брата, уверял его, что он до конца жизни останется в Александрии. Афанасий отвечал, что не может оставить паству без письменного на то повеления. Весь город был в тревожном ожидании.

Однажды, когда епископ служил всенощную, в полночь до пяти тысяч вооруженных воинов окружили церковь, которая была полна народа. Афанасий понял, что пришли за ним, но не устранился. Став в алтаре, на горнем месте, он велел диакону читать псалом 135: *Исповедайтесь Господеви, яко благ, яко в век милость Его*, а народу – повторять припев и в то же время расходиться по домам. Но народ не захотел оставить его. Воины ворвались в церковь, стали давить и бить молящихся и грабить церковь. Произошло страшное смятение, но посреди него слышались еще вдохновенные слова псалма, возглашающие торжество победы над врагами и вечную милость Господа, Который сотворил чудеса великие, вывел Израиль из Египта рукой крепкой, мышцею высокой, Который помнит униженных, избавляет их от врагов, *яко в век милость Его*. Наконец, епископ произнес отпустительную молитву, и народ начал расходиться. Афанасий выжидал, пока уйдет народ, и тогда только священнослужители увлекли его за собой. Ночная темнота и теснота на улицах помогли ему скрыться от преследовавших его воинов, которым велено было захватить его живого или мертвого. Он некоторое время скрывался в самом городе, в окрестностях и, наконец, при помощи друзей достиг пустыни.

Афанасий был в безопасности среди суровой пустыни: его охраняла любовь и преданность отшельников. Обширные египетские пустыни, горы и бесплодные равнины, окрестности самой Александрии были в эту пору заселены множеством иноков и отшельников; все они горячо были преданы Афанасию и готовы были даже до смерти стоять за твердого защитника истины, слава которого гремела и в пустыне. Воины тщетно обыскивали монастыри и отшельнические кельи; все иноки были насто-роже: лишь появлялась опасность, Афанасий был немедленно извещаем о ней и препровожаем далее в пустыню. Таким образом, он мог в продолжение целых шести лет укрываться от преследователей. Великий епископ любил пустынную жизнь с ее лишениями и трудами, подвигами самоотречения удивлял самых суровых отшельников и внушал им глубокое уважение.

Между тем в Александрии было получено от императора повеление отдать все церкви арианам; выносили из них утварь, святой алтарь, завесу, престол епископский и пред вратами храма сжигали все как нечистое.

Православные, лишённые церковей, собирались по ночам на кладбищах для богослужения, как во время гонений от язычников; но и тут нападали на них с военной силой и потом предавали пыткам и казни, кого только могли захватить. Между тем, Афанасий не переставал следить за делами Церкви, о которых через друзей получал известия, и на все возникшие вопросы отзывался из пустыни. Верующие принимали с радостью каждое его слово, как победоносное оружие, против лжеучений. Таким образом, он в глубине пустыни жил и трудился на пользу Церкви, и истина, вопреки мерам насилия, распространялась и укреплялась.

Глава XI. Храмы и богослужение

Ветхозаветный закон воспрещал иудеям совершать свое богослужение иначе, как в храме Иерусалимском. Но слово Спасителя возвестило людям, что поклонение Богу возможно на всяком месте: *Наступает время, когда и не на горе сей,*

и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу... Но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине... (Ин. 4:21, 23). Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них (Мф. 18:20).

Поэтому в самые первые дни Христианства Апостолы и верующие собирались на молитву не в одном только Иерусалимском храме, но и в частных домах. В этих последних они собирались главным образом для совершения Таинства Евхаристии, совершать которое им нельзя было в Иерусалимском храме. Обыкновенно на молитву в доме посвящалась одна просторная горница, отделенная от остального помещения. Эти горницы, в которых собирались верующие, образовали собой первые христианские церкви. Во времена апостольские им не было усвоено название храма, имевшее также значение языческое; обыкновенно их называли: дом Божий, дом Господень, дом молитвы. Когда начались гонения, опасно стало совершать богослужение в домах, уже известных под этим христианским наименованием; христиане стали собираться на молитву в темницах, на уединенных кладбищах и, наконец, в подземельях, так называемых катакомбах. Катакомбы в своих символических изображениях и надгробных надписях выступают перед нами как таинственное выражение того, чем было Христианство для христиан первых веков. Эти мрачные подземелья состояли из длинных галерей, по сторонам которых были углубления, выдолбленные в стенах, для принятия гробов усопших. Великое множество мучеников погребено в этих пещерах, которые также служили усыпальницами и для язычников. Язычники сжигали тела своих умерших, но сохраняли их пепел в урнах, которые поставлялись в гробницы. Эти гробницы, равно как и гробницы христиан, были покрыты изображениями и надписями, которые все свидетельствуют о великом перевороте, произведенном учением Христовым в понятиях и чувствах его последователей. Страх смерти, бесконечное отчаяние перед вечной разлукой, бессильная злоба на богов, горькие упреки выражаются языческими памятниками, тогда как рядом, на гробницах вновь обращенных повторяется с трогательным однообразием

тихое слово: *с миром!* Слезы любви чувствуются в подобных надписях: «моя маленькая незлобивая голубка», «невинный маленький агнец»; но чувствуется также, что скорбное сердце озарила надежда, что ему непонятно прощение навеки... Краткая надпись «Корнилий, епископ, мученик» возвещает всеобъемлющее прощение: нет жалобы, нет даже намека на страдания мученика, все покрыто любовью в ожидании светлого, близкого будущего. Как просто верилось в это будущее, видно из следующей надписи: «Климент живет»!

Любимые символы, которые чаще всего повторяются в катакомбах: олень, жаждущий источника вод; лист, вечно зеленый; белый голубь; виноградная лоза, символ радости и т[ак] д[алее]. Новозаветные фрески немногочисленны, больше встречаются фрески ветхозаветные, которые служат прообразом новозаветной истины. Но самое дорогое изображение было изображение доброго Пастыря. Изображение же распятия не встречается в катакомбах. От изображения умершего Христа древние христиане уклоняются. Для них Он был живой, и смерть оттого казалась им жизнью, что через смерть они делались причастны Его жизни. Вообще древние христиане уклонялись от всякого прямого изображения Иисуса Христа, дерзая лишь в таинственном символе выражать неизреченное чувство своей души. По памятникам катакомб мы можем составить себе верное понятие о жизни древней Церкви, о той детской простоте, с которой вновь обращенные приняли ее обетования. С верой крепкой шли они по скорбному пути, ведущему в «Царство», свято храня память о первом слове, произнесенном Господом после воскресения Своего: *радуйтесь!* (Мф. 28:9).

Бесчисленные эти гробницы мучеников громко свидетельствуют о великих страданиях, принятых христианами первых веков, символы же и надписи этих гробниц свидетельствуют о радостно светлом настроении чистой их жизни.

Во II и III веках, когда по временам бывали промежутки в гонениях и христиане немного оправлялись от гонений, любовь их к Церкви своей находила выражение в построении особых зданий, посвященных исключительно на служение Го-

споду. Желание украсить дом Божий красотой стало присуще всякому, кто возлюбил это селение Божие, чья душа распознала, что *один день во дворах Твоих лучше тысячи* (Пс. 83:11). Много раз с возобновлением гонений храмы, воздвигнутые с любовью, делались жертвой ярости язычества, но любовь не оскудевала, и когда снова наставали дни затишья, усердием христиан снова воздвигались храмы. Когда же при императоре Константине христианская вера стала верой господствующей, церкви устроались с особым великолепием: кедры ливанские, золото, мрамор – все, что было наидрагоценнейшего, служило материалом для их сооружения. Живопись, изображавшая разные события Ветхого и Нового Завета, украшала их стены, но чаще всего повторялось изображение Креста, прежде – орудия позорной казни, теперь – символа безграничной любви... Обыкновенно зданию церкви придавалась продолговатая форма наподобие корабля, а внутреннее устройство применялось к устройству Иерусалимского храма, и храм разделялся на три части. Первая часть при входе в церковь составляла притвор. В этой части должны были стоять во время богослужения оглашенные. За притвором следовала вторая часть, место для верующих – собственно церковь. Третью часть храма составлял алтарь, отделенный от средней части храма перегородкой (иконостас) и завешиваемый завесой во время совершения Евхаристии. В алтарь вели три двери; средняя называлась святыми вратами, а ныне называется царскими. Против этой двери стоял престол, на котором совершалось Таинство Евхаристии. За престолом было возвышенное место, на котором в известное время, при богослужении, восседал епископ. По обе стороны епископского сидалища, несколько ниже, были устроены сидалища для пресвитеров. Лампады, светильники, кадила, священные одежды, священные сосуды – все эти необходимые принадлежности богослужения были одинаковы с теми, которые и теперь в употреблении в нашей Церкви.

Святые Апостолы заповедали христианам *непрестанно молиться* (1 Фес. 5:17). Но так как богослужение церковное совершалось для целого общества, необходимо было опреде-

лить времена и обозначить часы, в которые верные призывались к молитве.

Для дневной молитвы сами Апостолы отметили часы третий, шестой и девятый, соединяя с каждым часом воспоминание из жизни Господа Иисуса Христа: с третьим – осуждение Спасителя на смерть и сошествие Святого Духа на Апостолов, с шестым – распятие Спасителя на Кресте и с девятым – Его спасительную смерть. В эти часы и совершалось богослужение.

Когда же настали времена гонений, христиане стали собираться на молитву ночью или поздним вечером. Ночью перед рассветом совершалось и Таинство Евхаристии. Также особенно посвящены были служению Богу дни, ознаменованные страданием, смертью и воскресением Спасителя: среда, в которую было решено предать Спасителя смерти, пятница, в которую Он был распят, были днями печали и поста, а день, следующий за субботой, день Воскресения, был днем радости, днем молитвы, в который богослужение совершалось с особым торжеством.

Празднование двух великих праздников Ветхозаветной церкви: Пасхи и Пятидесятницы, перешло и в церковь Новозаветную, получив иной смысл и иное значение. Пасха в церкви Еврейской есть праздник, установленный в память избавления от рабства египетского. Пасха в Церкви Христовой есть праздников праздник, невечерний день радости и света, возвестивший нам радость всеобщего воскресения! К принятию этого Святого Праздника Церковь приготавлилась сорокадневным постом с воспоминанием сорокадневного поста Господа Иисуса Христа в пустыне.

В Еврейской церкви праздник Пятидесятницы установлен в память синайского законодательства или устройства подзаконной Церкви. В Христианской Церкви с этим праздником соединено воспоминание об устройстве Христовой Церкви Самим Господом, ниспославшим Духа Святого на Апостолов. Дни, посвященные памяти разных событий земной жизни Господа, образовали с давних времен святые праздники: Вознесения, Крещения, Преображения, Рождества Христова. К этим же

временам относится установление праздников Благовещения Пресвятой Богородицы, Сретения Господня, Входа в Иерусалим и праздников в честь святых мучеников. В первые годы служения Апостолов у верующих, образовавших собой Христову Церковь, по словам святых Апостолов, *было одно сердце и одна душа* (Деян. 4:32). Каждый день они единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога. В заключение трапезы, которая называлась вечерей любви, или *агапой*, совершалось Таинство Евхаристии – совершалось так, как оно было установлено Самим Господом. Но в конце I века совершение Таинства Евхаристии отделено было от вечера любви и уже присоединено к богослужению, потому что по умножении верующих стало неудобно совершать таинство вместе с обыкновенной трапезой.

Богослужение, на котором совершалось Таинство Евхаристии, стало называться литургией. Тогда, как и теперь, литургия разделялась на литургию оглашенных и литургию верных, диакон произносил прошения от имени всех присутствующих, читалось Евангелие, Послания Апостольские, избранные места из Ветхого Завета; во время литургии верных при повторении слов, сказанных Самим Господом на вечери Его Тайной, и призывании Духа Святого на Святые Дары, совершалось Таинство Евхаристии.

Во II веке уже положено было начало тому чину богослужения, который окончательно был утвержден в IV веке и ныне принят нашей Церковью. Во времена апостольские при богослужении обыкновенно пели все верующие, но очень рано появились хоры певцов. Шестым Вселенским Собором было выражено желание, чтобы «приходящие в церковь для пения с великим вниманием и умилением приносили псалмопение Богу, ибо Слово поучало сынов Израилевых быть благоговейными». С первых же веков Христианства уже вошли в употребление следующие молитвы: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу», «Господи, помилуй», песнь Ангельская: «Аллилуйя», другая песнь Ангельская: «Свят, свят, свят Господь Саваоф» и третья: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение». Еще

при Апостолах или вскоре после Апостолов эта третья песнь была распространена воззваниями: «Агнче Божий, вземляй грех мира, помилуй нас; вземляй грехи мира, прими молитву нашу; седяй одесную Отца, помилуй нас». Весьма рано вошли в последования богослужения песни Симеона Богоприимца: «Ныне отпускаеши», Богоматери: «Величит душа моя Господа»; особенно же молитва Господня «Отче наш». Большую часть последований богослужения составляли псалмы Давидовы; особенно любили их христиане из евреев, каковы были и сами Апостолы; по одному, по два, по три, по шести сразу пелись псалмы в последованиях. Кроме псалмов первые христиане употребляли и другие ветхозаветные песни, как-то: две песни Моисея на переход через Чермное море, песнь Анны, матери Самуила, песни Исайи и Ионы и песнь трех отроков вавилонских. С IV века введено в употребление всенощное бдение в Константинополе, в Антиохии и др[угих местах]. Наблюдалось, чтобы богослужение совершалось по чину. Во всех местах верующие старались употреблять одни и те же молитвы.

Учение о Таинствах, раскрытое Церковью в первые века Христианства, есть то же самое, какое содержит Православная Церковь в настоящее время.

Благоговением целых веков освящены те молитвословия, те песнопения, вся та поэзия и красота, сочетание которых составляет чудную гармонию богослужения нашей Православной Церкви.

Глава XII. Монашество

В I и II веках подвижничество было явлением одиночным. Подвижники не составляли отдельных обществ с определенными правилами жизни, но принимали на себя по своему собственному выбору разного рода обеты: одни принимали на себя обет девства, другие – обет нищеты, иные постоянно пребывали в молитве и посте, а некоторые соединяли все эти обеты вместе – такие подвижники известны под названием аскетов. Затем, в страшные времена гонений, уже многие ста-

ли искать забвения виденных ими ужасов в подвижнической жизни вдали от мира.

Таким образом было положено начало монашеской жизни, которая в IV веке получила полное свое развитие. Чистота жизни христиан первых веков стала мало-помалу затмеваться по мере того, как Христианство массами принимали язычники, внося в него многое, что было ему чуждо, и тогда явилось у многих непреодолимое желание искать уже вне человеческого общества осуществления христианских идеалов... К тому же в это время прекратились гонения, а жажда подвига осталась... Жизнь вдали от мира, в ненарушимом общении с небесным, трудность безусловного послушания, лишения и скорби жизни отречения – все это, принимая вид подвига, влекло к себе неотразимой силой... На вершинах гор, в диких ущельях, в суровых пустынях стали воздвигаться монастыри: «Были они, – говорит с умилением святой Афанасий, – как храмы, наполненные Божественными ликами, людьми, жизнь которых проходила в пении псалмов, в чтении, молитвах, посте и бдении, людьми, которые всю надежду полагали в будущих благах, жили в смирении и удивительной любви. Они не знали ропота и прекословия, не знали желания делать зло другим, они только соревновали, чтобы предварять друг друга в добродетелях». Основателем монашества и пустынножительства почитается *преподобный Антоний*¹⁵⁷.

Он родился в Египте в 251 году в богатой и знатной семье. Его родители сами были ревностные христиане и всячески старались о сохранении в нем чистой веры и непорочности сердца: чтение божественных книг и молитва были единственными источниками его просвещения и подготовили его душу к восприятию благодати. Ему было около 20 лет, когда скончались его родители. Он остался один наследником их богатства, имея на своем попечении единственную малютку-сестру. Все те радости и развлечения, которые обыкновенно пленяют юность, не имели для него значения; воображение рисовало перед ним картины совсем иной жизни. Жизнь эта, ему еще неведомая, притягательной силой манила его к себе. Все мысли его и желания были устремлены к подвижничеству в пустыне.

Однажды шел он в церковь и размышлял о святых Апостолах, как они оставили все, чтобы идти за Господом. Входит в храм и слышит евангельские слова: *если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною* (Мф. 19:21).

Благодать Божия коснулась его сердца. Ему показалось, что эти слова сказаны Господом лично ему, и, следуя влечению своей души, давно горевшей любовью к Богу, он тотчас по возвращении из церкви стал продавать имение свое и раздал бедным. Слова *следуй за Мною* (Мф. 9:9 и пр.) остались для него святым призывом, но мысль о маленькой сестре его смущала. Входит он в храм в другой раз и опять слышит слово Евангельское, и опять в нем ощущается ответ себе и указание: *не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы* (Мф. 6:34). Антоний принял эти слова в свою душу, поручил сестру известным ему добрым христианским женам, оставил дом свой и посвятил всю жизнь и служение одному Господу.

Предызбранный быть основателем монашества, преподобный Антоний, прежде чем явиться великим наставником иноков, сам прошел все степени духовной жизни. Сначала он поступил под руководство старца, был смиренным учеником, чтобы научиться быть учителем. Затем в продолжение 20 лет жил один в пустыне, учась опытом над самим собой познавать и немощи человеческие, и близость помощи Божией. Нельзя и изобразить, что вынес в эти 20 лет великий подвижник. Он страдал и от голода, и от жажды, и от холода и зноя. Но самое страшное искушение пустыннику, по слову самого Антония, – в сердце: это тоска по миру и волнение помыслов. Часто ему казалось, что нет у него больше сил продолжать эту внутреннюю борьбу: он изнемогал, и тогда в чудных видениях Господь являл ему помощь Свою. «Где Ты был, благий Иисусе? Почему в начале не пришел прекратить мои страдания?» – взывал Антоний, когда Господь после одного тяжкого искушения явился ему. «Я был здесь, – сказал ему Господь, – и ждал, пока увижу

твой подвиг». Раз, среди ужасной борьбы с помыслом, Антоний воззвал: «Господи! Я хочу спастись, а помыслы не дают мне...» Вдруг он видит: кто-то похожий на него сидит за столом и работает; потом, встав, начинает молиться, по молитве снова принимается за работу, далее молится опять... Это был Ангел Господень, посланный для наставления и подкрепления Антония. И Ангел сказал ему: «И ты так делай и спасешься». Всю свою жизнь Антоний помнил это дивное внушение и в нем находил источник бодрости духовной.

Он испытал сам все трудности духовного подвига, но и всю радость близости Господа; он постиг всю неизреченную сладость совершенной молитвы и вышел из своего затвора с богатством духовных сокровищ и с великим призванием указывать путь другим. Явившись к людям, он поразил всех своим видом: казалось, что время не коснулось его, не заметно было в нем и следов изнурения, его лицо точно сияло светлостью и красотой, точно отражалась в нем чистая душа, озаренная благодатью Святого Духа. Долговременное отчуждение от людей не сделало его грубым и суровым; тихим, ясным взором и кротким приветом он встречал всех тех, которые толпами стекались к нему. Во всей его наружности было нечто особенное, и кто, не видав его прежде, приходил искать его в пустыню, те узнавали его прямо посреди множества иноков.

Чудодейственной силой веры он врачевал, а словом утешал печальных, учил неразумных, укрощал гневливых, внушал всем более всего любить Господа Иисуса. Слово Антония, растворенное солью Божественной благодати, столь сильно действовало на сердца приходивших к нему в пустыню, что многие из них, презрев мирскую жизнь, тут же решались с Антонием проходить пустынную жизнь. Постоянно возрастающее число учеников Антония дошло до того, что безлюдная дотопле пустыня уподоблялась раю, населенному Ангелами, потому что жизнь отшельников была жизнь ангельская, а не человеческая по своей чистоте и отречению от всего земного. Одни из пустынников жили вместе и составляли общину; другие рассеивались по пещерам и проводили отшельническую жизнь. Но все они,

находясь под руководством Великого Антония, утоляли свою духовную жажду благих советов из одного источника – из уст его. Руководя иноками, Антоний не давал им внешних правил для жизни; уставы должны были образоваться впоследствии по мере надобности; он же беседовал с братьями, как отец с детьми, старался внушить им смирение, любовь к Богу и ближним.

Впоследствии он написал несколько поучений, которые дошли до нас.

«Кто желает всем сердцем обратиться к Богу, – учил преподаватель Антоний, – того Сам Бог научит, как молиться Ему. Дух Святой ниспосылает Свою помощь по мере ревности к благочестию, по мере того как человек сильно чувствует нужду в пособии и желает получить оное».

«Молитесь как можно чаще, пойте псалмы поутру, повечеру и в полдень и чаще имейте в руках Священное Писание».

«Будьте незлобивы. Незлобие – источник жизни вечной».

«От ближнего зависит и жизнь, и смерть: если ты приобретаешь брата, то приобретаешь любовь Божию...»

«Несовершенство молитва того, кто замечает и помнит, что он молится. Господь сказал: *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17:21); это значит, что добродетель в нас, ей потребна только наша воля, и состоит она в том, чтобы сохранить душу в той чистоте, в какой ее Господь сотворил... Соблюдаем же Господу душу, как принятый от Него залог, чтобы признал Он в ней Свое творение!»

Гонение при Максимиане привлекло Антония в Александрию, где он служил страдальцам и всячески подвергал себя смертной опасности. Но когда опасность миновала, он заключил, что венец мученичества, к которому он стремился, не предназначен ему; тогда он направился в пустыню, еще более отдаленную, чем та, в которой он жил раньше. Местопребыванием его стала теперь пещера в одной высокой горе. Он обработал клочок земли для хлебного посева и для овощей, чтобы ему не только избавлять других от труда добывать ему пищу, но чтобы иметь некоторый запас для подкрепления посетителей. Народ толпами стекался к нему. К заступничеству его

часто прибегали угнетенные, и оно никогда не было напрасно. Император Константин и его сыновья искали сношения с ним и просили его молитв. Во время арианских споров и смятений Антоний и его иноки были стойкими и могущественными борниками Православия. Престарелый отшельник пустыни с намерением поддержать Афанасия и уничтожить сочувствие к арианскому делу сам посетил Александрию. Народ толпами стекался смотреть на этого странного пришельца, который вел жизнь, столь не похожую на жизнь остальных людей, и с трепетным сердцем слушал его простое, пламенное слово. Когда Антоний возвращался в свою пустыню, Афанасий сам проводил его до ворот Александрии, у которых великий отшельник, преподавая последнее свое благословение, сотворил чудо исцеления над юношей, одержимым злым духом.

Основателем общежительного монашества почитается преподобный *Пахомий Великий*. Родители преподобного Пахомия были язычниками. Богато одаренный от природы, он получил в молодости хорошее образование. В 312 году он взят был в войско кесаря Максимиана, который возмутился против императоров Константина и Ликиния. Среди трудов и лишений похода он имел случай узнать христиан, как они, по заповеди своего Учителя, милосердно и с любовью относились к страждущим врагам своим. Он стал молиться Господу Спасителю, еще не зная Его, и по возвращении с войны крестился, пошел в пустыню и спасался под руководством одного подвижника по имени Полемон.

После пятнадцати лет сокровенных духовных подвигов Господь внушил ему соединить под одно общее правило отшельников, живших отдельно. На одном острове реки Нила (Тавенне) он начал устраивать монастырь. Вскоре этот монастырь не мог уже вмещать всех желавших спастись под руководством святого Пахомия, и он вынужден был основать еще несколько монастырей на берегах Нила, не в дальнем расстоянии один от другого. Он устроил даже один женский монастырь, где первой настоятельницей была его сестра. В своих монастырях он ввел определенные правила, обязательные для всех. Основаниями этого устава были: целомудрие, смирение, отречение

от всего земного и беспрекословное подчинение авве. Монахи жили по трое в каждой келье, вместе занимались рукоделием и вкушали пищу. По несколько раз в день все вместе собирались на молитву. У всех была одинаковая одежда. Общественное богослужение совершалось два раза в сутки, днем и ночью. По звуку трубы или била монахи безмолвно стекались в церковь. Здесь читали Священное Писание, слушали наставление старца, молились, пели псалмы. В воскресенье из соседнего селения являлся пресвитер, совершал литургию и причащал иноков. На работу выходили все в порядке и молчании вместе со своим настоятелем. Без благословения старшего никто не мог ни начать новой работы, ни перейти с одного места на другое. Работа, исполненная тем или другим братом, принадлежала не ему, а всей общине. Пища принималась один раз, именно в полдень, и состояла из хлеба, овощей, плодов; в воскресенье полагалась вечерняя трапеза. Для того чтобы все эти правила неизменно выполнялись иноками, преподобный Пахомий положил не прежде принимать желающих поступить в монастырь, как по годичном испытании. Основанное на таких началах общество монахов еще при жизни святого Пахомия возросло до 7000, а через сто лет после него – до 50 000 человек.

Один из учеников святого Антония, *святая Иларион*¹⁵⁸ перенес монашество на свою родину, в Палестину, и основал обитель близ Газы. Отсюда монашество распространилось по всей Палестине и Сирии. *Василий Великий*, посетивший, по окончании своего образования, обители в Палестине и Египте, водворил монашество в Каппадокии и дал ему строго определенный устав, который сделался всеобщим на Востоке. Один из подвижников V века, *Савва Освященный*¹⁵⁹ (то есть соединивший со званием инока сан священника), учредил обитель близ Иерусалима, в скале, у потока Кедронского и ввел здесь строго определенный богослужебный устав. В Европе восточное монашество нашло себе особенное убежище на горах Олимпийской и Афонской. На последней (на протяжении 30 верст в длину и 20 – в поперечнике) находятся около 20 монастырей, до 800 скитов и около 8000 подвижников.

На Западе монашество распространилось с Востока. Святой Афанасий Великий во время своего пребывания там описал жизнь преподобного Антония Великого и возбудил во многих желание подражать его подвижнической жизни. Такое же действие имел на ревнителей благочестия знаменитый учитель Западной Церкви блаженный Иероним жизнеописанием преподобного *Павла Фивейского*¹⁶⁰. Многие из знатных римлян, мужчины и женщины, отказались от мира для жизни уединенной в пустыне. Но собственно отцом и организатором монашества на Западе почитается *Венедикт*¹⁶¹. Он дал западному монашеству иное, более практическое направление. Он не требовал от своих последователей тех лишений, которые несли монахи на Востоке, а заповедовал им только порядок, воздержание и трудолюбие. В числе трудов, удобных для монаха, он указал на переписывание книг. Благодаря этому многие из творений святых отцов и исторические памятники самой глубокой древности сохранились для потомства в стенах монастырей, основанных Венедиктом.

Велико значение монашества в истории Церкви и в истории духовного возрастания человечества! Иноки действительно удалялись из мира для достижения высшего нравственного совершенства, но и воздействие их на мир было громадное. Уже один взгляд на отрешенную от всего земного жизнь иноков давал людям чувствовать, чего требует от христианина его небесное звание и где его истинное отечество. Слава жизни и подвигов святых пустынников привлекала к ним множество людей, ищущих наставления и утешения. Со всех пределов римского мира стекались ревнители благочестия видеть эту чудную жизнь подвижников. Посетители не только сами учились у них благочестию, но и рассказывали о них другим и записывали их деяния и слова. Собрания деяний и изречений святых подвижников становились учебной книгой и руководством нравственности для всех христиан.

Помогая духовным нуждам ближних, иноки не отказывались, когда имели возможность, служить и временным их нуждам. Добывая себе трудами пропитание, они делились из-

бытком с неимущими. При монастырях были странноприимницы, где иноки принимали, питали и покоили странников. Из иноческих обителей рассылалась милостыня и по другим местам: узникам, томившимся в темнице, бедствовавшим во времена голода и от других несчастий. Способствуя душевному и телесному благу верующих, иночество содействовало распространению веры Христовой и окончательному падению язычества. Высокая жизнь иноков приводила в удивление самих язычников и была для них доказательством святости христианской религии. Иноки являлись в наиболее нужное время для борьбы с еретиками и безбоязненно обличали сильных мира за уклонение от Церкви и Православия. Видя высокое благочестие иноков и их духовную мудрость, архипастыри начали возводить их на священные степени. Впоследствии еще более возвысилось значение иночества. Из среды иноков стали преимущественно, а затем исключительно возводить на высшую священную степень епископа.

Но главная, неоценимая заслуга монашества – это непрестанная молитва: молитва о Церкви, отечестве, о живых и умерших – и соблюдение священнослужения во всей его полноте и красоте.

Глава XIII. Молодость Василия Великого и Григория Богослова

Василий Великий¹⁶² и Григорий Богослов¹⁶³ были одновременно призваны на великое служение Церкви. С самых юных лет таинственно соединили их судьбы Божии, потому имена их нераздельны и в истории.

Оба родились в Каппадокии. Оба начали свое образование в знаменитом Кесарийском училище, оба закончили его в Афинах, и оба на себе испытали великое значение того воспитательного действия, которое берет свое начало в силе примера. Родители и Василия Великого, и Григория Богослова оставили в жизни их светлый след: с младенчества дети привыкли, следуя за ними, ощущать правду и красоту там, где и родители ее ощу-

щали, чувствовать, что конечная цель жизни не здесь, а там, где сложили они себе *сокровище неоскудевающее* (Лк. 12:33).

Вся семья Василия Великого издавна отличалась преданностью Церкви. Отец его был знаменитый учитель красноречия и глубоко убежденный христианин, Мать его Емилия¹⁶⁴, подобно святой Нонне¹⁶⁵, матери Григория, и святой Моники¹⁶⁶, матери Августина, оставила нам поэтичный, светлый образ того, чем должна быть христианская женщина.

Семейство Григория также было известно своим благочестием, хотя отец его смолоду и был язычником. Молитва жены его Нонны привела его к Богу, Он сам не умел еще молиться и не знал псалмов Давида; но вот однажды в сновидении снится ему, что он поет чудную песнь: *Возрадовался я, когда сказали мне: «пойдем в дом Господень»* (Пс. 121:1). Сладко и радостно стало ему на душе... С радостью и весельем он действительно вошел в дом Божий и до конца дней служил в нем сначала в сане пресвитера, а потом епископа.

Мать святого Григория еще более, нежели отец его, имела влияние на воспитание духа великого их сына. Григорий всегда смотрел на мать, как на Ангела Хранителя своей жизни, и в ее молитве видел ту святую силу, которая сохранила его таким, каким желала его любовь ее. В молитве она искала себе прибежища во всех своих испытаниях, и Господь дал ей великую и редкую отраду верить в действительность своей молитвы. Умная, бодрая, крепкая духом, она от всей души делала всякое дело свое. Всегда кроткая и послушная в отношении к мужу, она же была его руководительницей на все доброе, умела любить все, что страдает, и говорила, что готова была бы продать себя и детей своих в рабство, чтобы иметь, чем пособить неимущим.

Все эти черты ее характера с удивительной нежностью описаны самим Григорием в одной из его проповедей. Эта любовь его к матери, как тихий луч, светится сквозь все невзгоды его жизни. «Она для того только касается земли, – так говорил он о матери, – чтобы здешней жизнью приготовиться к жизни небесной».

Двумя обетами жизнь святого Григория была посвящена служению Господу. Первый обет был дан в минуту трепетной

радости, когда исполнилась молитва матери его, и Господь даровал ей сына: она сама отнесла свое дитя в церковь, осветила его младенческие руки возложением их на Священную Книгу, этим предопределяя его быть пресвитером. «Бог даровал меня, – писал об этом впоследствии Григорий, – молившейся светлой моей матери и принял меня от матери, как угодный Ему дар».

Второй обет был дан в минуту ужаса, когда казалось, что все, что было дорого, дороже жизни, погибало в пучине морской: страшная буря настигла святого Григория, когда он направлялся в Афины. Буря эта продолжалась 24 дня. Все погрузилось во мрак, озаряемый только проблесками молнии, которые еще увеличивали ужас этой тьмы... В эту пору Григорий еще не был крещен, ему страшна была мысль отойти из здешнего мира неосвященным, только «жаждущим духовной воды». «Все вокруг меня, – говорит он, – боялись обыкновенной смерти, а ужас моей души насколько был страшнее!» Он молился, проливал слезы, давал обет посвятить всю жизнь одному Богу, если Он спасет его погибающую душу. Господь принял дар этой юной жизни, столь нужной для утверждения Церкви Его. *И сделалась великая тишина* (Мф. 8:26). «Я страдал, – говорит Григорий, – и со мной страдали родители мои: в ночном видении они разделяли со мной мою скорбь и издалека подавали мне помощь молитвой своей». Григорий верил, что именно этой молитве он обязан своим спасением. Случай этот произвел на него глубокое впечатление: он принес себя в дар и чувствовал, что с этой минуты не принадлежит себе.

В Афинах Василий и Григорий снова встретились, дружба их «из искры превратилась в высокий, горящий пламень». Эта дружба была особенно драгоценна в Афинах, в городе, столь богатым соблазнами и ложной мудрости, и ложной красоты. Она дала им силу твердо и радостно быть и называть себя христианами, предпочитая это название всякому другому. Работали они с увлечением, соблюли веру свою, но не чуждались всего прекрасного, что находили и в языческом мире. «Мы не должны, – говорит Григорий, – презирать небеса и землю, и воздух, потому что некоторые по заблуждению поставили их

предметом боготворения, почитая тварь Божию вместо Бога, но, наслаждаясь всем, что есть прекрасного, мы должны постигать Творца из сотворенного и, как говорит Божественный Апостол, пленить всякое помышление в послушание Христу».

После пятилетнего пребывания в Афинах Василий возвратился на родину, а Григорий занял в самых Афинах место учителя красноречия.

Василий уже не застал в живых своего отца; предложили ему занять место отца в училище, но он отклонил это предложение: он стоял как бы на перепутье, не зная, какую себе избрать дорогу. Гордое сознание своего превосходства, то наслаждение, с которым он увлекался красноречием, были силы, манившие его к жизни, не похожей на идеал, созревший в душе его. Его недоумение продолжалось, пока он не принял Таинства Крещения: тогда благодать Божия коснулась его сердца, он предался Богу и решил посвятить себя монашеской жизни.

Монастыри еще были почти неизвестны в Малой Азии, и Василий предпринял путешествие в Египет и Палестину, чтобы ознакомиться самому с образом жизни в пустыне. Глубокое впечатление произвела на него жизнь посещенных им подвижников. Возвратясь, он поселился в уединенном живописном месте на берегу реки Ирисы и здесь в тишине предался изучению Священного Писания. «Бог открыл мне, – писал он оттуда другу своему Григорию, – жилище по сердцу моему: мне дано видеть в действительности то, о чем мы так часто с тобой мечтали». Он с восторгом называет этот мирный уголок земли своей «лестницей, восходящей до небес, своей горой Елеонской!»

Однако жизнь его не могла долго утаиться от людей. В начале было ему тягостно возобновлять общение с миром, но скоро душа его возгорелась любовью ко всем тем людям, которые зывали к нему и, чувствуя в нем человека, *власть имеющего* (Мф. 7:29 и пр.), ждали услышать от него слово жизни. Мало-помалу вокруг него стали селиться подвижники, скоро возникла и обитель. Затем под его же руководством стали устраиваться и другие монастыри – мужские и женские. От этих благословенных обителей веяло миром и тишиной, в тяжкие времена

они привлекали к себе, как источник воды в пустыне: сироты, бездомные, дети, старцы, юноши, утомленные жизнью, и те, которые восторженно отрекались от незнакомых еще им радостей, – все находили убежище в этих священных местах уединения. О них Василий имел особую заботу: он не избрал себе подвига «отшельнического», потому что душе его свойственна была любовь деятельная, и на этой любви основаны им правила монашества, написанные для основанных им монастырей. «Получив заповедь любить Бога, приобрели мы и силу любить. Кто же любит Бога, тот любит и ближнего. И опять, кто любит ближнего, тот продолжает свою любовь к Богу; потому что Бог всякую милость к ближнему приемлет за милость к Себе».

Неоднократно Василий звал к себе своего друга, который к этому времени также вернулся из Афин. Утолив свою жажду знания, Григорий теперь жаждал уединения и тишины, но прежде нежели остановиться на каком-либо решении, он по возвращении в Назианз стал готовиться к принятию Крещения. На Крещение смотрел он как на главное событие своей жизни, которым будут смыты прежние грехи его, и он будет допущен принести в жертву к подножию престола Божия все, что приобрел: свое знание, свою ученость, свои таланты, все свое. «Слово – дар выражения – есть одно, чем я дорожу, – говорил он, – но единственно, как служитель Слова». Жизнь созерцательная вдали от мира давно уже привлекала его к себе, и он, несомненно, принял бы монашество, но любовь к родителям превозмогла. «Она, как груз, влекла меня к земле, – говорит он, – даже не столько любовь, сколько жалость, это благословенное чувство нашей души: жалость к седине, жалость к скорби...»

Григорий остался при престарелых своих родителях и был жезлом их старости, веруя, что этим творит он угодное Богу. Поселиться возле Василия было заветной его мечтой; но он принес ее в дар тем, кто был дорог ему, и лишь короткое время провел он возле своего друга, в красоте лесов, холмов и потоков. Долго потом они оба с восторгом вспоминали эту счастливую пору своей жизни: неизъяснимую сладость молитвы, тихие песнопения, чтение Святого Писания, и тот свет не-

земной, который озарял их душу для разумения тайн Божиих, и тяжелый дневной труд, и добровольные лишения...

Но недолго и Василий наслаждался той жизнью, которую он называл «жизнь по сердцу моему».

И Григорий, и Василий – оба были люди отмеченные: к ним и к подобным им относятся слова Христовы: *да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного* (Мф. 5:16).

Глава XIV. Юлиан Отступник

Со смертью Констанция прекратилась на время власть ариан, но новое бедствие постигло Церковь: неожиданное гонение от язычников. Оно, впрочем, продолжалось недолго и лишь указало, как крепко утвердилась христианская вера и как тщетны и безумны были бы все попытки оживить умирающее язычество.

После Константина Великого оставшиеся в живых малолетние племянники его Галл и Юлиан воспитывались, по повелению Констанция, под надзором христианских наставников из ариан. Они были окружены почетом, но их содержали почти в неволе. Оба они крестились, затем были поставлены чтецами в церкви. Заставляли их строго соблюдать все обряды христианского закона: поститься, посещать гробницы мучеников, делать пожертвования в пользу храмов, но дух Христова учения не коснулся их, никогда образ Христа не был представляем им в настоящем своем свете и величии. Среда, в которой они воспитывались, мало имела влияния на старшего из них – Галла: слабый и физически, и умственно, он ко всему относился одинаково равнодушно и к тому же недолго оставался в живых. Младший же, Юлиан, богато одаренный природой, принял в душу свою впечатления всего того, что с детства его окружало. Он видел вблизи жизнь тех, кому было поручено его христианское воспитание, видел, что эта жизнь была переполнена злобой, враждой, взаимным преследованием, и причину зла стал искать в христианском учении. Ко влиянию же язычества он

относил все то прекрасное и великое, что сквозь прозрачность таинственной дали представляла его воображению жизнь героев Древнего мира, к памяти которых он относился не иначе, как с благоговейным восторгом! Христианства настоящего он не знал, а то, которое думал видеть в жизни близких к нему людей, презирал и ненавидел...

Он жаждал знания; ему долго запрещалось общение с языческими философами, и это запрещение придавало новую привлекательность их учению, тогда как учение, преподаваемое ему людьми, которых он глубоко презирал, могло лишь охладить его душу – живую, беспокойную, любознательную...

Так возрастал он, таё в душе своей ненависть к Церкви Христовой... Наконец, император Констанций признал нужным позаботиться о дальнейшем образовании Юлиана, и для этой цели ему велено было предпринять путешествие по Малой Азии и Греции. В Афинах Юлиан посещал то самое училище, в котором учились Василий Великий и Григорий Богослов, и вполне предался изучению классических наук и языческой философии. Замечательно, что вскоре после первой своей встречи с ним Григорий, которого неприятно поразило гордое, презрительно насмешливое выражение Юлиана, воскликнул, беседуя о нем со своими друзьями: «Какое проклятие в нем готовится себе империя!»

Еще в бытность свою в Ефесе Юлиан на двадцатом году жизни отрекся от Крещения и был посвящен в язычество. В Афинах же он совершил над собою языческий обряд очищения чрез окропление жертвенной кровью и был торжественно, хотя тайно, принят в число служителей богов. Он не смел еще прямо объявить себя язычником, и необходимость притворяться и скрывать свои истинные чувства и убеждения еще усилила в нем ненависть к христианской вере... Император Констанций внезапно умер, Юлиан вступил на престол как единственная отрасль дома Константина; дальнейшее лицемерие стало теперь лишним... Языческая партия ожила: ниспровержение Христианства и восстановление язычества сделались главной целью жизни Юлиана.

Он тотчас же объявил себя почитателем богов Греции и Рима, велел во всех городах открыть языческие капища и, где они были разрушены христианами, построить новые на счет христиан. Он сам принимал деятельное участие во всех языческих торжествах и говорил, что звание верховного жреца для него почетнее и драгоценнее, нежели сам титул императора. Окружив себя языческими философами и софистами и будучи сам образован и учен, он вместе с тем вдавался в языческие суеверия, верил гаданиям и заклинаниям, старался узнать будущее по внутренностям жертвенных животных, считал за великую честь принимать участие во всех языческих обрядах, вставал ночью, чтобы совершить молитву идолам, начинал день жертвоприношением в честь Солнца, которое чувствовалось в особенности.

Юлиан понимал, однако, что язычество не может иметь силы, если не преобразуется и не очистится. Христианский закон явил миру образец нравственной чистоты, которая внушала уважение и удивление даже неверующим; и так безнравственность язычества должна была неприятно поражать лучших людей между язычниками. Юлиан старался перенести в язычество дух чистоты и добродетели, свойственных Христианству. Он запретил жрецам являться на публичные увеселения, требовал, чтобы они вели жизнь чистую и воздержную, предлагали народу нравственные поучения; велел устраивать при капищах странноприимные дома и больницы, на содержание которых выдавать деньги; «Стыдно нам, – говорил он, – что “галилеяне” (так звал он христиан) содержат не только своих бедных, но еще и наших».

Желая заменить Христианство преобразованным язычеством, Юлиан, однако, не хотел открыто преследовать христиан: он хорошо понимал, что «кровь мучеников есть семя христианской Церкви», и надеялся иными путями подавить столь глубоко им презираемую веру... По восшествии на престол он объявил, что каждый из его подданных свободен поклоняться тому божеству, которое считает истинным. Затем он возвратил из ссылки всех изгнанных за веру. Эта глубоко обдуманная мера

имела двоякую цель: достигнуть похвалы за веротерпимость и нанести удар Христианству, возвратив тех изгнанников, которые могли снова вселить раздор и смуту в дело Церкви.

Однако скоро он познал свою ошибку: общая опасность от возрождения язычества сплотила все партии, заставила умолкнуть все те споры, которые так долго раздирали Церковь... Ненависть Юлиана теперь главным образом обратилась не на массу народную, исповедовавшую христианскую веру, но на тех вождей и пастырей Церкви, которых он сам этому народу возвратил... Особенно опасался он влияния Афанасия, признаваемого повсюду главной опорой веры и Церкви Православной.

Возвращение Афанасия к александрийской пастве было народным торжеством, о котором современники вспоминали с умилением, сравнивая его со входом в Иерусалим. Весь город, от мала до велика, выступил ему навстречу с восторженными восклицаниями, песнями и благодарственными молитвами. Афанасий принялся немедленно за восстановление мира в возмущенной распрями пастве: умея соединить мудрую строгость с кротостью, он старался покрывать снисхождением вины многих, отступивших в смутное время от Православия.

Юлиан с раздражением следил за каждым его действием; не прошло еще и года от возвращения Афанасия, как императорским указом было повелено ему удалиться из Александрии в силу того, что указ, возвративший изгнанников, не имел в виду восстановление епископов на кафедры, которые они занимали до изгнания. Афанасий немедленно выехал из города; а когда православные обратились к царю с просьбой возвратить епископа, это еще более раздражило Юлиана, и он велел изгнать Афанасия даже из Египта. И этого казалось мало. Вскоре пришло повеление разрушить главную церковь в городе и предать Афанасия смерти, если найдут его где-либо в Египте. Христиане со слезами провожали любимого епископа; он утешал их и говорил: «Не плачьте, это небольшое облако; оно скоро пройдет». Он на ладье поплыл по Нилу в Фиваиду. Воины, имевшие повеление умертвить его, последовали за ним. Они уже почти настигли его, но Афанасий велел обратить лодку и

плыть им навстречу. Воины, не ожидавшие этого, не узнали его. «Далеко ли Афанасий?», – спросили они. «Нагоните скоро, если поспешите», – отвечали им спутники епископа. Они продолжали плыть, а Афанасий вышел на берег и вновь нашел убежище у пустынных подвижников. Изыскивая все способы, чтобы унижить христиан, Юлиан уничтожил все христианские символы на общественных зданиях и на знаменах, вводя повсюду статуи и символы языческих богов, не упускал случаев насмеяться над Христианством и в публичных речах своих и в сочинениях. Христианское духовенство он лишил всех прежних льгот и запретил делать завещания в пользу Церкви. В христианских училищах запретил изучать классических писателей древности под тем предлогом, что христианам довольно своих священных книг, так как сами их учителя хвалятся не мудростью, а невежеством и простотой. Наконец, для посрамления их верования он решил, хотя и обманом, вовлечь их в совершение языческих обрядов и приказал кропить кровью идольских жертв припасы, продаваемые на рынках. Господь не попустил такого посрамления верных. Предание гласит, что на первой неделе Великого поста епископу Константинопольскому явился ночью святой мученик Феодор Тирон¹⁶⁷ и сказал: «Запрети христианам употреблять в пищу купленное на рынке; а пусть те, которые не имеют других запасов, сварят у себя пшеницу с медом». С этих пор ведется в Церкви обычай приносить на первой неделе Великого поста коливо в память святого мученика Феодора Тирона.

Зная ненависть иудеев к христианам, Юлиан стал оказывать особенное покровительство иудеям и верованиям и обрядам иудейским. Он задумал приступить к восстановлению храма Иерусалимского, надеясь нанести этим чувствительный удар Христианству и доказать ложность пророчеств о разрушении храма. Иудеи приняли это предложение с восторгом. Восстановление храма было любимой мечтой несчастного народа; с возобновлением древней святыни связывал он надежды на величие и славу. Иудеи вновь возмечтали о независимости и толпами поспешили в Иерусалим. Уверенные в покровитель-

стве царя, иудеи стали везде наносить оскорбления христианам; во многих городах они предавали их истязаниям, везде безнаказанно ругались над их верой. В Иерусалиме особенно положение христиан сделалось крайне тяжелым от оскорблений, которые наносили им торжествующие иудеи. Между тем приступили к работам.

Но едва успели расчистить место и приготовить материалы для постройки, как страшное землетрясение с бурей и вихрем разметало все заготовленное, и множество работников было завалено обломками и камнями. Оставили на время работу; когда же опять приступили к делу, произошло новое землетрясение, страшнее первого. На этот раз остатки еще уцелевшего основания были вырваны из земли, орудия разнесены вихрем, пламень клубами вспыхивал из земли и опалял работников. Ужас объял иудеев; они оставили предприятие, убедившись, что Сам Бог против них; многие уверовали и крестились.

В военных делах с германцами и персами Юлиан показал себя искусным полководцем, но последний задуманный им поход на Персию был неудачен и стоил ему жизни. Двинувшись со значительными силами, на пути он посещал знаменитейшие языческие капища, совершал усердно жертвоприношения и вопрошал оракулов, давал щедрые пособия на возобновление разрушенных языческих храмов, обещая открыть их торжественно на возвратном пути. Ободренный первыми успехами своего оружия, он зашел далеко за Евфрат, сжег за собой флот, понадеявшись на верный успех предприятия, но, внезапно окруженный персами в опасном месте, был смертельно ранен в сражении неприятельской стрелой. Утверждают, что перед смертью, в отчаянии, захватил он в горсть крови, текущей из раны, и бросил ее на воздух, воскликнув: «Ты победил, Галилеянин!» Так он скончался в 363 году.

Он хотел устранить веру, принесшую миру святыи идеалы, святую отраду, но только успел закалить ее новым страданием; с его жизнью закончилось возрождение язычества.

На следующий день был избран императором Иовиан¹⁶⁸ – христианин. Войско объявило себя христианским, и

на возвратном пути армии священный лабарум¹⁶⁹, предшествовавший войскам, возвещал всем народам, какой вере принадлежит новый император. Водворился мир. Христиане радовались, проповедники возбуждали к кротости и незлобию, и нигде радость не омрачилась гонением на язычников. Но скоро эту радость сменила печаль... Миновало гонение от язычников, настало снова гонение от ариан.

По смерти Юлиана Афанасий вернулся на свою египетскую кафедру, которой он спокойно правил во все время непродолжительного царствования Иовиана. Когда новый владыка Востока арианин Валент¹⁷⁰ стал изгонять всех православных епископов, и Афанасий подвергся изгнанию, однако мольбы преданной его паствы побудили императора согласиться на его возвращение. В то время, когда дело, которому посвящена была вся его жизнь, подвергалось преследованию во всех других частях Восточной империи, великому поборнику Православия было дано провести свои последние годы в мирном обладании той самой кафедрой, на которую с ранней его молодости поставила его рука Божия. Он скончался в мае 373 года.

Продолжительная борьба святого Афанасия с царской властью и уже одно то, что императоры столько раз принуждены были с ним вступать в борьбу, свидетельствуют о том духе свободы, который в эти дни всеобщего нравственного порабощения сохранился в Церкви Христианской.

Глава XV. Святой Василий Великий и святой Григорий Богослов. Второй Вселенский Собор

В истории борьбы Церкви с арианством Василий Великий выступает сильным защитником Православия в то время, когда святой Афанасий Александрийский уже сходил со своего поприща, и является соучастником и продолжателем его великого дела, сперва в сане пресвитера и затем архиепископа обширной кесарийской епархии.

Епископ Кесарийский Евсевий, когда почувствовал, что управлять одному обширной своей епархией ему не под силу

в столь трудную пору, призвал к себе Василия, посвятил его в пресвитеры и поручил ему часть своего служения. Он трудился неутомимо, и мало-помалу все управление Церкви перешло в его руки, так что в действительности епископом стал собственно Василий. Проповедовал он слово Божие ежедневно, иногда даже два раза в день, утром и вечером, и проповедь привлекала такую массу народа, что он иногда был вынужден сокращать свои беседы, чтобы слишком долго не отвлекать рабочих от их работ.

Имя святого Василия знаменито в истории церковных дел и церковного управления на Востоке; но особенно близка и понятна православному сердцу деятельность его как народного проповедника. Толпами стекались к нему простые и бедные люди, а он вдохновенным своим словом учил их возвышаться к Богу созерцанием природы, описывал им чудеса мироздания и благодать Создателя. Мысль его была направлена к Богу и вечности; но он сохранил притом и природную нежность души и живость воображения, так что величественные картины природы служили для него средством привлечь к Богу верующие души. Итак, святой Василий вместе с Григорием оставили Церкви первый образец красноречия, направленного к духовному просвещению народа, к исправлению нравов и к утешению скобящихся и бедствующих.

Вся жизнь святого Василия была как бы выполнением апостольской заповеди: *радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими* (Рим. 12:15). Любовь его была всегда деятельная, и его милосердие простиралось ко всем бедным, страждущим по какой бы то ни было причине. Все они, говорил он, одинаковое имеют право на сожаление и также смотрят на руки наши, как мы на руки Божии, когда чего просим.

В 368 году обширная область Кесарийская потерпела от страшного неурожая. Подвоз хлеба из других мест оказался недоступен по дороговизне доставки, так что вся страна подверглась бедствиям голода. Страдание народа стало страданием и его пастыря, в эту тяжкую годину он был *всем для всех* (1 Кор. 9:22).

И примером, и силой своего слова сумел он воздействовать на тех, кто мог прийти на помощь страждущему народу. «Земле-

дельцы, – говорит святой Василий в трогательном своем слове, – сидя на нивах и сложив руки на коленях, посмотрят на малюток своих и начнут рыдать... устремят взор на жен и залиются слезами; потрогают и пощупают сухие листья взошедших стеблей и громко зарыдают, как отцы, потерявшие сыновей, достигших цветущего возраста... Какого же достоин наказания тот, кто пройдет мимо?.. Что еще можно прибавить к такой жестокости? Кто имеет возможность урочевать зло, но добровольно и по любопытности откладывает это, того по справедливости можно осудить наравне с убийцами!» (Беседы Василия Великого).

Все свое имение он немедленно продал, чтобы на вырученные деньги прокормить голодающих. Все приходившие к нему получали хлеб без различия возраста и народности. Умиленным и строгим словом, так же как и этим своим примером, он тронул сердца богатых и побудил их открыть и свои житницы. Так сделался он как бы новым Иосифом¹⁷¹ для страждущей Кесарии.

По смерти Евсевия в 371 году вся Кесария пожелала иметь Василия епископом.

Царствовал в это время император Валент. Он был совершенно ослеплен ересью Ария и пользовался своей властью, чтобы всячески покровительствовать арианам и притеснять православных. Между главными мерами к ослаблению Православия было изгнание из Церкви православных епископов и замена их арианскими. Среди всех этих гонений на Православие архиепископ Кесарийской церкви, славный умом, познаниями и добродетелями, естественно обращал на себя особенное внимание как православных, которые надеялись иметь в нем оплот Православия, так и ариан, видевших в нем главное препятствие своим замыслам. И точно, подвигнуть такой светильник с места нелегко было для самого повелителя Востока, поэтому Василий оставался на своем престоле, когда вокруг него уже многие места епископские были заняты арианам. Святой Василий был истинно евангельским епископом – отец народу, друг бедным и бедствующим, в вере непреклонный, неутомимый и неистощимый в благотворении.

Его заботами в Кесарии и окрестностях устраивались приюты, странноприимные дома, больницы. В одном из отделений кесарийской громадной, великолепной больницы был в первый раз устроен приемный покой для прокаженных. Прокаженные возбуждали к себе особую нежность святого Василия; он без слез не мог смотреть на этих страдальцев, которые терпели самое великое зло: чувствовали себя от всех ненавидимыми за одно только то, что подверглись несчастью... «Они братья наши по Боге, – говорит святой Василий в умиленном слове, произнесенном здесь же, в этом убежище, – братья, получившие одинаковое с нами естество, так же как и мы, одаренные образом Божиим и хранящие его, может быть, лучше нас; хотя и истлели телом, но во единого облечены Христа; за них, равно как и за нас, умер Христос, и они суть сонаследники небесной жизни, хотя отчуждены от земной, и страдают они со Христом, дабы с Ним прославиться! Что же мы? Презрим ли их? Пробежим ли мимо? Оставим ли их, как мертвецов, как страшилищ? Нет, братья! Не тому учит нас, овец Своих, добрый Пастырь Христос, обращающий заблудших, взыскующий погибших, укрепляющий немощных... Не то внушает нам и природа человеческая, которая вложила в нас закон сострадания». Святой Василий не гнушался ими, часто посещал их, обнимал, давал им великую радость чувствовать близость любви своей.

Данное Василию прозвище «Великий» объясняется тем особенным впечатлением, которое он производил на своих современников... Вся его внешность: осанка, бледное, изможденное лицо, глубокий взгляд, спокойная важность телодвижений – возбуждала во всех чувство благоговения... «Одна его улыбка была похвалой, а молчание укоризной». Враги его не могли не сознавать нравственной его силы, а друзья с восторгом подчинялись ей. Влияние Василия на духовенство было так велико, что при нем оно достигло высшей степени достоинства, и епископы чужих епархий просили у него пресвитеров для своих церквей.

Он сам любил красоту церковную, благолепие храма, гармонию в богослужении, и это чувство внушал окружающим его; два раза в его жизнеописании упоминается о его служе-

нии в церкви, и оба раза говорится о том особом впечатлении, которое оно производило на душу. Святой Ефрем Сирийский¹⁷² и император Валент, люди столь разнородные, оба восприняли одно впечатление при виде торжественного величия этого служения. «Я видел на ступенях алтаря дома Божия, – говорит увлеченный своим восторгом святой Ефрем, – видел этот сосуд избранный стоящим пред лицом своей паствы, украшенным и обогащенным словами, сияющими, как драгоценные камни. На плече у него, казалось мне, сидел белый, как снег, голубь и шептал ему на ухо, а все собрание светилось божественным сиянием благодати».

В храме же и при совершении богослужения была встреча святителя с императором Валентом. При обозрении подвластных стран императору однажды приходилось проезжать и по Кесарии. Не желая иметь столкновение и вступать в прения с епископом, который держался иного учения, и думая, что нетрудно будет его привлечь на свою сторону, царь предварительно поручил префекту Модесту¹⁷³ расположить Василия к общению с арианами. Модест, приехав в Кесарию прежде императора, тотчас приказал потребовать к себе святого Василия. Святой Василий явился перед ним с обычным ему спокойствием, как будто пришел он на праздник, а не на суд. Модест, окруженный ликторами с прутьями и топорами в руках, сначала обошелся со святым Василием почтительно и льстивым образом убеждал его исполнить волю императора, признать арианство. Но когда увидел средство это безуспешным, то принял грозный вид и в чрезвычайной досаде, не удостоив святого Василия и имени епископа, сказал: «Василий, что это? Как смеешь ты упорствовать против столь великого императора, притом один и так нагло?» Василий объяснил, что не может принять заблуждения ариан. Модест стал грозить ему изгнанием, лишением имущества, смертью.

«Это и все? – сказал Василий. – Ничто из этого не устрашает меня. Тот, у кого ничего нет, не может быть лишен имущества, если только не пожелаешь отобрать несколько книг, которые составляют мое имение. Изгнание? Я не имею поня-

тия о нем. Я не связан ни с каким местом. Та земля, на которой я теперь обитаю, не моя; а всякая земля, в которую я могу быть заброшен, вся моя или скорее вся Божия, на которой я только странник и пришелец. А что касается до смерти, то смерть есть благодетельница, так как она приведет меня к Богу, для Которого я живу и Которому я служу».

Величие Василия изумило префекта. «Доселе никто так не говорил со мною», – сказал он.

«Вероятно, тебе не случалось говорить с епископом», – спокойно отвечал Василий.

Между тем Валент прибыл в Кесарию, и Модест немедленно донес ему, что епископ победил его, что на него не действуют ни угроза, ни ласка, и остается одно – употребить насилие. Валент, выслушав все, невольно в душе своей почувствовал к святому Василию какое-то особое влечение; он, быть может, даже сознавал, что истина с ним, но оставить арианство ему было стыдно. Он начал искать случая, чтобы изъявить святому Василию хотя бы свое глубокое уважение.

Случай скоро представился. Наступил торжественный праздник Богоявления. Валент в сопровождении своих телохранителей вошел в храм, где святой Василий совершал богослужение, и стал между православными мирянами, показывая этим как бы свое общение со святым архиепископом. Церковь была переполнена народом: люди, как волны морские, теснились, налегая друг на друга, но ничто не нарушало тишины. Неслось стройное праздничное пение; за престолом, обратясь лицом к народу, стоял сам архиепископ: он ни взглядом, ни знаком не показал, что замечает присутствие императора. Высокый, стройный, он стоял неподвижно во всем величии своего архипастырского облачения, с посохом в руке; глубокий, пламенный взор его устремлен был на святой престол. Вокруг него в благоговейном порядке стояли пресвитеры и диаконы, будучи похожи скорее на Ангелов, нежели на людей.

Красота святости наложила свой особый отпечаток на всех служащих, и тихий свет благодати осенял молящихся. Робкий, впечатлительный Валент был потрясен до глубины

души величием этой картины. Его волнение было всеми замечено, когда он подвинулся вперед и дрожащей рукой хотел подать свое приношение на жертвенник; никто из духовных, не зная воли архиепископа, не посмел принять его от императора; Валент пошатнулся и непременно бы упал, если бы один из пресвитеров не поддержал его. Тогда святой Василий, видя, что император предлагает приношение не с гордостью, а со смирением, захотел лучше несколько ослабить строгость церковных постановлений, нежели пристыдить его при всем народе. Он принял его приношение сам. Через несколько дней после этого император опять пришел в церковь к святому Василию и слушал его поучение, потом выпросил себе у него позволение войти в алтарь, где и вступил в желанную беседу с ним. Святой Василий долго и с чрезвычайной силой говорил ему об истинном учении веры. Император слушал его весьма внимательно и, казалось, несомненно признал сторону святого Василия действительно правоверной. Он сделался благосклонен к православным и велел прекратить гонение на них.

Эта царская милость продолжалась весьма недолго. Едва прошло несколько дней, как униженная гордость придворных и хитрость арианских епископов успела снова возбудить в императоре гнев на святого Василия и, не задумываясь, он подписал ссылку святого архипастыря. Велико было торжество ариан, глубока печаль православных. Вероятно, для того, чтобы не произошло возмущения в народе, святой Василий должен был выехать из города до рассвета в первую ночь по получении приговора.

Но Бог очевидным образом вступился за святого и всемогуществом Своим тотчас дал всему течению дел совсем иной вид. В эту самую ночь шестилетний сын императора сделался опасно болен. Император призвал искуснейших врачей, но врачи отказали в надежде. Он сам усердно молился Богу, многократно повергаясь на землю, но тщетно. При этом вдруг вошла императрица, встревоженная ужасным сновидением; терзаемая скорбью о потере сына, она сказала своему супругу, что болезнь сына послана в наказание за оскорбление архиепископа; император, стыдясь своего поступка со святым Василием,

поспешно отменил приговор и послал просить молитв епископа. Ребенок выздоровел. Валент уже не тревожил Василия; и гонение, сильное во всех областях, миновало Каппадокию.

Святой епископ Кесарийский недолго наслаждался водворением мира: в постоянной борьбе с противниками Православия истомилась душа его. Труды, невзгоды жизни сломили его. Он скончался 1 января 379 года. Друг его, Григорий, не мог присутствовать при его кончине, потому что сам в это время был опасно болен. Последние слова святого Василия были: *в руки Твои предаю дух Мой* (Пс. 30:6; Лк. 23:46).

Имея великую заботу о достоинстве и благолепии богослужения, святой Василий много для него потрудился. Он составил величественный чин литургии, известный под его именем. Принимая во внимание немощь молящихся и полагаясь на ревность избранных пресвитеров, он на литургии сократил общие молитвы, расширив в то же время молитвы священнослужителей. Состав утреннего богослужения устроен по его указаниям и наставлениям. Многие известнейшие православные молитвы Часослова и Псалтири, равно и из правила к причащению, составлены им же. Наконец, чудно-таинственные молитвы о ниспослании нам Духа Святого и об упокоении усопших, которые с коленопреклонением читаются в день Святой Пятидесятницы, тоже его творение. В своих писаниях святой Василий оставил Церкви сокровище мудрости, красноречия и священной поэзии. Вот что говорит о них святой Григорий: «Когда я беру в руки и читаю “Шестоднев”¹⁷⁴, то прихожу в общение с Творцом... Когда читаю книги, написанные им о Святом Духе, я нахожу Бога... Когда читаю другие его толкования, я слышу, как бы это был один глубокий призыв от одного к другому, вижу свет, стремящийся к свету, и постигаю значение Священного Писания».

Святой Василий родился быть властелином; чувство христианского смирения с трудом подавляло в нем сознание своего превосходства над людьми. «Василий, – говорит Руфин¹⁷⁵, один из его современников, – был смирен пред Богом; но Григорий был смирен и перед людьми». Сам Григорий не защищает его от этого обвинения, но доказывает, что если и была его

гордость велика, то она терялась в бездне любви, милосердия и нежности к меньшей братии.

В продолжение всего царствования императора Валента, т[о] е[сть] в продолжение около 40 лет, в Константинополе были поставляемы исключительно арианские епископы. И епископы, и гражданские власти назло православным покровительствовали всяким лжеучениям; всевозможные ереси разглашались свободно, и страсть к богословским спорам и прениям объяла все народонаселение; на улицах слышались беспрестанные прения; ремесленники, лавочники спорили о Божественности Христа, об отношении Его к Богу Отцу, утверждали или отвергали Божественность Духа Святого.

Между тем как все лжеучения исповедовались свободно, никейское вероисповедание было постоянно преследуемо. Православные не имели в Константинополе ни одной церкви; они собирались втайне для богослужения, иногда в горах и лесах, где часто на них нападали враги. Никогда еще Православная Церковь не терпела такого угнетения, не нуждалась так в крепкой защите. По смерти императора Валента, одушевленные проблеском новой надежды, православные обратили свои взоры на Григория Назианского, как на единственного человека, который мог собрать около себя православное стадо и из развалин воссоздать их расстроенную Церковь. Они поспешили написать к нему, умоляя его прибыть в Константинополь и взять на свое попечение малочисленную Церковь Православную.

Святой Григорий, по воле отца своего и против своей воли, был рукоположен в пресвитеры; против своей воли, по воле друга своего Василия, был возведен в сан епископа. Он в трепетном ужасе взирал на таинство священства и не считал себя вправе служить у алтаря «великого Бога нашей жертвы и нашего Первосвященника». То, что он, однако, принял это служение, легло тяжелым гнетом на его до болезненности чуткую душу. Настроение его никогда не было жизнерадостным; тем не менее, он изнемогал и принужден был искать себе успокоения в тиши сельского уединения. Но никогда еще жизнь не

казалась ему мрачнее, нежели именно в это время: «Я потерял Василия, – писал он к одному из своих друзей, – потерял моего духовного брата и могу сказать с Давидом: *отец мой и мать моя оставили меня* (Пс. 26:10). Здоровье мое слабо, друзья неверны. Церковь без пастырей, все, что есть хорошего, гибнет, зло выступает обнаженное. Мы плаваем во мраке, и нигде не видно маяка... Христос почивает».

В призыве Константинопольской церкви Григорий почувствовал определение воли Божией. Наступила теперь самая деятельная пора его жизни, хотя ей суждено было ограничиться лишь тремя достопамятными годами.

Все дело возрождения Церкви в Константинополе Григорий совершил силой духовной и удивительным красноречием своей проповеди. Во всех внешних отношениях он далеко не соответствовал ожиданиям тех, кто призвал его. Они заочно слышали о его громкой славе и ожидали увидеть человека, сразу поражающего величием и блеском. Вместо того они увидели человека малого роста, тощего, болезненного. Его истощенное заботами лицо, которое так часто орошалось слезами, носило отпечаток обычной грусти, его бедное одеяние более походило на одежду нищего, нежели на одежду епископа. И тем не менее Григорий скоро заставил всех забыть все эти первые невыгодные впечатления, выполнил все, и даже больше того, чего от него ожидали. Он отдал свою чистую душу на служение Церкви, и святость его кроткой, смиренной жизни, как солнечный луч, пригрела всходы на той заглохшей Божией ниве, которую он в терпении принялся возделывать вновь.

Прибыв в Константинополь, он остановился у родственников; и в их доме скоро устроилась церковь, в которой стал он совершать богослужение и проповедовать. Он назвал эту церковь Анастасией, что значит воскресение, надеясь, что тут воскреснет Православие.

Сначала немного слушателей посещало его бедную церковь, но после каждой проповеди число их увеличивалось. Скоро малая церковь стала тесна; никогда еще в Константинополе не слышалось такого могучего, убедительного слова;

язычники, еретики, равнодушные миряне, приходившие из любопытства послушать нового проповедника, были увлечены его красноречием.

В то время проповедники обыкновенно начинали свою проповедь словами «мир всем», а народ отвечал: «и духу твоему». Григорий этим воспользовался, чтобы произнести свою знаменитую проповедь о духе мира. «Бог, – говорит он, – с особенным благоволением открывает Себя как Любовь, а мы, боготворя Того, Кто есть Любовь, почему же ненавидим друг друга? Мы проповедуем мир: почему мы ведем яростную войну?» Он боролся против заблуждений ереси с энергией, твердостью и искренней серьезностью, но вообще его образ действий отличался необыкновенно кротким обращением со всеми – мало-помалу он себе завоевывал сердца людей. Когда же с кафедры Анастасии раздались его высокие беседы о богословии, то множество самых отъявленных противников его были окончательно побеждены, громкие рукоплескания и восклицания часто прерывали его речь, и за ним навсегда утвердилось название Богослова. Тем не менее ему приходилось выступать против целой бури ненависти и злобы. Приходилось постоянно слышать издевательства и насмешки от ариан. Встречая его, осыпали ругательствами по поводу его убогого, смиренного вида, часто метали в него камнями, даже и жизнь его не раз была в опасности.

Силы стали уже изменять ему; однажды в беседе своей он намекнул на то, что, быть может, ему придется оставить Константинополь. Тогда поднялись рыдания в церкви, и один из слушателей громко воскликнул: «Если ты изгонишь себя самого, ты изгонишь учение о Троице из нашей Церкви!» Эти слова так подействовали на Григория, что он тут же обещал не покидать свою паству. Заветное желание его было – вернуть народу утраченное им православное учение о Святой Троице; в одной из бесед своих он в порыве увлечения восклицает: «Держаю сказать с Апостолом: столько люблю вас, что готов *быть отлученным от Христа* (Рим. 9:3), только бы вы стояли с нами и вместе прославляли мы Святую Троицу».

Григорий, как и Василий Великий, восторженно любил природу. Он мог находить действительный мир в вере и молитве, но и вера, и молитва разгорались у него в общении с красотой природы. В своих беседах он радостно говорит и о свете солнечном, и о сиянии луны, о зеленеющей траве, о благоухании цветов, о журчании ручьев, о щебетании птиц, обо всей красоте Божия мира, восхваляющей Бога голосами неизреченными.

После недолгого отсутствия Григорий возвратился на свое служение, и возвращение его было вскоре ознаменовано окончательным торжеством той Церкви, для которой он был главной опорой.

Около этого времени прибыл в Константинополь вновь избранный молодой император Феодосий Великий¹⁷⁶. В последний раз в лице его было восстановлено единодержавие в великой Римской империи. Мудрый, полный энергии и силы, он доказал на деле, что может сила христианского нравственного закона; вспыльчивый и страстный по природе, он старался обуздывать порывы гнева своего и не поддаваться своим страстям, умел чувствовать раскаяние, приносить покаяние, был милосерден и великодушен. Указами, им изданными, был нанесен последний удар язычеству. Крещение он принял от православного епископа Солунского, признал за единственно истинное никейское вероисповедание и объявлял еретиками всех отвергавших оное. В то же время он повелевал возвратить православным церкви, отнятые у них арианами. Арианский епископ выехал из Константинополя, а Григорий был торжественно введен в соборный храм самим императором, при кликах православных: «Григорий – епископ!» Эта торжественность была тягостна смиренному Григорию, как видно из его собственных слов. Он шел неохотно, с поникшей головой, видел вокруг себя толпы ариан, недовольных, безмолвных, уступавших лишь силе. Самое небо, казалось, не благоприятствовало торжеству: погода была пасмурна, небо покрыто тучами; но едва Григорий вступил в святилище, как яркие лучи солнца блеснули из-за туч. Народ признал это счастливым предзна-

менованием и громкими, радостными восклицаниями приветствовал нового православного епископа.

Григорий продолжал в отношении еретиков действовать лично с замечательной кротостью. В проповеди своей он отличал их сильным словом, но всячески удерживал императора от строгих мер преследования. Между тем арианство под сильным покровительством императорской власти успело пустить глубокие корни в Империи и само породило множество различных толков, друг с другом препиравшихся. Важнейшая из этих сект была секта духоборцев. Арианству, отрицавшему Божественную сущность Иисуса Христа как лица Святой Троицы, естественно было дойти и до отрицания Божественной сущности Духа Святого. Это лжеучение, начавшееся от арианина Евномия¹⁷⁷, приобрело особенную силу и распространилось под покровительством Константинопольского епископа Македония¹⁷⁸, под именем которого оно и известно. К этому лжеучению принадлежало в 380 году не менее 36 епископов.

Итак, через 55 лет после Никейского Собора оказалось необходимо вновь утвердить на Вселенском Соборе правду православного учения. Собор этот созван был императором Феодосием в Константинополе в 381 году. Съехалось до 150 епископов с Востока, и Собор открылся под председательством Мелетия Антиохийского¹⁷⁹, который, впрочем, скоро скончался; тогда место его как председателя на Соборе занял Григорий.

Македонианские епископы, прибыв по вызову, отказались принять участие в Соборе и удалились. Тогда отцы Собора, рассмотрев в совокупности все ереси, возникшие в связи с арианством, осудили их, затем, подтвердив Никейский Символ Веры неизменно, присовокупили к нему изъяснение правой веры о Духе Святом, о Церкви, Крещении, воскресении и будущей жизни.

И в Духа Святаго, Господа, Животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном споклоняема и сславима, глаголашаго пророки. Во Едину Святую Соборную Апостольскую Церковь. Исповедую едино Крещение во оставление

грехов. Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Так составилась вполне Никео-Цареградский Символ Веры.

Канонами этого Собора, которых всего семь, были решены споры о перекрещивании еретиков и узаконено в первый раз распределение церковных властей и управлений применительно к распределению гражданского областного управления в Римской империи. В столичных городах учреждены патриаршества, именно: в Риме для Запада, в Константинополе для Востока, в Александрии для Африки, в Антиохии для Азии; Иерусалим, хотя и не считался столицей, но по священному значению этого города епископ его уравнен с патриархами. Риму, по старшинству древности, присвоено первое место, а Константинополю, второму Риму, – второе. В состав патриархата входили епископы больших и малых городов с их округами. Это распределение управления остается в силе и донныне; но в то время некоторым важным городам присвоено было управление независимое от патриархов, в ведении экзархов.

Святой Григорий не остался до конца на Соборе. Его утомили нескончаемые споры и разногласия епископов, силы его истожились, и он просил отпустить его в пустынное уединение. Собор окончился уже под председательством нового патриарха Нектария.

Трогательно было прощание его с паствой, которую он покидал навсегда, и прощальная речь его к народу служит знаменитым памятником его красноречия. Великая забота его в эту минуту была о том, кто будет ему преемником, кто станет продолжать его дело. «Дайте мне, – восклицал он, – преемника, имеющего чистые руки, образованного, достойного ходить в звании своем». Этому завету Григория суждено было осуществиться лишь в 398 году, когда после Нектария вступил на константинопольскую кафедру святой Иоанн Златоустый.

Последние шесть лет своей жизни Григорий провел в тихом убежище своей дачи близ Назианза, оставшейся после отца. Часто обращались к нему с просьбами прибыть лично на церковные Соборы, но Григорий, слабый и больной, мог только на письме принять участие в делах Церкви. Он вел строгую,

подвижническую жизнь; молитва и занятия, с молодости любимые, услаждали его одинокую старость. Он любил в звучных стихах излагать воспоминания о прошедшей жизни: описывал и счастливое детство в родительском доме, и нежную дружбу с Василием, пустынные труды, скорби и немощи души среди бурь житейских. «Изнуренный болезнью, – писал он, – в стихах находил отраду, как престарелый лебедь, пересказывающий сам себе звуки своих крыльев».

Великий святитель отошел к Господу в 387 году. Он один из немногих, кого рано коснулась благодать, и чистая жизнь его с самого детства вся перевита, как одной неразрывной нитью, чувством любви к Церкви и ко всему святому.

Глава XVI. Святой Иоанн Златоуст

Иоанн, «свотильник мира, учитель вселенной, столп и утверждение Церкви», представляет собой самый величавый образ проповедника первых веков Христианства. Его грозное, огненное слово и обличило, и осветило древний мир, по имени христианский, но погруженный в бездну разврата и всякого беззакония; оно вызвало подъем его духовных сил, привело его на путь возрождения. Но злоба людская восстала на Иоанна, и, осужденному ею, надлежало ему окончить славную жизнь свою в тяжком изгнании.

Родился он в Антиохии в 347 году в богатой и знатной семье. Отец его скончался, когда он был младенцем в колыбели, а матери его Анфусе тогда не было еще 20 лет. Всей горячностью страстной и скорбно-одиноким души она привязалась к своему ребенку, в чертах его думалось ей видеть как бы отражение другого дорогого образа; она забыла красоту свою и молодость, и вся ее жизнь точно ушла в жизнь ее сына. Она воспитала душу его; то, что дала ему ее любовь, осталось для него тем чистым источником, из которого он черпал отраду и силу до конца своей жизни.

Образование Иоанн получил в школах языческих, так как по повелению императора Юлиана в христианских школах

было воспрещено преподавание всех высших наук. Своими блистательными способностями и столь же блистательными успехами он поражал и товарищей, и преподавателей. Одаренный способностью познавать все прекрасное, он не мог не поддаться обаянию языческой философии, но устоял против ее воздействия на убеждения, уже воспринятые его душой. Также устоял он и против соблазнов мира, которые со всех сторон окружили его по выходе из школы.

Восторженный, впечатлительный, он искал себе в жизни постоянного возбуждения, и светская жизнь Антиохии с ее шумными развлечениями при тех восторгах, которые возбуждали удивительное его красноречие, сразу дала ему то, чего жаждала юная его душа... Но увлечения эти не могли быть продолжительны; душа его привыкла, как он сам выражался, утолять жажду свою у чистых вод иного Источника, и к этому Источнику она скоро возвратилась: все, что начало было пленять его, вдруг ему опостылело... Более и более он уходил в себя, в свой внутренний мир и пожелал принять Святое Крещение.

Принял он крещение от Антиохийского епископа Мелетия, который, узнав его, полюбил и назначил чтецом при церкви. Это была самая низшая из церковных должностей и давала ему лишь право с амвона читать Священное Писание, но она определенно посвящала его на служение Богу. После Крещения он считал себя возрожденным... снова пылкая душа заговорила в нем: прежде она жаждала наслаждения, теперь жаждала подвига. Его стала привлекать монашеская жизнь с ее бесконечным самоотречением, и он решил было навсегда удалиться в пустыню. Но та самая любовь, которая воспитала его для Бога, теперь удержала его от этого решения. Анфуса была христианка, но прежде всего была мать: она не в силах была отдать добровольно «радость» всей своей жизни. Умилителен рассказ самого Иоанна: «Когда моя мать узнала о моем намерении, она безмолвно подошла ко мне, взяла меня за руку и повела в свою комнату, мы оба сели возле той постели, на которой я был рожден, и она тихо заплакала... затем стала говорить слова, еще печальнее слез...

“Сын мой, – сказала она, – одно мое утешение в эти долгие, одинокие годы было смотреть на тебя, в твоих чертах узнавать того, кого уже не было со мной. С самого твоего младенчества, когда ты еще говорить не умел, в ту пору жизни, когда дети наиболее дают радости, в тебе одном и находила все свое утешение. Теперь прошу тебя об одном: пожалей меня, не заставляй второй раз переживать ужас одиночества, снова проливать те горькие, уже выплаканные слезы! Подожди немного; быть может, я скоро буду отозвана отсюда, тогда поступай, как знаешь, а пока потерпи меня, не скучай пожить еще со мной; не обижай ту, которая никогда ничем не обидела тебя – этим прогневишь ты нашего Бога!”».

Сколько скорби и сколько мольбы в этих простых словах! В них сказывается вся тайна этого бедного материнского сердца, у которого не хватало силы даже для Бога отказаться от любви своей!

Иоанн внял мольбе матери и оставался с ней до самой ее кончины. Когда ее не стало, открылось для него возжеленное пустынножительство. На лесистых холмах, окружающих Антиохию, возвышались многие монастыри, и Иоанну они казались обителями неземными. В одну из этих обителей он удалился. Он был счастлив, потому что совершенно верил в тот идеал монашеской жизни, который хранился в душе его. Когда же настала пора искушения и невозмутимая тишина пустыни, ее нерушимое уединение вдруг ужасом наполнили его душу, полную жизни, он не упал духом; чтобы защитить себя от себя самого, он нашел в себе силу покорить свою волю воле другого – отдал себя духовному руководству старца, известного необыкновенно строгим самоумерщвлением, и под этим руководством прожил четыре года в непрестанных трудах, вынося необычайные лишения. Затем, не довольствуясь этим подвигом, он удалился в уединенную пещеру и там, посвящая все свое время молитве и глубоким богословским занятиям, в течение двух лет вел самую суровую, строго отшельническую жизнь. Здоровье его не выдержало, силы надломались... тогда, не чувствуя себя вправе продолжать самоумерщвление,

которое могло прервать жизнь, данную ему Богом, он для сохранения этого дара Божия решил покинуть облюбленную им пустыню и вернуться на свою родину, в Антиохию.

Из шестилетней иноческой жизни Иоанн вынес глубокое знание Священного Писания, пламенную веру в действительность всего невидимого и ту ясную пронизательность, которая была присуща всем великим святым, выходившим в мир из глубины пустыни, где проводили они долгие годы, точно скрытые в «тайне лица Божия».

Вскоре по возвращении его в Антиохию святой Мелетий посвятил его в диакона; а в 386 году Флавиан¹⁸⁰, преемник Мелетия, возвел его в сан священника, возложив на него обязанность говорить поучения антиохийскому народу. Замечательно по глубокому смирению первое слово, с которым обратился вновь посвященный пресвитер к пастве своей: «Неужели настоящее не ночь и не сновидение? И кто бы поверил, что убогий и отверженный юноша вознесен на такую высоту власти... Помолитесь, да придет на меня свыше великое подкрепление! Теперь мне потребны бесчисленные молитвы, да возмогу в целости возратить залог, мною полученный ныне от Господа!» В своей книге «О священстве» Иоанн начертал величественный образ того, чем должен быть пресвитер: «Когда требуются, – писал он, – люди, могущие управлять Церковью и взять на свое попечение столь многие души, пусть предстанут нам те герои, которые великой мерой превосходят всех других, и настолько превышают всех совершенством души, насколько Саул превышал весь народ еврейский высотой тела, или еще гораздо более!» Себя он считал вполне недостойным этого служения; если дерзнул принять его, то лишь потому, что возлагал все упование на Того, Кто принял исповедание любви трепетной души, смущенной памятью своего троекратного отречения: *Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя!* (Ин. 21:17).

С тех пор как великий Апостол первый услышал повеление пасти овец Христовых и тот вопрос, который предшествовал повелению, «эта любовь ко Христу, – говорит Иоанн, – стала первым условием пастырства, а само пастырство – высшим

ее выражением». Ей он посвятил свою душу, и она дала ему силу твердо и мудро, в терпении и непрестанной заботе блюсти свое словесное стадо. В продолжении 12 лет раздавалась проповедь Иоанна в Антиохии. Со времен Апостолов не слышен был столь могучий призыв к покаянию, к Богу.

Одних христиан в Антиохии было 100 000 душ, но и евреи, и язычники стекались толпами слушать его слово, которое возбуждало восторг даже тех, чья душа оставалась бесчувственной. Как некогда великие пророки, он «глаголом жег сердца людей», и громкие рыдания были ответом на его пламенные слова.

Церковь Апостолов, в которой он проповедовал, стала центром антиохийской жизни. В избытке своих чувств народ называл его то сладкоглаголивым, то медоточивым, то устами Божиими. Златоустым назвала его одна простая женщина, которая, однажды слушая его и увлеченная впечатлением чего-то прекрасного, воскликнула: «Учитель душ наших, Иоанн-золотые уста, учение твое глубоко, но слабый ум наш не все может вместить!» С этого времени и весь народ стал называть его Златоустым, и сама Церковь удержала за ним это наименование.

Особенно величественно выступает образ Златоустого в истории мятежа антиохийского. Народ, раздраженный новым налогом по случаю военных обстоятельств, произвел открытое возмущение: чернь, доведенная до ярости разными подстрекателями, свергла императорские статуи, волочила их по улицам и, наконец, разбила в куски с дерзкими насмешками и ругательствами. К вечеру эта народная буря утихла и настала зловещая тишина. Опомнившись, мятежники пришли в ужас, сознавая, что они сделали и чего теперь должны ожидать. Гонцы уже неслись из Антиохии с донесением к императору... Иоанн молчал.

В первые дни этих страшных событий скорбь не позволила слову его свободно излиться из его сердца, а уныние, облежавшее души антиохийцев, не давало им даже вспомнить о слове учителя. По прошествии нескольких дней, когда сердца их смирились и смягчились, Иоанн понял, что он им нужен, и со своей кафедры обратил к ним свое слово покаяния и утешения.

«Что мне сказать и о чем говорить? – начал он. – Теперь время слез, а не слов, рыданий, а не речей, молитвы, а не проповеди... Так тяжело преступление, так велика язва... они выше всякого врачевства и требуют помощи свыше. Но, возлюбленные, передайте мне ваши души, – поспешает он ободрить унывающих, – возвратимся к прежнему нашему обычаю: как мы привыкли всегда быть здесь с благодушием, так и теперь возложим все на Бога. Не упадем духом. Не столько мы сами заботимся о своем спасении, сколько Тот, Кто даровал душу! Окрылим же себя надеждой и будем с любовью ждать, что будет благоугодно Господу сотворить с нами!»

К ужасу народа разнесся слух, что разгневанный император поклялся разрушить Антиохию дотла и предать смерти всех ее жителей. Престарелый епископ Флавиан решил сам отправиться в Константинополь умолять императора о помиловании виновных, но раскаивающихся антиохийцев.

Много дней должно было пройти прежде, чем народ узнал о решении императора; страх смерти овладел всеми. И этим именно часом ужаса воспользовался Иоанн, чтобы привлечь народ к единственному тихому пристанищу – к Церкви.

Начался Великий пост. Иоанн каждый день проповедовал. Никогда, вероятно, Великий пост не имел в Антиохии такого отпечатка святой торжественности: цирки и театры опустели, на улицах не слышать было песен, даже лавки закрылись, всех объяло молитвенное настроение, весь город превратился точно в одну великую церковь. «Все вы и наша совесть, – говорил Иоанн, – свидетели тому, сколько пользы мы уже получили от настоящего искушения! Никогда не выдавшие церкви пришли в нее; опустела площадь, но наполнилась церковь; люди поняли, что та возбуждает печаль, а эта подает радость».

Между тем Флавиан явился к императору. Не оправдывая страшных преступлений народа, он умолял императора, по примеру Христа, простить виновных и тем прославить веру христианскую, дающую силу прощать врагам! И Феодосий простил. «Иди, утешь, – сказал император Флавиану, – когда увидят кормчего, то забудут ужас минувшей бури!» К самому

празднику Пасхи возвратился Флавиан с вестью о милосердии. Весь город собрался во храм: неизъяснимая, светлая радость, в которой сливалось чувство и раскаяния, и любви, и благодарности, охватила всех. «Радуясь всем существом своим в день радости, – говорит Иоанн, – будем непрестанно благодарить Господа не только за прекращение бедствий наших, но и за то, что Он нам их послал».

Все это знаменательное событие послужило к славе веры Христовой. Никто не утешал, не одушевлял, не поддерживал народ в час испытания, кроме Златоуста. Никакая сила, кроме Церкви Христовой, не могла дерзнуть на ходатайство перед императором о прощении ужасного преступления. И император тогдашнего Рима мог простить только потому, что он был христианином.

Глубокое впечатление произвело это событие на язычников, и необычайное множество их пожелало войти в ту Церковь, в которую впервые привлекло их простое любопытство и в которой их удержало пламенное слово, возрождающее жизнь. Еще многие годы трудился Златоустый в Антиохии, и с каждым днем возрастала восторженная любовь к нему народа. От него осталось великое множество бесед, записанных слушателями, и большая часть их относится ко времени его служения в Антиохии. «Не знать этих чудных творений, – говорит святой Исидор¹⁸¹, – то же, что не видеть солнца в самый полдень». Беседы Златоустого остаются навсегда образцом для всех проповедников; они потому и действовали так сильно, что шли из сердца, исполненного пламенной и простой веры, горячей любви ко Христу и жалости к народу. В той самой Антиохии, где в первый раз ученики стали называться христианами (Деян. 11:26) и где потом иссякла простота христианских нравов в непомерной суете и роскоши столичного быта, слово Златоустого возвращало слушателей к духу первых времен Христианства, призывая их не только исповедовать веру в слове и обряде, но и осуществлять ее деятельно в целой жизни. Он был в особенности живым проповедником любви и милосердия. Подобно Апостолу Павлу, которому он старался подражать во

всем, он не уставал делать добро всякому и всякую душу старался приводить к Богу, чтобы «всех приобрести для Христа».

Как ни горячо он был привязан к своей антиохийской пастве, пришлось ему внезапно покинуть ее: Богу угодно было призвать его к новой тяжелой борьбе. Слава Иоанна гремела в империи. Когда скончался в Константинополе архиепископ Нектарий, император Аркадий¹⁸², сын Феодосия Великого, оставил свой выбор на Иоанне. Итак, по единодушному желанию императора и всего народа Иоанн был призван занять кафедру столицы. Чтобы избежать сопротивления, Иоанна вызвали из Антиохии обманом.

В Константинополе он был восторженно приветствован народом и угрюмо встречен противниками его избрания. Во главе недовольных был Феофил, патриарх Александрийский¹⁸³, который со злобой в душе должен был повиноваться приказанию императора и признать Иоанна патриархом, но с той самой поры ненависть его не ослабевала, и много бед и скорбей навлекла она на святителя.

26 февраля 398 года Иоанн вступил на патриарший престол и понял с первого же дня, до чего был труден предстоявший ему подвиг. Укрепленный новыми дарами Святого Духа, он со властью вступил в новую свою деятельность. Плачевно было состояние Церкви, запустение чувствовалось во всем, а распущенность нравов была ужасающая.

С первого раза Златоуст произвел впечатление неблагоприятное. Как и Григорию Богослову, ему недоставало той внушительной наружности, которая сразу действует на воображение народа: он был малого роста и изможденного вида; одни только удивительно пронизательные глаза придавали особое выражение бледным чертам его. Доступный для бедных и страждущих, он мог казаться надменным и резким в отношении к знатым и праздным посетителям. Строгий образ его жизни, с утра до ночи исполненной трудов непрерывных, не мог нравиться среди разврата роскошной столицы. Поднялись обвинения; но сильный сознанием своей правоты, Иоанн гордо безмолвствовал, не отвечая на нападки, направленные лично против него.

В деле же Божиим он не мог уступать никому, и как гром с неба, разразилось его грозное слово, ничто не могло утаиться от него. Столица не привыкла к такому слову, и оно показалось невыносимым всем тем, к кому относилось обличение: богатым, утопавшим в роскоши и разврате, властителям, забывшим долг власти, хищникам и неправедным судьям.

Между тем он умножал труды свои, и мало-помалу заря нового дня начала озарять Церковь. В селениях созидались новые храмы; призывая народ к молитве, Иоанн всячески старался восстановить богослужение во всей его красоте. Особое внимание он обращал на пение: «Ничто так не возбуждает и не окрыляет душу, – писал он, – ничто с такой силой не отторгает ее от земли, ничто так не располагает к любви святой, как гармонический стих и священная песнь. Природа наша так услаждается песнопением и стихом, что и грудные дети, когда плачут, усыпляются ими. Кормилицы, нося их на руках, ходят туда и сюда и, напевая им детские песенки, утешают их плач; песнью услаждается всякий труд, и душа при звуке святой песни может легче выносить все – и тоску, и печаль. Духовная песнь – это источник освящения, слова ее очищают душу, и Святой Дух нисходит в души поющих, так как те, которые поют псалмы с сознанием, действительно призывают на себя благодать Его». Вся любовь Иоанна к Церкви отражается в беседах его. Действуя своим примером, он убеждал к тому же всех слушателей своих: «От примера, – говорит он, – исходит самое действенное учение. Выходя из церкви, человек не учит, не проповедует, но спокойствие в чертах лица его, но взгляд его, самый голос являют не бывшим в церкви, какую вкусил он радость, какое получил благо для души своей: что лучше такого увещания, такого призыва? Мы должны выходить отсюда, как из святилища выходят посвященные, чтобы, смотря на нас, все явно ощущали, какое благо выносим мы отсюда».

Он ограждал свою Церковь богослужебными уставами, изложил письменно чин литургии, сократив употреблявшийся дотоле состав литургии Василия Великого, установил всеобщие бдения, крестные ходы с пением антифонов. Действуя и

словом, и примером, он приучил снова духовенство исполнять долг святого служения, и Церковь точно воздвигалась вновь, и народ толпами стремился к ней. Он всячески старался привлечь к Православию и многочисленных ариан, которых более всего было среди готов. С этой целью он посвящал им священников из их племени, отдал им церковь для богослужения на их родном языке, сам часто там проповедовал. Причем его слова переводились на готский язык особым переводчиком. Также имел он горячую заботу о распространении Евангелия в отдаленных странах, отправлял проповедников к скифам, к готам, к славянам. Мало-помалу восторженная любовь, которую он сумел возбудить в Антиохии, возгорелась к нему и среди его новой константинопольской паствы. И сам он всей душой привязался к тем, которых силой своей любви вывел на широту: «Вы, – говорил он своему народу, – вы мои отцы, мои братья, мои сыновья, мои члены, мое тело, моя жизнь, мой венец, мое утешение, мой свет!»

Тяжело останавливаться на последних годах жизни великого святителя, видеть, как торжествовали низость и насилие, как страдала святая добродетель.

Императрица Евдоксия¹⁸⁴, евнух Евтропий и Феофил Александрийский – вот имена нечестивых, не стерпевших праведника и погубивших его. Евнух Евтропий, любимец Аркадия, сам вначале указал императору на Иоанна в надежде, что патриарх, ему обязанный своим возвышением, будет служить и ему опорой, но скоро убедился в своей ошибке и увидел в Иоанне грозного обличителя своих беззаконий. Феофил Александрийский вначале противился избранию Иоанна на патриарший престол и не мог простить ему его возвышения. Злоба, таившаяся в душе его, ждала случая обнаружиться. Императрица Евдоксия, стремясь избавиться от ненавистного ей господства Евтропия, который совершенно овладел слабоумным Аркадием, в новом патриархе думала найти себе могущественного союзника и всячески старалась снискать его расположение и содействие. Она богато наделяла церкви, помогала бедным и своим благочестием старалась привлечь к себе сочувствие патриарха.

В 398 году, когда совершалось перенесение мощей в усыпальницу за стенами города, она смиренно следовала за крестным ходом, босая, с непокрытой головой, и этим так тронула сердце Иоанна, что он, увлеченный и воображением, и собственным красноречием, в пламенных словах изобразил это светозарное шествие: «Смиренная, как раба Господня, светлая, как один из Его Ангелов!» Когда же она собственными усилиями сумела устроить падение Евтропия, и стала сама руководящей властью в империи, то отношение ее к Иоанну изменилось. Враги Иоанна успешно воспользовались ее самолюбием, передавая ей слухи о намеках на нее, которые патриарх будто бы позволял себе делать в проповедях своих. Этого было достаточно, чтобы возбудить чувство мести в гордой, властолюбивой душе царицы; а в совести своей она должна была сознавать, что не чужда тех пороков, которые обличал Иоанн, угрожая за них судом Божиим. Евдоксия жаловалась императору; Иоанну делались выговоры за его смелые речи, а он отвечал: «Я епископ, и мне вручено попечение о многих душах. Если царица не знает зла за собой, то ей не за что сердиться: я обличаю беззаконие, никого не называю, но учу всех не делать зла». Раздраженная достоинством епископа, Евдоксия не могла уже владеть собой, она приблизила к себе врагов его, и вместе с Феофилом Александрийским решили они созвать Собор и на его обсуждение предоставить обвинения, возводимые на Златоуста. Собор, составленный из 36 епископов, вырванных из среды врагов Иоанна, открылся при Дубе, в селении близ Халкидона, на противоположном Константинополю берегу Босфора. Всех обвинений было 29, и все они были основаны на самой наглой клевете. Иоанна обвинили, между прочим, в оскорблении императрицы, которую он будто бы дерзнул всенародно сравнить с Иезавелью¹⁸⁵. Беззаконный «собор» произнес низложение патриарха, приговорил его к изгнанию, и приговор был утвержден императором.

Когда весть об этом разгласилась, весь народ пришел в волнение. Со всех концов Константинополя устремился он к соборному храму святой Софии и архиерейскому дому, соединенному

с ним галереей, и днем, и ночью окружил их как бы живой стеной. В городе стали ходить самые тревожные слухи; говорили уже не только об изгнании, но даже и о смертном приговоре. Народ, взволнованный такими слухами, наполнял церкви, молясь за Иоанна, или толпился на Соборной площади, чтобы хоть издали увидеть архиепископа или услышать звук его голоса.

Среди общего смятения один Иоанн был спокоен: «Никто и ничто не может разлучить нас, – так говорил он своей пастве, – мы разделимся местом, но любовью останемся соединены; даже смерть не может разлучить нас: хотя умрет мое тело, но душа будет жива и никогда не забудет о сем народе. Не тревожьтесь настоящими событиями, в одном покажите мне любовь вашу – в непоколебимой вере. Я же имею залог Господа и не на свои силы полагаюсь. Я имею Его Писание; оно мне опора, оно мне крепость, оно мне спокойная пристань; слова в нем для меня щит и ограда. Какие слова? – *Я с вами во все дни до скончания века* (Мф. 28:20). Христос со мною: кого мне бояться? Что Богу угодно, то да будет. Если Ему угодно оставить меня здесь, благодарю Его; взять отсюда, опять благодарю Его».

На следующий день, около полудня, один из придворных императора принес Иоанну повеление немедленно оставить город. «Я обязан повиноваться императору, – сказал он, – и не желаю, чтобы хоть одна капля крови пролилась из-за меня». Он поспешно вступил на корабль, уже готовый принять его, и вскоре ночная темнота скрыла от взоров народа удалявшегося святителя.

Но поутру смятение все еще росло. Народ наполнял храмы, толпился на улицах и площадях, воссылая горячие моления о любимом пастыре, негодуя на врагов его.

Ночь принесла с собой новые ужасы: произошло сильное землетрясение. Подземные удары были особенно сильны около царского дворца и в самом дворце. Среди ночи императрица Евдоксия, в ужасе, вся в слезах, вбежала к императору. «Мы изгнали праведника, – воскликнула она, – и Господь за то карает нас. Надобно его немедленно возвратить, иначе мы все погибнем». Евдоксия сама написала Иоанну письмо, в котором, уве-

ря его, что невиновна в его осуждении, именем Бога умоляла его возвратиться. За первым посланным последовал второй, третий – так нетерпеливо ожидала испуганная императрица возвращения Иоанна. Народ узнал о случившемся, и вскоре весь залив Константинопольский покрылся лодками. Кто спешил навстречу святителю, кто ждал его в пристани, чтобы его приветствовать; к ночи лодки осветились факелами, по всему берегу зажглись огни, и архиепископ вернулся при радостных кликах народа. Иоанн отказался вступить в город, пока низложение его не будет отменено новым Собором. Настроение же народа было так мятежно, что императрица умоляла его прибыть немедленно: ради общего успокоения он исполнял ее желание. Предшествуемый и сопровождаемый народной толпой, при звуках торжественного песнопения он вступил в город и вошел в храм свой. В храме он благословил свой народ, громко восклицая: «Благословен Бог, удаливший меня! Благословен Он, возвративший меня! Благословен Бог, попустивший бурю, и благословен Он, укротивший ее!»

Новый Собор из 65 епископов объявил незаконность Дубского Собора, и Иоанн вступил вновь в управление своей паствой. Но вслед за этим просветом, осиявшим жизнь Златоустого, стали снова скопляться над ним мрачные тучи. Не прошло двух месяцев, как императрица успела оправиться от суеверного ужаса. Отуманенная высотой власти, до которой она теперь достигла, она пожелала, чтобы ей была воздвигнута статуя посреди города. Статуя была поставлена на площади против храма святой Софии, и открытие ее ознаменовалось шумными празднествами совсем языческого характера: крики, громкие песни, звуки музыки долетали до храма и во время богослужения заглушали церковное чтение и пение, Иоанн тогда произнес в церкви сильную речь против зрелищ. Императрице донесли, что в этой речи встречались слова: «Опять Иродиада¹⁸⁶ пляшет, опять Иродиада волнуется; опять требует главы Иоанна!» Еще яростнее запылала ее ненависть против патриарха.

Приближался праздник Пасхи, который нигде в христианском мире не совершался с такой торжественностью, как в

Царьграде, в соборном храме святой Софии. Император, желая показать, что он признает незаконным положение Златоустого, отказался принять от него Святые Тайны и велел сказать святителю, чтобы он не являлся в собор. Между тем в Великую Субботу более трех тысяч человек новообращенных должны были принять Святое Крещение в храме святой Софии. Иоанн прибыл туда поутру; началась священная служба, и уже шло Таинство Крещения, как вдруг толпа вооруженных воинов с шумом ворвалась в храм и силой извлекла из него архиепископа. Народ стал защищать его, многие были ранены и убиты; разогнали новообращенных, готовящихся к Крещению; крики ужаса, звук оружия, плач женщин, стоны раненых и умирающих наполнили храм. Иоанна отвели в дом его, а новообращенные бросились в загородные крещальни и даже бани, где, освятив молитвой воду, духовенство стало довершать прерванное Таинство Крещения. Но и туда вторглись воины.

К ночи Константинополь опустел. Народ, чуждаясь церкви, где распоряжались враги святителя, собрался на равнине за городом для слушания торжественной пасхальной службы. Иоанна же в архиерейском доме держали как бы в заточении, около праздника Пятидесятницы ему был предъявлен приговор об изгнании. Как и в первый раз, пришлось ему удалиться тайно. Он пожелал еще раз быть в храме святой Софии и там проститься с верным ему духовенством и прочими друзьями. Между тем народ, узнав, что святитель в храме, собрался во множестве на площади, ожидая, что он выйдет главной дверью. Но святитель, простившись с духовенством и клиром, преподав им наставления и благословение свое, вышел противоположной дверью и вместе с посланными за ним направился к пристани.

Долго народ ждал; наконец, подозревая случившееся, некоторые поспешили к морю, но увидели удалявшийся уже корабль; другие стали ломиться в храм, но их отгоняли воины. Произошло опять ужасное смятение: взломали двери, народ хлынул в храм, опять засверкали мечи, опять стоны раненых и умирающих наполнили храм. Между тем поднялась буря, а в ночь в соборе святой Софии вспыхнул пожар, который разру-

шил храм, здание сената, богатые дома, окружавшие площадь, и угрожал царскому дворцу.

Враги Иоанна не постыдились указать на него как на виновника этого бедствия. Между тем больной и одинокий святитель продолжал путь к месту своего изгнания. Везде встречали его с любовью, но само путешествие было намеренно устроено так, чтобы причинить ему наибольшее страдание. Больной, изнуренный лихорадкой, он после семидесятидневного мучительного пути достиг, наконец, деревни Кукуз в горах Армении. Здесь, в жалкой деревне, он встретил столько радушия и сочувствия, что стало оживать его истомленное сердце. Все, что было возможно, было сделано епископом Адельфием¹⁸⁷ и жителями, чтобы облегчить положение великого страдальца.

Среди своих глубоких лишений и тяжких немощей Златоустый в течение трех лет продолжал писать и трудиться для Святой Церкви. Близость Бога и сочувствие всего христианского мира поддерживали его силы, и в Кукузе он продолжал быть тем, чем был в Константинополе – светильником вселенной. Он переписывался со многими епископами Запада и Востока, с разными монастырскими общинами, вел беседы с многочисленными посетителями, которые приходили к нему из Антиохии и даже из Константинополя. Возрастающее его влияние скоро стало ужасать врагов его. Было решено нанести последний удар великому святителю. В июне 407 года вышел приказ, чтобы Златоуст со всевозможной скоростью был отведен двумя солдатами в городок Питию (нынешняя Пицунда) на дальнем берегу Черного моря, где был последний предел Империи. Солдатам было, по-видимому, дано повеление влачить великого мученика вперед со всеми возможными оскорблениями и жестокостями в надежде, что он умрет во время путешествия, не стерпев муки. Приказ этот был приведен в исполнение со зверской жестокостью. После трехмесячного пути возле города Команы Иоанн был в таком изнеможении, что пришлось остановиться. Остановились возле склепа на могиле мученика Василиска¹⁸⁸. Златоусту в видении явился этот замученный епископ, чтобы утешить его обещанием скорого избавления

от страданий. На другое утро, несмотря на его жалкое состояние, Иоанна опять безжалостно повлекли вперед. Но скорое приближение смерти стало так очевидно, что его поспешили принести назад к могиле мученика. Здесь была исполнена последняя его просьба: его облекли в белые крещальные одежды, и, приняв Святое Причащение, он скончался со знаменательными словами на устах: «Слава Богу за все! Аминь». Тридцать лет спустя после смерти святителя патриарх Прокл¹⁸⁹ убедил императора Феодосия Младшего¹⁹⁰ перенести в Константинополь мощи святого страдальца. Это было совершено с великим торжеством: император выехал навстречу в Халкидон и, повергшись на землю, молил святителя простить родителям его, Аркадию и Евдокии; весь залив Константинопольский опять покрылся освещенными ладьями, и народ с благоговейной радостью встретил останки великого пастыря.

Глава XVII. Вселенские Соборы Третий, Четвертый, Пятый и Шестой

Христианское просвещение распространялось и усиливалось и на Востоке, и на Западе. На Востоке слово Божие трудами святых благовестников и подвижников проникло в самые отдаленные места, в самые дикие и суровые пустыни. Святой Иоанн Златоустый ревностно заботился о переводе Писания на различные наречия и о просвещении варварских племен. Церковь Востока посылала благовестников в отдаленные страны; святые подвижники бесстрашно селились между варварами и благовествованием и примером благочестивой жизни обращали их ко Христу. В пустынных кельях святые отшельники трудились над изучением и толкованием Слова Божия. Восток духовной деятельностью своей привлекал множество благочестивых мужей с Запада и таким образом в продолжение нескольких веков имел сильное влияние на церковную жизнь западных христиан.

Все умственное движение того времени сосредоточено было в Церкви. Язычество окончательно рушилось, и немногие оставшиеся языческие писатели и философы не в силах были

продолжать борьбу с Церковью, которая, особенно в IV веке, привлекла на служение себе великие умственные силы, людей высокого духа, глубокого знания и поразительного красноречия; таковы были на Востоке: Василий Великий, брат его Григорий Нисский¹⁹¹, Григорий Богослов, Иоанн Златоустый, Кирилл Александрийский¹⁹², Епифаний Кипрский¹⁹³ и многие другие.

Но в то же время вопросы веры и Церкви, которыми все умы были заняты, служили предметом великих споров и волнений, и на место прежних ослабевших ересей возникали новые, распространяясь с новой силой. Осужденное и низложенное арианство не смело являться на свет в прежнем своем виде, но семя его осталось, и то же заблуждение возникало под другими видами. Не смели уже утверждать, что Иисус Христос не есть истинный Сын Божий; но, вступая в дерзкое исследование свойств Богочеловека, одни усиливались в лице Его видеть одно Божество лишь с призраком человечества, другие выставляли на вид человеческую Его природу с одним лишь наитием Божества; иные, наконец, различая в лице Его естество Божие и естество человеческое, разделяли оное как бы на два лица и вследствие того, приобщая Пресвятую Деву, по рождению, к человеческому естеству Богочеловека, отказывались признавать и именовать Ее Матерью Божией.

Начальником этой последней ереси был Несторий¹⁹⁴, из антиохийских пресвитеров поставленный в патриарха Константинопольского при содействии императора Феодосия Младшего, которого он сразу успел подчинить своему влиянию. Несторий был известен строгой жизнью, ученостью и красноречьем и вначале являл великую ревность к искоренению всяких ересей. Произнося одну из первых проповедей своих, он обратился к царю со словами: «Дай мне страну чистую от еретиков, и я дам тебе Царство Небесное». Ариане и другие лжеучители подверглись строгим преследованиям от Нестория; малейшее отступление от церковных правил встречало в нем неумолимого обличителя, и тем не менее сам он явился страшным ересиархом.

Скрывая сначала свое заблуждение, он предоставил заявить его, прежде всего, одному из пресвитеров своего клира, Ана-

стасию. Однажды в церкви в присутствии епископа Анастасий, проповедуя о воплощении, стал утверждать, что не должно именовать Пресвятую Деву Богородицей, ибо Творец не мог быть рожден Своим созданием. Возмущенные слушатели обратились к патриарху, но и патриарх выразил подобное же мнение.

Это еретическое мнение, уже осужденное Церковью в первых веках, возбудило общее негодование; пресвитер Прокл с великой силой обличал неправомыслие Нестория. Несторий, однако же, не только не смирился, но, раздраженный сопротивлением в народе, стал, пользуясь своей властью, гнать и преследовать всех, кто осмеливался опровергать его. К несчастью, он имел опору в самом императоре. Императорская власть была тогда в руках неспособных: Феодосий II ни в чем не походил на великого своего деда. Слабый, бесхарактерный, безличный, он продолжал находиться под влиянием Нестория, который, умея пользоваться царской благосклонностью, продолжал беспрепятственно проповедовать учение свое не только в Константинополе, но и распространял его в других отдаленных местах посредством писанных бесед, которые рассылал по церквям и монастырям.

Эти беседы дошли до Египта и произвели между иноками волнение. Тогда патриарх Александрийский Кирилл явился защитником своей паствы и всего православного мира от лжеучения. Он стал обличать его в своих окружных посланиях и в переписке с самим Несторием. Римский папа Целестин¹⁹⁵ присоединился к Кириллу в своих обличениях, так что сам Несторий ввиду общего волнения стал требовать созвания Собора, к чему склоняла императора и благочестивая сестра его Пульхерия¹⁹⁶. Так открылся Третий Вселенский Собор в городе Ефесе 7 июня 431 года, в храме Пресвятой Богородицы. Лжеучение Нестория было осуждено, и более двухсот епископов изъявили свое согласие с определениями Собора. Несторий объявлен низложенным и лишенным епископства.

Догмат Церкви о воплощении Сына Божия был выражен следующими словами:

Исповедуем, что Господь наш Иисус Христос есть Сын Божий, Бог совершенный и человек совершенный, с душой

разумной и телом; что Он прежде век рожден от Отца по Божеству, и в последние времена Он же Самый, нас ради и нашего ради спасения, рожден от Марии Девы по человечеству, так что совершилось единение двух естеств, ради которого единого Христа и единого Господа исповедуем.

Святой Кирилл, возвратившись в Александрию, продолжал управлять Церковью до смерти своей в 444 году. Полный ревности к вере истинной, он заботился об искоренении в Египте остатков язычества. Богословские его творения имеют великую цену для Церкви: главным их предметом был догмат воплощения и опровержение лжеучений относительно этого догмата. На все книги Священного Писания он написал толкование. Ему приписывают составление молитвы Пресвятой Богородице *Богородице Дево, радуйся*, составление чина часов для Великого Пятка. Несторий жил несколько лет в монастыре близ Антиохии, но был потом сослан в пустынное место в Египте. Ересь его пустила, однако, корни в Азии, особенно в Персии и в Армении.

Вскоре новые смуты возникли в Константинополе. Благочестивые епископы, истинно желавшие блага и мира Церкви, боялись возбуждать богословские споры, столь опасные для христианской любви; они знали, сколько эти споры, столь опасные для христианской любви, возбуждают взаимной вражды, как часто они служат предлогом для корыстных целей, орудием ненависти и честолюбия. Но не таков был преемник Кирилла Александрийского Диоскор¹⁹⁷, человек честолюбивый и гордый; из личных видов своих он стал покровителем новой ереси Евтихия.

Евтихий был архимандритом одного из константинопольских монастырей и ревностным противником Нестория. Но, опровергая лжеучение Нестория, он впал в новую ересь – видоизменение несторианства. Он утверждал, что в Господе Иисусе Христе человеческое естество было совершенно поглощено Божеством, и потому в Нем следует признавать только одно Божеское естество (отсюда название этой ереси монофизитской). Некоторые епископы обвинили Евтихия в ереси

перед Флавианом, патриархом Константинопольским, а один из них потребовал, чтобы мнения Евтихия были подвергнуты рассмотрению Поместного Собора, который именно в это время происходил в Константинополе. Миротворившему Флавиану нежелательно было поднимать спор; он знал, как легко в таком отвлеченном вопросе придать всякому необдуманному выражению значение ереси; и, боясь нарушить только что водворившийся мир, он всячески старался частным образом привести Евтихия к сознанию своего неправомыслия, но все было тщетно, и Собор должен был принять обвинения и призвать Евтихия к ответу. Евтихий несколько раз отказывался явиться и лишь по третьему зову явился с вооруженной стражей. На вопросы епископов он отвечал двусмысленно, оказывал пренебрежение Флавиану, но был уличен в ереси и определением Собора лишен церковной степени.

Евтихий не покорился этому решению и требовал пересмотра дела. Он имел сильных покровителей при дворе слабого Феодосия; они обвинили Флавиана в ереси и убедили царя созвать Собор в Ефесе в 449 году. Диоскор на нем председательствовал: он признал изложение учения Евтихия правым и произнес низложение Флавиана. Толпа монахов, фанатически преданных Евтихию, вместе с вооруженными воинами, которых призвал Диоскор, набросилась на Флавиана: ему нанесли столько тяжких ран, что он скончался через несколько дней. Среди шума и смятения кончился этот незаконный «собор», справедливо клейменый названием Разбойничьего собора.

Тогдашний папа Римский Лев¹⁹⁸ и множество епископов восточных стали настойчиво требовать, чтобы император снова созвал Вселенский Собор; но Феодосий внезапно скончался, и уже сестра его Пульхерия и супруг ее, император Маркиан, в 451 году созвали Четвертый Вселенский Собор в Халкидоне.

Заседания Собора происходили в церкви святой мученицы Евфимии при участии 630 епископов в присутствии императора и императрицы; председателем был патриарх Анатолий¹⁹⁹, преемник Флавиана. Ересь Евтихия была осуждена; Евтихий

и Диоскор низложены и изгнаны; повторено осуждение ереси Нестория, и по прочтении письма папы Льва изложен догмат, что Иисус Христос есть истинный Бог и истинный человек; по Божеству Он вечно рождается от Отца и во всем Ему подобен; по человечеству же Он во времени родился от Пресвятой Девы Богородицы и во всем подобен нам, кроме греха; по воплощении Он имеет одно лицо и два естества, соединенные в Нем неслиянно, неизменно, нераздельно, неразлучно.

Собор Халкидонский подтвердил определения бывших прежде трех Вселенских Соборов и семи Поместных и равенство константинопольской кафедры с римской, которой она уступала только место.

Прошло столетие после Халкидонского Собора, но споры и смуты не прекращались между ожесточенными партиями, из которых одна держалась несторианства, другая – евтихианства; и те, и другие старались оправдывать свои мнения ссылками на писания отцов Церкви, толкуя выражения их по-своему. Эти споры, распространяя смуту в умах, дошли до такого раздражения, что оказался необходимым новый Вселенский Собор, Пятый. Он созван был в 553 году в Константинополе Юстинианом I²⁰⁰. То был император, знаменитый в истории и гражданской, и церковной; глубоко вникая во все вопросы своего времени, он поставил целью своей жизни умиротворить Церковь.

Пятый Вселенский Собор, не провозглашая никаких новых догматов, торжественно утвердил вероопределение всех прежних Вселенских Соборов и повторил осуждение и Несторию, и Евтихию.

Сам император Юстиниан изложил исповедание Божества и человечества Иисуса Христа в молитве, которая тогда же (в 536 году) вошла в состав литургии: *Единородный Сыне и Слове Божий, бессмертен сый, и изволивый спасения нашего ради воплотиться от Святыя Богородицы и Приснодевы Марии, непреложно вочеловечивыйся, распныйся же Христе Боже, смертью смерть поправый, един сый Святыя Троицы, прославляемый Отцу и Святому Духу, спаси нас.*

Однако богословские споры и затем не прекратились. К прежним предметам пререканий присоединились новые – о единстве воли, соединенной с естеством в лице Христа Спасителя.

В 648 году император Констанс II²⁰¹, по внушению тогдашнего патриарха Феодора, издал указ, известный под названием *образца веры* (типос), в котором запрещал под страхом строгих взысканий рассуждать о спорных вопросах, повелевая держаться во всем постановлений пяти Вселенских Соборов. Не склоняясь ни на сторону истины, ни на сторону заблуждений, указ предписывал одно – молчание, но буря не унялась. Тогда начались гонения против ослушников царского указа, причем пострадали по ненависти врагов и прямые защитники Православия: таковы были Мартин²⁰², папа Римский и Максим Исповедник²⁰³ – святые, чествуемые Церковью.

По смерти Констанса, властью которого одобрены были все варварства последнего гонения, сын и преемник его, Константин IV, глубоко скорбя о разделении в Церкви, решил созвать в Константинополе Шестой Вселенский Собор (680 г.). В нем участвовали 170 отцов; после долгих прений положено: признавать в Иисусе Христе без смешения и разделения две воли сообразно двум естествам. По истечении 11 лет Собор этот вновь открыл заседания свои в царских палатах, называемых Трулльскими, для пересмотра некоторых правил, касавшихся церковного благочиния. Собор принял за закон церковный 85 правил апостольских, правила Вселенских Соборов и семи Поместных. Этот Собор называется Трулльским и тоже Пято-Шестым, потому что был как бы дополнением Пятого и Шестого. В Шестом Соборе участвовал один из ревностных защитников истины, святой Андрей Критский²⁰⁴, синкелл (домашний секретарь) Иерусалимского патриарха. Впоследствии он был архиепископом на острове Крит и славился благочестием и усердием в вере. Ему Церковь обязана Великим канонам покаяния, который читается в первые дни Великого поста и известен под его именем. Ирмосы этого канона составлены позже Иоанном Дамаскиным²⁰⁵.

**Глава XVIII. Отцы западной Церкви:
Святой Амвросий, блаженный Августин
и блаженный Иероним**

Святой Амвросий был для Запада тем же, чем Василий Великий был для Востока. Сам Василий Великий признает в Амвросии сродный себе характер: оба таинственной силой умели покорять себе волю людей, и оба оставили глубокий след в истории Церкви IV века.

Амвросий родился около 340 года. Он происходил из знатного рода; отец его был римлянином и, занимая важную должность префекта Галлии, имел почти верховную власть над обширной областью. Ни в творениях, ни в жизнеописании Амвросия не видно, чтобы он когда-либо гордился своим знатным происхождением и высоким положением его предков и всей его семьи, но, несомненно, что среда, в которой он вырос, наложила на него свой отпечаток: он привык повелевать, привык чувствовать себя равным по положению с сильными мира сего: он их не чуждался, не робел перед ними, но в сознании своего нравственного превосходства обращался со всеми, как власть имеющий. Образование он получил в Риме. Та серьезность и та нравственная чистота, которые служили основой его характера, удержали его от всякого соприкосновения с той распущенной жизнью столицы, которая погубила столько молодых сил. По окончании своего образования Амвросий благодаря связям и своим блистательным дарованиям быстро выдвинулся вперед на служебном поприще. Префект Италии Проб приблизил его к себе и настолько был поражен его административными способностями, что указал на него императору Валентиниану I²⁰⁶ для назначения на важный пост правителя Лигурии.

Когда Амвросий отправился на место своего назначения, Проб, прощаясь с ним, сказал ему: «Иди и управляй не как судья, а как епископ». Эти слова были точно предсказанием. Два раза еще в жизнеописании Амвросия встречаются сказания о чудесных знамениях судьбы его. Первое из них, глубоко поэ-

тическое, относится ко времени его младенчества. Однажды, когда он спал в саду в своей колыбели, внезапно прилетел рой пчел и стал кружиться над ним. Кормилица в испуге хотела отогнать пчел, но отец малютки, как бы предчувствуя нечто чудесное в этом явлении, остановил ее; рой спустился на колыбель; пчелы садились на лицо малютки, на его глаза, на его губы, вползали ему в открытый ротик и выползали вон, но не причиняли ему никакого вреда; затем они улетали и поднимались все выше и выше к небу, пока в синеве небесной не скрывались совсем из виду. «Не значит ли это, – помышлял с трепетом отец, – что в свое время исполнятся над ребенком слова Священного Писания: *Приятная речь – сотовый мед, сладка для души* (Притч. 16:24) и что подобно тому, как пчелы высоко поднимались к небу, его окрыленная мысль, усаждающая сердца людей, от земного будет возводить их к небесному?»

Второе сказание относится к четвертому году его управления Лигурией. Столицей области был Медиолан, епископская кафедра которого считалась независимой от Рима, и императоры, предпочтительно перед Римом, имели резиденцию в Милане. После смерти арианского епископа Авксентия жители Медиолана ходатайствовали перед императором о назначении ему преемника, но император предоставил выбор епископа самому народу.

Естественно, что и ариане, и православные делали всевозможные усилия, чтобы избрать епископа из своей среды. Выборы происходили в соборной церкви. Начались прения, возбуждение росло и уже достигало крайнего предела, когда в церковь явился сам правитель Лигурии. Он обратился к возмущенному собранию с умиротворяющим словом, но едва закончил его, как среди глубокой тишины по всей церкви раздался детский голос, ясно произнесший: «Амвросий – епископ!» Этот детский голос был принят всеми за внушение Божественное – мгновенно и ариане, и православные в единодушие воскликнули: «Амвросий – епископ! Амвросий – епископ!» Амвросий стоял безмолвно, пораженный изумлением, но крики усилились: вражда партий была забыта, все слилось в одно же-

вание, в одно чувство любви и уважения к человеку, на которого именно этим чудесным избранием указывал Сам Господь. Никогда Амвросию не приходило на мысль быть епископом; он не только не получал богословского образования, но в эту самую пору состоял только в рядах оглашенных и не был еще крещен. Однако желание народа все превозмогло – Амвросий должен был уступить. Он принял крещение от православного епископа; затем, пройдя последовательно через все церковные должности, был поставлен в епископы через 8 дней после своего крещения. Обе враждующие стороны призвали на это служение Амвросия, потому что, чувствуя над собой его нравственную силу, крепко верили в него.

По принятии высокого епископского сана Амвросий сразу вошел в жизнь, дотоле ему совершенно чуждую, и строго ежедневно выполнял свои новые епископские обязанности: утром, после домашних молитв, он совершал ежедневно богослужение и Святую Евхаристию. Затем принимался ревностно за изучение Священного Писания при помощи греческих толкователей и особенно Оригена, «чтобы самому научиться тому, чему он должен был учить других». Двери его были всегда открыты, всякий мог видеть его и всякий мог советоваться с ним. Когда кто-либо приходил к нему с просьбой о помощи, он немедленно оставлял чтение, все свое внимание посвящал делу просителя и затем снова принимался за чтение. Бедные в нем находили друга, но и знатных и богатых он от себя не отталкивал; в интересах самой Церкви он поддерживал дружеские отношения с важнейшими сановниками Империи. Все свое время, и даже часть ночи он проводил в занятиях, приготовляя те поучения, которые говорил народу во все воскресные и праздничные дни. Народ любил его и в его душе находил нежную ответную любовь. Но во всем величии своей нравственной силы Амвросий выступает на поприще политической деятельности. Государственным деятелем он был раньше, нежели стал епископом, что и дало особый оттенок его епископской деятельности. Он повел борьбу свою властно и спокойно, взирая на величие земное с высоты духовной, на которой утвердил свою душу.

Уже в первые годы епископства он показал свою бесстрашную независимость, когда, обратившись с речью к самому императору Валентиниану I, в церкви обличал пред ним беззакония его министров, злоупотреблявших императорской властью.

В царствование Валентиниана II²⁰⁷ он является грозным сокрушителем язычества: язычество коренилось гораздо сильнее на Западе, нежели на Востоке. Самые знатные римляне еще держались своей старой религии – не из убеждения в ее истине, но из гордого чувства не хотели отступить от предания своих предков. Язычество не служило препятствием для назначения на самые высшие должности. В самом сенате римская знать разделялась на две партии – христианскую и языческую, и между ними шла ожесточенная борьба по поводу жертвенника золотой статуи «Победы», который с незапамятных времен стоял в сенате, но был уничтожен еще по повелению императора Константина. Языческая партия всячески ходатайствовала перед новым императором Валентинианом II о восстановлении жертвенника. Тогда Амвросий сказал свое слово, проникнутое сознанием конечного торжества той истины, в защиту которой он грозно возвышал свой голос: «Епископ, – писал он императору, – не может допустить решение, противное Церкви. Если ты уступишь их просьбе, то будешь уже этим самым отлучен от Церкви. Идти в церковь ты можешь, но там ты не найдешь священника или найдешь такого, который воспротивится тебе!» Император не принял ходатайства язычников.

Язычество не было уничтожено, но видимо угасло. Борьба с язычеством не потребовала от Амвросия особенных усилий, но против арианского двора пришлось ему вести борьбу долгую и многотрудную.

Императрица Иустина была убежденная, страстная арианка. Она окружила себя арианским духовенством и с негодованием смотрела на постепенное исчезновение арианства в Италии под влиянием великого епископа Миланского. В 385 году, на праздник Пасхи, она потребовала от епископа, чтобы он уступил арианам сначала загородную базилику, а затем и самую большую церковь в городе. Амвросий спокойно, но решитель-

но отказал. Два раза посланные от императрицы заявили ему, что он не может не уступить императорской власти. Амвросий отвечал, что он готов расстаться со всем, что принадлежит ему лично, даже со своею жизнью, но что не в его воле уступить святыню. «Храм Бога не может быть оставлен священником, и император не имеет власти над тем, что принадлежит Богу». Население города пришло в крайнее возбуждение; народ схватил одного арианского пресвитера на улице и, вероятно, убил бы его, если бы сам Амвросий за него не вступился. Солдаты, посланные занять церковь силой, обнаружили расположение перейти на сторону православных: многие из них прямо заявляли, что пришли в церковь лишь для того, чтобы присоединиться к молитвам епископа.

Императрица должна была уступить, но Амвросий чувствовал, что борьба еще не окончилась. В следующем же году православный мир был повергнут в ужас императорским указом, которым предоставлялась арианам полная свобода иметь свое богослужение во всех церквах, а за всякое противодействие угрожалось смертью. Вслед за этим было повторено требование о передаче миланской базилики арианам. Без страха епископ вошел в борьбу с грозной силой императорской беспредельной власти: он оставался непоколебим в своем решении, повторяя, что он не откажется от наследия своих отцов. Ему велено оставить город, но он твердо отказался оставить свою паству. По просьбе народа, опасавшегося за жизнь его, он несколько дней и ночей провел безвыходно в церкви среди плачущей и молящейся толпы; ее молитва, как говорил он сам, была ему защитой. Военная стража, стоявшая вокруг церкви, позволяла всем входить в церковь, но никому не позволяла выходить из нее. Наконец, поняла императрица свое бессилие. Победа епископа была полная.

В 390 году произошло знаменитое событие, с которым навсегда соединены в истории Церкви имена Амвросия и императора Феодосия. В Салониках случился народный бунт. Феодосий в порыве необузданного гнева, который при сильном раздражении охватывал его страстную душу, расположенную

к добру и склонную на сострадание, приказал избить мятежных солунян, не разбирая зачинщиков и виновных. Епископ старался преклонить его к милости, но придворные советники, склонные льстить всякому движению царя, отговорили его от милости. Через несколько дней император раскаялся, но указ был уже послан. Для того, чтобы заманить народ, в цирке назначено было большое представление, народ набрался туда тысячами; тогда заперли ворота, и вооруженные воины бросились избивать кого попало. Началось страшное побоище, на котором в течение 3 часов погибло более 4000 человек всякого пола и возраста. Когда весть об этом избиении разнеслась по империи, всюду раздались вопли негодования. Православный император уподоблялся Нерону. Все взоры были устремлены на Церковь, на Амвросия. От Церкви ждали обличения и отщепенца, и Амвросий выступил поборником оскорбленного человечества. В Милане ожидалось прибытие императора. Видеть императора как бы еще в самый час совершенного им преступления было невыносимо тяжело для Амвросия; оба люди крепкой воли, крепкой веры, были друзьями, любили и понимали друг друга. Амвросий удалился из Милана, а императору написал свое знаменитое письмо, исполненное духа ветхозаветного пророчества.

«Не смею ни хранить молчание, ни относиться снисходительно к преступлению, – писал он. – Я призываю тебя к покаянию. Ты человек, и как человек ты должен покаяться, в слезах и уничтожении пребывая перед Богом своим.

Прошу, убеждаю, заклинаю – сними этот грех со своего царства! Помни: никакой Ангел, никакой Архангел не может снять его, один Господь кающихся может простить тебя! Я люблю тебя. Я молюсь за тебя, но знай, что в присутствии твоём я не дерзну приносить бескровную жертву. Если ты веришь мне, прими, что я говорю тебе; если не веришь, прости меня, что предпочитаю Бога тебе».

Первая встреча Амвросия с императором была у врат Миланского собора. Невзирая на письмо епископа, император по установленному обычаю явился в храм; Амвросий грозным

словом остановил его на самой паперти храма. «Ты согрешил перед Господом, – сказал он. – Какими ногами взойдешь ты во дворы Его? Какими глазами будешь смотреть на красоту Его? Как будешь ты воздевать в молитве руки, обогранные кровью? Удались! Не прибавляй греха ко греху...» «И Давид погрешил, – возразил император, – однако же Давид был прощен». «Ты последовал ему в своем грехе, – отвечал Амвросий, – последуй ему также и в его покаянии».

Император смирился. Он согрешил перед целым миром, его покаяние было столь же открытым, как и грех его: в продолжение восьми месяцев, повинаясь неуклонной воле Амвросия, император не дерзал вступать в Церковь Божию; изгнанный из нее, он чувствовал себя как бы изгнанным из Царствия Небесного. Наконец, он получил от епископа приказание вместе с другими кающимися явиться в храм. Император стал посреди них и открыто исповедовал свой грех, со слезами и рыданием умоляя Господа о прощении, повторяя в сокрушении души своей: «*Господи; оживи меня по слову Твоему!*» (Пс. 118:107).

Гордый, непобедимый властитель вселенной признал за служителем Божиим власть поднять руку свою для благословения или проклятия во имя Бога Живого, от Которого никто уклониться не может.

Дружеское чувство между великим императором и великим святителем выразилось в последний раз в прощальном слове, которое сказал Амвросий над гробом Феодосия, скончавшегося в 395 году: «Я любил его, этого человека, милосердного и смиренного, чистого сердцем и кроткого душой. Я любил этого человека, который, обличение предпочитая лести, сумел, отложив свое царское величие, всенародно в церкви оплакать свой грех. То, чего устыдился бы частный человек – всенародное покаяние – не смутило этого императора... Я любил его, признаюсь в этом, и вот почему оплакиваю я его из глубины моего сердца. Надеюсь на Господа моего, что примет Он молитву, которой напутствую эту незлобивую душу!» В 397 году, в Великую Субботу, мирно и радостно почил и сам «великий священник Божий».

Святой Амвросий ввел в Западной Церкви антифонное пение, издавна употреблявшееся на Востоке. Он ввел его во время гонений от Иустины, когда православные в унынии наполнили храм: тогда для ободрения народа установилось пение псалмов и гимнов антифонно, по клиросам. А после совершенной победы над арианами Амвросий составил благодарственную торжественную песнь «Тебе Бога хвалим» – общее и доныне наследие от него и Восточной, и Западной Церкви. Всему богослужению Миланской Церкви он придал новый вид, применительно к восточному обычаю, и составил для него особый чин литургии.

Блаженный Августин родился в 354 году в африканском городе Тагасте. Его мать Моника в ранней молодости была выдана замуж за язычника, человека необузданного и глубоко безнравственного. Кроткая, любящая, она сумела заставить его уважать те святые правила, которые руководили ее жизнью, и силой своего примера привела его ко Христу. Постоянно стараясь и в малом, и в великом умиротворять всякую вражду, всякое раздражение, она была тихим ангелом мира не для одной семьи своей, но и для всей среды, в которой жила. Детей своих она воспитала для Бога, но многих страданий и слез стоил ей старший из них, Августин, которого она, как он сам говорит, вторично возродила к жизни молитвой и слезами, когда он блуждал во мраке безверия.

«С самого раннего детства, – пишет Августин, – слышал я о жизни вечной, дарованной нам смирением Сына Твоего, Господи, Которому угодно было снизойти до нас. Вскоре после моего рождения мать моя, для которой Ты был единственной надеждой, начертала на челе моем знамение Креста, дала мне вкусить таинственной соли Твоей». Но за этим приготовлением к Святому Крещению не последовало совершение самого Таинства, которое в то время часто отлагалось до совершенного возраста. Августин убедительно просил Крещения во время болезни, случившейся с ним в детстве; болезнь прошла, и Крещение было отложено.

Родители послали Августина учиться в город Мадавр; он быстро успевал в науках, но увлекся примером товарищей и с

шестнадцатилетнего возраста вел жизнь беспорядочную. Отец радовался успехам его в красноречии, но мать глубоко скорбела о пороках сына. Когда Августин на время возвратился из училища в родительский дом, она с грустью почувствовала, что нет в нем ни твердой веры, ни твердых нравственных правил, что утрачена чистота его сердца. Она со страхом отпустила его в Карфаген и сама по смерти мужа переселилась туда же, чтобы не разлучаться с любимым сыном. Но этот любимый сын долго был для нее только причиной горьких слез. Он вел грешную, развратную жизнь, давал полную волю страстям своим; наконец, он совершенно отдался лжеучению, и его богохульные мнения внушали такой ужас несчастной его матери, что она запретила ему жить в ее доме. Дни и ночи проводила она в слезах, умоляя Господа Бога возвратить ей сына, которого она оплакивала, как умершего, ибо жизнь и спасение души его были для нее дороже всего. «Но и тогда с высоты небес рука Твоя простиралась ко мне, Господи! – восклицает Августин в своей “Исповеди”. – Тебя тронули мольбы и слезы Твоей верной рабы. Она оплакивала меня более, чем плачет мать над умершим ребенком своим, ибо видела меня мертвым для Тебя. Ты услышал ее, Господи! Ты не отринул слез ее, которые лились обильным потоком всякий раз, как она возносила к Тебе молитву свою. Не Ты ли, Господи, послал ей это успокоительное сновидение, после которого она снова позволила мне жить в ее доме и вкушать пищу за ее столом, чего она не допускала с тех пор, как я увлекся столь противными ей убеждениями!»

Ей снилось однажды, что стоит она на длинной узкой полосе, как всегда, подавленная своей печалью, и вдруг видит, что приближается к ней Ангел, радостный, весь в сиянии! Ласково он спросил у нее, отчего она ежедневно проливает такие слезы? «Я плачу по погибающей душе своего мальчика», – с тоской ответила она. Ангел светло улыбнулся и сказал: «Не бойся! Оглянись, там, где ты стоишь, видишь, стоит и он!» Она оглянулась в своем сновидении и с трепетной радостью действительно увидела, что Августин тут же возле нее. «Когда мать рассказала мне этот сон, – пишет Августин, – я старался

объяснить его тем, что она примет мои убеждения; но она отвечала: нет, этого не может быть; он не сказал мне, что я стану там, где ты стоишь, но что ты станешь рядом со мной».

Эта радостная надежда еще не скоро сбылась. Целых девять лет Августин блуждал во мраке порока и лжи. Моника просила одного святого епископа поговорить с сыном, чтобы обратить его. «Еще не время, – отвечал он, – оставь его и молись о нем». Моника продолжала со слезами умолять епископа. «Успокойся, – сказал он ей, – продолжай только молиться; невозможно, чтобы погибло чадо стольких слез».

Против воли матери Августин поехал в Рим, где стал преподавать красноречие. Вскоре он занемог опасно. Теперь он не просил Крещения, а, напротив, глумился над Священным Таинством, ибо потерял уже всякую веру. Но *непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его* (Рим. 11:33)! Понадобился в Милане преподаватель красноречия; обратились к префекту римскому Симмаху²⁰⁸, и он дал эту должность Августину. Прибыв в Милан, Августин воспользовался первым случаем, чтобы услышать проповедь великого Амвросия. «Я приведен был к нему, – говорит он, – неведомо Богом, чтобы быть заведомо приведенным от него к Богу».

Епископ принял его с обычной добротой, и Августин сразу почувствовал над собой его покоряющую силу. По целым часам стоял он в переполненной народом базилике и с наслаждением слушал его слово; вначале приятно было ему слушать потому, что речь была красноречива и увлекательна и что сам величавый вид Амвросия неотразимо привлекал его к себе, но мало-помалу началось воздействие этой крепкой души на его душу, и он, быть может, еще бессознательно стал веровать в значение того, о чем говорил Амвросий.

Он пожелал быть принятым в число оглашенных. В тихой радости услышала Моника о желании своего сына, сама же она почти жила в базилике Амвросия, все молилась и ждала.

В душе Августина совершалась между тем трудная борьба: христианское учение представлялось ему как единый путь к свету и спасению, но с ним боролись страсти, привычки

грешной жизни, которые жаль было оставить. «Спаси меня, Господи, но еще не теперь», – взывал он иногда из глубины души, терзаемой желанием истины и привязанностью к заблуждениям. Изучение Посланий святого Апостола Павла произвело глубокое впечатление на его душу, расширило его сердце, смирило его гордость. Близка уже была заря его новой жизни. «Слова Твои, Господи, глубоко проникли в сердце мое, – писал он, – со всех сторон я был как бы осаждаем Тобой; не было уже во мне сомнения насчет жизни вечной, хотя и видел ее только как бы сквозь тусклое стекло, гадательно; я уже понимал, что Ты – единственный Источник всего сущего, не осталось во мне другого желания, как утвердиться в Тебе... Но в том, что касается до христианской жизни, я еще колебался; сердце мое не очистилось от старой закваски; я радовался, что обрел Спасителя, что знаю истинный путь, но не решался ступить на этот узкий путь».

Однажды к Августину и к другу его Алипию пришел один соотечественник их, Понтиниан, христианин. Разговаривая с ними, он случайно взял книгу, лежавшую на столе, и с радостным изумлением увидел, что эта книга – Послания Апостола Павла; эту книгу он не ожидал найти у Августина. Он стал говорить о Господе, о силе веры, рассказал, как в Египте Антоний, услышав евангельское слово о добровольной нищете, тотчас же оставил все, чтобы отдать себя Богу; далее он стал говорить о множестве людей всех званий, всех состояний, которые, побежденные любовью ко Христу, оставляют мир и, удаляясь в пустыни и монастыри, служат Господу молитвой, лишениями и трудами. Августин был потрясен до глубины души; изменившийся звук голоса, выражение лица – все обличало его душевное волнение. Он вышел в сад; душа его была полна ужаса – так он ненавидел себя за нерешимость отдаться Тому, к Кому призывали его все силы его души. «Чтобы идти к Тебе, Господи, – писал он, – не нужно было ни колесниц, ни кораблей, нужна была только воля, но воля всецелая, твердая, не похожая на те болезненные и колеблющиеся порывы, которые в утомительной борьбе то возвышают душу к небу, то влекут ее к земле».

Утомленный и измученный внутренней борьбой, чувствуя, что в нем поднимается страшная буря, которая должна разразиться слезами, он пал на землю и дал слезам полную волю. «Они лились потоками, и Ты, Господи, принял их, как жертву, Тебе угодную, – говорит он. – Я зывал к Тебе: доколе, Господи, доколе гнев Твой на меня? Забудь неправды прежней жизни моей! Я чувствовал, что эти-то неправды гнетут меня, и повторял мысленно: когда же, Господи? Завтра ли? После-завтра ли? Почему не сейчас будет конец моему поношению? Пока я это повторял, рыдая и проливая горячие слезы, мне вдруг послышался певучий голос как бы ребенка или молодой девушки, повторяющий несколько раз: Возьми, читай! Возьми, читай! – Я изменился в лице и стал припоминать, нет ли какой игры, в которой дети повторяют этот припев; но ничего подобного я не припомнил и пришел к заключению, что мне повелевается открыть Священное Писание и прочесть то, что представится моим глазам. Так Антоний, как мне рассказывали, услышав в церкви слова: *пойди, продай имущество твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах* (Мф. 19:21), принял их, как повеление Божие. Я встал и пошел к тому месту, где я оставил книгу Посланий. Я взял ее, открыл и прочел глазами следующие слова: *не предаваясь ни пированиям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти; но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти* (Рим. 13:13, 14)».

Далее он не стал читать, да и не нужно было: уже свет озарял мрак его души. Он пошел к матери. Взглянув на него, Моника поняла все: в ответ на ее молитву Господь даровал ей более даже, нежели она дерзала просить, – в радости его тихого взгляда она чувствовала, что «сладость любви Божией навсегда вошла в его сердце».

Августин написал Амвросию письмо, в котором изложил всю историю своей жизни и просил дозволения готовиться к принятию Святого Крещения. В тишине уединения, в горах Италии он в продолжение нескольких месяцев готовил свою душу к переходу в обновленную жизнь. «Тесен дом души моей, чтобы

Тебе войти в него; но да будет он расширен Тобой! Он в развалинах, восстанови его. Он сильно оскорбит Твои очи, я знаю это, но кто очистит его и к кому я воззову, кроме Тебя: очисти меня, о, Господи, от тайных моих грехов!» Наконец, настало то время, которого он ожидал в трепетном восторге: накануне Пасхи 387 года Августин принял Святое Крещение от руки самого Амвросия.

Облеченный в белые одежды, он воспел торжественный гимн, незадолго перед тем сложенный Амвросием, «Тебе Бога хвалим», который в то время воспевали и крещаемый, и совершавший крещение. Чудно-таинственное песнопение вызывало в нем благодать слез, наваяло на него тихую радость, в Боге успокоилось сердце его. «Ты сотворил нас, – писал он, – для Тебя Самого, потому и мятется наше сердце, пока не обретет Тебя!»

Вскоре после Крещения Августин с Моникой решили возвратиться на свою родину. Перед отплытием в Африку они провели несколько дней в Остии, на берегу Средиземного моря.

Августин, подобно Василию Великому, любил природу и находил глубокое наслаждение в общении с ее красотами: вид моря всегда приводил его в особенный восторг, но никогда еще он не смотрел на мерцающие его волны с таким глубоким чувством, как в тот достопамятный вечер; и ему, и матери его думалось, что это последний вечер пребывания их в Остии. Трогательно оставленное Августином описание этой беседы. Они сидели вдвоем у окна: над ними – темная бездна безоблачного, звездного неба; перед ними – сверкающая бездна беспредельного моря, а вокруг – тишина таинственной ночи. Все ее величие отразилось в душе у них обоих неудержимым стремлением к горнему, небесному. Тихо лилась их речь, далеко отступало все земное, близким становилось одно невидимое, и неземная радость, касаясь их, была как бы предчувствием того блаженного часа, в который раздастся призывный глас: внидите в радость Господа своего! «Сын мой, – сказала Моника, готовясь расстаться с ним, – я жить хотела, чтобы вымолить тебе истинную радость, – мой Бог даровал мне более, нежели я просила у Него: я вижу тебя Его служителем и знаю, где сокровище твое; теперь я могу умереть радостно». На другой

день предположенный отъезд пришлось отложить: Моника занемогла, и через несколько дней ее уже не стало. Она совершила дело свое и показала христианским матерям, как сильны молитвы и слезы матери, как много может слабая женщина, одушевленная верой и любовью!

Августин сознавал, что грешно проливать слезы по этой чистой, блаженной душе, отошедшей в жизнь; но при мысли, что возле него нет больше той прекрасной жизни, которая с его младенчества охраняла его, он не мог удержать своего плача.

Возвратившись на родину, Августин продал имение свое и роздал деньги бедным, а сам стал иноком и провел три года в совершенном уединении и в строгих подвигах.

В 395 году он был избран епископом Иппонским. От Амвросия принял он высокое понятие о епископском сане и о епископской власти, но вследствие мягкости своего характера и нежности душевной не мог осуществить той власти, которую ценил так высоко в учителе своем Амвросии. Августин желал быть учителем бедных. В епископском сане не изменил он обычной простоты своей ни в образе жизни, ни в обращении с людьми. Тридцать пять лет он епископствовал, и во все это время проповедь его была услугой тех бедных, простых жителей Иппонского края, к которым была обращена исключительно. В этой проповеди не было ни высокого красноречия, ни глубоких богословских рассуждений, но было нечто, глубоко трогавшее сердца людей, — была любовь и горячее желание наставлять свою паству на добрую христианскую жизнь. Сердце у него было пламенное, и глубокая вера проникала всю жизнь его. Оттого и слово его озарило и укрепило в любви христианской многих, и творения его драгоценны для всех благочестивых христиан, хотя не все богословские его мнения одобряются Церковью.

Иероним (340–387) — один из знаменитейших отцов Западной Церкви, родом из Стридона, на границах Паннонии и Далмации, прославился и своей аскетической жизнью, и борьбой с еретическими учениями, и в особенности своими писаниями, которые составляют драгоценное достояние Церкви. Пылкий от природы, с живым воображением, он увлекался в юности

своей искушениями роскошной жизни Рима, но вскоре преодолел себя и предался ученым трудам и уединенной молитве. Проведя несколько лет в суровом пустынножительстве, он испытал тяжкую борьбу со страстями, прежде чем успел достигнуть желанного мира. Затем в Риме он явился суровым обличителем распущенных нравов тамошнего духовенства и, собрав около себя дружину благородных жен и девиц, одушевленных желанием исправить нравы римского общества и стремлением к аскетической жизни, вступил в борьбу с укоренившимися в Риме злыми обычаями. Это возбудило против него злобу всех, кого не щадил он в своих беседах и посланиях, так что он принужден был оставить Рим и отправиться в Палестину, где обошел все святые места и, наконец, избрал себе место пустынножительства возле Вифлеемской пещеры. Здесь вскоре после падения Рима, поразившего весь христианский мир крайним унынием, скончался Иероним. И в Риме, и в Палестине написаны были им знаменитые творения, составляющие в совокупности целую библиотеку. Обширная его переписка дошла до нас и представляет живую картину христианского общества и нравов того времени. Но всего драгоценнее труды его по переводу и истолкованию Священного Писания. Глубокое знание и греческого, и еврейского языков дало ему возможность исследовать и проверить с подлинниками списки священных книг и Ветхого, и Нового Завета и приготовить латинский перевод всей Библии, который послужил основанием текста, принятого Западной Церковью и доныне в ней употребляемого.

Глава XIX. Магометанство

Аравитяне или сарацины, считавшиеся потомками Сима и Измаила, издревле расселенные по Аравийскому полуострову Азии, отличались своим патриархальным бытом и независимостью, которую успели сохранить в течение многих веков под властью родовых старшин своих, эмиров и шейхов. Первоначальная религия их, состоявшая в поклонении солнцу, луне и звездам, выродилась с течением времени в грубое идолопоклон-

ство, причем каждый род имел и чествовал собственных богов своих; однако от времен древних тайлось между ними сродное с еврейским предание о едином Боге, коему имя было *Алла*. Этих диких и воинственных сынов пустыни, разрозненных разнообразными языческими суевериями, аравитянин Магомет принял и успел объединить в новой, основанной им религии.

Магомет родился в 570 году в Мекке, где находилось главное идольское святилище аравитян. Отец его был идолопоклонник, мать – иудейка, один из близких родственников – христианин. От природы задумчивый и мечтательный, Магомет молодость свою провел в торговых путешествиях, имел случай многое видеть и наблюдать. Церковные смуты на Востоке породили немало еретиков и фанатических сектантов, странствовавших далеко и разносивших всюду толки о вере и рассказы о священных событиях. Списки Священного Писания были редки, но вместо них в народе обращались баснословные сказания о Христе Спасителе. Из этих источников Магомет, по всей вероятности, почерпнул свои понятия о Христианстве. Женившись на богатой вдове, Магомет получил возможность не работать, а на досуге предаваться своим мечтам. Достигнув сорокалетнего возраста, он совсем бросил торговлю, провел несколько времени в уединенной пещере и явился оттуда в Мекку, объявил себя пророком, получившим через Архангела Гавриила небесное откровение: повеление уничтожить язычество и восстановить правую веру – веру Ноя, Авраама и других пророков, искаженную будто бы иудеями и христианами. Иисуса Христа он почитал за великого пророка. «Нет Бога, кроме Бога, и Магомет пророк Его!» В этом обычном воззвании магометан выражается сущность учения Магомета; он излагал его в кратких изречениях, которые, будучи впоследствии собраны, составили книгу Алкоран. Он сохранил много иудейских обычаев и предписывал некоторые правила христианской нравственности: милостыню, посты, частую молитву; дозволял многоженство, обещал правоверным рай и вечные наслаждения и как к делу святому призывал их к распространению ислама и искоренению врагов Божиих, то есть христиан

и идолопоклонников во всей вселенной, которую, по слову его, призваны были завоевать для новой веры аравитяне.

Природное красноречие Магомета, поэтический дар слова, выразившийся в его Коране, волшебные сказки, которые он умел передавать, как сущую быль, некоторые его личные качества, наконец, благоприятные условия именно того времени: волнение среди христиан вследствие ересей, религиозная вражда, разделявшая арабов-язычников, – все это способствовало тому, что лжеучение Магомета быстро распространялось, и число его последователей с каждым днем умножалось при содействии учеников, которых он собрал около себя. Магомет умел внушить народу безграничное доверие и горячую привязанность к себе; умел направить воинственный пыл аравитян к делу, которое представлял делом священным; учил их презирать опасность и смерть, представляя им, что определенной каждому судьбы миновать нельзя. Вскоре он завладел Меккой, а потом и вся Аравия признала его учение и власть. В лице своем он соединял власть и духовную, и гражданскую.

Утвердившись в силе, Магомет отправил послов ко всем соседним народам – в Абиссинию, в Египет, в Персию, в Константинополь – с приглашением покориться исламу. Когда император Иракий отверг это предложение, Магомет со значительными силами собрался идти на него войной, но вскоре (в 632 году) скончался, и войну продолжал преемник его Абубекр²⁰⁹, первый калиф, или наместник пророка. Успехи Абубекра и наследника его Омара²¹⁰ были так быстры, что чрез несколько лет в Сирии, Египте, Палестине распространилось учение Магомета и все эти страны признали власть калифа. В 637 году Омар осадил Иерусалим; жители защищались два месяца с отчаянным мужеством, но принуждены были сдаться. Патриарх Софроний вел переговоры и сдал город Омару с условием, чтобы были сохранены в целости Гроб Господень и христианские храмы. Это условие было соблюдено; на месте же, где стоял храм Соломона, Омар заложил *мечеть* – так называется молитвенный дом магометан.

В продолжение VII века калифы завоевали Персию, Армению, Каппадокию и часть Африки, но потерпели неуда-

чу, осаждая Константинополь, и принуждены были платить дань Византийской империи. Считая святой обязанностью своей распространение ислама, калифы после победы всегда требовали от побежденных признания Магомета пророком; налагали на них дань, от которой освобождались лишь те, которые соглашались принять ислам; часто подвергали христиан преследованиям и тяжким истязаниям, ругались над верой их, упрекали их в многобожии и идолопоклонстве, указывая, что они поклоняются Святой Троице и чествуют иконы. Во многих странах Христианство очень оскудело, а с этим вместе падало и просвещение: разрушались школы и библиотеки. Овладев Александрией в 638 году, калиф Омар велел сжечь тамошнюю библиотеку, самую значительную в мире, наполненную сокровищами знания и литературы, собранными Птолемеями²¹¹. «Если эти книги содержат то же, что Коран, то они не нужны, – говорил он, – если же другое, то они вредны». Так погибли невозвратно драгоценные рукописи Александрийской библиотеки, основанной почти за триста лет до Рождества Христова.

Преследуя христиан, победители оказывали покровительство различным сектам, несторианам и другим в Египте, Сирии и Месопотамии. Это покровительство не относилось к вере их, но сектанты, ненавидевшие православных, оказывались полезными союзниками и верными подданными магометан. Так суждено было, по воле Божией, разориться и подпасть под неверную власть многим Церквям православным, некогда процветавшим и славным. Благодетельные современники признавали это бедствие карой Божией христианам за их взаимные распри, за оскудение любви и веры и упадок добрых нравов.

Глава XX. Иконоборчество. Седьмой Вселенский Собор. Иоанн Дамаскин

Едва начала Церковь Православная на Востоке успокаиваться от возмущавших ее ересей, как поднялась в ней новая жестокая смута от насилия над древним благочестивым ее

обычаем – молиться, взирая на иконы Спасителя, Божией Матери и святых угодников Божиих.

Этот обычай, издревле вошедший в употребление и служивший к великому утешению верующих, подавал иногда повод к злоупотреблениям. Люди, недавно бывшие еще язычниками, не отвыкшие от вековых преданий идолопоклонства, впадали в суеверие и склонны были соединять со святыми иконами понятия, свойственные язычеству, то есть, поклоняясь иконам, чувствовали неразумно не священное лицо, к которому от образа возводится молитвенная мысль, но сам образ делали предметом обожания. Против этого грубого суеверия всегда восставала Церковь, но вместе с тем благоговейно сохраняла древний обычай. Еще в IV веке святой Григорий Богослов, рассуждая об этом обычае, советует хранить его и не отменять из-за случайного суеверия, напоминая ученым и знатым людям, что для множества неученых, неграмотных и простых священные изображения служат вместо книг, возбуждая чувство веры и поучая в вере.

В VIII веке от людей ученых поднялись ожесточенные нападки на этот древний обычай с требованием отмены его: без сомнения, при частых тогда сношениях с магометанским миром действовали на них и мусульманские понятия, так как ислам отвергает решительно всякие священные изображения. К этой партии иконоборцев присоединился страстно тогдашний император Лев Исаврянин²¹², славный своими успехами в войне с мусульманами; он мечтал, что, уничтожив почитание икон, он привлечет к Христианству и мусульман, и иудеев.

Царь заявил о своей воле народу, но настроение народа было мрачное, чувствовалось глубокое неудовольствие. Тогда он обратился к патриарху. Патриархом Константинопольским был в то время Герман²¹³, муж твердой веры и святой жизни. Он объявил царю, что не отступится от святых икон и готов пострадать за них с народом, а к епископам написал послания, убеждая их не изменять Церкви и разъясняя им истинное значение иконопочитания. Царь, видя, что ни угрозою, ни лестью нельзя уговорить святителя, решился обойтись без согласия Церкви и издал в 728 году указ, воспрещавший поставление

икон не только в церквях, но и в домах частных. Тогда патриарх сложил с себя сан свой и удалился в изгнание. На место его был назначен Анастасий²¹⁴, который во всем подчинился приказаниям императора. Во исполнение царского указа велено было выносить отовсюду иконы и жечь их на площади. Начали с иконы Христа Спасителя, поставленной еще Константином над воротами царского двора. Но когда конюх, взобравшись наверх по лестнице, стал разбивать ломом лик Христов, народ возмутился и, отняв лестницу, избил конюха до смерти. Вспыхнул мятеж, начались жестокие казни мятежников и ослушников. В ожесточении своем царь велел разрушать училища, в которых наставники не принимали его мнения об иконах; вместе с огромной библиотекой сжег в Константинополе и двенадцать человек библиотекарей за то, что один из них указал в рукописях мнения, противные иконоборству. Разрушались монастыри и пустынные кельи, иконы предавались поруганию, преследовались иконописцы. Тогда многие, гонимые на Востоке, нашли убежище в Италии, где ввели начало живописи; множество православных искали спасения в бегстве, но не всегда могли укрыться от ярости гонителей, которые преследовали их и в чужих странах; темницы были полны узников: православные громогласно заявляли, что хотят лучше перенести всякого рода мучения, нежели не почитать Господа и святых Его в их изображениях. Народ показывал презрение к тем из епископов, которые из угодливости к царю принимали иконоборство, а страдалец за иконы чествовал, как святых мучеников.

Император усиливался склонить на свою сторону Римскую церковь, но папа Григорий II²¹⁵, а также преемник его папа Григорий III²¹⁶ в своих письмах к нему обличали безумие иконоборческой ереси и даже грозили, что, если он будет настаивать на уничтожении иконопочитания, Рим отойдет из-под его власти. Эта твердость римских первосвященников в смутное для Церкви время немало послужила к возвеличению папства на Западе.

На Востоке сильнейшим обличителем иконоборства является *Иоанн Дамаскин* – славный и в христианском, и в мусульманском мире. Араб-христианин, он снискал себе всеобщую

любовь и уважение и занимал важную должность первого министра калифа Дамасского. Его занятия по делам управления не препятствовали ему предаваться изучению богословских и философских наук, так что, когда вспыхнула новая ересь, он не только как верующий, но как богослов и ученый выступил против нее. Живя в стране, подвластной мусульманам, Иоанн мог беспрепятственно вести борьбу с императором и в защиту святых икон написал три послания, которые признаются Православною Церковью исповеданием истинной веры. В первом послании он смело обращается к самому императору со следующими словами: «Государь! Мы будем тебе повиноваться во всех случаях, касающихся дел житейских, но в убеждениях религиозных и ответственности за них в будущей жизни мы будем слушать Апостолов и учителей Христовой Церкви. Не станем мы потрясать в основании древние столпы, поставленные святыми отцами, но последуем в точности полученным от них преданиям. Что касается до меня, то не могу я повиноваться властелину, похищающему насильем священную власть у Церкви...». Затем слово его обращено к верующим для укрепления их в вере. «Братия, – говорит он, – будем стоять на камне веры и преданий Церкви, не переходя пределов, положенных святыми отцами, не попуская нововведений и не позволяя разорять здание Святой Соборной и Апостольской Церкви Бога Спаса нашего. Ибо, если и всякому, кто захочет, дозволено будет отваживаться на все, то мало-помалу все тело Церкви разрушится. Будем поклоняться и служить Единому Творцу, как по естеству Своему Единому, достойно поклоняемому Богу; будем поклоняться Пресвятой Богородице не как Богу, но как истинной Матери Божией по плоти; будем поклоняться и святым угодникам Его как избранным служителям Божиим, имеющим дерзновение к Богу. Братия! Христианин познается от веры: кто с верою приходит, тот получает великую пользу, а сомневающийся ничего не получит, ибо все святые верою угодили».

Послания эти переходили из рук в руки, служа источником утешения для страдавших за свою святыню, производили глубокое впечатление в Константинополе и на всем Востоке.

Власть царя была бессильна против грозного обличительного слова, которое раздавалось из-за пределов его владений, и он, пылая злобой, решился прибегнуть к клевете, чтобы погубить Иоанна. Он составил от имени его подложное письмо, в котором Иоанн будто бы предлагал предать царю Дамаск. Калиф поверил клевете и прогневался на Иоанна. Житие святого повествует, что калиф велел отрубить у него правую руку, но чудесной помощью Пресвятой Богородицы отсеченная рука срослась с составом; невинность Иоанна обнаружилась, и калиф возвратил ему прежнее безграничное свое доверие.

По кончине святого Иоанна иконоборчество, еще усилившись, охватило всю Восточную Церковь. В 741 году умер Лев, оставив царство сыну своему Константину Копрониму²¹⁷, еще более лютому иконоборцу, человеку злобному, жестокому, лукавому и развратному, от которого страдала Церковь целых тридцать четыре года. Он собрал в 753 году лживый «собор» из 330 епископов-иконоборцев на осуждение икон и всех чествующих иконы. Тогда началось самое лютое и беспощадное гонение и умножилось число мучеников за святые иконы. Сын Константина, Лев²¹⁸, был тоже иконоборцем, но по смерти его вдова его, благочестивая царица Ирина²¹⁹, почитательница икон, прекратила гонение. На константинопольскую кафедру избран новый, правоверующий патриарх Тарасий²²⁰, и по внушению его положено для умиротворения Церкви собрать Вселенский Собор. Но его оказалось невозможно собрать в Константинополе, посреди войска, зараженного упорным иконоборчеством, и так он собрался в 788 году в Никее под председательством Тарасия и при участии 367 епископов, между которыми были и представители Римской церкви. Это был Седьмой из Вселенских Соборов, на которых зиждется вероисповедание Святой Православной Церкви.

Собор на основании Священного Писания и свидетельств из писаний святых отцов утвердил иконопочитание, выразив, что следует чествовать святые иконы и им кланяться не как Богу, а как Его и святых Его воспоминательному начертанию. Собор опроверг все пункты иконоборческой ереси. Определе-

ния Собора были сообщены всем Церквям. Римская церковь приняла их вполне.

Но этим Собором еще не закончилась иконоборческая смута. Ирине довелось царствовать недолго. Сменивший ее император и его преемники были нетверды в правой вере, а с 813 года при Льве Армянине²²¹ и потом при Михаиле²²² и Феофиле²²³ возобновились гонения на иконы и на всех поборников иконопочитания с лютостью, напоминавшей времена Копронима. Возобновилась борьба, в которой прославились новые мученики за Церковь и ревнители закона: в числе последних Церковь прославляет в особенности святого Феодора Студита²²⁴. Наконец, в 842 году вступила во власть правоверная царица Феодора²²⁵. Собранный по ее велению Поместный Собор снова и окончательно осудил иконоборческую ересь и установил Торжество Православия²²⁶, совершаемое донныне в Православной Церкви в первый воскресный день Великого поста.

Так окончилось безумное иконоборчество, которое в течение целого века терзало Церковь, жестоко нарушало свободу совести, в порывах дикого невежества разрушало монастыри, сжигало драгоценные рукописи, истребляло памятники искусства и вносило раздражение и разлад в жизнь человека.

Но не может грубая сила принудить верующий народ отречься от того, что освятило святое предание, что стало заветно дорого: именно в эти тяжкие времена в честь поруганных святых икон слагались те церковные песнопения, которые и поныне поются в церкви, составляя красоту и поэзию нашего богослужения. Самым вдохновенным песнопевцем этого времени был великий обличитель иконоборчества святой Иоанн Дамаскин. Сказание о том, как он светлую радость своей жизни принес в жертву Господу и как потом вновь воспринял ее по заступничеству Пречистой Девы, доводит душу до неизъяснимого умиления...

Презрев величие и почести, Иоанн, как о нем повествует сказание, покинул пышный двор дамасского калифа. Среди блеска и шума светской жизни душа его томилась... ей нужен был простор, общение с миром невидимым. Все свое великое

богатство он роздал неимущим, и один с посохом в руках направил путь свой к обители святого Саввы. Давно он взирал на эту святую обитель, как на желанное пристанище, на безбурное жилище, в котором чаял найти то, чего искала душа его. Путь его был трудный, шел он одинокий и нищий, но на душу его сходила благодать в чувстве бесконечной любви ко всему Божиему миру, в ней все возрастала сила вдохновения, и одна за другой в чудных звуках лились восторженные хвалебные песни.

Когда он достиг святой обители, игумен и братия, которые уже немало слышали о великом защитнике Православия, дивясь его смирению, с восторгом приняли его; но никто из иноков не дерзал взять его, как требовал устав, под свое духовное руководство. Наконец, один старец, известный своей строгой жизнью, изъявил желание принять его своим учеником. Когда же обрадованный Иоанн подошел к нему, чтобы от него принять благословение, старец, остановив на нем пытливый взор, промолвил: «Отныне наложи печать молчания на свои уста... таково первое мое тебе послушание». Как громом поразило Иоанна это слово, которое сразу отнимало у него всю красоту, всю радость, весь свет его жизни. От богатства, от почестей он отказался без сожаления, трудов и лишений он не боялся, давно душа его относилась безучастно ко всему земному и жила лишь восторгами святого вдохновения. Тут Иоанн понял, где для него скрывалось настоящее отречение, и безропотно, смиренно отдал Богу чудный дар свой – песнь свою. Разом в нем и вокруг него все точно погрузилось во тьму; дни за днями тянулись в томительном однообразии; с ужасом он прислушивался к тишине: ему все казалось, что замолкшие звуки снова пробуждаются в душе его, и он со страхом следил за собой... Но его крепкую волю сломило чувство жалости к чужому горю: однажды пришел к нему юный инок, безутешно плача о смерти своего брата, и умолял его со слезами уврачевать его страждущую душу надгробной, умильной песнью. Против слез его Иоанн не устоял, и из души его полились дивные звуки, сложилась чудная надгробная песнь. «Кая житейская сладость печали не причастна?» – песнь эта и ныне вносит в скорбные

души ту усладу и успокоение, которые принесла в ту пору бедному, одинокому иноку.

Гнев старца за нарушение возложенного им послушания был велик: он изгнал Иоанна из обители, однако, вняв просьбам всей братии, согласился оставить его, но с тем, чтобы в знак своего раскаяния он очистил своими руками все нечистоты монастыря. Иоанн с глубоким смирением принялся за исполнение этого нового послушания; он чувствовал себя виновным, соразмеряя степень своей вины с той всеобъемлющей радостью, которая исполнила его душу, когда он снова услышал песнь свою!

В ту же ночь, гласит предание, Владычица мира, Пресвятая Дева явилась старцу в сонном видении и, взирая на него, с тихим укором сказала ему: «Зачем ты заградил источник воды живой, той воды, которую возжаждал пить Давид, которую обещал Христос Самарянке? Оставь Иоанну песнь его, да разольется она широко по всей вселенной, претворяя печаль в сладость, возвещая пророческим гласом радость Воскресения Христова!»

Поутру проснулся старец и тотчас послал за Иоанном. Поведав ему свое видение, он сказал ему: «Прости мое неведение, ты сын послушания Христова, возвещай отныне своими устами то, что от Бога приняло твое сердце!» И с той поры потекли сладкими струями дивные песнопения Иоанна и исполнилось слово Пречистой Девы: многим претворяют они печаль в сладость, а в пасхальную таинственную ночь ими чудно выражается в нашей церковной службе торжество неба и земли, соединенных в одной совершенной радости – в радости общего Воскресения!

Кроме службы пасхальной Иоанн составил множество кондаков и ирмосов на великие праздники Господни. По особой благодати он украсил наше богослужение величественными «догматиками», которые в таинственно-поэтических образах проповедуют догматы о Святой Троице, о двух естествах Христовых, о почитании Пресвятой Богородицы и являют собою как бы опровержение всех ересей, которые волновали Церковь.

Стройное, мелодичное церковное пение уже ранее вошло в употребление, но окончательное определение церковных напевов принадлежит Иоанну: он установил 8 гармоний или

голосов, на которые положил составленные им же воскресные службы, и таким образом составилась Октоих, который служит основой всей нашей церковной музыки.

Святой Иоанн Дамаскин первый составил основное руководство к богословию: в своих писаниях он является великим учителем и Востока, и Запада. Он написал историю всех ересей, возникших в Церкви, начиная с первого века и до его времени, а также множество отдельных сочинений в их обличение. Особенно много писал он против иконоборчества, которое так оскорбляло его душу, грубо попирая его святыню – образ тех, к кому он с любовью притекал.

Долгие годы в уединенной своей келье трудился он на пользу Церкви Христовой, пока «не преиде ко Христу и к Пречистой Его Матери, да уже не в образах, но в зрении самого лица Их в небесной славе поклоняется Им».

Герман, преподобный Феодор Студит, Косма Маиумский²²⁷ также были вдохновенные песнопевцы этого времени, и все они сложили те исполненные высокой красоты церковные песнопения, которые каждому православному так знакомы и дороги!

Вот еще два имени, которых нельзя не упомянуть в числе великих песнопевцев, хотя они и не принадлежат к этому веку: **инокиня Кассия**²²⁸ и святой **Роман Сладкопевец**.

Не сложно, но глубоко трогательно краткое сказание о святом Романа. Смиранный, кроткий, незлобивый, он находил особую усладу в церковном богослужении, любил молиться именно в церкви Божией и в ней на молитве нередко простаивал целые ночи. Патриарх, заметив его ревность к церковной службе, поставил его в чтецы, хотя в чтении он разумел мало. За такое отличие его возненавидели другие церковнослужители и всячески старались оскорбить его: однажды в присутствии царя заставили его читать и петь на амвоне посреди церкви, но, начав, он докончить не мог... Горько и долго рыдал он перед образом Матери Божией; не было злобы в душе его, была лишь печаль о том, что не умеет он выражать все то, что душе его понятно, что так возлюбила она. В ту же ночь во сне увидел он Матерь Божию, Которая, тихо, ласково улыбаясь, вложила ма-

лый свиток в уста его... Проснувшись, он припомнил сон свой, и сердце его при этом воспоминании исполнилось неизъяснимою сладостью. Он почувствовал в себе прилив неведомой силы и, трепетно радуясь, поспешил в церковь, где уже шла утренняя. Когда настало время петь канон, святой Роман вошел на амвон и запел сладкозвучно вдохновенную, еще никем дотоле не слышанную песнь: «Дева днесь Пресущественного рождает...» Тихое умиление охватило всех присутствующих, и с тех пор святой Роман стал известен под названием Сладкопевца.

Многое множество сложил он вдохновенных кондаков на праздники Господни, на праздники Богородицы, на недели Великого поста. Чудный дар песнопения больше не покидал его, и ныне в селениях небесных чистая душа его с ликами ангельскими продолжает в дивных песнях славословить Господа.

Кассия, жившая в IX веке при императоре Феофиле, из благородного семейства, славилась умом, красотой и образованностью. В ее житии писано, что она по красоте своей выбрана была в число одиннадцати девиц, представленных императору, когда он искал себе невесту. Подойдя к Кассии и дивясь красоте ее, он сказал ей: «От жены произошло всякое зло». Но девица, покраснев, отвечала ему: «От жены же произошло и все доброе». Тогда император, раздраженный смелостью этого ответа, отойдя от нее, выбрал другую. Кассия, посвятив себя Богу, основала монастырь близ Константинополя. Сложенные ею каноны и стихиры исполнены вдохновения. Особенно замечательны две из них: одну мы слышим в навечерии Рождества Христова: «Августу единоначальствующу на земли»; другую – в среду Страстной седмицы, о жене, излившей миро на ноги Спасителя: «Господи, яже во многие грехи впадшая жена». Эта чудная стихира есть выражение уповающей любви в душе, беззаветно верующей в Любовь Святую и в благодать Того, Кого сама называет «Радостью Ангелов», в Нем ощущает Спасителя грешников и потому к Нему идет.

После IX века составилось еще несколько песнопений, установились некоторые праздники, но уже не было значительных дополнений в службах церковных. Главное, самое су-

щественное не изменилось, так что когда наша Россия приняла веру христианскую, то она с нею приняла и точно изложенные догматы веры, объясненные Вселенскими Соборами и святыми отцами и приведенные в систему великим Дамаскиным, и круг богослужебных книг, заключающий в себе чин и порядок совершения всех наших церковных служб, – драгоценное наследие, сокровище духовного утешения и назидания, твердо хранимое нами из рода в род.

Глава XXI. Распространение Христианства за пределами Римской империи

Когда Римское государство стало государством христианским, Церковь получила возможность распространить свою заботу и на языческие страны, лежащие вне пределов Империи: были устроены правильные миссии для обращения язычников, и с апостольскою неустранимостью шли к диким варварам ревностные проповедники Евангелия. Но и иными путями, путями самыми разнообразными насаждалось слово Божие, даже *до края земли* (Деян. 1:8; 13:47): христиане, попадающие в плен к язычникам, несут к ним свет учения Христа; язычники, попадающие в плен к христианам, при возвращении на родину сами сеют в своем народе семя святого просвещения; монахи, подвижники, поселяясь в пустынях в странах языческих, своей святой жизнью многих и многих привлекают к Источнику истинного света; наконец, женщины-христианки, вступая в замужество за языческих королей, своим влиянием приводят и мужей своих, и своих подданных к святой вере, которую сами они исповедуют...

Итак, и благовествование, и мир, и война, и гонение, и торговля – все пути несли язычникам свет веры Христовой; она точно со всех сторон обступала их, разливая все шире спасительные лучи свои.

Абиссиния. В первой половине IV века приняли Христианство абиссинцы или эфиопляне. Около 316 года один христианский ученый²²⁹ со своими родственниками, еще юноша-

ми, Эдессием и Фрументием²³⁰, путешествовал с научными целями в страны на юг от Египта по Черному морю. Случилось, что корабль, на котором он плыл, пристал к берегам Абиссинии. Абиссинцы напали на мореплавателей, избили и потопили их всех, кроме Эдессия и Фрументия, которых представили в дар своему царю. Абиссинский царь нашел их годными для своей службы и дал им должности при своем дворе. Вскоре Эдессий и Фрументий сделались лицами влиятельными; по смерти царя Фрументий сделался даже воспитателем малолетнего наследника престола, Айзана. Пользуясь таким значением в стране, Эдессий и Фрументий могли свободно исповедовать свою веру. Они знакомились с приезжавшими в Абиссинию по торговым делам римскими купцами, устраивали с ними богослужebные собрания и даже построили маленькую церковь. Когда Айзан вырос, Эдессий и Фрументий просили его отпустить их на родину. Эдессий отправился в Тир к своим родным, а Фрументий – в Александрию, где тогда был епископом Афанасий Великий. Фрументий рассказал ему, как легко могут быть просвещены Христианством абиссинцы, и просил прислать к ним епископа и клир. Святой Афанасий счел за лучшее поставить в епископа для абиссинцев самого Фрументия, который и отправился к ним обратно. Молодой царь абиссинский, по убеждению Фрументия, крестился, за ним крестились многие из его подданных. Фрументий был Абиссинским епископом долгое время, построил много храмов для новообращенных и после своей смерти оставил Абиссинскую церковь прочно устроенной; он же дал ей и перевод Святого Писания Нового Завета на абиссинском языке.

Иверия. Глубоко поэтично священное предание, гласящее, что земля Иверская была дана Самим Господом в удел Пречистой Деве Марии, когда святые Апостолы метали жребий, чтобы узнать, в какие страны им надлежало идти с проповедью. Пречистая Дева пожелала также быть причастною святому делу благовествования, и выпал Ей жребий быть просветительницей Иверии. Таинственно-чудным образом сказала Ее забота о стране той в просветительных трудах слабой, юной

девы, которую Она Сама избрала и в сонном видении благословила на великий подвиг, вручив ей крест, сложенный из виноградных лоз, и дав ей обещание всегда невидимо пребывать с ней. Давно уже сердце Нины²³¹ влекло ее именно туда, куда Пречистая указала ей путь. Все помышления ее были направлены к Иверии – к бедным, диким людям, *сидящим во тьме и тени смертной* (Лк. 1:79). Без страха, без сомнения, с крестом в руках пошла она к ним. На пути новое чудное видение укрепило ее душу, и во время сна был ей вручен чудный свиток, исписанный евангельскими изречениями, во главе которых было начертано: *истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала* (Мф. 26:13). И еще: *научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа* (Мф. 28:19).

В Иверии Нина скоро сделалась известна чудесной помощью, которую оказывала страждущим и болящим: со всех сторон приносили к ней больных и с молитвою она исцеляла их. Когда благословляли ее со слезами благодарности, она указывала на Того, Кому она служила, Чья любовь сострадала страждущим, исцеляя их немощи... Тихое слово ее, светлая, чистая жизнь пробуждали и оживляли семя добра в загрубелых сердцах, и многие уверовали. Царица Иверская²³², также ею исцеленная от тяжкого недуга, сделалась ревностной христианкой и побудила своего мужа к принятию веры Христовой. Тогда по совету святой Нины было отправлено посольство к Константину Великому с выражением желания всей Иверии принять Христианство. Антиохийский епископ, святой Евстафий²³³, прибыл в Иверию в 326 году, окрестил уверовавших и поставил епископа для новообращенной страны.

Старанием святой Нины воздвигались церкви, монастыри, и, видимо, апостольские труды ее были осеняемы благословением Матери Божией.

Армения. В первые века по Рождестве Христовом Армения нередко подпадала под власть римлян. Через это открывалась возможность сношения римских христиан с жителями Армении, и вместе с тем открывался путь Христианству

в Армению. Апостолом Армении (в III–IV веках) был Григорий²³⁴, получивший за свою проповедническую деятельность наименование Просветителя. Он был сын армянского князя Анака. При истреблении всего дома Анака Григорий, будучи еще двухлетним ребенком, был спасен от смерти своей кормилицей, христианкой, и отправлен в Кесарию Каппадокийскую, где получил христианское воспитание. Возвратившись затем на свою родину в Армению, он поступил на службу к царю и успел обратить его в Христианство. Желая устроить Армянскую Церковь на прочных началах, он отправился опять в Кесарию, принял от тамошнего митрополита сан епископа и, возвратившись в Армению, с необыкновенною ревностью взялся за обращение своих соотечественников. Царь и двор крестились, за ними крестилось много народа. Вместо языческих храмов во множестве появились христианские церкви, появилось церковное просвещение и просвещенный клир. После смерти Григория Просветителя попечение об Армянской Церкви перешло к его потомкам, из которых многие были и епископами. В начале V века один из таких потомков – Исаак Великий²³⁵ – вполне докончил дело Григория. Он основал множество церквей и монастырей, приготовил целое поколение просвещенных клириков, устроил христианские школы для народа и положил основание армянской богословской литературе. При нем изобретена армянская азбука и переведено Священное Писание на армянский язык. Затем началась и продолжалась более двухсот лет религиозная война между армянами и персами; но, несмотря на все старания, персам не удалось искоренить Христианство из Армении. Во время борьбы Церкви с ересями в IV веке и в первой половине V века Армянская Церковь оставалась верна Православию; но во второй половине V века она отделилась от Церкви Вселенской по поводу ереси монофизитской.

Галлия. Покоренная еще при Юлии Цезаре²³⁶ Галлия составляла одну из областей Римской империи. Первым проповедником в ней Евангелия был ученик Апостола Павла Криспентий²³⁷. Около середины II века святой Поликарп Смирнский послал в Галлию проповедников. Между ними особенно изве-

стен ученик его, Иринея²³⁸, много подвизавшийся за веру Христову, которая при нем в Галлии окончательно утвердилась. Другой ученик святого Поликарпа – Потин²³⁹ – был первым епископом, поставленным в Галлию; он в царствование императора Марка Аврелия пострадал за Христа вместе со многими другими мучениками, славны имена которых в истории Церкви. В V веке Галлия имела уже много церквей и монастырей, и во всех главных городах находились епископы, поставленные от Рима. Но в эту пору Галлия подверглась страшному разорению, ибо через Галлию варварские орды проходили далее в Испанию, Италию и Африку. Часть Галлии была завоевана готами. Готы были ариане, но не тревожили православных епископов, которые продолжали свободно править делами Церкви. Однако по мере того как готы завоевывали новые области, власть ариан все усиливалась и православные привыкли взирать на папу, как на единого сильного представителя никейского вероисповедания на Западе.

Другую часть Галлии покорили франки. Эти идолопоклонники отличались такой же храбростью в битвах, как и свирепостью, коварством и жестокостью, однако нашли себе поддержку и союзников в духовенстве, которое увидело возможность через это усилить свое значение и силою франков сокрушить еретиков. Дикие франки приняли Христианство и признали над собою власть папы при вожде своем Хлодвике²⁴⁰.

Хлодвик был женат на христианке Клотильде; она долго и безуспешно убеждала его оставить идолопоклонство и обратиться к Богу истинному, но однажды во время сражения, когда победа уже клонилась на сторону врагов, Хлодвик дал обет креститься, если Бог Клодильды поможет ему. Победа осталась за ним, и он исполнил обещание свое. Реймский епископ торжественно совершил над ним Святое Крещение; 3000 человек из дружины его последовали примеру вождя. Известили папу об обращении короля франков, который в знак своей сыновней покорности послал в Рим богатые дары.

Преемники Хлодвика, христиане по имени, оставались варварами по образу жизни, но имели усердие к Церкви и ще-

дро делились с ней добычей своей: землями и богатствами, добытыми силой и неправдой; охотно дарили Церкви поместья и сокровища «для оставления грехов и спасения души». Искусная политика пап умела содержать их в повиновении, и Галло-Франкская Церковь стала главной опорой папской власти на Западе и охраной правой веры от ересей, которых держались прочие варварские племена. Между галльскими епископами было немало людей, отличавшихся и ученостью, и благочестием, так что в VI веке Галло-Франкская Церковь славилась во всем христианском мире.

Британия. Покоренная римлянами, Британия еще в первых веках Христианства слышала благовествование слова Божия. Первые проповедники веры в Британии прибыли с Востока, и Британская Церковь долго хранила обычаи древней Ефесской Церкви.

Впоследствии, когда она подпала под власть дикого воинственного племени англосаксов, Британия стала называться Англией. Англосаксы были идолопоклонники. Вражда покоренного племени к чужим властителям долго препятствовала распространению между ними христианской веры, да и в самих британцах она видимо оскудевала, и скоро трудно было найти даже след ее среди одичалого народа.

В конце VI века папой Григорием Великим²⁴¹ положено было основание христианской Церкви в Англии. Рассказывают, что, будучи еще иноком, он встретил однажды в Риме пленных юношей необыкновенной красоты, которых продавали в рабство; их ясно-голубые глаза, длинные белокурые волосы, нежный цвет лица поразили его, и, узнав, что их зовут англами, что они привезены с далекого острова и не знают Бога истинного, он воскликнул: «Им не англами, а Ангелами приличнее называться, ибо на ангелов они походят». И с этой самой минуты глубоко запало ему в душу желание начать в Англии святое дело благовествования. Он выписал к себе в Рим несколько молодых англов, обучив, образовал из них миссионеров и, наконец, сделавшись папою, успел осуществить давнишнее свое намерение: отправил их в Англию под руководством монаха Августина²⁴².

В 597 году римские благовестники пристали к берегам Англии и успели утвердиться там и снискать покровительство короля²⁴³. Вскоре их благочестивая жизнь внушила к ним общее уважение. Рассказывают, что они творили чудеса и молитвою исцеляли больных. Многие уверовали и принимали Святое Крещение. Вскоре крестился и король. Он всенародно объявил себя христианином, но прибавил, что пример его не обязателен для его подданных и что всякий свободен исповедовать новую веру или прежнюю. Множество народа обратилось; в один день Августин окрестил 10 000 человек; богослужение совершалось в полуразвалившихся древних христианских церквях. Король дал благовестникам земли, и Августин известил папу об успехе дела. С тех пор новые проповедники являлись из Рима, Церковь утвердилась в Англии, основались монастыри и школы, и христианское просвещение распространилось.

Германия. В некоторых областях Германии христианская вера начала распространяться очень рано; в III и IV веках были уже епископства во многих областях, но эти области постоянно опустошались <то> варварами, то гуннами, то готами, то вандалами. Все эти варвары были или язычники, или ариане, и Христианство, едва укоренившееся, не устояло против их бурного набега. Только кое-где остались лишь слабые следы прежнего просвещения, и язычество еще не успело прочно водвориться в этих краях, когда снова началось в VI веке благовествование святого Евангелия.

Знаменитый проповедник, заслуживший название «апостол Германии», хотя он и не был первым благовестником в этих землях, известен в истории под своим иноческим именем Вонифатия.

Он родился в Англии и, с ранней молодости вступив в иночество, стремился к деятельности благовестника. Посетив Рим, Вонифатий там торжественно присягнул в верности папе и получил от него со званием епископа обещание покровительства. Из Рима он направился во Фризскую область на Рейне, где рядом с начинавшейся христианской Церковью язычество было сильнее. Возле главного города области сто-

ял огромный вековой дуб, посвященный богу громовержцу, – предмет суеверного поклонения народа. Вонифатий срубил священное дерево. Объятые ужасом, язычники ожидали, что божество отмстит дерзновенному, но когда не воспоследовало ничего, они убедились в бессилии мнимых богов своих и множество народа согласилось принять Крещение; разрушенный дуб послужил на постройку малой церкви во имя святого Апостола Петра. С этого дня Вонифатий начал служение свое. Папа предоставил ему звание архиепископа всей Германии и право надзора над всей Церковью. Вонифатий деятельно заботился о просвещении вверенных ему людей и об уничтожении беспорядков и злоупотреблений, вкравшихся в Церковь. Он проповедовал, устраивал церкви, монастыри и епархии, назначая в них усердных деятелей, заботился об образовании юношества, заводил училища, из коих выходили впоследствии сотрудники его и помощники. Вся деятельность его была непрерывной борьбой то с язычеством, то со светскими и духовными властями, но твердостью своей и неутомимой ревностью он сумел победить сопротивление. К исходу его жизни и деятельности Германская Церковь была уже вполне подчинена папскому престолу.

Славяне. Славянские племена к IX веку занимали почти всю восточную половину Европы.

Тогда как другие народы, жившие от них на юг и запад, были просвещены Христианством, славяне оставались еще язычниками. Но в IX веке Христианство стало распространяться и между ними. Замечательно, что все славянские племена приняли Христианство из Византии, следовательно, от Восточной Православной Церкви. Двум братьям, святым Кириллу и Мефодию, суждено было сделаться орудием воли Божией в деле просвещения славян.

Оба они были родом из города Солуни. Мефодий, старший, по окончании образования поступал на военную службу и был правителем одной славянской области, но скоро оставил мир и принял иночество в одной обители на горе Олимпе. Константин с детства выказывал удивительные способности

и получил превосходное образование при царском дворе вместе с малолетним императором Михаилом III, где пользовался уроками знаменитого Фотия²⁴⁴ – впоследствии патриарха Константинопольского. По окончании воспитания он некоторое время преподавал в главном константинопольском училище любимую свою науку – философию. Самая блестящая будущность открывалась перед ним, но к иному стремилась его молодая жизнь; в душе его горел огонь, возожженный рукою Божию: *кого Он предопределил, тех и призвал* (Рим. 8:30). Он на 24 году покинул шумную столицу Востока, удалился в тот монастырь, в котором уже давно жил брат его Мефодий и там в тиши уединения пребывал в посте и молитве, готовя себя на дело, ему неведомое, но ведомое Господу.

Светильник Божий горел, оставалось только указать его ищущим света. Хозары, жившие между Доном, Волгою и Каспийским морем, обратились к императору Византии, прося его послать к ним человека книжного, ученого, который мог бы разъяснить все их сомнения о вере. Поручить такое дело было возможно только братьям солунским, и, по желанию императора, отплыли они на царском корабле в Корсунь – город, сопредельный с областью Хозарскою, где останавливались на время, чтобы изучить язык хозаров.

Итак, благовестники Христовы, еще раньше своего путешествия к западным славянам, коснулись пределов России, и первая их проповедь раздалась именно в Корсунь, откуда должен был воссиять свет учения Христова на всю землю русскую. Умилительно, что пребывание их в Корсунь ознаменовалось обретением мощей святого Климента, о котором жива была память на этом месте, где он так много страдал страданием страждущих, где любовь его и молитва были отрадой и силой стольких несчастных.

Много потрудились святые братья в земле Хозарской, много успела проповедь их, и хозары проводили их с почестями и благодарностью. По возвращении на родину они снова удалились в монастырь, но скоро снова были вызваны волей Божией на великое служение: настало время, опреде-

ленное Господом, – славянские народы сами восхотели принять святое просвещение.

Болгарский царь Борис посылает в Царьград за благовестниками и священниками; приходят в Царьград и послы от чехов и моравов: «Мы слышали, – говорят они, – что от вас закон добрый исходит в другие страны, позаботьтесь же о спасении нашем и пришлите нам наставников».

Велика была радость императора и патриарха; тотчас был созван Собор для необходимых совещаний, и снова взоры всех устремились на солунских братьев, и им было предложено взять на себя подвиг благовествовать народам славянским. Они согласились с радостью, но одно смущало и опечаливало их: у славян не было своего языка письменного, а учить без помощи писем, говорил святой Кирилл, то же, что писать на воде... Необходимо было найти буквы, составить азбуку, соответствующую славянской речи. Молитвой и сорокадневным постом готовился святой Кирилл к предпринятию этого труда. Он верил, что в немощи сила Божия совершается, и дано ему было по вере его: он выполнил великую задачу свою, азбука была составлена...

Первые слова, написанные на языке славянском, были начальные слова Евангелия от Иоанна: *В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог* (Ин. 1:1). Этот великий труд святого Кирилла был радостно приветствован в Константинополе, и в присутствии императора был отслужен благодарственный молебен.

В 863 году святые Кирилл и Мефодий отправились в славянские земли, неся славянами дар бесценный – Слово Божие на их родном языке.

«Услышите, славяне все, – говорил им святой Кирилл, – слово, еже от Бога прииде, слово, еже кормит души человеческие, слово, еже крепит сердца и умы... Душа не имеет жизни, если словес Божиих не слышит. Без света нет радости оку видеть творение Божие, так и всякой душе бессловесной, не ведущей Божия закона. Отверзите прилежно уму двери, оружие примите твердое, еже куют книги Господни: в буквах мудрость Христова является, она души ваши укрепит!»

Глава XXII. Падение Западной Римской империи

Начало V века застало на престоле двух сыновей Феодосия Великого: Аркадия на Востоке и Гонория на Западе. Оба были равно неспособны управлять Империей в такое трудное время, когда ей со всех сторон угрожали сильные и многочисленные враги.

Аркадий, слабый и бесхарактерный, совершенно подпал под влияние недостойных своих любимцев, которые, овладев им, возбуждали его к покровительству ересям и к гонению на Церковь, сами же угнетали и грабили его подданных, между тем как готы и другие племена опустошали северные области Империи. Ему наследовал восьмилетний сын его, Феодосий Младший. Вскоре шестнадцатилетняя сестра царя Пульхерия была призвана разделить престол брата и показала себя достойной дочерью Феодосия Великого: она мудро управляла внутренним делами, а в сношениях с внешними врагами умела поддержать честь Восточной Римской империи. Имя ее чествуется и Церковью, и историей. Феодосий Младший, воспитанный под ее надзором, действовал разумно лишь дотоле, пока слушал сестру свою. Положение Империи становилось все труднее, и в последние годы своего царствования Феодосий был принужден платить дань дикому народу гуннов, которые тревожили области его частыми нападениями. По смерти Феодосия Пульхерия избрала себе в супруги и соправители Маркиана, который с мужеством отстаивал достоинство империи. Когда царь гуннов, Аттила²⁴⁵, потребовал у него дани, Маркиан твердо отвечал: «У меня золото для друзей, железо для врагов», – и Аттила, оставив в покое Восток, обратил силы свои на Запад. Наследники Маркиана также отстаивали Империю против врагов, и блестящее царствование Юстиниана (527–565) напомнило миру древнюю славу римского оружия.

Бедственнее была судьба западной части Империи, и уже в V веке совершилось падение Рима. При слабом Гонории вар-

вары беспрестанно нападали на Италию и соседние области Империи, слабевшей с каждым днем. В первых годах V века Аларих²⁴⁶ – король вестготов, опустошив северную Италию, явился к стенам Рима. Изумление и негодование овладели гордыми римлянами при вести, что варвары дерзают угрожать Вечному Городу, но опасность отечества не возбудила их к благородному мужеству. Когда голод начался в городе, окруженном со всех сторон врагами, тогда сенат вступил в переговоры с Аларихом. Видя отчаянное положение римлян, Аларих предъявил чрезмерные требования. «Что же оставишь ты нам, царь, если таковы твои требования?» – говорили посланные из сената. «Жизнь», – отвечал гордый варвар. Переговоры, однако, привели к соглашению, и Аларих удалился, взяв с Рима огромный выкуп.

Это было ненадолго. На следующий же год он был опять у стен Рима; Рим сдался и признал императора, назначенного Аларихом; но вскоре же, в 410 году, Аларих, в третий раз осадив Рим, вступил в город победителем.

Аларих исповедовал Христианство, искаженное арианскими заблуждениями; он велел воинам своим щадить церкви и жизнь тех, кто найдет убежище в церквях; но город был предан грабительству варваров, которым помогали 40 000 освобожденных рабов. Готы сожгли множество зданий, разграбили пышные дворцы римских богачей, увели в плен и предали смерти огромное число римлян, но щадили церкви и церковное имущество.

Великие бедствия перенес Рим в это ужасное время. Множество богатых римлян, потеряв все имущество, были проданы в рабство; иные скитались нищими в чужих странах; те из римлян, которые сохранили еще поместья в других областях – в Африке, Испании, бежали туда. Вскоре все соседние страны, а затем и отдаленные, как Египет, Палестина, Малая Азия, приняли беглецов из Рима и услышали весть о разгроме Вечного Города. Эта весть потрясла вселенную и наполнила ужасом все сердца. Старец Иероним²⁴⁷ писал из убогой вифлеемской кельи своей: «Нет в сем мире ничего, что бы могло казаться долговечным; и время ничто, если бы мы не имели пред собою вечности.

Все, что родилось, должно умереть, и что растет – состариться; и всякое дело рук человеческих должно погибнуть от руки времени. Но кто бы подумал, что и сам Рим, обогатившийся добычей вселенной, некогда падет и, быв матерью народов, делается гробницей их; что поморья Африки и Востока наполнятся беглецами из развалин всемирной столицы, и даже убогий приют вифлеемский даст у себя пристанище богатейшим гражданам всей земли! *Суэта сует, – всё суэта!* (Еккл. 1:2)».

Империя быстро распадалась и теряла область за областью. Из Британии она была принуждена вызвать войска свои, и Британия освободилась от ее владычества. Галлия была у нее завоевана готами и франками; Испания – вестготами; в Германию втеснялись беспрестанно разные племена готские, в Африку – вандалы. Знаменитая Африканская Церковь – одна из самых цветущих, прославленная при великом Августине, подверглась конечному разорению и с тех пор не могла уже оправиться. Прошло немного более полувека со смерти Феодосия Великого, и Западная Римская империя, при нем столь обширная, состояла из одной Италии, которой беспрестанно угрожали варвары. Императоры, быстро следовавшие друг за другом на престоле, были не в силах защитить Империю; они были рады покупать данью удаление варваров; гордые римские императоры отдавали сестер и дочерей своих в замужество варварским вождям.

В 452 году Аттила, прозванный бичом народов, подошел к Риму. Ужас овладел городом, но на сей раз бедствие миновало его. Лев Великий²⁴⁸, папа Римский, вышел навстречу Аттиле, умоляя его удалиться, и, к удивлению войск своих, Аттила отступил. Сохранилось предание, что ему в видении явились покровители Рима, святые Апостолы Петр и Павел, и грозили смертью, если он не удалится.

Через три года после того Гензерих²⁴⁹ – король вандалов осадил Рим. Опять папа Лев молил о пощаде; Гензерих обещал щадить жизнь граждан, но город предал грабежу; войска его жгли и грабили целые две недели. Все драгоценности римских богачей, славные добычи прежних побед, сокровища христи-

анских церквей и золотые статуи языческих богов – все было перевезено на кораблях в Африку, где Гензерих утвердил владычество свое. Множество знатных и богатых римлян сделались рабами суровых победителей, и множество их опять было выкуплено благотворительностью христиан.

Восточные императоры делали безуспешные попытки освободить Запад от владычества варваров; но лишь в середине VI века Юстиниан достиг этой цели. Он пять раз отнимал Рим у готов и, наконец, утвердил власть свою в Италии в 554 году. Затем в продолжение двухсот лет императоры Византии правили большей частью Италии через представителя своего. И Рим со всей окружной областью признал владычество восточного императора.

Со времени Юстиниана историки называют византийских императоров греческими. Язык греческий на Востоке совершенно вытеснил латинский, который дотоле был языком правительственным и в самой Византии; все явственнее стало обозначаться разделение между миром греческим – восточным и миром латинским – римским.

Уже с самых первых веков Христианства замечаются в Церквях Восточной и Западной некоторые особенности, которые дали направление всему ходу церковной жизни: Восточная Церковь, допуская участие разума в деле веры, уясняла верующим христианское вероучение; Западная, наоборот, отрицая совершенно участие разума в деле веры, избегала всяких рассуждений о догматах и чуждалась тех отвлеченных богословских вопросов, которые в жизни Церкви Восточной имели такое важное значение. Оттого Церковь Восточная при обращении в Христианство новых племен заботилась о том, чтобы они имели церковные книги и богослужение на своем, им понятном языке, а Западная, опасаясь, чтобы истина не дошла до них непосредственно, помимо лиц духовных, везде вводила богослужение на языке латинском, народу непонятном.

Западная Церковь стремилась к тому, чтобы народ всецело подчинить церковной власти и в духовенстве одном сосредоточить всю жизнь церковную, тогда как на Востоке вся

Церковь, то есть все верующие как члены Церкви, принимали участие в этой жизни. Эта разность стремлений и убеждений разделяла Церкви, но все же не настолько, чтобы они считали себя совсем чуждыми друг другу; прекращение общения между ними могло последовать только в таком случае, когда бы нарушено было со стороны одной из них единство веры и догматов церковных. К прискорбию всего христианского мира Римская церковь единство нарушила.

Глава XXIII. Возвышение папской власти. Начало разделения Церквей

На первых Вселенских Соборах определены были права пяти первенствующих епископов Вселенской Церкви и усвоено им название патриархов. Права их были совершенно равные, и только по порядку старшинства столиц и городов Римский патриарх именовался первым и занимал первое место, Константинопольский считался вторым, Александрийский – третьим, Антиохийский – четвертым и Иерусалимский – пятым. Римский патриарх назывался папою (название, которое и донныне находится в титуле Александрийского патриарха). Но никакого преимущества власти не соединялось с этим порядком исчисления. Как ни возвышены были права патриархов по церковному управлению перед другими епископами, в каноническом отношении все они равны между собой, это различные только виды одной степени епископской. Отличительные права епископства: рукополагать пресвитеров и диаконов и соборно – епископов, освящать храмы, антиминсы, миро – принадлежали и принадлежат равно всем епископам.

Но в течение времени, особенно с VII века, силою внешних обстоятельств изменилось положение всех патриархов. Области Александрийская, Антиохийская и Иерусалимская потерпели такое страшное разорение от арабов-мусульман и от варваров-ариан, что потом уже не могли оправиться. Область константинопольских патриархов не уменьшилась в своем объеме, но патриаршество утратило много достоинства и

силы от иконоборческой смуты, продолжавшейся целое столетие, и от гонения неверных императоров. Напротив, область римского патриарха распространилась по всей западной Европе и власть римских пап возвысилась.

Рим был некогда столицей вселенной. После того как Константин Великий перенес столицу в Константинополь, Рим, конечно, утратил часть своего значения; но зато в Риме с каждым годом усиливалась новая власть, власть папы, по мере того как падало значение императорской власти. На Востоке признанное равенство главных кафедр не допускало одного епископа властвовать над прочими, на Западе же никто не мог оспаривать первенства епископа Рима, древней столицы и единственной апостольской кафедры. В глазах православных христиан Запады Рим был главным представителем и защитником истинного, никейского вероисповедания. Для варваров имя Рима, всемирной столицы, имело еще сильное обаяние, и епископ Римский представлялся им духовным главой всего Христианства. Новые племена, основавшие на развалинах Римской империи новые европейские государства, оказывали Римскому папе великое уважение; и духовенство из Африки, Галлии, Испании обращалось к папе, чтобы получать защиту. И с Востока во время церковных раздоров и гонений преследуемые епископы искали в Риме защиты и оправдания.

Таким образом, папа представлялся заступником всего Христианства и единственным духовным владыкой на Западе. Богатство его уже было значительно и давало ему возможность оказывать щедрую помощь нуждающимся: во время голода, наводнения, других бедствий за помощью обращались к папе; когда нападали варвары, он духовной силой своей укрощал ярость суровых победителей, – и народонаселение Италии постепенно привыкло смотреть на власть папскую, как на единственную прочную власть в эти времена смут и переворотов и от папы ожидать защиты и помощи. Духовная власть Рима утверждалась на развалинах утраченного им всемирного владычества, и к началу IX века во всех западных Церквях папа считался уже верховным судьей и главой Церкви.

К этому же времени на Западе появился новый канонический сборник, известный в истории под именем Лжеисидоровских декреталий: ими подтверждались все те права и преимущества, которые папа желал себе присвоить. Где именно и кем были составлены эти декреталии, восходящие, как уверяли, к первым временам Христианства, к епископу Клименту, ученику святого Апостола Петра, никому не было известно. Несмотря на явную подложность декреталий, они были внесены на Западе в церковный закон и папы стали указывать на них, как на свидетельство того божественного права, которое поставляло их на высоту необычайную, делая из папы верховного епископа, от власти которого всякая другая власть получала свое освящение: епископы становились лишь послушным орудием его воли и ему беспрекословно повиновались, он один имел право назначать и низлагать их; он созывал Соборы, и постановления, составленные без его ведома или согласия, не могли иметь силы; его власть превышала власть Вселенского Собора, ибо, по уверению папы, Сам Христос поставил его главой Церкви Вселенской.

Однако Восток не признавал этого главенства. Восточная Церковь, сильная древним преданием, постоянно отвергала притязания римских первосвященников: подчинить ее себе сделалось главной целью их стремлений.

Во второй половине IX века представились удобные, по видимому, для этого обстоятельства: в Константинопольской церкви, едва отдохнувшей от бури иконоборческой, возникли новые волнения, и враждовавшие партии сами представляли папе возможность вмешаться в их дела. В Константинополе неправильно низведен был с патриаршего престола святой Игнатий²⁵⁰, по проискам регента Империи Варды²⁵¹, которого патриарх обличал в беззаконной жизни и за открытое нечестие, причинявшее великий соблазн народу, лишил Святого Причащения. Когда Игнатий был уже низведен, тогда вполне законно возведен был на патриарший престол Фотий, бывший прежде одним из высших сановников государства и известный необыкновенными дарованиями и редкой богословской

ученостью. Жители Константинополя, издавна склонные к церковным спорам, разделились на две партии: одни стали за патриарха Игнатия, другие – за Фотия; разногласие это положено было умирить на Поместном Константинопольском Соборе, на который приглашен был и Римский папа. Папою в это время был Николай I²⁵². Его более чем кого-либо из его предшественников одушевляла мысль о всевластии папы: он первый из пап стал называть себя наместником Христа на земле, властно провозглашая, что его надзору подлежит весь христианский мир, а суду его – всякое нарушение нравственного закона, где бы и кем бы оно совершено ни было, всякое нарушение порядка и благочиния церковного. Сам он не поехал на Собор, а прислал легатов. Собор утвердил возведение Фотия на патриарший престол, и легаты папы были согласны с этим; но папа Николай осудил своих легатов и присвоил себе власть отменить соборное решение, показывая тем, что ставит себя выше Собора.

По просьбе болгарского царя Бориса и патриарх Фотий, имевший особенное попечение о просвещении славян, отправил к болгарам миссионеров-проповедников, святых Кирилла и Мефодия. Они проповедовали народу на родном его языке, на который перевели для него и Священное Писание, и богослужебные книги, и их проповедью насаждено было с Востока Православие в Болгарии и Моравии. Но эти страны принадлежали к области Римской церкви, которая давно распространяла ложное учение о том, что совершение богослужения может быть допущено лишь на трех языках – еврейском, греческом и римском. Папа Николай I с изумительным дерзновением послал в Болгарию латинских священников, которые не только изгнали оттуда всех священников Восточной Церкви, но и объявили недействительными все совершенные ими над крещеными болгарями церковные таинства.

Невозможно было подчиниться такому притязанию римского первосвященника и необходимо было обличить всю его беззаконность.

Фотий собрал в Константинополе в 867 году Собор, в котором участвовали и три епископа Западной Церкви. Собор этот, рассмотрев притязания папы, выраженные в его послании, объявил папу Николая недостойным епископского звания и отлучил его от церковного общения. Вслед за этим Фотий написал свое знаменитое окружное послание к другим восточным патриархам, в котором обличал незаконные притязания папы и указал на допущенные в Западной Церкви отступления от Православия. Самым важным отступлением было прибавление к Символу Веры, в восьмом члене, лишнего слова «*filioque*»²⁵³ и выраженное в этой прибавке учение об исхождении Святого Духа от Отца и Сына. Эта произвольная прибавка к символу возникла еще в VI веке, на Поместном Соборе Испанской Церкви в городе Толедо, когда принимали Христианство вестготы, завоевавшие Испанию. Дабы предохранить их от арианства, разделявшего по естеству лица Святой Троицы, измыслили эту прибавку для лучшего изъяснения догмата, но оказалось, что она подавала повод к новым еретическим толкованиям. Вселенские же Соборы утвердили единожды навсегда догмат о Святой Троице и положили оставить изложение его неизменным, дабы не возбуждались новые жетолкования. В Западной Церкви распространилась испанская прибавка к Символу, и нововведение это было принято ею как догмат; но его не могла принять православная Восточная Церковь: она осталась верна учению Вселенских Соборов. Кроме этого отступления Фотий обличил в Римской церкви и многие другие.

Так положено было начало разделения Римской церкви с Восточною Православною²⁵⁴. Разделение это прискорбно для всякого верующего христианина, и Православная Церковь молится о прекращении оногo – да будет в Церкви Христовой единое стадо и Единый Пастырь. Но она твердо верует в Единого Пастыря и Единую Главу Церкви – Господа Иисуса Христа и не может признать непогрешимым и наместником Его для всей вселенной предстоятеля Римской церкви.

Итак, среди внутренних бурь и волнений, ввиду опасности, грозившей со всех сторон, Православная Церковь сохра-

нила в чистоте и целостности святое учение христианское. От нее новые народы, народы славянские, приняли святое сокровище веры, и приняли совершенно, без утайки и примеси, приняли, по выражению Апостола, *не как слово человеческое, но как слово Божие* (1 Фес. 2:13). Они искали себе света на Востоке, и Церковь дала им Священное Писание, богослужение на народном языке, учила их покоряться не личному произволу одного человека, как это делалось на Западе, а Слову Божию и неизменным постановлениям Вселенских Соборов.

Византия довершила свой трудный подвиг: семь Вселенских Соборов ясно выразили и утвердили учение Церкви и определили церковные обряды как живое выражение церковного догмата.

Тогда приняла Христианство и Россия, которая должна была сделаться самой могущественной из славянских держав и самой верной хранительницей вверенной ей истины. Она только что начинала свое историческое существование, и вера христианская легла глубоко в основу всей ее народной жизни: быть народом христианским стало главным ее стремлением. Это выразил ясно еще первый ее летописец²⁵⁵, когда, исчисляя обычаи других народов, говорит: *мы же един закон имамы: елицы во Христа крестихомся, во Христа облекохомся.*

ПОБЕДА, ПОБЕДИВШАЯ МИР²⁵⁶

Весь образованный мир, ведя свое летосчисление с Рождества Христова, тем самым, хотя по большей части и бессознательно, свидетельствует о верховном значении христианской веры в судьбах человечества. Рождество Христово в глухом вертепе земли Иудейской 19 столетий тому назад есть событие, с коим в самой действительности, независимо от всяких учений и теорий, связан величайший из переворотов в человеческом роде. Правда, что издавна было в обычае распространять чрез меру область, затронутую этим переворо-

том, – как материальную, так и духовную. Все признают, что христианская вера покорила вселенную; однако, посчитав, надобно признать, что лишь малая часть рода человеческого исповедует Христианство в смысле определенного верования. Христианство привело людей в познание Бога, озарило для них светом жизнь и бессмертие.

Правда, однако, несомненно и то, что ранее Христианства многими древнейшими системами философии и религии признаваемы были существование верховной силы божественной над человеком, святость нравственного долга и чаяние загробной жизни и загробного воздаяния. При всем том неоспоримо и признается самими неверующими, что Христианство в течение многих веков воспитало и образовало мысли, верования и стремления во всех передовых племенах человеческого рода. Оно было преобладающею силой, направившею все течение европейской и всемирной истории. Этого не может отрицать никакой авторитет, к какой бы ни принадлежал школе, как бы ни были различны отдельные и личные взгляды и суждения. Итак, желательно исследовать, каким образом вера Христова произвела такое действие, в чем состоят главные черты этого переворота, каково внутреннее его значение в направлении человеческой мысли и в определении судеб человечества.

Все, без сомнения, признают, что каковы бы ни были личные наши мнения о Христе, о деле Его и жизни Его и об обстоятельствах, вызвавших Его явление, Образ Иисуса Христа есть высший и совершеннейший в истории мира, что в нем является Учитель, единственный и несравненный между всеми людьми, когда-либо стремившимися поднять на духовную высоту жизнь и помышления человеческие. Итак, понятно, что во все времена высокие умы с восхищением видели в Нем верховное выражение мысли божественной. Так выражается Евангелист: «Слово плоть бысть и вселися в ны»²⁵⁷. Но вот и слова Спинозы: «Явилась вечная премудрость во всяком творении, наипаче же в духе человеческом, и паче всего, во Христе Иисусе». «Дух Христов есть идея Божества». Итак,

оставя на сей раз в стороне все богословские исследования и рассуждения о Лице и учении Иисуса Христа, спросим себя, в чем состоит идеал, принесенный Им в мир. Сам Он изрек о Себе: «Огня приидох воврещи на землю»²⁵⁸. Какая искра божественная зажгла этот огонь? Какие бы ни существовали мнения о времени написания, о писателях, об авторитете книг, составляющих Новый Завет, остается несомненным, что 1800 лет тому назад жил Учитель посреди зеленых холмов и чистых потоков Галилеи и собрал около Себя малое стадо учеников, большею частью смиренных и не книжных людей, добывавших трудом рук своих хлеб насущный; что вся жизнь Его, в нищете, в смирении, в отрешении от семейных уз, проходила в проповедании учений веры и нравственности и увенчана была позорною смертью; что это учение не исчезло с Его кончиной, а, напротив того, окрепло и расширилось после того, как Он совершил Свое служение, так что по Его же слову последователи Его стали творить большие дела, чем Сам Он творил; дела, которые не прошли, но остались с нами и действуют плодотворно донныне. В чем же состояло Его учение? О существе его не может быть никакого сомнения*.

---

* На вопрос об учении Христа отвечают три источника, более или менее близкие ко времени земной Его жизни. Это, во-первых, Церковь, потом Евангелия, наконец, Послания, и все три сходятся в свидетельстве об учении Его. Церковь в лице Иустина мученика, Иринея, Тертуллиана, Ипполита²⁵⁹, отчасти Оригена и Климента Александрийского²⁶⁰, сообщает нам понятие об учении Христовом, принятое в среде Его последователей около 200 года по Р[ождестве] Х[ристовом]. Евангелия, даже с точки зрения отрицательной критики, сообщают нам понятие, принятое в период между 150-м и 100-м годами. А послания Св. Павла к Солуньянам, Галатам, Римлянам и Коринфянам, первое послание Петра, послание Иакова и Апокалипсис – писания, несомненные в подлинности, возводят нас в ближайшее поколение ко времени кончины Христовой, к 60-му году. То же можно сказать о Книге Деяний, поколику она сходится с веком Ап[остола] Павла. Несомненно, что не только изречения (λογα), но и главнейшие события Божественной жизни Спасителя, в самую раннюю пору облеклись в твердую форму словесных преданий или Катехезов, с коими в теснейшей связи состоят наши Евангелия. У нас есть несомненные писания Павла, Апокалипсис, 1-е послание Петра, послание Иакова. Из них, и даже только из двух последних, без труда извлекается учение, совершенно согласное с Евангельским. Павел не был, конечно, непосредственным свидетелем о Христе, и нельзя забывать,

Прежде всего, мы видим, что первую, господственную мысль, проникающую все Его учительные речи, составляет понятие об Отце Небесном, Боге, Отце не одних только евреев, но всего рода человеческого. Это учение о сыновнем отношении человека к Богу, о сродстве природы человеческой, с лучшей стороны ее, с Существом Божественным – вот источник, из коего изливается все нравственное и религиозное учение Христа. Прощайте обиды. Для чего? Для того, что «аще не отпускаете человеком согрешения их, ни Отец ваш Небесный отпустит вам согрешений ваших»²⁶¹. Любите врагов ваших, благословляйте клянущих вас, благотворите ненавидящим вас, молитесь за гонящих вас. Для чего? «Да будете сынове Отца вашего Иже на небесех, яко солнце Свое сияет на злые и благие, и дождит на праведные и на неправедные»²⁶². «Будите совершении». Для чего? Для того, что совершен Отец ваш, Иже на небесех²⁶³. Осуждается чрезмерное попечение о нуждах здешней жизни. Для чего? Для того, что «весть Отец ваш небесный, яко требуете сих всех. Он питает птицы небесные: не вы ли паче лучше их всех? Он одевает крины сельные, как не облекался Соломон во всей славе своей: не много ли паче вас оденет?»²⁶⁴ Просите и дастся вам. Для чего? Для того, что если вы сами, «зли суще, умеете даяния блага давать чадом вашим, кольми паче Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него»²⁶⁵. Будьте чисты в помышлении вашем. Для чего? Для того, что Отец ваш видит втайне. Вот первая и великая нота учения Христова. Нравственные начала, Им проповеданные, не содержат в себе ничего нового для мира, ничего такого, чего не мог бы достигнуть сам по себе разум человеческий.

что его богословская ученость была еврейской школы, но его учение, хотя и носит следы ученой тонкости, в существе есть истинное учение Христово. Таким образом, в этих писаниях Евангелие Христово сообщается нам на расстоянии уже не ста или полутора, а двадцати лет от тех событий, о коих повествует. Новейшая критика оставляет без внимания это важное соображение. С этой точки зрения для нас получают полную достоверность и силу все четыре Евангелия; несравненная свежесть их и полнота служит крепким доказательством, что тут перед нами не одно лишь переходящее из уст в уста предание, но самые слова Господа Христа, передаваемые устами первых учеников Его. – Здесь и далее – *примеч. К. П. Победоносцева.*

Многими, не без основания, было замечено, что подобные же начала можно извлечь из прежних, бывших до Христа учителей. Но вот что ново в евангельском учении – это санкция, на которой оно утверждается, то свышеестественное духовное побуждение, которое придается доброй деятельности. Самая мысль об Отце Небесном была не новая. Но Иисус Христос явил ее в новом свете, так что из отвлеченной доктрины преобразовалась она в живое и животворящее начало всего бытия человеческого. Это понятие стало действительною и первую реальностью человеческой жизни.

Далее столь же ясно и несомнительно возвестил Он Себя Учителем, посланным от Бога, в особенном, Ему лишь принадлежащем значении: Он – живой путь к Богу, Он – Сын Божий, в Божестве пребывающий; Он – Спаситель, посланный освободить человека от насиельства плотской похоти, отвлекающей его от Вышнего Бога; исцелить природу человеческую изъязвленную, низу поверженную, полумертвую, бесильную и на один шаг двинуться в истинное свое отечество, еже есть Бог. И звание Его, Им провозглашаемое, не только выше и превосходнее звания всех пророков и основателей религии, но и по свойству своему совсем иное. Это самое звание было и причиною осуждения Его и казни, и вместе с тем причиною изумительного торжества веры Христовой. Это действительно, об этом свидетельствуют события. Чем поистине созиждена Христианская Церковь? Не какою-либо системой или теорией, не проявлением чудесной силы, привлекавшей людей к Иисусу Христу, но непреодолимым действием души на другую душу. Он проповедовал самоотвержение, самопожертвование ученикам своим, но и тем, кто «оставльше вся и взявше крест свой, по Нем идоша», предлагал Он не систему учений, не кодекс законов, но Себя Самого, являя в Себе самым делом ту истину, которая есть верховное желание души. Изю дня в день беседовать с Учителем, слагать в душе слово Его и дело Его, питаться Его духом, очищать сердце от всех, даже самых нежных и чистых земных привязанностей, до того, что можно сказать: «живу, и не я живу, но живет во мне

Христос»²⁶⁶, – вот какова была духовная дисциплина, которую проходили ученики Его и в пустыне, и на горе, и на берегах озера Геннисаретского. А когда на кресте явился пред ними верховный урок жертвы, смирения, себя истощающей любви, и ученики разошлись повсюду на проповедь Слова, урок их людям был тот же самый, которым и они научены были. «Не себя мы проповедуем, но Христа Иисуса Господа», – так свидетельствует один из них, в том же духе и все они учили. Учение, которое, по словам Апостола Павла, преподавал он Коринфянам, которое они приняли, на коем утверждались и коим спасены, состояло не в собрании догматов: проповедан им Иисус Христос, Лицо, в котором вечно идеальное явилось им исторически реальным, действительным, явился Христос и, овладев всей душою человека, утвердил в ней престол Свой. Все события века апостольского свидетельствуют, что таково было благовестие проповеди повсюду. Нельзя отрицать исторического факта. Не само учение, какое бы ни было оно светлое и сладостное, и не энтузиазм всего человечества, но сам Иисус Христос Лицем Своим, вместе и человеческим, и Божественным, будучи вознесен на крест, поразили великим сокрушением и правоверного фарисея, и саддукея-материалиста падшей Иудеи, и агностика-философа поработенной Греции, и величественного сановника, и грубого воина Римской империи. Глава Его увенчана тернием, очи отуманены слезами, лицо Его унижено паче всех сынов человеческих, члены разбиты и рассечены, и вот в Нем девы познают красного свыше всякой красоты, единого возлюбленного, превыше всех, и Его одного хотят иметь женихом для вечности. Жены, коих вся жизнь прошла в скверне разврата, только взглянули на Него в Его несказанной скорби, как исчезла в них всякая страсть похоти, уступив место крепчайшей страсти очищения. Старцев и малых детей вид Его вдохновляет любовью крепче смерти. Престарелый епископ на пути к месту казни, где львы готовы растерзать его, «еще живой, но жаждущий смерти» пишет своей пастве: «Теперь лишь начинаю я быть учеником Христовым». Юная сиракузская дева спокойно взи-

рает на грудь свою, растерзанную ножом мучителя: «Красота моя останется цела для небесного Жениха моего». Мучают Санта диакона: все члены его покрыты раскаленной медью, все тело превратилось в сплошную рану – и на все вопросы мучителей отвечает он одно: «Я христианин»; так, по свидетельству бывших при том людей, остался он до конца тверд и непоколебим, «омываясь и укрепляясь из небесного источника живой воды, текущей от Сердца Христова». И так все они, весь знатный сонм мучеников, все стояли, укрепляясь силою Того, Кого, не видев, возлюбили. И они, и братья их, взиравшие с вожделием на страдания их и потом погребавшие их останки, одушевлялись одною мыслью, одним чувством, что они не свои, а куплены ценою; что жизнь, истинная жизнь их, сокрыта со Христом в Боге. Когда читаешь первую историю христианской Церкви, акты мученичества, «Перистефанон» Пруденция²⁶⁷ – высокий памятник первобытной веры и богослужения, поражаешься этою мыслью, и разве ослепленные предрассудком умы того не видят. Для первых христиан все заключалось в Лице Иисуса Христа, в коем, по вере, обитает вся полнота Божества телесне: в Нем был источник, из коего почерпали они правила жизни во всех ее высших и низших подробностях. Люди точно возродились новым духовным ощущением. Престали от греха, потому что Христос в теле Своем понес на древе грехи наши, дабы мы умерли греху и начали жить в правде. Учились самоотверженно, потому что Христос не Себе угождал. Терпели всякую напасть ради Бога, потому что Христос пострадал за нас, нам оставив образ к подражанию. Воздерживались от плотских похотей, потому что члены их стали члены Христовы. Вменяли себе в радость самые тяжкие муки, потому что становились причастниками страданий Христовых. Словом, все у них объединялось в духе того, что выражает Ап[остол] Павел словами: «сие да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе» (Флп. 2:5). Христианство изменило жизнь в людях, изменив в них идеал жизни. Поставить перед людьми идеал, сверхъестественный идеал Отца Небесного, и возбудить их к его осуществлению –

вот в чем состоит вся тайна христианского переворота. Верен ли, нет ли, рассказ о том, как император Юлиан, умирая, воскликнул: «Ты победил, Галилеянин!» – слово это выражает сущую истину. Победа Христианства – личная победа его Основателя. Не система учения, не кодекс нравственных правил, но Сам Он, Пророк Назаретский, Тот, Кого люди умертвили, повесив на древе, восторжествовал над величием кесарей и на обломках древнего римского гражданства основал паче Рима крепкое и пребывающее владычество.

Итак, вот какая великая идея легла в основание христианского переворота – идея Бога, всемирного Отца, явленного в лице Иисуса Христа. Вот какое семя, по подобию Евангельскому, Высший Сеятель вложил в религиозную совесть человечества, семя, которому во время свое надлежало вырасти в такую могучую жатву. Подобно тому как в одном желуде может содержаться целый дуб, так в этой одной идее содержится все учение и вся дисциплина христианской Церкви, которая есть не что иное, как раскрытие и развитие Евангелия. «Подобает Ему царствовать, — говорит Апостол, — дондеже положит вся враги под ногама Своима» (1 Кор. 15:25). Но в царстве предполагается кодекс правил и правление. Итак, делом Церкви в первые четыре века была организация на твердых основаниях христианского общества. Первым делом ее стало построение учения Церкви о Боге. Сущность этого учения выражена в словах Апостола Павла: Христос *открылся Сыном Божиим в силе, по духу святыни, через воскресение из мертвых* (Рим. 1:4). Отсюда выводит Церковь самый философский из своих догматов, и в имени Св[ятой] Троицы, которое впервые высказал Феофил²⁶⁸ в конце II столетия, заключается величайшее таинство веры. В том же столетии Тертуллиан настоятельно проповедует единое существо Сына со Всевышним Отцом. В следующем столетии Ориген провозглашает прежде век рождения Сына. В начале четвертого столетия восстает Афанасий на защиту исповедания веры, и Никейский Собор облакает его в известный Символ, дополненный чрез 50 лет после того в Константинополе определительным

учением о Св[ятом] Духе: и так вылилось оно в ту форму, в коей донныне твердо содержится. Так, поборов одну за другою фантазии и мечтания еврейского и языческого умствования, Церковь установила свое здание в разуме христианского догматического развития и в то же время медленным, но твердым действием успела преодолеть автономию императорского владычества. Римское государство по основному началу своему не допускало рядом с собою иной, отличной от себя организации. А Церковь, с другой стороны, тоже ставила себя царством, правда, духовным, но видимым царством с правом править, управлять, судить и разрешать своих подвластных независимо от иной власти. Существенным свойством ее было внутреннее, органическое единство, коим она отличается от других великих религий, буддизма и ислама, тоже присвоющих себе вселенское значение. В том состояло самое ответственное ее отличие от всех культов и философских учений, коими она окружена была в Римской империи, отличие столь странное и непонятное властям государственным и служившее главным поводом взводимых на нее обвинений. Недаром неверующие иудеи в Солуни подняли крик против Павла и Силы, обвиняя их в том, что они противятся велениям кесаревым, «Царя иного глаголюще быти Иисуса» (Деян. 17:7). Это было обвинение в оскорблении величества, обвинение, которое преимущественно пред прочими действовало на правителей Римской империи, и всего сильнее – на лучших, на людей, подобных Траяну, Антонину, Марку Аврелию, Адриану. Они проникнуты были убеждением, что все дело цивилизации связано с империей, которая, по выразительному слову одного греческого оратора, заключила всю вселенную в одном городе, о которой знаменитый географ древности сказал, что Рим научил человека человечности. Естественно, что эти владыки, со своей политической точки зрения обзорева под собою свою вселенскую область, соображая всю славу литературных и философских ее деятелей, остроту и мудрость юридического развития мысли, совершенство административной организации, охраняемой «безмерным величием Римского мира», и

не могли рассуждать иначе, и стремились подавить самыми суровыми мерами революционную секту, которая все это величие вменяла в ничто в сравнении с мечтанием о будущей жизни, проповеданной неким мертвецом, о коем фанатические последователи его учат, что он жив и вскоре придет судить мир огнем. Подлинно, это была самая определительная и решительная борьба за культуру (Kulturkampf), и мы знаем, с какою энергией была она ведена в течение без малого трех столетий, (хотя и с промежутками замирения), начиная с распятия Христова в 29 году²⁶⁹ по Р[ожестве] Х[ристовом] до Константинова эдикта²⁷⁰ 313 года. Борьба эта окончилась победою духовного начала. Язычество низложено, можно сказать, собственным своим оружием. Оно не признавало иного закона, кроме прав сильнейшего; и любовь оказалась крепче и сильнее смерти. К чему служило побивать людей, которые не дорожили жизнью на службе «невидимому Царю своему», больше того, считали, что, полагая за Него живот свой, не теряют, а обретают жизнь. Такову силу имела вера Христова в ту пору, когда, по выражению блаж[енного] Иеронима, «тепла была еще кровь Господа нашего, и вера в Него пламенем горела посреди верующих». Никейский Собор в 325 году по Р[ожестве] Х[ристовом] явился внешним символом победы Христианства. Долговременные усилия империи не могли низложить его. Мудрость Константина постигла все его значение и внушила искать в нем духовной связи для всех частей империи. Сам он говорит, что каким-то божественным вдохновением внушено было ему намерение созвать Собор. Этот Собор был самым решительным событием и самым выразительным знамением времени. В ответ на императорские грамоты 316 епископов съехалось в небольшой город Малой Азии из всех частей империи, которая обнимала собою в представлении современников весь обитаемый мир (ἡοίχουμένην). Географические пределы империи на практике сходились с пределами Церкви. На Соборе присутствовали всего два иерарха, не признававшие себя подданными кесаря: Иоанн, епископ Персидский и Феофил Скифский.

Какая же была главная и существенная цель столь высокого собрания? Цель была – явить пред всем миром образ Христа и царствие Его: вот какого успеха достиг переворот христианский в течение трех веков. Так оправдались с течением времени слова солунских иудеев. Вера, проповеданная Павлом и Силою, превратила мир. Кесарь признал над собою господство иного царя, «Иисуса некоего», коего они проповедали.

Каково же было действие этого переворота на отдельных людей и на все общество? Это мы увидим всего явственнее на примере одного знаменитого человека: он сам в своих писаниях открывает нам в совершенной полноте все то, что совершалось и в душе его, и в том обществе, среди коего он жил, открывает нам и чаяния последующего времени, которое духом его в особенности питалось. Разумею блаженного Августина: в нем выразилось все, что внесено было четырьмя столетиями в нравственную и духовную природу человечества; в нем христианская мысль получила выражение, господствовавшее в западном мире в течение тысячи лет; в уме его, как бы в обширном озере, слились многочисленные потоки первоначального христианского мышления, богословского и метафизического, и отсюда потом вылились двумя великими токами средневековой догматической и мистической философии, речными стремленьями, веселившими град Божий.

Жизнь св[ятого] Августина с 354 года по Р[ождестве] Х[ристовом] по 430-й. Отец его был небогатый гражданин гор[ода] Тагаста в Нумидии. Родители из последних средств дали ему воспитание сначала в Мадавре, потом в Карфагене и затем, придя в возраст, вернулся он учителем риторики в родной свой город. Отец его Патриций был язычник, но перед смертью принял крещение, привлеченный к Христианству мудростью, терпением и благочестием жены своей Моники. Августин от природы был человек горячего духа и ума пытливого, тревожного, порывистый, страстный в своих увлечениях, как чувственных, так и духовных. Жизнь его в первые 33 года прошла беспокойно: не держась твердых начал ни в религии, ни в философии, он переходил от одной системы к другой, по-

переменно увлекаясь. Не был он, по-видимому, развратником в смысле своего или нашего времени. С 18-летнего возраста взял он себе наложницу (по римскому праву того времени это считалось хотя и низшею, но законною формой супружества) и прожил с нею 13 лет, получив от нее сына, которому дал имя Адеодата (Богом данный). В 376 году потеря нежно любимого друга побудила его оставить Тагаст: страстная натура его не могла помириться с горем и место это, по словам его, стало ему невыносимо; сердце его «оделось во мрак, и куда ни обращал он взоры, всюду видел смерть». Он переехал в Карфаген и здесь принялся за продолжение «торговли речами» до 383 года; затем уехал в Рим, откуда через два года переселился в Милан и открыл здесь публичные чтения о риторике. Здесь-то через 4 года он принял крещение от св[ятого] Амвросия, продал все свое имущество и деньги раздал бедным. В 388 году он покинул Италию, переехал в Гиппон, приморский город в Нумидии, и основал там религиозную общину. В следующем году епископ Валерий посвятил его в священники вопреки своей воле – по требованию народа. В 395 году тоже народ вынудил Валерия взять его в викарии; а через несколько месяцев после Валерия он вступил на епископскую его кафедру. Остальные 35 лет жизни Августина посвящены были управлению епархией, полемической борьбе с манихеями, пелагианами, донатистами²⁷¹, изложению, развитию и утверждению философских и богословских истин христианского учения. Он скончался в 430 году, на третьем месяце осады Гиппона вандалами, до конца потрудившись всеми силами в исполнении своего долга, не колеблясь ни на минуту в совершенном уповании на Божие промышление о мире в то время, когда вокруг него все сердца человеческие изнывали от страха ввиду и в чаянии ужасов, по всей земле совершавшихся. «Праведен еси Господи, и правы суды Твои», – такова была, по словам его биографа, постоянная мысль его в эти мрачные последние дни земной его жизни. Вот верховное, крайнее слово веры во все времена и повсюду; единственный якорь души, крепкий и надежный, посреди всех бурь горькой смуты, грозящих конечным разрушением мира.

Во внешних обстоятельствах жизнь Августина совершенно подобна жизни многих архипастырей того времени. Особливую для нас важность придает ему то, что он изобразил нам внутреннюю жизнь души своей. Все его писания раскрывают ее нам как бы мимоходом и бессознательно; но в совершенной полноте и с сознательной мыслью раскрыта она в его «Исповеди» (“Confessiones”): это есть чудная история души, как бы лучистыми слезами писанная, и вместе с тем единственное в мире изложение мистической философии; творение великое, не только по высокому уму, которым все оно проникнуто, но по несравненной чистоте, здравости, сдержанности мысли. Тут он рассказывает, как покорила его вера Христова и привела его в пленение истинной свободы и какую перемену произвела в нем.

Но, читая эту дивную повесть, надобно знать, что было за время, когда совершались ее события. То был век, когда совершалось стремительное распадение великой империи, воздвигнутой императором на развалинах римской свободы. За семнадцать лет до рождения Августина состоялся первый раздел империи между сыновьями Константина. В самый год его рождения совершается новый раздел. Валент и Валентиниан утверждают свои столицы: один – в Риме, другой – в Милане. В 392 году Феодосий снова соединяет Восток и Запад под одной властью. Но в 395 году кончается шестнадцатилетнее его царствование и вместе с тем распадается единство императорской власти. Этим великим событием ознаменовывается исход четвертого столетия. Подлинно великое событие – признак быстрого распада политического. Но то был век и умственного, и нравственного распада. Старинные народные верования областей, подпавших под власть и цивилизацию Рима, давно потеряли значение для умов высших сословий. Духовными их руководителями стали философы, и воздух оглашался многогласием разных систем, смешением учений, в коих можем мы различать зачатое того разнообразия мнений, которым отличается и наше время. Августин (*De Civit. I. XIX. Гл. 1*), ссылаясь на Варрона²⁷², приводит не менее двухсот вось-

мидесяти восьми известных учений по вопросу об истинной цели человеческой деятельности. Но в одном отношении сходились все учителя распадавшегося язычества. Все они, даже лучшие, напр[имер] стоики и даже неоплатоники²⁷³, лишены были сознания о святости Божией и о нужде в освящении человека. Они сознавали зло в мире весьма определительно, но физическое зло и зло нравственное смешивалось в их понятии. Фатализм был у них основой всех метафизических идей и последним словом всей их аргументации. В некоторых из этих искателей истины, без сомнения, поражает нас и возвышенность мысли, и чистота побуждений, и безупречность жизни: благороднейший образец их видим в Марке Аврелии. Но та философия, в которой эти люди, с большим или меньшим успехом, искали руководства для жизни и поведения, была достоянием лишь немногих избранных душ. Все множество массы людской утопало в грубой, развратной и жестокой чувственности и следовало потерявшему значение религиозному обряду; он стал уже оскорбителен для разума, но угодлив чувственным страстям и отвечал низшим инстинктам природы — инстинктам обезьяны и тигра, так что и кровопролитие, и разврат стали принадлежностью религии. Римский Колизей, храм Солнца, оглашались кликами свирепого, чудовищного восторга восьмидесятитысячной толпы зрителей при виде страшной агонии терзаемых жертв человеческих. Театр, воздвигнутый в честь и под именем Венеры²⁷⁴, посвящен был зрелищам мерзостей, подобных тем, коими основатели первой французской Республики чтили и праздновали в парижских церквах богиню Разума. Мы привыкли высоко ценить литературу Римской империи и в эпоху ее упадка; несомненно, в ней слышится дух филантропии и любви к человечеству, в ней поражает глубина и развитие юридической мысли; но, независимо от нее, в народном сознании нет и следов понятия о человеческой личности, о ее духовном значении, об уважении к ней, да и могло ли быть что подобное в обществе, которое основано на рабстве? Вот где главная черта, отделяющая античную цивилизацию от нашей. В этом мире не только все, что у нас составляет «массу насе-

ления», состояло из рабов, одинакового племени с господами, но и врачи, артисты, певцы, педагоги в огромном большинстве принадлежали к числу рабов, считались наравне со скотиною и были беззащитными жертвами жестокости, скарденности и сластолюбия своих хозяев.

Вот в каком веке родился Августин. В самом раннем возрасте проснулся живой, пытливый ум его и стал работать над древним вопросом: какая цель нашей жизни? Одна книга Цицерона, для нас утраченная, философское сочинение под названием *Hortensius*, воспламенила его любовью к мудрости и зажгла в его душе желание знать истину, все остальное в мире казалось ему ничтожно в сравнении с истиной. Стал он искать ее повсюду. У манихеев: они объявляли, что религия их – религия науки, но пытливый ум его скоро распознал тщету их учения. У языческих философов – но никто из них не удовлетворял его, как ни были велики и драгоценны истины, содержащиеся в их учении. У Платона в особенности (как он представлен в писаниях неоплатоников) Августин нашел возвышенные представления о Божестве, глубокие мысли и рассуждения об истинной цели бытия человеческого ввиду абсолютного и вечного и в соединении с ним. То было последнее и, можно сказать, совершеннейшее слово эллинской философии, и Августин в позднейших писаниях своих (*De Civit. I. X. Гл. 2*) говорит, что многим обязан Платону. Он узнал из Плотина (великого платоника, “*magnus ille Platonicus*”), что умная душа выше себя познает единого лишь Бога, Создателя мира, своего Творца и Просветителя и что в причастии света божественного одно наше блаженство. Но этот Бог представлялся только душою вселенной – *universitates anima*, и неоплатоническое учение о пути к соединению с Божественным казалось Августину и смутным, и сухим, без сладости. В 7-й книге своей «Исповеди» (гл. 17) он рассказывает, как, восходя от телесных форм к душе ощущающей, отсюда – к внутренней силе души воспринимающей от телесных чувств впечатления, отсюда – к умной силе рассуждения о воспринятом и отсюда – к тому разумному свету, коим просвещается ум для различения истины, он до-

стиг, наконец, Сущего в трепетном видении блеснувшего света (*et pervenit ad Id quod est, in ictu trepidantis aspectus*).

И тут открылось ему Непреходящее, Самосушее, Абсолютное и Вечное. Но как к нему приступить, как достигнуть соединения с ним – это не обреталось. «Красота Твоя, – пишет Августин, – неотразимо влекла меня к Тебе, но меня оттягивала вниз, дальше и дальше, тягота моего бремени – то было бремя навыка плотского “*et pondus hos consuetudo carnalis*”».

Какой же плотской навык оттягивал так к земле эту огненную душу, стремившуюся подняться в истинное свое жилище, к «огненному источнику душ» (*igneus fons animarum*)? То была любовь к миру и к мирским вещам, несовместимая с любовью к Богу, по учению Апостола, очарование, производимое на душу совокупностью видимых, чувственных вещей, вызывающих к похоти плоти, похоти очей и к гордости житейской. «Я жаждал, – говорит он, – почестей, жаждал богатства, жаждал уз брачных», и эта жажда тянула его в сторону. Тогда он обратился к Павловым посланиям и здесь прочел то, о чем не было ни слова в книгах неоплатоников: о законе греха, царствующего в членах его и держащем его в плену, и о благодати Божией во Христе Иисусе, сильной избавить его от тела смерти. «И дивным образом запали эти слова во внутреннее существо его и узрел дела Божии, и убоился» (*Haec mihi inviscerabantur miris modis et consideraveram. Confess. I. VII. Гл. 2*). Вопрос для него был о решительном выборе: или всего себя отдать, или не отдавать вовсе; либо принять веру в Иисуса Христа в высшей ее форме – отречения и аскетства, либо не принимать вовсе. Среднее состояние (*medior locus*), предоставляемое тем, кому суров кажется совет о совершенстве, не удовлетворяло его. «Нашел я, – говорит он, – бисер многоценный, надлежало мне все, что есть у меня, продать и купить его, а я усомнился». Что же, наконец, решило его? Решил пример других людей. Некто Понтиниан, христианин, занимавший важную должность при дворе императорском, пришел к нему за каким-то делом в то время, когда он сидел с другом своим Алипием за чтением Павловых посланий. Заметив, что его глубоко интересуют

предметы христианской веры, он вступил с ним в разговор о вере и стал между прочим рассказывать о святой подвижнической жизни св[ятого] Антония и фиваидских пустынножителей; рассказал и истории двух друзей своих, как они, будучи вместе с ним на службе при императоре в Трире, поражены были чудным образом пустынножительства и, решившись посвятить себя ему, бросили и служебную карьеру, и оставили невест, с которыми обручены были. Рассказ этот воспламенил Августина, и сам он себе показался жалким и презренным (*quam turpis essem, quam distortus et sordidus, maculosus et ulcerosus*). И теперь стали для него железными державшие его узы, казавшиеся прежде мягкими, шелковыми. «Старинные мои владычицы, – говорит он, – суеты сует, крепко держали меня и тянули за одежду плоти моей, и шептали в уши мне: неужели в самом деле хочешь ты нас покинуть и с этой минуты проститься навсегда с нами? И неужели никогда не будешь ты то и то делать? Так и то, и другое внушали они мне, Боже мой, Боже! Что моя за бедность, что за позор мой!» Внутренняя борьба мучила его, в слезах искал он уединения. И тут, когда он повторял в себе: долго ли так быть, все просится до завтра, отчего не сегодня, отчего не теперь? – послышались ему дивные слова: возьми, читай! Возьми, читай! *Tolle et lege, tolle et lege*. Он вспомнил рассказ о св[ятом] Антонии, как он, напав, как бы случайно, на стих Евангельский: «Иди, продаждь еже имаши и раздай нищим, и имети имаши сокровище на небеси, и иди вслед Мене», – решил уйти в пустыню. Вспомнил и вернулся на то место, где оставил книгу посланий Павловых, возле друга своего Алипия. «Я взял ее, – говорит, – открыл и прочел в молчании первое, что попало на глаза мои: “Не бесчинством и пьянством, не любодееянием и студодееянием, не рвением и завистью, но облещитесь Господем нашим Иисусом Христом и плоти угодия не творите в похоти”. (Рим. 13:13). Нечего было читать дальше. Едва кончил я этот стих, как свет и мир сошли мне в душу, исчезла тьма, пропали все сомнения».

«Облещись в Господа Иисуса Христа». Вот идеал, который он познал, наконец, и к которому устремился. С этих пор

правилом деятельности стала уже для него не своя прежняя развращенная воля, но «воля благая, благоприятная и совершенная», с коей искал он сообразоваться в обновлении духа: не того хотеть, чего хотел прежде, но того хотеть, что Богу угодно (*nolle quod volebam et velle quod volebas*). Предметы желаний, которые прежде так его приковывали, жажда богатства, почестей, женской любви, стали для него столь же пусты и несущественны, как ночные видения. Как будто у слепого, отверзлись у него очи. Перед сладостью вечною погасли в нем желания временного. Что прежде казалось ему радостью, что всего больше он боялся утратить, то теперь отвергал с великою радостью. Он достиг свободы от грызущих забот о мирских предприятиях, свободы тихого и совершенного отречения.

Во всей литературе едва ли найдется что-либо подобное тем исполненным торжественного восторга страницам «Исповеди», в коих Августин описывает эти события своей жизни. Это как бы погребальный псалом прежнему и вступительный гимн в новую жизнь. Затем, переходя к другому предмету, рассказывает он с глубокой нежностью любящей души о матери своей Монике и последнем с ней прощании; наконец, говорит о себе, как он преклонил главу под иго, возложил на себя бремя Христово и взял крест Его и последовал за Ним. «Многие, – говорит он, – кто знал меня в прежнее время, или не знал, но слышал обо мне, не угадали бы, чем я стал ныне. Таковым хочу я открыть себя, сколько могу, ибо кто сам себя вполне знает? Один лишь Создавший человека знает, что есть в человеке. Одно я знаю и в одном уверен: что Слово Божие, скорое и пронзающее острие обоюдоострого меча, уязвило мое сердце и воспламенило его любовью Божией: “*Non dubia sed certa conscientia, Domine, amo Te: percussisti enim cor meum Verbo Tuo et amavi Te*”. Но что люблю я, любя Бога? И где обретаю я Бога? Вся вселенная, исполненная порядка и красоты, возвещает Верховный Разум, создавший ее; прикрывает Его, и открывает, и душа исповедует: я не Он, но Он мой Создатель. Не может быть в Нем ничего материального. Разум превосходнее оживляемой им материи. Но Бог есть жизнь нашей жизни». Тут Августин

обращается к своей душе, рассматривая силы ее и способности, и с удивительную тонкостью анализа проходит «равнины и обширные палаты памяти». Несомненно, Бог обитает здесь, но каким образом? Не в образах тленных вещей, не в ощущениях души, ниже в самом средоточии ума, которое утверждается в памяти. «Но для чего, – спрашивает далее, – вопрошать о месте обитания, как бы в самом деле было такое место? В памяти моей подлинно обитаешь Ты, ибо Тебя я помню с тех пор, как узнал Тебя, и там нахожу Тебя, когда Тебя поминаю. Слишком поздно полюбил я Тебя, Красота исконная, Красота столь новая для меня! Поздно полюбил я Тебя. Ты был внутри, я был вне: и тут я искал Тебя, жадно устремляясь в своем безобразии за образами красоты, Тобою созданными. Ты был со мною, когда я далеко блуждал от Тебя. И те самые вещи, которые потому и существуют, что Ты в них, те самые отводили и отдаляли меня от Тебя. Ты призывал меня, Ты вопиял ко мне, Ты глухоту мою побеждал; Ты посылал молнии Твои, Ты сиял всем Твоим светом и прогонял слепоту мою. Сладкая Твоя воня благоухания обнимала меня, и я удерживал дыхание и жаждал Тебя. Я вкусил Тебя, но и доныне еще алчу и жажду... Ты возложил Руку Твою на меня, и я загорался желанием Твоего мира».

Он уверен во внутреннем своем человеке. Но знает, что внутри его происходит ежедневная борьба между высшим законом духа и другим законом, который действует в теле его. Вся жизнь человека на земле – что иное, как не борьба? Всякое чувство греху подвержено. Всякое действие – случай к возможному падению. «Многие и великие, – исповедует он, – болезни души моей; но Твое врачевство паче меры довлеет на исцеление их. И как было бы Слову Твоему придти к соединению с человеком, но Слово Твое плоть бысть и вселися в ны». Вот надежда просвещения неведению, надежда исцеления болезни. Если б не она, где бы спастись от отчаяния. Отсюда – правило жизни по слову Апостольскому: «Христос же за всех умре, да живущии не к тому себе живут, но умершему за них и воскресшему» (2 Кор. 5:15). Вот исконный закон самопожертвования, соединяющий Всевышнего с Его тварями;

закон, коего деятельным исходом является долг, утверждающийся на любви Божественной.

В Августине мы видим живой образец превращения, совершенного Христианством в отдельном человеке. Это история, в общих чертах своих, история бесчисленного множества людей. Высшим идеалом древнего язычества было жить по влечению чувств, без всякого стеснения* покоиться и греться у огня здешней жизни, лишь бы только не обжечь себя или, говоря словами Цицерона, а пожалуй, и Сократа²⁷⁵, – так проходить жизнь человеческую, чтобы, когда придет неизбежный час кончины, покинуть ее, как уходит довольный гость с пира, в котором участвовал. Аристотель²⁷⁶, описывая образ человека великой души (μεγαλόψυχος), приводил черты нравственного достоинства, дальше коих не возвышалась древняя философия. Великодушие, говорит он, есть венец всех добродетелей; великой души человек чувствителен к почести, имеет право на нее и наслаждается ею, но не чрезмерно, не в излишестве, ибо получил лишь то, чего стоит, и может быть, менее своей заслуги. Он любит раздавать милости, но сам стыдится принимать их, ибо это значит умаление своей чести перед другою. Его считают обыкновенно гордым; и неудивительно, ибо он не может не чувствовать презрения к ближнему. Он открыт и в ненависти, и в любви своей и относится к обыкновенным людям учтиво, ибо высокомерие с низшими есть признак дурного воспитания.

Обратимся отсюда к христианскому идеалу, как он начертан в Нагорной проповеди²⁷⁷: тут возвеличение бедности, плача, кротости, алкания и жаждания правды, милосердия, мира и чистоты – этой отличительной христианской добродетели. Христианство превратило всю жизнь человеческую, превратив человеческий идеал жизни. И мы можем уразуметь все величие этого переворота, когда сравним Аристотелева великодушного человека с человеком святости и смиренного сердца по заповедям блаженств. Там возвеличивается и обожествляется приро-

* К этому идеалу стремится, по-видимому, вернуться человечество по учению новейших популярных теорий материальной философии.

да человеческая со своими страстями; здесь плоть распинается со страстями и похотями. Существо речей у Аристотеля – просвещенное себялюбие. А сущность учения Христова: «Аще кто хочет по Мне идти, да отвергнется себя; иже хочет душу свою спасти, погубит ю» (Мф. 26:25). И вот этот идеал самоотвержения, этот аскетизм, это учение об истинной свободе души, составляющее сущность Христианства, отозвалось в душе Августина и покорило его. И эта идея самоотвержения явилась разумною идеей. Не на расчете она основана, но в основании ее лежит мысль о том, что значение души человеческой бесконечно превосходит весь мир материальный («что даст человек измену за душу свою?»); в основании ее лежит суетность и ничтожество всего, что следует отвергнуть. Отрицается, умерщвляется, предается смерти все низменное в природе человеческой или, по слову Апостола Павла, покоряется и в плен отдается. И отдаваемая в плен жизнь есть та призрачная жизнь телесных чувств, которую изображает Августин такими словами; «Что такое жизнь этих людей? Смотреть, препираться, есть, пить, совокупляться, спать и помышлением своим обнимать одни лишь призраки, собираемые из этой жизни». (*Quorum vita est spectare, contendere, manducare, bibere, concumbere, dormire, et in cogitatione sua nihil aliud, quam phantasmata, quae de tali vita colliguntur, accipere. De Vera Relig.* Гл. 54). В писаниях его одна из главных мыслей есть непостоянство и призрачность видимых образов вещей. Лишь внутреннее, духовное вечно (*Internum aeternum*). Внешний мир явлений есть мир призраков. Истинно реально существо духа, само в себе существующее и вечное (*Idipsum*, по выражению Августина). Само по себе оно было бы ничтожно, но реальность сообщается ему волею Того, Кто един может сказать о Себе: Аз есмь Сый. Он, Сый, в свете живет неприступном, Его же никто видеть не может: Иисус Христос есть Посредник, Ходатай, укрепляющий всего человека в познание и общение Всевышнего Бога – «образ Бога невидимо; осуществление крайних стремлений религиозного чувства. Вечный Бог, ставший плотью от плоти нашей, костью от костей, кровью от крови нашей, испытавший все скорби в своем

священном человечестве: Он едино с нами во святом таинстве страдания и может поистине называть нас братьями. Христос есть живой закон, видимый, самоличный; добродетель воплощенная и красотою Своею все сердца к Себе привлекает. Но вся жизнь Христова была долгая борьба с миром. Он верховный образец отрешения от всех прелестей мира, от предметов похоти. Бог, явивший Себя миру на кресте в неисследимом таинстве любви и страдания. Богочеловек, возведший нравственность на высоту святости, – понятие, неизвестное древнему миру, в коем крайняя высота нравственная не простиралась далее честного (*honestum*)». Августин говорит об этом в своем небольшом, но драгоценном сочинении «Об истинной религии». «Народы, – пишет он, – стремились к гибели своей, за богатыми, владыками и приставниками наслаждения; Он восхотел быть бедным. Они гнались за почестями и за властью, Он отрицался от царства... В исполнении гордости своей они ужасались обид, Он переносил всякого рода обиды. Им нестерпимы казались гонения, а какое гонение может быть беззаконнее суда над Невинным Праведником? Они отвращались от телесного страдания, Он претерпел побои и мучения. Они страшились смерти, Он претерпел смерть. Для них крест представлялся самую позорною казнию, Он на кресте был распят. Все, ради чего нам жизнь мила кажется, Он оставил вне Себя и почитал суетным. Всякое зло, избегая коего, мы изменяли правде, Он претерпел Сам и облегчил для нас. И когда совершаем мы грех, всегда либо устремляясь за тем, что Ему было противно, или избегая того, что терпел и переносил Он. Итак, вся земная жизнь Его, в теле человеческом, которое благоволил Он воспринять, была зеркалом нравственной дисциплины».

Таково было действие Христианства на отдельного человека. Без сомнения, переворот, столь совершенный, был достоянием немногих людей, а не целой массы. Но в меньшей степени, более или менее, он касался до всех, принявших веру Христову, коих жизнь протекла общим низменным ходом ежедневного бытия. Всем эта вера представляла во Христе совершенный идеал бытия человеческого. И тот, кто наиболее отдалялся от этого об-

разца, наименее сообразен был с этим идеалом, сознавал ясно, что самое главное, самое существенное в его жизни было то, что он – гражданин духовного царства, коего первым законом была сообразность с духом Христа Спасителя. Распадавшейся и омертвелой цивилизации Римской империи Христианство представлялось, конечно, аскетизмом: учением о воздержании не только от действий положительно греховных, но и от того, что само по себе считалось дозволенным. Тот мир, которого «не любить» заповедовал Апостол Иоанн ученикам своим, коего любовь несовместна с любовью Божией, мир, который «во зле лежит», мир, который и в наши дни представляется полнейшим противоположением Церкви, есть настоящее видимое сочетание вещей, долженствующее, по учению Апостольскому, прейти со всею его прелестью. И это, по крайней мере, несомненно.

Преобразование в душе человеческой совершилось действием нового начала – то было начало самоотвержения, самопожертвования. Тем же духом преобразовалось и общество. Христианство первоначально обращалось к отдельной душе человеческой. Слово его взывало к каждому человеку, какого бы ни было племени, звания, пола, общественного положения. Но вместе с тем оно призвало и к союзу общественному. На это указываюся самые слова: *ekklesia, ekklektōi*. Ученики Христовы призывались из мира в союз церковный, и Церковь была подлинно обществом, имевшим своего Царя, свои законы, своих судей и начальников. В высшей степени любопытно было бы проследить последовательное развитие этого общества: как возникало и разветвлялось в нем иерархическое устройство, покрывая своею сетью государственную иерархию, как церковная организация вырастала по чертам организации светской, как образовалась вслед за епархией провинция и, наконец, явился Патриарх в большем или меньшем соответствии с префектурой; как правитель Римской церкви мало-помалу занимает место понтифекса Юпитера Капитолийского²⁷⁸, место Фламена²⁷⁹ (*Flamen Dialis*), который, по словам Феста, являлся первосвященником не столько города Рима, сколько целого мира.

В своей «Исповеди» Блаж[енный] Августин описал нам переворот, совершенный Христианством в его душе, в душе отдельного человека. В другом своем сочинении «О Граде Божием» он описывает действие Христианства на все общество. Чуткое ухо его слышало веяние Духа грядущих лет, стремящегося слиться с жизнью, пронизательное око его различало образы новых форм быта, которые, медленно развиваясь в современном обществе, надвигались на смену старых порядков римского мира. И в то время, когда писал он, цивилизация становилась уже церковною. Он мог уже наметить, установить и определить главные черты ее.

410 год был годом страшного события, поразившего мир ужасом: Рим взят и опустошен Аларихом – это было знаком падения Рима, а Рим означал вселенную. Это событие вдохновило Августина написать величественную поэму в прозе «О Граде Божием».

Человечество смутилось, и по всему римскому миру поднялись горькие вопли о том, что страшная катастрофа, поразившая Рим, – дело новой веры, что Христианство погубило вечный город. И Августин предпринял оправдать пути Божии в судьбах человечества. Его «Град Божий» есть первая систематическая попытка изъяснить тесную связь и взаимную зависимость философии с историей и богословией.

Два общежителства (*civitates*), говорит он, существуют в роде человеческом: одно – земное, созданное себялюбием, приводящее к отвержению Бога; другое – небесное, созданное и воспитанное любовью Божией и приводящее к отвержению себя самого. Образ и основание первого видит он в Каине²⁸⁰, другого – в Сифе²⁸¹, но начало возводит к разделению между ангелами, «не соблюдавшими своего жилища», и братьями их, кои пребыли верными Божеству. Он изображает историю того и другого града, искусно пользуясь сравнительно скудным материалом, в то время имевшимся, так как неизвестны были ему, конечно, ни все философские и богословские системы Востока с его историей, ни те новейшие открытия в естественных науках, которые так далеко расширили и изменили представления

наши о материальном мире. Он показывает, как Римская империя, соединив народы в одно правление и распространив на них одни и те же законы, подготовила путь к распространению христианской веры. Далее устанавливает различие в целях града земного и града небесного. Там основанием поставлено учение греческого софиста²⁸² о том, что человек служит мерою всех вещей, что цель жизни в ней самой заключается и что конечное и временное – единственный предмет человеческих стремлений. Здесь мерило всех вещей есть идеал Христов, а цель – стремление к вечному наследию, нетленному, непорочному – на небесах. Здесь, на земле, обе области соединены вместе, ибо одна возле другой находится. Но царство земное должно упраздниться. Но основание «Града Божия» на «горе святой» – это Иерусалим небесный, видение мира вышнего; царствует в нем истина, закон его – любовь, состояние его – вечность. В нем, и в нем исключительно, истинная свобода, свобода всех, кого Христос освободил от греха. А область земная, управляемая похотью власти, рабствует похоти, сколько бы ни величалась всемирным владычеством. Таков общий взгляд на судьбы мира, выраженный в этом знаменитом сочинении; великое и неизменное достоинство его состоит в основной его мысли, выраженной одушевленной, восторженной речью: духовная природа человека есть область независимая от мирской власти. Римские юристы (равно как новейшие демагоги) решили, что все – в области кесаревой. Августин изображает духовную область, основанную на законе выше юриспруденции императорского Рима, чтущую иного верховного Владыку выше императора: то было новое, неизвестное дотоле миру представление, и оно-то должно было преобразить весь строй общественный, внося в него истинное понятие о Христианстве. Через тысячу лет после того как написана книга «О Граде Божием», мы видим, что первое качество человека определяется не племенем его и национальностью, но религией, и на религии утверждается общественный порядок. Совсем иное представление о религии было в Европе до Христианства. Правда, религия считалась важным делом в государстве как связь национального единства и союза

общественного. Так у Платона, в его «Республике» «построение храмов, устройство жертвоприношений и прочих обрядов в честь богов и все церемонии, учрежденные для умиловления обитателей невидимого мира – все это самые важные, самые высокие и величественные предметы законодательства». Итак, религия в древнем мире была делом общественного порядка, делом нации, а не отдельного человека, делом племени, а не личности; нация образовалась из племени, а племя было в существе разветвлением семьи – союз людей, соединенных действительным или предполагаемым единокровием. Семья, натуральная или искусственная, а не отдельное лицо составляла единицу древнего общества, и это явственно выражается в религиозной сфере того времени. Так Катон²⁸³ (*De re Rust.* Гл. 143) в наставлении своему управителю пишет: «Ты должен знать, что глава семейства отправляет богослужение за всю свою семью»; в нем поглощалась личность каждого члена семьи и в религиозном, и в гражданском смысле. Но Христианство произвело в религиозной сфере то же, что римская юриспруденция произвела в сфере гражданской: выдвинулась из семьи человеческая личность и получила особенное значение, закон интереса общественного уступил закону совести. А в Христианстве личность человеческая возвысилась безмерно тем, что в ней открылось безмерное значение души человеческой. Подобно тому преобразилось и семейство. Древнему миру неведомо было нравственное значение женщины, оттого и положение ее в обществе было униженное; а где низко нравственное значение женщины, там и в обществе разлагаются нравственные начала. Этому нравственному унижению женщины приписывает Гораций²⁸⁴ то развращение, которым проникнута была жизнь человеческая во времена упадка в римском обществе. Христианская вера, проповедуя духовное равенство женщины с мужчиной, тем самым вознесла ее в надлежащее положение, вместе с тем освятив брак единоженственный, в смысле неразрывного союза; утвердило ее достоинство и в союзе мужа и жены возвысило до идеального чувства то, что в Древнем мире мало чем возвышалось над инстинктом животной чувственности. Действие

этого начала на общественную жизнь, хотя и косвенное, было тем не менее могущественно. Церковь учением своим, основанным на нравственной свободе и нравственной ответственности человека, возбудила в народах, подавленных и униженных империализмом, новый мужественный дух, освободивший и освеживший человеческие способности; вместе с тем, установив сама свое учреждение, свои выборные власти, свои совещательные собрания, Церковь оживила дух самоуправления народного, которое было совсем раздавлено цезаризмом, и воспитала племена варварские, вошедшие в ее лоно, открыв им и начала, и употребление истинной свободы. Когда подданные земного града стали подданными Града Божия, тогда и гражданское правление восприняло новые начала. Христианские содружества выросли в собрания, собрания совокупились в общество, и так Христианство, не вводя никаких изменений в организацию правительства, мало-помалу преобразовало государственный строй, сделав из него Церковь. Утвердилось в сознании, что общество христиан должно быть христианским обществом, и весь гражданский строй постепенно подчинился действию и руководству начал веры. Повсюду Крест Христов признан зеркалом и мерилем жизни человеческой, а исходом и целью здешней жизни – жизнь небесная. Всюду господствовала мысль о Боге, Отце Небесном и об откровении Его в Том, Кто не Себе угождал, но смирил Себя до смерти и закон жертвы поставил первым законом Своей религии. И этим сознанием первые века Христианства преимущественно отличаются от предшествовавшей эпохи: оно и стало главным источником силы, главным возбуждением жизни и деятельности.

Скажут: но с тех пор христианский мир не перестает представлять мрачную картину пороков, злодеяний, насилия, невежества. Да, но и в мрачный период Средних веков наряду с пороками сколько явилось добродетелей, о коих древний языческий мир не имел понятия. Христианство, проповедуя жалость и кроткое обхождение, возвеличивая нищету и чистоту, открыло человечеству приснотекущий источник благоволения, сострадания, чистой любви, оплодотворившей

самые сухие и пустынные места в человеческом роде. Уважение к женщине, попечение о детях, о бедных и немощных служит показателем нравственного достоинства в общественном строе: Христианство в этом отношении стоит невыразимо выше всей прежней организации общества. Тем же духом просвещаются, усовершенствуются и политика, и литература, и искусство. Стоит представить себе идею власти в Древнем мире: цезаризм, все равно – автократический или демократический был, можно сказать, самым наглым осуществлением человеческого эгоизма и насилия; христианское понятие о власти нераздельно с понятием о зависимости от веления Божия, о долге, о служении. Собственность в Древнем мире была решительным, безусловным и жестоким правом, состоянием, на том же эгоизме основанном. По христианской идее собственность – тоже, подобно власти, достояние Божие, порученное человеку как домоправителю, соединенное с обязанностью разделять, помогать, раздавать милостыню.

Все великое и высокое в разнообразных проявлениях жизни общественной и частной истекает из идеи самоотвержения и жертвы, составляющей центральную идею Христианства. И не дивное ли дело, что все богатые и разнообразные плоды цивилизации в нашем гражданском быту имеют исходное начало в учении, коего правилом было презрение к миру! А утверждение самых священных прав бытия человеческого имеет исходное начало в учении, столь мало ценившем материальную свободу человека, что рабу указывалось терпеть и не рваться на свободу; в учении, проповедовавшем не о правах человека, а о долге и о жертве! Этот источник истины тот же и ныне и всегда будет жив и действителен, потому и все деяния человеческие, и все блестящие явления ума и искусства человеческого, кои не от него исходят или минуют учение Христово, суть и будут дела суеты, не на добро человеку. И мы видим по судьбам человечества, как оправдывается в них слово Христово: «Иже погубить душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю» (Мк. 8:35). Видим и крепче веруем, что Он ведал, «что есть в человеке», и что «слово Его пребывает вовеки».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Книга IX из Исповеди Блаженного Августина

Глава I

О, Господи, аз раб Твой и сын рабыни Твоя. Растерзал еси узы моя, и о том пожру Тебе жертву хваления²⁸⁵. Восхвалит Тебя сердце мое и язык мой, и все кости мои рекут: Господи, кто подобен Тебе? Рекут, и Ты да отвечаешь мне, и рцы душе моей: спасение твое есмь Аз. Кто же я и каков я? Какого зла не бывало во мне, в делах моих, а не в делах, то в слове, а не в слове, то в воле моей! Ты же, Господи, благий и милостивый, Ты, прозрев в глубину мою смертную, десницею Твоею извлек из глубины сердца моего бездну развращения. И значило это – не хотеть того, чего желал я, и того хотеть, что Тебе угодно. И где была в это время и из какой тайной глубины вызвана была внезапно моя свободная воля, так что склонил я голову свою под иго Твое благое и возложил на плечи свои бремя Твое легкое. Христе Иисусе, Помощник мой и Искупитель! Как сладко стало мне вдруг быть без мирских сладостей! И чего страшился я лишиться, то отвергнул в радость себе. Ты изгонял их от меня, истинная и совершенная сладость; изгонял и входил вместо них Сам, и явился, не плоти только и крови, сладостнее всякой чувственной радости, светлее всякого света и всякой тайны сокровеннее, превыше всякой почести, но не тем, кто сами собою величаются. И стал уже свободен дух мой от острых забот честолюбия и приобретения, и постыдного похотного желания, и к Тебе обратился лепет сердца моего, свет и богатство, и спасение мое, Господи Боже мой.

Глава 2

Пред лицом Твоим решил я без шума и незаметно оставить службу свою и прекратить преподавание риторики, что-

бы юноши, помышляя не о законе Твоем и не о мире Твоем, но об искусстве ложью запутывать истину, не учились из уст моих владеть оружием для своих страстных целей. Кстати, оставалось уже немного дней до вакации, и я решился потерпеть эти дни, чтобы уйти привычным образом и чтобы мне, искупленному Тобою, не возвращаться уже на свою куплю. Перед Тобою принято было это решение, но его знали лишь немногие, ближние люди. И условлено было между нами никому не сообщать об этом, хотя нам, восходящим от юдоли плачевной и воспевающим песнь степеней (кафизма 18), дал Ты острые стрелы и угли разженные противу языка льстивого (Пс. 119:3, 4), того, что, советуя, противодействует и любя, как любят пищу, пожирает.

Уязвил Ты сердце мое любовью Твоею, пронзил его словесами Твоими глубоко; и примеры слуг Твоих, коих из мрака просветил Ты Сиянием света и от смерти к жизни возвел, пребывая в душе у меня непрестанно, воспламеняли ее, окрыляли от тяжести и лени, не давали опускаться в низкие места, так что все усилия льстивых языков, не угашая моего духа, только более воспламеняли его. Правда, ради преславного во всей вселенной Имени Твоего нашлись бы люди на похвалу моему желанию и намерению, но казалось, не без тщеславия было бы мне, не ожидая близкой вакации, разом, на виду у всех, оставить свою служебную должность, и многие, глядя на то, подумали бы, что я хочу выставить себя и возвеличить. И для чего мне было бы так поступать, чтобы стали люди рассуждать между собой о моей духовной мысли и хулить доброе мое решение?

Притом в это лето легкие мои начали утомляться литературною работой, затруднялось дыхание, чувствовались боли в груди, и я не в силах был говорить громко и ясно. Вначале смущала меня мысль, что поневоле нужно будет вовсе сложить с себя бремя учительства или, по крайней мере, прервать его, если будет надежда поправиться в здоровье. Но как скоро возникло во мне и утвердилось решение упраздниться и уразуметь, яко Ты еси Господь, я стал уже доволен, что есть

у меня это неложное оправдание, чтобы утолить недовольство родителей, которые ради детей своих не желали бы отпустить меня на свободу. Итак, с этим чувством мог я спокойно выдержать все остававшееся время. Оставалось дней двадцать, но и это время очень тяжело казалось, потому что иссякла уже во мне та страсть к делу, которая помогала несть тяжкую работу, и она подавляла бы меня, если б не помогло терпение. Иные рабы Твои из числа братьев моих могли бы осудить меня в грехе за то, что я, быв уже исполнен ревности служения Твоего, допустил себя хотя на один час оставаться на кафедре суетной лжи. И я не оправдываюсь. Но Ты, премилосердый Господи, разве не отпустил мне этот грех вместе с прочими страшными гибельными грехами, когда омылись они во святой воде крещения?

Глава 3

От этого доброго решения моего пришел в большое смущение Верекундий: его самого связывали еще крепкие узы, так что не мог он разделить со мною судьбу мою. Он еще не был христианином, хотя имел верную супругу, и это самое служило ему главным препятствием вступить на тот путь, которому я решил последовать: он хотел быть христианином, но лишь на таком условии, на котором это было невозможно. Однако с большою охотой предложил он жить у него все время в его сельском поместье. Награди его за то, Господи, в воскрешение праведных. Правда, что он получил уже у Тебя добрый жребий: в отсутствие мое, когда я был уже в Риме, тяжело заболев, он приобщился к верным, приняв св[ятое] крещение, и с тем преставился от здешней жизни. Так сотворил Ты милость не только с ним, но и со мною: какое несносное горе было бы, когда бы, вспоминая друга и всю его любовь ко мне, плакался я о том, что он вне Твоего стада. Благодарение Тебе, Господи Боже наш, Твои мы, и о сем свидетельствуют нам гласы и утешения Твои. Верен еси, обещавай, воздай Верекундию за кассицианский приют, где нашел я в Тебе упокоение от шума

мирского, воздай ему блаженством присноцветущего рая Твоего; Ты отпустил ему еще здесь на земле грехи его, на горе усыренной, на тучной горе Твоей!

Итак, смущался Верекундий, но Небридий вместе со мною радовался. Хотя и не был еще он христианином и даже впал в ров пагубного заблуждения, почитая за призрак плотское естество Сына Твоего, но выбрался, наконец, на свободу и искал истины со всем жаром души, не быв еще просвещен таинствами Церкви Твоей. Вскоре после моего обращения и возрождения в св[ятом] крещении, стал и он верным сыном кафолической²⁸⁶ Церкви и служил тебе в совершенной чистоте и воздержании в Африке со всем своим домом, обратив и всю семью в Христианство; его разрешил уже Ты, Господи, от плоти, и ныне жив он на лоне Авраамовом, Небридий, друг мой милый, Твой же сын приемный, бывший отпущенник из рабства. Такая душа, наверное, там, где же и быть ей? И сколько раз, бывало, допрашивал он меня, неведущего человека, что там будет? Не приникает уже он своим слухом к устам моим, но духовным слухом принял к Твоему источнику и пьет из него мудрости, сколько может, в меру великой своей жажды. И как ни велико его упование, думаю, что не забывает меня, когда Ты, Господи, сам воды той живой Источник, меня не забываешь.

Итак, утешал я печального Верекундия; не изменяя своей дружбы ко мне, не мог он быть равнодушен к моему обращению, а я убеждал его обновить верою свое состояние, то есть брачное свое сожитие. И о Небридии ждал я, когда он последует за мною, казалось, уже близко, и он совсем готов был. Так прошли, наконец, все эти дни, казалось, такие долгие от желания достигнуть скорее в счастливую свободу, когда можно будет всей душою воспевать: «Тебе рече сердце мое: Господа взыщу — взыска Тебе лице мое, лица Твоего, Господи, взыщу» (Пс. 26:8).

Глава 4

Наконец, пришел день, когда отрешился я самым делом от риторических лекций, духом я давно уже от них отрешил-

ся. Совершилось: разрешил Ты язык мой, как разрешил уже сердце мое, и благословил я, радуясь, имя Твое, переехав в деревню со всеми своими. Чем я занимался там, видно по книгам, где написаны беседы мои с моими присными и с Тобою, Господи, видно и по переписке с отсутствовавшим Небридием, видно, что посвящал их служению Тебе, хотя есть еще в них и след ученой гордости, подобно тому как после скорого бега не скоро отдышится человек, пристав на месте. Не доста-нет мне времени вспомнить все великие Твои благодеяния мне в эту пору, и я спешу перейти к иному, более важному. На памяти лежит у меня, Господи, и сладко мне исповедать пред Тобою, какими острыми стрелами укрощал Ты сердце мое, как Ты правые стези творил в нем, смиряя горы и долины моих помышлений, направляя стропотная моя и острая обра-щая в пути гладки; как самого Алипия, возлюбленного брата моего, покорил Ты Имени едиnorodного Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, тогда как прежде и в письмах моих не терпел он этого Имени. Хотелось ему, чтобы писания мои проникнуты были запахом тех гордых кедров академическо-го учения, которые разорил Ты, а не запахом целебных трав Евангельских, отгоняющим змиев.

Как крепко взывал я к Тебе, Боже мой, читая Псалмы Да-видовы, песни, исполненные веры, словеса благочестивые, от-гоняющие смущение духа, еще не утвердившись в чистой люб-ви, еще оглашенный, празднуя в деревне вместе с оглашенным Алипием; мать моя была с нами, жена веры мужественной, старческой твердости, в полноте материнской любви и христи-анского благочестия. Взывал я к Тебе во псалмах, разгораясь душою, и стремился петь их, если б можно было, во всю зем-лю, в отпор гордости, всему роду человеческому. И поются они по всей земле, и нет ни единого, кто бы укрылся от горящих лучей Твоих. С какою скорбью, с каким негодованием думал я о манихеях, как сокрушался о них, что не знают они этих тайн, этого духовного врачевства и безумно отвергают противоядие, которое исцелило бы их. Хотел бы я, чтобы они тут незримо для меня присутствовали и видели бы лицо мое, когда я на

своей свободе читал четвертый псалом, что у меня в душе совершалось! «Внегда призвати ми, услыша мя Бог правды моея. В скорби распространил мя еси, ущедри мя и услыши молитву мою». Услышали бы, и я не знал бы, что слышат, чтобы не показалось им, что я для них говорю то, что эти слова мне внушили. И не сказал бы или не так бы сказал, если б знал, что они видят и слышат меня; а я говорил как бы сам с собою и для себя пред Тобою из глубины потрясенной души своей.

Страхом объят и в то же время исполнен надежды и восторженной радости, Отец мой небесный, ради милосердия Твоего. И то, что я чувствовал, слезами и вздыханиями исходило из души моей, когда слышал я, как Дух Твой благий, к нам обращающая слово, глаголет: Сынове человеческие, доколе тяжкосердии? Доколе любите суету и ищите лжи²⁸⁷? И я суету возлюбил, и я искал лжи. Ты же, Господи, прославил уже Святого Твоего, воздвигнув Его от мертвых, да воссядет одесную Тебе и послет свыше, по обетованию Своему, Утешителя Духа истины. И послал уже Его, а я того не ведал. Послал Его, ибо уже прославлен был, воскрес из мертвых и вознесся на небо; прежде того не был послан Дух, яко Иисус не убо бе прославлен. Для того и призывает пророк: «Доколе тяжкосердии? Доколе любите суету и ищите лжи? И уведите, яко удиви Господь преподобного Своего». Доколе, глаголет, и уведите. А я, не зная того, столь долго любил суету и искал лжи, и вострепетал, когда услышал эти слова, сказанные таким людям, коим и я был подобен. Суета была и ложь в тех мечтаниях, которые я принимал за истину. Тяжкими и горькими словами болел я, вспоминая все это, и если бы слышали их те, которые любят еще суету и ищут лжи, смутились бы и, может быть, и извергли бы яд свой, и Ты услышал бы их, когда бы воззвали к Тебе, ибо Тот, Кто за нас Ходатай пред Твоим милосердием, за нас умер подлинною смертью плоти.

Еще читал я: «Гневайтесь и не согрешайте»²⁸⁸ – и как отзывались во мне эти слова, Боже мой, ибо я научился уже гневаться на свое прошедшее, да престану согрешать. И праведно гневался я на себя, потому что согрешало мое естество, а не чуждое темное естество, как говорят люди, которые не гнева-

ются на себя, но собирают на себя гнев в день гнева и откровения праведных судов Твоих. В это время блага мои не были уже внешние блага, и не искал я их под здешним солнцем плотскими очами. Те, кто ищет радостей своих во внешних вещах, те легко обманываются и рассеиваются в видимом и временном, жадною мыслью гоняясь за призраками. О когда б истомились они, наконец, этою жаждой и сказали бы: Кто явит нам благая? И от нас услышали бы: знаменая на нас свет лица Твоего, Господи. Не в нас есть свет, просвещающий всякого человека, но Тобою просвещаемся, быв некогда чадами тьмы, да будем во свете Твоем. О когда б они могли ощутить то внутреннее вечное благо, которое я начал ощущать и вкушать, но я не мог им показать его, когда они обращали ко мне сердце, преданное внешним вещам, и очи, далече от Тебя устремленные, не мог бы [ответить] и на вопрос: кто явит нам благая?

И там, где, уединившись в себе, предавался я этому гневу и мучился совестью, где приносил в жертву Тебе ветхого человека, и в уповании на Тебя мысленно полагал начало своему обновлению, там Ты начинал услаждать меня и в сердце мое посылал радость. Читал я, и слова, отзываясь внутрь души моей, выходили наружу воздыханиями, и уже не желал я умножать себе земные блага, но, поглощая время, сам поглощаем был временем, в простоте вечности вкушая новую пшеницу и вино, и елей новый.

На следующем стихе воззвал из глубины сердца: В мире – в мире вкупе усну и почию²⁸⁹. Кто нам воспротивится, когда исполнится слово писанное: «Пожертва бысть смерть животом?» Ты, Боже, мир наш, Ты, в Немже несть изменения, и в Тебе покой с забвением всех зол и трудов, и нет равного Тебе, и нет приобретения ни единого во множестве вещей, где нет Тебя; Ты же, Господи, «единого на уповании вселил мя еси». Так читал я, горя духом, и не находил, как бы тронуть глухих и омертвелых людей, между коими сам я был самый ядовитый, задорный крикун, слепец в медоточивых писаниях небесных, светом Твоим сияющих; читал, сокрушаясь о врагах Божественного Писания.

Как мне вспомнить эти дни праздничной моей свободы! Не забуду я их и не умолчу, как тяжело было наказание Твое и как дивно ускорило ко мне Твое милосердие! Мучил Ты меня зубною болью, и когда усилилась она до того, что не мог я говорить, пришло мне на мысль просить всех бывших тут ближних моих, чтобы помолились за меня Тебе, Богу всяческого спасения. Написал эти слова на дощечке и дал прочесть им, и лишь только пали мы на колени в умиленной молитве, как затихла боль. Что это за боль? И как она исчезла? Признаюсь, что страх напал на меня, Господи мой Боже: ничего подобного не испытывал я с самого детства. Тогда в глубине души моей осветились пути Твои, и, радуясь в вере, восхвалил я Имя Твое. Но и вера не принесла еще мне мира о прошедших грехах моих, доколе не получил я отпущение их в крещении Твоем.

Глава 5

Когда миновались вакации, известил я миланцев, чтобы искали себе другого торговца речами; я решился уже отдать себя на служение Тебе, и притом боль в груди, затрудняя дыхание, не позволяла мне продолжать прежнее занятие. Тут исповедал я на письме первосвятителю Твоему, мужу святому Амвросию, прежние мои заблуждения и настоящий обет мой и просил от него указания, что следует мне прежде всего читать от книг Твоих, чтобы приготовиться достойно к восприятию такой благодати. Указал он Исаию пророка; думаю, потому, что он явственнее пред всеми пророками предвозвещал Евангелие и призвание языков. Но, затрудняясь понимать его при первом чтении и думая, что он до конца столь же труден, я отложил это чтение до тех пор, пока стану искуснее в словах Господних.

Глава 6

Когда пришло время дать имя мне, мы, оставив деревню, вернулись в Медиолан; пожелал и Алипий вместе со мною

возродиться в Тебе, Он уже исполнен был смирения, сообразного с Твоими таинствами, и так крепко измождал плоть свою, что решался в холод ходить по мерзлой земле босыми ногами. Присоединили мы к себе и отрока Адеодата, родного сына плоти моей греховной. Ты, Господи, сотворил его добрым. Ему было пятнадцать лет, а умом превосходил он многих важных и ученых людей. Исповедую пред Тобою дары Твои, Господи Боже мой. Создатель всех, сильный переменить все в нас недоброе: в этом отроке ничего моего не было злого, кроме греха моего. Если я в страхе Твоем его воспитывал, то было Твое внушение, а не чье иное, и так Твои дары исповедую Тебе. Есть книга, мною написанная, под названием «Учитель», в ней описаны мои с ним разговоры: там все речи, приписанные собеседнику моему, его речи, когда ему было шестнадцать лет. Много чудного видел я в этом юноше, великий ум его устрашал меня; кто разве Тебя, Господи, может творить такие чудеса! Скоро взял Ты его от здешней жизни, и теперь я в мире вспоминаю об нем, не страшась ни за его отрочество, ни за юность, и ни за что иное в человеческой его жизни. Мы совокупили его с собою в Твоей благодати, дабы воспитать его в страхе Твоем, все вместе крестились, и исчезла в нас всякая забота о прошедшей нашей жизни. В эти чудные дни наслаждался я безмерно, помышляя о глубине и величии судеб Твоих, о спасении человеческого рода. Сколько слез тогда пролил я в церкви Твоей от горячего умиления, слыша сладостные звуки гимнов Твоих и песнопений! Эти звуки лились мне в уши, и с ними разливалась мне в сердце истина Твоя, и разгоралось во мне благоговейное чувство, слезы лились, и так хорошо мне было.

Глава 7

Не так давно возник в Медиоланской церкви обычай прославлять Бога общим пением верных, соединением голосов и сердец во славу Божию, к утешению и к возвышению духа. Случилось это за год перед тем, или немного более, чем за

год, когда Юстина, мать малолетнего царя Валентиниана, стала преследовать раба Твоего Амвросия, предавшись ереси, в которую увлечена была арианами. Благочестивый народ проводил целые ночи в церкви, готовясь умереть вместе со своим епископом, рабом Твоим. Из первых была там и мать моя, раба Твоя, в трудах и бдениях, в непрестанной молитве. А мы, хотя еще хладные, еще не горевшие Духом Твоим, все-таки возбуждены были смятением, распространившимся по всему городу. И вот, чтобы люди не ослабли от скорби и уныния, заведено было, по восточному обычаю, пение псалмов и гимнов; с этой поры и доныне удержался этот обычай, распространяясь по всем почти церковным твоим общинам и в других частях света.

В это время открыл Ты помянутому святителю Твоему в ночном видении, где хранятся тела мучеников Гервасия и Протасия²⁹⁰, кои столько лет пребывали нетленными, сокровенны в тайне Твоей; надлежало открыть их во благовремени, да утолится ярость женская, и еще жены императрицы. Когда открыли их и, поднявши, с достойною честью перенесли в Амвросиеву базилику, явились чудеса: не только исцелялись мучимые нечистыми духами с исповеданием самих демонов, но один из граждан, известный всему городу и с давних лет лишенный зрения, услышав шум и ликование народное и узнав тому причину, тотчас, поднявшись, потребовал от проводника своего, чтобы вел его, и, придя на место, просил, чтобы допустили его прикоснуться полотенцем к одру смерти святых Твоих. И как только, прикоснувшись, отер тем полотенцем глаза свои, так они отверзлись, слава эта разнеслась повсюду, повсюду промчалась хвала Имени Твоему святому, и хотя ненавистницу нашу не могла еще привести в познание истинной веры, однако утолилась в ней ярость гонения. Благодарение Тебе, Боже мой, изволилось Тебе привести это великое дело на память мне, да исповедаю пред Тобою, о чем забыл помянуть прежде. Однако и при этом случае, хотя носилась надо мной воня благоуханья Твоего, не стремился еще я к Тебе. И тем крепче приступали ко мни слезы, когда

посреди гимнов и песнопений Твоих думал я о том, как давно воздыхал я о Тебе, и едва начинал ощущать дыхание Твое, как бы сквозь соломенные покровы бедной хижины.

Глава 8

Вселяя единомысленные в дома Господни, приобщил Ты к нам и юношу Еводия, земляка нашего. Состоя на службе царской, прежде меня обратился он к Тебе и крестился, и, оставив полк морского дела, вступил в Твое ополчение. Положили мы вместе жить, вместе приняли святое решение. Стали искать места, какое полезнее нам будет на служение Твое, и решились ехать в Африку, но когда прибыли в Остию, на устье Тибра, там скончалась мать моя.

Многое прохожу молчанием, сокращая речь мою. Но и в молчании моем прими, Боже мой, исповедание мое и благодарение о бесчисленных дарах Твоих. Но не могу я умолчать о том, что порождает душа моя о рабе Твоей, меня породившей, плотно во временную жизнь и духом – во свет вечный. Не ее дарования восхвалять буду, но Твои дарования в ней, и не она сама создала себя или сама себя воспитала. Ты – ее Создатель, и ни отец, ни мать не знали, что произойдет из них. Воспитало ее в страхе Твоем наказание и учение Христа Твоего, правило едиnorodного Сына Твоего, в верном доме, в добром уделе Церкви Твоей святой. И она, рассказывая о себе, не столько выхваляла учительную заботу матери своей, сколько заботу старой служанки, которая еще отца ее носила на руках маленького, когда сама еще была молодою девочкой. За это усердие и за старость ее и добродетель уважали и чтили ее господа в доме христианском и ей поручали уход за дочерьми своими. Она и воспитывала их заботливо, когда нужно было – со всею строгостью святого долга, разумно во всем наставляя их. Так, удерживая от дурных привычек, не давала она им пить воды, сколько б ни просили, кроме того времени, когда они пили и ели за столом у родителей, повторяя такие разумные речи: «Теперь пьете воду, потому что вина нет у

вас, а когда выйдете замуж и будут у вас кладовые и погреба под рукою, пожалуй, вода наскучит, а привычка пить одолеет вас». Так, разумным наставлением и властной речью обуздывала она прихоти юного возраста, умеряя в молодых девочках даже простую жажду, для того чтобы впоследствии не было у них и охоты к тому, чего делать не следует.

И при всем том, рассказывала мне раба Твоя, мать моя, являлось и у нее желание попробовать вина. Когда, бывало, родители посылали ее, по обычаю, в погреб достать вина, она, зачерпнув его ковшом, прежде чем наливать в сосуд, пыталась попробовать немного вина, но ей стало на первый раз противно. И это делала она не от вкуса к вину, а из свойственной юному возрасту живости и из шалости, за которую старшие обыкновенно бранят младших. Но стоит дать себе волю в малом, и незаметно впадешь в большие грехи; так и она, прибавляя каждый день понемногу своей пробы, получила мало-помалу такую привычку к вину, что стала с жадностью пить его едва не полными чашами. Где была в ту пору заботливая старлица со строгими своими запретами? И что могло бы тогда одолеть этот притаившийся недуг, когда бы не Ты, Господи, врач недугов, когда бы не Твой благий над нами Промысл? Не знали отец и мать, не знали воспитатели, но Ты ведал, создавший нас и призывавый. Ты Промыслом Своим и особенных людей посылаешь во спасение душ наших. И что же тогда сотворил Ты? Чем и промыслил, какое послал врачество? Не Ты ли вызвал из посторонней души суровый и язвительный упрек, который точно прижиганием каленого железа, тайным Промыслом Твоим, разом излечил гнилую эту язву? Однажды простая служанка, провожавшая ее в погреб, оставшись одна с молодой госпожою и войдя с нею в спор по обычаю слуг, стала с нестерпимым нахальством ругаться над нею за дурную привычку и обозвала ее пьяницей. Это слово, точно ужалив ее, потрясло до того, что она разом прозрела всю гнусность своего порока и, ужаснувшись, избавилась от него. Так-то друзья развращают нас угодливой лестью, а недруги часто исправляют свою бранью. И Ты не на доброе их на-

правляешь, но злое их намерение превращаешь в благо. И эта служанка не думала сделать добро молодой госпоже своей, но только от злости захотела уколоть ее и сделала это втайне, как нарочно выбрав место и время для брани, иначе и ее наказали бы господя за то, что не объявила им ранее. Ты, Господи, земная и небесная в длани Твоей содержишь, Ты устремляешь потоки бездны и мятежную реку времени, аможе хошут веления Твои, Ты и недуг одной души обратил на исцеление недуга другой, да никто не похвалится своей силою, когда от слова его исправился тот, кого желал исправить.

Глава 9

Воспитанная в чистоте и скромности, Тобою приведена была она в повинование родителям, прежде нежели ими приведена была в покорность Твоей воли. Когда пришла в возраст и отдана в замужество, мужу своему стала служить, как владыке, и стремилась всячески привести его к Тебе, проповедуя Тебя мужу нравами своими, которыми Ты ее украсил, и он ей дивился и чтил и любил ее. Кротко переносила она супружеские его неверности, так что ни разу не обращалась к мужу с упреками, ибо на Тебя уповала, от милосердия Твоего чаяла, что он, веруя в Тебя, придет в чистоту. Он был доброй души человек, но горяч и вспыльчив; но она умела не возражать ему в гневе не только делом, но ниже словом. Но когда опомнится и успокоится, тогда, выбрав удобную минуту, давала ему понять вину его, если гневался неразумно. У многих из знакомых жен, коих мужья были тихого нрава в сравнении с нравом отца моего, даже на лице видны бывали следы побоев, и случалось, что в дружеских разговорах жаловались они на мужей, ссылаясь на беспорядочность их жизни; но мать моя шуточно возражала им: жалуйтесь на свой язык, и разумно объясняла им, что с той минуты, как прочтена им брачная грамота, они должны считать ее за акт, коим отданы во власть мужей своих, и всегда должны помнить, что возноситься против владыки не следует. И когда

те, зная горячий нрав отца моего, удивлялись, как ни разу не слышать было и виду не было, чтобы Патриций ударил жену свою и чтобы в домашней жизни хоть на один день они поссорились, и выпрашивали у нее, какая тому причина, она учила их следовать своему обычному правилу. И кто ее слушал, те были довольны и благодарили; а кто не слушал, те по-прежнему терпели насилие.

В первое время раздражена была против нее свекровь по наговору недоброй прислуги, но и это нерасположение она так победила уважением, терпением и кротостью, что сама свекровь заявила сыну своему о злых наветах служанок, смущавших мир ее с невесткою, и просила наказать их. А когда отец в угоду матери для порядка в доме и для охранения мира между домашними строго наказал виноватых, она пригрозила таким же наказанием всем, кто посмел бы, думая угодить ей, распускать злые толки о невестке. После того уже прекратилась всякая болтовня, и обе они жили между собою в любви и мире.

И Ты, Боже мой, милование мое, в недрах ее меня создавшей, дал ей великое дарование мира: где только встречала она несогласные и враждующие души, всячески старалась водворить мир между ними, и когда слышала, какие одна об другой говорит горькие речи, внушаемые смутною враждою, что говорится в присутствии приятеля об отсутствующем недруге из ненависти к нему, никогда не передавала таких речей, но старалась внушать лишь то, что могло способствовать к примирению. И не придавал бы я этому большого значения, когда бы не испытал горьким опытом в бесчисленном множестве людей, как распространилась повсюду страшная эта зараза греха, что люди не только передают раздраженному недругу, что про него таким же недругом сказано, но еще и прибавляют, чего сказано не было. Напротив того, по человеческому чувству должно было бы не возбуждать и не умножать вражду между людьми злоречием, а погашать ее добрыми речами и тому, и другому. Такова и была мать моя, тайно Тобою наученная в сокровенной храмине души своей.

Наконец, приобрела она Тебе и мужа своего в последнее время земной его жизни, и уже не приходилось ей в верном муже оплакивать то, что терпела она, когда он был еще неверен. Была она слуга слугам Твоим: все они, кто только знал ее, все Тебя в ней прославляли и чтили, и любили, и, глядя на святую жизнь ее, чувствовали Твое в сердце ее присутствии. Жена была она единого мужа; родителям воздавала долг любви и попечения, дом свой содержала в благочестии, добрыми делами оправдывала свою благость. Сыновей воспитала заботливо, скорбя за них, точно в муках рождения, всякий раз, когда видела, что они уклоняются от путей Твоих. Наконец, когда все мы, милостью Твоею, Господи, носящие имя рабов Твоих, прежде ее кончины соединившись в Тебе жили в благодати крещения Твоего, она так об нас заботилась, как бы всех нас породила, так смиренно служила нам, как бы от нас прияла жизнь свою.

Глава 10

Приближался день, в который надобно было ей оставить здешнюю жизнь; этого дня мы не знали, но Тебе был он известен. Случилось в эту пору, и верую, что случилось по Твоему Промыслу, Твоими тайными путями, что оба мы, я и она, стояли, облокотясь на окошко, выходившее в сад нашего дома; это было у Остии Тибра. Сюда удалились мы отдохнуть от толпы, утомившись от долгого путешествия, и отсюда готовились сесть на корабль. Тут, наедине вдвоем, сладко было нам говорить между собою. Забыв о прошедшем, устремившись вперед всею душою, вопрошали мы Тебя, посреди нас сущую Истину, какова должна быть грядущая вечная жизнь святых, которой око не видело, ухо не слышало и на сердце человеку не восходило. И всем слухом сердца приникли мы к исходным струям Твоего источника, источника жизни сущего у Тебя; сколько могли вместить, хотели почерпнуть из него, чтобы сколько-нибудь о такой высоте размыслить.

Слово, наконец, привело нас к тому, что величайшее услаждение телесных чувств, в каком бы ни было блеске телесном, не только нельзя поставить в сравнение с блаженством будущей жизни, но и помянуть возле него недостойно. Тогда, разгоревшись любовью к этой жизни, прошли мы возвышенною мыслью по ряду все мирское, и самое небо, откуда солнце, месяц и звезды светят на землю. И еще далее восходили, углубляясь мыслью и словом, и благоговением к делам Твоим, дошли до своей души и ее перешли, чтобы достигнуть страны неистощимого общения, где Ты пасешь Израиля на златном месте истиною в вечную жизнь, где начало жизни, Премудрость, сотворившая все, что было и есть, и будет, Премудрость несозданная, было как и есть ныне и присно, и во веке веков; и как сказать, что была она или будет, она только есть, потому что есть вечная – прошедшее и будущее не есть вечное. Так, беседуя о вечной жизни и устремляясь к ней, мы как бы ощущали ее горячим движением сердца и воздыхали о ней, с нею соединялись начатками духа, и мысль обращалась в устах, где зачинается и кончается слово. Но что значит слово наше в сравнении со Словом Твоим, Господом нашим, в Себе без истощения пребывающим и все обновляющим?

И так говорили мы. Что когда бы смолкла в душе вся смута телесная, исчезли бы образы земные и водные, и воздушные, онемела бы вся поднебесная красота, и сама душа сама в себе умолкла бы и упряднилась от всякой мысли о себе, и всякое слово, и знамение, и все преходящее умолкло бы, все оно могущему слышать говорит: «Не мы сами из себя приходим, но сотворил нас Бог во веки сущий». И так сказав нам, когда бы все это умолкло, возведя слух наш к Создателю, и тогда Он возглаголал бы нам Сам Един, не чрез них уже, но Сам Собою, и услышали бы мы слово Его не языком плоти и не ангельским гласом, и не громом поднебесным, и не притчею и гаданием, но Его Самого, Кого во всем том любим, мимо всего того услышали бы! Так, простираясь в даль, открыленную мыслию стремились мы к вечной Премудрости,

превыше всего сущей. И когда бы могло продолжиться это созерцание, упразднились бы все другие различного рода видения, и это одно, восхитив всю душу, до глубины исполнило бы ее радости неизреченной, – не такова ли будет вечная жизнь, каково было это испытанное нами в эту минуту ощущение? И не это ли означает: *Вниди в радость Господа Твоего*? И когда это будет? Не тогда ли, когда все мы восстанем, но не все изменимся?

Так между собой говорили мы, если и не теми же словами. Но ведомо Тебе, Господи, что в этот день, пока шла беседа наша, ничтожен казался нам мир со всеми своими утехами. Тут она сказала мне: «Сын мой, что до меня относится, нет уже для меня никакой радости в здешней жизни. И уже не знаю, что мне еще делать здесь и для чего оставаться; кончились уже для меня все надежды нынешнего века. Одно было, для чего желала еще я дольше жить – дожждаться, покуда жива, когда увижу тебя христианином в католической Церкви. И послал мне Бог еще больше радости – вижу я тебя верным рабом Божиим, небрегущим о счастья земном. Что же остается мне здесь делать?»

Глава 11

Не помню, что я на это отвечал ей. Но дней через пять после того слегла она в горячке и, поболев, пришла в такую слабость, что потеряла на несколько времени сознание. Мы прибежали к ней, но скоро пришла она в себя и, увидев около постели меня и брата, сказала, точно в забытии: «Где я была?» Потом, глядя на нас, пораженных скорбью: «Похороните здесь мать вашу». Я помолчал, удерживая в себе слезы. Брат стал что-то говорить о том, что лучше бы положить ее на родине, а не в чужом месте. Услышав это, она строго посмотрела на него, будто укоряя за такие мысли, и потом, глядя на меня, сказала: «Слышишь, что он говорит?», и затем, обратясь к обоим: «Положите тело мое, где хотите, что об этом заботиться. Об одном только прошу вас: где ни будете

вы, поминайте меня у престола Господня». И так сказав нам, как могла, свое желание, стала безмолвна, и видно было, что томится в тяжелой болезни.

А я, невидимый Боже, помышлял, какие благодатные дары посылаешь Ты в сердца верных Твоих и какие дивные плоды они приносят, утешался и благодарил Тебя, вспоминая, как она всегда заботилась о своей могиле, которую выбрала и приготовила себе возле своего мужа. Покуда живем, трудно духу нашему отрешиться от земного, и она, живя в великом сердечном согласии с мужем, думала приложить это к земному счастью, что в виду у всех, вернувшись из морского плаванья, ляжет она вместе с мужем, и земля покроет вместе прах обоих супругов. Не знал я, когда исчезла у нее в сердце эта суетная мысль, и дивно казалось мне в такую минуту это открытие; хотя и по тому слову, что сказала она мне, сидя со мной у окна, – «нечего уже мне делать здесь», – не видно было желания умереть на родине. После узнал я, что, когда мы были уже в Остии, виделась она с некоторыми друзьями моими в мое отсутствие и доверчиво, как мать, говорила им о том, как ничтожна здешняя жизнь и как сладко умереть; а когда они дивились в женщине такой твердости духа, какую Ты дал ей, Господи, и стали спрашивать, разве не боится она умереть и лечь в землю так далеко от своего родного места, она отвечала: «От Бога нигде не далеко, и нечего бояться, что Он не признает тело мое в кончину века, в день воскресения». И так эта верующая и благочестивая душа разрешилась от тела на девятый день своей болезни, на пятьдесят седьмом году своего и на тридцать третьем моего возраста.

Глава 12

Я закрыл ей глаза, скорбь несказанная затопила мне сердце, и слезы хлынули из глаз; но крепким усилием воли запретил я слезам, и от этой борьбы с собою стало мне крайне тяжело. Когда она испустила дух, отрок Адеодат зарыдал громким воплем, но все мы остановили его, и он утих. По-

добное совершалось и в моем сердце, юность отзывалась еще в нем детским чувством, и оно просилось вылиться в слезах, но силою сдерживалось и затихало. Недостойно казалось нам сопровождать это погребение горькими воплями и рыданиями – так обыкновенно оплакивается смерть, как великое бедствие, как совершенное уничтожение существа. А для нашей преставшейся смерть не была бедствием, а исходом в жизнь. В этом несомненно и разумно убеждала нас и нравственная ее чистота и непритворная ее вера.

Однако же тяжкая боль была внутри меня от свежей моей раны, оттого что так привычно, так дорого и сладко было нам жить вместе, и вдруг все это кончилось! Отраднo было мне вспоминать, как в этой последней болезни своей, утешаясь моим за нею уходом, называла меня добрым, любящим сыном и говорила с такой любовью, что ни разу не слыхала от меня ни горького слова, ни звука сурового в моем голосе. Но Боже мой, сотворивый нас, разве может сравниться честь, которую я воздавал ей, с ее горячею обо мне заботой? Итак, утратив столь великое утешение, душа моя страдала как израненная, и раздранную казалась жизнь, которая у меня с нею была нераздельна.

Когда перестал плакать отрок – сын мой, Еводий взял псалтирь и стал петь псалом, а мы отвечали ему всем домом: «Милость и суд буду петь Тебе, Господи»²⁹¹. Услышав о совершившемся у нас, сошлись к нам многие братья христиане и благочестивые жены; милосердные погребальщицы стали готовить к похоронам, а я удалился в другую комнату, куда собрались знакомые, не хотевшие одного меня оставить. Я стал говорить с ними об усопшей и этим излиянием души успокаивал горькую скорбь свою, ведомую Тебе, Господи. А они, не зная, что во мне происходит, внимательно слушали меня и дивились моему бесчувствию. Но вслух Тебе Единому, ни для кого из них не слышно, я укорял себя в слабости чувств и удерживал поток горести своей; и он как будто утихал, но потом еще сильнее устремлялся. Не давал я себе плакать и не видать было изменения в лице моем, но я чувствовал, как

тяжко это насилие моему сердцу. Больно было мне, что так сильно действует на меня смерть, удел человечества, неизбежный в порядке бытия, общая наша участь; и эту скорбью сознания усиливал я еще печаль о своей утрате.

Вынесли тело в церковь, без плача вошел я и вышел без плача. Не плакал я и во время молитвы, когда приносилась за нее жертва нашего искупления, и после, когда вынесли тело и положили у могилы, во время тех молитв тоже не плакал. Но целый день втайне томился я скорбью, и в великом смущении молил Тебя исцелить печаль мою, но Тебе не было угодно, Господи; верую, для того чтобы вразумить меня, как подвержена привычке и та душа, которая отрешилась от земной суеты. Вздумал я, не поможет ли баня, слышав, что баня облегчает душевную тревогу, отчего и название ее происходит у греков в слове βαλανεῖον²⁹². И это исповедую пред Тобой, Отец сирых, что вышел я оттуда таков же, каков вошел, и вода не смыла горькую печаль мою. Потом я заснул и, проснувшись, почувствовал облегчение своей боли. Тут, в уединении, на ложе моем, пришел мне на память правый стих раба Твоего Амвросия:

«Боже, Создатель всех, неба властитель,
 День облакаешь Ты светом лучистым,
 Ночью же сон благодатный Тварям
 Твоим посылаешь.
 Членам усталым сон возвратит
 Крепость на дело дневное,
 Мысль утомленную в свежесть воздвигнет,
 Горькие думы разгонит».

Но мало-помалу вернулся я к прежнему чувству и стал думать о рабе Твоей, как она была благочестива и молитвенна, как нежна была ко мне и заботлива, и как я вдруг ее лишился, и сладко стало мне плакать пред лицом Твоим о ней и за нее, и о себе тоже, себя ради. Тут дал я полную волю слезам своим, которые до того удерживал, облегчая ими свое

сердце, и умирилось оно в слезах, потому что пред лицом Твоим лились они, а не в виду людей, которые высокомерно осудили бы мое рыдание. И все это, Господи, ныне на письме исповедую Тебе. Пусть кто хочет, читает и судит, как хочет. И если поставит мне в грех, что я малое время плакал по матери, умершей для очей моих, матери, которая так много лет меня оплакивала, чтобы я ожил пред очами Твоими, Господи, пусть не глумится надо мной, но если есть любовь в нем, пусть сам о грехах моих поплачет пред Тобою, пред Отцем всех братьев Христа Твоего.

Глава 13

Ныне сердце мое исцелилось уже от этой раны, которою чувство плоти и крови во мне страдало, и теперь иные слезы проливаю пред Тобою, Боже мой, об усопшей рабе Твоей, смущаясь духом, когда помышляю о том страхе, которому подлежит всякая душа, в Адаме умирающая. Правда, возродилась она во Христе, и хотя не отрешилась еще от плоти, проводила такую жизнь, что имя Твое прославлялось в вере и делах ее; однако не смею сказать, что после того, как возродилась она в крещении, не вышло из уст ее ни единое слово, противное Твоему Закону. Сказано же вечною Истиной, Сыном Твоим: «Аще кто речет брату своему: уроду, повинен есть геене огненной». И горе самой достохвальной жизни человеческой, если не будет ей милости на суде. Но знаем, что Ты не испытываешь прегрешения строго и сурово, и оттого уповаем верно, что обретем у Тебя милость. И исчислят пред Тобою добродетели человеческие – разве не все равно, что исчислят Твои дарования? О, когда человек судил о себе, как о человеке, кто хвалится, хвалился бы о Господе!

Итак, хвала моя и жизнь моя, Боже моего сердца, оставив добрые ее дела, за кои, радуясь, хвалу воздаю Тебе, ныне молю Тебя о грехах моей матери! Услыши меня во Христе, целителе язв наших: Он, на кресте висевший, ныне одесную Тебя, за нас предстательствует. Знаю, что она, милосердием

водима, от всего сердца отпустила согрешения должникам своим; и Ты отпусти ей долги ее, какие могла взять на себя во все годы после спасительного крещения. Отпусти, Господи, отпусти, молюся, и не вниди в суд с рабою Твоею. Да похвалится милость на суде, ибо истинно слово Твое, и обещал Ты милосердым милосердие. Если кто милосерд был, от Тебя же приял, Ты к нему, милосердая, таким его соделал, Ты кого изволишь, того и милуешь.

И уже верую, Господи, что сотворил Ты, о чем молюся, но прими ныне вольную жертву молитвы, за нее приносимую. Она, чувствуя приближение кончины своей, не помышляла ни о пышном погребении тела, ни о бальзамировании его, не желала ни памятника на могилу, ни даже могилы на родном кладбище – ничего такого не заповедала нам, одного лишь просила – чтобы поминали ее пред алтарем, у коего всегда, дня не пропуская, молилась. Знала она, что на нем приносится жертва святая и тою жертвой упраздняется рукописание, осуждающее нас, в коем грехи наши написаны, и посрамляется враг-наветник, ничего не обретая в Том, в Ком мы врага побеждаем. Кто воздаст ему кровь неповинную, кто возвратит цену искупления? И к этому таинству искупления нашего усопшая раба Твоя привязала душу свою узами веры. Никто да не отринет ее от Твоего заступления. Ни льва, ни змия не будет на пути, ни сила, ни лукавство не превозможет. Не поставит она себя неповинною на суд – обличил бы ее в грехе враг лукавый; готов ответ ее, что отпущены ей грехи Тем, Кому никто воздать не может за то, что он волею втуне даровал нам.

Да почиет убо в мире с мужем, кроме коего ни единого мужа ни прежде, ни после не знала, коему послужила с терпением и плод благодати принесла Тебе, и его привел к Тебе. И внуши, Господь мой и Боже мой, внуши рабам Твоим, братии моей и сынам Твоим владыкам моим, коим служу языком и сердцем, и писанием, чтобы все, кто прочтет мое сказание, все помянули пред алтарем Твоим рабу Твою Монику с Патрицием, супругом ее, их же плотию привел Ты

меня в здешнюю жизнь, какими путями, не знаю. Да вспомнят с любовью бывших мне родителей в преходящем дне здешней жизни братьев моих, коим Ты вместе со мною отец, а мать – католическая Церковь, сограждан моих в вечном Иерусалиме, куда желает и скончается странствие людей Твоих от исхода до совершения. Итак, чего просила она от меня в последний час, то да исполнится для нее не одними моими молитвами и исповеданием моим, но сугубо и обильно молитвами многих.

ВОПРОСЫ ЖИЗНИ

Единство веры **Bacon. Essays**

Религия – главная связь человеческого общества, и потому счастье, когда религия сама в себе связана единством. Распри и расколы в религии – это зло было неизвестно между язычниками. Причина была та, что языческая религия состояла не столько в твердом веровании, сколько в обрядах и церемониях: можно себе представить, какая то была вера, когда главные учителя и Отцы Церкви были у них поэты. Но Бог истинный есть верующий Бог, и потому служение Ему и вера Его не терпит смещения и совместничества. Итак, скажем несколько слов о церковном единстве: каковы плоды его, каковы его пределы и каковы пути его.

Плод церковного единства (не говоря, главное, о том, что это Богу угодно) двоякий: одно для тех, кто внутри Церкви, другое – для тех, кто вне Церкви. Относительно первых несомненно, что ереси и расколы служат величайшим соблазном, даже хуже, чем разврат, ибо как в плоти телесной рана или разрыв телесной целостности важнее, чем расстройство внутреннее, так и в сфере духовной. Когда разорвано единство, это паче всего вытесняет людей из Церкви или удер-

живает их вне Церкви. И когда до того доходит, что один говорит: «Се в пустыни есть», а другой: «Се в сокровищах» (Мф. 24:26), то есть когда одни ищут Христа в сонмищах еретиков, а другие – в явном лице Церкви, несетя в слух всем людям властный глас: «не изыдите». Апостол языков (коего призвание особенно направлено было к внешним людям) говорит: «Если вся церковь сойдется вместе, и все станут говорить языками, и войдут незнающие или неверные, то не скажут ли, что беснуетесь вы»? (1 Кор. 14:23); и, конечно, не лучше будет, когда атеисты и внешние люди услышат столько разногласных и противоречивых мнений о религии, это отвратит их от Церкви и оставит сидеть «на седалищах губителей» (Пс. 1:1). К важному делу не идет шутка, однако хорошо выражается один шутник, сочинивший каталог книг с придуманными заглавиями: он поместил в их числе мавританскую пляску еретиков. И подлинно, каждая секта имеет свою особенную поступь и свои выверты телодвижений, что возбуждает немало глумления у мирских людей, привыкших глумиться над всякою святыней.

А для тех, кто обретается в лоне Церкви, плод единства есть мир, источник бесконечных благ: он утверждает веру; он воспламеняет любовь. От внешнего мира Церкви изливается мир совести, и вместо работы над пререканиями и спорами о вере, писание и чтение обращается на книги о подвигах благочестия.

Пределы единства должны быть верно установлены: это весьма важно. Тут две крайности: иным ревнителям ненавистна всякая речь об умиротворении. Для них дело не в мире, а в том, на которой стороне быть и к какой примкнуть партии. Напротив того, иные Лаодикияне (Апок. 3:14, 15) и равнодушные люди думают, что можно согласить религиозные взгляды на среднем пути, остроумно одно с другим соединяя и становясь как бы посредником между Богом и человеком. Следует избегать той и другой крайности, и этого можно достигнуть, если бы в обществе христиан правильно и прямо изъяснены были в духе самого Спасителя нашего два

расходящиеся положения: одно – «кто не с нами, тот против нас» (Мф. 12:30), и другое – «кто не против нас, тот с нами», то есть чтобы основные и существенные предметы в религии были верно различены и отличены от предметов не столько веры, сколько личного мнения, обряда или доброго настроения. Многим может казаться, что это не важно и уже устроено; но когда б устроено было где-нибудь без всякого пристрастия, то, конечно, ввелось бы всюду.

На это могу высказать только такое мнение, судя по своему не обширному опыту. Следовало бы людям остерегаться производить в Церкви Божией раздор пререканиями двоякого рода. Одно, когда предмет пререкания слишком мелкий и пустой и не сто́ящий всей жаркой борьбы из-за него, возбуждаемой и питаемой противоречиями. О сем замечает один из Отцов Церкви: «Христов хитон нешвенный, но риза церковная была разноцветная». “*In veste varietas sit, scissura non sit*” (одежда может быть разнообразная, лишь бы не была разорванная). Одно дело – единство, другое – единообразие. С другой стороны, бывает, что предмет пререкания важный, но рассуждение о нем впадает в такие тонкости и так затемняется, что в нем не столько выясняется существо дела, сколько накапливается выводов остроумия. Разумный и мудрый человек, слыша, как иногда спорят между собой несведущие люди, думает, что спорящие в сущности одного мнения, но согласиться никак не могут. И если так расходятся в суждениях люди между собою, то не приходит ли на мысль, что, когда бранные люди, противореча друг другу, в сущности, одного желают и к одному стремятся, Бог Всевышний, ведая сердца, принимает и того, и другого в едином. Прекрасно говорит о таких пререканиях св. Апостол Павел, давая о сем наставление: «Предание сохрани, уклоняясь от негодных суесловий и прекословий лжеименного разума» (1 Тим. 6:20). Люди создают противоречия там, где их нет, и одевают их в новые термины, столь твердо установленные, что термин управляет уже значением предмета, тогда как в сущности это значение должно бы управлять термином.

Бывает лживый мир или лживое единство: в одном случае, когда мир держится на темноте и невежестве, ибо во тьме никакого цвета не видно; в другом – когда прямо допускаются противоположные разности в основных положениях веры, и на этом основан мир. Правда и ложь в таких случаях подобна железу и глине в образе Навуходоносора, как его описывает пророческое видение (Дан. 2:33, 41): приставные части к телу, но не одно с телом.

Относительно способов к достижению единства следует людям наблюдать, как бы, устроая или ограждая религиозное единство, не разрушать и не искажать закон любви и связи человеческого общества. В христианском мире имеются два меча: меч духовный и меч гражданской власти, и обоим есть место и назначение в деле утверждения религии. Но не должно быть место третьему мечу: это Магометов меч или ему подобный. Это значит распространять религию войною, или насиловать совесть кровавыми преследованиями (разве в случае открытого соблазна, богохульства или обращения религии на противогосударственные дела); тем более значит возбуждать и питать мятеж, оправдывать заговоры и бунты, вооружать толпы народные и тому подобное – все это стремится к низвержению правительства – власти сущей от Бога. Так, вооружая одну заповедь на другую, люди, считая себя христианами, забывают, что они – человеки. Лукреций²⁹³ поэт, повествуя, как Агамемнон²⁹⁴ решил принести в жертву дочь свою Ифигению²⁹⁵, дабы утолить гнев Дианы²⁹⁶, говорит: “*Tantum religio potuit suadere malorum*” («к таким ужасным действиям может побуждать религия»). Что сказал бы он, когда б узнал о недавних ужасах Варфоломеевской ночи²⁹⁷ во Франции или о пороховом заговоре²⁹⁸ (Gunpowder Plot) в Англии? Он стал бы всемеро еще хуже эпикурейцем и атеистом. Если меч гражданской власти следует употреблять с крайней осторожностью в делах религии, то какое же чудовищное дело вооружить им толпу народную – оставим это анабаптистам²⁹⁹ или подобным фуриям. Велико было богохульство духа тьмы, когда сказал он: «Вознесуся и буду

подобен Вышнему»: но еще того богохульнее олицетворять Бога, будто Он говорит: «Сниду вниз и буду подобен князю тьмы». И не лучше того, когда во имя религии люди доводят до свирепых и проклятых дел, до убийства князей властителей, до избиения массы народной, до низвержения государств и правительств. Поистине это значит низводить Духа Святого вместо вида голубина во образ ястреба или ворона, и на корабле Церкви Христовой водружать знамя пиратов и злодеев. И для того весьма нужно, чтобы и Церковь учением своим и уставами, и государи мечом своим, и все учения закона христианского и нравственности, как бы кадуцеем Меркуриевым³⁰⁰, осудили и заранее предали геенне все поступки и мнения, стремящиеся к возбуждению и оправданию подобных ужасов, что отчасти уже и сделано. Итак, надобно, чтобы в советах относительно религии во главу рассуждения поставлено было слово Апостола Иакова: «Гнев мужа правды Божией не соделывает» (Иак. 1:20), а один из мудрых отцов Церкви замечает и сам исповедует, что те, кто в своих действиях держались политики насилия над совестью и на ней настаивали, нередко сами заинтересованы были в ней для личных своих целей.

Свобода совести и терпимость

Рассуждающие о свободе совести в различных верованиях сводят обыкновенно верование к понятию об убеждении, то есть к действию ума, остановившегося на известной идее. Однако верование в массе большею частью утверждается не столько на уме, сколько на воображении: оно дает первоначальную основу, создавая представления, из коих ум после того вырабатывает учение, слагающееся в схему и даже, при своем развитии, в целую систему. Таким образом, совершается в человечестве не перестающий процесс психического религиозного творчества, плодящего без конца разнообразнейшие, иногда в самой дикой и безобразной форме, виды верований и вероучений. Веками утвержденные системы

верований, в силе господственно покорившей миллионные населения, объемлющие целые части света, огражденные кодексами заветов и могущественной ученой иерархией, и те не удержали вполне своей цельности, разбиваясь на множество толков, взаимно враждебных и друг друга исключаящих. Но вне этих вероучительных систем, огражденных крепкими стенами, кои созданы вековым трудом многих поколений, совершается ежедневно и ежечасно работа новых пророков и проповедников, привлекающих к себе кружки, кучки и целые массы восторженных последователей. И каждая слагается в отдельный орган страстного стремления и страстной пропаганды. И то примечательно, что привлекаются к этому стремлению не только люди простые и невежественные, но и люди из среды цивилизованного общества. Никогда не было такого размножения сект всякого рода, как в наше время господствующей повсюду цивилизации и усилившегося общения между классами общества. Как будто проснулась вновь в массах потребность мистического стремления к какой-то новой вере, по мере того как ослабели в обществе вековые верования и предания минувших поколений. Вместе с тем явственнее приходят в сознание несоответствия с учением Христовым неправды и бедствий человеческого общества и возникает стремление к действительному осуществлению на земле царства Божия посредством нового учения любви и мира, отрицающего проповедь Церкви о том же учении. На отрицании Церкви создаются новые секты рационалистического свойства с отражением или искажением протестантских и реформатских учений. Возрождаются древние суеверия языческого мира, ищущие соединения с божеством в диком обоготворении плоти и в развратных радениях. Наконец, само отрицание всякой веры и всякого вероучения принимает вид особенного учения, требующего себе господственной власти. Этому бесконечному смешению мечтательных и самочинных верований невозможно полагать одну общую основу в убеждении: их порождает нервная сила воображения, их размножает подражательная восприимчивость того же нервного чувства. Так

в среде, охваченной новым учением, как бы ни было оно дико и невежественно, образуется психическое возбуждение, заражающее целую массу силою какого-то гипноза, против коего бессильно какое бы то ни было убеждение, и развивается фанатизм непреклонный, нередко злобный и яростный, в иных случаях тихий и пассивный, со стремлением к страданию за правду. Но почти все вероучения, толки и секты одержимы, по существу своему, страстным влечением к пропаганде и к нетерпимости всякого иного верования. Стремление к этой цели пользуется для достижения ее всякими средствами – лестью, обманом, ложью, клеветою, обещаниями, угрозами, нравственным и материальным давлением, доходящим до насилия, доводящим в иных случаях до массовых насилий и разгромов, совершаемых толпою.

История новых верований и сект всегда одна и та же. Первый проповедник додумывается до нового определения отношений человека к божеству. Создается мало-помалу новый догмат, новая классификация убеждений, действий, обязанностей. Являются ученики, проповедники, последователи, с жаром воспринимающие умом и воображением новую истину жизни и спасения, – создается вера. Но если в начале всеми овладевало и во всех действовало духовное начало новой веры, то масса, в большинстве состоящая из невежественных или неуравновешенных умов, привязывается исключительно к формам и внешностям системы учения и культа, заключаясь в стенах, построенных для всего стада, и на всех стоящих вне стен смотрит как на врагов и отверженных. Исчезает в веровании начало любви, без коего мертво всякое вероучение, и разгорается фанатизм вражды и преследования.

В этом смутном смешении всяческих религиозных стремлений и мечтаний возможно ли разрешение противоречий искать в приложении к ним одного отвлеченного принципа свободы? Если б это была только свобода личного и совокупного самодовлеющего верования и соединенного с ним культа, было бы справедливо и достойно применить к нему полную свободу, и тогда в этом определенном смысле действительно

являлась бы в действии безобидная для всех свобода совести – свобода убеждения. В течение многих столетий и эта свобода не допускалась: было время, когда преследование государственной власти и господствующей Церкви распространялось на всякую ересь, на всякое уклонение мнения и верования от нормы верования, безусловно признанной государством; тогда жестокая и неуклонная кара поражала и отдельные, и совокупность целых населений, не входя в рассмотрение побуждений. Но это время миновало, и тайное или открытое исповедание той или другой веры закон не признает преступлением, когда оно не соединяется с открытым насилием против иного верования. Из-за свободы совести веками велась кровопролитная брань, и гонимое вероисповедание завоевывало себе свободу. Но вскоре же оказывалось, что эта свобода превращалась на каждой стороне в свою исключительную свободу, переходя в стеснение свободы для партии противоположного верования; оказывалось, что верования, в сущности религиозные и церковные, сливаясь органически с инстинктами, интересами и стремлениями национальности или государства к преобладанию и к исключительности, заражались в своих стремлениях той же нетерпимостью, против коей прежде отвоевывали себе свободу. Так длилась в течение веков ожесточенная борьба за свободу верования, и нельзя сказать, что эта борьба совсем прекратилась и в наше время, время, казалось бы, полного торжества принципиального начала свободы. И в наше время верование религиозное далеко не отделилось еще от верований и стремлений политических и национальных.

Итак, одним провозглашением свободы нельзя еще разрешить в действительной жизни общества все противоречия различных верований. Оказывается, что провозглашаемая безусловная свобода совести обращается на деле в свободу насилия и преследования и служит не к водворению мира, но к распространению злобы и ненависти между гражданами. Нетрудно законодателю теоретически разрешить противоречие принципа с действительностью указанием на уголовный закон о возмездии карою за нарушение свободы насилием. Но

угроза карою и сама кара, принципиально противопоставляясь насилию, не устраняют возможности насилия в действительности. Правосудие совершается медленно, и действие его простирается на совершившееся уже преступление и на лицо, обличенное в преступлении, а когда духом насилия и злобы объята совокупность фанатически преданной исключительному верованию и психически объединенной массы, правосудие в отношении к ней бессильно и бездейственно; бездейственно даже в отношении к обличенному лицу, когда в фанатическом его настроении и в возбужденном духе его исчезает действие угрозы и даже страдания, ибо всякое страдание представляется ему страданием за веру и правду. Кара, и тем более жестокая, не только утрачивает в таких случаях силу психического воздействия, но оказывает действие противоположное, производя усиленное раздражение, и из преступника производит мученика, который становится лишь новым орудием психического возбуждения толпы и привлечения к учению, как бы ни было оно дико и невежественно, исправление же преступной воли наказанием становится совсем невозможно. Притом действие судебного механизма и в исследовании, и в суждении становится совсем невозможно ввиду бесчисленных нарушений и насилий, совершающихся в тайне домашнего и общественного быта. С другой стороны, сами задачи правосудия становятся неисполнимыми там, где оно встречается со слепым фанатизмом, переходящим в безумие, которое не подлежит вменению и уничтожает всякое значение кары, овладевая гипнотически целую толпою людей, потерявших разум. Как проникнет правосудие в отдаленные углы и селения, где отец насилием и побоями принуждает жену и детей покинуть одну веру и соединиться с другою, чуждою? Тут нельзя ожидать и жалобы, ибо всякая жалоба привела бы лишь к новым насилиям домашней власти. Как действовать правосудию, когда в отсутствии на местах крепкой власти одна часть населения расправляется жестоким самосудом с другою частью из-за фанатизма в веровании, и загорается кровавая брань, в которой нельзя различить

правду от неправды? При равенстве гражданских прав всех и каждого фанатик-сектант может достигнуть властного положения и властного влияния на множество людей, состоящих от него в зависимости, и совершать над ними несправедливое давление в целях религиозного фанатизма. И тут право суда бессильно для устранения пристрастий и для водворения справедливости в отношениях.

Так, горький опыт всех народов, всех поколений, всех времен до нынешнего дня свидетельствует, что, пользуясь свободой совести, люди разных вероучений во имя этой свободы нарушают эту самую свободу в отношении к другим, желающим эту свободу пользоваться. Об этом злоупотреблении свободой не должны бы забывать одушевленные ее идеей безусловные проповедники свободы. Свобода – необходимое, существенное орудие всякого мышления, всякой деятельности, но это орудие обоюдоострое и требует уравнивания прав, из свободы проистекающих и на ней основанных.

Спорный вопрос о веротерпимости, то есть о равнодушном отношении ко всяким верованиям, давно решился бы очень просто, когда бы все верования держались между собою в равнодушном отношении. Но этого никогда не бывало и ныне не бывает. Представительные люди в каждой Церкви и в каждом веровании преисполнены страстного желания, чтобы все сторонние люди примкнули к ним и присоединились к их верованию. Это желание, разгораясь, ослепляет человека и получает характер фанатического требования.

Источник его можно указывать в благоволительном желании сообщить другим людям спасительное благо веры. Будучи сам убежден в том, что обладает единою истиною веры и что эта истина одна для всех спасительная, ревнитель веры стремится со всею ревностью сообщить ее всем. Но этого недостаточно. Побудительные причины пропаганды очень сложны и действуют в душе пропагандиста нередко для него самого бессознательно. Опыт всей истории церковных раздоров показывает, что ревнители веры, обладая властью, воздвигают гонение на всех, кто не принимает их учения, и подвергают их

жестоким казням. Ревностные сектанты, не имея власти, стремятся бранью, угрозами и насилием привлечь к своему учению и к его обряду всех, кто упорно держится своего прежнего учения и обряда, не щадят в своей ярости даже близких людей, презирая узы родства и дружбы. Верование, какое бы ни было, ослепляет всего человека со всеми его ощущениями и стремлениями, со всеми его отношениями к людям, ко всем союзам человеческим, ко всему общественному и государственному строю. В душе каждого ревнителя таится желание утвердить свою веру и свое учение сочувствием и единением всех ближних людей: отсюда рождается и усиливается страстное желание пререканий, состязаний и споров, коими раздражается еще ревность и питается возникающая из нее взаимная злоба, доходящая до ожесточения. Сколько бы ни рассуждали в теории принципиально о веротерпимости, на деле ее не существует по природе человеческой, как скоро дело касается учения о вере. Нет ни одной Церкви, нет ни одного вероучения (как бы ни было оно дико и бессмысленно), которое в действительности держалось бы проповедуемой им свободы: ни одно не отрекается от права отрицать и преследовать всякое иное учение. Такая свобода соединяется, и то в редких случаях, с совершенным равнодушием ко всякому верованию, но и это свойственно разве только натуре, по существу своему, равнодушной и апатичной. Опыт показывает нам, что мнимое равнодушие ко всякой вере переходит в отрицание веры, именно той, которая в данную минуту представляется уму, а из отрицания способно переходить и в преследование. Отрицание Бога и веры в Него, или так называемый атеизм, получает свойство особенного верования в безусловную истину своего представления о вере и в ложное и погибельное свойство всякого иного представления о вере. Так мы видим, и безверие, в свою очередь, становится злобным гонителем всякой веры или, как это ни странно, покровителем сектантских суеверий против веры, исповедуемой массой или большинством.

Тому, кто живет и действует в обществе, в союзе с другими людьми, естественно, казалось бы, расположение и умение

понимать и терпеть различие наклонностей, расположений и мнений. Но это расположение и мнение доступно немногим людям, ясно понимающим, что невозможно свести людские мнения к одной безусловной истине и что всякая истина с разных сторон является во множестве оттенков. А наше время особенно неблагоприятно для умственного и нравственного единения: повсюду возникают серьезные нравственные запросы от жизни и усиливаются непомерно быстрым возрастанием знаний, далеко не проверенных и не приведенных в систему. Отсюда крайнее стремление к беспорядочному и одностороннему развитию каждой личности – стремление каждого усвоить себе те или другие идеи, до коих он так или иначе додумался, коих он так или иначе наслышался: это зовется убеждением или доктриною того или другого рода, а усвоивший их себе стремится распространять или применять эти идеи, отрицая все несогласное с ними безусловно. В этом смысле распространяется и усиливается в наше время дух нетерпимости к чужим убеждениям и мнениям. В обыкновенном житейском общении этому духу обособления нет большого разгула, потому что на каждом шагу стесняют его приличия и условия житейского быта. Но зато в сфере религиозных верований гуляет он свободно и уже много произвел и производит смуты и анархии: тут, можно сказать, царствует в умах дух нетерпимости. Право личного мнения под именем свободы совести выражается в болезненном напряжении нервного чувства и в упорном, бездоказательном и враждебном отрицании всего того, что с этим мнением несогласно.

Отовсюду слышны крики о свободе, вопли о стеснениях свободы. Но те, кто кричат всего яростнее, требуя себе свободы, не хотят признавать свободу у других, как будто всякий только собою живет и для себя живет и для себя всего требует. Но на своем нельзя утвердить свободу. Всякий прогресс, всякая цивилизация, вся жизнь человеческая утверждается на том предположении, что всякий человек, пользуясь своей свободой, должен уважать свободу другого человека. Ныне все проповедуют свободное развитие индивидуальности – зна-

чит, всякий по-своему, все себе устраивает и не признает ни в чем воли, кроме своей. И в этом духе хвалимся мы возрастаянием, прогрессом свободы во всем, а прежде и более всего – в праве каждого высказывать и провозглашать свое мнение о чем угодно. Правда, но тот, кто выражает свое мнение, должен признать и в другом разумную свободу мнения и уважать эту свободу, а не относиться к ней с враждою и презрением. На деле же мы видим, что люди уважают и похваляют только мнения, согласные с их мнением, мнения их партии. Мы видим это на всяком шагу, присутствуя при спорах о мнениях, о предметах самых существенных для общежития человеческого: о вере, о власти, о свободе, о любви. Видим, что люди не разумно состязаются, но бранятся, уязвляя друг друга. Видим, что никто из спорящих не сознает ответственности за себя в своем мнении, исходящем из личного его убеждения, но мнение большею частью является не своим убеждением, а только отзвуком и повторением чужого слова, чужого негодования и чужого задора. Кажется иной раз, бьются люди, лишенные разума, бьются во тьме так, что удары падают в пустое место, или не туда, куда были направлены.

Когда говорят о свободе, думают лишь о праве и забывают, что со свободою нераздельна и великая ответственность. Если разделить эти оба понятия, к чему способствует в наше время широкое развитие индивидуальности, невольно приходит на мысль, как воспитать в людях способность уравновесить тяготу и разрешить задачу свободы.

История гонений в минувших веках показывает, что всюду борьба происходит не между властью, преследующею за учение или мнение, и свободой, но между двумя противоположными видами мнения и гонения. И когда на Западе стала разрушаться в древние века древняя организация латинской Церкви³⁰¹, новые организации новых верований прониклись тем же духом преследования, приняли ту же политику насилия над враждебным иноверием. Ей последовал Лютер³⁰², ее держался Кальвин³⁰³; она же перешла в новые поселения Нового Света, в нравы и обычаи пуритан³⁰⁴, в законы Англии.

Лютер ниспроверг до основания все здание Римской церкви, всю систему римского богословия, с ее догматическими определениями; но когда пришлось ему из отрицания переходить к положительному определению веры, он создал свою веру догматическими определениями; отвергнув авторитет римского первосвященника и Вселенских Соборов, он все-таки поставил на место их себя и свой философский анализ текстов Св[ященного] Писания, и создал свою систему, исполненную новых технических тонкостей вероучения, и этой системе придал господственное, исключительное значение в духе римской же нетерпимости.

И современному человеку нечего гордиться, что дух нетерпимости исчезает из уголовного закона в виде кары за иноверие. Дух этот жив и доселе и действует, проявляясь только в иных формах. Желание настоять на своем, доставить победу своему, потому что оно свое, принимает вид ревности о благе общественном, об истине, об охранении начал того или иного учреждения и, получая властную силу, страстно стремится одолеть противные желания и мнения.

Может казаться, что религиозная терпимость обеспечена там, где утвердилось равнодушие к какому бы то ни было верованию, что власть, перед кою безразличны все верования, не может стоять ни за которое. Но опыт показывает, что это безразличие в действительности невозможно по тому уже одному, что каждое верование, проникая глубоко в отдельное лицо и целые группы и сословия, отражается в отношении их ко всем остальным лицам и к общему строю общественной жизни. Безразличия мнений быть не может. Кто говорит: мне все равно, кто какого мнения, – не знает, что говорит, и во всяком случае человек, не способный о чем бы то ни было думать и составить себе мнение, не способен и к разумной терпимости. Кто обладает этим свойством, тот имеет сам определенное мнение, сознает, каким путем пришел к нему, и понимает, что на чужое мнение можно действовать только таким же путем – убеждения; но и на уме у него нет, что всякое мнение одинаковой цены с его мнением. Мнимое же равнодушие ко всякому верованию,

сначала бессознательное, мало-помалу способно переходить в сознательное отрицание всякого верования, в презрение ко всякому культу, и если соединяется с властью, осуществляется в мероприятиях и законах стеснительных для всякого верования. Новейшая демократия явила уже довольно тому примеров. Новейшая демократия производит не объединение, но раздробление мнений и партий, крепко между собой враждующих и стремящихся одолеть друг друга всеми способами. Какой можно ожидать в таком состоянии терпимости?

Терпимость, основанная на отрицании, хотя бы на отрицании насилия, лишена твердого основания. Сколько бы ни провозглашали ее вслух людям, сколько бы ни облекали в догмат или законное правило, от этого одного она не проникнет в жизненную действительность. Причина та, что терпимость в характере каждого человека есть и добродетель, и свойство, нераздельное с нравственною культурою. До этой добродетели не доросло и едва ли дорастет когда-нибудь человеческое общество, и всего менее доступна она для современного общества, расколотого на множество мнений и партий. Добродетель же эта проповедуется каждому во имя высшего нравственного начала. Таково Апостольское слово: «Кротость ваша разумна да будет всем человекам» (Флп. 4:5). Но этим словом «кротость» передается с греческого *ἐπιείκεια*, а у Аристотеля (*Rhetor.* 1) так называется свойство «прощать недостатки и слабости человеческие и смотреть не на закон, а на законодателя; не на букву, а на дух; на намерение, а не на деяние; не на часть, а на целое; на весь характер деятеля в целом ходе деятельности, а не одну настоящую минуту; поминать добро паче злого; уметь сносить обиду; искать решения и умирения на словах, если можно избежать действия». Вот на чем может и должна быть основана терпимость.

Свободные учреждения

Наше время – время развития демократии и демократического устройства свободных учреждений. Всеобщая подача

голосов стала догматом, коему противиться – значит впасть в ересь. Изъявление народной воли в составе парламентов получило конструкцию столь искусственную, что становится уже игрушкой в руках господствующей партии и набранного ею большинства, так что во многих случаях действие парламентского учреждения клонится не столько к обеспечению гражданской свободы, сколько к ее стеснению в интересе господствующей партии. Тем не менее, когда заходит речь о способах к устранению беспорядков, произвола и злоупотреблений в государственном управлении и в делах гражданского быта, единственным для того средством предлагается введение и устройство выборных парламентских учреждений. Они считаются каким-то универсальным лекарством для обеспечения гражданского порядка, правды и свободы. Это напрасное мечтание. Только в старой мифологической басне Минерва³⁰⁵ в полном вооружении выходит из головы Юпитера. Вековой опыт истории всех новых народов ясно показывает, что прочны и действительны только те учреждения, которых корни глубоко утвердились в прошедшем и возникли из свойств народных. А обращаясь к настоящему, видим, что тот народ в состоянии выработать и утвердить у себя свободные учреждения к охранению гражданской свободы, который проявил в своей истории способность к местному самоуправлению.

Действительно свободен может быть лишь тот человек, кто самостоятелен, то есть, ясно сознавая цель своей жизни и деятельности, стоит на своем основании и может, не шатаясь, в своем долге постоять за себя. То же должно сказать и о всяком человеческом обществе: если оно в этом смысле обладает действительной свободой, то и способно организовать у себя свободные учреждения. Способны к самоуправлению люди, издавна привыкшие и в личном быту, и в обществе жить и управляться сами собою. Почерпая силы из земли своей, одушевленные ее духом, сохраняя в себе ощущение души народной, они успевают и в течение веков и при развитии государственных учреждений осуществить в местной жизни начала самоуправления. Но когда независимо от всего прежнего,

прошедшего в истории развития народного духа предпринимается во имя демократических начал насаждение в народе самоуправления новым учреждением по воле государственной власти, нельзя ожидать, чтобы принялось растение, не имея в земле корней, его питающих. Несутся отовсюду жалобы на бюрократию, захватившую в свои руки все нити не только государственного, но и местного управления и распоряжения народными силами. Но если под бюрократией разумеется организацию управления и надзора, отрешенную от жизни народной и связанную только формальным исполнением приказаний и правил, исходящих от центральной власти, то проповедникам демократических начал, предполагающим установить на основании их местное самоуправление, можно было бы на протесты их против бюрократии сказать: *mutato nomine de te fabula narratur*³⁰⁶. Горький исторический опыт показывает, что демократы как скоро получают власть в свои руки, превращаются в тех же бюрократов, на коих прежде столь сильно негодовали, становятся тоже властными распорядителями народной жизни, отрешенными от жизни народной, от духа его и истории, произвольными властителями жизни народной не только не лучше, но иногда еще и хуже прежних чиновников.

В древние времена Тацит, описывая германские племена, останавливается в особенности на племени чауков или саксов, занимавшем своими поселениями так называемую Саксонскую равнину у Северного моря, к югу от Датского полуострова. Он указывает на особенные их свойства – самостоятельность и обособленность. Живут они не в общинном союзе, но каждый на занятой им земле, каждый свободным господином на своем уделе (*suam quisque sedem, suos penatos regit*). Люди не воинственные, но когда потребуете защита, быстро между собою ополчаются: всякий стоит за себя, а когда нужно, все постоят за всех. Сидят на тощей земле, возделывая ее, но ищут, подобно другим, лучших земель для себя. В V веке, когда римляне покинули плодородные земли Британии и вывели оттуда свои легионы, саксы туда переселяются и занимают плодородную часть края, расселяясь по своему обычаю обособленно:

но общие дела решают, когда нужно, на собраниях старших людей. Сила взаимного союза, на земле основанного, помогает им отразить нападения и захваты других племен того же края. Приходит эпоха датского завоевания: они вынуждены покориться завоевателям; но успевают и от них отделаться в начале XI века. Затем норманны покоряют Британию, и завоеватель разделяет землю дружине своей на феодальных началах. Под властью новой норманнской и анжуйской монархии англосаксонское племя благодаря своей земляной силе сохраняет, однако, свой обособленный быт, и в нем, наконец, ищут себе опоры мятежные вассалы против самовластного тиранства королей своих. Король Иоанн принужден уступить всенародному ополчению и утвердить по требованию баронов знаменитую Великую Хартию³⁰⁷ в ограждение свободы англосаксонского народа. С этого времени (1215 г.) и доньше Великая Хартия служит основным правом (Common Law) английского народа и государства, основанием того самоуправления, которое помогло этому народу пережить самые смутные и мятежные эпохи своей истории. Прошло еще 60 лет: при Эдуарде I устраивается Английский парламент³⁰⁸ и устанавливается окончательно в объединенной Англии строй законодательства, суда и правления. Самый Парламент явился только развитием тех же начал, которые можно проследить в собраниях старших людей у англосаксов до завоевания и в собраниях баронов последующего времени; а на статут Эдуарда 1283 года³⁰⁹ доньше еще делаются ссылки в подтверждение прав на суде. С этого времени начинается новая история Англии. Определяются основные черты самоуправления, на коих зиждется общественная свобода, не мнимая, не идеальная, но действительная. Дело общественное делается общественными силами, нераздельно с сознанием долга и ответственности, но не смешивается с деятельностью государства и ею не поглощается. Государству принадлежит государственное дело, дело верховного соблюдения правды и единства, то, что не под силу общественной деятельности.

С тех пор на тех же началах совершается последующее развитие общественной жизни и государства в Англии. Когда

кровопролитные войны Белой и Алой Розы³¹⁰ истребили большую часть старых родов норманнских, место их заступают новые роды крупных помещиков и свободных землевладельцев (gentry) и становятся хранителями той земляной силы, которую издревле крепло и держалось англосаксонское племя. Она помогает народу переживать тяжкие эпохи самовластия и тиранства Тюдоров³¹¹ и Стюартов³¹², эпохи религиозных браней и преследований и две революции, которые не разрушили государства и не нарушили его целостности. И ныне теми же началами своего строя держится Англия.

Совсем иную картину представляют судьбы Франции. Франки, выходяцы из той же Саксонской равнины, заняли по берегам Рейна обширное поле, расселившись на пустых землях, и принесли с собою нрав того же самостоятельного владения землями, такое же начало самоуправления. Мало-помалу в борьбе с властью вождей своих, потом с первыми королями они успевали оградить себя феодальным устройством, основанным на землевладении и на взаимной связи зависимых и верховных владений. Но когда феодальный быт мало-помалу под влиянием многих причин выродился из землевладельческого в военный и разрешился в бродячем рыцарстве, на место феодальной силы выступила сила королевской власти в фамилии Капетингов³¹³. Королевская власть была благодетельна для прекращения безначалия, разорившего весь край. Королевская власть водворила порядок и принялась за собиране Франции и за устройство внутреннего управления. Но по мере того как утверждалось самовластие во Франции, приходили в забвение старинные начала самоуправления и общество стало поглощаться в государстве. Политически стали слагаться границы Французского королевства: вместо феодальных дружин, собиравшихся для защиты по вольному расчету обязательных вассальных отношений, короли стали набирать войско для походов и завоеваний. С Филиппа Августа³¹⁴ (XII век) начинается систематическое собиране всех сил народных к одному центру королевской государственной политики. Государство собирает землю, но

не с тем, чтобы утвердить свое правление на земляной силе, а с тем, чтобы с земляной силы собирать казну в распоряжение государства. Главным орудием правления стали чиновники и легисты³¹⁵, прилагавшие формы Римской империи к конструкции новых порядков правления. В XIV столетии король учредил так называемые Собрания Генеральных Штатов (*Etats généraux*); но главную целью этих собраний было собирание как можно более денег, посредством обложения, в казну для государственных дел и предприятий; в состав их входили только духовенство, дворянство или рыцарство и города (потому что в городах скоплялись деньги), но вовсе не участвовали действительные владельцы, возделывавшие землю, на которую падало обложение. Земля же, откуда приходит земляная сила, не имела за себя ни представителя, ни покровителя. Таким образом, слагалось мало-помалу такое понятие, что государство есть великая община, забота о коей принадлежит не людям, ее составляющим, но королю с его администрацией. А короли менялись, и каждый из них приносил с собою то силу и разум (как Генрих IV³¹⁶), то слабость и страсть к завоеваниям и праздникам. Каждое царствование приносило с собою умножение чиновничества, и это умножение сделалось важным источником государственного дохода посредством продажи должностей и чинов всякого рода. Так мало-помалу доросла Франция до состояния поистине чудовищного в славное царствование Людовика XIV, когда раздалось вслух всем достопамятное его слово: «Государство – это я» (*“L’etat c’est moi”*). Села и поля опустели, дворяне, владельцы имений покинули их и собрались все в Париж к придворной жизни, ибо жить вне ее считалось злом и бесчестьем. Земледельцы, подавленные податной тяготою, погрязли в нищете, картины коей поражают нас в описаниях Лабрюйера³¹⁷ и Артура Юнга³¹⁸. Жизнь представлялась возможною лишь для привилегированных лиц и государственных чиновников. Обществом овладело чувство отчаяния и бессилия; но когда правительство взяло в свои руки все общественное дело, все стали искать причину зла и бедствия в одном правитель-

стве. Так, посреди нужды и бедности, посреди раздражения и злобы созрело к концу XVIII столетия крайнее напряжение общества, разразившееся великой революцией.

Несомненно, что великая революция имела всемирное значение. Из нее вышло много благодетельных мер и новых стремлений; она разрушила много обветшавших форм правления и общественных отношений. Но какие плоды принесла она для Франции, какие внесла в нее органические преобразования?

Революция не только не устранила того основного понятия об органическом слиянии общества с государством, понятия, на котором утвердилось, колебалась и падала французская монархия, но сама прониклась этим понятием и развила и осуществила его до последних пределов. «Частные лица составляют общество, и на обществе лежит забота об них, а представитель общества есть государство, и оно всевластно». Вот мысль, которая, укоренившись в умах, до нынешнего дня торжествует над ними и образует во Франции основные отношения государства к обществу. Как раз в то время, когда все общество было взволновано тяжкою о себе заботою и раздражением на государство, появился знаменитый *Contract Social*³¹⁹ Руссо с фантастической теорией общественного договора, содержащий в себе подтверждение и красноречивое развитие той же мысли, и этим объясняется восторженный успех теории Руссо. Этой мыслью прониклось революционное правительство. «Мы должны составить народу счастье», – такие речи слышались в конвенте 1793 года, – они и доныне слышатся.

Что же дальше? Дальше под маскою «свободы братства и равенства» – дикое самовластие, преследования и насилия; по предлогу свободы – подавление всякой свободы со стороны всех революционных правительств, одно за другим сменявшихся действием мятежной толпы. Дальше – безграничное самовластие новой Империи и приведение всей Франции Наполеоном Бонапартом³²⁰ к одному знаменателю единоличного правления. Франция с ее исторически сложившимися провинциями, со всеми местными традициями и обычаями

раздроблена на департаменты, единообразно поставленные под власть префекта. Подавлены все элементы самоуправления в общинах сельских и городских, связаны регламентацией все общественные союзы, подавлена всякая свобода обучения, а все проявления общественной жизни отданы в руки чиновников – слепых орудий центральной власти. Местная община явилась только одною из единиц территориального и административного устройства, орудием центральной администрации. Дальше идет ряд новых революций, из коих ни одна не принесла органического преобразования, но каждая только повторяла еще настоятельнее, что всякая общественная жизнь поглощается государством, а государство берет на себя заботу обо всех и, стало быть, отвечает за все. «Мы, – провозглашает в 1848 году Луи Блан, – мы приняли на себя страшную ответственность за благоденствие всех и каждого во Франции». Мудрено ли после того, что толпа, разочарованная в ожидании благоденствия, ополчается на государство и разрушает его, устраивая новое, которое, опутывая по-прежнему самостоятельное развитие местной и общественной жизни, в свою очередь, подвергается разрушению. Новая революция сверху восстанавливает Империю, которая в свой черед разрушается, уступая место третьей республике³²¹, а эта еще решительнее воплощает в себе то же самое, не теряющее силы во Франции, слово Людовика XIV: «L'etat c'est moi». Партия, забравшая в руки власть, становится государством и под маскою свободы подавляет во всем народе свободы жизни и деятельности. На знамени его написано: всеобщая подача голосов и воля народная; но и то и другое – заведомая ложь, ибо более чем когда-либо умножились всюду слепые орудия центральной власти в бесчисленном чиновничестве, и все, кто только может действовать в народе, все, не исключая школьного учителя и содержателя табачной лавочки, вербуются каким-нибудь интересом в агенты господствующей налицо центральной власти, и с помощью этих агентов набирается нарядным делом фальшивое большинство, служащее подложным выражением воли народной.

Демократия

Представители современной демократии представляют себя пророками всенародного блага и прогресса, выставляя народу свой идеал – предоставить в управлении народным делом участие всему народу и голосу каждого в особенности. Но вместе с тем они знать не хотят ни духа народного, ни вековых преданий и верований, на коих утверждалась жизнь народа. Демократия, когда попадает в руки ее механизм законодательства, принимается орудовать законами для своей цели, издавая закон за законом и не стесняясь нисколько соображением о том, насколько стесняются законом самые существенные стремления и потребности быта и духа народного. Этим путем создается и держится прямолинейный деспотизм мнимого народоправления, сосредоточенного в руках преобладающей партии во имя идеальной истины и народного блага. Подводя все под уровень своего идеала, она стремится к осуществлению его посредством объединения и уравнивания всего и всех простым способом общего правила и общей меры.

На этом пути встречается она с крепкими, на вере и предании основанными, коренящимися в духе убеждениями лиц и целых сословий и стремится одолеть их, потому что в них видит главное препятствие своему объединительному и уравнивательному процессу. В этом смысле всего для нее опаснее и всего противнее религия и Церковь: воля человеческая так тесно связывается с верованием, в особенности церковным, что нелегко бывает одолеть ее. Отсюда борьба практической демократии с Церковью: самое существование Церкви – смущение и доука для демократии.

Но на первый раз эта политика нуждается еще в религии, насколько религия нужна еще для ее целей; но для этого требуется снять с религии, по возможности, догматический облик, лишить ее способности действовать на душу дисциплиною характера и мышления; пусть остается в ней то, что, по мнению политики, составляет ее недогматическую сущ-

ность, то есть общие начала нравственности, соединяемые с общим понятием о Боге и о нравственном достоинстве человека. Этим придается религии туманное свойство: она превращается в какую-то нравственную философию, имеющую в виду не духовное свойство человека, но одно лишь натуральное его свойство. Таким способом, очевидно, вытравляется из религии сама ее сущность. Отсекаются корни, без коих растение жить не может, хотя как бы имеется в виду сохранить плоды его, то есть удержать результаты христианской совести, отняв ту веру, которая создала ее и хранила. Но политика демократии думает достигнуть тех же результатов, заменяя в школе Закон Божий курсом морали, а в жизни общественной любовь и жалость христианскую – началами и учреждениями альтруизма и филантропии.

Но все это лишь на первый раз. Далее двинулась во Франции демократия, достигнув полного господства. Она воздвигает уже безусловное гонение на религию, предпринимая насильственно вытравить ее из нравов и из гражданского быта.

Франция, воображаемая страна свободы, жила со времени Наполеона I под действием ст[атьи] 291 Уголовного кодекса. Эта статья гласит: «Никакое сообщество (ассоциация), состоящее более чем из 20 лиц, с целью собираться ежедневно или в положенные дни для рассуждения о предметах религиозных, политических или иных, может быть образовано не иначе как с разрешения правительства и на таких условиях, какие ему предпишет правительственная власть». Такова была мера свободы, предоставленная обществу в течение ста лет и при действии свободных парламентских учреждений.

Ныне законодательство свободной французской демократии ограничило еще эту меру. По закону 1901 года разрешение на образование вновь общества дается не иначе как особым декретом Государственного Совета. Но мало этого. Закон присовокупляет, что дальнейшее существование такого хотя бы разрешенного общества зависит вполне от правительства: общество распускается и прекращается декретом Совета министров. Если же откроется общество без разрешения или будет

собираться после запрещения, то каждый член его подвержен штрафу в 5000 франков и тюремному заключению на год, и тому же наказанию подвергается всякий, кто даст собранию место в своем помещении.

Казалось бы, однако, что общества, законно существовавшие ранее этого закона, не подлежат ему. Нет, как бы давно они ни действовали, в какие бы ни вступили отношения и договоры с городами, коллегиями, публичными учреждениями и пр[очее], они должны прекратиться, если не испросят себе разрешения новым порядком. При уничтожении же общества все его имущество подвергается ликвидации мерами правительства.

Весь этот закон направлен в особенности против религиозных конгрегаций, посвятивших себя учению и воспитанию юношества, призрению и лечению бедных и больных. Их-то все предприняла уничтожить новая власть, во имя свободы управляющая Францией. С уничтожением конгрегаций рассеиваются и изгоняются тысячи деятелей, большею частью учителя и учительницы. Но им-то жестокий закон воспрещает заниматься учением где бы то ни было, безусловно, под опасением такого же штрафа и тюрьмы.

Жестокий закон, но еще более жестоко его исполнение. Правительство не замедлило без всякого разбора закрыть, распустить и ликвидировать не менее трех тысяч конгрегаций, издавна действовавших до издания нового закона. Мало и того. Когда возникла у некоторых надежда воспользоваться новым законом и испросить разрешение на открытие новых конгрегаций и предъявлено о сем несколько сот ходатайств, правительство отказалось входить в рассмотрение их, и Палата Депутатов по требованию Комба³²² отвергла их все огулом без рассмотрения. Дошло до того, что, когда некоторые сестры милосердия решились оставить свои обеты и в светском звании продолжать свою деятельность, правительство стало преследовать их строгими карами: иных подвергли преследованию за то, что они в частном доме даром ухаживали за больными. Случалось, что суды отказывались от незаконного преследо-

вания, но высшая Кассационная Палата, действуя по предписаниям властей, стала отменять правые приговоры судов. Всякие протесты местного населения и ревнителей закона и правды против самовластия властей имеют последствием только принятие мер и законов, еще более строгих, против всякой деятельности, носящей на себе имя и печать религии и Церкви.

Итак, естественно, что не только люди, преданные религии и Церкви, но и разумные государственные люди всего мира с удивлением и негодованием спрашивают: до каких насилий, наконец, дойдет под знаменем свободы французская демократия. «Комб и его сподвижники, – замечает справедливо один африканский публицист, выразитель общественного мнения страны, – воображают, что они суть двигатели прогресса, но в сущности они повторяют заблуждения и ошибки средневековой политики властей. Что совершал Филипп II³²³, делая орудием своей политики инквизицию; что совершил во Франции Людовик XIV, отменив Нантский эдикт и обрекая протестантов на изгнание; что совершала Англия, вынудив своих разноверцев к переселению в Америку, то самое совершают теперь антиклерикалы во Франции в своей ненависти к религиозным конгрегациям. Разве это не то же самое жестокое гонение на ересь, вывороченное в другом виде?»

Изучая эпоху французской революции, поражаешься той идеей о человеке и обществе, какая в то время была у всех в голове: идея поразительно ложная и совсем несогласная с учением первых умов того времени – Вольтера³²⁴, Монтескье³²⁵, Бюффона³²⁶. Предполагают, что человек сам по себе – абстрактное существо, человек первоначальный и природный – по существу добр и разумен: на этом строят идиллию. Это заключение считается строгим выводом из философии XVIII столетия: но то верно, что его не может допустить разум, и разум чисто природный, нисколько не церковный. По крайней мере, наука, наука точная и твердая, теряет революционный дух и даже становится антиреволюционной. Зоология показывает нам у человека звериные острые зубы: надо смотреть, как бы не проснулся в нем инстинкт плотоядный и

зверский. Психология показывает нам, что разум в человеке держится на словах и на образах: надо смотреть, как бы ни выродился из него истерик и безумный. Политическая экономия показывает нам, что всегда существует несоответствие между числом населения и достатком продовольствия: итак, не забудем, что и во время благоденствия и мира не перестает борьба за существование, как бы не раздражить и не разжечь ее, умножая взаимное недоверие участников этого состязания. История показывает, что государства, правительства, религии, Церкви – все великие учреждения служат единственным средством, помощью коего человек, животное дикое, приобретает свою малую долю разума и правды: надо смотреть, как бы не погубить цветок, подрезывая корень. Словом сказать, мне кажется, что чистая наука воспитывает дух благоразумия и охранения, а не дух революции и анархии: достаточно для этого видеть и уразуметь всю сложность и все тонкое устройство состава общественного, тогда нельзя будет и поверить всем шарлатанам, предлагающим решительные и простые универсальные лекарства от зла... (Тэн)³²⁷.

Вера

Современные мыслители и ученые подвергают критике не только основания того или другого вероисповедания, но и сами основания религиозного чувства в человечестве. Возбуждается вопрос о нравственном и социальном его значении. Спрашивают: возможно ли ему удержаться, и какое получит оно значение, и какие формы в применении к новым условиям жизни, которые может создать будущая социальная эволюция человеческого общества?

Невозможно гадать о будущем, проникая мыслью в тысячелетие предстоящих судеб вселенной и земного человечества. Тайна земного бытия остается перед ним, мрачная и неразрешимая. Религиозное чувство нераздельно с нею: оно живо и неискоренимо, ибо коренится в природе земного бытия человеческого.

Человек всегда будет ощущать свое бесплодие, несмотря на все усовершенствования материальных условий частной и общественной жизни, всегда будет ощущать себя раздвоенным существом вопреки всем учениям, провозглашающим свободу плоти и похоти, всегда будет сознательно или бессознательно стремиться к идеальному единству и совершенству. Сколько бы ни ощущал он в себе животной силы и энергии, сколько бы ни наслаждался ею, душа его не перестанет помышлять о пределе земного бытия. И мы видим, что, по мере того как овладевает человек силами природы, временем и пространством, он все больше ощущает духовную пустоту и тоску о жизни. Доколе человек не превратится совсем в животное, религиозное чувство нельзя исторгнуть из души его и из социальной жизни: всякое для этого насилие будет безумием, и самые фанатические преследования религии приведут с другого конца разве к извращению веры – в суеверие. Формы религиозного чувства неистощимы, простираясь от самого чистого и возвышенного к чудовищному. Охранение высоты, чистоты и истины религиозного верования принадлежит Церкви. Церковь, невзирая на разнообразную примесь форм и видимых обрядов и обычаев, подлежащих переменам в течение веков, останется всегда ковчегом религиозной истины. Вне Церкви религиозное чувство впадает в заблуждение плоти и гордости, в мечтательное настроение духа, в фантастические формы культа.

Наше время – время упадка религиозного чувства или, лучше сказать, его извращения. С отрицанием предания, закона, принятых начал нравственности соединяется искание новых форм верования, новых нравственных начал, измышление новых фантастических предметов культа – состояние, подобное тому, в коем пребывало римское общество в эпоху Антонинов³²⁸. Но глубокая душа, жаждущая и ищущая истины, рано или поздно почувствует и познает ее.

Где нет веры, там на чем утвердить чувство долга и сознание ответственности – основу всякого нравственного побуждения и воли? Религия одна есть правило жизни, непрестанное напоминание человеку, что есть Бог и ищущим Его

Мздовоздатель, духовный авторитет, на коем утверждается обязанность человека к Богу и ближним.

Этого не может заменить никакое нравственное учение. Оно основывается теоретически на начале блага общественного, пользы общественной (утилитарианизм), с отрицанием религиозного начала, хотя практические выводы и положения этого учения почерпаются из понятий и обычаев, исходящих из религии и на ней основанных. Но нравственное правило в применении к действительности, к обстоятельствам места и времени, к интересам своего *я* и других лиц подвержено колебаниям и сомнениям, требующим проверки с основным началом, которое для утилитарной нравственности заменяет совесть. Но это начало абстрактное, и потому решение на основании его вопроса о том, что должно в данном случае делать или какую цену имеет сделанное, требует умственной операции, мало кому доступной и, во всяком случае, неясной и сопряженной с колебаниями, сомнениями и с возбуждением новых вопросов.

Напротив того, религиозное мерило долга – не умственное и не абстрактное, но связано нераздельно с живым чувством тронутой верою души, и способно действовать на душу непосредственно, бессознательно и без умственного напряжения, применяясь свободно к новым отношениям и условиям жизни, но не изменяясь в основе своей и в господственном действии на душу. На началах нравственности создается искусственная совесть, но христианская совесть есть Око Божие в душе человека, а перед нею – животворящий ее любовью и правдой живой Образ Божий в лице Христа Спасителя. И некуда убежать человеку от веры, потому что он сам от себя убежать не может. Как бы твердо ни положил он в своей гордости отрешиться от Бога и быть сам себе Богом, он остается на земле, окруженный со всех сторон тайною бытия, и как бы ни хотел от нее зажмуриться, не может в тайниках души своей не ощущать ее. Все-таки стоит он на пороге чего-то неведомого и вечного, имея, по выражению Гете³²⁹, внизу под собою могилы, а вверх над собою – звезды свода небесного.

Правда

Во всем человечестве и в каждом отдельном человеке дух живет и питается, и растет стремлением к идеалу, то есть к высшему, что нельзя обнять, в чем нельзя достигнуть совершенного осуществления. В этом стремлении все существо духовной жизни, ибо то, к чему стремится дух, есть нечто абсолютное и непреложное, то, что держит на земле душу живую, без чего всякое существо человеческое бессмысленно влачится по земле. Это стремление прирождено и заложено во всякой душе человеческой, и когда душа погасила его в себе, становится она лишь звуком и словом. Едва начинается сознание в душе, как в ней начинается мысль о начале всех начал, откуда всякая жизнь происходит, мысль о любви и правде и поднимается стремление вверх бытия. Это живое зерно не извне положенное, и никакая наука не в силах ни породить, ни вложить его. Где есть оно, там начало истины; где оно пропало, там ложь и мертвенность. Но и совсем погибнуть не может оно, а кто вообразил себе, что вынул его из души своей и живет без него, тот лжет самому себе и всех о себе обманывает. И тот, кто дошел до упорной мысли о том, что одна и есть правда, правда непреложного закона материальной природы, и тот готов каждую минуту бессознательно отрицать все, что в отношении к себе ощущает, как обиду или насилие.

Вся история человечества и вся всемирная литература наполнена воззваниями к правде и воплями о неправде и мольбами, да водворится правда на земле. Вся Псалтирь еврейская есть песнь о правде и неправде, несущаяся от земли к небу, и оттого стала она достоянием духовного утешения и ободрения от горя и неправды. Теми же воплями наполнены все пророческие писания, и доньше поэтические песни всех времен и всех народов взывают о том же. Это поистине тот пророческий свиток, на коем «писана быша предняя и задняя, и рыдание, и жалость, и горе»³³⁰. «Доколе, — говорит

пророк, — плакати имать земля и трава вся сельная иссохнет от злобы живущих на ней»³³¹.

Но напрасно мечтало бы страдающее от неправды человечество, что может оно когда-нибудь последовательным развитием учреждений своих и обычаев водворить на земле царство правды, царство Божие. Стоит во всей истине слово Христово: *Царство Мое не от мира сего*³³².

В течение многих веков человечество успело выйти из дикого состояния бесправия и владычества грубой силы над массами и последовательным развитием учреждений утвердило господство права в отношениях между людьми с установлением порядков, на праве основанных. Слава Богу! Но господство права не есть еще победа и господство правды, ибо право есть лишь формальное признание правды и каждое учреждение орудуется людьми, а человек в раздвоенной природе своей носит зачаток лжи, с которою несовместима правда. Закон, распределяя и определяя права, велит воздавать каждому должное; но каждое право в законном определении своем есть лишь подобие и отражение правды; и применение закона, утверждаясь на букве его и сливаясь с нею, способно явиться в действительности неправдою. Суд, как бы ни было совершенно сложное его устройство, становится ареною для состязания о правах, в коем победа принадлежит нередко не тому, кто пред совестью прав, но тому, кто более искусен в состязании, и самый доступ к состязанию обставлен, по необходимости, формальными условиями, соблюдение коих тяжело и не всякому доступно: суд становится крепостью, в которую нелегко проникнуть и из которой еще труднее освободиться. С водворением свободы для труда и для всякой деятельности, с умножением и усовершенствованием всех способов ее и орудий открываются новые бесчисленные пути приобретения, для безграничного умножения богатств, новые бесчисленные виды собственности с крепкими ее ограждениями, но вместе с тем открывается страшная непроходимая бездна между богатством, довольством, пресыщением немногих и отчаянною нищетою мас-

сы страдающих и погибающих от бессилия, бедности и невежества. Создаются общественные учреждения на помощь страждущим во имя гражданского долга, во имя любви и жалости, но они бессильны наполнить эту бездну, которая растет и становится все грознее и грознее, отвечая на любовь раздражением и злобою отчаяния и похоти. Разрушены вековые узы исторически создавшегося рабства и уничтожено владычество человека над бесправными, подобными вещи, рабами; и вместе с тем создаются новые виды тяжкого экономического рабства, порождаемого самой свободой экономической деятельности, рабства безысходного, коему подвергаются массы из-за хлеба насущного. Создаются во имя свободы и равноправности новые усовершенствованные в конструкции виды правления, основанные на участии всех и каждого в выражении народной воли, но приводят к новому виду безответственной деспотической воли большинства, причем мерилom правды и самого права становится принадлежность к той или иной партии. И посреди всех этих усовершенствований порядка и бытия человеческого слышится вековой вопль бедного человека: «Боже милостивый! Где же Твоя правда!».

Остается вечное, неудержимое стремление всего человечества к правде. Это стремление пусть в себе растит и воспитывает каждая душа. С первых начал бытия оно служит для всякого человека показателем характера и духовной судьбы его: у одного загораются в душе огни любви и жалости, и негодования на неправду с горячею жаждою погасить ее или уравновесить; другой остается равнодушен и, заключая в плоти и похоти цель бытия своего, влачится по земле, не поднимая очей к небу. Но у кого горят эти огни, тому освещают они жизнь, и благо ему, когда это стремление к правде, пронося бережно сквозь всю суету мирскую, стремится он осуществить в жизни своей и в деле своем.

*Что есть истина?*²³³³ – насмешливо спросил Пилат и не стал ждать ответа: он думал, что это какая-то истина, от века умозрительно отыскиваемая мудрецами целого мира. Но

прежде того вопроса Христос сказал ему: «Я на то пришел, да свидетельствую истину, и всяк кто от истины, послушает гласа Моего»³³⁴. И все, иже суть от истины, все, у кого в душе горят эти огни стремления к правде, слушают гласа Его, вещающего о правде, о любви и жалости, и о жертве, все они были, и есть, и будут стадо Христово, чаятели Царствия Божия. И все они, нося в душе веру, «не прияли обетования, но лишь издалеча видели обетованную землю» и умерли, взирая на пострадавшего за правду «начальника веры и совершителя Иисуса».

Культура

Показателем культуры служит утвердившееся в обычае сознание долга и ответственности. Где оно исчезает, там начинается одичание нравов. В простейшем виде это сознание обязанности каждого сводить свои счета в связи со своими средствами, платить долги свои, в деле частном и общественном давать себе и всем, кому должно, отчет в употреблении денег по долгу или поручению, сознание обязанности мастера исполнить заказанную работу. Когда общество доходит до того, что это самое элементарное сознание истощается, когда самая мысль общественная извиняет и оправдывает явное нарушение долга в малом, тогда истощается мало-помалу способность протеста и негодования на нарушение долга в великом, общественном и государственном деле, бледнеют и спутываются самые основные понятия, на коих утверждается порядок общественной жизни. И тогда, сколько бы ни усиливалось в обществе умственное развитие, как бы ни совершенствовались внешние условия цивилизации, культурное состояние такого общества жалкое и опасное.

Показателем культуры в обществе служит обращение людей между собой. Когда оно основано на сознании истинной свободы, в чем проявляется уважение к личности всякого человека, внимание каждому, с кем вступают в отношение. Это свойство у древних называлось общим именем «*geregen-*

tia)». С понижением культуры это свойство истощается и исчезает, напротив того, возрастает масса людей, не питающих уважения ни к чему, кроме своей воли и своей прихоти, людей без всякой сдержанности, без мужеского духа, без желанья быть внимательным к кому бы то ни было, без сознания долга и ответственности в своих действиях.

Какая-то анархия является в наше время в области философии. Почти все объективные истины всеобщего сознания утрачивают свое значение, так что отрицание всякое неизменной и абсолютной истины представляется характерным свойством и признаком нынешнего времени. Религия, нравственность, право не суть уже абсолютные, существенные верования и убеждения духа, но получают значение каких-то живых ощущений и стремлений народной жизни, колеблющихся и видоизменяющихся. Каждая эпоха, каждый народ носит на себе след изменений и эволюции нравственного чувства и сознания; но ныне каждый человек в отдельности стремится создать для себя свою нравственность, свою религию, свое миросозерцание, создать и потом изменять сообразно с потребностью, если такая потребность существует.

Итак, не удивительно, что целыми массами овладевает пессимистическое настроение, какое-то пресыщение культурой. Разочарованные, обескураженные, отчаянные люди отворачиваются от всех высших духовных стремлений, придавая цену тому одному, что можно ухватить рукою и что приносит «действительную» материальную пользу и выгоду. Множество людей заражено ныне безнадежною духовною неврастенией, совершенною безыдейностью. Когда говорят о несостоятельности науки, в этом слове есть правда. Позитивизм наук, без философии, ведет прямым путем к несостоятельности, и результатом является безыдейный позитивизм всякой власти и всякого авторитета.

Непомерное развитие материальной цивилизации всюду приводит к оскудению духовных начал, добра и правды и к распространению лжи в социальном быте и в социальных отношениях. Общественный быт нашего времени преиспол-

нен явлениями, во многом напоминающими или прямо повторяющими то, на что мы с удивлением и ужасом смотрим в описаниях римской жизни в эпоху империи. Ювеналу нашего времени пришлось бы повторять или переделывать на новый лад картины и характер древнего Ювенала³³⁵. С распадением древних верований место их заняли в Риме безумные и развратные суеверия восточных языческих культов. Но разве у нас не то же самое безумие видим ныне в распространении лжехристианского сциентизма, в стремлениях искать какой-то новой веры то в буддизме, то в оккультизме³³⁶, в спиритуализме, в позитивизме, во множестве мечтательных культов, ищущих истины в идеализации натуральных сил восточного язычества. Сцены римского цирка разве не повторяются у нас в наших скачках с их состязанием и играми, в явлениях модного спорта всех видов? Театральная сцена нашего времени развитием крайнего реализма разве не напоминает римский театр времен империи?

В просыпающемся уме развивается бродячая сила с природным инстинктом подражательности. Дело воспитания – сосредоточить эту силу и направить ее; но наша система воспитания не сосредоточивает, а разбивает ее, и юные умы начинают странствовать далече от дома, захватывая на пути по всем сторонам образы, формы, идеи и впечатления. Так утрачивается в самом начале способность и желание познать себя, почувствовать свою силу, свою природу, из себя выработать сознание долга и цель жизни – только так может человек овладеть собою, а без того все, что захватит он на пути интересом и подражанием, будет не свое у него, а чужое. И так, разбиваясь на стороны, дух не столько приобретает силы, сколько утрачивает. Таковы бывают последствия того, что ныне служит нередко заменой воспитания под именем самообразования.

С тех пор как свет стоит, люди лгали, но столько ли они лгали и притворялись, как лгут и притворяются в наше время, когда вошло в ход слово «позировать» для выражения такой идеи, какой не было прежде? Желание выказаться не тем, что

есть человек, желание играть роль – свойство нашего века. В первой половине XIX столетия люди напускали на себя поэтическую возвышенность духа, какую-то сентиментальность, странную для простого народа. После того изменилась только форма: поэтическое притворство вышло из моды, но желание играть роль осталось, только приняло разные другие формы, а при новых обычаях общежития явилось множество новых случаев и побуждений к притворству. Всякого рода предприятия, ассоциации, биржевые сделки и спекуляции облегчили людям возможность представлять себя богаче, чем есть. Всякому журналисту, газетному писателю стало возможно выставить себя мастером политической науки, а члену парламента – политическим деятелем. С помощью бесчисленных энциклопедий, справочных книг, разного рода иллюстраций всякий может блеснуть образованностью или ученостью. Искусные люди с помощью нахальства, звонких фраз успевали пробраться в верхи общества, занимать важные места в администрации, пустить о себе славу хоть и на короткое время; люди с маленьким талантом приобретали громкую известность в литературе; люди без всяких средств, без всякого достоинства, с помощью бесстыдного нахальства приобретали громадное богатство спекуляцией.

Все это ежедневные явления. Стало быть, для того, чтобы иметь успех, надобно взять на себя роль, надобно позировать, надобно стать на ходули, надобно жить сознательно в притворстве – в притворстве чувств, вести игру, в которой актер может увлечься до забвения своего притворства и сам уверовать в искренность принятого им на себя образа. И эта игра простирается на все обычаи нашего общежития, на все формы общественной жизни, на литературу, науку и политику.

Суд. Вагон. Essays

Судьи должны помнить, что их должность «право судить» (*ius dicere*), а не суд создавать (*ius dare*), истолковывать закон, а не творить закон, или давать закон. Иначе похоже

было бы на власть, которую присваивает себе Римская церковь: она под предлогом изъяснения Св[ященного] Писания не усумняется прибавлять (к нему) и изменять (его), заявлять (в нем) то, чего в нем нет, и вводить новшества под видом древности. Судьи должны быть богаты знанием, а не только остроумием, должны быть строги в своем сознании, а не только приятны и любезны, должны быть осведомлены в убеждении, а не легкомысленны. Свыше всего свойство их и добродетель их звания есть правдивость. «Проклят (в законе), кто нарушает межу ближнего своего» (Втор. 27:17). Кто переставит межевой камень, достоин порицания, а неправедный судья и есть нарушитель межи, когда он не по правде распределяет землю и имущество. Одно кривое решение больше делает зла, чем многие кривые примеры: они портят воду текучую, а то портит сам источник воды. *Что возмущенный источник и поврежденный родник, то праведник, падающий пред нечестивым* (Притч. 25:26). Должность судейская имеет отношение к спорящим сторонам, к адвокатам сторон, к клеркам и подчиненным чинам юстиции и, наконец, к Государю и Государству.

И во-первых, стороны. Есть судьи (говорит Писание), обращающие суд в отраву (Ам. 5:7), и такие есть, что обращают его в укус, ибо неправосудие – горькая вещь, а волокита – кислая вещь. Первый долг судьи – устранять насилие и обман; насилие же тем пагубнее, когда оно открытое, а обман – когда он сокрытый и прикровенный. Сюда присоединяются и кляузные дела, которые подлежат извержению, как отребье суда.

Судья должен уготовлять путь свой к правому решению, как Бог уготовляет пути свои, возвышая доли и низводя стропотная в пути гладки. Итак, когда является с той или другой стороны рука высокая, сильное преследование, хитрые подвохи, лукавые комбинации, власть, неровность защиты, тут является прямая добродетель судьи в том, чтобы уравнивать неравенство, чтобы мог он начертать свое решение как бы на ровном поле. Сильный толчок производит кровь (Притч. 30:33), и виноград в точиле, когда непомерно

жмут, дает терпкое вино со вкусом косточек. Судьи должны избегать грубых выводов и натянутых заключений: самая жестокая пытка – пытка над законом; особенно в законе уголовном должно смотреть, чтобы цель устрашения не обращалась в цель жестокости и чтобы законы не поражали народ дождем и огня, и жупела, о коем говорит Писание (Пс. 10:6), а натяжка уголовного закона поражает народ таким дождем. Итак, желательно, чтобы мудрый судья мог смягчать в действии уголовный закон, когда он долго остается в забвении или устарел для настоящего времени. Долг судьи принимать в соображение не один голый факт, но и обстоятельства каждого случая (*ut res, ita tempora regum*). Там, где дело идет о жизни и смерти, судья должен (насколько позволяет закон), совершая правосудие, помнить о милосердии, строгим оком взирать на пример, но на человека милостивым оком.

Об отношении к адвокатам и защитникам. Терпение и добросовестная внимательность в выслушивании сторон – это существенная принадлежность правосудия, а пространные речи судьи подобны плохо настроенному инструменту. Не пригодно судье заранее составлять себе мнение о том, чего он еще не выслушал в прениях; или, предупреждая ход прений, перерывать свидетеля или защитника, либо сбивать их вопросами, хотя бы относящимися к делу. Дело судьи в выслушивании прений следующее: 1) направлять ход исследования; 2) умерять в речах излишнюю плодовитость, устранять повторения или нахальства; 3) излагать в извлечении весь материал, собранный во время допросов и прений, и 4) объявить свое постановление или решение. Что свыше этого, то излишнее и происходит либо из желания выказаться, или от словоохотливости, от нетерпеливости, или от недостатка памяти, от недостатка ровной внимательности. Странно видеть, что нахальство адвокатов действует иногда на судей, тогда как судьи должны бы делать дело Божие, сидя на седалище Его, и помнить, что Он смиряет высокомерных³³⁷ и смиренным дает благодать; но еще более странно, что судьи имеют иногда ведомых любимцев, кои

умножают поборы и чинят пролазы в правосудии. Со стороны судьи ожидается благовольтельная оценка адвокатской деятельности и похвала, когда адвокат искусно ведет дело и совершает защиту, особенно со стороны, не успевшей выиграть дело: это поддерживает в глазах клиента репутацию адвоката и побуждает его усомниться в правоте своей. Но также общество ожидает от судьи, чтобы он выражал приличным образом и порицание адвокату, когда замечает в нем кляузные придирки, большую небрежность, недостаточное знакомство с делом, пристрастие в нападках или нахальство в защите. И не должен адвокат на суде входить в пререкание с судьей или вступаться снова в суждения о деле, после того как судья объявил приговор свой; но с другой стороны, не должен и судья прерывать ход дела своим рассуждением и не должен давать стороне повод к жалобе на то, что адвокат ее не был выслушан и не заявлены ее доводы.

Третье, относительно клерков и судебных чиновников. Место правосудия – священное место, и потому не только судебная зала, но и ее преддверия должны быть ограждены от всякого соблазна и подговора, ибо, без сомнения, от терния, как говорит Писание, не собирают гроздий, и правосудие не приносит сладкого плода, когда вокруг его путаются зацепки и ходят хищные руки клерков и чинов судебных. Судебное производство обставлено дурными промыслами. Их можно назвать четыре. Первое: есть иные люди – сеятели тяжб, они загромождают суд и смущают народ. Второе: иные люди напрасно запутывают суд жалобами и спорами – это не пособники суда (*amicī curiae*), но паразиты и льстецы судебные, они завлекают суд за пределы его ради прихоти своей и выгоды. Третье: люди, служащие суду, можно сказать, не с правой руки, а с левой; они преисполнены кляузных крючков и злонамеренных подвохов, коими отводят суд от прямых и ровных путей правосудия в дальние тропинки и лабиринты. Четвертое: это приставники и расценщики судебных сборов; эти люди оправдывают обычное уподобление суда колючему кустарнику, куда стремится стадо овец спастись от непого-

ды, а там всегда оставит часть своей шерсти. С другой стороны, клерк, опытный в практике, знающий все ее приемы, понимающий весь ход судебного производства, служит превосходным пособником суду и может нередко самому судье указывать пути и способы.

Четвертое – отношение суда к Государю и государству. Судьи должны превыше всего помнить заключительное правило римских двенадцати таблиц³³⁸: «*Salus poluti suprema lex*» (верховный закон – благо народное), должны знать, что всякие законы, если не согласуются с этим верховным законом, суть не что иное, как сеть льстивая и вещание неправого духа. И потому благо делу государственному, когда монархи и власти государственные почасту совещаются с судьями, и взаимно, когда судьи почасту спрашиваются государя и властей: одно дело, когда в законе есть нечто несоответственное с делом государства, и другое дело, когда в государственном деле есть нечто несоответственное с законом, ибо случается нередко, что, когда суд в приговоре своем рассудил только «мое и твое» право (*meum et tuum*), основания приговора и его последствия оказываются предосудительны для интереса государственного.

Сюда относится не только достоинство и право государственной власти, но и все, что клонится к важному нарушению прав его, или составляет опасный прецедент, или явно касается до целой массы населения. Весьма нерассудительно думать, будто закон – одно, а политика – совсем другое: и то, и другое все равно, что дыхание и мышцы, совокупно движущие жизнь. Судьям следует также помнить, что у Соломона престола поставлены были львы с обеих сторон: львы должны быть, но стоять у подножия престола. Итак, да не дерзнут судьи в чем-либо нарушить права государственной власти. Судья должен твердо знать и помнить, в чем состоит его право и главная часть их звания – в мудром употреблении и применении закона; и Апостол говорит о законе высшего порядка: *мы знаем, что закон добр, если кто законно употребляет его* (1 Тим. 1:8).

Церковная реформа

Письма К. П. Победоносцева Николаю II

1898 г.

№ 1

Ваше Величество изволили прислать мне письмо из Бернсдорфа от некоего англичанина Онкена (Opcken) с горькими жалобами на жестокое преследование штундистов³³⁹.

Но жалобы, в сущности, относятся не к штундистам, а к бывшим кавказским духоборам³⁴⁰, совращенным в анархическое толстовское³⁴¹ учение. Он называет их евангелическими христианами. История же этих людей давно известна Вашему Величеству. Подобных жалоб и петиций довольно приходит из-за границы, и все они проистекают из совершенного невежества относительно России от людей, воображающих, что в России нет в народе веры и Св[ятое] Писание запрещено, и потому, не имея понятия о наших сектантах, они склонны всех сектантов признавать евангелическими христианами, несущими в Россию Евангелие.

А в последнее время, к несчастью, в Лондоне образовалась целая компания русских безумных фанатиков толстовского учения, дошедших в своем фанатизме до того, что они ненавидят самую Россию, распространяя о народе нашем и о правительстве самые чудовищные клеветы. Закваску этой компании составляют Чертков³⁴², Трегубов³⁴³ и князь Хилков³⁴⁴. Издается у них журнал "Free Russia" и другой на русском языке, кроме того, пускают подобные корреспонденции в "Times" и другие газеты. Читая все это, люди, не имеющие никакого понятия о России и движимые иногда тоже узким фанатизмом, верят и возмущаются. К числу таковых принадлежит, конечно, и Онкен.

На случай, когда бы Вашему Величеству угодно было иметь сведения о рационалистических сектах, прилагаю статью об этом в моем отчете³⁴⁵.

Константин Победоносцев
2 ноября 1898 г. Петербург

1901 г.

№ 2

Долгом почитаю представить на воззрение Вашего Величества подробную реляцию о печальном событии, случившемся в слободе Павловке Харьковской губернии.

Эта ужасная история должна бы возбудить правительственные власти к особой бдительности в отношении к сектантам, повсюду зараженным толстовским анархическим учением. Когда началась в Павловке гибельная деятельность Хилкова, я несколько раз предупреждал о том губернские власти, но никаких мер не было принято. Когда уже стало поздно, Хилкова выслали на Кавказ³⁴⁶, но тут дали ему возможность превратить множество несчастных духоборов в толстовское учение. Все это движение угрожает государству величайшей опасностью распространения анархии посреди дикого и невежественного населения. Тут действует не убеждение, свойственное вере, а эпидемическая заразная болезнь, против которой необходимы предупредительные меры.

К сожалению, этого не понимает наша полуобразованная «интеллигенция», склонная видеть во всякой предупредительной мере против диких сект нарушение свободы совести. С этой точки зрения как раз теперь все газеты стали проповедовать отделение Церкви от государства и полную свободу всякой пропаганды. Это значит закрывать глаза против очевидной истины. Толстой, отрицая Церковь, отрицает вместе с тем и государство, и правительство, и самую собственность. Это учение вносит он в крестьянскую среду. Очевидно, что в

этой сфере особенно отрицание Церкви сливается прямо с отрицанием всех властей и порождает анархию.

Возбуждавший павловскую толпу Феодосиеенко, к сожалению выпущенный, выходец из Киева, принадлежит к ужасной секте малеванцев³⁴⁷, на которую столько раз безуспешно обращается внимание властей.

Эти люди безумные, опаснейшие анархисты, готовые на всякое злодеяние. О них много писано в последнем всеподданнейшем отчете, при сем на всякий случай прилагаемом³⁴⁸.

Константин Победоносцев

12 октября 1901 г.

Ц[арское] Село

№ 3

Если будет у Вашего Величества охота и досужий час, не угодно ли прочесть в прилагаемой книжке замечательную статью о гр[афе] Толстом. Это, по мнению моему, лучшее, что было о нем написано. Кто писал, не знаю.

Константин Победоносцев

2 марта 1902 г.

№ 4

В настоящее смутное время, когда со всех сторон испорченные и безумные люди стараются поселить в народе разврат мысли и развить в невежественной массе неудовольствие против властей, озлобление, потрясти в нем прочную веру, единственным надежным средством к воспитанию нового поколения служит школа, и именно церковно-приходская, нераздельно связанная с Церковью, самая близкая к народу и самая для него сочувственная. Вот почему с самого начала на эти школы обращается и Св[ятейшим] Синодом, и мною самая усердная забота. Поистине могу сказать, что школа эта при всех неизбежных не-

достатках растет и успевает даже сверх ожидания, привлекая к себе и в народе самое сердечное сочувствие.

Но потому именно, что эта школа церковная, против нее возбуждается злоба всех, считающих себя либералами и отвергающих церковный элемент в воспитании народа. А этим духом заражена у нас масса земских ораторов, составляющих, к сожалению, руководящую силу земских собраний. Идеалом их служит французская школа, совсем уже отделившаяся от веры в Церковь. Все наши газеты, за немногими исключениями, того же духа, и листы их ежедневно наполняются всякого рода нападками на церковную школу и выдуманными о ней анекдотами и рассказами. А ныне, когда земства предприняли совокупные совещания о реформах всякого рода, на этих совещаниях открыт теперь поход на церковно-приходские школы.

Казалось бы, что для блага народного управлению школами, состоявшими в ведомстве народного просвещения, надлежит действовать в полном согласии с управлением церковно-приходских школ.

К сожалению, однако, многие местные деятели школьного управления склоняются к направлению земских учреждений. И совокупно с ними не столько содействуют, сколько противодействуют нашему делу.

Еще прискорбнее, что это противодействие всего сильнее выражается там, где нет земских учреждений и действует одно управление, в юго-западном крае, где всего нужнее было бы согласие всех учреждений ввиду враждебной деятельности иноверцев и инородцев.

В Киевской, Волынской и Подольской губернии вражда против церковно-приходской школы стала переходить от слов и бумаг к произвольным и насильственным действиям. Жалобы, которые в течение последних годов приносились с нашей стороны, приводили только к бумажной переписке и оставались бесплодными. Нынче летом я обратился к товарищу министра народного просвещения с просьбой пособить нам не одной только бумагой. Я предложил послать на место доверенное от министерства лицо вместе с нашим главным на-

блюдателем, дабы исследовать на месте положение дел и причины пререканий. Поездка эта состоялась, и представитель министерства, директор департамента, на месте убедился в справедливости многих жалоб наших. Для отвращения беспорядков на будущее время предположено устранить на местах постоянные совещания инспекторов с наблюдателями для соглашения о распределении школ того и другого ведомства. Но предположения эти еще не утверждены министерством.

Ныне управляющий министерством н[ародного]³⁴⁹ просвещения находится в Крыму, и я осмеливаюсь обратиться к Вашему Величеству с усерднейшей просьбой еще раз подтвердить ему неоднократно выраженное желание Ваше о необходимости искреннего согласия между двумя ведомствами о начальных школах.

Константин Победоносцев

9 ноября 1902 г.

Петербург

1905 г.

№ 5³⁵⁰

Смута, господствующая ныне в умах, мешает возможности успокоить мысль мою и обдуматься посреди всеобщего волнения и стремления к быстрым преобразованиям. Человек, как я, свидетель и во многом участник событий, совершавшихся в течение четырех царствований, падает в духе и теряется в разуме.

Позволяю себе, однако, обратить личное внимание Вашего Величества на крайнюю важность рассуждений, с такою быстротою происходящих ныне по предметам важнейших преобразований, связанных с вековой историей и русской Церкви, и русского государства. Быстрое и неглубокое их разрастание грозит опасностью подорвать самые основы, на коих зиждется вся жизнь государственная и народная.

Особливо сказать это должно о рассуждениях, клонящихся к уравниению вероисповеданий и к переменам в церковном устройстве...

...Наконец, и в особенности, должно опасаться возникающих попыток внести под предлогом свободы радикальные преобразования и в наше православное церковное управление. Верьте, Государь, что это может грозить опасностью и Церкви, и государству. Церковь всегда была опорой государству и государство – опорой Церкви: отделение Церкви от государства было бы гибелью и для Церкви, и для государства в России.

От древнего времени и древнего устройства общественного мы ушли далеко и не можем вернуться в XVII столетие. В последние его годы, годы смуты боярских, дворянских и церковных интриг из-за преобладания, дошло до того, что и власти церковные раскололись с государством. Петр, приступив к преобразованию всего государственного строя, видел, что так дальше идти не может дело при новых порядках, и учреждением Синода закрепил и упрочил связь Церкви с государством.

Зная историю, я всегда думал, что это было дело мудрое, благое и для Церкви, и для государства, а опыт всей моей деятельности за 25 лет в настоящей должности еще утвердил меня в этом мнении. Церковные дела и людей знаю близко, без пристрастия, и убежден, что основы этого учреждения должно охранять для блага России. Иначе при нынешнем потрясении умов – опять смута, гибельная для Церкви и для государства.

Между тем вчера в заседании Комитета министров, в коем я, по болезни, не присутствовал, г[осподин] председатель³⁵¹ заявил, что он, с соизволения Вашего Величества, имеет внести это дело в Комитет по предварительном объяснении с митрополитом³⁵², который сообщил ему самые вопросы, подлежащие обсуждению.

Однако обо всем этом неизвестно ни обер-прокурору С[вятейшего]³⁵³ Синода, ни самому Свят[ейшему]³⁵⁴ Синоду, так что представляется весьма странным подготовка столь

важного дела в неизвестности от лиц и учреждений, до коих оно и по закону, и по существу прямо касается.

Константин Победоносцев

2 марта 1905 г.

№ 6

Присутствующие члены Синода собирались уже 2 раза для обсуждения новых учреждений. Составляется постановление о собрании для сего Всероссийского Собора и будет представлено Вашему величеству.

Возбуждение этого вопроса крайне неблагоприятно в такую пору, когда по всему государству происходит смута, власти поколеблены и существующие учреждения колеблются.

В такую пору крайне опрометчиво поступил митрополит, возбудив этот вопрос по личному соглашению с председателем Комитета министров. Конечно, затруднительно будет в такую пору и собрание Собора, покуда смута не успокоится, а вместе с тем предстоит еще собрание выборных...

Предприятие направлено главным образом против должности обер-прокурора. И поэтому положение мое и товарища моего так затруднительно, что, отстаивая ныне существующий порядок, мы отстаиваем как бы самих себя в должностях своих. И в настоящую минуту мы сочли бы для себя своевременным совсем удалиться, но тогда же кто ж останется поддерживать порядок, пока он существует? Бороться нельзя с нахлынувшим, увы, безумным потоком. Горько думать, что он принесет для Церкви не утверждение, а разорение.

Но те, кто подняли его, когда-нибудь горько о сем пожалеют. Они не понимают в своем ослеплении, что при самодержавном правительстве особенно они останутся, и Церковь останется без защиты, когда не будет обер-прокурора, как ни назови его. Ведь он при Синоде представитель верховного ктитора Русской Церкви – Государя. Он не только обличитель, но и в особенности – защитник от обид, клевет и нападок, ходатай

перед царем и правительством о всех нуждах Церкви. Освободившись от мнимой опеки, как они говорят, обер-прокурора, они попадут уже беззащитно под длительную опеку всякой власти, всякого министра и губернатора, под опеку каждого ведомства, под опеку бесчисленных газет и журналистов, которые наполняют свои страницы воплями и сказками, и сплетнями на Церковь и духовенство; они утратят действительного своего защитника, доверенного от царя, соединенного с Синодом церковного человека.

И надо бы сказать правду: благодаря обер-прокурору в Синоде – мир; но ведь дружбы нет между нашими архиереями, и когда обер-прокурора не будет, они станут изводить друг друга наветами, интригами и враждою. Так было между ними в XVII и XVIII столетии, так и теперь будет.

Константин Победоносцев

19 марта 1905 г.

№ 7

Верьте, Ваше Величество, слуге и деятелю четырех царствований, близко видевшему дела и людей, ныне уже доживающему последние дни свои, верьте, что реформа церковная, изобретенная митрополитом, грозит таким умножением народной смуты, какого и нельзя было представить. Собор в настоящее смутное время принесет смуту, пусть бы он собрался после, в спокойную пору, и для всех вопросов церковных (как бывало прежде), а не для одного вопроса о патриархе. Между тем все газеты революционного направления ухватились за эту мысль о Соборе, почуяв в ней новый источник смуты, и раздувают ее со всех сторон.

Между тем весть об этой реформе распространилась по всем углам России. Кроме небольшого кружка некоторых здешних священников и монахов, профессоров, возбуждающих митрополита, простые русские люди и все белое духовенство, во множестве сельское с белым, возмущены до глубины души

и шлют отчаянные вопли, проклиная участников дела и называя их гапонцами³⁵⁵. Они испытали и знают, что архиерейское управление почти всюду наполнено неправды, хищений и самовластия. Все видели себе заступничество и прибежище в обер-прокуроре и теперь страшатся архиерейского всевластия.

Церкви и соединенным с нею учреждениям грозит разрушение, с ним поколеблется и вера. В течение 25 лет сколько создано благодетельных для Церкви и государства учреждений воспитательных и церковно-приходских, и учительских школ. Сколько в них воспиталось на деле людей, дельных, честных, знающих работников. Ими держится управление. Если где можно, то здесь надобно искать зачатков и элементов истинной русской культуры, которая пропадает везде. И теперь лучшие из этих людей с плачем приходят, теряя дух, и собираются бежать от новых порядков. Новых таких людей заведут и не воспитают наши архиереи. Зло готовится великое, великая в духовенстве смута.

Константин Победоносцев
25 марта 1905

№ 8

Наши иерархи, стремясь утвердить за собой мнимую свободу, в сущности, свободу самовластия, не думают и не понимают, какие беды для Церкви несет попытка их, если бы она удалась.

Нет сомнения, что уже теперь, когда огласилась эта недобдуманная попытка, поколеблен всюду, в белом духовенстве и в народе, авторитет иерархии. А когда б она удалась, он потеряет решительно и работающее по приходам духовенство опустит руки. Тогда откроется широкая дверь искусной и ловкой римско-католической пропаганде, давно уже простирающей свои виды на верующий народ в России³⁵⁶.

Рим вышлет нам целую армию свою, сильную единством вековой политики, вековым искусством и знанием, располагающую громадными средствами. Борьба с этой армией наше-

му духовенству не под силу. Не говоря уже о Северо-Западном крае и Холмском крае, где ныне и закон открывает свободу ксендзовской пропаганде, сила коей удвоена упорною враждою к России и к русскому человеку и упорным стремлением польской национальности. Но и вовнутрь России обратится запас религиозных и [не]православных сил, деятелей науки и воспитания, коих ныне выживает от себя французская республика, и все они устремятся уловлять и в обществе, и в юношестве, и в народе всех, у кого остается еще в душе неудовлетворенное смутное искание веры. Уже и теперь во французских и немецких журналах являются статьи, вызывающие ревнителей католичества на эту новую жатву, которая для них открывается.

Константин Победоносцев

30 марта 1905

№ 9

Не могу умолчать пред Вашим Величеством о тревожном положении церковного дела.

С каждым днем возрастает смута, возбужденная предприятием митрополита, имеющим характер какого-то заговора, направленного против сего строя церковного управления. Ощущали это отчасти и некоторые члены Синода, но под давлением председателя поспешили подписать постановление, представленное Вашему Величеству.

Между тем вся Православная Церковь в составе белого духовенства и народа объята негодованием и ужасом при мысли о возможности осуществления задуманного дела, и это нервное напряжение распространяется по всей России. В некоторых епархиях составляются союзы для направления всеподданнейших ходатайств о защите Церкви в канонических ее основах. В Москве составляется в сем смысле адрес узкого кружка из дворян, духовных и профессоров. Люди, издавна хранившие идею о Соборе Русской Церкви, и те приходят в ужас от мысли об открытии Собора в настоящее время и в

том виде, как предлагает его Синод. Многие газеты, вначале безумно присоединившиеся к проекту иерархов, начинают уже чувствовать ложь в постановке дела и переменяют тон из сочувствия к критике и реакции.

Все знают, что доклад Синода с 23 числа находится уже у Вашего Величества, и с нервным возбуждением спрашивают, неужели так и будет, неужели царь утвердит доклад на разрушение всего церковного строя? Это нервное возбуждение отражается на всем – на пастырском служении в приходах, на ходе уроков и экзаменов в духовных учебных заведениях и церковных школах, на толках во всех слоях общества, питаемых чудовищными слухами и странными рассказами. Это состояние какой-то неврастении, продолжение коего становится для всех невыносимо.

Государь! Необходимо, чтобы решительное царское слово положило конец этому невыносимому состоянию, внесло успокоение в умы, ввело текущее церковное управление в должные пределы, по крайней мере, на настоящее тяжелое время, переживаемое всей Россией. Все чувствуют, что именно теперь сознание какого-то неопределенного Собора для «учреждения патриаршества» было бы делом безумной необдуманности и внесло бы в народную жизнь величайшую и опаснейшую смуту – смуту церковную.

Необходимо подтвердить, что это дело в настоящую минуту невозможно. Это могло бы быть выражено для всех в высочайшей резолюции на доклад Синода в таком роде: «Признаю невозможным совершить в переживаемое ныне тревожное время столь великое дело, требующее и спокойствия, и обдуманности, каково созвание Поместного Собора. Предоставляю себе, когда наступит благоприятное для сего время, по древним примерам православных императоров дать сему великому делу движение и созвать Собор Всероссийской Церкви для канонического обсуждения предметов веры и церковного управления»³⁵⁷.

Константин Победоносцев

30 марта 1905

№ 10

Слава Богу! Резолюция Вашего Величества на докладе Синода произвела поистине благодетельное действие. Она сразу успокоила новую разрастающуюся смуту и подняла дух у множества людей, растерявшихся и в духовенстве, и во всех слоях общества, и в народе.

Царское слово сказано, и теперь пусть оно зреет в умах, в безмолвии. Посему смею думать, что предполагаемую аудиенцию митрополита у Вашего Величества «на днях» полезно было бы отложить на некоторое время. Слух о ней в ближайшие дни мог бы породить новые толки, в настоящее время неудобные.

Константин Победоносцев
3 апреля 1905 г.

№ 11

Простите, Ваше Величество, некоторое промедление и небрежность моих писаний. Написал, что можно, замечаний на-скоро. Но если б опровергать все, что определили в Комитете мин[истров]³⁵⁸, пришлось бы писать целую книгу об истории русского государства и русского народа, коей они не знают и знать не хотят. Боже, помилуй нас.

Вчера, когда принесли мне пакет, он застал меня в постели, куда доктор уложил меня. Я не в силах был сесть за работу и лишь сегодня, как стало полегче, написал прилагаемые листочки.

Когда в состоянии буду выехать, попрошу разрешения явиться к Вашему Величеству.

Константин Победоносцев
10 апреля 1905 г.

№ 11-а

*Замечания К. П. Победоносцева
по проекту Положения Комитета Министров
«Об укреплении начал веротерпимости»*

Ваше Величество изволите спрашивать не только краткое объяснение, но и мнение мое по поводу Указа. Задача трудная, ибо общий мой взгляд против Указа во всей его целости. Заседание Комитета министров суть пытка, невыносимая для всякой русской души, которой там духу нет и не слышно (разве один Лобко³⁵⁹). Слышны только безумные речи людей, не желающих знать ни истории, ни народа, речи вроде Ермоловских³⁶⁰, провозглашающих только какую-то голую свободу, стремящихся в несколько часов разрушить вековые учреждения, установленные для ограждения целости государства и внутреннего порядка. Нельзя и опровергать их, ибо ничего слушать не хотят и не допускают, а продолжают с нахальством давить и тушить всякие возражения, да их никто и не смеет делать – ссылаются на волю Государя, которой никто не знает в точности. Комитет министров не есть законодательное учреждение, однако он подносит на Высочайшее утверждение отмену закона и учреждений!

И так лишь по редакции Указа представляю на усмотрение Вашего Величества краткие мои замечания.

На 1 странице:

пункт 2 надо, по мнению моему, совсем исключить³⁶¹. Неприлично в Высоч[айшем]³⁶² Указе определять частные вопросы и мелкие подробности законодательства. А это совершенно частный вопрос и такой, какой в моей практике ни разу не встречался. А если бы встретился, может б[ыть] разрешен или Сенатом, или Госуд[арственным]³⁶³ Советом. Да и изложение этого пункта неточное и может возбудить недоумение.

На 2 странице:

п[ункт] 3 необходимо исключить³⁶⁴. Он очень опасен. Тут положена искра, которая разрастется в страшный пожар отпадения

массы русских людей и инородцев. Ведь есть уже 1-й пункт, отрицающий преследования за перемену веры, и заявлять больше ничего не нужно. Комитет министров не хочет знать, что отпадения лишь в редких случаях зависят от сознательного убеждения. А на окраинах наших они совершаются без всякого убеждения, давлением на массу. Давлением от помещиков, чиновников, ксендзов, там, где прошла рука польского владычества, как в Сев[еро-]Зап[адном] крае, на массу, состоящую в материальной зависимости. А на Востоке полный разгул будет муллам и бродячим проповедникам. Тысячи и десятки тысяч инородцев разом увеличат мусульманскую массу и дадут ей неизмеримую силу давления и громадную силу политическую. Хоть бы подумали, что значит ислам и что значит массу русских людей превратить в поляков.

«Б», п[ункты] 1–4³⁶⁵. Все эти постановления сделаны без всякого соображения с существом раскола, с различием сект и со всей историей раскола и церковных на него воздействий. Все-го этого они не знают и знать не хотят, а только проводят всюду невежественный аргумент какого-то уравнивания, все это надлежало бы отнести к работе законодательной, поместив в Указе лишь общие начала.

При последующем же обсуждении установлены будут такие законы, кои окажутся невозможны в исполнении или повлекут за собой незаконное давление одной части населения на другую.

Но уже всего этого не поправить.

Из 3 п[ункта]³⁶⁶ необходимо выключить слова: «причем часть из них приемлет» и пр.

В п[ункте] 4³⁶⁷ дается страшное право, коего не знала Православная Церковь, дается широкое... [неразборчиво]³⁶⁸ распространение самых диких суеверий и разврата. И это и на стран[ице]³⁶⁹ 3.

П[ункт] 6³⁷⁰ следовало бы отдать к законодательному обсуждению.

Стр[аница] 3. П[ункт] 7³⁷¹. Не подумали о последствиях. Привилегия освобождения от призыва на военную службу – обидная для православного народа. Она не обставлена никаки-

ми ограничениями, напр[имер]³⁷², не определено число «настоятелей и наставников» и никакого ценза для них не установлено. Тогда в это вновь создаваемое привилегированное сословие ползет масса людей совершенно невежественных и диких. Легко понять, что из сего будет.

В конце 7 пункта вместо слов «без употребления однако и пр.» следовало сказать хотя бы так: «причем присвоение им епископского сана и звания ни в коем случае не допускается».

Это должно быть безусловно. Нечего и поминать о люде, стоящем во главе духовного союза. Это значило бы от лица правительства создавать иерархию раскольников.

А сколько роковых ошибок в этом смысле сделано в прежнее время созданием ламаистской и мусульманской иерархии!

В п[ункте] 8³⁷³ следовало бы исключить слова «когда не будет возбранено законом». И весьма неудобно пользоваться их вперед, когда закона нет. И всю последующую фразу надобно исключить. Это значит признать их в качестве священников и духовников! И нельзя забыть, кто эти наставники – безграмотные мужики. Да и в этом же пункте можно ли наименовать их духовными лицами! Ведь вся раскольничья мудрость – в буквальном знании старых полемических, нередко рукописных книг. Ведь о Евангелии, основании веры, они не имеют понятия. А не учить еще! Можно сказать, что у них будут начальные школы – пустое слово, ибо какие же будут там законоучители!

Стр[аница] 4. П[ункт] 12³⁷⁴тоже о метрических записях. Зачем говорить, когда нет еще «особых правил». И можно ли довериться этим записям у неграмотных, и когда нет правил и контроля, и нет иерархического правления.

Боже! Как все это легкомысленно и невежественно! «Распечатать!» Слава Богу, что Ваше Величество сделали прибавку. Ради Бога, так пусть и будет или так, без кроме «не применять, однако, это разрешение к запечатанным алтарям в храме московского Рогожского кладбища и к тем», коих закрытие и пр.

И не дивно ли, что Комитет м[инистров]³⁷⁵ постановил это, не спросив даже отзыва митрополита Московского, к области коего главным образом этот вопрос относится.

Стр[аница] 5. «Б»³⁷⁶. Тут нечто небывалое в Высочайшем Указе. Царское слово должно быть просто и понятно для слуг. А тут ссылки на статьи, как надо отметить или означить, и даже на непонятный для чиновничьего народа раздел «Б», пункт 9 и пр[очее] сего Указа. Ведь такие ссылки последуют в Госсовет, в руководстве министрам и канцелярии, а для всех остальных – это тарабарская грамота! Можно ли и согласно ли с достоинством царской власти наполнять этими канцелярскими указаниями Высочайший Указ! Никогда еще не бывало подобного.

Следует это переделать и без этих ссылок поместить общую фразу о предметах, по коим требуется работа министров. Впрочем, если и совсем выпустить это «Б» – потери не будет. Это дело само собой разумеется во исполнении Высоч[айшего]³⁷⁷ Указа.

Стр[аница] 6³⁷⁸. 11-я фраза крайне неточная. Нельзя сказать: «принять меры к отмене». Требуется обстоятельная работа министров для разработки нового закона. Нельзя забыть, какое губительное влияние может иметь в службе государственной и общественной сектант, поставленный во власти! В общественной уже с них сняты ограничения и надобно знать, какой от сего вред, когда в селе староста или старшина раскольник! А... [два слова неразборчиво] вся Дума состоит из молокан, и бедная Церковь не знает куда деваться, стесненная со всех сторон.

Предлагается еще какое-то Особое Совещание. Не лучше ли поручить ему рассмотрение тех законодательных вопросов, кои так легкомысленно (Боже! Я сказал бы так преступно и глупо) решает Комитет министров волею председателя!

Стр[аница] 7. П[ункт] 1³⁷⁹. В конце я сказал бы: не «могут быть», но должны быть установлены в законодательном порядке.

П[ункт] 2³⁸⁰. «При наступлении указанных ныне условий». Каких это – не видно ясно.

В губерниях Царства Польского. Прежде говорили в «Привислянских», и не следует забывать, что в числе сих губерний старый русский Холмский край, а главное, зачем тут вставлены эти пункты 2–7? Вероятно, для того только, чтобы разом заранее подменить вопросы. Между тем те же самые вопро-

сы теперь обсуждаются в Комитете министров, но в 7 п[ункте] Высоч[айшего]³⁸¹ Указа и еще не решены!

Это недобросовестно и неприлично. Во всяком случае, к той же цели все как можно скорее клонит вставляемая всюду фраза «без сношения с ведомством»³⁸². Зачем это?

Между тем в этих 7 пунктах собраны, указаны и как бы закреплены заранее, с указанием подробностей, важнейшие предметы, крайне предосудительные для Православной Церкви, и о церковных братствах! Хотя бы ограничились указанием предметов, а не подробностей. А тут вмещены без разбора все предметы, помещенные в записках католиков и поляков, кои были разосланы членам Комитета министров.

Такого Указа еще не бывало! Во всяком случае, надлежало бы, призвав заведующего канцелярией бар[она] Нольде³⁸³, поручить ему по указаниям исправить редакцию!

Константин Победоносцев

[ПРЕДЛОЖЕНИЯ СВЯТЕЙШЕМУ
ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СИНОДУ ПО ВОПРОСУ
О ПЕРЕМЕНАХ В ЦЕРКОВНОМ УПРАВЛЕНИИ]³⁸⁴

Ведомство православного исповедания
Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода
Отделение II. Стол 3. 28 июня 1905 года. № 100.
Санкт-Петербург.

Распубликованию не подлежит

Святейшему Правительствующему Синоду

Предложение

Согласно Высочайшей резолюции на всеподданнейшем докладе Святейшего Синода о созвании Собора епархиальных епископов для учреждения Патриаршества и для обеспечения перемен в церковном управлении, следует признать предложение Синода о созвании Собора Высочайше одобренным. Но

Его Величеству благоугодно было предоставить Себе созвать Собор Всероссийской Церкви для канонического обсуждения предметов веры и церковного управления, «когда наступит благоприятное для сего время».

Хотя невозможно в настоящую минуту определить время, когда станет по Высочайшему усмотрению возможным созвание поместного Собора Всероссийской Церкви, но ожидание события столь чрезвычайной важности требует ныне же, заблаговременно, подготовительных к нему трудов, кои по важности своей и многосложности должны занять немалое время.

Намеченное определением Святейшего Синода от 18–22 марта с[его] г[ода] в самых общих чертах переустройство всего церковного управления, сложившегося в двухвековой период Синодального Управления, представляет великую реформу, объемлющую духовную жизнь всей страны, и возбуждает множество самых серьезных и важных вопросов, требующих предварительной обширной разработки, которая может быть совершена только при содействии людей, глубоко осведомленных с историей Церкви вообще и существующим положением нашего церковного управления и притом стоящих на высоте разумения церковных и государственных интересов в их взаимодействии. Само созвание Поместного Собора нуждается в точном определении на основании канонических постановлений и церковной практики, его состава, в установлении порядка рассмотрения и разрешения дел Собором и организации при нем временного руководственного и подготовительного органа работ. Участие на Соборе представителей клира и мирян, если таковое признать было необходимо, вызывает чрезвычайно трудный и сложный вопрос о выработке такого порядка для избрания представителей, который при применении его не вызывал бы неудовольствия, неудобств и затруднений. В числе вопросов, подлежащих, согласно определению Святейшего Синода от 18–22 мая сего года, рассмотрению и разрешению всероссийского Собора, поставлено на первом месте разделение Русской Церкви на округа под управлением митрополитов с предоставлением им права созывать областные Соборы и с

передачей в их ведение из высшего церковного управления дел второстепенной важности. Областные автономные церковные управления в первые века Христианства вызывались множеством разнообразных условий: разноплеменностью и обширностью областей, неудобством сообщения между ними, исторической обособленностью Церквей, опирающиеся на высокий авторитет первых насадителей Христианства и др[угое]. До объединения всей России под скипетром Российских Императоров существовали отдельные области церковного управления на территориях Московского государства, Западного края и Кавказа. В настоящее время у нас нет областных автономных представителей церковного управления. Тем не менее, нельзя отрицать существования и поднесь особенных задач, подлежащих церковному управлению в разных территориях Империи и служащих жизненным основанием к установлению областных или окружных автономий. Такая особенность задач не может быть отвергаема во всем Западном крае, представляющем обширное поприще для охраны Православия в борьбе с иноверием, в восточных губерниях и областях России, где еще множество инородцев ожидает света Христова и где пропаганда ислама вызывает к неутомимому христианскому деланию под одним общим систематичным руководством областного представителя Церкви, и, наконец, на Кавказе, где еще доселе сохранилась память о независимой Церкви грузинской и где также обширное поле для христианской проповеди среди населяющих его чуждых Христианству племен. Но восстановление отдельных церковных областей и в территориях, в коих имеются к тому исторические и жизненные основания, требует весьма серьезного рассуждения, и прежде всего необходимо тщательно обсудить, не будут ли автономии эти находиться в противоречии с началом государственного единства, способствуя возрождению идей о культурной и политической обособленности наших окраин в Западном крае и на Кавказе.

Следующий вопрос, намеченный синодальным определением для разрешения Поместного Собора, о пересмотре законоположений о существующих органах епархиального управле-

ния и суда и преобразовании оных согласовать с каноническими соборными началами. В настоящее время органом епархиально-го управления служит духовная консистория, представляющая администрацию – судебное учреждение. О выделении из консистории церковного суда и об организации его в соответствии с церковными канонами и с началами гражданской судебной реформы, завершившейся изданием Судебных Уставов 20 ноября 1864 года, предприняты были в Святейшем Синоде, около тридцати лет тому назад, обширные работы с участием в них представителей нашей иерархии и гражданского судебного ведомства. Выработанный по этому предмету проект предписаний с многочисленными отзывами епархиальных преосвященных и других лиц восходил на рассмотрение Святейшего Синода, но дальнейшего движения не получил. Уместно теперь вспомнить об этих работах единственно с тем, чтобы ввиду возбужденного ныне общего вопроса о преобразовании епископского управления и суда было обращено на них внимание как на материал, который не излишне использовать, насколько возможно, для выработки подготовительных предположений, подлежащих рассмотрению Собора. Как учреждения административные, консистории с присутствиями из членов, постоянно отвлекаемых от епархиальных дел исполнением своих прямых священнослужительских обязанностей, и канцелярией из недостаточного числа скудно обеспеченных и большей частью мало подготовленных к службе чиновников, при соблюдении устаревших форм делопроизводства обременены формальным письменным производством. Параллельно с консисториями с последней четверти прошлого века во всех епархиях возник целый ряд новых епархиально-административных учреждений, совершенно обособившихся от консисторий, каковы Советы и Правления по делам епархиально-училищным, миссионерским, братским, епархиальных съездов, вспомогательных и эмеритальных касс, свечных заводов и др[угого]. Все эти учреждения объединяются в лице епархиального епископа. Но при разнообразии и обособленности сих учреждений одному епископу без посредствующего органа, соображающего всю совокупность дел и интересов

епархиальных учреждений, крайне затруднительно направлять их к правильному и согласованному действию. Таким образом возникает вопрос, требующий предварительной разработки, об организации такого действенного епархиального органа епископской власти, который объединял бы в своем ведении всю область епархиального управления.

При этом необходимо иметь в виду, что при настоящем положении Государственного Казначейства ни о каком воспособлении к ассигнованным средствам на содержание епархиального управления не может быть речи.

За сим в порядке синодального определения следует вопрос о благоустройстве прихода в религиозно-нравственном, просветительском и благотворительном отношениях. Вопрос этот подвергался рассмотрению в бывшем Высочайше утвержденном присутствии по делам православного духовенства. Но в то время признано было возможным ограничиться установлением действующего доселе положения о приходских попечительствах, коим предоставлено приходам попечение о поддержании церквей, наилучшем обеспечении причтов и об устройении просветительских и благотворительных учреждений. Высочайше утвержденная 12 июня 1890 года инструкция церковным старостам, коею дана организация общему собранию прихожан для выбора церковных старост и представителей прихода при ежемесячной проверке церковных сумм, а также для суждения о некоторых церковных нуждах, представляет дальнейший шаг вперед к участию приходов в делах церковно-приходских. В настоящее время многими просвещенными ревнителями Церкви признается, что благоустройство приходской общины на основании общего о сем положения, с правом юридического лица и автономного заведования всеми делами приходов, при посредстве местного органа из прихожан содействовало бы оживлению и обновлению не только церковной жизни в приходе, но и вообще народных сил в России. По мнению помянутых ревнителей, следует предоставить приходским общинам не только заведование материальными нуждами церкви, призрения и просвещения, но и само избрание кандидатов клира и распоряжение всем церковным до-

стоянием. Так как устройство на этих началах приходских общин касается всего существующего уклада церковной жизни вообще, то вопрос этот требует всесторонней разработки как в отношении организации приходской общины, ее прав по заведованию делами прихода и ее положения в области епархиального управления, так и в отношении возможности и порядка осуществления этой реформы в разных местностях России, без потрясения и вреда для существующих церковных учреждений, содержимых на церковные средства. Без сомнения, это дело первостепенной важности для благосостояния как Церкви, так и государства.

По вопросам об усовершенствовании духовно-учебных школ, предположенному к рассмотрению на Соборе, справедливо припомнить, что духовно-учебные заведения до второй половины прошлого века отличались устойчивостью учебной и воспитательной постановки, хотя и вызывали нарекания на устарелость и схоластичность приемов обучения и суровость дисциплины, тем не менее выпускали оканчивающих в них курс с весьма развитым мышлением, чрезвычайной трудоспособностью и добрым направлением воли. Из воспитанников духовно-учебных заведений того времени можно указать значительное число замечательных многопользных деятелей на всех поприщах церковного, государственного и общественно-го служения. Введенная затем в духовно-учебные заведения многопредметность с обширными программами, требуя не столько размышления, сколько механического усвоения, и постоянная, особенно в последнее время, перемена начальствующих лиц, для которых учебная служба стала как бы этапом на пути к дальнейшему служебному повышению, неблагоприятно отразилась на состоянии духовно-учебных заведений. Большая сумма знаний, наскоро приобретаемых по учебникам, односторонне развивает преимущественные способности усвоения, но не делает общего умственного развития, а частые изменения воспитательных приемов, зависящие от перемен начальствующих лиц, вызывают расстройство дисциплины, выразившееся в последние годы многочисленными беспорядками в духовно-учебных заведениях. Такое положение духовно-учебной части

действительно требует тщательно обдуманых мероприятий. Помимо того, нельзя не обратить внимания, что значительное число обучающихся в духовно-учебных заведениях и часто из лучших воспитанников по окончании учебного курса поступают на службу, не имеющую ничего общего с духовным ведомством. Утрата эта особо тяжела для отдаленных епархий Сибири, где ежегодно остается значительное число незамещенных священнических вакансий. Никакие принудительные меры, как показал опыт, не могут оградить духовное ведомство от этих потерь. Неизбежно поэтому возникает вопрос об устройстве таких богословских училищ с сокращенным общеобразовательным курсом, которые служили бы исключительно для приготовления кандидатов на священно-церковнослужительские должности с допущением в эти училища детей, прошедших курс церковно-приходской школы, без различия сословий.

Из всех предметов, подлежащих соборному рассмотрению, менее сложным представляется пересмотр законов, касающихся порядка приобретения Церковью собственности. Очевидно, в настоящем случае возбуждаются вопросы об отмене того ограничения права приобретения не только церквами, но и монастырями и архиерейскими домами недвижимой собственности, которые выражены в законодательстве гражданском и о состоянии, и которые обязывают на приобретение недвижимости путем купли, дара или пожертвования испрашивать Высочайшее соизволение. На протяжении многих лет нельзя припомнить случая, когда бы ограничение это являлось препятствием к совершению актов укрепления на приобретаемое имущество. Но ограничение это, обязывающее епархиальное и центральное Синодальное управление входить в рассмотрение этого рода дел, ограждает церкви и монастыри от приобретений ненужных, невыгодных, спорных и т[ому] п[одобного]. Ввиду этого представляется целесообразным с отменой существующего ограничения, если бы это признано было желательным, установить такой порядок разрешения на приобретение собственности, который обеспечивал бы осуществление этого права в интересах для церквей. Не излишне было бы обратить внимание при пересмотре законов

о приобретении собственности церквами на следующую аномалию: закон: Т. X, Ч. I. Зак[онов]. Гражд[анских]. изд[ания]. 1900 г. ст[атья] 698 не признает за духовенством как сословием прав юридического лица по приобретению недвижимого имущества. Посему во всех тех случаях, когда для духовенства настоит надобность в приобретении в полную собственность для его нужд и на его средства недвижимого имущества, это имущество приходится укреплять не за действительным приобретаемым – духовенством, а за фиктивным – епархиальным начальством или учебным заведением, имеющим права юридического лица. Настоит надобность в обсуждении вопроса о предоставлении духовенству помянутых прав.

Относительно епархиальных съездов, находящихся также в числе предметов, подлежащих соборному рассмотрению, настоит действительная надобность в установлении на основании опыта определенных границ для их деятельности и указании им надлежащего места и значения в ряду епархиальных учреждений. Возникшие на основании семинарского устава 1867 года³⁸⁵ специально для удовлетворения нужд семинарий, мужских и епархиальных женских училищ, съезды вскоре принуждены были выйти из этих тесных границ и, по указаниям епархиальных преосвященных и по требованиям самой жизни, принимать к своему суждению общеeparхиальные материальные нужды. Таким образом, съездами изыскивались и изыскиваются средства для удовлетворения нужд не только духовно-учебных заведений, но и других епархиальных потребностей – миссионерских, благотворительных и церковно-хозяйственных. Благодаря съездам возникают во многих епархиях эмеритальные, взаимопомогательные и ссудосберегательные кассы, свечные заводы, склады для разных предметов церковного обихода: вина, масла, ладана, утвари, облачений и пр[очего]. Но вместе с тем нельзя не указать на то, что по многим епархиям съезды, вовлеченные в сферу общеeparхиальных нужд, присвоили себе право полномочных хозяев, позволяющих себе не только устанавливать разные обязательные сборы и облагать ими церковные доходы, но даже распоряжаться эксплуатацией церковных оброчных статей. Не-

которые из епархиальных преосвященных, пользуясь прибытием на съезд священнослужителей из разных местных епархий, часто самых захолустных, вступают с ними в собеседование и по религиозно-нравственным вопросам, оказывая таким образом непосредственное архипастырское на них воздействие и в то же время сами знакомясь с такими явлениями приходской жизни, которые недоступны наблюдениям при епископских объездах епархий. Важность такого живого и взаимного обмена епископа с пастырями вообще для церковного управления в епархиях несомненна. Ввиду этого возникает вопрос о том, не следует ли присвоить епископским съездам значения вспомогательного при епископе органа не только по вопросам о материальных, но и религиозно-нравственных нуждах.

Что касается вопроса об участии священнослужителей в общественных учреждениях, то по действующим положениям, городскому и земельному, согласно с заключением Святейшего Синода, представители клира могут принимать участие в городских и земских учреждениях только в качестве депутатов епархиального начальства. Члены причта не могут участвовать в выборе гласных и сами быть избираемы ими, хотя бы и обладали требуемым для сего цензом. Право на участие в сельских сходах духовенству также не предоставлено. Только положением в войсковом управлении в казачьих войсках духовенству дано право участия в станичных сборах по делам, касающимся интересов церковных. Святейший Синод обыкновенно отклонял неоднократные ходатайства о привлечении членов причта в состав учреждений, ведающих исключительно мирские дела. Но не следует упускать из вида, что в воззрениях на вопрос об участии духовенства в городских, земских и сельских общественных учреждениях существуют два совершенно противоположных течения, имеющие убежденных сторонников из числа представителей церковного управления и богословской науки. По одним, такое участие, вводящее пастырей церковных в круговорот мирских дел, совершенно несогласно с прямыми обязанностями и вечными началами пастырского служения. По другим, участие в общественных учреждениях пастырей

Церкви, которым не должны быть чужды и мирские нужды своих пасомых, открывает широкое поприще для проведения в этой области чистых христианских начал и для утверждения своего нравственно-просветительного влияния. Но вопрос этот, казалось бы, может получить правильное разрешение не на одних теоретических основах, а на существующих условиях действительной жизни и взаимоотношений.

Изложенным очерком вопросов, подлежащих рассмотрению Всероссийского Собора, по-видимому, исчерпывается ряд предметов, указанных в определении Святейшего Синода от 18–22 марта сего года для соборного обсуждения. Но по прямому смыслу Высочайшей резолюции на всеподданнейшем докладе о созвании Собора каноническому обсуждению его подлежат и предметы веры, о коих в синодальном определении не дано никаких указаний. Между тем и в этой обширнейшей области предметов, относящихся к познанию, утверждению и очищению от разных заблуждений православной Христианской веры, ожидается разрешение высшей церковной власти на многие вопросы, которые ближе всего известны самим представителям высшего церковного управления. Если бы Святейшим Синодом признано было желательным предложить на обсуждение Поместного Собора хотя некоторые, наиболее настоятельные из сих вопросов, то для уяснения их также необходима предварительная разработка при содействии представителей богословской науки³⁸⁶.

Надо предполагать, что на Соборе обнаружатся попытки к возбуждению вопросов, помимо намеченных Святейшим Синодом. Один из таких вопросов можно и теперь предвидеть – это вопрос о положении Православной Церкви в отношении к старообрядцам, сектантам и иноверцам по изданию Высочайшего указа 17 апреля сего года о веротерпимости. Посему желательным было бы предварительно установить, могут ли быть и в каком порядке возбуждаемы подобные вопросы.

Имею честь предложить о сем на благоусмотрение Святейшего Синода.

Обер-прокурор К. Победоносцев

Исп[олняющий] об[язанности] директора В. Яцкевич

Терпимость и равнодушие в вероисповедных вопросах

РУССКИЕ ЛИСТКИ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ

I

Лионские гражданские похороны

Недавние прения, происходившие во французском законодательном собрании по поводу циркулярного предписания ронского префекта относительно похоронных процессий, обнаружили обстоятельство, которое можно по справедливости отнести к числу печальных признаков нашего времени.

Распоряжение префекта, возбудившее такой взрыв негодования в законодательном собрании, состоит в следующем. Вместе с извещением о чьей-либо смерти полиция должна быть извещаема и о том, будет ли сопровождать похоронную процессию духовное лицо одного из признанных государством вероисповеданий; если не будет, то похороны должны проходить не иначе, как в 6 часов утра летом или в 7 часов утра зимою, и процессия должна проходить не по большим улицам, а дальними путями. Это распоряжение, которое отстаивал министр вероисповеданий г[осподин] Беле³⁸⁷, представилось большинству собрания явным нарушением свободы вероисповедания. Во всяком случае, распоряжение это мало обдуманно: в настоящем его виде под него подошли бы, например, похороны православного, если Православная Церковь не принадлежит к числу признанных государством.

Но министр, объясняя это распоряжение, указал на замечательные явления, происходящие вот уже 2 года в Лионе. В Лионе образовалось так называемое «Общество свободно мыслящих», поставившее себе целью вытеснить участие

Церкви и духовных лиц отовсюду, а в особенности при рождении, при браке и при смерти, то есть в те самые важные минуты жизни, когда участие Церкви необходимо для верующего. Утвердившуюся в обществе привычку к церковному обряду Общество предположило вытеснить другою, противоположною привычкою и принялось действовать в этом смысле со всем жаром, свойственным фанатизму неверия. Общество обладает капиталом, который предназначен на покрытие издержек для достижения цели и для пропаганды, которая составляет главный предмет деятельности каждого члена. Каждый член обязывается всячески стараться об умножении лиц, свободных от «богословского суеверия» и держащихся одного гражданского обряда; каждый член обязан под опасением штрафа присутствовать на всякой гражданской церемонии, какая дойдет до его сведения. Но в замену крещения не придумано еще необходимого гражданского обряда; гражданский обряд брака совершается независимо от церковного и не устраняет его; только по случаю смерти совершается по необходимости церемония выноса и погребения, в которой непременно явственно присутствие или отсутствие церковного элемента: вот почему деятельность Общества обратилась исключительно к умножению так называемых *гражданских* похорон. Похороны нельзя сочинить напоказ, для них необходимо мертвое тело. И вот лионские вольнодумцы принялись по иезуитской методе подбирать не только живых, но и мертвых в свою новую веру. Требуется выказать перед публикой как можно больше приверженцев этой веры, для этого Общество стало *покупать* себе мертвых, пользуясь равнодушием или бедностью родственников. Были тоже случаи, что вдовы продавали обществу покойных мужей, дети – покойных родителей, родители – младенцев, умерших вскоре после рождения. Случалось, что этим способом предаваемы были гражданскому погребению люди самые благочестивые и усердные к Церкви при жизни. Всякий раз на такие похороны собираются, по уставу, все члены Общества; образуется процессия, доходящая до 4000 и более человек, двигается к

кладбищу торжественно по самым людным улицам, среди белого дня, и если случится ей встретить церковную процессию, то последняя подвергается оскорблениям и насмешкам. В течение двух месяцев в Лионе происходило в последнее время 107 таких гражданских похорон к великому соблазну католического населения.

Ввиду такого явления есть над чем призадуматься современному человеку. Если б это было отдельное явление, можно было бы принять его за особый вид безумия, коллективно проявляющегося. Но таких явлений накапливается уже очень много. И в общественной жизни, и в беседе, и в литературе, и в науке, и даже иногда в деятельности людей, во власти сущих, пробивается дикое, безумное стремление к пропаганде безверия всеми путями; и одно из особенных орудий этой пропаганды есть *насилие*, насилие слепой мысли, презрительного тона, насмешки, ловкой диалектики, даже в крайнем случае – насилие материальное. Бедное человечество пережило уже столько фанатизмов всякого рода и всевозможных гонений за веру! Сначала реформация обещала торжественно водворить терпимость веры и сама, запутавшись в сочиненных началах, принялась придумывать и оправдывать новые, тонкие виды умственного, нравственного и материального преследования за веру, оправдывая себя разве тем, что слепое верование должно уступить верованию *рассудочному*! Потом революция XVIII столетия обещала всем терпимость и свободу и с первой минуты и донныне продолжает себя и всех с собою обманывать. Потом объявили нам, что XIX столетие есть век просвещения и свободы во всем: многие простаки так и поверили, не умея различить равнодушия к вере от терпимости в веровании. И вот доходит уже иной раз до того, что простому человеку негде места найти со своею простою верой. А на горизонте виднеется туча, от которой страшно становится, потому что мы не видывали ее прежде. Это фанатизм *безверия* и *отрицания*. Это отрицание Бога, не простое, но соединенное с безумною *ненавистью* к Богу и ко всему, что в Бога верует. Дай Бог никому не дожить до той поры,

когда фанатизм этого рода войдет в силу и получит власть вязать и решить совесть человеческую.

II

В протестантских храмах

Протестанты ставят нам в упрек формальность и обрядность нашего богослужения; но когда помотришь на их обряд, то невольно отдаешь и в этом отношении предпочтение нашему обряду; чувствуешь, как наш обряд прост и величествен в своем глубоком таинственном значении. Священнослужитель поставлен в нашем обряде так просто, что от него требуется только благоговейное внимание к произносимым словам и совершаемым действиям; в устах его и через него священные слова и обряды сами за себя говорят, и как глубоко и таинственно говорят душе каждого и соединяют все собрание в одну мысль и в одно чувство! Оттого самый простой и неискусный человек может, не подстраивая себя, не употребляя искусственных усилий, совершать молитвенное действие и вступить в молитвенное общение со всей Церковью. Протестантский молитвенный обряд при всей наружной простоте своей требует от священнослужителя молитвенного действия в известном тоне. Оттого в этом обряде только глубоко духовные или очень талантливые люди могут быть просты; остальные же, то есть огромное большинство, принуждены подстраивать себя и прибегать к аффектации, которая именно в протестантских храмах чаще всего встречается и производит на непривычного человека тягостное впечатление. Когда я вижу здесь проповедника, когда он, стоя посреди храма, лицом к размещенному чинно на скамьях собранию, произносит молитвы, воздевая глаза к небу, сложив руки в известный всеми употребляемый вид, и придает своей речи неестественную интонацию, мне становится неловко за него; думается, как должно быть ему неловко! Еще ощутительнее становится неловкость, когда, окон-

чив обряд, он всходит на кафедру и начинает свою длинную проповедь, оборачиваясь от времени до времени назад, чтобы выпить из стакана воды и собраться с духом. И что за проповедь! Редко случается слышать в ней действительно живое слово, когда проповедник – действительно духовный человек или талант. Говорят большею частью работники церковного дела чрезвычайно натянутым голосом, с крайнею аффектацией, с сильными жестами, поворачиваясь из стороны в сторону, повторяя на разные лады общие, всеми употребляемые фразы. Даже когда читают по книге, что нередко случается, они прибегают к известным телодвижениям, интонациям и расстановкам. Нередко случается, что проповедник, прозвонив некоторые слова и фразы, кричит и ударяет кулаком по кафедре, чтобы придать выразительность своей речи... Нет, здесь чувствуешь, как верно применилась наша Церковь к природе человеческой, не поместив проповеди в состав богослужебного обряда. Весь наш обряд сам по себе составляет лучшую проповедь, тем более действительную, что всякий принимает ее не как человеческое, а как Божие слово. И церковный идеал нашей проповеди как живого слова есть учение веры и любви от Божественных писаний, а не возбуждение чувства как необходимое действие каждого священнослужителя на собравшихся в церковь для молитвы*.

В.

III

Вестминстерское аббатство

В Лондоне на всяком шагу встречаешь явления и учреждения, исполненные величайшего интереса; но ничто не привлекает моего внимания, ничто не возбуждает мысли и воображения так, как Вестминстерское аббатство³⁸⁸. Едва ли найдется в числе европейских храмов другой подобный, в ко-

---

* Текст, выделенный курсивом, опубликован в «Московском сборнике» в разделе «Церковь».

тором соединялось бы столько исторических воспоминаний и который служил бы таким полным выражением национальной истории. Впрочем, между храмами эта церковь занимает совершенно особое место. Это скорее палладиум истории, нежели храм, посвященный богослужению, и в Вестминстерском аббатстве для стороннего посетителя мало места тому цельному религиозному впечатлению, которое овладевает душою в знаменитых соборных храмах Европы. Красота старого готического стиля и во внешнем виде древнего здания, и во внутренней отделке несравненная; но и в этом отношении архитектура храма действует на душу иначе, чем в старых готических соборах Германии, Франции и той же Англии: там чувство уносится вверх, под высокие стрельчатые своды, разом сосредоточиваясь под влиянием общего цельного впечатления. Здесь нет возможности при самом входе в храм обнять его разом и принять сразу цельное впечатление. Надобно переходить из одной части храма в другую, но каждая сама по себе так прекрасна, все вместе так соответствуют между собою характером архитектуры, что впечатление остается у зрителя цельное, глубокое, полное. Притом весь храм есть огромное кладбище и громадный памятник истории многих столетий. Часовни его наполнены гробницами старых королей Англии, стены его покрыты, точно гнездами, памятниками и бюстами, напоминающими множество великих имен, с которыми с детства сжилось воображение.

Когда я в первый раз обошел этот храм, мною овладело неиспытанное до тех пор чувство, которое можно, пожалуй, назвать чувством восторга исторического и эстетического. Я думал, что это действие первого впечатления, но, вернувшись в Лондон через несколько лет после того, убедился в том, что первое впечатление не обмануло меня: с каждым разом оно становилось глубже и полнее и влекло снова и снова к тому же месту. Целые часы можно проводить в Вестминстерском аббатстве, любуясь его подробностями, осматривая памятники, отдыхая подолгу в том или другом углу с историческою душой. Так здесь тихо и уютно любоваться и думать.

В праздничный день приятно быть в Вестминстерском аббатстве на утреннем богослужении, которое совершается с особенною торжественностью. Поет – и поет прекрасно – большой хор учеников второй Вестминстерской школы; служит часто сам декан Вестминстерский, знаменитый Стенли³⁸⁹, и говорит красноречивую проповедь. Служебник Англиканской церкви составлен очень хорошо, с сохранением многих древних молитв, которые произносятся или служащим от лица собрания, или всем собранием; общим хором поются гимны на известные напевы с аккомпанементом органа, который дает тон пению. Утреннее богослужение начинается общим исповеданием грехов, которое произносится всем собранием на коленях по печатной формуле, затем следует общее отпущение грехов, произносимое священнослужителем. Потом все читают молитву Господню, служащий произносит возгласы и молитвы, вроде наших ектений, на которые народ отвечает не хором, а общею скороговоркой; читаются или поются псалмы и другие молитвы, прерываемые очередными чтениями из Ветхого и Нового Завета; поются гимны и «Тебе Бога хвалим». Все это совершается в тишине и невозмутимом порядке, с соблюдением всевозможного благоговения, что производит самое благоприятное впечатление на стороннего посетителя. Но православный не может не заметить, что это богослужение, при всей своей стройности, крайне однообразно, холодно, сухо. Необходимым, существенным дополнением к нему служит проповедь; но кому случалось часто посещать англиканские храмы в городах и в деревнях, тот, конечно, согласится, что проповедь, по большей части, мало служит к оживлению богослужения. Талантливые проповедники составляют здесь, как и повсюду, исключение, но без проповеди нельзя обойтись, и проповеди в массе крайне вялы, скучны, однообразны, наполнены повторениями и натянутыми фразами. Притом они непомерно длинны, и не диво, что многие дремлют в ожидании конца, но все остаются в церкви до конца, подчиняясь безропотно установленному порядку.

В большом соборе, каков Вестминстерский, приятнее всего иноверцу присутствовать на богослужении еще и потому, что здесь свободнее доступ к местам, и возможно всякому приходящему сесть, где вздумается; следовательно, нет того распределения людей по местам, которое так неприятно поражает иноверца в англиканских церквах. Православному же человеку решительно невозможно свыкнуться с этим обычаем, составляющим поистине позор для Церкви, в которой он водворился. Странно представить себе, что здесь места в церкви покупаются. Когда мне в первый раз захотелось в праздничный день пойти в церковь в одном провинциальном городе, я с удивлением прочел в местной газете объявление, что для получения места в церкви посторонние могут обращаться к такому-то лицу. Я должен был заплатить за свое место шиллинг. Как же ходить в церковь бедным людям? Конечно, бедным людям тяжело повсюду, особенно в Англии, где все приведено в денежную меру; но как понять, что та же денежная мера прилагается и к церкви. В церковь не пустят без денег, а если и пустят, то дадут понять, что делают снисхождение к бедности. Повсюду, где установлена плата за места в церкви, объявляется обыкновенно, что для бедных оставлено столько-то мест, конечно, на последних скамьях. Но, разумеется, никому не желательно, и в церкви менее чем где-либо, попасть официально в разряд бедных. Такой порядок – обыкновенный в здешних церквах, безденежный доступ к церквам составляет исключение. Но и в таком случае доступ к местам никак нельзя еще признать свободным. Места в церкви большею частью присвоены тому или другому лицу или семейству. У входа в церковь стоит обыкновенно церковник (beadle) со строгим и важным видом. Его дело – и может быть, интерес его – рассаживать по местам и наблюдать за тем, чтобы всякий сидел там, где следует. Вы вошли в церковь и садитесь на первое свободное место. Если церковь пуста, может быть, и оставят вас в покое, но это редко случается. К вам подходит строгий церковник и спрашивает, есть ли у вас место. Конечно, сидя

на месте, произвольно занятом, не знаешь, что ему ответить. Тогда он подымет вас и поведет за собою, куда ему вздумается, а иногда два раза заставит вас переменить место, не смотря на то, что в церкви много мест незанятых.

Когда спрашиваешь: на какой же предмет и в чью же пользу собираются деньги? – вам отвечают, что сбор производится в пользу Церкви, на покрытие долга по случаю ее построения или отделки и снабжения, наконец, на содержание причта. Весьма многие церкви не штатные, с присвоенным причту доходом и содержанием, но приписные, и пастор содержится на счет жалования, платимого ему настоящим хозяином, главой церкви, или на счет сбора за места. Впрочем, на что бы ни употреблялся этот сбор, он во всяком случае дело постыдное.

Ни в чем так явственно, как в церкви, не ощущается различие между общественным духом и складом англосаксонского и, например, русского племени. В Английской церкви сильнее, чем где-либо, является у русского человека такая мысль: много здесь хорошего, но все-таки я так рад, что родился и живу в России. У нас в церкви можно забыть обо всех сословных и общественных различиях, отрешиться от мирского положения, слиться совершенно с народным собранием пред лицом Бога. Наша церковь большею частью и создана на всенародные деньги, так что рубль от гроша различить невозможно: во всяком случае, церковь наша есть всенародное дело и всенародное достояние. Оттого она всем нам вдвое дороже, что, входя в нее, последний нищий чувствует совершенно так же, как и первый вельможа, что это его церковь. Церковь – единственное место (какое счастье, что у нас есть такое место!), где последнего бедняка в рубище никто не спросит: зачем ты пришел сюда и кто ты такой? Где богатый не может сказать бедному: твое место не возле меня, а сзади.

Здесь – войдите в церковь, посмотрите на церковное собрание. Оно благоговейно, оно может быть торжественно, но это собрание леди и джентльменов, из которых каждое лицо имеет свое место, ему особо присвоенное; а богатые люди и знатные в своем околотке имеют места и отделен-

ные, и украшенные, точно ложи. Можно ли, со стороны глядя, удержаться от мысли, что церковное собрание здесь лишь видоизменение общественного собрания и что в нем есть место только так называемым в обществе «порядочным людям»? Все вместе молятся по своим книжкам, но как у каждого в руках своя книжка, так видно, что каждый желает быть и перед Богом сам по себе, не теряя своей индивидуальности. Говорят, что последние 20–30 лет совершилась еще в этом отношении заметная перемена: места в церквях большей частью открытые, т[о] е[сть] не отгороженные наглухо, и доступ к ним стал свободнее, чем прежде; а в прежнее время, особенно в провинции, и места в церквях устраивались закрытыми или отделенными стойками, так чтобы владелец каждого места мог молиться спокойно, уединенно, не смущаясь никаким соседством. Как ясно отражается в этом расположении церковном история здешнего феодального общества и сама история здешней церковной реформы! Nobility и gentry составляют все и все ведут за собою, потому всем обладают и все к себе притягивают. Все должно быть куплено или взято с бою, даже право иметь место в церкви. Само священнослужение есть право известного рода, полагаемое в цену. Места пасторские с правом на известный доход или окладное содержание составляют в Англии принадлежность вотчинного права, патронатства, и выбор на место составляет достояние или частных землевладельцев, или короны в силу не столько государственного, сколько феодального владельческого права. Оттого и пастор посреди народа, независимо от народа назначенный и независящий от народа в своем содержании является среди народа тоже в виде князя, свыше поставленного. Церковная должность, прежде всего, представляется привилегией (preferment) и достоянием; и стыдно сказать: это достояние служит предметом торгова. Места главных священников (incumbents) могут быть сдаваемы за известную цену, сложенную из капитализации дохода, так же как сдаются места стряпчих, нотариусов, маклеров и т[о]му] п[одобные]. В любой английской газете в

особом отделе о так называемых preferments вы встретите ряд предложений купить место священника с описанием доходных статей: расхваливается место с его удобствами для жизни, описывается дом, местоположение, означается доход и предлагается цена с предупреждением, что нынешний incumbent стар, таких-то лет и, вероятно, недолго будет пользоваться своим положением. Для переговоров указано обращаться туда-то. В Лондоне издается даже особенный ежемесячный журнал ("The Church preferment register") с подробным описанием всех статей, угодий и доходов каждого места, для сведения и расчета желающих получить его за известную сумму. В последнем июльском номере помещено до 170 таких описаний.

Говорят, что в политическом смысле благотельно, когда всякое право, личное или общественное, достается не иначе как с бою. Может быть всякое иное, только никак не право на молитву общественную в церкви. Не мудрено, что совесть общественная не может удовлетвориться таким церковным устройством и что Англия, страна установленной государственной церкви, классическая страна ученого богословия и прений о вере, стала со времени реформы страню диссентеров всякого рода. Религиозная и молитвенная потребность в массе народной, не находя себе места и удовлетворения в установленной Церкви, стала искать себе исхода в вольных самоустановленных церковных собраниях и в разнообразных сектах. Деление церковного обряда здесь непомерное между жителями самого незначительного местечка. Сама установленная Церковь делится на три партии, и сторонники каждой из них (так называемые Высокой, Низкой и Широкой церкви³⁹⁰) имеют обыкновенно свою церковь и не ходят в чужую. В небольшой деревне, где я живу теперь и где не более 500 человек постоянного населения, существует три Церкви англиканские и, кроме того, три Церкви методистов трех разных толков, которые, различаясь в очень тонких и капризных подробностях, отрешаются от общения между собою. Особая церковь – для первоначаль-

ных или Веслеевых методистов³⁹¹, потом для конгрегационистов³⁹², потом для так называемых библейских христиан: последние также методисты, но отделились несколько лет тому назад только из-за того, что полагают, в несогласии с прочими, невозможным иметь женатых в звании церковных евангелистов. Вот сколько церквей и капитальных, красивых и обширных церквей в одной деревне. Все эти секты и собрания отличаются особенностями вероучений, иногда очень тонкими и капризными, или совсем дикими; но помимо догматических разностей во всех выражается одно и то же стремление к вольной, всенародной Церкви, и многие из них проникнуты ожесточенною ненавистью к установленной Церкви и к ее служителям. Кроме отдельных сект, среди самой установленной Церкви образовалась издавна многочисленная партия во имя вольного церковного общения – *free church movement*. Частные люди и отдельные общества употребляют свои средства для доставления простому народу возможности участвовать в богослужении: для этого приходится строить отдельные церкви или нанимать отдельные помещения, театры, сараи, залы и т[ому] п[одобное]. Все это движение произвело уже ощутительную реакцию в обычаях самой установленной церкви, побудив ее шире раскрывать свои двери. Но не странно ли, что здесь приходится брать с бою то, что у нас от начала вольно, как воздух, которым мы дышим?

Как часто случается у нас в России слышать странные речи о нашей Церкви от людей, бывавших за границей, читавших иностранные книги, любящих судить краснó с чужого голоса, или просто от людей наивных, которые увлекаются идеальным представлением мимо действительности. Эти люди не находят меры похвалам Англиканской или Германской церкви и англиканскому духовенству, не находят меры осуждения нашей Церкви и нашему духовенству. Если верить им – там все живая деятельность, а у нас мертвечина, грубость и сон. Там дела, а у нас голая обрядность и бездействие. Не мудрено, что многие говорят так. Между людьми

ведется, что по платью встречают человека. Говорят, по уму провожают; но чтобы узнать ум и почувствовать дух, надо много присмотреться и поработать мыслью, а по платью судить нетрудно. Составишь себе готовое впечатление – и так потом при нем и останешься. Притом есть много людей, для которых первое дело, первый и окончательный решитель впечатления – внешнее благоустройство, манера, ловкость, чистота, респектабельность. В этом отношении, конечно, есть на что полюбоваться в здешней церкви, есть о чем иногда печалиться в нашей. Кому не случилось встречать светское, а иной раз, к сожалению, и духовное лицо из бывших за границей, с жаром выхваляющее здешнюю простоту церковную и осуждающее нашу родимую «замерзлость»³⁹³. Грустно мне бывает слушать такие речи, как грустно видеть иного сына, когда он, прожив в фешенебельном кругу, посреди всех тонкостей столичной жизни, возвращается в деревню, где провел когда-то детство свое, и смотрит с презрением на непрехотливую обстановку и на простые, пожалуй, грубые обычаи родной семьи своей.

Мы удивительно склонны по натуре своей увлекаться, прежде всего, красивой формой, организацией, внешнею конструкцией всякого дела. Отсюда наша страсть к подражаниям, к перенесению на свою почву тех учреждений и форм, которые поражают нас за границей внешнею стройностью. Но мы забываем при этом, или вспоминаем слишком поздно, что всякая форма, исторически образовавшаяся, выросла в истории из исторических условий, и есть логический вывод из прошедшего, вызванный необходимостью. Истории своей никому нельзя ни переменить, ни обойти; и сама история со всеми ее явлениями, деятелями, сложившимися формами общественного быта есть произведение духа народного подобно тому, как история отдельного человека есть, в сущности, произведение живущего в нем духа. То же самое сказать должно о формах церковного устройства. У всякой формы есть своя духовная подкладка, на которой она выросла; часто прельщаемся мы формою, не видя этой под-

кладки, но если бы мы ее видели, то иной раз не задумались бы отвергнуть готовую форму при всей ее стройности и с радостью остались бы при своей старой и грубой форме или бесформенности, пока своя у нас духовная жизнь не выведет свою для нас форму. Дух – вот что существенно во всяком учреждении, вот что следует охранять дороже всего от кривизны и смешения.

Наша Церковь искони имела и донныне сохраняет значение всенародной Церкви и дух любви и безразличного общения. Верую народ наш держится донныне посреди всех невзгод и бедствий, и если что может поддержать его, укрепить и обновить в дальнейшей истории, так это вера, и одна только вера церковная. Нам говорят, что народ наш – невежда в вере своей, исполнен суеверий, страдает от дурных и порочных привычек; что наше духовенство грубо, невежественно, бездейственно, принижено и мало имеет влияния на народ. Все это во многом справедливо, но все это – явления не существенные, а случайные и временные. Они зависят от многих условий, и прежде всего, от условий экономических и политических, с изменением которых и явления эти рано или поздно изменятся. Что же существенно? Что же принадлежит духу? Любовь народа к Церкви, свободное сознание полного общения в Церкви, понятие о Церкви как общем достоянии и общем собрании, полнейшее устранение сословного различия в церкви и общение народа со служителями церкви, которые из народа вышли и от него не отделяются ни в житейском быту, ни в добродетелях, ни в самых недостатках, с народом стоят и падают. Это такое поле, на котором можно возрастить много добрых плодов, если работать вглубь, заботясь не столько об улучшении быта, сколько об улучшении духа, не столько о том, чтобы число церквей не превышало потребности, сколько о том, чтобы потребность в церкви не оставалась без удовлетворения. Нам ли озира́ться с завистью, издалека и по слуху, хотя бы на протестантскую Церковь и ее пастырей? Избави нас Боже дожидаться той поры, когда наши пастыри утвердятся в положении чиновников, постав-

ленных над народом, и станут князьями посреди людей своих, в обстановке светского человека, в усложнении потребностей и желаний посреди народной скудости и простоты.

Вдумываясь в жизнь, приходишь к тому заключению, что для каждого человека в ходе его духовного развития всего дороже, всего необходимее сохранить в себе неприкосновенным простое, природное чувство человеческого отношения к людям, правду и свободу духовного представления и движения. Это неприкосновенный капитал духовной природы, которым душа охраняется и обеспечивается от действия всяких условных форм³⁹⁴ и искусственных теорий, растлевающих незаметно простое нравственное чувство. Как ни драгоценны во многих отношениях эти формы и теории, они могут, привившись к душе, совсем извратить и погубить в ней простые и здоровые представления и ощущения, спутать понятие о правде и неправде, подточить самый корень, на коем вырастает здоровый человек в духовном отношении к миру и к людям. Вот что существенно и вот что мы так часто убиваем в себе из-за форм, совсем несущественных, которыми обольщаемся. Сколько из-за этого пропадает у нас и людей, и учреждений, фальшиво извращенных фальшивым развитием, а между тем в церковном учреждении всего для нас дороже этот корень... Боже избави, чтобы и он когда-нибудь не был у нас подточен криво поставленную церковною реформой*.

В.

IV

К вопросу о воссоединении Церкви

Чем явственнее означаются в уме отличительные племенные черты каждого вероисповедания, тем более убеждаешься в том, какое недостижимое и мечтательное дело – объединение вероисповеданий в одном искусственном,

---

* Текст, выделенный курсивом, опубликован в «Московском сборнике» в разделе «Церковь».

надуманном соглашении о догмате, на начале взаимной уступки в частях несущественных. Существенное в каждом вероисповедании едва ли возможно выразить, выяснить на бумаге или в определительной формуле. Самое существенное, самое упорное и драгоценное в церковном веровании неуловимо, недоступно определению, подобно разнообразию света и теней, подобно чувству, сложившемуся из бесконечного ряда последовательных ощущений, представлений и впечатлений. Самое существенное связано и сплетено множеством таких тонких корней с психической природою каждого племени и с общими сложившимися в нем началами нравственного мирозерцания, что невозможно отделить одно от другого. Разноплеменные и разноцерковные люди могут во многих отношениях при встрече, во взаимном общении почувствовать себя братьями и пожать друг другу руки; но для того чтобы они почувствовали себя братьями в одном храме, соединились в религиозном общении духа, для этого надобно им долго и много прожить вместе, друг друга понять во всей жизненной обстановке и сплестись между собою в самых внутренних корнях глубины душевной. Так иногда немец, долго проживший в России, бессознательно привыкает веровать по-русски и в Русской Церкви чувствует себя дома. Тогда он входит к нам, становится одним из наших, и общение его с нами полное, духовное. Но чтобы то или другое общество протестантов, вдалеке от нас стоящее, по слуху судящее о нас, могло по книжному или отвлеченному соглашению о догматах и обрядах соединиться с нами в одну Церковь органическим союзом и стать едино с нами по духу, этого и представить себе нельзя. До сих пор не удавалась еще ни одна церковная уния, основанная на соглашении: рано или поздно обнаруживалось фальшивое начало такого союза, и плодом его бывало повсюду умножение не любви, а взаимного отчуждения или даже ненависти.

Сохрани Боже порицать друг друга за веру: пусть каждый верует по-своему, как ему сроднее. Но у каждого есть вера, в которой ему приютно, которая ему по душе, которую он любит; и нельзя не чувствовать, когда подходишь к иной вере, не-

сродной, несочувственной, что здесь – не то, что у нас; здесь неприятно и холодно. Здесь не хотел бы жить. Пусть разум говорит отвлеченным рассуждением: ведь они тому же Богу молятся. Чувство не всегда может согласиться с этим рассуждением; иногда чувству кажется, что в чужой церкви как будто не тому Богу молятся.

Многие станут смеяться над таким ощущением, пожалуй, назовут его суеверием, фанатизмом. Напрасно. Ощущение не всегда обманчиво; в нем сказывается иногда истина прямее и вернее, нежели в рассуждении.

В протестантском храме, в протестантском веровании холодно и неприятно русскому человеку. Мало того, если ему дорогам вера, как жизнь, он чувствует, что называть этот храм своим для него все равно, что умереть. Вот непосредственное чувство. Но этому чувству много и резонных причин. Отмечу здесь одну из них, которая особенно меня поражает своей очевидностью.

В богословской полемике, в спорах между религиями, в совести каждого человека и каждого племени один из основных вопросов – вопрос о делах. Что главное – дела или вера? Известно, что на этом вопросе препирается донныне латинское богословие с протестантским. Покойный Хомяков³⁹⁵ в своих богословских сочинениях прекрасно разъяснил, до какой степени обманчива схоластически абсолютная постановка этого вопроса. Объединение веры с делом, равно как и отождествление слова с мыслью, дела со словом, есть идеал, недостижимый для человеческой природы, как недостижимо все безусловное, идеал, вечно возбуждающий и вечно обличающий верующую душу. Вера без дел мертва, вера, противная делам, мучит человека сознанием внутренней лжи, но в необъятном мире внешности, объемлющем человека, и перед лицом бесконечной вечности что значит дело, или всяческие дела что значат без веры?

Покажи мне веру твою от дел твоих – страшный вопрос! Что на него ответить уверенному, когда спрашивает его испытующий, ищущий познать истину от дел. Положим, что

такой вопрос задает протестант православному человеку. Что ответит ему православный? Придется опустить голову. Чувствуется, что показать нечего, что все не прибрано, все начато, все покрыто обломками. Но через минуту можно поднять голову и сказать: грешные мы люди, и показывать нам нечего, да ведь и ты не праведный. Но приди к нам сам, поживи с нами, и увидишь нашу веру, и почувешь наше чувство, и, может быть, с нами согласишься. А дела наши, какие есть, сам увидишь. После такого ответа девяносто девять из ста отойдут от вас с презрительной усмешкой. В сущности, все дело только в том, что мы показывать дела свои против веры не умеем, да и не решаемся.

А они показывают. И умеют показать, и правду сказать, есть им что показать, в совершенном порядке веками созданные, сохраненные и упроченные дела и учреждения. Смотрите, говорит Католическая церковь, что я значила и что значу в жизни того общества, которое меня слушает и мне служит, что я создала и что мною держится. Вот дела любви, вот дела веры, вот дела апостольства, вот подвиги мученичества, вот полки верные, как один человек, которые я рассылаю на концы вселенной. Не явно ли, что со мною и в нас благодать пребывает от века и доныне?

Смотрите, говорит Протестантская церковь, я не терплю лжи, обмана и суеверия. Я привожу дела в соответствие и разум – в соглашение с верой. Я освятила верою труд, житейские отношения, семейный быт, верою искореняю праздность и суеверие, водворяю честность, правосудие и общественный порядок. Я учу ежедневно, и учение мое, близкое к жизни, воспитывает целые поколения в привычке к честному труду и в добрых нравах. Человечество призвано обновиться учением моим в добродетели и в правде. Я призвана искоренить мечом слова и дела разврат и лицемерие повсюду. Не явно ли, что сила Божия со мною, потому что во мне истинное воззрение на религию?

Протестанты доныне спорят с католиками о догматическом значении дела в отношении к вере. Но при совершен-

ной противоположности богословского воззрения на этот предмет те и другие ставят дело во главу своей религии. Только у латинян дело служит в оправдание, в искупление, во свидетельство о благодати. Лютеране с другой стороны смотрят на дело и в связи с делом – на саму религию с практической точки зрения. Дело как будто обращается у них в цель, для которой существует религия, становится оселком, на котором испытывается правда религиозная и церковная, и вот пункт, на котором более, чем на всяком другом, наша религиозная мысль расходится с религиозною мыслью протестантизма. Без сомнения, высказанное сейчас воззрение не составляет догматического положения в Лютеранской церкви, но им проникнуто все ее учение. Бесспорно, в нем есть весьма важная практическая сторона, для здешней жизни, для мира сего; оттого многие, даже у нас, готовы иногда ставить нашей Церкви в образец и в идеал Церковь протестантскую. Но русский человек в глубине верующей души не примет никогда такого воззрения. Благодетельство на все полезно, и по Апостольскому слову, но это лишь одна из естественных принадлежностей благодетельства. Русский человек не менее другого знает, что жить должно по вере, и чувствует, как мало сходна с верою жизнь его; но существо и цель веры своей полагает он не в практической жизни, а в душевном спасении и любовью церковного союза ищет обнять всех – от живущего по вере праведника до того разбойника, который, несмотря на дела, прощен был в одну минуту.

Это практическое основание протестантизма нигде не выражается так явственно, как в Церкви англиканской и в духе религиозного воззрения английской нации. Оно и согласуется с характером нации, выработавшимся в ее истории, – направлять мысль и деятельность повсюду к практическим целям, стойко и неуклонно добиваться успеха и во всем избирать те пути и способы, которые ближе и вернее ведут к успеху. Это природное стремление необходимо должно было искать себе нравственной основы, выработать для себя нравственную теорию; и немудрено, что нравственные начала нашли для себя

санкцию в соответствующем известному характеру религиозном воззрении. Религия, бесспорно, освещает нравственное начало деятельности, учит, как жить и действовать на земле, требует трудолюбия, честности, правды. Нельзя не согласиться с этим положением. Но от этого положения практический взгляд на религию прямо переходит к вопросу: что же за религия у того, кто живет в праздности, нечестен и лжив, развратен, беспорядочен, не умеет поддержать себя? Такой человек язычник, а не христианин; лишь тот христианин, кто живет по закону и являет в себе силу закона христианского.

Рассуждение, по-видимому, логически правильное. Но у кого не шевелится в душе вопрос: как же быть на свете и в церкви мытарям и блудницам, тем, которые, по слову Христову, предваряют нередко церковных праведников в Царствии Божиим?

Разумеется, странно было бы предполагать, что такой взгляд на религию составляет положительную формулу церковного верования в Англии. Такая формула была бы явным отрицанием евангельского учения. Но таков именно дух религиозного воззрения у самых добросовестных и ревностных представителей так называемого «национального церковного учреждения», отстаивающих и восхваляющих Англиканскую церковь как первую твердыню государства – *bulwark of State* – и как основное выражение духа национального. В английской литературе, как в духовной, так и в светской, это воззрение выражается иногда в весьма резких формах, в таких словах, перед коими останавливается с недоумением, похожим на ужас, мысль русского читателя*.

Передо мною теперь только что вышедшая книга: “*Liberty, equality, fraternity*” – сочинение замечательное по глубине и основательности мысли, написанное человеком, очевидно, верующим глубоко и ревностно преданным своей Церкви.

«Некоторые религии очевидно неблагоприятны чувству общественного долга. *Иные не имеют никакого к нему от-*

* Текст, выделенный курсивом, опубликован в «Московском сборнике» в разделе «Церковь».

ношения, а из тех религий, которые ему благоприятствуют (таковы в большей или меньшей мере все формы христианской веры), одни действуют на него с особенною, другие с меньшей силой. Можно сказать, что всего могущественнее действуют в этом смысле те религии, в коих господствует над всем образ бесконечно мудрого и могущественного законодателя. Его личное бытие неисследимо для человеческого разума; но он сотворил мир таким, каков есть мир, сотворил его для рода людей благоразумных, твердых и смелых духом и устойчивых; для тех, которые сами не безумны и не трусливы и не очень жалуют безумных и трусов, знают твердо, что им нужно, и с решимостью употребляют все законные средства, чтобы того достигнуть. Такая-то религия составляет безмолвное, но глубоко укоренившееся убеждение английской нации в лучших, солиднейших ее представителях. Они представляют наковальню, о которую избилося уже множество молотов, и избежится еще того больше, невзирая ни на каких энтузиастов и гуманитарных мечтателей». (Stephen. "Liberty, equality, fraternity"). Вот до какого понятия о религии может дойти мысль уверенного англиканца-протестанта. Выписанные нами слова, в сущности, содержат в себе прямое извращение евангельского слова; они как будто говорят: блаженны крепкие и сильные в деле – им принадлежит царство. Да, скажем мы: царство земное, но не царство небесное. Автор не делает этой оговорки – он не различает земного от небесного. Какая страшная, какая отчаянная доктрина!

Такое настроение религиозной мысли, бесспорно, имело в протестантских странах, и особенно в Англии, величайшее практическое значение; и в этом смысле нельзя не согласиться, что протестантство было сильным и благотворительным двигателем общественного развития у тех племен, коих натуре оно соответствовало, и которые его приняли. Но не очевидно ли вместе с тем, что некоторые племена по своей натуре никак не могут принять его и ему подчиниться, потому что именно в этом воззрении протестантства не чувствуют жизненного религиозного начала, видят не един-

ство, а раздвоение религиозного сознания, не живую истину, а конструкцию мысли и обольщение.

«Горе слабым и падающим! Горе побежденным!» Конечно, в здешней жизни это непреложная истина, и правило житейской мудрости говорит каждому: борись, входи в силу, держи в себе силу, если хочешь жить; слабому нет места на свете. Но придавать этому правилу безусловную, как бы догматическую силу в религиозном смысле – вот чего наша душа не принимает, как не принимает она сродного протестантству ужасного кальвинского учения о том, что иные от века призваны к добродетели, к славе, к спасению и блаженству, а другие от века осуждены, и что бы ни делали в жизни, все влечет их в бездну отчаяния и вечных мучений.

Страшно читать иных английских писателей, у которых с особенною силой звучит эта струна англиканского протестантизма. У Карлейля, например, доходит до восторженного пафоса поклонение силе и таланту победителя и презрение к побежденным. Созерцая своих героев, сильных людей, он чувствует в них воплощение божественного и с тонким презрительным юмором говорит о тех слабых и несчастных, неловких и падших, которых раздавила победная колесница. Его герой воплощает в себе идею света и порядка во мраке и неустройстве космического хаоса; его герой строит свою вселенную, и все, что встречается ему на дороге и не умеет ему покориться и служить ему и не имеет своей силы, чтобы побороть его, погибает достойно и праведно. Громадный талант Карлейля обвораживает читателя; но тяжело читать его исторические поэмы и видеть, как часто имя Божие применяется им всуе, в борьбе сильного со слабыми. У язычников классического периода, и у тех возле победной колесницы шел иногда шут, который, служа представителем нравственного начала, должен был преследовать своими шутками не побежденных, а самого победителя.

Всего тяжелее читать Фруда – знаменитого историка английской реформации и самого видного между историками, представителями английских национальных начал в Церквии и

в политике. Карлейль, по крайней мере, поэт; но Фруд говорит спокойным тоном историка, любит диалектику, и нет беззакония, которого не оправдывал бы он своею диалектикой в пользу любимой идеи; нет лицемерия, которого не построил бы он в правду, доказывая правду реформы и главных ее деятелей. Он стоит непоколебимо, фанатически на основах англиканского правоверия и главною основою его полагает сознание долга общественного, преданность государственной идее и закону и неумолимое преследование порока, преступления, праздности и всего, что называется изменою долгу. Все это прекрасно в деле человеческом; но каково ставить такое правило в основание и цель религиозного воззрения, если подумаешь, что каждому из этих священных слов – и долгу, и закону, и пороку, и преступлению – каждая партия в каждую минуту придает особенное значение, и что между людьми сегодня называется правдою и доблестью, за то завтра казнят, как за ложь и преступление. Для милости, для сострадания не остается места в веровании Фруда: как можно согласить милость с негодованием к тому, что считается пороком, преступлением, нарушением закона? Упомянув о страшных казнях, которым подвергались в ту пору так часто и невинные наравне с виноватыми, строгий судья человеческих дел так говорит о своем народе: «англичане строгий и суровый народ, они не знают сострадания, там, где нет законной причины допустить сострадание; напротив того, они исполнены священного и торжественного ужаса к злодеянию – чувство, которое по мере своего развития в душе необходимо закаливает ее и образует железный характер. Строгого нрава человек склонен к нежности тогда лишь, когда остается еще место добру среди зла, и добро еще борется со злом; но в виде совершенного развращения и зла никакое сострадание немислимо, оно возможно разве только тогда, когда мы в своем сердце смешиваем преступление с несчастьем».

Какое презрение должен чувствовать автор к русскому человеку, у которого подлинно есть в душе такое смешение и который искони называет преступника несчастным.

Как личный характер, как характер племени, так и характер каждой Церкви в связи с усвоившим ее племенем имеет свои достоинства и свои недостатки. Достоинства протестантизма достаточно выяснились в истории германского и англосаксонского племени. Пуританский дух создал нынешнюю Британию. Протестантское начало привело Германию к силе, к дисциплине и к единству. Но на оборотной стороне его есть такие недостатки, такие стремления религиозного самосознания, которые не могут быть нам сочувственны. Протестантство как всякая духовная сила склонно к падению именно в том, в чем полагает свои коренные духовные основы. Стремясь к абсолютной правде, к очищению верования, к осуществлению верования в жизни, оно слишком склонно уверовать в собственную правду и увлечься до гордого поклонения своей правде и до презрения к чужому верованию, которое отождествляет с неправдою. Отсюда, с одной стороны, опасность впасть в лицемерие и фарисейскую гордость. И подлинно, немало слышится из протестантского мира голосов, которые с горечью сознают, что лицемерие составляет язву строгого лютеранства. С другой стороны, начав с проповеди о терпимости, о свободе мысли и верования, протестантство в дальнейшем развитии своем выказало склонность к фанатизму особого рода – к фанатизму гордого разума и самоуверенной праведности перед всеми прочими видами верования. Строгий протестантизм с презрением относится ко всякому верованию, которое представляется ему неочищенным, недуховным, исполненным суеверий и внешних обрядностей; ко всему, что он сам отбросил, как рабские узы, как детскую одежду, как принадлежность невежества. Создав для себя сам кодекс верований и обрядов, он считает свое исповедание исповеданием избранных, просвещенных и разумных, и всех держащихся старой Церкви склонен считать людьми низшего рода, не умеющими возвыситься до истинного разумения. Это презрительное отношение к прочим верованиям, может быть несознательно, выражается в протестантстве, но оно

слишком ощутительно для иноверцев. Никакая религия не свободна от большей или меньшей склонности к фанатизму, но смешно слышать, когда с обвинением в фанатизме обращаются к нам лютеране. У нас при терпимости ко всякому верованию, свойственной национальному характеру нашему, встречаются, конечно, отдельные случаи исключительности и узкости церковных воззрений; но никогда не бывало и не может быть ничего подобного тому презрению, с которым строгий лютеранин смотрит на непонятные для него, но для нас исполненные глубокого духовного значения принадлежности нашей Церкви и свойства нашего верования*.

В.

V

Противоречия в Англиканской церкви

Англичане гордятся своим церковным национальным учреждением (Establishment). Но если вникнуть в смысл этого своеобразного учреждения, оно совсем не удовлетворяет понятию о Церкви. В сущности, оно есть не что иное, как политическая формула, принятая государством и поддерживаемая авторитетом государственной власти – формула, под которую подходит известная система верований, принятая государством. Цельного, внутреннего единства нет в этом церковном учреждении; нет в нем и внутреннего авторитета Церкви: хотя во главе церковной иерархии стоят епископы, претендующие на преемство Апостольского рукоположения, но главою Церкви считается королева, и разрешение всех вопросов и сомнений догматических, обрядных и дисциплинарных зависит по закону, в последней инстанции, от королевского совета, состоящего из светских членов правительства, только при участии некоторых, по усмотрению правительства, членов церковной иерархии (а по недавнему определению нижнего парламен-

---

* Текст, выделенный курсивом, опубликован в «Московском сборнике» в разделе «Церковь».

та предположено и эти дела решать в последней инстанции в центральном апелляционном суде, состоящем из юристов, вовсе без участия епископов).

Такое учреждение, очевидно, только внешним образом удовлетворяет религиозным потребностям населения только по обычаю и по преданию, покуда в верующей совести не возникает вопрос о Церкви. Англичане хвалятся тем, что их церковное устройство отличается практичностью; что возникающие в нем сомнения и вопросы могут без раздражения, свойственного богословским спорам, получать мирное разрешение; что Церковь их может, благодаря именно этому устройству, совмещать в себе различные, более или менее широкие и узкие воззрения, которые при ином устройстве повели бы к отлучениям и отделениям от Церкви.

Что Английская церковь не удовлетворяет религиозной потребности и понятию о Церкви в большинстве людей, принадлежащих к англосаксонскому племени, тому служит доказательством множество самочинных Церквей, среди ее образовавшихся и отвергающих или проклинаящих английское церковное учреждение. По новейшим сведениям, между населением английского племени и языка в разных частях света вероисповедания распределяются в следующей пропорции: методистов – 15 миллионов, конгрегационалистов – 7 миллионов, баптистов – 10,5 миллионов, пресвитериан – 11,5 миллионов, римско-католиков – 10 миллионов; а епископальных протестантов, т[о] е[сть] чистых англикан, – 12,5 миллионов. Наибольшее число методистов приходится, правда, на долю Северной Америки, но и в самой Англии их не менее 5 миллионов.

В таком численном отношении Англиканская церковь, конечно, не может претендовать на звание господствующей, по убеждению большинства.

Но еще значительнее численного отношения – необыкновенная пестрота мнений и обрядов, существующая между лицами, причисляющими себя к самой Англиканской церкви. Если бы это разнообразие касалось только несущественных, второстепенных принадлежностей верований и обрядов и от-

тенки мнений о вере безмолвно покоились бы в личной совести каждого, такое разнообразие не угрожало бы единству церковного общения. Но оно относится, большею частью, к существенным предметам верования, соединяется с раздражением против верующих иначе, заставляет людей соединяться в отдельные места богослужения, производит ожесточенную полемику между партиями и учениями, разделяет целые семейства и приходы на несколько толков и богословское учение на школы, воспитывающие молодое поколение в духовном отчуждении от членов той же Церкви. Из числа самих епископов одни держатся одних оттенков учения и обряда, другие – совсем иных. Пастор, назначаемый обыкновенно безо всякого спроса с желанием и совестью прихожан и независимо от епископского выбора, волею совсем стороннего и дальнего лица по вотчинному праву патронатства, проповедует нередко с церковной кафедры такие учения, которые возмущают совесть слушателей и прихожан. Есть епископы (напр[имер] Коленсо), допускающие в церковном чтении самую вольную критику библейской истории или толкования догматов, самые рациональные, близкие к отрицанию основных догматов Христианства. Происходят ежедневные соблазны для массы верующих; в ожесточенной полемике одни представители церковного звания называют других неверными или суеверными. Иногда столкновения этого рода доходят до того, что требуется настоятельно решение высшего авторитета по вопросу о вере. Высший церковный авторитет, т[о] е[сть] совет королевский (или назначаемая советом на каждый случай комиссия), постоянно держится в этих случаях одного правила: соглашать до последней крайности какие бы то ни было противоречия, расширять толкование знаменитых 39 пунктов церковно-государственного ученья до того, чтобы все по возможности под них подходило. Выходит решение, написанное после многих ученых и легальных толков, чрезвычайно ловко, широко и уклончиво; объявляется, по большей части, что, в сущности, то или другое учение хотя и грешит в том-то и в том-то, но не нарушает основной формулы. *E semper bene*³⁹⁶.

Английские учреждения знамениты тем, что в них удивительно соглашаются несовместимые, по-видимому, противоречия. Иной раз кажется, что главная цель всех учреждений есть именно соглашение бесконечных противоречий, формальных и нравственных, коими преисполнена английская жизнь. Как можно меньше уничтожать, как можно больше поддерживать, но все соглашать всяческими способами – вот, по-видимому, правило внутренней политики в законодательстве и в практике учреждений. И нельзя не подивиться тому искусству, с которым эти соглашения производятся. Но будет ли эта политика соглашений и сделок также прочна и успешна в церковном учреждении, в деле совести и веры, как успешна оказалась в других учреждениях, – это еще вопрос весьма сомнительный.

Любопытно в Англии католическое движение, с каждым годом усиливающееся. Оно началось в той среде, которая известна под названием высокой Церкви, High Church, и представляет попытку ввести в обычай протестантского англиканства такие установления и такие обряды, которые, составляя принадлежность римско-католического вероучения и богослужения, были в начале реформы осуждены и отвергнуты протестантизмом. Очевидно, для многих оказывается недостаточным сухой строй богослужения и обряда, сочиненный реформаторами в англиканском служебнике (Book of Common Prayer), недостаточными кажутся и таинства церковные в том виде, как они урезаны и обстановлены³⁹⁷ реформой. Исповедь, исключенная Англиканскою церковью из числа таинств, входит все более и более в употребление в виде действия благодатного, для удовлетворения духовной потребности многих благочестивых людей; и лицо, искони ненавистное англичанину-протестанту, духовник, получает доступ в семейства и значение духовного руководителя. Мало того, между духовенством входят в употребление особо составленные требники с вопросами о грехах, напоминающими иезуитскую исповедную казуистику³⁹⁸. Перед принятием Евхаристии исповедь с разрешением грехов весьма многими считается необходимою. Само понятие об

Евхаристии подвергается существенному изменению. Ее совершают в иных местах при погребении и при воспоминании об умерших с молитвою за них. Входит в обычай оставлять в церкви запасные дары для причащения больных. В тяжких болезнях употребляется помазание освященным елеем. В церковное служение вводится более и более внешних обрядов, сближающих его с католическим: разноцветные и разнообразные парчовые и шелковые ризы, каждение фимиамом, употребление свечей и т[ому] п[одобное]. Составлено множество новых молитв, вовсе не известных официально служебнику, от которого строго запрещено отступать правоверному англиканцу; независимо от него входит в употребление *новый служебник священства* (The Priest's Prayer Book), напечатанный с разрешения некоторых епископов и при их участии. Наконец, в довершение всего, завелись и распространились монастыри, женские и даже мужские, – учреждения, существенно противные протестантскому воззрению. Женские носят название общин сестер милосердия, но общины эти устроены совершенно на манер монастырей и содержатся богатыми приношениями и вкладами от частных лиц, богатых и знатных. Каждая община этого рода состоит под руководством духовного лица, часто приглашаемого, большею частью, не старого человека. Он служит руководителем совести сестер при посредстве исповеди, периодически совершаемой в частые сроки. Для молитвенных управлений сестры собираются до 8 раз в день, причем порядок молитв установлен применительно к католическому обряду, с употреблением земных поклонов и т[ому] п[одобного]. Иконы, правда, не употребляются, но крестные знаки и распятия в употреблении повсюду, и, не допуская иконы, иной духовник во время исповеди ставит перед своей духовною дочерью для возбуждения чувства назидательную картину! Сестры при поступлении дают по принятой формуле обеты, в том числе обет безусловного послушания своей начальнице или матери, которая управляет ими самовластно и требует от них внешних знаков почтения и поклонов. Эти общины, учреждаемые иногда с ведения и согласия епископов, состоят, во всяком случае,

вне официального их надзора и не имеют уставов, официально утвержденных. Понятно, что при отсутствии иерархического церковного подчинения и надзора в этих учреждениях допускается много злоупотреблений: в последнее время появилось несколько книг, в которых бывшие сестры к явному соблазну публики раскрыли перед нею картину беспорядочного быта в этих самочинных общинах. Можно ли поверить, что такие учреждения заведомо считают себя состоящими в недрах Протестантской церкви? Существуют на подобных же началах и мужские монастыри. Недавно (еще в июле) об одном из таких учреждений заговорили газеты по поводу судебного дела о 17-летнем мальчике, которого заманил к себе для поступления в монахи и отказался возратить отцу некто доктор Лин, давно уже заявивший себя в Англии под именем отца Игнатия. Этот Игнатий, не переставая считаться в недрах Англиканской церкви, объявил себя бенедиктинцем и стал заводить мужские и женские монастыри по сочиненному им же уставу с принятием обетов и с правилом безусловного послушания. Отца Игнатия вызвали в суд, сделали ему выговор, отобрали от него мальчика, осмеяли в толпе, но он вышел из суда с сознанием своей англиканской правды, и учреждения, им заведенные, продолжают свое действие, и в самом Лондоне у него есть церковь, где он священнодействует по своему самочинному обряду, посреди своих монахов, в монашеском платье.

Очевидно, к чему клонится все это движение. Мало-помалу число переходящих в латинство увеличивается. По последним сведениям, в одном Лондоне в течение 1872 года обратилось в католичество около 2000 человек; значительное число лиц из англиканской аристократии принадлежит к латинству, и вообще католичество считается по мнению аристократии признаком скорее хорошего, нежели дурного тона. Возле самого Вестминстерского аббатства воздвигается на частные средства громадный католический собор, который предназначен именно для возвеличения католичества наряду с протестантизмом. Одно это явление, которое лет 30 тому назад было бы решительно невозможно, показывает, какую

силу набирает римское католичество в Англии и о какой будущности для себя мечтает.

Ввиду таких явлений представителями старого англиканского протестантства, поборниками национального церковного учреждения овладевает сильное беспокойство и раздражение. Негодование их направлено не столько против новообращенных латинян, сколько против своих *ритуалистов*, которые, числясь, по-видимому, в англиканской *Высокой Церкви*, в сущности исповедуют римско-католические вероучения и обряды и силятся ввести их в общее для Англиканской церкви употребление. С той и с другой стороны ведется усиленная агитация посредством ассоциаций, публичных чтений, митингов и журналов, служащих органами той и другой партии. Поборники национальной Церкви негодуют всего более на слабость и бездействие епископов и правительства в преследовании *беззаконного нарушения начал реформации*. Но бывшие до сих пор попытки к преследованию не имели успеха. В прошлом году последовало решение королевского совета по делу ритуалистов (известному под названием *Bennet case*), но официальный трибунал, по обыкновению своему, расположил решение так, что ни та ни другая стороны не могла считать себя удовлетворенною, а последователи *Высокой Церкви* и ритуалисты все-таки остались не осуждены и не отлучены от англиканства.

Нынешним летом, в июне, агитация против ритуалистов выразилась в столкновении, о котором до сих пор еще не утихли толки не только в общественном мнении, но и в парламентских заседаниях. Епископам представлено прошение за подписью 60 000 ревнителей старого англиканства о том, что отступления от основных начал реформации умножаются непомерно, что национальная Церковь подвергается явной опасности и что необходимо принять строгие и решительные меры к устранению злоупотреблений, распространившихся в *Высокой Церкви*. Меры эти, по мнению просителей, во многом зависят от ревности епископов. Они могли бы действовать законным судебным путем против ослушников решения, осудившего незаконные нововведения в королевском

совете. Они могли отказывать в назначении на приходские места лиц неблагонадежных и т[ому] п[одобное]. На это прошение последовал от архиепископа Кентерберийского ответ, никого не удовлетворивший. Епископ соглашается, что опасность есть, и значительная, но епископской власти недостаточно для решительного ее устранения и для преследования виновных. Притом если Церкви угрожает, с одной стороны, *суеверие*, то не меньшая опасность с другой стороны и от *неверия*. Нет сомнения, что в конце концов истина восторжествует над ложью, а покауда всего действительнее будет, если само общественное мнение верующих станет отказывать нововводителям в сочувствии; преследовать же их по закону — дело церковных попечителей в каждом приходе.

Дело это, во всяком случае, было неприятно для церковных властей. Ответом архиепископа вызван был громадный митинг, на котором церковные власти прямо осуждались в равнодушии и потворстве. Затем последовали неприятные запросы в парламент. Но всего замечательнее и всего опаснее для Церкви показалось следующее обстоятельство. Одновременно с помянутым прошением от множества лиц, большею частью неизвестных, в Конвокацию (или в синодальное собрание представителей Церкви) поступило другое прошение за подписью 480 *духовных лиц и пасторов*. Эти просители прямо ходатайствуют о повсеместном введении или разрешении в Англиканской церкви: 1) исповеди в силе таинства; 2) оставления запасных даров; 3) освящения елея чрез посредство епископов; 4) миропомазания в крещении и в конфирмации и елеопомазания в болезни; 5) совершения Евхаристии с молитвою за усопших; 6) употребления особых молитв в дни календарных праздников Пресвятой Деве. Просители настаивают в своем ходатайстве потому именно, что те или другие из поименованных обрядов были уже разрешаемы по местам в том или другом виде, разнообразно, местными епископами. Ревнителем строгого протестантизма требуют с ожесточением, чтобы все подписавшие это прошение преданы были суду и лишены своих мест как нарушители священных начал рефор-

мации. По этому случаю журнал “Saturday Review” предлагает иронический вопрос: что такое начала реформации? И заключает, что положительного ответа на этот вопрос нет и быть не может. Протестантизм произошел из отрицания и сам в себе разошелся; нет в нем ни одного начала, в котором представители разных толков и учений согласились бы между собою столь твердо, чтобы можно было его назвать *началом реформации*. Если главным началом ее предположить *свободу личного мнения о вере*, то и это начало не твердо, так как с первых дней реформы сторонники разных ее учений не переставали казнить и преследовать друг друга за мнения о вере. Неоспоримо одно, что все протестантские учения согласно отвергают папскую власть, но на этом начале ритуалисты стоят так же твердо, как и самые передовые из церковных консерваторов англиканства.

С таким рассуждением, конечно, не согласятся предрержащие власти Англиканской церкви; но все-таки можно сказать наверное, что ритуалистов и на сей раз оставят в покое. Преследовать их — значило бы отослать их со множеством сочувствующих им прихожан на лоно латинской Церкви, давно уже для них раскрытое, значило бы нарушить принятое правило церковной политики совмещать, до последней крайности, все возможные оттенки веры и неверия в широкой рамке политического учреждения, созданного в Англии под видом национальной Церкви. В самом начале своем эта Церковь, основанная личным властолюбием короля, который поставил себя ее главою, заключала непримиримые внутренние противоречия, и по необходимости носит их в себе донныне, и должна мириться с ними, куда возможно.

В.

VI

Ирвингисты в Лондоне

В одной из центральных частей Лондона, в Гордонсквере, стоит массивное здание с надписями, из которых

видно его имя и назначение: «Центральная католическая апостольская церковь» (Catholic and Apostolic Church). Вы входите и видите в самом притворе две чаши, как в латинских церквях, – со святой водою, которую входящие и выходящие достают концами пальцев. Идете дальше – видите над собой величественные, великолепные своды готического собора, одного из красивейших новых соборов в Лондоне. В глубине – изукрашенный алтарь со свечами и дарохранительницей в таинственном освещении из высокого расписанного по стеклу окна. Все обширное здание наполнено народом, сидящим в благоговейной тишине в ожидании богослужения. Садитесь и вы, через минуту подходит к вам церковник в черной мантии с лентами и учтиво подает вам книжку, чтобы удобнее было следить за богослужением. Из надписи на ней видно, что подобные книжки назначены исключительно для чужих, приходящих в храм познакомиться с его уставом.

Минут за десять до начала службы начинается музыка: где-то высоко под сводами орган, и прекрасные, торжественные звуки, отдаваясь вверх, настраивают душу к благоговению. Орган превосходный, играет артист, музыка – Гайдна³⁹⁹ из «Семи слов Спасителя».

Орган смолкает. Отворяется боковая дверь: из нее выходит, по два в ряд, длинная процессия певцов и священнослужителей. Всех будет человек сорок, и все в живописных костюмах: белые или черные волнующиеся одежды с лентами красного, фиолетового или желтого цвета по степени и чину, идут торжественно, в молчании: у иных цветные орари через плечо. Все размещаются в чиновном порядке посреди церкви, впереди алтаря. Позади всех идет седой старец в богатой ризе фиолетового цвета из бархата с парчою; на плечах у него что-то вроде омофора. Это предстоятель церкви и носит звание *ангела*. Он один входит на возвышение у стены вроде кафедры и начинает вечернее богослужение по чину, составленному применительно к англиканскому обряду, только с изменением и прибавкою некоторых молитв и обрядов. Он произносит слова внятно и торжественно, речитативом, заканчивая каждую речь певучим

протяжением голоса. Собрание отвечает ему, где положено, певучим речитативом. Читается Св[ященное] Писание, поются псалмы и гимны под звук органа. Возле меня, на скамейке, лежит книжка гимнов в стихах: она вся заимствована из разных источников, из частных собраний, из англиканского сборника, от методистов, из католического служебника, из служебников Православной Церкви; я заметил в ней, между прочим, прекрасные переложения из нашего пасхального канона.

В середине службы старик подходит к алтарю, раскрывает дарохранительницу, вынимает из нее ковчег с запасными дарами и выносит на средину церкви. При этом полагаются особые молитвы. Вскоре затем происходит возношение фимиама. Старец берет курящийся сосуд и, стоя посреди церкви, возносит его высоко над головою к небесам, повторяя несколько раз это движение, покуда продолжается гармоническое пение молитвы, взятой буквально с нашего «Да исправится молитва моя». Эта минута очень торжественна. Богослужение длится часа полтора, с 5 до 6^{1/2} пополудни и оканчивается в вечернем сумраке. Процессия клириков тем же порядком выходит из церкви.

Это воскресная служба – вечерняя. В 6 часов утра и в 5 пополудни служба здесь ежедневная. Сверх того, по воскресеньям в 10 часов утра бывает служба Евхаристии и продолжается часа три, почти до часу пополудни, с особенным величанием одежд, обрядов и музыки и с проповедью.

Что же это за Церковь – ни католическая, ни протестантская, а сама по себе, с таким роскошным обрядом? Поверят ли, что эта Церковь есть выродок не просто из протестантизма, а еще из самого строгого и голого чина шотландских пресвитериан, что она в начале своем отличалась оттенком рационального учения и стремлением к очищению обряда, и без того голого. Это Церковь так называемых ирвингитов, сама себя называющая Апостольскою церковью.

Кто был ее основателем трудно и определить с точностью в нынешнем ее виде; но пошла она около 1830 года от некоего Эдуарда Ирвинга, знаменитого когда-то проповедника,

предстоятеля Пресвитерианской церкви в Реджент-сквере. Это был замечательный человек, с огнем и с талантом, с сильным влиянием на всех, кто подходил к нему для вероучения. История его в свое время была великим общественным событием в Англии, и память его свято чтится многими донныне. (Есть пространная биография его, прекрасно написанная мистрисс Олифант.) Он додумался до странного учения, в котором догматические фантазии (главною из них было учение о том, что естество Христа-Искупителя было подвержено греху) соединились с увлечениями мистицизма и духовного самообольщения, с верою в собственную прорицательную и чудодейственную силу. Его предали церковному суду, отлучили от Церкви, лишили церковного звания, и он умер в нужде. Но после того осталась целая школа последователей, которые выработали, как нередко случается, под его именем собственную систему и, наконец, сняв с себя самое имя, провозгласили себя уже не ирвингитами, а Апостольскою церковью. Отличительные черты их учения состоят, *во-первых*, в восстановлении апостольства, которое они почитают прервавшимся с кончины св. Иоанна Богослова; на этом основании ирвингиты полагают у себя четыре степени церковного служения, считая их необходимым условием правильной церковной организации: апостолов, пророков, евангелистов и пастырей. *Во-вторых*, к учению их относится непрестанное ожидание пришествия Христова в мир; *в-третьих*, вера в непосредственное и непрерывное видимое действие в церкви даров Святого Духа. В этом смысле они имеют у себя пророков – живой орган для возвещения верным учения и вещания Святого Духа. У ирвингитов, как и у мормонов⁴⁰⁰, чрез пророков дополняется и изменяется устно первоначальное уставленное учение. Так, в 1632 году указано им необходимое число Апостолов – двенадцать, и с той поры стали они иметь двенадцать Апостолов, рассеянных по вселенной. В последнее время число это, за выбытием наличных Апостолов, сократилось до трех, но три существующие, действующие, действуют ревностно. Как ни странным кажется это учение

ирвингитов посреди Англиканской церкви, их Церковь процветает и приобретает приверженцев даже между многими учеными людьми; лет пятнадцать тому назад один из учений-ших германских богословов, благочестивый Тиш⁴⁰¹, утратил свою кафедру в Марбургском университете за то, что стал открыто исповедовать учение ирвингитов. И ныне есть в Англиканской церкви духовные лица, которые, не переставая быть членами своей Церкви, держатся того же учения. Оно представляет особенные к тому удобства, и потому особенные опасности для людей, склонных к увлечению. Ирвингиты не считают себя особою, замкнутою Церковью, и потому не требуют видимого к себе перехода и видимого исповедания. Свою Церковь они признают единым собранием всех крещеных христиан и принимают Символ веры – апостольский, никейско-константинопольский и так называемый афанасиевский; формулу веры расширяют по возможности (так, напр[имер], в Символе, который напечатан у них в служебнике и произносится в церкви, нет ни слова о происхождении Святого Духа). Они сами проповедуют, что со всякою Церковью Христианскою, где есть крещение, готовы быть в общении; и в какой бы стране ни жили, молятся церковною молитвой за господствующую там Христианскую Церковь и за ее духовное правительство. И так они, со своей точки зрения, не полагают различия между римским, восточным и протестантским церковным собранием. В России, добываясь себе признания от правительства, они предполагали молиться за Царя, за Синод и за Церковь. В лондонском их соборе, у алтаря, красуется характерная надпись означающая молитву ирвингиан «Pro Ecclesiis Anglicanis» – за Английские церкви.

В Англии ирвингиане имеют уже *семь* церквей и обладают значительными средствами от частных приношений. Достаточно взглянуть на их собор, чтобы убедиться в том, что они богаты. На построение этого храма, подлинно замечательного по красоте и по размерам, один богатый англичанин пожертвовал 80 000 фунтов.

В.

VII

Деисты и унитарии⁴⁰² в Лондоне

Лондон – по преимуществу город всевозможных сект. Едва ли в другом городе найдется столько разнообразных вероучений и мест для богослужения, столько интересных материалов для непосредственного изучения любопытному по этой части наблюдателю. Нынешним летом появилась под названием: “Unorthodox London” («Неправославный Лондон») книга некоего Девиса, который в течение нескольких лет разыскивал и посещал сборища и церкви всех возможных вероучений и толков, какие можно встретить в Лондоне.

Книга эта написана в духе самой широкой терпимости, и автор поставил к ней эпиграфом текст: «в Дому Отца Моего обитателей много». Многие из религиозных обитателей, указанных в книге, кажутся до того узки и душны, что трудно поверить, как могут живые люди находить в них приют своему религиозному чувству и сознанию. Еще более удивляешься, когда узнаешь, что люди, известные обширным умом и ученостью, устанавливают иногда свои верования в этих приютах, пренебрегая той Церковью, в которой родились и выросли и в которой, кажется, сроднее было бы успокоиться верующему духу в просвещенном человеке. Не странно ли, например, что знаменитый Фарадей⁴⁰³, первое светило современной науки, принадлежал по вере к темной и малоизвестной секте сандеманцев или гласситов⁴⁰⁴, имеющей весьма небольшое число приверженцев только в Англии, в Шотландии и частью – в Америке. Эта секта возникла в первой половине прошлого столетия и названа по имени основателя своего, шотландского пастора Гласса и зятя его Сандемана. Главную ее особенность составляет непомерное извращение протестантского учения о благодатном действии веры. Гласситы отвергают вовсе религиозное значение *дела*; дела, по учению их, совсем ничтожны: смерть Христова сама по себе независимо не только от дела, но и *от духовного созна-*

ния каждого человека, снимает осуждение со всех и каждого и самого ужасного грешника поставляет безвинным во спасение. Такой догмат дает голый, безотрадный вид всему учению и богослужению сектаторов. В нем нет места ни делам благочестия и любви, ни надежде христианской – все ограничивается холодным, отрешенным от жизни сознанием исторического события. Однако в силу его сектаторы почитают себя братьями и соединяются от времени до времени обязательно на вечерах любви, где выбирают друг возле друга места по жребию и после вечера обязаны приветствовать друг друга *лобзанием*.

Замечательно, что нет ни одного учения, в котором не обнаруживалась бы потребность религиозного обряда. Потребность религиозного чувства так сильна в человечестве, что и люди, отрицающие религию, рано или поздно склоняются к той или другой, хотя бы смутной и неопределительной форме религиозного культа, так что в самом отрицании у них бессознательно проявляется стремление к чему-то положительному: нередко случается, что люди, стремясь к очищению отвергнутого верования и обряда, впадают в иное, сочиненное ими верование, сложнее прежнего, покинутого, и принимают обряд грубее прежнего, осужденного ими за грубость. Так совершается течение в неисходном кругу: из Христианства вырывается новейшее язычество, чтобы снова придти со временем к той же точке, из которой вышло. Люди, отвергнувшие Бога и Христианство в конце прошлого столетия, сочинили же себе богиню разума⁴⁰⁵. Нет сомнения, что и атеисты нашего времени, если дождутся когда-нибудь до торжества коммуны и до совершенной отмены христианского богослужения, создадут себе какой-нибудь языческий культ, воздвигнут себе или своему идеалу какую-нибудь статую и станут чествовать ее, а других – принуждать к тому же.

Коммунисты покуда занимаются еще агитацией, пропагандой и интригой и не нуждаются ни в каком культе. Но интересно видеть, какой культ сочинили себе последователи так называемой натуральной философской религии. В Лондоне можно видеть образцы богослужебного их обряда. Есть кружки

действ, в которых сложилось своеобразное богослужение. Его можно видеть на улице Финсбюри, в так называемой Фоксовой молельне (South place Chapel). Там служит и проповедует некто Конуей (Conway) по воскресеньям, в 12 часу утра. Он считается в Лондоне главою так называемого вольного общества действ. Разумеется, в молельне нет никакого убранства: только скамьи да кафедра, на которую всходит оратор в обыкновенном платье. Он же и сочинитель всего богослужебного обряда, из которого тщательно устранено все похожее на общественную молитву. В начале и в конце собрания поется гимн из частного сборника, не всеми присутствующими, но особым хором певцов. Между гимнами полагается три чтения по назначению предстоятеля: из Ветхого Завета, из Нового Завета и, кроме того, из какого-нибудь литературно-назидательного сочинения, например из Паркера⁴⁰⁶, из *Pilgrim's Progress*⁴⁰⁷; бывают чтения из новых поэтов, из сочинений Мадзини⁴⁰⁸, Вольтера и т[ому] п[одобного]. Затем происходит не проповедь в принятом смысле, а *чтение* оратора на избранную им тему философского содержания. Так, в одно воскресенье говорилось о значении Вольтера (который считается между дейстами великим гением их веры), в другой раз – о значении разума в спорах о вере; о жизни и деятельности Мадзини. Иногда предстоятель уступает место для чтения другому – местному или заезжему – лектору: так однажды приезжий из Америки полковник Хиггинсон читал лекцию о Будде⁴⁰⁹ и о его учении, которое с восторгом ставил вровень с учением Христовым. В это утро и чтения были из Евангелия о блаженствах, и из Будды – о добродетелях.

Казалось бы, нет большой разницы между дейстом и унитарием (отвергающим троичность Божества), а между тем унитарий признает дейста еретиком и отверщается от него. Унитарии имеют свои храмы и свое богослужение, в котором нет единства, так же как и у действ: предстоятель каждой Церкви служит на свой образец. В самой модной Церкви этого толка, наиболее посещаемой, в Малой Портлендской улице, близ Oxford Street, проповедовал в прошлом году мистер Мартино; он прибавлял к своему имени клерикальный титул Reverend, на-

девал во время службы церковную одежду и употреблял служебник с молитвами (чего нет у деистов). Служебник этот переделан, с сокращениями вечерних и утренних молитв, из общего англиканского, причем выпущены все места, имеющие какое либо отношение к троичности. За молитвами и пением гимнов следует проповедь, но проповедь у унитариев мудрена для простого ума: она походит на философскую лекцию или на поэму. Иногда заезжие гости являются в унитарскую Церковь, каждый со своим особенным философским учением. Здесь можно было слышать Афанасия Кокреля⁴¹⁰ из Парижа. Здесь в прошлом году заезжий из Индии богослов-реформатор Бабу Кешуб⁴¹¹ проповедовал новое учение о Бrame! Передовые представители унитарства держатся того мнения, что проповедь должна быть лирическим излиянием духа и выражать движения сердца в обращении к Божеству; что *учительство* или *наставление* в проповеди неуместно; проповедник должен быть в церкви *пропроком*, а не священником старого типа. Понятно, что при таких условиях в церкви нет мест для народа, для людей простых, и посетители унитарских церквей принадлежат почти исключительно к зажиточному классу людей с высшим образованием.

Вот какие религии сочиняет для себя человеческая мудрость!

В.

ПИСЬМО ОБЕР-ПРОКУРОРА
СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА К ЭДУАРДУ НАВИЛЛЮ⁴¹²,
ПРЕЗИДЕНТУ ШВЕЙЦАРСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО
КОМИТЕТА ЕВАНГЕЛИЧЕСКОГО СОЮЗА⁴¹³

Государь Император Всероссийский благоизволил передать мне адрес, посланный Вами из Женевы в Копенгаген на Высочайшее Его Императорского Величества Имя.

Его Императорское Величество в неусыпной заботе о благе всех своих подданных, в особенности же о наивысшем благе – религии, не отделяет в Своем сердце Своих подданных

Прибалтийского края и питает к ним те же возвышенные чувства и благие намерения, которыми проникнуты были Незабвенные Родитель и Дед Его, столь справедливо ценимые Вами в настоящем деле.

Правительство Его Императорского Величества, неуклонно следуя указаниям Верховного Вождя своего, питает твердую надежду, что принятые в отношении Прибалтийского края меры постепенно водворят в этом крае общее спокойствие, столь долго возмущаемое историческим врагом его, именно: с одной стороны, стремлением одного, малочисленного класса к абсолютному господству в целом крае и полною солидарностью с этим лютеранского духовенства, с другой стороны, стеснением в крае всяких попыток к единению с общим отечеством его — Русским Государством, в особенности с Православною Церковью. Впрочем, считаю излишним излагать здесь сущность тех недоразумений, которые смущают ныне лютеранские умы в Европе, и ограничиваюсь сообщением Вам переписки моей по этому предмету с единоверцами Вашими, из которой Вы ознакомитесь с существом настоящего дела.

Но Вы идете гораздо далее Ваших швейцарских собратий. Вас озабочивает положение не только лютеранства в Прибалтийском крае, но и всех христианских исповеданий в России. Вы желаете полной свободы для этих исповеданий. Только глубокий отклик найдет эта Ваша высокохристианская забота в сердце русского Государя и всего русского народа. Россия хранит глубокое убеждение, что нигде в Европе инославные и даже нехристианские исповедания не пользуются столь широкою свободою, как посреди русского народа. Увы, в Европе не хотят признать этой истины. Почему? Потому единственно, что там к понятию о свободе исповедания примешалось безусловное право пропаганды его. И вот источник Ваших сетований на наши законы о совращениях из Православия и об отпадениях от него! В этих законах, ограждающих господствующее в России исповедание и устраняющих посягательство на спокойствие его, Европа видит ограничение свободы для других исповеданий, даже преследование их! Я не буду входить прин-

ципиально в вопрос, какая существует связь между свободой исповедания и правом прозелитизма его, и почему ограждение одного исповедания от прозелитизма некоторыми признается за стеснение свободы другого исповедания. Этот отвлеченный вопрос завел бы нас слишком далеко и на своем теоретическом поле едва ли привел бы к желанным результатам. Я приглашаю Вас на более прочную почву – историческую, на которой получаются более явственные решения по этому предмету.

Провидению угодно было поставить Русское государство на широком открытом пространстве между Уралом и Карпатами, где лицом к лицу встречаются две столь разнородные и важнейшие части света – Европа и Азия. В тиши и неизвестности для истории таились русские племена, пока Высшая рука, правящая судьбами истории, не вызвала их на стражу на пути великого переселения народов⁴¹⁴ в то именно время, когда должен был закончиться период этого переселения, чтобы дать христианской Европе возможность мирно начать создание новой, христианской, культуры. Русское государство призывалось к высокой миссии в человечестве – твердо стоять на страже между двумя частями света, не склоняясь ни на ту, ни на другую сторону, пока перст Божий не укажет поры для мирной встречи Востока с Западом в духе христианских и культурных идей.

Россия исполнила свой долг. Ни дикие орды хазаров, печенегов и половцев⁴¹⁵, ни тучи монголов не проникли в Западную Европу, не затруднили христианского и культурного роста ее. Мир мусульманский, столь долго торжествовавший над усилиями ее в лице крестоносцев⁴¹⁶, не только остановлен в своем движении на мир христианский, но и обессилен силою России. Что же дало России эту силу в исполнении своего великого долга в человечестве? Ничто другое, кроме ее самобытности и твердой устойчивости в своих собственных началах, в независимости ни от Азии, ни от Западной Европы. Что было бы с Россией, если бы она, окруженная с востока и запада многими десятками народностей и исповеданий и постепенно давая им приют у себя, колебалась в недоумении между одними и другими? Что было бы и с Западной Европой, если бы Россия

стала ареной для соперничества этих народностей и исповеданий, особенно в тот период, когда мусульманский мир стал твердою ногою на Босфоре, имея крепкие опорные пункты в царствах Казанском, Астраханском и Крымском, а весь Запад Европы запыхал продолжительными религиозными войнами, то озаряясь кострами инквизиции⁴¹⁷, то омрачаясь кровавыми «ночами»⁴¹⁸ и «вечернями»⁴¹⁹? Только полная духовная самобытность спасала Россию среди этого коловорота религиозных и политических порывов на востоке и на западе. Не тем ли более она должна была тщательно охранять неприкосновенность своих духовных начал, вырастивших и укрепивших ее самобытность? Да, в православной вере Россия обрела спасавшее ее духовное начало, ею одушевлялась она в исполнении своего великого призвания, в ней находила опору против соблазнов со всех сторон и увлечений и надежду посреди бедствий и уныния, с нею росла, крепла и исполняла свое назначение в человечестве. Охрана православной веры от колебаний и от покушений на нее с какой бы то ни было стороны составляет важнейший исторический долг ее, потребность жизни ее.

При таком естественном ходе своего развития что встречала Россия со стороны западных исповеданий, рано устремившихся на Восток, внутрь ее самой? Уже крестоносцы, столь восторженно двинувшиеся со своих мест в чистых порывах освобождения гроба Господня и на первых же шагах променявшие эту возвышенную цель на завладение Византией и поправление восточного Православия⁴²⁰, ясно показав, что религиозные стремления запада Европы глубоко пропитаны политическими страстями и чужды духа религиозной терпимости. Настали затем смутные времена для Европы. Продолжительные кровавые войны раздирали ее от края до края. На знамени этих войн начертана была свобода веры, а под этим знаменем боролись мирские стремления: государства распадались, поднимались отдельные нации, появлялись отдельные народные группы, возникали новые государства, выступали на сцену политические честолюбия, и вся эта картина войн представила такую помесь религиозных стремлений и мирских вожделений, в которой с

трудом разбираются и самые возвышенные умы. Это была тяжелая школа для христианского духа западных исповеданий.

В этой-то смеси религиозных и политических стремлений западные исповедания одновременно появились и в России. Католицизм избрал для себя ареною западные русские области. Католицизм проникся здесь полонизмом, открыл непримиримую войну против Православия, истреблял все русские начала во имя польского владычества и под своим знаменем водил польские полчища в самое сердце России. Мы доселе не знаем в этих областях и в целой России католичества, чуждого духа вражды к ней и старания оторвать от нее исконные ее западные области. Увы, одновременно с католицизмом, в том же духе мирских стремлений Россия узнала и лютеранство в лице бывших ливонских рыцарей, залегших ей дорогу к Балтийскому морю. Истребляя все, что напоминало католицизм, новые эти лютеране, бароны и пасторы, со всею энергией отдались существенному наследию его – мирскому исключительному властвованию в крае, возбуждению литовских и финских племен против России преследованием Православия как символа единения с ней. И доселе идет здесь борьба со стороны потомков рыцарей за исключительное господство в крае, и доселе лютеранство, подобно прежнему католичеству, прикрывает эту мирскую борьбу знаменем религии и, подавляя всякие попытки со стороны туземцев к единению с Россией, стесняя свободу совести, в то же время распространяет по Европе вопли о насилии лютеранской совести, смущает спокойные лютеранские общины в других частях Империи, повсюду держит лютеранские умы в тревоге. Если бы лютеранская Европа могла отрешиться от действия этих воплей и без предубеждения взглянуть на текущую действительность в деревнях и колониях этого края, в усадьбах баронов и пасторов, она убедилась бы вместе с нами, чего стоит здесь для туземца свобода перехода из лютеранства в Православие, убедилась бы, что Православие здесь не нападает, а себя защищает. Да, к прискорбию для христианского чувства, еще не настало время для мирной встречи христианских идей Востока и Запада, западные исповедания

у нас еще несвободны от мирских видов, от посягательства на могущество и даже целость России. Россия не может позволить им пропаганды отторжения единоверных сынов своих в религиозные станы, еще не сложившие старого своего оружия против нее. Она заявляет об этом открыто, прямо в своих законах, вверяя себя суду Высшему, правящему судьбами царств.

Но может быть в самой Западной Европе, где нет законов об отпадениях от господствующей веры и о соращениях из нее, откуда раздаются против России жалобы по поводу этих законов, может быть, в ней самой отдельные исповедания вполне освободились от мирских искушений и свобода совести ничем не возмущается? Увы, в наш век такую полную слободою пользуется только переход от веры к безверию. Я совершенно понимаю, что где-нибудь в благодатной тиши, напр[имер] под обаянием грандиозно-мирной и чарующей прелести берегов Женевского озера или у величественного, навеки скованного в своих грозных порывах, вечно однотонного рейнского водопада, дух человеческий спокойно отдается созерцанию мирного величия и благодати Творца всех, и бегут от него треволнения страстей, не щадящих совести ближнего. К сожалению, не то за пределами этих тихих приютов. Нет в Европе законов о соращениях и отпадениях от господствующей веры, но есть силы, гораздо более глубокие и широкие, насквозь пропитанные нетерпением к другим исповеданиям, в особенности же, к православной вере, при которых ссылака на отсутствие законов об отпадениях и соращениях – одни жалкие слова. Западная цивилизация, воспитанная в духе и преданиях Рима, не зная Православной Церкви, не понимая ее, от нее отвращается, унижает ее как принадлежность низшей расы, как символ низшей или варварской цивилизации. Провозглашают свободу для всех вероисповеданий и для всякого племени в принципе, но когда коснется дело до применения этого принципа, из него исключаются православные – илоты западной цивилизации... Я не буду перебирать здесь этого наследия Западной Европы от старых религиозных кровавых раздоров, укажу только на свежие примеры: в католическом

мире – на процесс Добрянского и Наумовича в Австрии⁴²¹, в лютеранском – на поведение Дрезденского евангелического союза Густава Адольфа⁴²² по поводу ходатайства австрийских славян о восточной славянской литургии.

Считаю наиболее приличным закончить настоящее мое письмо словами знаменитого Эрнеста Навиля, которым оканчивает он свое красноречивое сочинение о вечной жизни: «Настоящие обстоятельства призывают христиан к иным, более важным спорам, чем споры взаимные. В наше время, более чем во всякое другое, благодаря религиозной свободе легко различить основания Евангелия. Эти основания, допускаемые всеми христианскими вероисповеданиями, подвержены ныне открытым нападениям в движении современной мысли. Первая обязанность христиан, кажется, есть обязанность соединиться для защиты их общей веры против напора учений атеизма и материализма. Великий духовный спор нашего времени есть борьба верующих в вечную жизнь с теми, которые отрицают ее».

Примите, и проч[ее].

С[анкт] – Петербург,

31 января 1888 г.

ОБРАЗОВАНИЕ

Отрывки из школьного дневника

К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ

(Род[ился] 21 мая 1827 г. в Москве, сконч[ался] 10 марта 1907 в Петербурге)¹.

Это был мне сверстник, единомышленник, постоянный сотрудник, заступник, благодетель «Русского архива».

Смерть его была для меня горькою неожиданностью. Хотя знал я, что он недомогает, но его прошлогодние письма, его твердый, прекрасный почерк не готовили меня к тяжелой утрате. Вот последнее письмо его.

«26 декабря 1906 г. Почтеннейший и любезнейший Петр Иванович! Сердечно благодарю за добрую обо мне память на день великого праздника, который пришлось мне встретить без церкви, ибо праздник застал меня в постели. Сегодня только встаю и надеюсь вскоре оправиться. А вы еще зовете на работу! Какая теперь работа? Голова отказывается работать, и душа устала. На руках ничего не осталось из старого, а новое все нынче без солнца. Последнюю свою работу над старым я закончил, и на днях, думаю, выйдет уже из Синодальной типографии цельная книга всего Нового Завета, который и есть мое завещание русскому читателю. Обнимаю вас сердечно. Здравствуйте и да хранит вас Бог! К. Победоносцев».

Эта последняя работа – новый опыт перевода Нового Завета на Русский общеупотребительный язык. Прежним переводом², который был издан Св[ятейшим] Синодом, был недоволен сам митрополит Исидор. По его мнению, удовлетворителен только перевод св[ятого] Евангелия от Иоанна, сделанный митрополитом Филаретом³. Приступать к новому переводу митрополит не решался (по соображениям денежным) и не согласился на мое предложение издать перевод В. А. Жуковского⁴. Этот последний перевод отвез я к К. П. Победоносцеву, и он поручил напечатать его в Берлине протоиерею Мальцеву⁵. Своим же переводом занимался он в последние три года жизни. 15 августа 1903 года застал я его в Царском Селе за переводом св[ятого] Евангелия от Иоанна. Все Четвероевангелие было им напечатано для многих (в три столбца: слева церковно-славянский, посередине – его перевод и третий столбец – В. А. Жуковского).

Имя Победоносцева никогда не умрет в потомстве, и о нем появятся со временем целые книги. В пособие будущему его жизнеописателю приводим выдержки из юношеского дневника его, изданного им в 1885 году и подаренного товарищам и приятелям. Тут живая картина Училища Правоведения за 1842–1845 годы.

Из дневника К. П. Победоносцева

Октябрь 1842 года

4 (16). Встали в седьмом [часу]. Дежурный Шнеринг⁶. Наши возвратились с Бушманова⁷ бала в третьем часу ночи, и некоторые сильно навеселе. Богословский⁸ читал по прежнему обычаю поучения. У обедни, а после нее я спросил у Шнеринга билет, и благо не спросил, пришли ли за мною, скорее нырнул один на улицу.

5 (17). Готовил Богословскому катехизис, впрочем, не учил огромных текстов. Он спрашивал 3 раза и поставил 12. Был у Бушмана, но не застал. Гримм⁹. Овидий¹⁰. Спросили меня, я

ужасно сконфузился и наврал такую чепуху, какой не сказал бы, я думаю, Изв-в. Он ужасно рассердился, но смягчился и обрадовал меня немного поласковее словом. Это урок на будущее время! Нехорош же был мой дебют перед Гриммом, но после надеюсь загладить это. За обедом: щи, каша, солонина, слоеные пироги. Церпинский¹¹ читал мне статью (прекрасную) Аксакова: отрывки из вседневной жизни. Штекгардт¹². Кое-как прозубрил пропедевтику¹³ и получил 11, я просил у него позволения отвечать на латинском и получил. Попытаюсь.

7 (19). Шнейдер¹⁴. Штекгардт. Последнему отвечал я поллатыни 12 §, и так восхитил его, что он сошел с кафедры, облобызал меня, жал руку и поставил 12.

22 (4). Аллье. Гримм. Ушел я в лазарет. Спасский велел поставить горчицу. Я расположился в задней комнате, где стоит фортепиано. В лазарете: Оголин¹⁵, Стасов¹⁶, Квист¹⁷, Мосолов¹⁸, Карп¹⁹, Голубцов²⁰, Замятин²¹, Мансуров²², Бебутов²³, оба Набокова, Полянский²⁴, Шамшев; кроме того, под наказанием Юрий Оболенский за то, что посылал Алешку в трактир за бифштексом. Максим Прокофьевич. От него получил книги. Принц²⁵. Был в лазарете. Даже и чаю дал мне Кузнецов; купил себе свечу и сидел в комнате у своего столика. Что за рай в лазарете! Тепло, тихо, покойно! Утром примеривали мундиры и показались директору. Вчера стою вечером около своей кровати, гляжу, подходит Пифак и говорит: *Mein lieben P[obedonostsev], ich muss Sie examinieren*²⁶. Потом объявил мне, чтоб я пришел к нему сегодня в 10 часов утра. Я пришел. Тут дал он мне на выбор несколько тем, из которых выбрал я *Socrates*²⁷. Сроку дано до субботы.

24 (6). О Юше Оболенском, фортепианной игре и ключе от нашей комнаты. Юше принесли от Микельса бутербродов, 1/2 фунта шоколаду и целую корзинку бисквитов. Началось действие: мы стали тереть шоколад, послали за молоком, сварили, и мы все пили.

25 (7). Самое несносное теперь время для того, кто живет в лазарете. Суматоха, беготня, полотеры. Юшку выпустили из лазарета. После обеда пришел в лазарет Егорушка. Директор приказывал, чтобы сегодня за обедней лучше пели: даже и Ло-

макин²⁸ приглашен им в церковь, потому что, сказывал он, будут важные гости. И действительно, после обедни и к нам в лазарет вместе с директором зашел этот гость; это был товарищ Уварова²⁹, князь Ширинский-Шихматов³⁰ с двумя звездами. Был еще генерал Бибиков³¹ с женою, единственно из желания видеть лазарет. Еще был с намерением сделать нам визит князь Львов, впрочем, недолго.

29 (11). Третьего дня принц во время посещения своего сказал мне: побереги глаза-то хоть в лазарете, и директор сдернул с меня очки. Вчера же директор объявил, что очки позволяется носить не иначе, как в классе, но нигде более: ни на улице, ни в зале... Это очень неприятно.

Ноябрь

12 (24). Аллье. Разбирал давнишнее мое сочинение: Le Grondeur³². Узнал историю об изгнании Доппельмайера, которого непосредственно причиною был Иванов. Он показал директору пасквильные стихи его, и Доппельмайера цап-царап. Директор, говорят, еще упросил за него, а то принц будто бы хотел его высечь при всем училище и, лишив дворянства, сделать военным кантонистом. Так рассказывал в лазарете Иванов, очевидно, фантазируя.

29 (11). Очень грустно. После обедни в первом классе производим был по приказанию директора Бераром и Андреевым³³ обыск: нашли табак, сигары, карты, трубки, бутылки, рюмку и пр[очее]. Осматривали и второй класс, но не так строго, и потому не нашли почти ничего; осматривали все классы; в нашем – у Бурнашева конфисковали Поль-де-Кока³⁴, у Коробьина – Матильду.

Декабрь

3 (15). Дело первого класса опасно. Кажется, решено выключить 7 человек: Готовцева³⁵, Тунцельмана³⁶, Квиста, Оголина, Свечина³⁷, Жулковского³⁸, Замятина... Они сидят в лаза-

рете. Грустно, грустно!.. Несправедливое, слишком жестокое наказание. Но, видно, fiat justitia, pereat mundus³⁹! Участие батьки* в допросах; осуждают его и бранят все воспитанники. Толки о решении касательно первого класса. Все в негодовании. Несколько дней тому назад в саду построили из ледяных обломков крепостцу и сегодня в первый раз брали и защищали ее. Обыск в III и во II классах. Завтра хотели и у нас. Написал Георгиевскому⁴⁰ русское сочинение о том, что изящные искусства могут процветать только в благоустроенном государстве.

Январь 1843 года

20 (1). Шнейдер не был, и во время этих часов случилось неприятное для класса происшествие. В свободное время некоторым школьникам вздумалось пошалить, и вот выступили Раден⁴¹ и Сиверс⁴². Один посадил к себе на плеча Лерхе⁴³, другой Пояркова⁴⁴, и таким образом две эти пирамиды с криками ходили по классу. Около них составила шумная толпа, которая теснила их к дверям, и вот Раден с Лерхе, отворив тяжестью двери, откинулись в залу; их провожали крики безрассудных и забывчивых шалунов; в это время не подозреваемый ими директор стоял в зале вместе с инспектором. В гневе (да как было и не рассердиться!) быстрыми шагами подбежал он к двери класса и врасплох застал сборище. Посыпались укоры...

«Это что такое? И вот четвертый класс! Как вам не стыдно! Это только фореиторы, кучера только в кабаке так бесятся! Ни на что не похоже! И вы, г[оспода] Сиверс и г[осподи]н Раден, и г[осподи]н Лерхе, очень хорошо, очень хорошо! А я намеднись так хвалил вас почтенному дедушке... На что это похоже... т[о] е[сть] просто (тут, пожав плечами, обратился он к инспектору) кабак! Вообразите, вот я прихожу сюда, и г[осподи]н Раден посадил к себе на плеча г[осподи]на Лерхе, и г[осподи]н Сиверс... и изволят так прогуливаться! Просто... вот я велю сюда приставить Кириллу Андреева, чтоб он стоял тут и смотрел за вами... А все старший виноват: я вас давно

* Протоиерея М. И. Богословского. – *Здесь и далее – примеч. П. Бартенева.*

знаю, г[осподи]н Тарасенков⁴⁵, вы самый пустой мальчишка! Вот я вам спорю галуны!...».

Отдав приказания подошедшему Бушману посадить Раде-на в карцер, а Сиверса с Лерхе – в лазарет, он ушел, пожимая плечами и сказав: *c'est une abomination – vraiment*⁴⁶.

Вечером был у нас в классе обыск, производившийся Кра-нихфельдом⁴⁷ и Бушманом. У меня поймал инспектор стихи Лер-монтова⁴⁸, однако оставил их и советовал держать у Бушмана: «Конечно, Лермонтов поэт, но он умер нехорошею смертью...».

Февраль

20 (4). Я сидел спокойно, как вдруг в 4-м часу раздался звонок, и вошел принц с супругою⁴⁹, сопровождаемый дирек-тором и каким-то *monsieur*, как видно, нерусским. Принц по-казывал ему лазарет и в задней комнате нашел беспорядок: там не было 2 тюфяков, которые Кузнецов взял к себе домой. Прин-цесса скушала почти два ломтя черного хлеба.

Март

13 (25). Лишь только отобедали мы, как, по обыкновению, отправились в сад. Время было прекрасное. Солнце светило ярко. Не прошло и 5 минут, как посреди веселой толпы разда-лись глухие крики: скорей, скорей! Царь, Царь приехал. В эту минуту в окне V класса раздался звук призывного колокольчи-ка. Мы побежали. Кто просто, кто в коньках, кто ползком, но все тотчас явились наверх, бросили, как попало, шинели и фу-ражки, построились в длинную колонну. Все стихло, но вдруг пробежал глухой ропот, и вслед за ним потряс воздух громкий крик привета. Царь шел мимо рядов, оглядывая их орлиным оком... Я его впервые увидел. Он хорош, царственно хорош!.. Он был всем доволен, хвалил выпускных, чистоту и порядок. В лазарете говорил с Хвощинским и Ласковским⁵⁰... Директор скоро воротился к нам, ожидавшим его, и объявил роспуск. У, какой крик и гам поднялся тогда в этой толпе!

Сегодня с обеда директор ходил по классам и отнял у нас многие книги, как-то: Гоголя⁵¹, Отеч [ественные] Записки и пр[очее].

Апрель

1 (13). В класс Гримма дверь нашего класса отворилась, и вошел министр юстиции граф Виктор Никитич Панин⁵² в сопровождении пэра Франции графа де Сен-При⁵³ и нашего директора. Гримм сошел с кафедры и подошел к ним; мы переводили Саллюстия⁵⁴; отозвали Тарасенкова; он начал XII главу, но граф просил (разумеется, просьба стоила приказа) переводить с середины; он поправлял промахи и, видно, хорошо знает латынь. Тарасенков ушел. Гримм вызвал было Пояркова, но директор сказал мою фамилию. Я переводил из середины. Граф был в других классах, Comte de Saint-Priest⁵⁵ так прельстился французским сочинением Лопатина⁵⁶, что взял его с собою...

8 (20). В пятницу Купреянов⁵⁷ был в Зимнем дворце и, встретя в темном коридоре Государя, не узнал его; Государь, рассердясь, спросил у него билет и (после ответа, что он оставил его дома) отослал его в училище. Директор взбешен. Оставил Купреянова надолго.

21 (3). Повели нас обыкновенным порядком к обедне, потому что сегодня тезоименитство Императрицы. После службы нас распустили, и батька в то время, как я прикладывался ко кресту, сказал мне: приходите ко мне через час. Отобедав с воспитанниками, я пришел к нему; он сидел с каким-то священником, принял очень ласково и оставил обедать. Туда же пришел и Юша. Сегодня за молебном во время Евангелия священник закричал Ломакину: «молчать!», а директор, думая, что он кричал на Юшу, оставил его (впрочем, отпустил после объяснения). После постного обеда мы пили кофе и разговаривали о литературе, о Москве. Михаил Изм[айлович]⁵⁸ был весел, наконец, встал, простился с нами, и мы вышли.

24. С прошлого года возникло и распространилось у нас изобретение, которое, не знаю, дошло ли еще до Москвы. Вме-

сто трубки курят папиросы, так эта штука называется. Еще зимой я дивился, глядя, как Пейкер⁵⁹ фабриковал их, свертывая трубочки из печатной бумаги и наполняя их табаком. Теперь это усовершенствовались; берут карандаш или вроде того палочку, скатывают на ней пластинку тонкой почтовой бумаги, заклеивают края; потом загибают эту трубочку с одной стороны, наполняют ее табаком, загибают снова – и курево готово. Только что завелись папиросы и в продаже в магазине Богосова, в д[оме] Армянской церкви, но у нас только богатые берут оттуда, а прочие продовольствуются самодельщиной. В классе эта манипуляция беспрестанно производится, виноват и я, грешный. Курят в трубу: один увеселяется, а другой караулит.

Май

14 (16). Сальватори⁶⁰ был высечен в классе за фискальство Поповым⁶¹, Сиверсом, Керстеном⁶², Врангелем⁶³ и Раденом, пятью записными витязями нашего класса и училища.

Октябрь

16 (28). Сегодня концерт у принца, и мы все туда идем. Вместо скучного Штекгардта пошел я с римским правом в лазарет. Между тем принц был наверху, во всех классах. Георгиевский спрашивал меня, читал мое сочинение; добрейший старик, но какой устарелый! Спальни все отперты. Желаящие бредутся там в ожидании концерта.

После всенощной пошли прямо в спальни одеваться. Мы дожидались довольно долго, погода была скверная. За нами приехал, наконец, какой-то длинный ящик, куда все уселись и переехали. По великолепной лестнице взойшли мы наверх в богатую раззолоченную залу. Все было уже готово к концерту. Добрый наш принц был тут; принцесса сидела с Толстою в ближней комнате, с нею баронесса Крюднер⁶⁴. После первой половины разошлись мы по комнатам, где были накрыты столы с разными яствами. Пили чай, ели мороженое. Тут же устроены дере-

вянные горы, с которых катались маленькие. Потом началась вторая половина. Наши пели и играли. Особенно отличались Христианович⁶⁵, Савелов⁶⁶, Бахметев⁶⁷. Было много вышедших воспитанников. Церпинский увлек меня в задние комнаты и заговорил глупостями, так что я пропустил игру Христиановича.

Шумно возвращалась домой наша толпа по набережной, покрытой лужами и грязью.

20 (1). В эту ночь построили в зале возвышение для оркестра. Оно было причиною, что в высших классах почти никто ничего не делал, а все толпились у дверей, болтали, школьничали и бегали по возвышению.

И вчера, и сегодня за обедом был принц. Походив около нас минут 25, он вышел и возвратился, но уже не один: с ним была его супруга, мадам Крюднер, и фрейлина принцессы. Им принесли и поставили посреди столовой залы стол с порцией, которую они и пробовали. На парадной лестнице поставили сегодня часы с мраморным циферблатом. Говорят, что принцесса подарила их училищу.

Раздавали нам билеты на концерт для родственников.

Баранов⁶⁸ и Юша надломили и повалили одну из построек на возвышении.

21 (2). После обеда ушел я в лазарет, сел у Сербиновича⁶⁹ и до 5-го часа разговаривал с ним и читал ему Гоголеву «Страшную месть»; в классе нечего делать, да и ничего не хочется делать. В 6 часов пошли одеваться в спальни.

С несколькими из своего класса пошел я в церковь ко всеобщей; Андрюша Оболенский читал шестопсалмие, я – остальное. Когда мы вышли, все было уже освещено и одето. В белой зале I-й и II-й классы принимали гостей; в большой зале от противоположной стены почти до самого возвышения наставлены были ряды стульев; начали съезжаться, и скоро вся зала наполнилась до тесноты; лакеи и официанты принца разносили чай, мороженое, фрукты, конфеты, лимонад и оршад; из грандов были некоторые, много обер-прокуроров, гр[аф] Панин, много генералов. Были семейства Врангеля и Радена. В первом обратил мое внимание дядя нашего – адмирал Врангель, маленький

и бодрый старик. При появлении принца все, даже дамы, встали. Его только дожидались, и концерт начался. Скоро вошел высокий и седой мужчина с прекрасным лицом: это был шведский посланник, гр[аф] Пальмстиерна. Концерт прошел с успехом. Много хлопали. Лучше всех играли Савелов, Христианович, Вакар⁷⁰. Бахметев пел Felicita⁷¹. В 12 часов разъехались.

Декабрь

7 (19). Ровинский привез вчера из дома большой кусок фосфора и по неосторожности оставил его в спальнях, в ящике. Солдаты, не зная, что такое курится, растерли, размазали его, он зажегся, и насилу могли погасить. Вследствие этого была маленькая суматоха, из спален отобрали у всех шкатулки и снесли к воспитателям в квартиры.

14 (26). Стоили бы целого исследования прозвища, под какими слывут иные у своих товарищей, у целого класса, у всего училища. Кто-нибудь да изобрел их первый, но о редком можно добраться до начала. Происхождение большей части скрывается, говоря словами Кайданова⁷², в глубокой древности и не поддается исследованию. Кто первый и когда дал директору Пошману⁷³ прозвище *Пип*, или Кайпшу⁷⁴ – *Чич*, или Лу-стоно⁷⁵ – *Махало*, никому не ведомо. Одна из самых известных кличек – Лопс; кто не называет так Николая Григорьевича, и никто не знает, когда она возникла. Можно думать: нет ли тут чего испанского, судя по песенке, которая иными поется:

«Ах, мой Творец,
Какой Лопец!»

и пр[очее].

Но это не объясняет дела. Впрочем, у него много и других прозвищ. *Капитан Ергендрикс*, но так прозвал его Николашка. *Болотный амур* – это еще может быть объяснено. Но кто объяснит, по какому случаю, когда он был в 6-м классе, его звали *Катерина Арагонская*?⁷⁶ Можно добраться, почему в VI выпуске

зовут одного: *Евгения!* Но кто объяснит, почему Бурнашов – *Чвайка*, а Керстен – *Повивальная бабка*. Любопытно еще, почему иных не называют иначе, как по фамилии, а других называют не иначе, как по именам, и притом еще уменьшительным. Отчего так прозываются все Оболенские: Юша, Андрюша, Егорушка? Может быть, это пошло от старшего, которого звали в классе (но и то не все) *Митей*. Отчего одного Энгельгардта⁷⁷ зовут не иначе как *Диодор*, без уменьшения, а других зовут не Николаша или Вася, а Николашка и Васька? Но брата Васькина зовут Гришей. Иных зовут полным именем и отчеством. Ласковского никто не называет иначе как Михаил Иванович. Все это психологические тонкости школьной жизни.

Февраль 1844 г.

11 (23). Наш и второй класс подняли в 6 часов, и тотчас все пошли в церковь. Священник давно ждал нас и досадовал на медленность. Он, как можно было видеть, чрезвычайно устал и прочел нам правило тихим и чрезвычайно слабым голосом. Потом мы пошли с Бушманом к директору, который вышел к нам в халате, и не так, как в прошлом году, кроме похвалы и поощрений ничего не говорил нам.

Директор поручил Андрюше Оболенскому собирать деньги для одного бедного семейства, страдающего в последней нужде... собирал и я.

После обеда разговоры со Старицким. Он очень хороший малый и нравится мне.

После ужина приходил в спальни священник и читал молитвы на сон грядущим.

12 (24). Встали в 7, часом позднее, и прямо из спален пошли в церковь. Назад было много народа, большею частью также причастников. Мы стали по рядам. Выслушали часы, правила, обедню. Долго тянулся длинный ряд больших и малых причастников; в числе женщин были директорша, еще мать Андрюшина. Потом читались благодарственные правила, далее сказано было священником слово, очень хорошее, хотя и коротенькое.

Воспитанники разбежались: кто в спальни за шинелями, кто по залам, кто в столовую пить чай. В числе последних был и я, а пришедши назад, увидел, что 43 воспитанника разошлись уже. Но сверх чаяния явился в зале принц, остановил роспуск и велел построиться в большой зале, что и исполнено. Принц поздравил нас и объявил, что Его Императорское Величество позволил воспитанникам нашего заведения и лица носить с поля<ми> шляпы, во фронте останавливаться перед императорской фамилией, не переворачивая шляпы и делая честь с правого плеча. Это очень порадовало всех нас, потому что избавляло от сложного и неловкого маневра.

Юша Оболенский остался в училище, я рассматривал у него «Литературную газету» и «Картины русской живописи», которые и взял к себе на сохранение. В 6-м часу ушел от него к переплетчику, по просьбе Юши договориться за переплет Отеч[ественных] Зап[исок] и молитвенника. Квартира этого переплетчика была в доме Калерджи, ныне Маргульеса, на одном дворе с квартирою Шаховских; выходя назад, я услышал голос Андрюши из форточки. Он зазвал меня к себе, и я, побыв немного, ушел в училище. Был у всеобщей, читал шестопсалмие. Сюда же пришли несколько певчих, и составилась маленький хор.

Директор после ужина своего прислал чрез Савелова мне и Лопатину левашников⁷⁸.

27 (10). Сегодня Попов оставлен в училище; во вторник украли у него часы, которые купил он у Карцева за 10 целковых, и он, как говорят, сказав, что заплатил за них дорого, поднял из этой дряни кутерьму. Производились и осмотры в спальнях. Тут же директор узнал, что Попов разыгрывал в лотерею и собственные свои часы, распек его и Юшку, который эти часы выиграл, а Попова оставил на воскресенье.

Март

28 (9). После чаю ходил к обедне, за которою пел дьякон с Юшей Оболенским, потому что дьячок до сих пор еще пьян.

31 (12). Отправился в Михайловский театр в намерении развлечь себя в этот вечер. В 7 часов начался спектакль драмою: *Le bal masque sous Louis XIV*⁷⁹; пьеса пустенькая, которую я, помнится, читал когда-то в «Репертуаре». Но ее оживляла прекрасная игра артистов, которая у французов из ничего умеет занять зрителей. В особенности хорошо играл Vernet J. Falcon была очень интересна⁸⁰. За этою 3-актною пьесою следовал пресмешной водевиль: *La famille improvisee*⁸¹. Здесь решительно все были хороши, но в особенности Gothu, который являлся в 5 ролях и переодеваниях, играя лица совершенно карикатурные. Нельзя было не хохотать. Третья пьеса: *L'humoriste*⁸² также была скучна. Превосходно играли Дюфур⁸³ – самого humorist'a и Rouget – его лакея.

Подле меня сидел Александр Иванович Кранихфельд в креслах. Было, как и всегда, много наших воспитанников. На балконе между прочими и Диодор. Я условился с ним после спектакля быть у Излера.

Апрель

5 (17). Вечером за ужином давали нам мороженого, кажется, по случаю именин или рождения принцессы.

15 (27). Воротившись наверх, увидел толпу народа у дверей IV класса, пробрался туда кое-как, весь класс был битком набит; я стал на скамью. Собрание было привлечено Крапоткиным⁸⁴, который показывал фокусы за маленьким столом, окруженный всеми своими препаратами; впереди сидели Бушман и Шнеринг. Фокусы были очень искусно делаемы, и все дивились ловкости Крапоткина.

26 (8). Кто-то из воспитанников случайно попал камнем в карету графини Соллогуб, ехавшей по Сергиевской улице. Та принесла жалобу директору; он, разумеется, разбесился. Были подозрения на Тимрота⁸⁵ и на Трузсона 2-го⁸⁶. Первый оправдался.

27 (9). Юша кутит себе, да и только. Вот уже третий день приносят ему в лазарет обед от Излера, устриц от Смурова и портер. Он есть и пьет, сколько душе угодно.

30 (11). Завтра затевают у нас новый обман во время Штекгардтова экзамена: пишут по два экземпляра всех билетов, каждый готовит из всего курса только один билет, и когда берет билет со стола, говорит тот номер, который сам учил; а на приготовленном стуле билет ему обменивают. Если это удастся, о, какая жалкая сущность.

31 (12). Употребили в дело эту хитрость, о которой я вчера писал, и она удалась вполне. Все были в этом деле обмануты: и директор, и инспектор, и Штекгардт, и Генцшель, заседавший на экзамене... Совестно было молиться до и после экзамена. Разумеется, успех был блестящий.

Июнь

1. Совестно вспоминать об экзамене Штекгардта, и разговоры об этом не прекращаются в классе. Многие говорят, и не без основания: «Что же нам делать, когда начальство ставит нас в невозможное положение? Нас заставляют слушать лекции и отвечать на языке, которого мы не понимаем и на котором не можем объясниться нисколько». И действительно, не менее как три четверти нашего класса совсем не знают или совсем плохо знают по-немецки; странно сказать, есть в числе таких даже немцы по происхождению, т[о] е[сть] имеющие мать или отца немцев. Прохождение сквозь уроки Михлера и Шнеринга не подвинуло их ни на шаг в знании немецкого языка. А между тем, начиная с низших классов, некоторые предметы преподаются на немецком языке будто бы для практики. С физикой, географией можно еще как-нибудь справиться, но когда дело доходит до предметов философского содержания, до пропедевтики и энциклопедии, тут, что называется, свет досками забран и нет никакого выхода. Иной пробует учить наизусть параграфы, ничего не понимая, и можно себе представить, что из этого выходит. Так однажды, помнится, Андрюша пробовал отвечать Штекгардту, начал первую фразу: “Ungeachtet dieser Wissenschaft”, – потом после некоторой паузы произнес: “als”⁸⁷, – и затем последовало гробовое молчание...

Теперь в управление Кранихфельда все у нас несравненно вольнее. Директор долго еще не вернется из отпуска, и мы все похожи на детей в тот вечер, когда отец и мать уехали в гости, а стеречь дом оставлена старая нянька, слепая и глухая.

Ноябрь <без года>

13 (25). Сегодня похороны знаменитого Крылова⁸⁸, который умер в прошлую среду. Из всех учебных заведений назначено было прислать представителей-воспитанников; и из нашего отправили весь первый класс и еще несколько человек из старших классов. Говорят, похороны были великолепные; народу необыкновенное стечение, все министры, вся знать. Крылова похоронили в Александро-Невской Лавре, между Гнедичем⁸⁹ и Сперанским⁹⁰. Перед смертью своею он велел разослать вместе с похоронными билетами своими по экземпляру своих басен.

Говорят, что молодые не ценят тебя⁹¹, а умеют ценить только старые. Пожалуй, правда, но есть минуты, когда чувствуешь до глубины всю полноту жизни. Возвращаясь домой, всю дорожку я напевал прелестную студенческую песню XII столетия, на которую набрел вчера в одной книге:

“Vinum bonum et suave,
Bonis bonum, pravis prave.
Cunctis dulcis sapor, ave,
Mundana laetitia”⁹².

И потом, в постели, закутавшись, повторял еще всласть, засыпая, заключительную строфу:

“Ave color vini clari;
Ave sapor sine pari;
Tua nos inebriari
Digneris potentia”⁹³...

29 (11). Ждут Царя, и, вероятно, по этому случаю директор вздумал стричь всех по алфавиту у себя на дому. Младшие классы стригли цирюльники, а старшие – француз Алибер. И я подвергся той же участи.

Май <без года>

1. Все молоды, все поют, и песни, которые слышишь и поешь здесь, наверное, останутся в ушах на всю жизнь. Выйдешь в сад – весной пахнет; с грустью вспоминаешь деревню, но и тут – весенний воздух, молодой лист, птичка чирикает. Мудрено ли, что и мы все принимаемся чирикать? Чирикаю и я, запеваю любимую майскую песню:

“Wie herrlich lauchtet
Mir die Natur,
Wie glänzt die Sonne,
Wie lacht die Flur...”⁹⁴

В эту минуту слышу: в саду составилась живой, звонкий, ладный хор. Поют русские песни, шевелящие душу, поют «В темном лесе», и вот затянули другую, и слышу припев: «Две собачки впереди, два лакея позади...» и «Ваша воля, ваша власть» и пр[очее].

Пение разнохарактерное. Вспоминаю, как зимою в спальнях Юша садится к фортепиано и запекает своим приятным тенором цыганские песни и романсы: «За Уралом за рекой» и «Скинь-ка шапку» и пр[очее], а около него кружок любителей слушает и подпевает. В числе их непременно Раден; он хвалится своей октавой, пристаёт, хотя немец, к нашим церковным певчим и любит, подходя к окну, пускать в стекло свою октаву... Немцы наши ввели в употребление свои хоры, которые все охотно поют с ними: “O, wie wohl! Ist mir am Abend”; или “Gute Nacht, gute nacht, schön Anna-Dorothee”⁹⁵. Пейкер – вовсе уже не певец – затягивает: “Was macht der Herr Papa? Was macht der lederne Herr Papa?”, и другие хохочут и отвечают хором.

Андрюша, у которого нет ровно никакого голоса, тоже затягивает, и на всех нападает пущей смех. Раден принимается за песню: “Laurentia, liebe, Laurentia mein”⁹⁶, но плохо выходит, потому что у него совсем нет слуха, и Пейкер одерживает над ним победу в состязании певцов.

Иные песни возникают случайно, входят в моду, потом исчезают. В пятом классе, когда я поступил в училище, помню, была в моде и часто пелась в разных углах рылеевская⁹⁷ песня:

«Не слышно шуму городского,
На невских башнях тишина»,
и пр[очее].

Вместе с нею шла в ход и пелась даже хором известная солдатская песня (говорят, творение декабристов):

«Послушайте, братцы,
Советов моих:
На всяком есть месте
Выгоды свои.
Генерал в карете
К разводу спешит,
А наш брат в шинели
Чуть ружье тащит...»

и конец:

«Убежал от пушек –
Дают крест златой;
Оторвало ногу –
Так ступай домой.
Что же будешь делать,
Когда дома нет –
Вот тебе награда
За двадцать пять лет!»

Сиверс, Пейкер и другие за ними принимались петь давыдовские⁹⁸ песни, вообще стяжавшие популярность в Училище:

«Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники драгие?»

Или вот эту еще, с особенным ухарством распеваемую:

«Бурцев ера, забияка,
Собутыльник дорогой,
Ради рома и арака
Посети домишко мой!»

Нечего и говорить про итальянские арии, которыми все бредят и которые все повторяют со времени Виардо⁹⁹ и Рубини¹⁰⁰. Одного *d'un pensiero*¹⁰¹ из «Сомнамбулы»¹⁰² слушаешь во всех углах. Но итальянские меломаны Врангель, Диодор, Попов составляют свой кружок...

Сентябрь <без года>

27. У нас есть странные люди, которые целый день, целую неделю, целый год кутят и ничего не делают. Днем по будням они болтают, поют, играют в преферанс, в орлянку и в другие игры, пляшут канкан и ругают директора. По праздникам день проводят в трактире за билльярдом, вечера – Бог знает где, – словом, живут настоящею минутой и более ничего знать не хотят. У них есть особенные песни, которые они поют с утра до вечера. Вот для образчика:

Владыка Китая
Смотрит – ком,
Когда в чашку чая
Мне вливает ром.

Аристот ученый –
Великий философ
Продад панталоны
За сивухи штоф.
Следуйте Помпею¹⁰³:
Славный римлянин
Продад портупею
За голландский джин.
Цезарь, друг отваги,
И Помпей герой
Продавали шпаги
Тою же ценой.
Дюк Бургонский древний
В правиле гласит:
Пьяницам в харчевне
Отпускать в кредит.

Октябрь <без года>

7. В Училище от одного конца спален до другого слышался гул и ропот. В нашем классе этот ропот скоро превратился в нервическое волнение. Вот причина.

Прокофьев – солдат, который был в то время дежурным, рассказывал, что сегодня с 8 часов вечера смотритель Кузнецов, собрав в спальни всех солдат, давал им странное приказание. Он будто бы приказывал солдатам ни в чем не слушаться воспитанников. «Не вставайте перед ними, – говорил он. – К чему вы говорите им: “Ваше благородие”? Они мальчишки, щенки, а не дворяне». Потом, обратившись к Мартынову, которого накануне чуть не прибил Раден, сказал: «А ты дурак, что позволил прибить себя. Вас было трое, болваны! Вам бы схватить его, да и отвалить хорошенько». Много тому подобных мелочей рассказывал Прокофьев из речи Кузнецова. Эта речь показала всем нам так резкою и обидною, она так раздражила всех нас, что мы не могли удержать своего негодования, Бог знает, что представлялось нам; мы собрались в толпу и рассуждали

о том, что нам делать. Наконец, положили решительно: писать на другой день письмо к директору, требовать непременно удовлетворения, наконец, объявить, что если этого не будет, то мы через родителей своих будем просить принца. Подписать всем и действовать решительно. В эту минуту мы готовы были на все; нам казалось легче потерять многие преимущества и надежды, чем спустить, оставить, простить такую обиду. До такой степени были взволнованы умы, что половина класса не могла спать часу до 4-го ночи. Бушман, дежурный в эту ночь, не мог спать также. Все говорило, все кипело.

На другой день, в понедельник, 8-го числа Бушман, кончив свое дежурство, отправился к директору и все рассказал ему. Между тем мне поручили написать письмо; я написал, как умел, впрочем, гораздо умереннее, чем было задумано вчера. В классе Яковлева Бушман отдал письмо директору. Директор принял его сначала как пустую, ребяческую вспышку и начал было говорить нам, как обыкновенно, в своем прежнем духе, что это все глупости и т[ому] п[одобное]. Но перед ним не молчали, а многие и возражали ему. Тогда он понял, что мы не скоро отступимся от этого дела и велел в 10 часов придти к себе от всего класса Тарасенкову, Лерхе и Котляревскому¹⁰⁴. Но и с ними говорил по-прежнему, сворачивая речь на трактиры и даже на маленькую комнату, данную мне прошлым летом. Впрочем, он Бушману поручил произвести следствие: точно ли справедливо то, что смотритель давал приказ такого рода. Мы несколько успокоились.

В 7 часов вечера после бани началось это следствие на квартире у Бушмана. Он и Берар¹⁰⁵ были председательствующими, но главными органами допроса были Тарасенков, Врангель, Оболенский и я. Приводили многих солдат, и мы допрашивали их. Кое-каких трудов стоило нам победить их упорство. Но, наконец, мы победили его. Сбивали солдат в показаниях, потому что допрашивали порознь. Всего смешнее и всего упорнее было признание Кононова. Но все-таки мы подтвердили через этот допрос подлинность приказа, отданного Кузнецовым...

Мы ликовали, но еще до победы было далеко. На другой день и Бушман, и Берар объявили нам, что директор не так

принял их донесение, как бы они желали, и никак не хочет отставить Кузнецова от должности, говоря, что он не во власти это сделать. А класс не хотел понять этого, закипел и требовал в большей части своего состава, чтобы Кузнецова выгнали.

Написали к директору в этом духе другое письмо. Этого письма директор не принял. Вскипели наши молодцы, пошли в залу и там чуть не слово за слово, а все-таки крупно говорили с директором, и мы его не понимали, как он не понимал нас.

Думали, думали, толковали, кричали. Хотели уходить из Училища. Просились домой, говоря, что не можем оставаться в Училище, говоря, что должны посоветоваться с родными. Директор позвал к себе Радена – одного из главных ажиотаторов и велел ему убираться домой. Тимрот вспылел, пошел к директору и крупно поговорил с ним, и ему было то же сказано. Это почти всех привело в негодование; еще несколько минут – и, чего доброго, мы убежали бы все из Училища.

Но развязка была близка, и счастливее, чем мы думали. В залу вошел директор; мы собрались около него кучею, и он стал говорить нам, не ругая нас, но спокойно. Представлял нам, какую глупость мы в состоянии сделать, как безумны и неумеренны наши требования. Говорил нам, что он сделал все, что от него зависит, что Кузнецов удален от надзора над солдатами и от всякого сношения с нами, но что он не может совершенно отставить его, а если мы хотим, будет писать об этом принцу. Впрочем, делайте, что хотите, сказал он, ворвитесь к Кузнецову, повесьте его, если вам угодно, но подумайте, что из этого будет.

Тут он ушел. Речь его почти всех образумила. Тут мы поняли, что более того, что сделал директор, нам нечего ожидать и, наконец, что распоряжение его может удовлетворить и нашим требованиям. Мы послали Бушмана сказать ему, что мы спокойны и довольствуемся тем, что он сделал для нас.

Директор воротился довольный и очень ласково говорил с нами. Он обнадеживал, обещал нам сделать все, что может, одним словом, всех примирил с собою.

14. Котляревский утащит¹⁰⁶ меня к Аллье, куда ему нужно было сходить за чем-то. Аллье принял нас очень ласково. Он си-

дел в халате в большом кабинете своем, окруженный книгами. Вот человек, которого я не могу не уважать за его достоинства. Он не шарлатан, но ученый, и ученый француз в полном смысле. Притом же дар слова у него прекрасный, речь так и течет у него с языка плавным, стройным потоком. Вместе с этим неподдельный юмор французского остроумия, какое-то чисто французское одушевление, так что трудно не увлечься им и не слушать его, когда он разговорится. Ни чьи разговоры не могут так заинтересовать, как разговоры Аллье, это решительно один из лучших профессоров наших. Когда он, сторбясь, сухой и маленький, скорее вбегает, нежели входит в класс, улыбаясь и поглядывая на обе стороны, я уже заранее предугадываю, что интересно будет его послушать. Теперь, когда он читает нам историю французского права, нельзя не удивляться памяти, которая видна в замечаниях, которые говорит он нам беглым языком своим.

Квартира у Аллье прекрасная, на Невском проспекте, в д[оме] Рогова. Говорят, что ему дает ее Блудов¹⁰⁷, у которого Аллье домашним человеком. Кабинет его полон книгами.

* * *

В Училище Правоведения любили Победоносцева, и в некоторых школьных товарищах своих (наприм[ер], И. С. Аксаков и князьях Оболенских) имел он истинных друзей. Нынешние воспитанники Училища Правоведения появились во множестве на похоронах Победоносцева, отличавшихся умильной задушевностью. Могила его в саду, рядом с женскою школою, которая устроена его супругою Екатериной Александровной (ур[ожденною] Энгельгардт). «Смерть велит умолкнуть злобе», но вопреки тому в еврействующих газетах появилось известие, будто после Победоносцева осталось многомиллионное наследство, тогда как все его состояние – небольшой деревянный дом в Хлебном переулке в Москве, а в скромной его жизни получаемым жалованьем 22 т[ысячи] р[ублей]* покрывались толь-

---

* См.: «Список гражданским чинам», издание Инспекторского отделения собственного Его Императорского Величества Канцелярии.

ко издержки, сопряженные с его общественным положением. К нему именно можно применить слова поэта:

«Он дел своих ценою злата
Не взвешивал, не продавал!
Не ухищрялся против брата
И на врага не клеветал».

При многостороннем образовании и учености вовсе не было в нем гордыни ума; но «ум, любя простор, теснит», и потому немало было у него врагов. Ему ставили в упрек само происхождение его. Дед¹⁰⁸ его был священником при церкви Св[ятого] Георгия, в Москве, на Варварке; отец (ск. в 1843 г.) кончил свое поприще профессором; мать – старинного дворянского рода Левашовых¹⁰⁹ (из города Луха Костромской губернии). В Победоносцеве и тени не было того, что называют кутейничеством и что отзывалось даже и в Сперанском.

Потомство оценит великие заслуги Победоносцева, который, подобно Карамзину¹¹⁰:

«Царю был другом до конца
И верноподданным России».

П[етр] Б[артенев].

Воспитание характера в школе

Отделять ученье или науку от воспитания – пагубный предрассудок, в который ныне впадают многие, особенно люди, мечтающие приготовить посредством школы гражданина и совершить это посредством науки. Само ученье, какими бы ни были его программы, не достигает своей цели, если в нем умственное образование не сливается с нравственным. Только

тот умеет учить, у кого в мысли и то, и другое нераздельно. Хорошо учить – значит помогать образованию добрых навыков и затруднять образование дурных навыков, а эти навыки, нераздельно и умственные и нравственные, один без другого немислимы. Напрасно предполагают иные, что знание дается посредством сообщения и усвоения фактов, – это необходимо, но одно это еще недостаточно для приобретения знания. Знание должно иметь цельность, и в этом смысле оно одинаково нужно для всех, хотя усовершенствование его зависит в особенности от свойств и потребностей каждого.

Воспитательное образование человека не имеет предела: нет и не бывает человека, доросшего до совершенства, и все достигнутые человеком успехи служат лишь показателем того, чем он может стать. Идеал совершенства, какой ставит перед нами религия, недостижим: мы можем только стремиться к нему последовательным ростом от силы в силу, таков закон бытия и существа нашего.

Этим определяется задача воспитателя. Он должен сообщать своему питомцу побуждения, открывающие ему возможность безграничного усовершенствования, сообщать способность и силу идти вперед, независимо от внешних обстоятельств и от материальной поддержки. Но доводя своего питомца до этой цели путем внимательной дисциплины, он должен соразмерять его силу, дабы не налагать на него прежде времени такое бремя, которое он еще не в состоянии понести.

Каждый человек с детства сам по себе растет действием природных сил своих. Положитесь на них и оставьте его расти, говорят одни. Не полагайтесь на них, старательно учите его, говорят другие. Истину надо искать между этими крайностями. Воспитатель должен действовать, но беда, если он забудет, что главным деятелем воспитания должен быть сам питомец. Без его участия пропадет все дело воспитания.

Иные философы склонны думать, что душа ребенка подобна листу белой бумаги, на которой воспитатель может писать, что ему угодно, и что в этом состоит главное орудие воспитания. Такие философы думают, что всякое знание происходит прямо

от чувственных представлений и все умственные процессы суть не что иное, как видоизменение и совокупление ощущений, – стало быть, с самого начала надо действовать на воспитанника рассуждением: в таком случае само ощущение служит основой рассуждения, для которого нет иной опоры. В этом методе почти не остается места самостоятельности ученика: вся работа принадлежит учителю. Ученик представляется способным к представлению идей, пока превышающих его познавательную способность, и память его обременяется работой в надежде на то, что приобретаемые этим путем «знания» сами собой усвоятся уму бессознательным умственным процессом. С другой стороны, постоянное обращение к ощущению ослабляет деятельность внимания и не оставляет места размышлению; отсюда в образовании характера происходит обычная в наше время у многих наклонность к легкомыслию и в действиях, и в словах человека.

Каковы бы ни были природные свойства воспитанника и свойства семейной и общественной среды, из которой он вышел, долг воспитателя – возбудить в нем самодейственную жизненную силу и утвердить в нем сознание, что он может и должен сам содействовать своему духовному росту во всякое время: и теперь, и тогда, когда не будет около него учителей и воспитателей. Для этого необходимо прежде всего сообщать и прививать ему добрые навыки и способность умножать их впоследствии. Привычка делать в свое время все, что требуется добрым побуждением, образует мало-помалу такую дисциплину побуждений и поступков, что правое дело становится проще и естественнее неправого.

Первое условие для воспитания добрых навыков есть порядок – порядок каждого в отдельности и целого класса. Сознательно установленный порядок должен быть таков, чтобы при нем облегчалось приобретение добрых навыков и затруднялось приобретение дурных навыков – в этом и смысл дисциплины.

Великое дело – навык: в нем существенная соблюдательная (консервативная) сила для природы человеческой и для человеческого общества. Одного инстинкта мало для предохранительной цели: инстинкт есть слепое, бессознательное по-

буждение, вызываемое потребностью физической природы, и действие его минутное. Но навык, хотя и получает напоследок свойство автоматическое, в самом начале своем держится по сознанию и требует усилия воли.

Добрые навыки утверждаются практикой, а дурные искореняются сокращением случайных к ним поводов: итак, дело воспитателя – умножать поводы к доброму навыку, возбуждая его и поощряя; для воспитания доброго навыка требуется чистая атмосфера и доброе питание, чтобы навыком приучалась и утверждалась воля, к добру направленная. Если взглядеться в корень и порока, и добродетели, окажется, что и добродетель, и порок – тоже навыки, мало-помалу приобретающие жизненную и творческую силу.

Как же должен действовать учитель?

Прежде всего, ему надо помнить, что навыки возникают на почве физических, материальных отношений. Необходимо, чтобы в нервах ученика произошло соответственное изменение. Что с первого раза дается с трудом, становится трудно в другой раз и в третий, и потому не следует смущаться учителю, когда не удаются ему сначала все усилия с учеником или даже с целым классом, только нельзя ему забывать о физической обстановке, посреди которой навык должен утвердиться. Для того, чтобы приучить учеников к чистоте и опрятности, необходимо обставить их опрятно и светло; разве можно достигнуть этого в грязной, невычищенной, без порядка заваленной классной комнате? Так, посредством видимой обстановки учитель устраивает в школе атмосферу, благоприятную для дисциплины, для того, чтобы каждому стало легко вступить в нее.

Сначала удобно утвердить порядок в мелочах, приучить учеников, чтобы они и в мелочах умели управлять собой, то есть держать дисциплину. Тогда уже, когда они приобрели этот навык, учитель может положиться на свободу их во многом; тогда уже, например, дав задачу целому классу, он оставляет его в уверенности, что каждый справится с ней самостоятельно. Но и тут главное, за чем надо следить и чем надобно пользоваться, – это стремление ученика к самостоятельности. Созна-

ние своей силы, чувство удовлетворения тем, что сам сделал, чего сам достиг, – это самое сильное воспитательное средство: это сознание побуждает идти вперед, совершенствоваться. Всякое новое умственное усилие более или менее тягостно, и в школьной жизни ученик часто встречается с трудной, неприятной работой, для которой требуется усилие воли. Всеми такими случаями учитель должен пользоваться, наблюдая, чтобы усилие воли не ослабевало и укреплялось частой практикой. Иначе может ослабеть самодеятельность и застынет в механическом навыке. Вот почему трудно бывает справляться с детьми, которые выросли дома в строгой дисциплине и в механическом послушании, не оставлявшем места развитию и усилиям воли. И в школе не приводит к добру такая система одной лишь внешней дисциплины, строгое соблюдение которой считается главным признаком доброго поведения.

Ход развития может быть выражен в трех словах, означающих его ступени: попробую – сделал – пойду дальше. Первая ступень – сделать усилие. К усилию побуждает трудность. Ощущение трудности неприятно. Надо преодолеть его усилием. Дисциплина возбуждает ученика сделать усилие, чтобы достигнуть цели, то есть сделать, что нужно. Наградой усилия будет, во-первых, успех, во-вторых, облегчение дальнейших усилий: ученик идет вперед, а конечным результатом будет качественное преобразование в характере ученика. В смысле физиологическом преобразуется все нервное его настроение из ненормального в нормальное и постоянное.

В людях взрослых часто видим неумение держать себя в обществе, грубость речей и приемов, проявление эгоизма. Это происходит большей частью не столько от особенных свойств природных, сколько от невоспитанности. Вот почему на этот важный предмет должно быть обращено внимание воспитателя добрых навыков. Он должен примечать ранние проявления грубости и эгоизма, останавливая их, но в то же время, пользуясь всеми случаями, в которых ученик приучается сдерживать себя. Малые дети не должны грубо драться и щипаться, за столом должны сидеть в порядке и т[ому] п[одобное]. Когда подрастут,

надобно, чтобы в них развивалось понятие об общих интересах, о чести и обязанностях целого класса. Для этого полезен существующий во многих школах обычай возлагать на самих учеников разумную и ответственную заботу о нуждах целого класса и уход за порядком в классе, в его обстановке и принадлежностях, в занятиях, развлечениях, играх и т[ому] п[одобном]. Этой цели служит учреждение наблюдателей, инспекторов, старших, старост и т[ому] п[одобного]. Надобно помнить, что каждый из учеников станет когда-нибудь в свое время гражданином с участием в делах общественных, и школа должна приучить его так, чтобы он со временем и в таком важном деле руководствовался не личным интересом и самолюбием, чтобы он учился понимать, что истинная свобода состоит совсем не в своеволии, а, напротив, для того чтобы свободой пользовались все; необходимы для всех твердые правила о том, что следует делать и чего нельзя делать, от чего следует воздерживаться.

Великое дело приучить детей к правдивости. Корни лжи скрываются глубоко в природе каждого ребенка: у одного они более упорны, у другого – менее, ибо не у всякого натура здоровая и ум здравый. В борьбе с ложью надобно действовать и на ум, и на сердце. Прежде всего, необходима воспитателю самая строгая справедливость в отношении к ученикам, она должна вызвать в каждом соответственное сознание правды. Источником лжи в каждом отдельном случае служит почти всегда побуждение эгоизма или себялюбия – желание выгоды, желание избежать наказания или горького сознания своей вины. Воспитатель должен приступать к лечению этой лжи, но крайне осторожно, и тем осторожнее, чем малолетнее виновный. Ни страхом, ни строгим приказом нельзя вылечить эту болезнь. Боже избави настаивать на испорченности ребенка, обращаясь к нему, как к негодяю, это значит испортить все дело. Можно только мало-помалу завоевать ум и сердце ребенка, ввести его в область правды. Всего надежнее будить в нем чувство достоинства и к этому чувству обращаться. Идеал для ребенка – быть большим человеком: надобно, чтобы он понял, как этот идеал искажается и разрушается ложью.

И в преподавании необходимо учителю соблюдать умственную правду. Всякое дело умственной работы в классе должно быть в виду всех таким, каково оно есть в действительности. Разрешается ли задача, составляется ли грамматическая конструкция, пишется ли сочинение или сказывается урок, не следует допускать, чтобы дело несделанное получило вид сделанного, неведение казалось достаточным знанием, ходячее слово без определенного значения принималось без сознания и объяснения. И учитель должен смотреть за собою, когда дает объяснение или ответ на вопросы ученика, чтобы мысль его и слово его были ясные и не туманные; сам он должен учиться, приготавливаясь к уроку. Все ученье пропало даром, если ученик не вынес из него привычку к добросовестности и аккуратности в работе, привычку продумывать все, что он делает, привычку употреблять слова в истинном, точном их значении. В этом отношении учитель должен служить примером; авторитет его поколеблен, если ученики замечают, что сам он шарлатанит в уроках. Умный учитель, когда сознает сам, что в решении, например, задачи или в иной работе нет у него твердого умения, пользуется этим случаем для того, чтобы приобщить ученика к уяснению предмета, чтобы вместе с ним найти выход из затруднения, этим оживляется интерес и укрепляется в ученике сознание плодотворности добросовестного труда.

Всякое учение должно быть проникнуто нравственным началом, но воспитывать нравственное чувство одними наставлениями – невозможное и фальшивое дело. Французские педагоги делают из нравственности учебный предмет; вводят у себя учебники нравственности, возводят нравственное учение в систему; система устанавливает категории нравственности с объяснением иногда отрицательных явлений по предметам, о которых ученик не имеет еще в жизни понятия. Такое учение может приносить только вред, а не пользу. Можно представить отвлеченные черты той или иной добродетели, правило доброго поведения, но к чему послужит это правило, когда вместе с ним нет готового случая применить это правило к жизни? Образование характера совершается последовательно медленным

ходом, а юный, незрелый ум не в состоянии живо и действительно усвоить себе отвлеченное понятие или отвлеченный образ. Учитель в состоянии иногда одушевить этим образом молодого человека, возбудить горячее его сочувствие, но это будет лишь впечатление, и, повторяясь, может породить одну лишь сентиментальность, если жизнь и обстановка не даст ученику готовых случаев испытать себя и правило на деле. Одна умственная или воображаемая добродетель ничего не стоит и производит лишь самообольщение. Справедливо замечают, что, когда ум чрезмерно занят отвлеченностями и образами, нередко ослабляется вместе с тем энергия воли.

Часто повторяемые наставления и запреты, как бы ни были убедительны и строги, мало приносят пользы, а от повторения теряют всякую силу. Но школьная жизнь представляет учителю, можно сказать, на каждом шагу готовые случаи возбудить ученика вовремя сказанным словом, для того чтобы воспитать в нем влечение к добру и отвращение от зла...

Особенной внимательности требуют награды и наказания. В действительной жизни, на рынке дел человеческих всякая деятельность служит ареной для состязания об успехах и наградах, и чем больше стремящихся к тому и другому, тем живее и ревностнее состязание. Самые крупные награды достигаются усиленной борьбой одного против остальных соперников. В малом виде школьной жизни отражается то же явление. Соперничество в погоне за почестями, за славой служит главной пружиной всякой деятельности и сильным двигателем успехов в науке и искусстве. Но в применении к школе развитие подобного соперничества ведет к нежелательным последствиям. Оно возбуждает и поддерживает в ученике желание добыть для себя лично то, что другим не достается, и мешает развитию желательного расположения быть приятным для всех тех, чьим мнением дорожить надо. Мы привыкаем измерять свое достоинство тем, что мы в состоянии сделать, но эта мера обманчива: правая мера достоинства – во внутреннем человеке, а та мера, если преобладает, способна вносить в жизнь и отношения чувства необщительные – тщеславие и зависть. Здравому смыслу

и бдительности воспитателя предлежит уравнивать по возможности эти течения. С малыми детьми особенно требуется осторожность в распределении наград, и во всяком случае достоинство должно принадлежать не столько совершенному делу, сколько добросовестному старанию: не столь важно дело, сколько свойство делания. Чрезмерная погоня за школьными наградами может губительно отразиться на дальнейшем развитии молодых людей и в будущей деятельности их превратится в страсть к похвалам, наградам и отличиям. Из всех видов награды самый лучший, самый действенный – это слово одобрения, вовремя сказанное добрым и рассудительным наставником. Но самой существенной и самой естественной наградой дела служит всякому деятелю чувство удовлетворения совершенным делом или работой. Если наставник сумел довести своих питомцев до живого ощущения своих успехов, движение вперед обеспечено. Когда делатель заинтересован в усовершенствовании своего дела и делает его добросовестно и может сказать себе сознательно: «хорошо сделано», – это ему своя награда, которую можно назвать творческим сознанием совершенного.

Здравая дисциплина не может обходиться без наказаний. Но как в наградах, так и в наказаниях наставник должен быть крайне бережлив и рассудителен. Школа, где сыплются наказания, – нехорошая, нездоровая школа. У малых детей ощущения сосредоточены главным образом в сфере физической природы, и для них ощутительнее всего материальная сторона и наград, и наказаний. Но по мере их возрастания эта сторона теряет свое значение, и надежнее становится и для того, и для другого обращаться к воображению, симпатиям и рассудку. В здоровой школьной организации самым чувствительным наказанием должно служить чувство осуждения и порицания со стороны наставника и товарищей.

В умственной области движение и развитие мысли совершается посредством ассоциации идей. Мысль таится в душе, доколе не коснется ее и не приведет ее в движение другая мысль, внушаемая тем или другим явлением. То же самое происходит в области нравственных ощущений: возбужденная мысль, при-

ходя в движение, ищет выразиться в видимости, в действии. Где только сошлись два-три человека вместе, начинается взаимное внушение и воздействие и совершается непрерывно. Нередко случается, что человек, приглядываясь к приемам и способам дурных и преступных действий, сам к тому же склоняется; но и склонность к добру подчиняется такому же закону внушения и восприимчивости и тесно связана со свойственным более или менее каждому стремлением к подражательности. Вникая в это свойство, мы видим, что оно действует во многих случаях автоматическим побуждением, в начале – даже без участия воли. В этом смысле подражательность можно считать источником и двигателем человеческих учреждений, нравов и обычаев всякого рода, и то, что ею возбуждено и в ней утвердилось, трудно бывает впоследствии искоренить или излечить действием разумного рассуждения или воли и в области умственной, и в области нравственных ощущений и понятий.

Есть, неоспоримо, какая-то скрытая внутренняя сила, которая возбуждает в душе человека сочувственное движение при виде действия человеческого или человека действующего и захватывает воображение. Это свойство должен иметь в виду воспитатель в своих отношениях к ученикам: живое слово учителя, живой пример его – вот главные пути внушения, которыми он действует на ученика, возбуждая в нем деятельную силу, воспитывает волю его добрыми побуждениями и навыками, утверждает в уме его живые идеи и понятия. Свойство сильного характера состоит в способности управлять людьми, то есть в способности внушения, в способности вызывать и оживлять в них сочувствие и подражательность. Итак, долг учителя, прежде всего, зорко смотреть за собой: весь образ действия его в обращении с учениками имеет, в авторитетном его положении, внушительную силу. И надобно еще помнить, что всякий человек в действиях своих имеет заднюю мысль о том, как его понимают и чего от него ожидают, – очень важно сознание, что ждут от него доброго, а не дурного. Если ученику по привычке твердят все одно, что он негодный, что он злой и т[ому] п[одобное], и он, приучаясь к этой мысли, становится негодным.

Воспитатель тем увереннее может положиться на ученика своего, чем увереннее ученик, что воспитатель относится к нему с доверием. Напротив того, постоянное недоверие, подозрительность, частое повторение выговоров, наставлений, запретов, может повести к деморализации ученика и к ослаблению в нем деятельной силы.

Говоря о внушениях, нельзя забывать о том, каким могучим орудием внушения служит, особенно в наше время, литература, как книжная, так и газетная. У всякого образуется ныне характер под сильным воздействием чтения: завладевая воображением, идеи и представления, выхваченные из книг, малопомалу действуют на всю нервную организацию. Вот почему воспитатель не может и не должен быть равнодушен к содержанию и характеру книг, которые бывают в руках его учеников.

Надежда Павловна Шульц¹¹¹ (некролог)

12-го сентября в Царском Селе скончалась 84 лет от роду достойная женщина, коей имя должно остаться на веки памятным в скудном списке лиц, разумно, с любовью и плодотворно трудившихся на пользу русского просвещения в истинном его смысле.

Надежда Павловна Шульц происходила из семейства Шиповых, возраставшего для России немало добрых русских деятелей (брат ее, генерал-адъютант Шипов¹¹², скончался в Москве в преклонной старости два года тому назад; сестры – Марья Павловна Леонтьева¹¹³, бывшая начальница Смольного института, и Елизавета Павлова Шипова¹¹⁴ посвятили всю жизнь свою воспитанию девиц). Имея от природы доброе и нежное сердце с практическим хозяйственным умом и получив в благочестивой семье своей истинно христианское воспитание, На-

дежда Павловна с первой юности повсюду, где ни приходилось ей жить, привыкла прилагать, забывая о себе, все сердце свое к заботе о других, кто около нее требовал заботы. Своя семья была для нее первою школой педагогики: здесь, заведывая воспитанием младших братьев, научилась она здоровым началам и приемам воспитательной деятельности.

По выходе в замужество у нее возникла своя семья, но горячее сердце ее простирало свою заботу далеко за пределы тесного круга семейной жизни. Всю раннюю пору свою провела она в деревне и близко ознакомилась со всеми условиями сельского быта, стало быть, знала хорошо нужды народные, в числе коих на первом месте – духовные нужды. Кто, живший в деревне, не знает, что первая нужда овец – в пастыре, а добрых пастырей мало. Надежда Павловна знала хорошо, каковы у нас условия воспитания и целого быта сельских священников, знала по опыту, что при настоятельности ежедневных нужд и при невыгодной обстановке домашнего быта от самой колыбели сельскому священнику у нас нетрудно огрубеть душою и утратить сознание высокого своего призвания. Как пособить ему в его одиночестве, где он живет обыкновенно затерянный, в отчуждении и от грубой среды внизу, на которой сам он нечеловеческими усилиями должен еще поднимать первобытную новь и распахивать пашню, никем не тронутую, и от среды помещичьей, от которой он отделяется предрассудками сословного быта и воспитания. Пособить ему в этих обстоятельствах, осветить ему жизнь, разделить с ним бремя может только верная помощница – жена. Но жены сельских священников бывали, как известно, ниже мужей своих по воспитанию и образованию, и сам брак большею частью становился, к сожалению, не делом сердечного и разумного выбора, а необходимым средством к получению места. Итак, надобно было еще сотворить ему помощницу. Вот мысль, которая овладела горячею душою Надежды Павловны: утвердить в духовном сословии прочные основы семейного быта, приготовить в среде этой семьи будущих деятелей народного образования; устроить такие учреждения, в которых девицы духовного звания получали бы прочное воспитание в началах веры, добра

и нравственности, в высокой мысли о своем призвании. Священнику некогда заботиться об устройстве дома и о ежедневных нуждах, надобно, чтобы жена его была хозяйкою. Надобно, чтобы жена его могла быть сама учительницею детей своих, и в потребном случае – помощницею мужа в народном обучении.

Внезапное горе, постигшее молодую еще женщину, – кончина мужа – обратило ее совершенно к воспитанию детей, и к этой благодетельной мысли, в которой все ее заботы и желания разделяла с ней друг ее и сестра, девица Елизавета Павловна Шипова. Вскоре представился случай осуществить эту мысль на деле, при горячем покровительстве и содействии Великой Княгини Ольги Николаевны, нынешней королевы Виртембергской¹¹⁵. Так были основаны два первых училища девиц духовного звания: одно – в Царском Селе, под управлением Надежды Павловны, другое – в Ярославле, состоящее, к счастью, и донныне под управлением сестры ее, Елизаветы Павловны Шиповой. Оба заведения с тех пор действуют в одном духе, и трудно объяснить, сколько принесли они добра Церкви и отечеству воспитанием целых поколений, сколько посеяли добрых семян нравственной силы, сколько внесли света в такую среду, которая до тех пор почти не знала просвещения.

И вот теперь первоначальница этого доброго и патриотического дела, закончившая весь круг своей деятельности, как назревший и склонившийся от зерен колос, снята с нивы в житницу Господню. Буди вечная память ей: она сослужила верную службу, как немногие, Богу, Церкви и возлюбленному своему отечеству.

Она не принадлежала к тем представителям новейшей педагогики, которые так ярко горят иногда чужим, заимствованным огнем разноцветных теорий, методов и так называемых новых начал обучения и просвещения, которые из-за толков и положений о том, как учить, забывают нередко о том, чему учить, о том едином и существенном, чем создается человек, на всякое дело благое уготованный. Огонь, которым она горела, был у нее свой и поддерживался до последнего ее вздоха ее простою и горячею верою, простою и неистощимою любовью, истинною здорового

смысла и прямого патриотического чувства. Как светильник, она горела и погасла тихо и мирно, как светильник.

По разумному плану, положенному в основание обучения, курс его был простой и несложный, даже без иностранных языков: закон Божий, чистописание с рисованием, русский язык со славянским, арифметика и история с географией, пение и практическое домашнее хозяйство с рукодельем. В последнее время к этим предметам прибавлены еще физика с естеств[енной] историей и начала педагогики. Этот курс проходил под непрерывным руководством и надзором начальницы с замечательной основательностью, и воспитанницы, оставляя заведение, приобретали действительное и твердое знание. Закон Божий и русский язык служили особенно как бы двумя столпами всего знания: начальница сама прошла добрую старую школу русского языка и словесности, и было бы желательно, чтобы все девицы, проходившие гораздо более сложные и мудреные курсы в институтах и гимназиях с разными затеями новейшей педагогики умели писать по-русски так чисто и правильно, как воспитанницы Надежды Павловны. Оттого многие из них показали себя на деле отличными преподавательницами в сельских школах. Преподавание пения велось всегда в училище с таким успехом и так основательно, что многие воспитанницы по выпуске могли без труда сами вести это преподавание в сельских школах.

В нравственном отношении влияние такой женщины было неоцененное. Посвящая все время, все заботы созданному ею училищу, она была в нем, как мать посреди детей. Эта женщина была доброты неописанной и несравненной чистоты и ясности душевной. Русская в биении каждой жилки, в каждом представлении и сознании, она могла перелить в каждую душу ту любовь к отечеству, которая ее одушевляла. А главное, знавшим ее трудно себе представить другую, подобную ей душу, в которой с такою простотой и ясностью отражались бы красота всякого добра и безобразия зла и лжи всякого рода. Можно себе представить, как благотельно должно было действовать это чистое зеркало на всех, кто мог в него смотреться. В кроткой улыбке покойной Надежды Павловны, в ясном и глубоком

взгляде голубых ее глаз была неотразимая сила, которая будила совесть и успокаивала в душе всякое мятежное волнение...

В воспитании своих девиц Надежда Павловна преследовала неуклонно высокую задачу. Она горячо оспаривала мысль, которую иные заявляли ей, что не нужно так много работать над умственным их образованием, чтоб развитие их было не выше того быта, из которого они вышли и для которого предназначены. «Нет, – отвечала она, – я не посвятила бы этому делу всю свою жизнь и все силы, когда бы оно должно было ограничиться только приготовлением домашних хозяек. Они готовятся быть хозяйками, но не это в глазах моих главная цель их образования. Я ставлю, прежде всего, своим долгом просветить ум своих воспитанниц, утвердить у них в сердце горячее желание приносить пользу и делать добро на всяком месте, где ни случится им быть. Образование их должно быть основательное и нескудное; если ум в них не получит должного развития, это отразится и на сердечных качествах. Чем просвещеннее будут они, тем лучше поймут, что никакое занятие не ниже их достоинства, если только может приносить пользу». В системе воспитания, которой держалась Надежда Павловна, все направлено было к этой духовной цели. Так, напр[имер], она не допускала, чтобы ее воспитанницы занимались работами для продажи. «Покуда они в училище, – говорила она, – у них и мысли не должно быть о какой-нибудь личной прибыли от работы. Цель их работ должна быть бескорыстная – желание помочь, сделать добро, принести пользу. К этому чувству тем более необходимо приучать их, что на ту среду, из которой они вышли, падает обвинение в алчности к приобретению, и когда они вернутся туда, то должны подавать пример любви и бескорыстного служения добру». Вот почему Надежда Павловна старалась не пропускать случая, по поводу какого-нибудь общественного бедствия, устраивать между своими девицами работы в пользу пострадавших и возбуждать в них усердие к такой работе.

Вот в каких идеальных чертах эта чистая душа представляла себе тот образ, которым одушевлялась ее педагогическая деятельность. «Вот какую люблю я, – писала она, – представ-

лять себе нашу воспитанницу по выпуске из заведения в ее жизни. Дом ее служит образцом добрых нравов, согласия, чистоты, порядка, благосостояния. Муж ее, возвращаясь домой от служения духовным нуждам прихожан своих, находит желанный отдых в обществе жены своей; они беседуют и читают вместе. Она не любит ходить по гостям и выходит из дому, почти всегда имея в виду дело любви и благотворительности. Слышит о больной по деревне – спешит подать возможную помощь. Слышит про бедность, про нужду, про горе – идет утешить, пособить добрым словом или советом. У самой нет средств помочь в нужде – идет просить у богатого помещика, у соседа: женщину добрую и образованную примут, выслушают охотно, послушают». Иному этот идеал может показаться идиллией, но какой идеал бывает ровень с действительностью! В том и состоит высокое значение идеала, что он освещает темную действительность, одухотворяет жизнь стремлением к высокой цели, а этот идеал добрейшей Надежды Павловны светил ей в течение целой жизни и держал ее постоянно на высоте того святого призвания, на которое она обрекла себя. И нет никакого сомнения в том, что черты его отразились на многих питомцах, выпущенных ею из заведения, и остались в жизни их и деятельности священным заветом доброй матери.

Заботы ее о воспитанницах не оканчивались с выпуском их из заведения. Она следила за судьбою и деятельностью каждой; многие из них постоянно вели с нею переписку, сообщая ей известия о переменах судьбы своей и о своей деятельности, искали у нее совета, опоры, помощи в нуждах всякого рода, и на всякий запрос отзывалась ее горячая душа сочувственным словом, содействием, помощью. По всей России, особенно на Севере, в городах и селах рассеяно множество бывших воспитанниц Царскосельского училища, которым Надежда Павловна управляла 34 года, и о редкой из них училище в лице ее не имело сведений, а со многими вела она постоянные и деятельные сношения.

Никакая личная энергия нового деятеля не может заменить действия спокойной силы, установившейся в старом человеке в течение долгой жизни, посвященной одному делу в единстве

духа и направления. Такие люди драгоценны в своей старости, даже при неизбежном ослаблении первоначальной энергии.

Есть люди, у которых личная жизнь так нераздельно слилась с делом, которому они посвятили себя, что сама жизнь их приобретает значение дела и составляет силу, незаметно и живительно действующую на всю среду, в которой живут они и действуют.

Вот почему приходится нам часто посреди множества новых деятелей так безутешно оплакивать старых, когда они сходят с поля, вот почему около гроба старого человека слышатся иногда такие рыдания, каких не услышишь над могилою юноши. Есть едкое и острое горе, когда сорван цветок, в котором была радость и надежда нашей жизни; есть тихое, но глубокое горе, когда погашен светильник, который светил ровным светом на жизненном пути нашем.

После отпевания у гроба усопшей в церкви училища слышались, заглушая звук церковной молитвы, рыдания множества детей, хоронивших мать свою: бывших и нынешних воспитанниц училища, которому она дала жизнь и в котором сама была живою душою. Чувства, которыми переполнена была в эту минуту вся домашняя церковь, собравшаяся у гроба, прекрасно выразил в речи своей достойный законоучитель заведения, о[тец] протоиерей Ф. А. Павлович.

«Редкая мать, – говорил он, – с такою любовью, с таким умом, жертвой и постоянством сумела бы пещись о счастье своих детей, как это делала всегда оплакиваемая нами, по общему сознанию лучшая, достойнейшая мать, наставница и благодетельница целых поколений священнических жен, девиц и матерей. Истинно христианское воспитание детей, их наставление и утверждение в добре было высшим делом, призванием ее жизни; она всецело отдала ему богатые сокровища своей души: тонкость, пронизательность высокоразвитого и просвещенного ума, твердость и постоянство своей воли и что еще важнее – нежность, теплоту и сострадательность своего материнского сердца. Ее пример, надзор, влияние и руководство живо ощущались всеми и во всем в нашем доме, а это был пример добра, надзор любви, влияние кротости и мира и руководство к строгому,

точному исполнению всеми своих святых обязанностей. А кто может измерить всю теплоту ее любви, заботливости и попечений о доброй участи детей по выходе их из-под училищного крова? Тысячи благодеяний, услуг и утешений всякого рода оказаны были ею не только питомицам сего училища или ближайшим членам их семейств, но и многим-многим нуждающимся лицам, для которых сердце и рука ее всегда были открыты. Делать добро, помогать бедным, утешать вдов и сирот в скорбях их было всегда потребностью и наслаждением ее души, и один Господь знает, сколько признательности, сколько сердечных слез и самых горячих трогательных чувств возбуждено ею в детских душах и в сердцах всех, имевших счастье пользоваться ее помощью, ласкою, приветом, нежностью и попечениями! О, если бы все, тайно или явно благодетельствованные ею, могли теперь предстать и собраться вместе с нами у настоящего гроба, что это была бы за трогательная, прекрасная, умилительная картина, и какое множество благословений, молитв и благодарностей вознеслось бы ко Всевышнему у этого гроба!... Да, это была верная, добрая и мудрая раба Христова! Сердце ее преисполнено было любви и соучастия ко всем, и потому, как выражается древний мудрец, «длань свою открывала Она бедному, и простирала руку свою неимущему, уста свои открывала с мудростью, и кроткое наставление было на языке ее». Ложного угождения и суетной доброты женской не было в ней, и за то благословляется теперь ее память, и отсвет ее жизни, плод ее трудов и наставлений долго будет еще сохраняться в мире, радуя и улаждая взор, мысль и волю воспитанных, обласканных, благодетельствованных ею.

Господь обещал когда-то милость даже приемлющим одно дитя в Его святое имя, и за одну чашу воды, предложенную нуждающемуся, обещал великую награду; тем больше явит Он милость, тем благостнейшее устроить воздаяние матери и благодетельнице множества бедных детей, много и честно послужившей их образованию, их христианскому наставлению и своей любовью, своими попечениями наставившей их на путь мирной, тихой, скромной и полезной жизни. Веруем, что душа, столь искренно и чисто, столь свято и усердно поработавшая

Господу, должна «во благих водвориться». Господь за веру ее и смирение простит ей прегрешения, дарует ей причастие вечных благ, покой и наслаждение в бесконечной жизни. Там, в загробном мире, где связь и близость душ гораздо чище и святее, почившая, конечно, вспомнит всех, искренно любимых ею. И мы со своей стороны с молитвой в уповании блаженного свидания в новом мире преклонимся у ее гроба и по зову святой Церкви отдадим почившей последнее на земле священное целование.

Дети! – заключил со слезами проповедник. – Особенно приблизьтесь вы, приникните в последний раз к останкам вашей матери и, лобызая ее руки, припомните и запечатлейте в сердцах своих ее священный завет жить и действовать всегда в ее любвеобильном духе, по ее наставлениям и примеру. Да будет и всем, живущим в этом доме, светла и незабвенна ее память, и да растут, питаются и зреют святые семена, посеянные ею, принося обильный и здоровый плод на благо Церкви и отечества».

К. Победоносцев

Наставление девицам

Вы оставляете сегодня дом вашего воспитания. Шесть лет вы прожили здесь в мире, и то добро, с которым отпускают вас отсюда, есть первое благо вашей жизни. Берегите его, внесите его с собою в дома родителей ваших и храните всю жизнь, как сокровище, те начала света и истины, которые здесь положены в вас. Храните благодарную память о достопочтенной начальнице вашего воспитания и всех ее сотрудниках.

Храните благоговейно священную память усопшей благодетельницы вашей и покровительницы Государыни Императрицы Марии Александровны¹¹⁶ и молитесь за Нее. Она Сама желала этого и завещала всем любящим Ее помянуть Ее на литургии, когда приносится бескровная жертва на Престоле Господнем.

Прихожу к вам со свежей Ее могилы и приношу вам последний завет Ее. Усопшая оставила вам всем в завет украшавшие Ее добродетели. Возьмите их себе: они для вас драгоценнее всякого иного украшения.

Она завещала вам, во-первых, крепкую, горячую веру свою и любовь к Церкви Православной. Не в ней Она родилась, не в ней была воспитана, но душа Ее была способна увидеть и почувствовать всю несказанную красоту и истину Православной Церкви в ее учении и богослужении. Она скоро сроднилась с нею и через Церковь тотчас сроднилась с народом, приняла в Себе дух его и стала нам Своя, родная Императрица. До последних дней жизни Она поминала с глубокою признательностью тех, кто ввел Ее в Церковь и показал Ей нашу церковную красоту.

Любите вы выше всего на свете нашу святую Церковь так, как любит человек, однажды узнав, верховную красоту и ничего не хочет променять на нее. Иные из вас будут иметь своих детей, иные будут наставницами чужих. Вы будете между ними апостолами добра и правды, если передадите им эту любовь к Церкви, введете их в Церковь, покажете им красоту церковную. Поистине сделаете великое дело и спасете многих от духовной смерти, выведете из мрака на свет. Вам самим с этою любовью к Церкви не страшны будут никакие соблазны лживых учений. Будете жить среди народа: только чрез Церковь можете вы сойтись с народом просто и свободно и войти в его доверие.

Дальше завещала нам усопшая свою кротость, скромность и сдержанность. Ей ли, Царице Русской, было не блистать посреди людей? Но душа Ее не того требовала. Она не хотела блистать во внешности: вся Ее слава, по слову Пророка, была внутри, и все свои сокровища Она собирала внутри себя, а не расточала в праздном слове. И сила Ее изнутри действовала. Кто подходил к Ней, тот чувствовал присутствие чистоты, ума, доброты, и сам становился при Ней чище, светлее, сдержаннее. Евангельское слово показывает нам двух женщин, которые были любезны Христу Спасителю: Марфу, попечительную и суетливую хозяйку, и Марию, горевшую огнем любви и веры. Сестра жаловалась, что Мария мало помогает ей в хозяйстве. Но Го-

сподь оправдал Марию, сказав про нее, что она благую часть избрала¹¹⁷. Благо тому дому, где есть своя Мария, которая, не допуская себе и дому своему погрязнуть в делах житейских, горит в душе верою и любовью к Божественному Учителю, и все в доме своем одухотворяет тем же чувством. Наша усопшая незабвенная Мария зовет вас к этому своим примером: Духа не угашайте в себе и блюдите свято свое внутреннее сокровище. Не верьте, когда услышите нынешних льстивых проповедников о женской свободе и вольности. То говорят лживые пророки, вошедшие в мир. Вам же сказано истинное слово: не место женщине ни на кафедре, ни в народном собрании, ни в церковном учительстве. Место ее в доме, вся красота ее и сила во внутренней храмине и в жизни, без слов служащей для всех живым примером.

Еще завещала вам усопшая Императрица свое милосердие – великую женскую добродетель. Сердце Ее было сострадательно, дающая рука Ее не оскудевала, и вы знаете, как Она посвятила всю Себя в последние годы жизни великому делу попечения о больных и раненых в минувшую войну¹¹⁸. Сами вы увидите и почувствуете: все наши высокие дела, наши печали и восторги – все проходит и исчезает. Одно прочно: простые дела милосердия – алчущего напитать, жаждущего напоить, нагого одеть, а выше всего – темную душу осветить светом Богопознания, холодную согреть огнем любви – вот дела, которые пойдут вслед за нами.

Наконец, завещала вам Императрица свое терпение, которым увенчалась Ее жизнь в последнее время, исполненная великих страданий. Чем выше сан, тем тяжелее служение, тем разнообразнее испытания, тем чувствительнее печали. Много испытала усопшая наша Императрица. Бог послал Ей великое горе – видеть в гробу нежно любимого сына¹¹⁹, прекрасного юношу, образ Ее и подобие и по чертам лица, и по свойствам душевным. Она всю душу положила в него, и в ту пору, когда он расцветал на радость всей земле нашей, смерть сразила его по судьбам Божиим и бездыханного положила пред Матерью. Такое горе перенесла она, но не могла забыть его до последних минут жизни своей. Сколько страдала она душой и от бедствий войны, и от злодейских смут в России и в столице.

Наконец, последнее время болезни были для Нее поистине непрерывным страданием. Но никто никогда даже из самых близких женщин, служивших Ей, не слышал от Нее ни вздоха, ни слова, ни движения ропота или жалобы. Она знала, что дни Ее сочтены, но положила всю жизнь в Бога и Христа Спасителя и каждую минуту готова была перейти в лучший мир. Она молила Бога скончаться в тишине, и молитва Ее была услышана. Однажды утром Она едва проснулась для новых страданий, как и заснула тихо, ни для кого незаметно, вечным сном. Верю, что Она пробудилась для новой вечной жизни, и, конечно, если Ей дано прозревать оттуда в здешний мир, чистая душа Ее в эту минуту с улыбкой смотрит на вас и вас благословляет.

Приветствие старого воспитателя Великому Князю¹²⁰ в день его совершеннолетия

Не удивляйтесь, что я пишу Вам длинное письмо. В нынешнюю пору Вашего 16-летия мне хочется сказать Вам несколько слов от сердца, поговорить с Вами о Вас самих. Не постычайте послушать меня – я не скажу Вам дурного. Примите мое слово не как сухое наставление, но как слово любви и сердечной о Вас заботы. Вы были всегда добры и любезны со мною, итак, не удивляйтесь, что с этою мыслью о Вас я прямо к Вам обращаюсь.

Вам минуло 16 лет. Детство Ваше, мирное и беспечное, миновало окончательно. До сих пор за Вас думали, о Вас заботились, все для Вас устраивали другие. Наступает пора, когда Вам самому необходимо думать о себе и устраивать будущую жизнь свою. Если до сих пор, отдаваясь вполне руководству и распорядку, Вы не ставили перед собою серьезно вопросов: чем я буду? как я буду?, то теперь уже нельзя избежать их. Эти вопросы должен ставить перед собою серьезно всякий молодой человек Ваших лет, если хочет действительно чем-нибудь быть, действительно что-нибудь значить на этом свете.

Для всех закон жизни один и тот же – для бедного и для богатого, для знатного и для незнатного. Жизнь есть великий долг, налагаемый Богом на человека. Чтоб исполнить его, надобно сосредоточиться, собирать в себе силу. Имущему дано будет; от неимущего отнимется и то, что он считает своим достоянием¹²¹.

Вам может показаться, что слово «неимущий» к Вам не относится. Подлинно, Вы имеете много для материального благосостояния. Все нужды Ваши удовлетворены, все желанья более или менее исполняются. Когда встаете, Вы не заботитесь о том, что Вам есть, во что одеваться. От вас удалены всякие заботы об устройстве Вашего ежедневного быта. Кроме Ваших родителей и воспитателей, все стараются сказать Вам только приятное слово, все избегают сделать или показать Вам что-нибудь неприятное. Куда ни обернетесь, всюду встречаете улыбки и приветствия. Чем дальше станете вырастать, тем больше будете замечать это и привыкать к этому.

Вот какое богатство дал Вам Бог. Но в этом великом богатстве и великая бедность Ваша, из которой дай Боже Вам выйти в настоящее, истинное богатство.

Истинное богатство взрослого человека вот в чем состоит. Он должен сознавать в себе внутреннюю силу – разума, умения и воли. Он должен всегда знать, чего хочет и что делает. Он должен уметь: кто умеет и делает, тот спасен на этом свете. Он должен стоять на своих ногах и держаться крепко своей силой, чтобы на него можно было опереться, а не он опирался бы на других и не искал бы, как слепец, вождя. Он должен чувствовать, что нужен, и недаром живет на свете и в кругу своем.

Вот идеал, который Вам надобно ставить перед собой, на который надо смотреть. Вот в какого человека Вам надобно вырасти. Поверьте, что этот идеал и для Вас таков же, каков и для последнего из бедных и незнатных.

Но в Вашем положении труднее, чем во всяком другом сохранить его в чистоте перед собою; легче, чем во всяком другом потерять его из виду. В Вашем положении нетрудно вообразить себя сильным человеком, когда силы никакой нет,

привыкнуть к той мысли, что жизнь есть наслаждение, тогда как на самом деле жизнь есть труд и непрестанное исполнение долга. Все, что есть истинного в жизни: добро, правда, любовь, знание, чистота, разум – все это добывается сильным трудом, все это, как сказано о Царствии Божием, нудится, и нуждницы восхищают его¹²². Вся тайна возрастания в силу заключается в одном слове – «самоограничение, воздержание». Надобно смолоду привыкнуть стеснять себя, показать себе предел, лишать себя во имя долга и правды. Кто не выработал в себе этой привычки, тому нет спасения.

У Вас от природы доброе сердце и мягкое обращение. Это дар Божий, который Вы должны не себе приписать, но Богу. Но всякий дар Божий есть талант, который велено возделывать¹²³. Это значит, что ни на одном из талантов нельзя заснуть, успокоиться, как на собственности, которую никто не отнимет. Человек ничего не может назвать своим: как только он что назвал своим, забыв о Боге подателе, так то сейчас от него отходит. Всякое доброе свойство в душе имеет свою природу, свои недостатки и опасности, с ним связанные; итак, если не работать над собою в добром, то и доброе мало-помалу может стать в нас злом и растритить всю жизнь нашу.

Всякой мягкой и доброй натуре предстоит особенная и страшная опасность – изнежиться и изленииться. Вам, повторяю, и по натуре, и по положению легче, чем кому другому, изленииться и изнежиться. Все Вас зовет к наслаждению, и самое добро, которое Вы делаете, достается Вам обыкновенно без труда, а все Вас за него хвалить готовы. Вы неохотно делаете кому-либо неприятность, но Вам и нетрудно уклониться от случая сделать ее. Это движение сердца само по себе хорошее, но и оно может довести до лени, до уклонения от всякого неприятного столкновения, когда долг обязывает не избегать его. Так, под предлогом доброго побуждения может развиться в душе самый тонкий эгоизм и может довести человека до того, что он, будучи в сущности добрым, но исполняя во всем свои желания и предавшись неге, становится орудием зла в руках недобросовестных людей. Доброй и мягкой натуре велика опасность распусться в чув-

ственности, в наслаждении, в красоте жизни. И потому натура, подобная Вашей, должна крепко бороться с этим своим инстинктом, употреблять все усилия к тому, чтобы собрать и сосредоточить себя суровою правдой, трудом, воздержанием.

Не стану дольше останавливаться на этой нужде, которую, конечно, и сами Вы чувствуете. Боюсь и утомить Вас. Но позвольте мне указать Вам еще несколько добрых советов, в чем Вам больше всего надобно показать свои усилия и к чему направлять свою волю. Примите их от меня благодушно.

Самый первый совет вот какой. Храните себя в правде и в чистоте мысли. Во всяком движении сердца и мысли справляйтесь в совести с началом правды Божией. Вам немало говорили об этом в детстве; но что в детстве было натвержено, к тому иногда молодость становится равнодушна, и чего в детстве бывало совестно, того перестают совеститься, когда выйдут из детства. Но Вы, свято храня детскую веру, не забывайте ставить себя перед Богом. Это основной регулятор жизни – до самого конца, и Боже избави ослабить его, а его нетрудно совсем обессилить привычкою к сделкам с совестью.

Второе. Учитесь жить своим умом и своим умением. В Вашем положении можно представить себе, что своего умения не нужно, потому что отовсюду станут предлагать Вам чужой ум и чужое умение с тем, чтобы выдать то и другое за Ваше собственное. Берегитесь поддаваться этой склонности, а лень и нега будут подталкивать на нее. Вы услышите такие слова: «Вам стоит приказать, и мы все для вас сделаем, все приготовим». И затем, отдавшись такому влечению, мало-помалу Вы можете вообразить, что в самом деле сами все это делаете. Приказать нетрудно, но хорошо приказывать, когда даешь себе отчет в том, что приказываешь, когда сам разумеешь дело и можешь рассудить, так ли исполнено. В противном случае тот, кто приказывает, становится на самом деле в зависимость от того, кто делает, и только себя обольщает. Для того чтобы приказать, надобно знать; для того чтобы знать, надобно потрудиться.

На этой мысли о труде перехожу к Вашим учебным занятиям. Было время, когда Вы учились, как учатся вначале все

дети, для урока, который Вам задан. Теперь время уже подняться выше этого урочного положения. Вы должны не готовить только урок, даже не слушать интересную лекцию, но работать для себя из-за той цели, чтобы знать, уметь, сознавать самостоятельно, самостоятельно мыслить. Все это необходимо для Вас, если хотите быть свободным, независимым от чужой воли и чужого мнения и значить что-нибудь на самом деле.

Есть качества, которые Вам надо приобрести во что бы то ни стало, как, например, артисту, художнику необходимо во что бы то ни стало овладеть механикой своего искусства. Так, Вам необходимо овладеть механикою мысли и слова. Необходимо, чтоб Вы умели говорить и писать отчетливо, хорошо, не затрудняясь в приискании слов и выражений, чтобы всякий раз, когда придется, это не казалось Вам тяжким трудом, который хочется сложить на другого. Необходимо, чтоб Вы умели рассуждать о предмете, изучив его, без затруднения, не думая о тяжком бремени. Кто к этому не привык, тот убегает от труда, соединенного с изучением предмета и с рассуждением, на выводах основанным, а вместо того, облегчая себя, судит по впечатлению, которое дается без труда и является случайно.

Вот что надобно Вам приобрести, и ничего этого не приобретете, если не воспитаете и не утвердите в себе привычку к труду и добросовестность в труде. Выше всего правило – делать всякое дело, какое на Вас положено, большое и малое, добросовестно и вправду, то есть делать его самому, своим трудом, своею мыслью, своим интересом, своею ревностью. Если теперь, в годы воспитания, к этому не привыкнете, то после уже будет труднее вдесятеро, едва ли и возможно. А после во время настоящей, государственной деятельности, которая предстоит Вам, эта привычка и будет для Вас неоцененна. Где бы Вы ни были потом – в военном деле, в администрации, в совещательном собрании, – главный вопрос будет все тот же: чем Вам быть, человеком, который дает себе отчет в том, что думает, говорит и делает и знает, чего хочет, или получеловеком, который не имеет определенного, сознательного мнения, и говорит, и действует только по случайному впечатлению. Где

бы Вы ни действовали, где бы ни заседали, прежде чем действовать, прежде чем объявить свое мнение, надобно дать себе труд самому изучить дело.

А как достигнуть того, чтобы умственный труд не казался тягостью? Для этого нужно, чтоб умственный интерес и нравственный не засыпал в Вас, чтоб это был для Вас первый интерес в жизни. *Духа не угашайте*¹²⁴. А угасить его можно, и как еще легко можно! Стоит только дать себе поблажку плыть по течению, отдаться всему тому, что открывает Вам в жизни красивую перспективу и что зовет Вас к наслаждению чувств. В том-то и бедность, в том и опасность Вашего положения, что все внешние удобства и наслаждения даются Вам сами собою, без усилий, без борьбы – Вам нет надобности добывать и покупать их, Вы окружены ими от рождения, и всякое внешнее наслаждение предстает Вам в самом привлекательном виде, в сфере красоты и искусства. Берегитесь, милый Великий Князь, перейти всею жизнью на эту сторону: это значит забиться и продать свою душу. Это сладкое вино – хочется пить его, упиться им, но оно обманчиво. Это то вино, о котором говорится по случаю брака в Кане Галилейской: вначале подается доброе вино, а когда упьются, тогда худшее¹²⁵, и наконец, из худшего становится оно ядом и отравой. А то доброе вино, которое с начала и до конца доброе, которое из воды претворяет в крепость и в сладость сила Духа Христова.

И вот третий совет. Блюдите в себе целостность духовного, умственного, нравственного интереса, чтоб он был у Вас на первом месте, а не интерес чувственный. Дух оживляет, а не плоть. Воспитывайте в себе мысль твердую, здоровую, основательную, любите знание, развивайте в себе вкус к чтению, к разумной беседе. Берегитесь умножать и разнообразить свои развлечения. От привычки к ним происходит, наконец, скука – самое ужасное состояние, до которого доходят путем развлечения и наслаждения. Нет ничего плачевнее молодого человека, когда он до того дошел, что повторяет: скучно! Все надоело! – И ищет убить свое время в каком-нибудь пустом развлечении и, отходя от него усталый, опять говорит:

скучно! Он не может оставаться один. В одиночестве тоска и пустота одолевают его; он теряет способность сам по себе заняться и бежит от уединения в общество себе подобных, но и оттуда выносит скуку.

А Вы потрудитесь устроить себя так, чтобы уединение не страшило Вас, а радовало. Когда умеет человек прислушиваться к голосам мысли, то в уединении эти голоса явственнее отзываются у него в душе и он радуется тишине и досугу.

Четвертое. Смотрите за собою, к каким людям Вас тянет и с какими становится Вам неловко и тяжело. Берегитесь, если Вам кажется удобнее и приятнее с людьми легкими, ничтожными или с забавными и льстивыми, которые Вам потакают, подчиняются, исполняют Ваши желания, подделываются под Ваши вкусы, стремятся веселить Вас и веселиться с Вами; если, напротив того, Вам неловко и тяжело с такими людьми, с которыми Вы должны сдерживать себя, смотреть за собою, наблюдать за своими речами и манерами. Если в этой склонности запустить себя, можно дойти до такого состояния, в котором только мелкие и ничтожные люди сносны человеку, а от людей серьезных он всячески уклоняется.

Ах! Поверьте, в Вашем положении всего дороже сохранить веру в людей и уважение к людям. Что будет с Вами, если когда-нибудь Вы изверитесь в людей, привыкнете не уважать никого из окружающих и во всем станете склонны видеть прежде всего низкие мотивы и своекорыстные побуждения. Но от Вас самих много зависит сохранить драгоценнейшее благо – веру в людей и в силу добра между людьми или ослабить эту веру и, наконец, утратить ее. От Вас зависит, потому что к Вам подойдут именно те люди, каких Вы захотите привлечь к себе, и Вы увидите добро, если станете искать его, увидите яснее всего зло и низость, если Вам покажется удобнее быть с мелкими и податливыми людьми. И здесь требуется самостоятельность ума и воли; и здесь ничто без труда не дается. Для того чтобы открыть добро в людях и, на него опираясь, действовать, необходимо и в себе поднимать добрые побуждения воли, давать себе труд и подходить к людям с серьезной стороны.

Пятое. Наконец скажу Вам: где бы Вы ни были, что бы Вы ни делали, не забывайте, кто Вы такой и к чему Ваше положение Вас обязывает. Богу угодно было, чтоб Вы родились в том положении, в котором находитесь; итак, это воля Божия, это Ваш долг, Ваше призвание, Ваш талант, который Вы обязаны разрабатывать. Горе Вам, если Вы забудете, что это дар Божий и дело, на Вас возложенное Богом. С ним связан великий долг, и как бы ни казался он иногда тяжел, Вы не вправе снимать его с себя. *Noblesse oblige*¹²⁶. Где всякий из граждан, частных людей не стесняет себя, как частный человек, там Вы обязаны себя ограничивать, потому что миллионы смотрят на Вас, как на Великого Князя, и со всяким словом и делом Вашим связаны честь, достоинство и нравственная сила Императорского Дома.

Но этого еще мало. С Вашим положением связана особенная сила, которую Вы обязаны охранять и соблюдать в себе свято, как особенный дар Божий и как залог нравственного достоинства. Это для Вас – волосы Самсона: берегитесь, как бы не обрезать их, чтоб не иссякла сила, соединенная с Вашим званием.

Сила эта такова, что мысль о ней, если овладеет Вашей душою (дай, Боже!), в состоянии наполнить и осветить всю жизнь Вашу и направить Вас на путь, усеянный добрыми и великими делами.

Сила эта есть крепкая связь любви и веры, соединяющая всю Россию и весь добрый народ русский с Государем и с Царским Домом. Вы испытали столько раз и столько раз еще испытаете, когда бы Вы ни появлялись в народе, каким хором любви и сочувствия Вас встречают. Вы слышали эту песню любви, несущуюся из множества сердец. Не допускайте себя привыкнуть к ней равнодушною мыслью: пусть она всегда вдохновляет и освежает Вас подобно молитве. Не позволяйте себе относиться легко к этому чувству: оно святое и истинное. В нем выражается стремление целого народа к единству, которое он находит в Царском Доме, – любовь, вера в будущее и та безграничная преданность, которая творила и творит чудеса в нашей истории.

Благодаря этой любви и вере, которой Вы становитесь причастником даром, в силу своего рождения, благодаря ей

как много Вы можете, если хотите посвятить жизнь свою служению России и возделыванию в ней добра, для которого в ней такое безграничное поле. Вот где Ваше духовное богатство! Не всякому дано совершить великие и славные дела; но если Ваша жизнь проникнута будет сознанием Вашего положения и Вашего долга, если она будет чиста, одухотворена мыслью, стремлением к добру, любовью к России, она сама по себе послужит к утверждению драгоценнейшего нашего и Вашего блага – духовного единения народного с Царским Домом. И это само по себе будет уже исполнением долга и великим делом целой жизни. Напротив того, если бы Вы, полюбив больше всего наслаждение в жизни, распустили себя в одних выгодах, почестях и сладостях Вашего звания и забыли бы о долге, жизнь Ваша сама по себе была бы (избави, Боже!) грехом перед Богом, преступлением перед Государем, горем и соблазном для любви народной.

А если еще подумать, сколько добра Вы можете сделать, сколько добрых намерений внушить, поддержать, привести в действие, сколько спящих сил оживить, сколько людей привлечь своим сочувствием¹²⁷, и все благодаря Вашему положению, дающему Вам безграничную возможность действовать на людей во имя добра и правды; это такая доля, для которой можно пожертвовать многими и многими прелестями самозабвения; это такая жемчужина, из-за которой добрый купец продает все, что имеет, чтобы только купить ее¹²⁸. Помогите Вам, Боже, быть таким добрым купцом. И если желание Ваше горячо, если воля Ваша к этому твердо направлена, Бог Вам поможет, и нам, любящим Вас, пошлет утешение увидеть Вас человеком мысли и дела на благо нашего отечества.

Не посетуйте на меня, что утомил Вас долгим чтением, и примите слова мои сердцем и простою мыслью, как они от сердца и от простой мысли Вам сказаны.

К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ И СОВРЕМЕННОИКИ

Письма К. П. Победоносцева к Ф. М. Достоевскому

1

Любезнейший Федор Михайлович. Спешу послать несколько строк для «Гражданина»¹. Чем богат, тем и рад. Поспешите напечатать, чтобы не остыли известия². Постараюсь прислать еще, если успею. Надеюсь вернуться около 20 июля. Обнимаю вас от души.

Ваш К. Победоносеv

Припомните, что я не подписываю своего имени под статьями.

21 июня / 3 июля
[1873 г.]³ Шелкаин
на остр[ове] Вайте

2

Почтеннейший Федор Михайлович. Премного благодарю за доставление листов «Гражданина». Сегодня получил 32-й

номер со статьей «Вестминстер[ское] аббатство»⁴. Есть в ней две довольно значительные опечатки, изменяющие смысл. На 872 с., 2-я колонка, 18-я строка снизу напечатано: «За незрелость», в чем и смысла нет; а у меня сказано: «замерзелость» – слово, употреблявшееся у нас в XVIII столетии в официальных актах, когда говорилось о грубости нравов и обычаев простого «подлого» народа. Вот почему оно у меня и в кавычках поставлено. (Да в этой же фразе сказано: «здешнюю простоту церковную»). Мне кажется, что у меня что-нибудь не так сказано. Не «красоту» ли? Но это не так важно).

Другое: на с. 873, 1-я колонка, 9-я строка снизу: «чиновных форм». У меня сказано было: «условных форм».

Не мешало бы в следующем <номере> под IX статьей сделать оговорку об этих опечатках⁵.

Несмотря на [то,] что другие дела нудят, я не утерпел здесь написать вам еще 3 статейки «Листков»⁶, и уже пакет запечатан, да нет okazji послать.

Готовлю еще статейку, очень, по-моему, любопытную, о новой английской книге «Свобода, братство и равенство»⁷. Не знаю, удастся ли кончить.

Пишет сегодня Т. И. Филиппов⁸ из Москвы. Он готовит биографическую статью о покойном гр[афе] А. П. Толстом⁹, к чему я и возбуждал его.

Он пишет, что номера со статьями о единоверии в большом спросе в Москве, и за них платят очень дорого. «Перепечатка их, – продолжает он, – могла бы доставить “Гражданину” большое подкрепление».

Статью о Толстом он намерен был прислать вам к номеру 13 августа, но вероятно, говорит, что на нумер опоздает.

Здравствуйте и благодумствуйте. Я надеюсь быть в П[етер]бурге около 20 числа.

Душевно уважающий и преданный

К. Победоносцев

Среда 8 авг[уста] / 1873

Мерекюль, близ Нарвы

3

Почтеннейший Федор Михайлович. «Видите колицами книгами писах вам моею рукою». Сверх чаяния вчера, начитавшись газет, написал статью, которую спешу послать и которая может несколько пополнить недостаток политич[еского] обозрения, ибо речь идет о важнейшем событии нашего времени. Думаю, что ни в одной газете не было еще обстоятельного обозрения по этому предмету. Статья кстати, не замедлите ее напечатать¹⁰.

Кончил еще для вас большую вещь¹¹, которую привезу с собою. Надеюсь быть в П[етер]б[урге] в понедельник, 20-го числа. Зайду в контору¹² часов около 3 пополудни. Авось либо найду вас.

13 августа [1873 г.]¹³

Душевно преданный *Победоносцев*

Понедельник

4

Почтеннейший Федор Михайлович. Я приеду в П[етер]бург завтра, Бог даст, в четверг, к ночи. Надеюсь привезти вам статью «Испания»¹⁴, в параллель статье о Франции¹⁵. Если вы считаете возможным и нужным набрать ее для следующего номера, то благоволите прислать за нею ко мне в пятницу, часов в 10 утра. В противном случае я сам вам ее доставлю не спеша.

Так как я уже окончательно переезжаю, то и нет нужды пересылать мне в Мерекюль следующие номера «Гражданина».

Ваш *К. Победоносцев*

Среда

29 августа / 1873

5

Посылаю вам, почтеннейший Федор Михайлович, дополнение к статье об Испании¹⁶. Его неудобно вставить в текст, но

жаль упустить, и потому я полагал бы поместить его в виде подстрочного примечания к той строке, где говорится об участии агентов Интернационалки в беспорядках.

Потом в последней (III) статье о книге Стифена (Братство) в самом конце, в заключительных словах автора я пропустил и напутал. Благоволите исправить. Тут сказано: что нам делать? И затем должно стоять следующее.

«Будь тверд и мужествен, не страшись и не бойся» (Втор. 31:6, 7. Слова Моисея Иисусу Навину)¹⁷.

У меня для текста оставлено место, ссылка сделана, но, кажется, прибавлено, совершенно неправильно, что это относится к переходу через Чермное море. Это потрудитесь вычеркнуть.

Следующие номера газеты потрудитесь присылать сюда на квартиру (Больш[ая] Конюшенная, д. Финской церкви).

Душевно уважающий и преданный

К. Победоносцев

Пятница

[1 сентября 1873 г.]¹⁸

6

Посылаю вам, почтеннейший Федор Мих[айлович], другое дополнительное примечание к статье об Испании. Его можно поместить в другую выноску, там, где помянуто о Дон Карлосе¹⁹. Думаю, что оно не лишнее, ибо объяснит многим, не следящим за журналами, кто таков Дон Карлос.

Душевно преданный

К. Победоносцев

Воскресенье

[3 сентября 1873 г.]²⁰

7

Почтеннейший Федор Михайлович. Посылаю вам обещанную статью в «Русские листки из-за границы»²¹.

Душевно уважающий и преданный

К. Победоносцев

14 сентября [1873 г.]²²

8

Видите, почтеннейший Федор Михайлович, что я вас не забываю. Все хочу сказать баста – и продолжаю, покуда могу. Посылаю вам вещь, на недостаток которой вы как-то жаловались: «Обзор важнейших узаконений»²³. Он разделен на 12 рубрик, без оглавлений.

Душевно преданный

К. П.

18 сент. [1873 г.]²⁴

9

Почтеннейший Федор Михайлович. Посылаю еще статейку²⁵. В сегодняшней (№ 39)²⁶ я заметил, что наборщики иногда неправильно разбивают текст и помещают в ту же строку то, что в оригинале начинается новой строкою, и наоборот. От этого иногда извращается или ослабляется смысл.

Душевно преданный

К. П.

24 сент[ября] [18]73

10

Почтеннейший Федор Михайлович. Посылаю прилагаемую вещь²⁷. Но еще раз, и в особенности по поводу этой вещи, прошу <со>блюсти величайшее молчание относительно автора. Это очень для меня существенно.

Вторник

Душевно преданный

К. П.

[23 октября 1873 г.]²⁸

11

Почтеннейший Федор Михайлович, сегодня, видевшись с Мещерским, я передал ему статью очень любопытную об автобиографии Милля. Уведомляя вас об этом, покорнейше прошу, если возможно, не ставить ее в рубрику «Критика и библиография», так как, по мнению моему, под этою рубрикой она мало заметна будет для читателей²⁹.

Завтра, мож[ет] быть, увидимся.

Душевно преданный

К. П.

Вторник

[30 октября 1873 г.]³⁰

12

Достопочтеннейший Федор Михайлович.

От всей души поздравляю вас с праздником и желаю, чтобы эти строки застали вас в добром здравье.

Опасаясь, что вы на меня сердитесь, и вот почему спешу изъяснить вам дело.

На праздник я уезжаю обыкновенно в монастырь. Вернувшись оттуда 25 числа, нашел я у себя записку Мещерского, наскоро написанную им перед отъездом, где он умоляет дополнить его «Петерб[ургское] обозрение» подробностями о приезде Эдинбургского принца³¹. За эту записку я посердился на Мещерского, как он меня обременяет делом, которого я не умею и не хочу делать. Да и подробностей этих я не знаю и не собираю – совсем не мое дело еще писать об них. Кроме того, мне и некогда.

Между тем сегодня принесли мне из типографии корректуру³², с тем чтобы я прислал ее обратно вечером – очень-де нужно. Случилось это в мое отсутствие, и совсем не было мне приятно, потому что я не хочу иметь никаких отношений к типографии. Отослать корректуру обратно было не с кем, а вечером какой-то пьяненький служитель пришел взять ее и пошел

за разрешением к вам. Воображаю, что вас он потревожил заботою, но прошу вас, почтеннейший Федор Михайлович, не поставить ее мне на счет.

Здравствуйте и радуйтесь.

Душевно уважающий и преданный

К. Победоносцев

28 дек<абря>, вечер

[1873 г.]³³

13

Достопочтеннейший Федор Михайлович. Очень досадно было бы³⁴, что вы были вчера у меня и не застали, тем более досадно, что в эти часы я, по большей части, дома, и только вчера случилось, что дома не обедал. Досадно, что упустил случай посидеть с вами и побеседовать, чего уже давно не бывало.

А сегодня поздравляю вас с успехом, потому что едва пришел (в 4 часа) номер вашего «Дневника»³⁵, почти везде отвечали: все листы разобраны, и мы послали за новой провизией.

Как раз сегодня же вышла и моя книжка «Исторические исследования и статьи»³⁶, которую завтра вам доставлю.

До свиданья.

Душевно уважающий и преданный

К. Победоносцев

31 января 1876 г.

14

Почтеннейший Федор Михайлович. Хотел непременно повидаться с вами перед отъездом за границу, но сил моих нет от жару, и потому на письме желаю вам доброго лета с полным обновлением сил.

Между тем хочу сообщить к вашему сведению любопытные и ужасные черты судьбы наших несчастных эмигрантов — Герцена³⁷ и К⁰. Посмотрите: кто из них не умалишенный, и доктор Крупов³⁸ как плачевно оправдывает свою теорию!

Вы слышали, конечно, достаточно о жене Огарева³⁹, что это ведьма, а не женщина. Герцен всю жизнь терпеть ее не мог, не мог видеть ее без отвращения и говорил о ней не иначе как: *c'est une vipere*⁴⁰. Между тем со своею второю женой он жил, как кошка с собакой, и не знаю, как случилось, посреди этого домашнего ада сошелся с ненавистною ему женой Огарева. Она, неизвестно как, стала его любовницей, не переставая возбуждать в нем нравственное отвращение. Последним ударом ему было сумасшествие обожаемой им дочери от первого брака Натальи.

Наконец, вторая жена его умерла. М-ме Огарева тотчас переехала к нему и водворилась с ним. Тут начался у них пуций ад, и мученье усложнилось еще тем, что с ним была дочь, прижитая от Огаревой, такая же ехидная, как и мать, дочь и мать ненавидели друг друга и грызлись с утра до вечера. Конечно, дочь с детства воспитывалась в полном материализме и безверии.

Эта-то дочь отравилась недавно, как вы читали, я думаю, в газетных смутных известиях. Любопытны обстоятельства. Она намочила вату хлороформом, обвязала себе этим лицо и легла на кровать. Так она умерла. Перед смертью написала она следующую записку, которую рассказывал здесь дословно И. С. Тургенев⁴¹. Вот (почти так, сколько я помню) в чем она заключается:

*“Je m'en vais entreprendre un long voyage. Si cela ne reussit pas, qu'on se rassemble pour feter ma ressurection avec du Cliquot. Sicela reussit, je prie qu'on ne me laisse enterrer que tout a fait morte puisque'il est tres desagreable de se reveiller dans un cercueil sous terre. Cen'estpaschique!”*⁴²

Последнее словечко очень выразительно – не правда ли?

В довершение всей этой трагикомедии – вот история об Огареве, из того же источника. Он жил в Женеве, равнодушный ко всему. Самый главный интерес составляла для него кухарка его – англичанка, ибо ему казалось, что никто, кроме нее, не готовит ему вкусного обеда, и что он может есть с приятностью только ее кушанье. Но этой кухарке

стало невтерпеж жить у него, и, наконец, она объявила, что должна уехать на родину. Огарев пришел в невообразимое отчаяние и, чтоб избавиться от грозившего бедствия, решился уехать с ней на родину ее в Гринич. Там он и живет у нее на хлебах, в обществе лавочников и рабочих, не зная ни слова по-английски.

Сообщаю вам весь этот материал, любезный Федор Михайлович, и уезжаю. До свидания.

Душевно преданный

К. Победоносцев

3 июня 1876 г.

Последний ваш номер⁴³ очень удовлетворил меня. Не смущайтесь, если вас ругать станут. Надо не кланяться идолам, а повергать их во прах.

15

Достопочтеннейший Федор Михайлович. Сегодня просил я, кого следовало, о Марье Остроумовой⁴⁴ и имею надежду, не дадут ли ей рублей сто в пособие. Когда что узнаю верно, не премину вас уведомить.

Душевно уважающий и преданный

К. Победоносцев

18 окт[ября] 1876 г.

16

Многоуважаемый Федор Михайлович. Не знаю, доставляете ли вы свой «Дневник писателя» Наследнику Цесаревичу⁴⁵? Если нет, то не дурно было бы, когда б вы ему послали. Я знаю, что вчера, в бытность его у братьев, ему говорено было про некоторые статьи и рекомендовано обратить на них внимание.

Душевно преданный

К. Победоносцев

Вы можете послать вышедшие листы просто на имя великого князя с почтой; а если желаете доставить с толкованием, то благоволите прислать ко мне и я отошлю их к нему с письменным объяснением, что это от вас представляется.

Суббота

13 ноября 1876

17

Почтеннейший Федор Михайлович, вот справка, если хотите, я могу написать Губернатору.

К. П.

Впрочем, вероятно, теперь деньги уже выданы.

Понедельник

[27 декабря 1876 г.]⁴⁶

Приписка Победоносцева внизу следующей официальной справки: «Всемиловнейше пожалованные в единовременное пособие вдове Священника Остроумовой 100 рублей препровождены к Новгородскому Губернатору при отношении Статс-Секретаря у Принятия Прошений от 21-го декабря 1876 г. за № 10715, для выдачи просительнице, по месту ее жительства в г. Старой Руссе».

18

Вот, любезнейший Федор Михайлович, когда вы были у меня, то сетовали, что январский <номер> Дневника⁴⁷ выйдет у вас не в меру слабый, а вышло наоборот – весь в силе, и я, только что прочитав его, спешу благодарить вас за прекрасные статьи – все хороши, особенно, что вы рассуждаете о штунде, да и о Фоме Данилове⁴⁸. Здравствуйте и радуйтесь.

1 февр[аля] [18]77 г.

Душевно преданный

К. Победоносцев

19

Почтеннейший Федор Михайлович. Зная вашу заботливость, я уже беспокоюсь, отчего не выходит до сих пор Дневник? Здоровы ли, здесь ли вы, и все ли у вас благополучно? Если это письмо дойдет до вас, напишите мне словечка два по адресу: в Ораниенбаум во Дворце.

Душевно преданный
К. Победоносцев
И какой ваш деревенский адрес?
6 июля 1877 г.

20

Добрейший Федор Михайлович. Вот уже вторая неделя, как я сижу дома, простудившись, с тяжелой головою. Если вы здоровы и есть досуг, не зайдете ли на днях вечерком побеседовать, чего давно уже не бывало.

Душевно преданный
К. Победоносцев
28 февр[аля] 1878
Петербург

21

Достопочтеннейший Федор Михайлович. Вам понравилась московская речь Преосв[ященного] Амвросия⁴⁹. Думаю, что понравится и другая, недавно сказанная им в Московской семинарии.

Душевно преданный
К. Победоносцев
30 ноября [18]78

22

Почтеннейший Федор Михайлович. Рекомендую вам прочесть фельетон в прилагаемом <номере> «Соврем[енных] Известий»⁵⁰. В нем метко выражена основательная мысль и подмечено явление, слишком обыкновенное в нашем обществе.

Кстати. Помня, что вы иногда заходили ко мне по субботам вечерами, скажу на всякий случай, что завтра я должен провести целый вечер в утомительном заседании.

До свидания.

Ваш *К. Победоносцев*

Пятница

12 янв[аря] [18]79

23

Многоуважаемый Федор Михайлович.

На случай, когда бы вам нужно было видеться с Катковым⁵¹, спешу вас уведомить, что он здесь на несколько дней и остановился у зятя своего, кн[язя] Шаховского⁵², на площади Большого театра, № 6, дом Варгина.

Душевно преданный

К. Победоносцев

14 фев[раля] [18]79

24

Любезнейший Федор Михайлович. Сейчас был у меня о[тец] архимандрит Симеон и привез для передачи вам выписанные им из книг подробности монашеского погребенья⁵³, о которых он при свидании запомнил объяснить вам.

Душевно преданный

К. Победоносцев

24 февр[аля] 1879

25

Почтеннейший Федор Михайлович. Вчера по уходе вашем я написал и послал потребное письмо Градоначальнику.

В понедельник надеюсь встретиться с вами за обедом: Арсеньев пишет мне, что у них на этот день предположение, и я сообщил им ваш адрес.

Душевно преданный
К. Победоносцев
3 марта 1879

26

Христос Воскрес. Обнимаю вас, любезнейший Федор Михайлович, и сердечно благодарю за память. Жалею, что не видал вас, а только ваши карточки. Я сегодня лишь вернулся из Сергиевской Пустыни, где доволен был и мирен целую неделю. В 3 часа поехал к вечерне в Исакиев[ский] Собор, а между тем явились ваши карточки. Посылаю вам статьи из вчерашних «Моск[овских] Вед[омостей]»⁵⁴.

Душевно преданный
К. Победоносцев
[2 апреля]⁵⁵
Пасха 1879

27

Любезнейший Федор Михайлович. Припоминаю, что около 15 апреля вы собираетесь переезжать в Старую Руссу. Не надеюсь до отъезда увидеться с вами, так как за болезнью в доме у меня я ни с кем не вижусь. От души желаю вам счастливого пути, уезжайте скорее, там будет вам тише жить и работать. В настоящую пору бежал бы из Питера в пустыню. Кланяюсь

супруге вашей и желаю вернуться благополучно и здорово в лучшую пору. От души обнимаю вас.

Душевно преданный

К. Победоносцев

11 апр[еля] 1879

28

Сердечно благодарю вас, любезнейший Федор Михайлович, за то, что вы скоро меня вспомнили и написали мне, а меня простите за то, что не ответил вам вскоре. Это совершенно противно обыкновению моему и сердечному желанию и весьма редко со мною случается, а на этот раз произошло вследствие того, что у французов называется *force majeure*⁵⁶. Поверите ли, что целый месяц и больше того я не в состоянии был писать, и самые письма, мною получаемые, лежали у меня дня по три нераспечатанными: до того голова была занята с утра до ночи множеством забот и множеством лиц, с которыми приходилось непрерывно видеться. Только теперь опоминаюсь от всей этой суеты. Впрочем, работал я для доброго дела. Надобно было устраивать отправление 600 ссыльнокаторжных из Одессы на остров Сахалин. Мне хотелось устроить это дело так, чтобы скорбный этот путь стал по возможности путем утешения и чтобы вместо школы разврата, соединенной с этапным хождением, устроилась бы по возможности школа духовного назидания и порядка. Слава Богу, обстановка вышла самая благоприятная. Прекрасный священник, всей душою преданный делу, другой – простой человек с горячею душой, благочестивый мещанин-миссионер с громадным запасом книг и т[ому] под[обного], доктор-старичок, человеколюбец, и два чиновника – люди вполне достойные и одушевленные, командир судна толковый, распорядительный, с душою. Вы поверите, с какою заботою я следил за всем этим снарядам. Наконец, 7 июня корабль отплыл, напутствованный в Одессе архиереем Платоном, который сам приехал проводить арестантов и сказал им трогательные поучения, а

в числе их есть люди, повинные в 40 убийствах. Экспедиция эта, первая в своем роде, прошла уже Красное море, и теперь, должно быть, на пути к Сингапуру. Вчера я получил первые любопытнейшие письма из Порт-Саида и, читая их, приходил в умиление. Благослови Боже! Нас стращали беспорядками в пути, но вот в течение 2 недель все не нахвалится поведением арестантов. Представьте себе только такую картину: утро и вечер посреди океана впереди священник и с ним 500 каторжных (ибо 100 мусульман в числе их) поют молитву. На богослужении каторжные же поют по нотам. Тотчас по выходе из Босфора признано возможным снять с них кандалы, и мне описывают радость по этому случаю. Священник неотступно при них, им позволено работать, их выпускают гулять на палубу и проч[ее]. Дай Бог благополучного конца этому интересному плаванию, а я радуюсь, что заботы мои и моих сотрудников оказываются до сих пор не пропащими!

Да, любезнейший Федор Михайлович, жизнь наша так искривлена, так завалена и опутана, что в ней трудно бывает отыскать простые человеческие черты. И во времена Спасителя человек, по-видимому, глубоко вдумывавшийся в жизнь и помышлявший о долге, ставил вопрос, мучивший его душу и представлявшийся ему неразрешимым: кто есть ближний мой? А как он прост для простой некнижной души, и как просто решил его Спаситель. И мы все ходим по свету и мучим себя вопросом: что мне делать? И этот вопрос сбивает всех с толку, он же, конечно, увлекает и массу молодежи, выросшей посреди книжных миазмов, на путь лжи и беззакония. Да и не они одни – все мы, слывущие интеллигенцией, путаемся в нем, словно леший обошел нас, а между тем возле нас лежит большой, царский путь правды. И вдруг иногда приходит минута, что мы видим этот путь, ступаем на него и идем по нему легко и свободно, веселыми ногами, и жизнь вдруг становится ясною. Это только тогда и бывает, когда является простое отношение одной души к другой душе страждущей, нуждающейся и обремененной, когда является перед нами дело любви в самой простой форме, блистающей неотразимой истиной, без хитро-

сти и заблуждения: «алчущего напитать, жаждущего напоить, нагого одеть и т[ому] п[одобное]». Все это, как давно мы знали, еще из прописей, из начатков христианского учения – как все это старо и как все это свежо и ново!

На этом основании строится все наше здание. Тут же и единственный, элементарный источник веры. Какое безумие спрашивать: докажи мне веру твою. Надо сказать: покажи мне веру твою. Она является не в отвлеченной формуле, а в живом образе живого человека и живого дела – в образе Божиим, еже есть Адам человек, и паки человек, т[о] е[сть] Христос Сын Божий. Вера, любовь, надежда – школа разделяет на три категории понятий, и это есть оболъщение школы, ибо разбивать то нельзя, что в существе своем едино. Бог явился Илии пророку не в вихре и в буре, а в глазе хлада тонка, в тихом веянии ветра.

О нынешних событиях и положении дел не стану много говорить, вы сами видите и чувствуете, а мне больно, больно и тяжело. Видя многое, что другие не видят, в людях и в делах, я не могу одушевляться надеждою, ибо для меня вопрос ставится просто: на репейнике не могут расти гроздья, на крапиве не вырастут смоквы. Живой человеческой силы, которая могла бы двинуть события, не слышно, и явственнее, чем когда-либо, ощущается, что дела наши в руке карающего и милующего Бога. Часто с волнением в душе перечитываю 10 главу Послания к евреям и страшный 31 стих⁵⁷. Все так перепуталось и перемешалось в понятиях человеческих и в воле человеческой, что всякая аргументация стала пуста и бесплодна. Журнальные статьи, особливо в П[етер]бурге, мне омерзительны. Нити не отыщешь, чтобы выйти из лабиринта, покуда нельзя будет сказать: бысть человек послан от Бога, тот что станет на гумне и будет веять пшеницу⁵⁸.

Сегодня газеты принесли известие великой важности. Во Франции принята 7 статья закона об обучении⁵⁹. Голос ликует, но от этого ликования страшно. Ведь это значит, что закон государственный отрицает право Церкви учить и признает неспособными десятки тысяч людей, занимавшихся обучением не по профессии, не за деньги, но ради утверждения веры и по долгу

церковного звания. Это приказ самого революционного свойства: и подумаете, что у нас наши журналы требуют того же самого, и наши власти, пожалуй, вскоре вдохнутся тою же идеей.

Обнимаю вас от души, любезнейший Федор Михайлович, и кланяюсь супруге вашей. Жена моя просит передать вам ее поклон. Надеюсь, что и вы сами, и все у вас здоровы. Я проживаю в Петергофе, Разводная улица, № 4, но езжу почти ежедневно в Петербург. Жду теперь появления книжки «Рус[ского] Вестника», чтобы знать окончание разговоров братьев Карамазовых о вере. Это очень сильная глава – но зачем вы так написали детские истязания!

Ваш от души
К. Победоносцев
9 июня 1879 г.
Петергоф

29

Любезнейший и добрейший Федор Михайлович. Спасибо вам за доброе письмо ваше из Эмса. Не зная об отъезде вашем за границу, я удивился, когда нашел в Питере вашу карточку, и если бы знал ваш адрес, то уговорил бы завернуть ко мне в Петергоф, где мы на досуге побеседовали бы с вами.

Вижу, что вам скучно и тошно в Эмсе, и понимаю. Но что делать, когда лечиться надобно и должно. А что будет от лечения, в том Бог волен. Только не раздражайте себя мыслию о смерти в том смысле, как вы пишете. Посудите вы сами, когда жизнь исполнена такой нравственной тяготы и когда смерть висит над человеком, стоит ли болезненно вглядываться в эту мысль. А что вы пишете о детях: что с ними станется? На это скажу вам: а почему вы знаете, что с ними станется, когда вы будете живы. Кто из нас, сколько ни заботься, может прибавить себе росту на один локоть⁶⁰? И от чего вы убережете их, если Бог не убережет? Будут терпеть? Но и при вас разве нет терпения? И вы сами разве не терпели? И всякому человеку разве не положено терпеть? Предоставьте их Богу и себя не смущайте. Мир

во зле лежит и полон злых людей, но есть и добрые – их Бог посылает в нужную минуту. Не говорю: к чему заботиться, чего опасаться? Но говорю: смерти из-за того не стоит трепетать, что малые дети останутся. И мать у них есть, мать попечительная, а впрочем, Бог всем отец и все ведает, что неведомо никому. Итак, не пещытесь на утре⁶¹. Может, Бог даст, еще и немало проживем, и Господь знает, на добро ли или на худо себе и другим. Господь весть. Впрочем, мрачное настроение наше зависит часто от нездоровья, и вы, Бог даст, когда поправитесь, яснее будет на душе. Я про себя скажу, что у меня на душе нелегко: меня крепко гнетет и давит все то, что я вижу и слышу в доступном мне кругу и во всей мимотекущей жизни. Притом многое, что знаешь и чувствуешь, приходится таить в себе и не поверять людям, чтобы не нарушить в них оставшееся верование в правду людей и событий. Великое дело вера – и в делах человеческих. Мы сами иной раз не подозреваем, какую силу отнимаем у людей, легкомысленно передавая им свои впечатления и сомнения.

Рад душевно тому, что вы сообщаете мне о новой книге «Карамазовых». Буду ждать нетерпеливо выхода августовской книжки «Р[усского] В[естника]». Ваш «Великий инквизитор» произвел на меня сильное впечатление. Мало что я читал столь сильное. Только я ждал, откуда будет отпор, возражение и разъяснение, но еще не дождался. Вы пишете, что $\frac{1}{10}$ доли не выполнили против задуманного; но эта вещь стоит того, чтобы заняться ею в цельном приеме, пополнить и переделать что нужно. К сожалению, полноте и цельности немало вредит то, что роман и пишется, и выдается частями. Если бы можно было вам же, написав все, все вместе обозреть и проверить, во сколько раз вы были бы довольнее. Когда художнику не удалась его статуя, или он не доволен, весь металл идет опять в горнило. Впрочем, и то сказать, что всякий художник творит по-своему, и вы, если бы выжидали, может быть, никогда и не решились бы выпустить свое произведение. Желаю вам тихих дней, тихого настроения, чтобы мысль зрела и округлялась в тишине. Всякий день имеет судьбу свою; и есть дни, когда колос вдруг спеет и вдруг наливается.

Приятель наш Мещерский выпустил еще произведение в ответ современным вопросам «в улику времени»⁶². Не видал еще, что это такое, но вижу, какая поднялась руготня в журналах. Эта руготня скорее служит рекомендацией в изв[естном] смысле, но я не сомневаюсь, что и сюда пущена нашим приятелем какая-нибудь ложка дегтю. Кроме того, мне крепко не нравится его манера – печатать разгонисто маленькую книжку, выпускать ее с рекламой и брать дорогие деньги. Это пахнет лавочкой.

От злосчастного Пуцыковича⁶³ не чаю ничего прочного. Все у него рассыпается, как дым, и не будет от него ничего, потому что он подлинно не в состоянии работать. Странное его объявление об издании «Гражданина» в Берлине я встретил здесь в единственной газете – в «Московских епархиальных ведомостях»⁶⁴! Мысль эта сама по себе весьма мне нравится, и на этой почве можно бы создать нечто весьма солидное, только не Пуцыковичу. Увы! Он погибнет, как Фаэтон, вздумавший покататься по небу в Фебовой колеснице⁶⁵. Жаль мне его по человечеству, и мой ему совет всегда был бросить журнальное дело, которое не по плечу ему, и работать какую-нибудь маленькую работу.

Обнимаю вас от всей души, любезнейший Федор Михайлович! Христос с вами!

Ваш *К. Победоносцев*

16 авг[уста] 1879

Я еще в Петергофе, но на днях переезжаю в П[етер]бург.

30

Посылаю вам, многоуважаемый Федор Михайлович, московскую статейку о брошюре Цитовича⁶⁶.

Завтра, в понедельник, жду вас к нам кушать, по вашему обещанию, в 5 часов. Душевно преданный

К. Победоносцев

Воскресенье

[1879]⁶⁷

Только что послал к вам письмо свое, любезнейший Федор Михайлович, как получил из Берлина злосчастный № 5 «Гражданина»⁶⁸. Как не стыдно Пуцыковичу издавать в таком виде свой первый выпуск и еще с таким притворством и угрозами. Ведь это похоже на лягушку, раздувающуюся в быка. Тут у него ничего нет, кроме каких-то бумаг из сорного ящика. И на что он рассчитывает? Если на одного себя, то расчет плохой, он не в состоянии работать! Мне это грустно потому, что фирма будет окончательно погублена, а между тем за границую можно было бы печатать многое удобнее, нежели здесь. И ежели он рассчитывает на сотрудников из России, то этим уже первый <номер> отобьет у многих охоту. Не лучше ли было бы подождать и издать нечто более солидное? И не явный ли это признак неспособности, когда человек для начала не сумел составить ничего лучше. Жаль мне и самого Пуцыковича. Лучше пусть спасает себя и бежит в горы.

А как много и хорошо можно бы писать теперь; но для этого надо снять с себя истасканный грязный плащ журнальной полемики, так все измельчало, так все опошлилось в ее приемах: похоже на мальчишек, которые, выглядывая из-за угла, ругают прохожих и бросают в них камнями.

И так стали нелепы и незрелы ходячие мнения, что, кажется, небольшой мудрости стоило бы разбивать их спокойно *sine ira et studio*⁶⁹. Все, кто выставляет еще себя серьезными учителями в журналах, так опошлелись. Вы видели фельетон Градовского⁷⁰ к студентам. Профессор не нашел лучшего наставления, как сказать студентам: вы должны быть, вы будете нашей интеллигенцией. А что такое интеллигенция – спросите-ка его самого и их, – что они пойдут городить. Итак, чтобы вывести из одного тумана, напускается другой. Слепец слепца ведет, и оба в яму впадут. Или, напр[имер], вчерашний фельетон философа Г. Маркова о женских курсах⁷¹!

Но на всю эту работу людей нет, и, конечно, не соберет их бедный Пуцыкович!

А что вы пишете о жидах, то совершенно справедливо. Они все заполнили, все подточили, однако за них дух века сего. Они в корню революционно-социального движения и царевубийства, они владеют периодической печатью, у них в руках денежный рынок, к ним попадает в денежное рабство масса народная, они управляют и началами нынешней науки, стремящейся стать вне Христианства. И за всем тем – чуть поднимется вопрос о них, поднимается хор голосов за евреев во имя якобы цивилизации и терпимости, т[о] е[сть] равнодушия к вере. Как в Румынии и Сербии, так и у нас – никто не смей слова сказать о том, что евреи все заполнили. Вот уже и наша печать становится еврейскою. «Русская Правда», «Москва», пожалуй, «Голос» – все еврейские органы, да еще завелись и специальные журналы: «Еврей» и «Вестник Евреев», и «Библиотека Еврейская»⁷².

Обнимаю вас, любезнейший Федор Михайлович. Здравствуйте.

Ваш К. Победоносцев

19 авг[уста] 1879

Петергоф

32

Любезнейший друг Федор Михайлович.

Я еще не благодарил вас за ваше милое письмо, полученное мною еще 21 мая. Не причтите это к моему равнодушию. Поистине, я занят делами и заботами всякого рода. Вы собирались вскоре ехать в Москву: узнав, что праздник отложен, я поспешил телеграфировать вам о том заблаговременно, но, видно, моя телеграмма уже не застала вас в Старой Руссе. Затем на конце московских праздников я сам проехал к Троицыну дню через Москву в Лавру, был потом в Ярославле и в Москве; потом, вернувшись, ездил еще раз в Кострому; в начале июля переехал в Ораниенбаум, откуда езжу несколько раз в неделю

на целые дни в Питер, а сюда мне привозят охапками дела ежедневно. Теперь сильно опасуюсь, что письмо не застанет вас в Старой Руссе, ибо припоминаю, что вы собирались ехать еще в Эмс. Итак, пишу вам на всякий случай, и буде получу ответ из Старой Руссы, то напишу пространнее.

А если вы в Старой Руссе, то прибегаю к дружбе вашей за следующим делом.

Недавно слушалась в Синоде просьба некоего священника Алексея Степановича Надеждина о сложении с него духовного сана. Все о нем свидетельствует, что он хороший человек и священник, но болезнь вынуждает его оставить свой сан, хотя он не знает, чем будет жить. Просьба его удовлетворена, но мне было желательно лично видеть его, посмотреть, что он за человек и из-за чего снимает священство. Я послал искать его и оказалось, что он в Старой Руссе на углу Пятницкой и Георгиевской улицы, в доме свящ[енника] Румянцева⁷³. Итак, если вы в Старой Руссе и имеете досуг и силы, не найдете ли времечко посмотреть этого человека и уведомить меня о вашем впечатлении.

Порадовался я душевно, что вы исполнили свое желание, о котором писали мне, и исполнили с таким успехом, отодвинуть назад безумную волну, которая готовилась захлестнуть памятник Пушкина. Радуюсь за вас, и особенно за правое дело, которое вы выручили⁷⁴.

Оканчиваю покуда, обнимаю вас от души и жду весточки от вас.

Душевно преданный

К. Победоносцев

Петерб[ург]

22 июля 1880

Сердечно благодарю вас, любезнейший Федор Михайлович, за скорый ваш ответ на письмо мое, сомнительно искавшее вас в Старой Руссе. Особенно же – за скорое исполнение моей просьбы и за снимок с физиономии свящ[енника] Надеж-

дина. После того сам он, проведая от кого-то, что я ишу его видеть, сам сюда приехал, был у меня и успокоился, узнав, что я разыскивал его из участия к нему же и из желания сохранить его, буде возможно, для церковного служения. Однако вижу, что он непреклонен в своем решении, конечно, по причинам весьма уважительным. А когда он отдохнет, сняв рясу, подумаем, куда можно будет с пользою употребить его.

О, какое вижу великое стадо пастырей, не имущих пастыря, лежащих в притворе и ждущих движения воды и явления ангела⁷⁵. Сколько сбитых с пути и на этом попроще, на котором, казалось бы, нравственная задача жизни и деятельности намечена проще и явственнее, чем где-либо, а поле для нее очерчено определительнее. Теперь ежедневно со всех концов России стекаются ко мне интимные письма духовных и светских лиц с воплями и с указаниями, что, по их мнению, нужно. И, верите ли, всякое-то почти письмо есть патологическое явление, указывающее на такую путаницу в понятиях, на такой разлад между сердцем и мыслью, на такое раздвоение центральной идеи! И сейчас лежит передо мною послание одного харьковского сельского священника, показывающее человека с горячим сердцем и скорбною мыслью, все наполненное, однако, фразами, которые сами обличают свой источник (чтение журналов и газет) и противоречиями запутавшейся мысли. В конце концов, он умоляет созвать всероссийский земский собор, воображая, что из этого нового смешения языков может возникнуть потерянная истина. Чего еще искать ее, когда она всем нам, и ему тоже, давным-давно дана и открыта!

А что бы ему вместо всей этой рацеи написать мне, что он сам на своем поле хотел и старался делать, что успел, в чем обманулся и как обо всем этом судит!

Куда как много говорят (больше с чужого голоса), куда как много напускают на себя и куда как мало делают все! В этом-то и состоит сугубая ложь, нас разъедающая. Лучшие наши чувства – любовь и негодование – способны превратиться в ложь в лучших из нас и, подобно демону, превращающему свой вид в ангела света, заводят нас дальше и дальше на кри-

вые пути. Так засыхает и истощается в нас основное чувство природы – радость, без которой невозможно возвышение духа истинное, невозможна и истинная деятельность. Место ее занимает желчное раздражение.

Но довольно об этом. Как я радуюсь полученному от вас известию о скором выпуске «Дневника»⁷⁶. В добрый час и благослови вас Боже! Лишь бы ваша мысль стояла в вас самих ясно и твердо, в вере, а не в колебании, тогда нечего обращать внимание на то, как она отразится в разбитых зеркалах – еже есть журналы и газеты наши. Пусть их <ругают> сколько угодно: ваша речь найдет себе дорогу сквозь весь этот лай паршивых шавок.

Сейчас только получил 7-ю книжку «Р[усского] Вест[ника]» с продолжением «Карамазовых»⁷⁷. Перед тем читал последнюю часть вашу, помнится, в апрельской книжке, дорогою, еду из Москвы в Ярославль (история с детьми)⁷⁸. Она удовлетворила меня вполне, без всякого расщепления: очень, очень хорошо. В первую же минуту досуга возьмусь за следующую. Все ваше я непременно читаю, любезнейший Федор Михайлович.

В эту минуту Влад[имир] Соловьев недалеко отсюда, в Петергофе, куда приехал на несколько дней из пустыньки с гр[афиней] Толстою⁷⁹ и с Ю. Ф. Абазой⁸⁰. Сегодня, кажется, они уезжают обратно.

Радуюсь, что вам понравилась речь моя⁸¹. Я сердечно любил покойную императрицу и хотел сказать слово о ней не на журнальных столбцах, которые опротивели мне ложью, а на чистом месте, простым душам, способным любить и верить. Для этого главным образом и поехал я в Ярославль к девицам, выходявшим из училища.

Обнимаю вас от души. Сам я подлинно в котле киплю с утра до ночи.

Супруге вашей мой душевный поклон, и моя жена вам усердно кланяется.

Душевно преданный

К. Победоносцев

2 августа 1880

Ораниенбаум

34

Спасибо вам, любезнейший друг Федор Михайлович, за вышедший сегодня <номер> «Дневника»⁸². Я тотчас же прочел его весь, едучи обратно из П[етер]бурга. Тут есть страницы из лучших, писанных вами. Спасибо вам за то, что сказали русскую правду. Сказанное вами, без сомнения, произведет впечатление на многих. Г[осподин] Градовский будет, пожалуй, отписываться, его и подобных ему обезьян не урезонишь, ибо они потеряли уже ключ к народной душе. Как внушить любовь семейную сыну, который спрашивает отца: докажи мне, почему я обязан любить тебя?

Желаю этому листку самого обширного распространения; а «Дневник» вам непременно надобно издавать в следующем году: к этому вы нравственно обязаны.

Взгляните на статью Леонтьева по поводу вашей речи в № 169 «Варшавского Дневника»⁸³. Если у вас нет, я пришлю вам этот <номер>.

Думал, не здесь ли вы сами по случаю выпуска этого листка; послал спросить, но на квартире сказали, что вы будете назад лишь в сентябре.

Обнимаю вас от души – Христос с вами.

Ваш *К. Победоносцев*

12 авг[уста] 1880 г.

Ораниенбаум

35

Любезнейший Федор Михайлович. Вы заходили ко мне вчера – очень жалею, что не видел вас. Поутру весьма трудно меня видеть. Но прошу вас, вспомните прежний завет наш о субботе, с 9 часов вечера: тут я почти всегда дома.

30 окт[ября] 1880. Душевно преданный

К. Победоносцев

36

Любезнейший Федор Михайлович. Пожалел очень, увидев сегодня утром вчерашнюю вашу карточку, тем более что сам недавно ждал вас в субботу. Случай вышел особенный. Вчера я страшно устал, нехорошо себя почувствовал и лег спать в 8 часу вечера: жена распорядилась сказать, чтобы никого не принимали; и вам сказали, что меня нет. На днях надеюсь увидеться.

Душевно преданный
К. Победоносцев
2 ноября 1880

37

Благодарю от всей души, любезнейший Федор Михайлович, за приятный подарок. Теперь, когда «Карамазовы» вышли отдельною книгой⁸⁴, я бы посоветовал вам представить ее цесаревичу: я знаю, что он ожидал выхода целой книги, чтобы начать чтение, ибо не любит читать по кусочкам. Когда-нибудь в один из приемных дней (вторник, четверг, суббота) пройдите прямо в Аничков дворец к 12 часам, взойдите наверх и скажите, чтобы доложили о вас. Я уверен, что цесаревич очень охотно вас примет, а вслед затем доложите и у цесаревны⁸⁵.

Завтра вечером у вас труд немалый. Дай Бог вам здоровья.

Душевно преданный
К. Победоносцев
9 декабря 1880

38

Не смущайтесь, любезнейший Федор Михайлович, спокойно ждите переплета. Можно пойти и на следующей неде-

ле. Предупредите меня накануне, а я предупрежу Вел[икого] Князя, что вы будете.

Душевно преданный
К. Победоносцев
9 дек[абря] [1880 г.]⁸⁶

39

Почтеннейший Федор Михайлович. Я предупредил письменно Великого Князя, что вы завтра в исходе 12-го часа явитесь в Аничков Дворец, чтобы представиться Ему и Цесаревне. Извольте идти наверх и сказать адъютанту, чтобы о вас доложили и что Цесаревич предупрежден мною. А затем, когда выйдете от него, извольте спросить камердинера Цесаревны, чтобы Ей доложили о вас. Дело это просто делается.

Душевно преданный
К. Победоносцев
15 дек[абря] [1880]

40

Любезнейший Федор Михайлович.
Посылаю вам обещанные 2 книги⁸⁷ – с закладками на тех страницах, на кои обращаю ваше внимание.

Одну книгу – 2-й том о семейных правах – прошу мне возвратить, ибо все издание разошлось, и экземпляров у меня не осталось.

Другую – 3-ю часть о договорах – прошу оставить у себя и принять от меня на память.

Душевно преданный
К. Победоносцев
15 дек[абря] 1880

**О. Иоанн Кронштадтский
и К. П. Победоносцев**

1. Письмо К. П. Победоносцева директору канцелярии обер-прокурора И. А. Ненарокомову⁸⁸.

К делу.

Посмотрите, что напечатано в «Новом Вр[емени]» сегодня наряду с объявлениями о театрах и пр[очем].

Думаю, тут не без греха священник. Что за человек и в чьем ведомстве? Не у Петра Евд[окимовича] Покровского⁸⁹?

К[онстантин] П[обедоносцев]

20 дек[абря]

2. Из газеты «Новое Время» (20.XII.1883, изд. 1-е).

Благодарственное заявление.

Мы, нижеподписавшиеся, считаем своим нравственным долгом засвидетельствовать искреннюю душевную благодарность протоиерею Андреевского собора, что в городе Кронштадте, отцу Иоанну Ильичу Сергиеву за оказанное нам исцеление от многообразных и тяжелых болезней, которыми мы страдали и от которых ранее не могла нас избавить медицинская помощь, хотя некоторые из нас подолгу лежали в больницах и лечились у докторов. Но там, где слабые человеческие усилия являлись тщетными, оказалась спасительной теплая вера во Всемогущего Целителя всех зол и болезней, ниспославшего нам, грешным, помощь и исцеление через посредство достойного перед Господом благочестивого отца протоиерея. Святыми и благотворными молитвами сего, так много заслужившего перед верховным Зиждителем всех благ, подвижника все мы получили не только полное

избавление от угнетавших нас недугов телесных, но некоторые из нас чудесно исцелились и от немощей нравственных, бесповоротно увлекавших их на путь порока и гибели, и теперь, укрепленные столь явственным знаком Божьего к ним милосердия, почувствовали в себе силы оставить прежнюю греховную жизнь и пребывать более твердыми на стезе честного труда и богобоязненного поведения.

Считая особенно полезным для назидания многих в наше маловерное время заявить во всеобщее сведение о таком видимом проявлении неустанно пекущегося о греховном человечестве Всеблагото Промысла Божия, признаем неуклонным долгом открыто, перед лицом всех заявить свою глубокую благодарность столь много помогшему нам преподобному отцу протоиерею, прося его и на будущее время не забывать нас, грешных, в своих молитвах. Вместе с тем, стараясь твердо памятовать сами, сообщим и для других единственный преподанный нам многодостойным пастырем-служителем при наших к нему обращениях высоковоляющий спасительный совет: жить по Божьей правде и как можно чаще приступать к св[ятому] причастию.

* * *

Молитвами достойного протоиерея отца Иоанна получил я от Милосердного Господа полное исцеление в своих тяжких болезнях. Четыре года страдал я расслаблением и ломом в ногах, сильнейшим ревматизмом головы, а также у меня очень болела грудь. Ранее много раз обращался к докторам, но никакие средства не помогали.

Гаврила Тягунов

Сенная, Горсткаина ул., д. 2, кв. 41

Более трех лет я страдала болезнью сердца, соединенною с сильными болями в голове, кроме того, у меня очень болели ноги, одним словом, вся была расслабленная; обращалась

к докторам, но напрасно. Получила же полное исцеление от батюшки отца Иоанна.

Евдокия Тягунова

Страдая упорно и мучительно внутренней болезнью, я долго лежал в Александровской больнице, но, не получая выздоровления, наконец, выписался и больной поехал в Кронштадт, где сразу получил чудесное исцеление от почтенного отца протоиерея Иоанна.

Пахомов

Я страдал сильнейшим застарелым ревматизмом во всем теле, чувствуя нестерпимую боль в голове, груди и ногах. Никакие ни домашние, ни медицинские средства не помогали. Обратившись к отцу протоиерею Иоанну, я священной его молитвою сразу как будто ожил и получил полное выздоровление. Сын мой, 6-летний мальчик, был болен горячкой. Батюшка протоиерей, помолившись над ним, наложил на него руку, и мальчик тотчас же стал вполне здоровым. 8-летняя дочь моя страдала какою-то непонятной болезнью, была худая, бледная и изнуренная, сохла день ото дня и также была исцелена святыми молитвами отца Иоанна. Жена моя была совершенно расслаблена болезнью и не имела никакого аппетита к пище. Получила исцеление от того же отца протоиерея.

Кузьма Фадеев Кудрявцев

Сенная площ[адь], д. 3, кв. 19

Был я человек совершенно пропащий, сильно пьянствовал и распутствовал, отбился от всякого честного труда и дошел до того, что даже не имел дневного пропитания; одним словом, совершенно погибал. Отец Иоанн, помолившись обо мне, благословил меня на честную жизнь, и Бог укрепил

меня, я стал другим человеком, и святыми молитвами преподобного батюшки дела мои теперь идут хорошо.

Григорий Евгенъев

Сенная площ[адь], д. 3, кв. 16

Три месяца я болел какою-то внутренней болезнью, был весь расслаблен и чувствовал сильный ревматизм в ногах. Много обращался к врачам, но никакой пользы не мог получить. Отец протоиерей, помолившись, благословил меня, и я сразу почувствовал себя совершенно здоровым.

Корнило Александров

Бол[ьшая] Итал [ьянская], в доме против Пассажа

Семь лет я страдал от нестерпимой головной боли, которая не давала мне покоя ни днем, ни ночью. Сколько я ни лечился у докторов, никакие средства не помогали. Я обратился к отцу протоиерею Иоанну, он возложил свои руки мне на голову, и я в ту же минуту почувствовал совершенное исцеление от мучавшей меня боли. Тот же отец протоиерей оказал мне еще и другую помощь. По ремеслу я столяр и имею свою мастерскую. В делах моих был полный застой, и заготовленный товар совершенно не шел с рук. Я поехал в Кронштадт и попросил отца Иоанна помолиться, чтобы Бог послал успех в моих делах. По возвращении домой я тотчас же получил много заказов и в одну неделю продал товару на 2000 р[ублей], и с тех пор дела мои идут хорошо.

Малолетняя моя дочь была постоянно больна и долго не начинала ходить. Добрый батюшка по приглашению моему приехал к нам на квартиру, помолился о ней, и на другой же день дочь моя совершенно поправилась и начала ходить.

Бовичев

Уг[ол] Сайкина пер[еулкa]

и Воронежской ул., д. 16, кв. 14

12 лет я страдал грыжей, признанной докторами неизлечимой, и сильным ревматизмом в ногах. Святыми молитвами отца Иоанна я сразу излечился.

Александр Иванов Строганов

Апраксин переулок, д. Базарова, кв. 12

12 лет я была одержима злым духом, не могла стоять в церкви, неистово кричала и билась, так что 10 человек не могли меня удержать. Отец Иоанн помолился обо мне, исповедовал и причастил Св[ятых] Христианских Тайн. Злой дух оставил меня, и с тех пор второй год, как я чувствую себя совершенно здоровою.

Анна Алексеева

Три года я страдала падучей болезнью и ниоткуда не могла получить исцеления. Отец Иоанн помолился обо мне, и злой недуг оставил меня: теперь я совершенно здорова.

Мария Васильева Багинова

Горсткаина ул., д. 75, кв. 38

12 лет я вела самую греховную жизнь, не знала Бога, в церковь не ходила совершенно и была запутана в дьявольских сетях: правая рука была поражена у меня неизлечимой болезнью. Отец Иоанн наложил свою руку мне на голову, и я стала здорова и почувствовала силы совершенно оставить свою прежнюю греховную и распутную жизнь.

Дарья Савелова

Казачий пер., д. 9

Четыре года я страдала неудержимым запоем и вела самую беспутную жизнь. Молитвою отца Иоанна я совершенно исцелилась.

Васса Петрова

Казачий пер., д. 9

Пять лет я страдала сильными припадками падучей болезни. Молитвами отца Иоанна по принятии от него Св[ятых] Христианских Тайн совершенно исцелилась и теперь совершенно здорова.

Ирина Афанасьева Гусева

По безумным увлечениям молодости я четыре года вел самую беспутную жизнь, оставить которую никак не мог. Отец Иоанн помолился обо мне, и я стал вести жизнь трезвую и правильную и теперь постоянно здоров и весел духом.

Герасим Александров

Много лет я страдал неизлечимой болезнью сердца, находился постоянно в невыносимой тоске и тревожном состоянии духа и сильно страдал; обращался к докторам, но никакие медицинские средства не помогали. Совершенно излечился молитвою отца Иоанна.

Сергей Герасимов

Забалканский просп., д. Шольца.

Много лет страдая болезнью сердца, я чувствовала постоянно невыносимую сердечную тоску и головную боль. Много лечилась, но бесполезно. Исцелилась только молитвами отца Иоанна.

Настасья Емельянова

3. Письмо К.П. Победоносцева И.А. Ненарокомову.

Прошу Вас написать или дать знать от моего имени настоятелю Андреевского собора, чтобы не тревожил отца Иоанна по поводу публикации, ибо по точном исследовании я убедился, что сам он нисколько в ней не участвовал и не знал

об ней, а сделана она по неведению последствий простыми людьми, желавшими засвидетельствовать священнику свою благодарность.

К[онстантин] П[обедоносцев]

30 дек[абря] 1883.

4. Письмо И. А. Ненарокова настоятелю Андреевского собора П. В. Трачевскому⁹⁰.

3 января 1884 г. № 1. Конфиденциально.

Ваше Высокопреподобие, Милостивый Государь.

Вам, без сомнения, известно, что в газете «Новое Время» появилась публикация с выражением благодарности Протоиерею Кронштадтского Андреевского Собора Иоанну Сергиеву нескольких лиц, получивших исцеление от разных недугов по молитвам Сергиева.

Публикация эта, как неуместная, не могла не обратить на себя внимание со стороны духовного начальства. Но по точном дознании, проведенном по распоряжению Г[осподина] О[бер]-П[рокурора] Св[ятейшего] Синода, Его Высокопревосходительство вполне убедился, что сам о[тец] Иоанн несколько не участвовал в составлении означенной публикации и даже не знал о ней, и что она сделана по неведению неблагоприятных последствий простыми людьми, искренне желавшими засвидетельствовать чтимому ими протоиерею Сергиеву свою благодарность.

По поручению Г[осподина] О[бер]-Прокурора долгом представляю сообщить Вам, Ваше Высокопреподобие, с тою целью, чтобы предупредить возможность каких-либо неприятностей и тревог о[тцу] Иоанну по поводу означенной публикации.

Примите и проч[ее].

Ив[ан] Ненароков

Его Высокопреподобию П. В. Трачевскому.

5. Письмо начальника Главного управления по делам печати Е. М. Феокистова⁹¹ К. П. Победоносцеву.

Милостивый Государь, Константин Петрович.

Очень благодарю Ваше Высокопревосходительство за то, что Вы дали мне возможность ознакомиться с прилагаемой запиской⁹². Это весьма трогательная история, и дай Бог, чтобы было у нас побольше таких священнослужителей. Я написал генералу Грессеру⁹³, чтобы он оставил дело без последствий.

С глубоким уважением и искренней преданностью, Ваш покорный слуга

Е. Феокистов

31-го декабря 1883 г.

К. П. Победоносцев в письмах к друзьям

1. К. П. Победоносцев – С. А. Рачинскому⁹⁴
[15 февраля 1880 года, Петербург]⁹⁵

Любезный друг Сергей Александрович.

Сейчас получил ваше письмо от 13-го.

Больно и думать, и говорить о том, что у нас происходит, и о нашем состоянии. Все, что вы пишете, – справедливо. У меня давно уже душа наболела посреди здешних миазмов – верите ли, что немного людей – раз, два, три, с которыми говорить можно, кроме охов и ахов⁹⁶. Все превратились в каких-то обезьян, утративших здравый смысл: только в родниках народной души и есть спасение. Самые злодеи (не говоря о коренных заговорщиках, коих гнездо за границей) суть не что

иное, как крайнее искажение того же обезьянского образа, который приняла в последние года вся наша интеллигенция. После этого какого же ждать разума и какой воли от этой самой интеллигенции.

Теперь возлагаются надежды на Лорис-Меликова⁹⁷. Я не знаю его и не могу судить по своим впечатлениям. Знающие говорят, что он умен, хитер и может провести беса. Ждем в страхе и трепете, и да поможет Бог. На Него Единого надежда земли Русской.

Знаете ли вы статью И. Е. Забелина⁹⁸ «Минин и Пожарский», помещенную в «Русском архиве» 1872 года? Если не знаете, достаньте и прочтите, именно в нашу смутную пору.

Голова отуманена всем этим, но независимо от того, я в великих заботах с утра до ночи. Эти заботы помогают еще жить, потому что иной раз опомниться некогда. В течение весны отправляем 5 пароходов в Тихий океан. В этом числе «Нижний Н[овгород]»⁹⁹ повезет снова до 500 ссыльных с женами и детьми. На самом Сахалине есть до 300 детей без одежды и без призора. Теперь жена моя занята изготовлением для них на пожертвованные деньги платья, которое туда отсылаем¹⁰⁰.

В эту минуту лежит предо мною громадный отчет Мин[истерства] Нар[одного] Просв[ещения]¹⁰¹ за 1878 год. Вот уже несколько лет меня, к прискорбию, назначают в комиссию, которая его рассматривает: бесплодная работа над страницами, усеянными цифирным счетом. Всякий раз меня возмущает тон, которым говорится о народе, как о материи¹⁰², подлежащей просвещению посредством науки в усовершенствованном методе обучения. Вот и сегодня читал такие фразы: «отсутствие в народной массе ясного понимания о¹⁰³ значении школы как проводника образования в среду ее» (не умели и составить грамотно фразу) или «не развивавшееся понимание народной массы, которое надлежит привести в надлежащий уровень – по научной части»!!

От души обнимаю вас.

Душ[евно] пред[анный]¹⁰⁴

К. Поб[едоносцев]¹⁰⁵

5 февр[аля]1880

Петерб[ург]¹⁰⁶

2. К. П. Победоносцев – С. А. Рачинскому.

[24 апреля 1880 года, Петербург]¹⁰⁷

Воистину воскрес Христос.

Благодарю, любезный друг мой, Сергей Александрович, за доброе и дружеское приветствие. Здравствуйте и радуйтесь.

Благодарю и за присланную мне прекрасную работу вашего воспитанника. Дай Бог ему преуспевать в искусстве, а паче всего – в духе. О, когда бы малые познали, какого величия можно достигнуть в малом! И есть ли малое место человеку, когда он познает целый мир в бесконечной вечности!

А в моей судьбе – какая перемена!

Мы проживали по обычаю всю Страстную неделю в Сергиевой пустыни, забыв о Петербурге и всех делах большого рынка. Там же и Пасху встречали и в первый день за обеднею приобщались Св[ятым]¹⁰⁸ Тайн.

Между тем в городе, неведомо для меня, строилась судьба моя. На возврате в город нас встретила весть, облетевшая уже все стогны, о назначении меня Обер-Прокурором Св[ятейшего]¹⁰⁹ Синода. В понедельник призвал меня Государь и объявил мне назначение.

Вижу в этом руку Промысла Божия и принимаю со страхом, но с любовью к Церкви, в которой всегда видел основу блага народного. Да будет воля Божия, сумею ли, не сумею ли справиться с великим делом.

Радуюсь, что все это совершилось в свете великого Праздника. Радуюсь, что назначение состоялось по указанию многих разногласивших со мною во многом и самого гр[афа]¹¹⁰ Толстого¹¹¹. Радуюсь, что добрые русские люди, любящие Церковь, приветствуют мое назначение как желае-

мое для них событие. Радуюсь надежде, что представители духовной иерархии и священники, имеющие дух церковный, найдут во мне живой отзыв своей любви и своим добрым стремлениям.

Но труда будет много, очень много.

Жена моя, одинаково со мною преданная Церкви, разделяет мое чувство. Она от всей души вам кланяется. Кланяется и Ек[атерина] Ф[едоровна]¹¹² Тютчева¹¹³, вчера приехавшая сюда.

Что вы пишете о своем воспитаннике, погруженном в Божественное, весьма меня интересует. Думаю, что следует дать ему ход в этом направлении. Только надо смотреть, где его пристроить, да не соблазнится. Следовало бы поместить его под верную руку и внимательный призор. Духовные же училища вы знаете, какие бывают. В Москве есть добрый и крепкий человек, преосв[ященный]¹¹⁴ Алексей¹¹⁵. Нельзя отдать ему на попечение?

Сколько раз мне думалось, что пастыри церковные для народа всего проще¹¹⁶ могли бы этим путем образоваться из той же среды народной, не возвышая в себе чрез меру ни потребностей, ни ученого высокого мнения...

Но время гонит меня. Оканчиваю и крепко обнимаю, любезнейший Сергей Александрович. Христос с вами.

Ваш К. Победоносцев

24 апр[еля] 1880

Петерб[ург]¹¹⁷

[...]

3. К. П. Победоносцев – Е. Ф. Тютчевой

4 февраля [1881 Петербург]¹¹⁸

Правда, милая Екатерина Федоровна, я устал в эти дни физически и нравственно. Достоевского мне очень жаль, он был глубокий человек и горел огнем¹¹⁹. Мы с ним сошлись у

Мещерского¹²⁰ в пору «Гражданина» и с тех пор были друзьями. Он хаживал ко мне по субботам после всенощной и был самым интимным у меня гостем.

Вы слышали и читали, какое было стечение народа, студентов и студенток, около гроба. И это, скажу вам, самое печальное – какое-то гражданское¹²¹ торжество около гроба, душе моей противное. Представьте, что с самой смерти в комнаты вторглась толпа¹²² и заняла все, так что около гроба не было ни на минуту тишины и уединения: жена с детьми с этой самой минуты разлучены с телом. Все это продолжалось 2 дня и 2 ночи. Как бы это ни было поучительно или трогательно с общественной или, как говорят, с гражданской точки зрения, для человеческого чувства это возмутительно и фальшиво¹²³. Можно себе представить, какие мучения испытывала во все это время бедная жена Достоевского. Даже и теперь, после похорон, когда ни придет она на могилу, находит на ней толпу.

Не дай Бог ни одному доброму человеку торжественных гражданских похорон.

В понедельник, на другой день после похорон, я собрал у себя близких приятелей покойного Достоевского – Григоровича, Майкова, Полонского, Влад[имира]¹²⁴ Соловьева, Мещерского, Филипова¹²⁵. Они у меня обедали и просидели вечер в беседе о покойном нашем друге.

Сегодня кн[язь]¹²⁶ Н. П. Мещерский¹²⁷ привез мне от княгини¹²⁸ письмо к ней Сергея Рачинского. Подобное же письмо и я получил от него недавно. Письмо это заставило меня задуматься. Боюсь я за этого доброго и почтенного человека; боюсь, не готов ли он удариться в область фантазий от своего одностороннего увлечения. Зачем он хочет теперь покинуть свой дом, жить с мальчиками, ходить в крестьянском платье и проч[ее]. Мне чудится в этом нечто болезненное. И еще ко мне он приписывает с восторгом, что он только что читал своим мальчикам «Юлия Цезаря» Шекспира¹²⁹ и любителся впечатлением...

Он аскет своего рода. Но и аскетам Св[ятыя]¹³⁰ Отцы советовали не жить и не подвизаться в одиночку.

А у нас – Боже! Сколько людей гибнет от одиночества! Ни для кого нет готовой рамки – всякий деятель сам создает и идею, и размеры, и арену для своей деятельности. Каким надо быть цельным и здоровым, чтоб разрешить для себя такую задачу!

Невольно приходит на ум Лев Толстой, который тоже несколько лет предался страстно сельской педагогике, жил и играл со своими мальчиками, потом бросил их, потом написал «Анну Каренину», а теперь занят собственным толкованием на Священное Писание! [...]

**38 писем бывшего обер-прокурора
Святейшего Синода К. П. Победоносцева
к высокопреосвященному Макарию Томскому¹³¹**

«Дела наши пойдут вслед за нами на праведный суд Господень»

(пис[ьмо]36).

После 25-летнего доблестного служения Церкви Божией в ответственном и исключительном по положению звании обер-прокурора Святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев отошел в вечность в самый разгар смуты, а потому и неудивительно, что память его как верного слуги Церкви и Отечества была омрачена грязными наветами врагов его политики. «Слышу, – пишет он (37 п[исьмо]), – от многих гаждение и злохуление». Так было еще при его жизни.

В литературе того времени откровенно было высказано и то обстоятельство, которое сделало К. П. Победоносцева не-

нависшим известной части общества – это его отрицательное отношение к конституционным стремлениям, проявившимся в конце царствования Александра II. В годину царевубийства, когда по всем расчетам должно было пасть Самодержавие, силою характера и преданности царскому престолу Конст[антин] П[етрович] удержал Россию на краю пропасти социализма и отстоял самодержавие Императора. С того времени он выступил в высшем управлении России как лицо определенного направления, характеризовавшегося заботой об укреплении Православия, самодержавия, народности.

Пока К[онстантин] П[етрович] был силен, пока власть не была еще расшатана, как это случилось в годы смуты, выступать открыто против твердого обер-прокурора печать не осмеливалась. Однако нельзя сказать, что она ему не вредила. Знакомые с уловками прессы в наше время, мы можем представить план кампании, составленный печатью против К[онстантина] П[обедоносцева] и в то время. Разными извилистыми путями и окольными дорогами в сознание общества проводилась одна определенная мысль, что обер-прокурор Святейшего Синода своей тяжелой рукой давит все светлые проявления жизни и тормозит движение свободной мысли. По опыту знаем, как эти мысли внедрялись в умы учащегося духовного юношества и как это последнее было настроено против своего главного начальника. О последних годах служения К[онстантина] П[етровича] уж и говорить нечего, мы выше слышали его собственные слова об этом. Все это служит показателем того, что К[онстантин] П[обедоносцев] был слишком большой величиной, если им так интересовались его враги; что он вел церковный корабль по бурному морю твердой рукою, потому что чем устойчивее корабль идет против бурных волн, тем сильнее режет он напор ветра, тем выше всплеск волн, тем резче свист и завывание непогоды. Немало было и сочувствовавших Конст[антину] П[етровичу]. «Простые люди со всех концов России пишут мне сочувствие минувшей моей деятельности», – замечает он в своем письме (37). Но засилье в обществе взяла пресса

«освободительная», а умеренная часть общества вследствие мирности своего характера на все нападки отвечала только частным письменным выражением своего сочувствия, не решаясь выступать в печати публично.

Теперь время выдвинуло пред обществом другие интересы; страсти, разыгравшиеся вокруг имени К[онстантина] П[обедоносцева], стихли. Потому пора бы начать работу по изучению этой незаурядной личности.

Константин Петрович при своей многосложной должности обер-прокурора Св[ятейшего] Синода находил время переписываться со многими лицами, занимающими разнообразное положение в Русской Церкви: и с епископами, и с профессорами, и с людьми частных занятий, и с благочестивыми благотворителями на пользу Церкви.

Эта переписка, если бы она была опубликована, пролила бы обильный свет на жизнь и деятельность К[онстантина] П[етровича] и заградила бы хульные уста его врагов, мнимых доброжелателей Церкви и Государства.

В этих видах начать публикацию частной переписки К. П[обедоносцева] издаются 38 писем его к Высопреосвященнейшему Архиепископу Томскому Макарию.

Переписка эта обнимает 19 лет: с 1887 по 1906 год, т[о] е[сть] большую часть его обер-прокурорского служения (1880–1906)¹³². Правда, в сопоставлении с числом лет она не обширна, правда, в ней мы находим случайные сведения без какой-либо системы, но и по этим письмам мы можем проследить некоторые светлые черты души К[онстантина] П[етровича], которые трудно разгадать в его официальных бумагах. Там самое его положение лишало его возможности руководиться чувством.

Управление – дело холодного ума. Чем общее мысль, тем она отвлеченнее; также чем выше пост, тем общее издаются с него распоряжения, тем, след[овательно], они суше. Не то в частной переписке. Тот же администратор в частной переписке становится в положение частного человека. Он говорит не целому обществу, блюдет не общественные интересы, а

беседует с отдельной личностью, излагает свои взгляды, свои симпатии по отдельному конкретному случаю. Все это дает надежду, что публикуемые письма привлекут к себе интересующихся лиц и будут содействовать той цели, для которой предпринято их издание.

Томская епархия – по преимуществу епархия миссионерская. Миссия на Алтае является существенной ее принадлежностью с первых дней ее открытия, а область этой Миссии занимала пространство, равное хорошей центральной российской губернии, – Алтай и киргизские степи Семипалатинской области.

Естественно, что переписка Высокопреосвященнейшего Макария с К. П[обедоносцевым] началась с миссионерских нужд и часто обращается к этому предмету.

Первое письмо Конст[антина] Петр[овича] помечено 1887 г., когда Пр[еосвященный] Макарий был еще начальником Миссии и епископом Бийским. Тридцатилетнее его миссионерское служение в пределах Алтая создали ему определенное имя. Поэтому с первого же письма его обер-прокурору Св[ятейшего] Синода мы замечаем со стороны К. П[обедоносцева] к нему внимание и благорасположение. Это внимание усиливается с каждым годом, а в зависимости от этого и письма К[онстантина] П[етровича] становятся пространнее и, можно сказать, откровеннее.

По этим письмам, прежде всего, мы можем проследить отношения К. П[обедоносцева] к делу Миссии.

Конст[антин] П[етрович] благоговейно относился к памяти основателя Алтайской миссии, архимандрита Макария Глухарева¹³³, а потому благожелательно был расположен и к его детищу, Алтайской миссии. Он входит в мелочные подробности, касающиеся Миссии. Интересуется всякой подробностью этого дела, входит в нужды Миссии и оказывает ей денежную помощь частыми посылками денег из имеющихся в его распоряжении средств, привлекает благотворителей на это дело, сам расспрашивает о нуждах Миссии и предлагает свою помощь в нужных случаях (1, 4, 6, 8, 14).

Это расположение к Миссии есть не только любезность, оказываемая им корреспонденту своему: нет, оно составляло часть мировоззрения Конст[антина] П[етровича] и занимало его не только в переписке с Томским архипастырем, но и независимо от нее, само по себе. Поэтому мы встречаем переписку его по этому предмету с известным знатоком тюркских наречий, казанским профессором Н. И. Ильминским¹³⁴ (п[исьмо] 9 с приложением).

К. П[обедоносцев] смотрит на Миссию с общецерковной точки зрения, как на просветительное учреждение, дающее обильную пищу для назидания для всех членов Церкви и особенно для будущих пастырей Церкви. В этом случае его симпатии к Миссии совпадают с его симпатиями к школьному делу.

В быту и нравах миссионеров он находит обильную пищу для назидания общества и юношества. Как хороший хозяин, К[онстантин] П[етрович] собирает все, что в его хозяйстве может быть полезным. Такой полезный материал нашел он и в недрах Миссии.

Благоговевая душой перед приснопамятным основателем Миссии, он предпринимает издание его биографии (3) и рассылает ее по духовно-учебным заведениям; изыскивает материалы при помощи Н. И. Ильминского (16), а по совету последнего привлекает к этому делу Высокопреосвященнейшего Макария; он с восторгом получает из Томска «письма архим[андрита] Макария» и читает их с удовольствием и назиданием (3). Особенно же сочувственно отнесся он к изданию сборника под названием «Лепта»¹³⁵.

Этот сборник, начало которому было дано «Приснопамятным», увлек К. П[обедоносцева], что он оказывал полное содействие его изданию и материальными средствами, и нравственной своей поддержкой (5). По его указаниям сборник «Лепта» разучивается синодальным хором, пение его исполняется в концертах; предполагается составление из него избранных кант (7) и, что всего важнее, намечен был и в одной части выполнен план распространения «Лепты»

среди учащихся и среди всего общества. «Желаю и надеюсь, чтобы песни о[тца] Макария стали ведомы и любимы во всей России» (8).

Такое более чем радушное отношение к делу Миссии свидетельствует, что расположение к святому делу было основано на искреннем чувстве. Замечается, что в это дело К[онстантин] П[етрович] вкладывает душу и пишет о нем не как администратор, а как благожелатель, имеющий силу помочь симпатичному для него делу.

Но и в этом уважении к делу Миссии К[онстантин] П[етрович] обнаруживает присущую ему трезвость мысли. Он признает миссионерство благовестническое, чуждое земных расчетов, свободное от поползновений опираться на силу власти и действовать на обращаемых не словом убеждения, а обаянием высоких имен (10 и 12). Трезвый взгляд на это дело удержал его от тех мечтательных планов обращения неверных, какие нередко возникают в высших слоях столичного общества и проведение которых в жизнь нуждалось в содействии обер-прокурора Святейшего Синода. Так, он отрицательно отнесся к предположению готовить миссионеров в центральном учреждении – Миссионерском институте, признавая, что настоящий миссионер воспитывается на самом деле и привлекается к делу расположением (23). Подобное же несочувствие обнаруживает он и к великосветской затее открыть в Якутской области помощь прокаженным при посредстве монашек (12).

Таким образом, можно надеяться, что письма эти дадут будущему биографу Конст[антина] Петр[овича] материал для составления не одной теплой страницы его исследования.

Обращает на себя внимание и другая особенность души К. П[обедоносцева], отмеченная в этих письмах. Считая своей обязанностью быть посвященным во все стороны жизни подведомственной ему области управления, К[онстантин] П[етрович] следил за епархиальной местной печатью очень внимательно и не пропускал без внимания, по-видимому, мелочных сообщений. Вычитывает он в «Епархиальных

Ведомостях» о затруднениях миссионерской школы – Большенарымской, он высылает ей пособие (4); находит известие об учительнице, много трудящейся, но плохо обеспеченной, делает ей поощрение (17); узнает о священнике, посвятившем себя миссионерскому делу, спрашивает, чем бы быть ему полезным (20). Эти как будто и мелочные сведения рисуют нам, однако, светлую картинку из прошлого К. П[обедоносцева]. В его ли положении заниматься такими мелочами, а судя по циркулировавшим рассказам о нем в обществе – от него ли было ожидать такого внимания к безвестным труженикам, которым и самим-то не могло прийти в голову, чтобы кто-нибудь нашел нужным оказывать им особенное внимание.

Но тем-то оно и дорого, что неожиданно; потому оно и трогает сердце.

Если к этому прибавить постоянную отзывчивость К. П[обедоносцева] на обращаемые к нему, судя по его письмам, просьбы; если принять во внимание его задушевные отзвывы о лучших деятелях, как, например, Н. И. Ильминском, то от личности этого «сухого», по изображению врагов, обер-прокурора повеет таким теплом, таким благоуханием чистосердечного служения великому делу, что поневоле ощутишь полную искренность его свидетельства о себе: «Дела наши пойдут вслед за нами на праведный суд Господень. По мере сил своих и сердечной ревности продолжал я труды свои, помышляя о благе Святой Церкви и ее служителей» (36).

Предоставляем прочий биографический материал этих писем изучать самим читателям как менее относящийся к выяснению внутреннего мира К[онстантина] П[етровича]. И из вышеизложенного, кажется, можно сделать вывод, что в переписке К. П[обедоносцева] рассыпаны обильно, как бывают вкраплены в породу, мельчайшие песчинки золота, драгоценные подробности для уяснения его образа, и что желательно бы их собрать воедино с такой же тщательностью, как собирается золото.

№ 1

Его преосвященству преосвященнейшему Макарию, епископу Бийскому.

При сем имею честь препроводить сто (100) руб[лей], пожертвованные состоящим при мне Камергером Ароновым на строение Архиерейского дома в г[ороде] Бийске.

К. Победоносцев

12 марта 1887 г. Петербург.

№ 2

Преосвященный Владыка!

На днях получил я от Вас книжку «Вторая лепта». Книжка мне нравится, но я желал бы иметь сведения, кем составлена она?

Существует ли первая лепта ?¹³⁶

Помнится, она была издана еще при О[тце] Макарии.

Какое предназначено ей употребление, распространена ли она в народе, и кем, и как поются песни?

Кто издатель этой книги – Сычев?

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть Вашего преосвященства покорный слуга

К. Победоносцев

11 ноября 1887 г. Петербург.

№ 3

Преосвященнейший Владыка!

Усерднейше благодарю Вас за присылку мне прекрасной книги, которой я не знал до сих пор, – писем Архимандрита Макария. С удовольствием и назиданием читаю ее. К вам отправляю на сих днях некоторые книги, в том числе и биогра-

фическую статью о[отца] Макария, отдельно отпечатанную из «Православного Обозрения» и разосланную по распоряжению моему во все Духовные Семинарии.

Я уже телеграфировал Вашему Преосвященству, что расход на издание первой «Лепты» будет возмещен из здешних средств. Книжка эта весьма мне понравилась, и необходимо восстановить ее в обращение.

Обозначить нотное цифрами или круглою нотой – от Вас зависит, что Вы сочтете удобнее; хотя, казалось бы, круглая нота дороже, но доступнее многим, не привыкшим к цифирному счету. Благоволите в свое время уведомить, во что обойдется издание, и тогда деньги будут Вам высланы.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть Вашего Преосвященства покорный слуга

К. Победоносцев

14 марта 1883 г. Петербург.

№ 4

Преосвященнейший Владыка!

Сейчас прочитал я в № 9 «Томских Епархиальных Ведомостей» рассказ свящ[енника] Синьковского, между прочим, об усердии свящ[енника] С. Борисова и о нуждах Большенарымской устроенной там школы. Полагаю, что и небольшое даяние принесет пользу сему доброму делу. Посылаю Вам особо (через хозяйственное Управление) сто (100) рублей и покорнейше прошу доставить эти деньги по назначению. Ожидаю известия о ходе печатания первой «Лепты». По первому требованию Вашему вышлю и деньги, сколько окажется нужным. Употребить цифры или ноты зависит вполне от личного Вашего усмотрения.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть Вашего Преосвященства покорный слуга

К. Победоносцев

17 октября 1889 г. Петербург.

№ 5

Преосвященнейший Владыка!

Усерднейше благодарю Вас за интересное письмо Ваше от 28 октября, которое сейчас получил.

Всякие подробности дела Вашего весьма интересуют.

Относительно Вашей катехизаторской школы, коей поль-зу Вы столь явственно объясняете, не благоволите ли прислать мне особое сообщение со всеми подробностями о содержа-нии и о тех правах, коих Вы для нее желаете. Если что можно будет сделать, постараемся. Но о правах невозможно просить, не представляя полного устава и программы учебной, соответствующей законным требованиям на сей предмет.

Первая «Лепта» содержит в себе такие прекрасные по-этические песнопения, что я жду ее появления, дабы рас-пространить ее по возможности; постараюсь здесь в собра-ниях завести исполнение этих песнопений, дабы сделать их известными.

Здесь почти никто книжки этой не знает, а у меня всего один экземпляр, бывший, если не ошибаюсь, и у Вас един-ственный. И мне жаль, что К[расовский]¹³⁷ взят от Вас. Но-вый теперь Губернатор Б[арон] Т[обизен]¹³⁸ (он по фамилии немец, но родом из тамбовских дворян) – человек, кажется, доброго расположения, хотя едва ли будет иметь энергию К[расовского]. Он теперь приехал сюда из Киева и пробудет здесь, думаю, до следующего года, чтобы ознакомиться с де-лами нового для него края.

Письмо это дойдет до Вас, конечно, уже в следующем году, и потому оканчиваю его сердечным желанием, чтобы этот год был вполне благоприятным для Вас и для дела Вашего.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть Вашего Преосвященства покорный слуга

К. Победоносцев

8 декабря 1889 г. Петербург.

№ 6

Преосвященнейший Владыка!

Сейчас получил почтеннейшее Ваше письмо от 13 января. Книги¹³⁹ еще не получил, вероятно, придут на днях. Радуюсь их появлению. Если потребуется, еще пошлю вам; но если нужно будет выписать нам для семинарий, то пусть это будет не даром. По телеграмме Вашей Вам отправляю 488 рублей, казенные, а по нынешнему Вашему письму следует лишь 288. Оказывающиеся излишними 200 руб[лей] не трудитесь возвращать. Эта сумма может понадобиться на случай выписки экземпляров и во всяком случае пусть будет обращена на нужды Миссии, коих у Вас немало.

Не остались ли в распоряжении Вашем экземпляры отчетов по Алтайской миссии за последние годы, 1887–1888? Бывшие у меня все разошлись, а встречается надобность знакомить нужных людей с делом Миссии.

С совершенным почтением и проч[ее].

К. Победоносцев

5 февраля 1890 г. Петербург.

№ 7

Преосвященнейший Владыка!

Почтеннейшее письмо Ваше от 4 августа сейчас получил. Вы изволите писать, что отправили 14 октября мне 200 экземпляров первой «Лепты», но недели три тому назад я получил посылку, в коей лишь 50 экземпляров «Лепты». Вероятно, Вы пишете еще о другой посылке. Покорнейше благодарю за посылку, деньги имеют быть Вам доставлены.

Радуюсь, что предпринимается новое издание.

Если будет надобность в пособии на оное, благоволите меня уведомить. Я заказал нашему Синодальному хору в Москве исполнить некоторые пьесы и на днях слышал исполнение. Оно привело меня в восхищение, и я думаю предпринять

особое издание избранных пьес из обеих «Лепт» с переложением на круглые ноты.

С совершенным почтением и проч[ее].

К. Победоносцев

1 сентября 1890 г. Петербург.

№ 8

Преосвященнейший Владыка!

Усерднейше благодарю Вас за письмо, от вас полученное, и сердечно поздравляю со вступлением в новое лето, в коем да благословит Вас Господь миром и крепостью сил духовных и телесных.

Деньги за присланные Вами экземпляры «Лепты», вероятно, вы уже получили. Экземпляры эти разосланы мною по Дух[овным] Семинариям и женским училищам: весьма желательно, чтобы там привилось пение этих прекрасных гимнов. Я, кажется, писал уже вам, что Московский Синодальный хор исполнял некоторые из них для меня, что весьма мне понравилось, а потом пение это было и в публичном концерте.

Ныне заказано мною Директору¹⁴⁰ хора сделать выборку из обеих «Лепт» и издать с круглою нотой: в Вашем издании примечены им некоторые, впрочем, неважные музыкальные погрешности, которые и будут исправлены. Быв прошлым летом в Перми и слышав прекрасное пение в женском монастыре, я послал туда «Лепту». И вот сообщение Игуменьи о том, как поются.

Желаю и надеюсь, чтобы песни о[тца] Макария стали ведомы и любимы по всей России.

В нуждах Ваших желал бы я всячески быть вам полезным.

На сей раз из остатков экстраорд[инарного] кредита на истекающий год удалось выделить рублей 500, которые и будут присланы в Ваше распоряжение.

С совершенным почтением и проч[ее].

К. Победоносцев

30 декабря 1890 г. Петербург.

№ 9

Преосвященнейший Владыка!

На пороге отходящего года сердечно желаю Вам вступить в новое лето радостно и мирно, с надеждами на благословение Божие во всех намерениях и делах Ваших. Многих добрых деятелей утратили мы в этом году, но всего ощутительнее утрата нашего милого и незаменимого Н. И. Ильминского. Веруется, что Господь ублажит его с нищими духом, с чистыми сердцем и милостивыми. Посылаю Вам одно из последних его писем, тем более что в нем есть нечто до Вас относящееся.

С совершенным почтением и проч[ее].

К. Победоносцев

31 декабря 1891 г. Петербург.

К № 9

Ваше Высокопревосходительство,
Милостивый Государь, Константин Петрович!

В письме от 4 декабря Вы вспомнили биографию Чевалкова¹⁴¹ с тем, по-видимому, чтобы издать ее по-русски, чего она вполне заслуживает ради воспоминаний об основателе Миссии и первых ее началах. Это было напечатано в 1866 году в сборнике Радлова под заглавием: «Образцы народной литературы тюркских племен»¹⁴². Часть I. «Поднаречия Алтая», стр[аница] 113–159. У Радлова этот сборник состоит из нескольких частей, и каждая часть – из двух отделений: оригинального текста и немецкого перевода. Все эти книги у меня были, и я хотел послать Вам немецкую книгу со статьей Чевалкова¹⁴³ (впрочем, он пишется: Чевалков), но не нашел немецкой книги, а нашел ее алтайскую сестру, и, немного подумав, помирился на той мысли, что все к лучшему. Зачем нам переводить с перевода – через три руки, когда у нас есть подлинник? Но главное не в том. Чевалков, кажется, еще жив.

Притом Преосвященный Макарий Томский поступил в Алтайскую миссию по живым следам Архимандрита Макария и первые свои годы постоянно жил с Чевалковым и от него слышал живых рассказов о Макарии. Я и думаю: попросите Томского Преосвященного, чтобы он из первой части образцов народной словесности тюркских племен с алтайского перевел на русский язык воспоминания Чевалкова и в виде примечаний дополнил бы своими сведениями о «приснопамятном» и о первых событиях Миссии. Преосвященный Макарий, без сомнения, с любовью посвятит этому делу свои досуги (хотя у него очень мало досугов, но он засадит за работу алтайца, который и будет переводить под его руководством). Это будет основательнее и вернее, ибо известно, самые простые выражения иногда перевираются переводчиками, не знающими непосредственно предмета. Если Вам эта мысль понравится, уведомите меня; я на всякий случай отправлю книгу со статьей Чевалкова.

Получил я Ваше издание – «Историю Православной Церкви», и вчера жена прочитала мне из нее две главы: 1. «Рим, первое гонение»; 2. «Святые Апостолы». Лежа на одре, я умилился, да и чтение было умиленное. Помогите Вам Господи довести это святое дело до конца. Помогите Вам Господи внести дух и жизнь в нашу семинарскую бездушнейшую и безбожнейшую логомахию.

Вашего Высокопревосходительства покорнейший слуга

Н. Ильминский

14 декабря 1891 г.

№ 10

Преосвященнейший Владыка!

На почтеннейшее письмо Ваше от 17-го января доселе еще не удосужился ответить. Вы, конечно, уже знаете о значительном пособии, которое посылает Бог Алтайской миссии: доходный дом на бойком месте в Москве, жертвуемый г[оспо]жою

Товаровою. Дарственный акт совершен уже, и остается испросить высочайшее утверждение. Дай Бог. Прискорбно только, что здоровье изменяет Преосвященному Владимиру, и опять предстоит ему необходимость лечиться.

О Мулле – Абдуле Измайлове я уже давно читал известие в «Томских Епарх[иальных] Вед[омостях]». И вслед за тем писал об нем ревностный Н.И. Ильминский.

Тогда же я не преминул обратить на него внимание в Минист[ерстве] Внутр[енних] Дел; говорил и с Т[обизеном] при свидании с ним здесь.

Много утрат было у нас горестных. Всего чувствительнее утрата Н. И. Ильминского и вслед за тем Преосвященного Вениамина¹⁴⁴.

После долгого колебания избрали Преосвященного Тихона Епископа¹⁴⁵. Дай Бог!

Но Иркутская миссия много дает нам хлопот.

Признаюсь, что я не всегда мог соглашаться с взглядами Преосвященного Вениамина на способ обращения бурят, а тамошние миссионеры обращались с этим делом как-то механически.

Очень прискорбна последняя история, доньше производящая немало шума. К прискорбию, кажется, несомненно¹⁴⁶, что исправник не без участия духовенства употреблял насилия и даже истязания при крещении бурят, соединяя еще это крещение с именем Цесаревича...

Свежее от нас известие привезет вам мать казначая Зинаида; из ее слов мог я заметить, что монастырь их пришел в нужду особливо с того времени, как отнято у них (не знаю, благоразумно ли) приготовление свечей по Епархии; а у них есть и училище, несомненно полезное.

Я нашел возможность послать игуменье 3000 рублей, 950 руб[лей] на школу, 50 руб[лей] в пособие учительнице.

Есть надежда на некое пожертвование для Вашей Епархии. Покойный Н. В. Елагин¹⁴⁷ при жизни говорил о своем намерении при помощи ревнителей добыть около 25 тысяч руб[лей] на построение церквей для переселенцев. Он скончался, не успев

довершить это дело, но брат его и наследник твердо намерен исполнить оное. Посмотрим, что будет далее.

Примите от меня сердечное поздравление с наступающим днем Светлого праздника Воскресения Христова.

С совершенным почтением и проч[ее].

К. Победоносцев

27 марта 1892 г. Петербург.

№ 11

Христос Воскресе!

Преосвященнейший Владыка!

После недавнего письма своего спешу ответить на только что полученное почтеннейшее Ваше письмо от 10 марта, относительно перенесения тела о[тца] Макария из Болхова в Улалу.

Представление Ваше о сем, полученное в Синоде, еще не доложено, но я никак не полагаю, чтобы Св[ятейший] Синод соизволил на Ваше ходатайство – перенесение тела усопшего Архимандрита, столь многими чтимого; и притом перенесение на столь дальнем расстоянии произвело бы, конечно, немалое волнение в народе и возбудило бы толки о вновь открытых мощах Святого Угодника: это было бы сопряжено с такими неудобствами, коих желательно всячески избегать.

С совершенным почтением и проч[ее].

К. Победоносцев

10 апреля 1892 г. Петербург.

№ 12

Преосвященнейший Владыка!

Почтеннейшие письма Ваши от 27 марта и от 28 апреля я в свое время получил, но за многими работами не успел еще ответить на них.

Об Алтайской миссии, слава Богу, забота есть, и средства на нее будут: и Миссионерское общество не забудет об ней. Дай Бог только поправиться здоровьем Преосвященному Владимиру¹⁴⁸.

Вижу по газетам, что он находится в Крыму. Без сомнения, огорчит его и Вас известие, что Синод не разрешил перенесение на Алтай тела о[тца] Макария, но это сопряжено было бы с такими затруднениями и, может быть, неудобствами церковными, что разрешить было бы трудно.

Оплакиваем кончину Преосвященного Вениамина, а вслед за ним и Павла¹⁴⁹. Обе потери незаменимые.

Иркутская история о насильственном крещении бурят немало сделала шума! И казалось, что и вначале предвидеть было можно, что это ложь, намеренно сплетенная и, к сожалению, побудившая Ген[ерал]-Губернатора послать на место чиновника. Первоначальный слух подхвачен негодным журналистом и пущен в публику за достоверное: у нас все верят еще печатному, а в нынешнее время закона свободы нет никакой управы на сплетателей лжи. Притом газета «Гражданин», поистине переполненная самой нахальной лжи, состоит под каким-то особым покровительством. И обстоятельное дознание, доставленное мне от Преосвященного Агафангела¹⁵⁰, и донесение Самого Генерал-Губернатора Министру Внутр[енних]¹⁵¹ дел не оставляют сомнения в том, что все обвинение лживо и никаких насилий делано не было. И тем не менее, ложь остается не обличенною. В последнем <номере> «Церковных Ведомостей» напечатана часть записки, составленной в Иркутске Брызгаловым¹⁵², и тем не менее вчера «Гражданин» с наглостью повторяет прежнее обвинение! Из сего рассудите, как трудно здесь достигнуть восстановления правды... И прибавлю, с какою осторожностью надо на местах действовать. Покойный Преосвященный Вениамин был исполнен ревности Илиной и требовал нередко того, что по здешним обстоятельствам уразуметь трудно. И то неоспоримо, что от него самого нередко на местах скрывали истину. Бывший здесь Бар[он] Корф¹⁵³ поднимал опять вопрос о Мис-

сии, по этому случаю напечатана у нас в нескольких экземплярах записка Ухтомского¹⁵⁴. Посылаю Вам два экземпляра.

Благодарю за доставление интересного отчета Алтайской миссии; я распространил его по возможности. Но люди не трудятся читать, а трудятся болтать, не рассуждая, всякие сплетни.

Статьям «Гр[аждани]н[а]» в защиту раскола не дивитесь. Там усердствует известный защитник раскола Т[ертий] Ив[анович] Филиппов, ныне Государственный Контролер. Ныне в Томске должны находиться (в женском монастыре) сестры, посланные из Москвы для следования в Якутск для служения прокаженным. Эту посылку я не одобрял: едут неведомо куда, неведомо зачем, ибо на месте ничего еще не устроено и не приготовлено.

Но меня не послушали. Начальница общины Княжна Ш[аховская]¹⁵⁵ вместе с англичанкою мисс Марсен¹⁵⁶, кипящая ревностью без разума, достали денег и отправили экспедицию. Не знаю, чем она кончится. Год у нас тяжелый и время испытания. Голод был великий, люди обнищали, а ныне надвигается холера со всеми ее ужасами.

Недавно получено мною, уже не в первый раз, прошение от монаха, бывшего сосланного казначея Мельницкого о возвращении его.

Оно оставлено без действия, как и все прежние его просьбы. С совершенным почтением и проч[ее].

К. Победоносцев

27 июня 1892 г. Петербург.

№ 13

Преосвященнейший Владыка!

За многими заботами замедлил я ответить на почтеннейшее письмо Ваше от 9 января, полученное мною 27 числа. Прежде всего, спешу усерднейше благодарить Вас за доставленные сведения о Вашем крае. Крайне прискорбно, что у Вас оказывается такой же недостаток в священнослужителях;

32 вакансии! С этою бедой боремся мы немало в отдаленных епархиях, да даже и в ближайших, как, например, Самарской. Семинарии плохо помогают делу, особливо у Вас, где Университет, Бог знает для чего учрежденный, оттягивает, и редко на добро, лучшие силы.

Что касается до Духовных Семинарий, то в отдаленных краях надлежало бы учреждать их на особых началах, упрощая курс и сосредоточивая его на существенных предметах, дабы юноши, иногда напыщенные мнимою наукой, не стремились вдаль на широкие поприща. Но, к сожалению, доселе многие не хотят понять сего и настаивают на многопредметности и на расширении путей в Академии. Думаю, что, когда устроится у Вас Церковно-учительская Семинария, она успешнее будет давать Вам людей для клира, а они-то и нужны для народа более, чем ученые-богословы, стремящиеся в город и избегающие узких путей. Вызов желающих ехать в отдаленный край никогда не приносил пользы, ибо на него отзываются лишь захудалые неудачники или совсем негодные на своем месте клирики.

Постройка Семинарии давно у нас на заботе, но дело не за нами стоит, и, прежде всего, не решен еще вопрос о месте. Сначала предполагалась она при монастыре, а избранное затем место оказалось занято чиновниками, от коих надлежит еще очистить его; по сему предмету ожидают от Вас сведения, равно как и по вопросу о смете.

Первоначально исчислена была на 175 тысяч и оказалась неисправною, что всегда бывает со сметами местных архитекторов, а затем подрядчик возвысил сумму до 275 т[ысяч] рублей.

Поездка по приходам и школам оставила вам, как вижу, благоприятное впечатление. Дай Бог возрастать доброму семени. Просим на следующий срок прибавки в земских сметках на церковно-приходские школы. О Преосвященном Владимире Бийском не оставляем заботы: надеюсь, что при первой возможности он переведен будет. Полагаю, что Сухум и Владикавказ во всяком случае будет благоприятнее Бийска для его здоровья. Тянется и дело о строении Томского собо-

ра. Я писал к Тобизену и просил его приложить руку к ускорению дела. Писали о капитале Цыбульской, отыскиваем в М[инистерст]ве Внутренних дел.

По поводу письма Вашего я уже телеграфировал Вам относительно лживого слуха о Перми. Вообще не извольте верить слухам: они подобно мухам в летнюю пору, от коих следует отмахиваться, равно как и от газетных известий.

От бывшего священника Лобатынского я получил вчера письмо. Соберу справки о судьбе Всеподданнейшей его просьбы и постараюсь содействовать благоприятному исходу дела.

Эти строки дойдут до Вас без сомнения тогда уже, когда настанет Пасха Христова; итак, примите от меня радостное приветствие: Христос Воскресе!

С совершенным почтением и т[ак] д[алее].

К. Победоносцев

12 марта 1893 г. Петербург.

№ 14

Преосвященнейший Владыка!

Получив сегодня письмо вашего Преосвященства о построении церкви в Киргизской слободе г. Семипалатинска, приложу все старание к успеху сего дела. Жаль, что не сделано еще примерной сметы о способах и стоимости строения по местным условиям. За этим у нас всегда замедляются постройки в отдаленных местностях. На первый раз мог бы я отпустить от 2 до 3 тысяч рублей из имеющегося в моем распоряжении пожертвованного капитала г[оспо]жою Медынцевой. Еще несколько сот можно набрать из других средств. Записку о нуждах сей местности напечатаем в «Церковных Ведомостях» на тот конец, не привлекутся ли жертвователи.

С совершенным почтением и т[ак] д[алее].

К. Победоносцев

20 февраля 1894 г. Петербург.

№ 15

Преосвященнейший Владыка!

Сейчас получил почтеннейшее письмо Ваше от 3 фев[раля]. По поводу безымянных писем не извольте тревожиться. Я достаточно знаю им цену. Если вы получаете их много, то я во сто раз более. Ежедневно приходят они с разных концов России, и многие Епархии богаче ими, нежели Томская. К несчастью, нигде эта язва так не распространена, как в сфере духовной. Все они бросаются, но в редких случаях, по содержанию письма, я отсылаю оное на благоусмотрение Преосвященным, где есть указание на какие-либо факты; но большую часть я и не читаю их.

В письме о Сидонском было указание на разные действия, почему и посылаю его к Вам в том предположении, что Вам ближе известно, что правда, и что неправда. Сожалею, что дал Вам труд пространного объяснения.

Что касается до Вашего слова о театральных представлениях, то я, усмотрев оное лишь в «Епархиальных Ведомостях», послал в редакцию «Церковных Ведомостей». К прискорбию, это беззаконие всего чаще встречается у нас в столице, а еще прискорбнее, что наше духовенство с семействами, пристрастное к развлечениям, не чуждо того же порока.

С совершенным почтением и т[ак] д[алее].

К. Победоносцев

12 февраля 1895 г. Петербург.

№ 16

Преосвященнейший Владыка!

Премного благодарю ваше Преосвященство за доставление мне «Памятного завещания» Чевалкова¹⁵⁷. Правда, я давно обратил на него внимание в немецком тексте у Радлова и дал

мысль покойному Н. И. Ильминскому, что необходимо издать его в русском переводе с алтайского. Наконец оно явилось. Надобно только пожелать, чтобы многие с ним познакомились и оценили его.

С совершенным почтением и т[ак] д[алее].

К. Победоносцев

17 марта 1895 г. Петербург.

№17

Преосвященнейший Владыка!

Сейчас попалось мне на глаза в № 5 Томских Епархиальных Ведомостей, в описании поездки Вашей в Нарымский край, на стр[анице] 9-й, известие об учительнице дер[евни] Карнауховой, девице Тюменцевой, очень хорошо ведущей школу грамоты и получающей всего 5 руб[лей] в месяц.

Достойно ободрить ее к добрым трудам.

Прилагаемые 40 рублей прошу Ваше Преосвященство переслать ей в пособие.

С совершенным почтением и т[ак] д[алее].

К. Победоносцев

12 апреля 1896 г. Петербург.

№ 18

Преосвященнейший Владыка!

По поводу присланных от Вашего Преосвященства отдельных листков из «Лепты» почитаю не лишним препроводить к Вам отзыв Директора Синодального училища церк[овного], г[осподина] Смоленского. Отсюда изволите усмотреть, что к отдельному местному изданию «Лепты» не предвидится никакого препятствия. Остающиеся у нас экземпляры нашего издания, если угодно, доставим к Вам. Сегодня был у меня Г. с женою. Не знаю, как исполнить Ваше и его

усильно повторяемое желание. Ныне дела о наградах не в нашей власти. Постараюсь сделать, что могу.

С совершенным почтением и т[ак] д[алее].

К. Победоносцев

8 апреля 1896 г. Петербург.

№ 19

Преосвященнейший Владыка, Милостивый Государь и Архипастырь!

Примите глубокую сердечную мою признательность за добрый привет Ваш и добрые мне пожелания по случаю совершившегося 50-летия служения моего Св[ятой] Церкви, Государю и Отечеству.

При сердечном желании Вашему Преосвященству доброго здоровья и крепкой силы для великих дел, попечению Вашему вверенных, имею честь быть с совершенным почтением и т[ак] д[алее].

К. Победоносцев

27 июня 1896 г. Петербург.

№ 20

Преосвященнейший Владыка!

«Томск[ие] Епарх[иальные] Вед[омости]» № 9, стр[аница] 15, о священ[нике] Покровском¹⁵⁸. «Хорошо было бы, если б нашелся добрый человек, кто бы помог ему в св[ятом] деле материальными средствами».

Уведомите, чем бы помочь. Можно поискать средств.

№ 21

Преосвященнейший Владыка!

Усерднейше благодарю за сообщенные известия о Ваших неурядках и соблазнах. Не оставляю сообщать об этом, кому следует, но нельзя не видеть, что ныне многое, бывшее твердым, поколебалось. Начало всего, узел всех этих соблазнов в провинции есть столица, и все это распространяется из центра к окружности. Как бы худо у Вас ни было, здесь, у всех на глазах, не менее худо. О театрах написано мною Вашему Губернатору¹⁵⁹; что касается до чтений¹⁶⁰, то ныне мода на них распространилась повсюду, конечно, не с добрыми целями, и Министерство Нар[одного] Пр[освещения] присылает мне ежедневно по несколько запросов.

И нет руки, которая могла бы и решилась бы остановить это. Делаем у себя, что возможно в нынешнее время.

С совершенным почтением и т[ак] д[але].

К. Победоносцев

4 ноября 1896 г. Петербург.

№ 22

Преосвященнейший Владыка!

Вернувшись в начале августа из-за границы, где провел 6 недель, нашел я уже в Петербурге почтеннейшее письмо Вашего Преосвященства. Поспешаю теперь ответить на изложенное в сем письме (от 18 июня) сомнение и опасение Ваши¹⁶¹.

1. Дело об учреждении Миссионерского института в Покровском Монастыре в Министерстве совсем затихло, и слава Богу. Я всегда был того мнения, которое выражаете Вы, что идея готовить миссионеров в центральном, нарочито устроенном учебном заведении, есть идея мечтательная. Так умеют действовать р[имо]-католики, создающие у себя дисциплинированную армию слуг, коих рассылают во все концы света. Но мы такой силы не имеем и должны действовать иными способами.

2. Дело о Бийском Катехизаторском училище остановилось – за неприисканием потребной суммы.

Спрашиваем Миссионерское общество, не найдет ли ее в своих средствах, но не имеем еще ответа.

С совершенным почтением и т[ак] д[алее].

К. Победоносцев

21 августа 1897 г. Петербург.

№ 23

Преосвященнейший Владыка!

На настоящий праздник и на предстоящий Новый год примите мое поздравление. Да дарует Господь крепость сил душевных и телесных, мир и радость. Ходатайство ваше о назначении к Вам второго vicария будет рассмотрено, когда придет, Св[ятейшим] Синодом. Однако едва ли можно надеяться на скорое и удовлетворительное разрешение. Главная причина – самый печальный недостаток людей на места Епископские.

И поверить трудно, что из нынешних Vicариев мало кого и избрать можно, когда требуется назначение на кафедру; а таких много, коих Епархиальные Архиереи просят и молят взять от них. Оскудели мы людьми до крайности!

С совершенным почтением и т[ак] д[алее].

К. Победоносцев

26 декабря 1897 г. Петербург.

№ 24

Преосвященнейший Владыка!

Усерднейше благодарю Ваше Преосвященство за почтеннейшее письмо Ваше от 3 апреля и за благоволительные слова, коими меня приветствуете и не по достоинству меня похваляете. И я нахожу по своему опыту, что многое в последние годы в церковной жизни оживилось к лучшему, но, с другой стороны, много труднее и сложнее стала деятельность церковная к удовлетворению проснувшихся повсюду в народе

потребностей. Ныне больше от нас всюду требуется, нежели мы по силам своим дать можем, и в то же время, быв лишены прежней от гражданских властей поддержки, принуждены одними лишь силами Церкви вести борьбу с плодящимися повсюду лжеучениями, опасными не только для Церкви, но и в особенности для государства ввиду всеобщего упадка нравов, который не может не отражаться и на самом духовенстве. О почтеннейшем о[тце] Чевалкове постараюсь, нельзя ли утешить его. Знаю его весьма через усопшего друга Н. И. Ильминского, человека Божия, коего письма, недавно отпечатанные¹⁶², спешу послать Вам с иными книгами.

Преосвященный Мефодий¹⁶³ был здесь; на всех произвел благоприятное впечатление: дай Бог ему подвизаться в Бийске, где Господь указал ему жребий. Много принялись строить церквей да и школ по Сибирской линии. Но приходится спрашивать: где найдем вскоре пастырей и учителей для великой жатвы.

С совершенным почтением и т[ак] д[алее].

К. Победоносцев

14 апреля 1898 г. Петербург.

№ 25

Преосвященнейший Владыка!

Письмо Вашего Преосвященства о священнике, желающем поступить в Университет, возбуждает важный общий вопрос, требующий разрешения Святейшего Синода, и я полагаю, что слушание университетских лекций будет признано решительно несовместимым с саном и званием священника.

На пороге Нового года приветствую Ваше Преосвященство с наступающим новолетием, в коем да дарует Господь Вам и пастве Вашей мир и утверждение.

С совершенным почтением и т[ак] д[алее].

К. Победоносцев

31 декабря 1898 г. Петербург.

№ 26

Преосвященнейший Владыка!

Присланные от Вашего Преосвященства экземпляры второго выпуска поучений и бесед¹⁶⁴ Ваших я имел честь представить Государю Императору и Государыне Императрице Марии Федоровне. Их Величества, благосклонно приняв эти книги, поручили мне передать Вашему Преосвященству благодарность Их Величеств.

Долгом почитаю со своей стороны усерднейше благодарить Вас как за присланный для меня экземпляр, так и за присоединенное к нему лестное письмо Вашего Преосвященства. Дай Бог Вам еще долгие годы продолжить во славу Божию и в благо паствы учительную Вашу деятельность.

С совершенным почтением и т[ак] д[алее].

К. Победоносцев

11 января 1899 г. Петербург.

№ 27

Преосвященнейший Владыка!

Усерднейше благодарю за почтеннейшее письмо Вашего Преосвященства от 25 марта. Могу себе представить, сколько смущения и огорчений доставили Вам поднявшиеся в Томске беспорядки безумной толпы студентов¹⁶⁵. К сожалению, это безумие, подобно заразной болезни, охватило всю Россию. И не было бы оно так повально, когда бы не поддерживалось еще вящим безумием взрослых людей, составляющих у нас общество. Горячка не успокоивается до сих пор, ибо, к сожалению, нет еще властной той руки, со властным голосом, который изрек бы: до сего дойдеши и не преjdeши. Слава Богу, что Семинария пока еще не задета; были уже случаи беспорядка в Псковской Семинарии, слава Богу, вскоре прекращенного,

и в последнее время в Казанской, где пришлось, однако, уволить 50 учеников. Время повсюду смутное, и дай нам Бог дожидаться успокоения смятенных всюду умов. Остается каждому делать свое дело, доколе можно. Приятно узнать от Вас, что Вы замечаете поднятие религиозного духа в городском населении. Народ благочестив еще всюду, и здесь церкви не могут вмещать всех молящихся, но так называемая интеллигенция погрязла в тупом искании увеселений и в разврате мысли... якоже быть во дни Ноевы.

Усерднейше благодарю за присылку мне повести о споре чая с вином.

Дай Бог Вашему Преосвященству мирно войти в преддверие Пасхи Христовой и радостно встретить Светлый день Воскресения.

С совершенным почтением и т[ак] д[алее].

К. Победоносцев

7 апреля 1899 г. Петербург.

№ 28

Преосвященнейший Владыка!

Христос Воскресе!

Сердечно благодарю, Преосвященнейший Владыка, за доброе писание Ваше мне на великий праздник. Заповедано нам радоваться, егда во искушения впадаем различна, а ныне искушение великое и время старым и юным усердно возносить моления молитвы Господней: «избави нас от лукавого».

Тем не менее в нынешние святые дни верующие и любящие Св[ятую] Церковь радуются, каковую радость да хранит Господь в сердце Вашем присно.

С совершенным почтением и т[ак] д[алее].

К. Победоносцев

19 апреля 1899 г. Петербург.

№ 29

Преосвященнейший Владыка!

Усерднейше благодарю Вас за почтеннейшее и благожелательное письмо Ваше от 19 декабря.

Да благословит Господь и для Вас наступающее лето благодатью своею на всякое дело благое в мире, радости и здравии.

Стоим даже на пороге нового года в трепетной молитве, «яже имут приключиться нам не ведуще». Уповаем на милость Божию, но не можем не ощущать, сколь мы ее недостойны и какими являемся безумными чадами Божией благодати. Озираясь на истекающее столетие, особливо на вторую его половину, можем ужаснуться, чего мы в духе лишились и что приобрели для себя духу противное. Скорбеть надобно особливо о том, что утрачено много простоты и в мыслях, и в обычае и приобретено для сердца много новых желаний и похотей, и злых помышлений: все хотят денег и наслаждения, все готовы за деньги поступиться правдою. Да стоит твердыня Церкви Божией, и служители ее да не колеблются; буде здесь иссякнет правда, где искать ее.

Между тем да помогает Господь вам и всем нам делать по вере и разумению «дондеже день есть».

От всей души желаю Вашему Преосвященству крепости сил и духовных, и телесных, в уповании на милость Божию.

С совершенным почтением и т[ак] д[алее].

К. Победоносцев

31 декабря 1899 г. Петербург.

№ 30

Преосвященнейший Владыка!

Усерднейше благодарю Вас за приглашение к торжеству освящения соборного храма Вашего.

К сожалению, не можем ни я, ни Саблер¹⁶⁶ им воспользоваться. Я уже по старости и слабости сил не могу пускаться в дальние поездки, а по нынешним делам нашим пребывание наше здесь существенно необходимо, особенно в эту пору, когда ежедневное почти заседание в Государственном Совете и Комитете Министров требуют нашего присутствия по сложным делам. Вот недавно удалось выпросить значительное пособие на жалование нашим учителям со следующего года, а не будь нас на месте – не удалось бы. Что касается до безумного стремления к устройству народных увеселений под предлогом трезвости, то уже мы бессильны против этого, стараемся делать немного, но уж жестоко против сего рожна прати. Если бы местные власти имели твердый и здравый дух, могли бы многому воспрепятствовать. И тому не удивляйтесь, что газеты, кои все безумны, нахальны и продажны, печатают клеветы и брань на церковно-приходские школы. Это собачий лай, на который отвечать не следует, а следует вдвое внимательнее смотреть за делом, чтобы в нем обмана не было, ибо внутренние враги человеку – «домашние его»¹⁶⁷, всего опаснее.

Враги сии суть: лень, неправда, обман, равнодушие, своекорыстие.

Новый Губернатор¹⁶⁸ Ваш, думаю, окажется человеком церковным. Он костромич и измлада привык к Церкви. В Петрозаводске весьма ценили его.

С совершенным почтением и т[ак] д[алее].

К. Победоносцев

7 мая 1900 г. Петербург.

№ 31

Преосвященнейший Владыка!

Получив сегодня почтеннейшее письмо ваше, спешу и я прислать Вам поздравление и сердечные пожелания, да будет наступающее лето для Вас лето благоприятное и для всех нас да принесет день спасения. Спасение же весьма нужно нам от

гибели нравов, всюду распространившейся. Приходится лишь беречь народ, а с гражданскими властями борьба бесплодная. Вот Вы пишете о театрах. Они всюду заводятся едва не насильственно под предлогом отвращения от пьянства, а в сущности эти представления служат возбуждением к пьянству, да и состав их, большею частью, совсем не нравственный. Между тем ныне стараниями земств и под покровом властей театры заводятся и в селах, а здесь в Петербурге все ими наполнено, и строятся они, и содержатся на казенный счет. Жестоко становится противу сего рожна прати.

Надобно усердно охранять свою церковную храмину.

Здесь опасность, ибо крайне умножились и разврат, и преступление в среде духовенства, особливо же по монастырям, и много срамных дел обличается в судебном рассмотрении. Назначенную ревизию в Семинарии напрасно изволите принимать как бы в предосуждение.

В Томске она не первая, и без этих ревизий обойтись нельзя, и они должны служить пособием, прежде всего, для самих Преосвященных, открывая им истину, обыкновенно тщательно скрываемую. К крайнему сожалению, иные Преосвященные едва раз в год на Акте посещают Семинарию, где все от них сокрыто обманом. Но ныне все обличает, и о беспорядках в Семинарии Св[ятейший] Синод узнает нередко не от Епархиальной власти, а от сообщения Государственной полиции.

При сем препровождаю свою книжку¹⁶⁹, на сих днях отпечатанную. Присоединяю и другую, изданную в обличение безумных действий графа Толстого и его сподвижников.

С совершенным почтением и т[ак] д[але].

К. Победоносцев

29 декабря 1900 г. Петербург.

№ 32

Христос Воскресе!
Преосвященнейший Владыка!

Усерднейше благодарю за почтеннейшее письмо Вашего Преосвященства от 6 апреля.

Неутешительно, что Вы пишете о нынешней народной нужде от недорода в Вашем крае; а мы отсюда что имели бы сообщить, менее утешительно: настает область темная. Иной раз просится на язык слово: «Се сатана просит, дабы сеял вас яко пшеницу»; а людей точно ослепил Господь, да видяще не видят, и слыша, не разумеют. Тут уже неборимо не только театральные представления под праздники, но и много важнейшее.

Услышим, что речет о нас Господь Бог, а дотоле остается¹⁷⁰ нам слова Пророческие: «Обидяй да обидит еще, и скверный да сквернится еще, и святой да святится еще»¹⁷¹. Пишете о нуждах школьников, прекращающих хождение в школу от истощения, от недостатка хлеба. Всем пособить нет сил, но примите на сию нужду особо препровождаемые 500 рублей из особых средств, коими располагать могу. Крайне утомленный, должен искать отдыха и лечения, для чего думаю выехать на некоторое время за границу.

С совершенным почтением и т[ак] д[алее].

К. Победоносцев

17 апреля 1902 г. Петербург.

№ 33

Преосвященнейший Владыка, Милостивый Государь и Архипастырь!

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР по представлении ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, препровожденного Вашим Преосвященством при письме от 14 августа сего года 3-го выпуска Ваших, Милостивый Государь и Архипастырь, проповеднических трудов, в 12-й день текущего сентября ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ соизволил на всеподданнейшем докладе моем по сему предмету собственноручно начертать: «Благодарю Преосвященнейшего Макария за книгу». О таковой ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЙ благодарности имею честь уведомить Ваше

преосвященство и вместе с тем покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь и Архипастырь, принять и мою искреннюю благодарность за доставление при том же письме и мне экземпляра означенной книги.

Поручая себя молитвам Вашим,
с совершенным почтением и т[ак] д[алее].

К. Победоносцев

13 сентября 1904 г. Петербург.

№ 34

Преосвященнейший Владыка!

Усерднейше благодарю Вас за добрую о нас память на Великий праздник Господень и за приятное воспоминание о вечере, проведенном у нас во Владимирской школе. Это единственное место, где мы находим утешение и радость в нынешнее тяжелое смутное время, когда по судьбам Господним отнят у людей разум, и простые люди молятся Богу и страдают, а сильные мира сего живут, яко же во дни Ноевы. Поистине наступает время, к коему прилагаются слова Ангела, Тайновидцу сказанные: «Скверный да сквернится еще, и праведный да творит правду».

Жена моя, помогающая мне в заботах о школе и детях, просит свидетельствовать Вашему Преосвященству свое почтение и благодарность за добрую память о школе и церкви нашей.

С совершенным почтением и т[ак] д[алее].

К. Победоносцев

29 декабря 1904 г. Петербург.

№ 35

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Приветствую Вас, Преосвященнейший Владыка, на Великий день Воскресения Христова, сердечно благодарю за до-

брое писание от 6-го сего апреля и за доброе воспоминание о моем служении, в коем старался по мере сил своих и людей возбуждал на правое дело, и принести пользу церкви и церковному делу. Дела наши немногочисленны, а чего стоят – рассудит Господь Бог; мы же по милости Божией разве спасемся, «якоже огнем». Правда, что я весьма утомлен, не столько от дел, сколько от людей, кои ныне стали лживы. Болею с нового года и даже в церкви не бываю с тех пор. Теперь, слава Богу, поправляюсь. Более всего сокрушает возникшая в настоящее время безумная церковная смута, и пора бы признать, яко «аз уже жрен бываю и время моего отшествия наста»¹⁷², но чувствую, что пока рука действует, не должно еще отнимать ее от рока, и слух о моем предстоящем отходе покуда неверен. Внезапное же мое отшествие, знаю, многих опечалило бы и привело в уныние.

Итак, от всей души желая Вам здравия и мира, пребываю.
С совершенным почтением и т[ак] д[алее].

К. Победоносцев

16 апреля 1905 г. Петербург.

№ 36

Преосвященнейший Владыка, Милостивый Государь и Архипастырь!

Примите сердечную мою признательность вашему Преосвященству и присоединившемуся к Вам духовенству за добрую память о совершившемся 25-летию моего служения в должности Обер-Прокурора Святейшего Синода и молитвенные мне пожелания. Дела наши пойдут вслед за нами на праведный суд Господень. По мере сил своих и сердечной ревности продолжал я труды свои, помышляя о благе Святой Церкви и ее служителей; грехи же мои, вольные и невольные, молю, да отпустит мне и покроет милость Господня.

С совершенным почтением и т[ак] д[алее].

К. Победоносцев

30 апреля 1905 г. Петербург.

№ 37

Преосвященнейший Владыка!

Почтеннейшее письмо Вашего Преосвященства, писанное 18 ноября 1905 года, дошло до меня только третьего дня, уже в 1906 году. Спешу свидетельствовать Вам сердечную мою признательность за добрую обо мне память по случаю увольнения моего от должности Обер-Прокурора¹⁷³. Давно уже сказывались мне слова Апостольские: «аз уже жрен бываю и время моего отшествия наста»; но я удерживался, дондеже было еще мерцание дня, дозволявшее продолжать дело, коему посвящено было 25 лет жизни; но когда надвигаться стал мрак, нельзя было оставаться долее. Ныне поистине настала для родной Церкви година и область темная, ибо и в нем поднялось смешение языков. Я ныне, удаляясь от дел и истощив силу свою телесную и духовную, живу в уединении от шума людского, ожидая, что еще, наконец, пошлет Господь. И бывшие сотрудники мои, состарившиеся в общей работе, приходят уже в уныние, и возлюбленное школьное дело в шатании: правда, что давно уже расшатывают его сами духовные власти! Слышу от многих гаждение и злохуление, но простые люди со всех концов России пишут мне сочувствие минувшей моей деятельности. Тем отраднее и мне, и жене моей слышать от Вас сочувственное слово.

Вам да подаст Господь в наступающем лете мир и утверждение. Вы знаете душу народную, которую разучились ныне понимать многие, во власти сущие, и потому послушают Вас люди в Церкви Божией.

С совершенным почтением и т[ак] д[алее].

К. Победоносцев

4 января 1906 г. Петербург.

№ 38

Преосвященнейший Владыка!

Усерднейше благодарю Вас за добрую обо мне память на день великого праздника Христова. Праздник застал меня в постели, так что я, к крайнему огорчению, не мог быть в церкви. Вас да хранит Господь в здравии и мире. Тяжкие дни переживаем мы ныне, русские, верные люди, дети своего отечества, и не видим спасения. Блаженны те, кто не дожил до наших дней. Да поможет Вам Бог переносить страшные тяготы духовные. Вы пишете мне о Б. Н., конечно, предполагая, что я имею какое-либо значение у предержавших властей; но вот уже почти два года, как я отстранен от всех дел и властей. Силами своими ослабел, голова не работает; никуда не двигаюсь из комнат, никого не вижу, и никто меня не посещает. Постави, Господи, законоположителя над нами, да разумеют языцы, яко человецы суть¹⁷⁴.

С совершенным почтением и т[ак] д[алее].

К. Победоносцев

28 декабря 1906 г. Петербург.

КОММЕНТАРИИ

Настоящий сборник включает 30 произведений и 100 писем К. П. Победоносцева. Один документ публикуется впервые ([Предложения Святейшему Правительствующему Синоду по вопросу о переменах в церковном управлении]), 22 произведения и 39 писем не публиковались после 1917 года, 60 писем, опубликованных в советское и послеперестроечное время, труднодоступны для широкого круга читателей. В сборник вошли также основные труды К. П. Победоносцева, изданные в последние десятилетия. Тексты публикуются в соответствии с правилами современного русского языка. Восстановленная составителем часть текста дается в квадратных скобках, редакторские исправления – в угловых скобках. Если восстановления текста принадлежат предыдущим составителям, это оговаривается в комментариях. Авторские примечания помещены в подстрочных сносках с указанием их авторства. В конце каждого произведения помещена краткая история издания документа.

ПРЕДИСЛОВИЕ

¹ НИОР РГБ. Ф. 230. Оп. 5273. Д. 4. Л. 10–10 Об.

² НИОР РГБ. Ф. 336/II. Оп. 30. Д. 4. Л. 79.

³ *Победоносцев К. П.* Московские воспоминания. – М., 1904. – С. 7.

⁴ См.: [*Победоносцев К. П.*] Граф Панин. Министр юстиции // Победоносцев: *pro et contra*. – СПб.: Русский христианский гуманитарный университет, 1996. – С. 28–80.

- ⁵ НИОР РГБ. Ф. 230. Оп. 4408. Д. 8. Л. 5.
- ⁶ См.: НИОР РГБ. Ф. 336/II. Оп. 30. Д. 4.
- ⁷ См.: *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений. В 30 т. – Т. 29. – Кн. I. – М., 1991; *Победоносцев К. П.* Письма Победоносцева Александру III. – Т. 1. – М., 1925.
- ⁸ К. П. Победоносцев в письмах к друзьям // Вопросы литературы. – М., 1989. – № 4. – С. 280.
- ⁹ НИОР РГБ. Ф. 93/II. Оп. 7. Д. 98. Л. 17–17 Об.
- ¹⁰ *Победоносцев К. П.* Письма Победоносцева Александру III. – Т. 1. – М., 1925. – С. 311.
- ¹¹ К. П. Победоносцев в письмах к друзьям // Вопросы литературы. – М., 1989. – № 4. – С. 279.
- ¹² См.: *Смолич И. К.* История русской церкви 1700–1917. В 2 ч. – Ч. 1. – М., 1996.
- ¹³ *Победоносцев К. П.* Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1886 год. – СПб., 1888. – С. 181, 182.
- ¹⁴ Необходимо отметить, что святой Игнатий Брянчанинов предостерегал от чтения популярной книги «О подражании Христу» Фомы Кемпийского, по причине ложной духовности (самообольщения, «прелести», «мнения») которой она заражена. См: *Св. Игнатий (Брянчанинов).* Письма // Собрание сочинений в 7 т. – Т. 1. – М.: Ковчег, 2006. – С. 288–292. Вероятно, Победоносцеву не было это известно.
- ¹⁵ См.: [*Победоносцев К. П.*] Свобода, равенство, братство [Обзор книги Дж. Стефена] // Гражданин. – 1873. – № 35–37; См.: В протестантских храмах // Там же. – № 51; Новейшая английская литература по восточному вопросу // Там же. – 1877. – № 52; Ирвингисты в Лондоне // Там же. – 1873. – № 35; Деисты и унитарии в Лондоне // Там же; К вопросу о воссоединении церквей // Там же. – № 33; Вестминстерское аббатство // Там же. – № 32.
- ¹⁶ См.: *Победоносцев К. П.* Приключения чешского дворянина Вратислава в Константинополе и в тяжкой неволе у турок с австрийским посольством. – СПб., 1877.
- ¹⁷ См.: *Максимов Ю. В.* Дом у Московской заставы. – СПб., 2002.
- ¹⁸ Подчеркнуто автором. – О. С.
- ¹⁹ Подчеркнуто автором. – О. С.
- ²⁰ НИОР РГБ. Ф. 336. Оп. 30. Д. 4. Л. 43–43 Об.

- ²¹ В данной цитате курсив мой. – О. С.
- ²² *Витте С. Ю.* Избранные воспоминания. – М., 1991. – С. 542, 543.
- ²³ В данной цитате курсив мой. – О. С.
- ²⁴ Цит. по: *Кудрина Ю. В.* Мать и сын. – М., 2004. – С.58–60.
- ²⁵ НИОР РГБ. Ф. 336/II. Оп. 30. Д. 6. Л. 42.
- ²⁶ Воскресение Христово и жены-мироносицы. – О. С.
- ²⁷ НИОР РГБ. Ф. 336/II. Оп. 30. Д. 5. Л. 105 Об.
- ²⁸ НИОР РГБ. Ф. 336/II. Оп. 30. Д. 6. Л. 53 Об.
- ²⁹ НИОР РГБ. Ф. 336/II. Оп. 30. Д. 5. Л. 23.
- ³⁰ НИОР РГБ. Ф. 336/II. Оп. 30. Д. 6. Л. 32–33 Об.
- ³¹ *Победоносцев К. П.* История Православной Церкви до начала разделения церквей. – СПб., 1891. – С. 170.
- ³² Ин.14:6.
- ³³ См.: Мф. 22:35–39.
- ³⁴ См.: Ин. 8:4–11.
- ³⁵ *Победоносцев К. П.* Ученье и учитель // Тайный правитель России. – М., 2000. – С. 466.
- ³⁶ *Победоносцев К. П.* Воспитание характера в школе. – Ишим, 2000. – С. 8, 9.
- ³⁷ См.: *прот. Лев Лебедев.* Великороссия: жизненный путь. – СПб., 1999; *Головкина М. В.* Научное творчество С. П. Шевырева в осмыслении и передаче религиозной традиции в историческом самосознании // Церковь в истории России. Сборник 9. – М.: Кучково поле, 2010. – С. 90–124.
- ³⁸ См.: Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – Свердловск, 1991.
- ³⁹ Среди работ постсоветского времени необходимо отметить исследования А. Ю. Полунова (См.: *Полунов А. Ю.* Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. – М.: Аиро-XX, 1996. – 141 с.; *Полунов А. Ю.* К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. – М.: РОССПЭН, 2010. – 386 с.), носящие концептуальный характер и содержащие немало ценного фактического материала, несмотря на следование канонам советской историографии в оценке личности К. П. Победоносцева.
- ⁴⁰ См.: *Пешков А. И.* К. П. Победоносцев как идеолог русского православия: дисс. ... канд. ист. наук, канд. филос. наук. / Пешков Андрей Иванович; научн. рук. проф. С. Н. Савельев; Санкт-Петербург-

ский государственный университет. – СПб., 1993. – 189 с.; Тимошина Е. В. Политико-правовая идеология русского пореформенного консерватизма: К. П. Победоносцев. – СПб.: СПбГУ, 2000. – 202 с.

ВЕРА

Пособие благочестивому читателю при чтении святого Евангелия

Печатается по изданию: *Победоносцев К. П.* Пособие благочестивому читателю при чтении Святого Евангелия. – СПб.: Издание Святейшего Синода, 1907. – 62 с.

¹ Ирод Архелай (23 г. до н. э. – 18) – этнарх Самарии, Иудеи, Идумеи, сын Ирода I и его жены самаритянки Малфаки (Малтаки).

² Саддукеи – название одной из трех древнееврейских религиозных сект и одного из главных религиозно-политических течений в Иудее II века до н. э., или, по выражению Иосифа Флавия, трех философских школ, возникших в эпоху расцвета династии Маккавеев (ок. 150 г. до Р. Хр.) и просуществовавших вплоть до покорения иудейского государства римлянами (70 г. по Р. Х.). Основатель течения Цадок отрицал воскресение из мертвых, загробную жизнь, Божественное провидение.

³ Ирод Антипа (20 г. до н. э. – после 39 г. н. э.) – правитель Галилеи и Переи (4–39 г. н. э.), сын царя Ирода Великого и одной из его жен, самаритянки Малтаки.

⁴ Так в оригинале. В Евангелии идет речь об исцелении Спасителем дочери хананеянки. См.: Мф. 15:22–28.

⁵ Драхма – древнегреческая монетная единица, единица измерения массы.

⁶ Статер, статир – античная монета, ходившая в Древней Греции и Лидии (V в. до н. э. – I в. н. э.).

⁷ Давид – царь Иудеи и Израиля (ок. 1004–965 гг. до н. э.).

⁸ Так называлась страна к востоку от Иордана, включавшая в себя десять городов: Дамаск, Филадельфию, Рафапу, Скифополь, Гадару, Иппон, Дион, Пеллу, Геласу (Герасу) и Канаву. Из них только Скифополь находился западнее Иордана. Позднее число городов менялось, но страна по-прежнему называлась Десятоградием, бу-

дучи союзом свободных эллинистических городов. Когда в начале II века по Р. Х. некоторые из них были присоединены к Аравии, десятиградие прекратило свое существование.

⁹ Иродиане – религиозно-политическая иудейская секта, считавшая Ирода своим мессией.

¹⁰ Сосуд из алебаstra для хранения мира.

¹¹ Ной – десятый и последний из ветхозаветных допотопных патриархов, праведник, сын Ламеха, отец Сима, Хама и Иафета, спасшийся в ковчеге во время всемирного потопа со своей семьей и животными благодаря тому, что слушал Бога и верил Его словам.

¹² Праздник обновления, праздник освящения храма – праздник, установленный Иудой Маккавеем в 164 году до Рождества Христова в честь освобождения и очищения храма от идольского служения, которое проводилось в нем три года по приказу антиоха Епифана. Праздник длился в течение восьми дней, начинаясь 25 Кислева (ноябрь–декабрь).

¹³ Соломон – царь израильско-иудейского государства в 965–928 гг. до н. э., сын царя Давида и Вирсавии, автор некоторых книг Библии: «Книга Екклесиаста», «Книга Песни песней Соломона», «Книга притчей Соломоновых». Соломон славился необычайной мудростью; во время его правления в 950 году до н. э. был построен Иерусалимский храм – главная святыня евреев, разрушенный Навуходонсором в 586 году до н. э. Второй храм был построен под руководством Зоровавеля в 516 году до н. э., в 20–19 годах до н. э. обновлен Иродом Великим, в 70 году н. э. разрушен римской армией во главе с Титом.

¹⁴ Гаввафа (греч. «лифостротон») – еврейское название места, с которого Пилат говорил с евреями во время суда над Иисусом Христом. Каменный помост при входе в иерусалимский дворец Ирода, который служил резиденцией для римских прокураторов во время их пребывания в Иудее.

¹⁵ Мария Клеопова – одна из святых жен-мироносиц, жена Клеопы, сестра Матери Господа, дочь праведного Иосифа, мать священномученика Симеона. Она сопровождала Господу, присутствовала при Кресте и при погребении Спасителя, ходила вместе с другими мироносицами по прошествии субботы на гроб, чтобы помазать тело Иисусово, где услышала о воскресении Господа.

¹⁶ Иосиф Аримафейский – богатый и знатный член синедриона, иудейский старейшина, в гробнице которого был погребен Ии-

сус Христос; тайный последователь Спасителя, не входивший в число Апостолов. Ткань, которой Иосиф обвинил тело Иисуса, существует и поныне под названием Туринской плащаницы. На ней сохранились следы страданий, смерти и воскресения Спасителя. Ее подлинность установлена учеными различных специальностей при помощи новейших методов исследования, выработанных современной наукой.

¹⁷ Так в оригинале. – О. С.

¹⁸ Во время проводимой переписи населения каждый должен был записаться в городе, откуда происходил его род. Праведный Иосиф был потомок царя-псалмопевца Давида, который родился в Вифлееме. Следовательно, св. Иосифу необходимо было записать свое имя в Вифлееме.

¹⁹ Согласно Библии, Земля Израиля была завещана евреям Богом, чтобы стать Землей Обетованной. Во втором тысячелетии до н. э. евреи под предводительством Иисуса Навина, преемника Моисея, завоевывают Ханаан (Палестину). Первые древнееврейские племена (колена) появляются здесь около 1200 года до н. э. Этим периодом датируются обнаруженные здесь 250 еврейских поселений. Установление царской власти и возникновение Израильского, а затем Иудейского царств датируется концом XI – серединой X веков до н. э.

Праздники Господни

Печатается по тексту: *Победоносцев К. П.* Праздники Господни // Сочинения. – СПб.: Наука, 1996. – С. 218–260, перепечатанному с издания 1903 года. Произведение выходило также в 1893, 1894 г., 1898 г. – трижды, 1900, 1902, 1905 г., 2001 г. (в сборнике «Тайный правитель России»).

²⁰ Втор. 5:12–14.

²¹ Стихиры – церковные песнопения, предваряемые псалмами.

²² Ирмос (греч. εἰρμός – сплетение, связь) – в византийском и русском православном богослужении первая строфа в каждой из девяти песен канона, в которой прославляются священные события или лица; ирмос соединяет библейскую песнь с христианскими гимнами.

²³ Осмогласие – православная система церковного пения из 8 гласов (напевов), каждую неделю поется свой глас с его текстами, затем весь круг пения повторяется.

²⁴ В этот день (по старому стилю) Православная Церковь празднует память священномученика Мефодия, епископа Патарского, святых мучеников Аристоклия пресвитера, Димитриана диакона и Афанасия чтеца, святых мучениц Инны, Пинны и Риммы, святого Левкия Исповедника.

²⁵ В этот день (по старому стилю) отмечается день памяти святого мученика и архидиакона Лаврентия, священномученика Сикста Папы, с ним двух диаконов Феликиссима и Агапита.

²⁶ Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы (по старому стилю).

²⁷ Ирод I Великий – царь Иудейского государства (40/37–4 гг. до н. э.). Печально известен избиением младенцев в Вифлееме.

²⁸ Еккл. 3:1.

²⁹ Самуил – великий пророк, последний судья израильтян при переходе к эпохе царей ок. 1029 года до н. э.

³⁰ 1 Цар. 3:4.

³¹ 25 декабря (по старому стилю) Русская Православная Церковь вспоминает о победе России в Отечественной войне 1812 года. Автором молебствия является святитель Филарет, в миру – Василий Михайлович Дроздов (1782–1867) – митрополит Московский и Коломенский (с 1826 г.), православный просветитель, мыслитель, богослов, церковный историк, ученый, член Российской Академии (с 1818 г.), автор перевода на русский язык Евангелия от Иоанна, член Российского Библейского общества (с 1814 г. – директор, с 1816 г. – вице-президент общества), автор Манифеста об освобождении крестьян 19 февраля 1861 года (См.: Иеродиак. Никон (Париманчук). «Неусыпающее око мысли...» // Святитель Филарет Московский. Призовите Бога в помощь. Сборник писем. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2008. – С. 18.)

³² Мф. 24:7.

³³ Ектения – молитва-прошение, входящая в состав православного богослужения.

³⁴ Так в оригинале. Вероятно, была допущена опечатка – «прощения» вместо «прещения». – О. С.

³⁵ Антифон (греч. antiphonos – звучащий в ответ) – церковное песнопение, исполняемое поочередно двумя хорами или солистом и хором.

³⁶ Тропарь – краткое молитвенное песнопение, в котором раскрывается сущность праздника или прославляется священное лицо.

³⁷ См.: Деян. 20:22.

³⁸ См.: Деян. 20:24.

³⁹ Иаков, Израиль – третий из библейских патриархов, младший из сыновей-близнецов патриарха Исаака и Ревекки, родившей после двадцатилетнего бесплодного брака.

⁴⁰ См.: Лк. 3:15.

⁴¹ См.: Мф. 3:2.

⁴² Мф. 23:2.

⁴³ 6 января (по старому стилю) – Богоявление Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

⁴⁴ Иегова, Яхве – одно из предположительных произношений Личного Имени Бога в Ветхом Завете.

⁴⁵ Илия – библейский пророк в Израильском царстве, живший в IX веке до н. э., проповедник веры в Единого Бога против культа Ваала в правление царя Ахава и его супруги Иезавели.

⁴⁶ Баал, Ваал – древнее западно-семитское божество, которому поклонялись в Финикии, Палестине, Сирии как богу плодородия, воды, войны и т. д.

⁴⁷ См.: 3 Цар. 19:4.

⁴⁸ См.: 3 Цар. 19:11, 12.

⁴⁹ См.: Ин. 1:14.

⁵⁰ См.: Мф. 12:19, 20.

⁵¹ Лк. 4:18, 19.

⁵² Пс. 22:1.

⁵³ Ин. 1:29.

⁵⁴ 2 февраля по старому стилю – Сретение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

⁵⁵ Речь идет о св. Симеоне Богоприимце, который получил обетование от Бога, что не умрет, пока не увидит Спасителя.

⁵⁶ См.: Лк. 2:29–32.

⁵⁷ См.: Мф. 21:9.

⁵⁸ См.: Апок. 22:20.

⁵⁹ См.: Лк. 6:45.

⁶⁰ «Свете тихий» – песнопение православной вечерни, один из древнейших сохранившихся небиблейских гимнов ранней Церкви, о котором упоминает еще св. Василий Великий. Оно сопровождает вход со светильником на вечерне. «Свете тихий» выражает благодарность христиан за возможность лицезреть Христа, невечерний свет и Солнце правды, когда все погружается в ночную темноту: «Свете Тихий святятыя славы, бессмертнаго Отца небеснаго, святаго блаженнаго, Иисусе Христе: пришедше на запад солнца, видевшe свет вечерний, поем Отца, Сына, и Святаго Духа, Бога. Достоин еси во вся времена петь быти гласы преподобными, Сыне Божий, живот даяй: темже мир тя славит».

⁶¹ См.: Мф. 27:60.

⁶² См.: Лк. 24:21.

⁶³ См.: Ин. 18:15, 16.

⁶⁴ Ин. 19:26, 27.

⁶⁵ Мф. 26:38.

⁶⁶ Песнопение, исполняемое вместо Херувимской песни в Великую Субботу.

⁶⁷ Колокольня Ивана Великого (построена в XIV веке, приобрела современный вид в 1600 году) – церковь-колокольня св. Иоанна Лествичника, расположенная на Соборной площади Московского Кремля. Колокольня является самым высоким зданием Московского Кремля (81 м) и до конца XIX века (постройки храма Христа Спасителя) была самым высоким зданием Москвы.

⁶⁸ Молитвы великопостной вечерни.

⁶⁹ Паремия (от греч. παροιμία – притча) – чтения из Священного Писания, Ветхого или Нового Завета, произносимые в Православной Церкви на вечернем богослужении накануне праздников, содержащие в себе пророчества о празднуемом событии, объяснение смысла праздника или похвалу празднуемому святому.

⁷⁰ Согласно Библии, Бог пожелал испытать силу веры Авраама и повелел ему принести своего любимого сына Исаака в жертву. Авраам, не колеблясь, повиновался. Он уже занес нож над Исааком, когда ангел остановил его. См.: Быт. 22:1–19.

⁷¹ Праздник Пасхи (Песах – прохождение мимо) был установлен Богом в среде евреев в честь избавления от египетских казней (бедствий, постигших египтян) и исхода из Египта. В Христианстве под этим именем празднуется Воскресение Христово.

⁷² Чермное море – Красное море (или одно из озер между Египтом и Израилем), воды которого расступились, пропустив Моисея и евреев во время исхода из Египта, а затем сомкнулись, погубив войско фараона.

⁷³ Иона – библейский пророк, живший в VIII веке до н. э. при царе Иеровоаме II, сын Амафии (Амитая). По преданию, он был отроком, которого воскресил пророк Илия после молитвы во время трехлетнего голода, когда поток Хорив пересох.

⁷⁴ Елисей – один из библейских пророков, сын Сафата, последователь своего учителя, пророка Илии, обличал идолопоклонство при шести израильских царях, исцелил сына гостеприимной вдовы-сонамитянки.

⁷⁵ Три отрока в печи огненной (VI век до н. э.) – иудейские отроки в вавилонском пленении по имени Анания, Азария и Мисаил, друзья пророка Даниила, брошенные царем Навуходоносором в огонь за отказ поклониться идолам, но вышедшие оттуда невредимыми.

⁷⁶ Вечерняя молитва Великой Субботы.

⁷⁷ Плащаница – плат большого размера с вышитым или живописным изображением лежащего во гробе Иисуса Христа или усопшей Богородицы. Плащаница выносится во время богослужения Великой Пятницы и Великой Субботы (с изображением Иисуса Христа), а также в богослужении Успения (с изображением Богородицы).

⁷⁸ См.: Пс. 81:1–7.

⁷⁹ См.: Пс. 81:8.

⁸⁰ Мария Клеопова.

⁸¹ Мф. 28:9.

⁸² Литургия верных – третья часть литургии (первые две – проскомидия и литургия оглашенных), в древности на ней могли присутствовать только люди, принявшие крещение. В этой части литургии совершаются все самые важные священнодействия, приготовленные к которым были предыдущие части литургии.

⁸³ Паникадило – большая люстра или подсвечник в церкви.

⁸⁴ Пасхальное песнопение.

⁸⁵ 12 апреля 1859 года Православная Церковь встретила Светлое Христово Воскресение.

⁸⁶ Мф. 12:18.

⁸⁷ Ин. 20:17.

⁸⁸ Лк. 24:31.

⁸⁹ Фома – один из Апостолов Иисуса Христа. Призван Спасителем из рыбаков. Его называли «близнецом».

⁹⁰ Ин. 16:7.

⁹¹ Деян. 1:6.

⁹² Рим. 14:17.

⁹³ Ин. 7:5.

⁹⁴ Мф. 26:56.

История Православной Церкви до начала разделения Церквей

Печатается по изданию: *Победоносцев К. П.* История Православной Церкви до начала разделения Церквей. – СПб.: Русская симфония, 2006. – 315 с., которое представляет собой перепечатку с текста 1905 года, с исправлениями и дополнениями. Данное произведение издавалось также в 1891, 1892, 1895, 1898, 1899, 1900, 1902, 1903, 2007 годах. В прижизненных изданиях К. П. Победоносцев указан не как автор, а как издатель труда.

⁹⁵ *Первый* (Никейский) Собор состоялся в июне 325 года в городе Никея, продолжался больше двух месяцев. Собор был созван императором Константином Великим для разрешения спора между Александрийским епископом Александром и Арием, отрицавшим божественность Иисуса Христа. На Соборе арианство было осуждено и принят никейский Символ веры. *Второй* Вселенский Собор, Первый Константинопольский созван в 381 году императором Феодосием I (379–395) в Константинополе. Собор утвердил догмат об исхождении Святого Духа от Отца, о равенстве и единосущности Бога Духа Святого с Богом Отцом и Богом Сыном; дополнил и утвердил Символ веры в редакции, получившей название Никео-Константинопольской (Никео-Цареградской). Эфесский (Ефесский) Собор, *Третий* Вселенский Собор проходил в городе Эфесе в 431 году по инициативе императора Феодосия II. *Поводом для созыва* Третьего Вселенского Собора стала ересь Нестория, называя Божию Матерь не Богородицей, а Матерью Христа (*Христородицей*), разделяя в Спасителе два естества. Собор осудил ересь Нестория. *Четвертый* Вселенский (Халкидонский) Собор был созван в 451 году императором Маркианом по поводу ереси Евтихия – монофизитства (непризнание Человечества Иисуса Христа), которая

была осуждена. Второй Константинопольский Собор, *Пятый* Вселенский Собор был созван в 553 году по инициативе императора Юстиниана I. Осудил учения богословов «антиохийской школы» Федора, Феодорита и Ивы, близкие несторианству. Третий Константинопольский Собор, также *Шестой* Вселенский Собор состоялся в 680–681 году при императоре Константине Погонате против учения монофелитов, которые признавали в Иисусе Христе два естества, Божеское и человеческое, но одну Божественную волю. Второй Никейский Собор (также известный, как *Седьмой* Вселенский Собор) был созван в 787 году при императрице Ирине против иконоборчества, возникшего при византийском императоре Льве Исавре, который, желая устранить препятствия к мирному соседству с мусульманами, считал необходимым упразднить почитание икон. Это течение продолжало существовать и при его сыне Константине Копрониме и внуке Льве Хозаре.

⁹⁶ Речь идет о будущем Апостоле Павле. См.: Деян. 9.

⁹⁷ Св. Апостол и евангелист Матфей, бывший до встречи со Спасителем сборщиком податей.

⁹⁸ Каиафа – первосвященник Иудеи с 18 по 37 год.

⁹⁹ Гамалиил, Рабан Гамлиэль ха-Закен (Старший) жил в первой половине I века. Ученый раввин, внук знаменитого Гиллеля, наси Синедрiona, учитель Апостола Павла, православный святой, чтимый вместе со своим сыном Авивом. Гамалиил был крещен в конце жизни Апостолами Петром и Павлом. Полагают, что Гамалиил умер за девять лет до разрушения Иерусалима.

¹⁰⁰ Стефан – первый христианский мученик, архидиакон, Апостол от семидесяти, был привлечен к суду синедрiona и побит камнями за христианскую проповедь в Иерусалиме около 33–36 года.

¹⁰¹ Исаия – один из великих библейских пророков, выходец из знатной священнической семьи, жил в VIII века до н. э. Пророчествовал в царство Озии, Иоафама, Ахаза, Езекии и Манассии. Святой пророк Исаия имел также и дар чудотворения. Когда во время осады Иерусалима врагами осажденные изнемогали от жажды, он своей молитвой извел из-под горы Сион источник воды, который был назван Силоам. Пророк Исаия скончался мученической смертью, по приказанию иудейского царя Манассии он был перепилен деревянной пилой.

¹⁰² Варнава – святой Апостол от семидесяти, основатель Кипрской Церкви, один из первых левитов, принявших Христианство

и поддерживавших апостольское учреждение «общение имений». Варнава («сын утешения») – прозвище, данное ему Апостолами за щедрые пожертвования в пользу христианской общины, настоящим именем Апостола было Иосия.

¹⁰³ Корнилий – римский сотник из Кесарии Палестинской, обращенный в Христианство и рукоположенный во епископа Апостолом Петром, священномученик. Согласно церковному преданию, Корнилий обратил жителей города Скепсии в Христианство чудом разрушения языческого храма.

¹⁰⁴ Иаков Зеведеев, Иаков Старший – один из двенадцати Апостолов, старший брат св. Иоанна Богослова. Убит царем Иродом Агриппой в Иерусалиме в 44 году.

¹⁰⁵ Сергей Павел – проконсул острова Кипр, обращенный святым Апостолом Павлом к вере во Христа и принявший крещение, увидев пораженного слепотой волхва Елиму, пытавшегося препятствовать его обращению.

¹⁰⁶ Иуда Фаддей (Иуда Иаковлев или Леввей) – один из двенадцати Апостолов, брат Иакова Алфеева, сын Алфея или Клеопы; проповедовал в Аравии, Палестине Сирии и Месопотамии. Умер мученической смертью во второй половине I века, в Армении. *Сила* – Апостол от семидесяти, сподвижник Апостола Павла.

¹⁰⁷ Тимофей (ок. 17 – ок. 80) – Апостол от семидесяти, первый епископ Эфеса, ученик Апостола Павла, священномученик.

¹⁰⁸ Акила и Прискила – еврейская семейная пара из Рима, обращенная в Христианство Апостолом Павлом. Они основали христианскую общину в Эфесе.

¹⁰⁹ Юний Галлион, Луций Анней Новат (ок. 1–65 г.) – проконсул в римской провинции Ахея (ок. 51–52 г.). Он отказался рассматривать обвинение иудеев против Апостола Павла в Коринфе.

¹¹⁰ Агав – Апостол из числа семидесяти, обладавший даром пророчества, мученически пострадал в Антиохии.

¹¹¹ Марк Антоний Феликс (5/10–?) – римский прокуратор Иудеи в 52–58 годах, был вольноотпущенником.

¹¹² Порций Фест – римский прокуратор Иудеи в 58–61 годах (или 60–62).

¹¹³ Агриппа II (27–93) – царь Иудеи, сын Ирода Агриппы I, внук Аристокбула, правнук Ирода Великого, последний правитель из династии Иродиад. Береника (28–?) – иудейская царица, дочь Ирода Агриппы I, сестра и соправительница Ирода Агриппы II.

¹¹⁴ Публий – начальник острова Мелита или Мальты. Апостол Павел во время своего пребывания на острове Мальте исцелил отца Публия, страдавшего горячкой и болью в животе.

¹¹⁵ Калигула, Гай Юлий Цезарь Август Германик (12–41) – римский император с 37 года, третий из династии Юлиев-Клавдиев.

¹¹⁶ Луций Анней Сенека, Сенека младший (4 г. до н. э. – 65 г.) – римский государственный деятель, философ-стоик, поэт, воспитатель Нерона.

¹¹⁷ Нерон Клавдий Цезарь Август Германик (37–68) – римский император с 54 года, последний из Юлиев-Клавдиев, прицепс Сената, трибун, великий понтифик, консул.

¹¹⁸ Климент I (ум. в 97 или 99 г.) – Апостол от семидесяти, четвертый епископ римский (с 88/90/92 по 97/99/101 г.), хиротонисан св. Петром.

¹¹⁹ Егезипп (II в.) в передаче Евсевия Памфила (Евсевия Кесарийского – ок. 263–340 г.), автора «Церковной истории».

¹²⁰ См.: Повесть Временных лет. – М.: Эксмо, 2007. – С. 30.

¹²¹ Тит Флавий Домициан (51–96) – последний римский император из династии Флавиев (с 81 г.), «вождь молодежи», великий понтифик, 9-кратный консул, цензор, 16-кратный трибун, авгур, член коллегии арвальских братьев.

¹²² Марк Кокцей Нерва (30–98) – римский император с 96 по 98 г.), основатель династии Антонинов, юрист, актер, поэт.

¹²³ Игнатий Богоносец, Игнатий Антиохийский (ум. в 107 г.) – муж апостольский, ученик св. Иоанна Богослова, священномученик, третий епископ Антиохийский (предположительно с 68 г.).

¹²⁴ Поликарп (ок. 70–156) – святой, муж апостольский, ученик св. Иоанна Богослова, епископ Смирнский, критик гностицизма; спорил с папой Аникитой о времени проведения Пасхи.

¹²⁵ Марк Ульпий Нерва Траян (53–117) – римский император из династии Антонинов (с 98 г.), великий понтифик, консул 6 раз.

¹²⁶ Марк Аврелий Антонин (121–180) – римский император из династии Антонинов, философ-стоик.

¹²⁷ Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик, Клавдий I (10 г. до н. э. – 54 г. н. э.) – римский император (с 41 г.) из династии Юлиев-Клавдиев, принцепс Сената, великий понтифик, трибун, пятикратный консул, цензор.

¹²⁸ Гессий Флор – прокуратор Иудеи с 64 г.

¹²⁹ Тит Флавий Веспасиан (старший), Веспасиан (9–79) – римский император с 69 года, основатель династии Флавиев, принцепс, за успешную войну в Британии получил звание консула, затем должность наместника в Африке, участвовал в подавлении восстания в Иудее.

¹³⁰ Тит Флавий Веспасиан, Тит (41–81) – римский император (79–81), сын Тита Флавия Веспасиана (старшего), консул, цензор, трибун, префект гвардии. Известен взятием и разрушением Иерусалима.

¹³¹ Публий Элий Траян Адриан (76–138) – римский император (117–138).

¹³² Евсевий Софроний Иероним (342–419/420) – святой, церковный писатель, создатель канонического латинского текста Библии, учитель Церкви.

¹³³ Гай Мессий Квинт Траян Деций (201–251) – римский император с 248 года.

¹³⁴ Ориген (ок. 185–254) – греческий богослов, философ, ученый, основатель библейской филологии, учитель Церкви, апологет Христианства. Далеко не все его богословские мнения приняты Церковью, например мнение о предсуществовании душ. В 543 году эдикт императора Юстиниана, осуждавший Оригена, был утвержден на Поместном Соборе в Константинополе.

¹³⁵ Тит Аврелий Фульвий Бойоний Аррий, Антонин Пий (86–161) – римский император (с 138 г.).

¹³⁶ Цельс (вторая половина II в.) – римский философ-платоник, критик Христианства.

¹³⁷ Гай Аврелий Валерий Диоклетиан (245–313) – римский император (284–305). С его правления начинается доминат. Он установил твердое правление, перестав быть лишь первым из сенаторов (принцепсом), и объявил себя полновластным правителем.

¹³⁸ Максимиан.

¹³⁹ Флавий Валерий Констанций Хлор (250–306) – римский император в 305–306 годах, отец Константина Великого, основатель династии Константинов.

¹⁴⁰ Гай Галерий Валерий Максимиан (ок. 250–311) – римский император (с 305 г.).

¹⁴¹ Вероятно, допущена опечатка: «высшее выражение» вместо «выражение высшей». – О. С.

¹⁴² Марк Аврелий Валерий Максенций (278–312) – римский император (с 306 г.), сын Максимиана и его жены-сирийки Евтропии.

¹⁴³ Флавий Галерий Валерий Лициниан, Лициний (250–325) – римский император с 308 по 324 год.

¹⁴⁴ Арий (256–336) – ересиарх, отрицавший Божественность Иисуса Христа, основоположник арианства.

¹⁴⁵ Осий, Осия (256–359) – святой, исповедник, епископ Кордубский, церковный деятель, посланник императора Константина в Александрию по умиротворению арианской ереси, участник Первого Вселенского собора и многих поместных, один из авторов никейского Символа веры. За неучастие в изгнании св. Афанасия Великого и непринятие арианства св. Осия был сослан в ссылку, где скончался от перенесенных страданий.

¹⁴⁶ Готы – германские племена скандинавского происхождения, жившие во II–IX веках, игравшие до VIII века значительную роль в истории Европы.

¹⁴⁷ Пафнутий Фиваидский – святой, подвижник IV века, пустынный, автор жития преподобных Иоанна, Ираклемона, Андрея и Феофила Оксирихских.

¹⁴⁸ Флавия Юлия Констанция, Констанция I (после 293–330) – дочь Констанция Хлора и Феодоры, сводная сестра императора Константина, жена императора Лициния, мать Валерия Лициния.

¹⁴⁹ Евсевий Никомедийский (ум. в 341 г.) – епископ Константинопольский (с 338 г.), участник Никейского Собора 325 года, защитник Ария.

¹⁵⁰ Собор в Тире состоялся в 335 году по делу Афанасия Александрийского. Собор несправедливо осудил св. Афанасия по обвинению в участии в убийстве мелетианского епископа Арсения, в результате он был сослан в Трир, откуда возвращен после смерти Константина в 337 году.

¹⁵¹ Константин II (316–340) – цезарь с 317 года, старший сын Константина Великого и Фаусты.

¹⁵² Констант (323–350) – третий сын Константина Великого и Фаусты.

¹⁵³ Констанций II, Флавий Юлий Констанций (317–361) – римский император с 337 года, десятикратный консул, сын Константина Великого, сторонник ариан.

¹⁵⁴ Флавий Клавдий Юлиан, Юлиан Отступник (331/332–363) – римский император (с 361 г.) династии Константина, ритор, философ.

¹⁵⁵ Папа Юлий (337–352) созвал в 340 году в Риме Собор, который полностью оправдал св. Афанасия Великого.

¹⁵⁶ Магн Магненций (ум. в 353 г.) – римский император (с 350 г.), франк, родом из Галлии.

¹⁵⁷ Антоний Великий, преподобный (около 251–356) – святой, преподобный, раннехристианский подвижник и пустынный, основатель отшельнического монашества.

¹⁵⁸ Илларион Великий (288–372) – святой, основатель нескольких монастырей, проповедник монашества в Палестине, современник и почитатель св. Антония Великого.

¹⁵⁹ Савва Освященный (439–532) – святой, создатель Иерусалимского богослужебного устава, используемого по настоящее время в православных церквях.

¹⁶⁰ Павел Фивейский, Павел Египетский, Павел Отшельник (умер ок. 341 г.) – святой, проживший по преданию 91 год в отшельничестве, скончавшийся во время молитвы, чему свидетелем был св. Антоний. Хотя св. Павел Фивейский не основал ни одной обители, его жизнь стала образцом для отшельнических монашеских обителей.

¹⁶¹ Бенедикт Нурсийский (480–547) – святой, родоначальник западного монашества.

¹⁶² Василий Великий, Василий Кесарийский (330–379) – святитель, архиепископ Кесарии Каппадокийской, богослов, составитель Литургии, автор многочисленных проповедей и писем, сторонник киновии (монашеского общежития).

¹⁶³ Григорий Богослов (329–389) – святитель, Отец Церкви, архиепископ Константинопольский, близкий друг и сподвижник св. Василия Великого.

¹⁶⁴ Святая Емилия (ум. в 379 г.) – мать святителя Василия Великого и еще девяти детей, пять из которых Православной Церковью причислены к лику святых: святитель Василий Великий, преподобная Макрина, которая вместе с матерью построила обитель в Понте, святитель Григорий Нисский, святитель Петр, праведная Феозва, диаконисса.

¹⁶⁵ Святая Нонна (ум. после 374 г.) – мать святителя Григория Богослова.

¹⁶⁶ Святая Моника (331–387) – мать св. Августина Иппонского (Блаженного Августина).

¹⁶⁷ Федор Тирон – св. мученик, воин. Убит в городе Амасии, в Понтийской области во время гонения императора Максимиана (286–305) вместе с другими христианами за отказ отречься от Христа и принести жертву идолам.

¹⁶⁸ Флавий Клавдий Иовиан (330/331–364) – римский император (с 363 г.), восстановивший в правах Христианство после гонений Юлиана Отступника. Через 7,5 месяцев после начала правления император умер при обстоятельствах, до конца не выясненных.

¹⁶⁹ Лабарум – государственное знамя императорского Рима с монограммой Иисуса Христа (хризмой) на конце древка и надписью на полотнище: «Нос vinse» (слав. «Сим побеждай», букв. «Этим побеждай»). Лабарум введен впервые императором Константином Великим, видевшем накануне битвы у Мильвийского моста знамение креста на небе.

¹⁷⁰ Флавий Юлий Валент (328–378) – римский император (с 364 г.), поборник арианства, младший брат и соправитель императора Валентиниана I.

¹⁷¹ Иосиф, Иосиф Прекрасный – сын праотца Иакова и Рахили, проданный братьями в рабство, в результате оказался в Египте. В темнице, куда попал по навету жены своего хозяина, истолковал вещи сны фараона об урожайных и голодных годах, что помогло избежать голода. Фараон сделал Иосифа своим наместником. В голодные годы Иосиф встретился со своей семьей, но не держал зла на братьев.

¹⁷² Ефрем Сирин (306–373) – святой, один из великих учителей Церкви IV века, церковный писатель, экзегет, хорошо знавший не только произведения христианских ученых, но и «эллиническую мудрость», и языческую мифологию, и начала естествознания того времени, еврейский язык, этнографию и географию Палестины.

¹⁷³ Домиций Модест – политик, префект претории Востока (369–377 гг.), консул Римской империи (372 г.).

¹⁷⁴ Шестоднев (Беседы на Шестоднев) – толкования первых глав книги Бытия, состоявшие обыкновенно из шести отдельных трактатов, по числу шести дней творения мира.

¹⁷⁵ Руфин, Тураний или Тиранний (345–410) – церковный писатель, монах-пустынный, пресвитер, историк, почитатель Оригена.

¹⁷⁶ Феодосий I Великий (346–395) – святой, соправитель императора Грациана (с 379 г.), последний император единой Римской империи (с 394 г.), утвердил законом никейский Символ веры в качестве государственного вероисповедания, прекратив господство арианства, запретив языческие культы. При нем прошел Второй Вселенский Собор (381 г.).

¹⁷⁷ Евномий (ум. в 398 г.) – представитель крайнего арианства (аномейская ересь), учил, что Иисус Христос не единосущен, не подобен Отцу, отрицал божественность Спасителя.

¹⁷⁸ Македоний – епископ Константинопольский (с 341 или 342 г.), арианин, затем аномей, последователей его называют также духоборцами.

¹⁷⁹ Мелетий I Антиохийский (ум. в 381 г.) – святитель, архиепископ, был вызван императором Констанцием в Антиохию для защиты от арианской ереси, рукоположил во диаконы будущего святителя Василия Великого, крестил св. Иоанна Златоуста, автор богословского трактата «Изложение веры», который способствовал обращению к Православию многих ариан; немало пострадал от ариан при Констанции, при Юлиане Отступнике скрывался, возвращенный императором Иовианом в 363 году; участвовал во Втором Вселенском Соборе 381 года, во время которого скончался.

¹⁸⁰ Флавиан (ум. в 449 г.) – святитель, исповедник, патриарх Константинопольский (447–449). В 448 году святитель Флавиан созвал Поместный Собор в Константинополе для рассмотрения ереси Евтихия (монофизитской ереси), утверждавшего, что в Иисусе Христе есть только одно естество – божественное. За осуждение ереси был избит и изгнан на Разбойничьем «соборе» в Эфесе, где Евтихий был оправдан. Ересь Евтихия была осуждена на Четвертом Вселенском Соборе в 451 году.

¹⁸¹ Исидор Пелусиотский (ум. ок. 449 г.) – святой, пустынный, ученик и защитник св. Иоанна Златоуста, автор богословских сочинений, проповедник; боролся против арианства, во время обострения споров с несторианами убедил Феодосия II созвать Третий Вселенский Собор.

¹⁸² Аркадий (377–408) – император Восточной Римской империи, старший сын императора Феодосия I и Флациллы, муж печально известной Евдоксии, гнавшей св. Иоанна Златоуста.

¹⁸³ Феофил – патриарх Александрийский (с 380 по 412 г.), распространитель Христианства, разрушитель храма Сераписа, гонитель св. Иоанна Златоуста.

¹⁸⁴ Элия Евдоксия (ум. в 404 г.) – супруга императора Аркадия, дочь полководца римской армии Баутона, преследовательница св. Иоанна Златоуста, обличавшего ее беззакония.

¹⁸⁵ Иезавель – жена израильского царя Ахава, дочь сидонского царя Ефваала, служительница и распространительница культа

Ваала и Астарты в среде израильского народа. О борьбе пророка Илии с Иезавелью и насаждением идолопоклонства повествует 3-я книга Царств.

¹⁸⁶ Иродиада (ок. 15 до н. э. – после 39 н. э.) – внучка Ирода Великого, дочь Аристокбула, жена Ирода Филиппа I, сожительница его брата, Ирода Антипы, виновница казни св. Иоанна Крестителя.

¹⁸⁷ Адельфий Онифисский (Египетский) (ум. в 337–361) – епископ, исповедник.

¹⁸⁸ Василиск, святой мученик, племянник святого мученика Феодора Тирона, пострадал с Евтропием и Клеоником во время гонения на христиан императора Максимиана Галерия (305–311).

¹⁸⁹ Прокл (ум. в 446/447 г.) – архиепископ Константинопольский, ученик св. Иоанна Златоуста, рукоположившего его во диакона и пресвитера, свидетель явления Апостола Павла святителю Иоанну Златоусту.

¹⁹⁰ Феодосий II (401–450) – император Восточной Римской империи с 406 года, соправитель своего отца Аркадия, с 408 года – единоличный правитель Империи.

¹⁹¹ Григорий Нисский (335–после 394) – святой, епископ, богослов, экзегет, младший брат св. Василия Великого, друг св. Григория Богослова.

¹⁹² Кирилл Александрийский (376–444) – святой, египетский экзегет, критик несторианства, Отец Церкви.

¹⁹³ Епифаний Кипрский, Саламский (ум. в 403 г.) – святой, Отец Церкви, защитник Православия от арианства и других ересей.

¹⁹⁴ Несторий (381 – ок. 451) – церковный деятель, архиепископ Константинопольский в 428–431 годах, родоначальник несторианской ереси, согласно которой Пресвятая Дева Мария именовалась Христородицей, а не Богородицей, поскольку Несторием разделялись два естества Богочеловека Иисуса Христа. Несторианство было осуждено на Третьем Вселенском Соборе в 431 году.

¹⁹⁵ Целестин I, Келестин (ум. в 432 г.) – святой, папа Римский (422–432), защитник Православия от несторианства.

¹⁹⁶ Пульхерия (399–453) – святая, регент Византийской империи при своем младшем брате императоре Феодосии II (414–421), после его смерти – правительница (450–453) вместе со своим супругом императором-полководцем Маркианом.

¹⁹⁷ Диоскор (ум. в 454 г.) – патриарх Александрийский, защитник ереси Евтихия (монофизитства).

¹⁹⁸ Лев, Лев Великий (ум. в 461 г.) – святой, папа Римский, церковный писатель, защитник Православия против манихейства и евтихианства, святительствовал в течение 21 года, спасал Рим от разорения Аттилы, предводителя гуннов, в 452 году и от Гензериха, короля вандалов, в 455 году.

¹⁹⁹ Анатолий, патриарх Константинопольский (вторая половина IV в. – 458) – святитель, философ, сподвижник св. Кирилла Александрийского, участник Третьего Вселенского Собора в 431 году, осудившего несторианство, защитник Православия от монофизитства, один из инициаторов и активных участников Четвертого Вселенского Собора, осудившего эту ересь, автор 28 правила Четвертого Вселенского Собора о равночестности Константинопольского патриаршего престола престолу Старого Рима, автор стихир на воскресные дни на Господские праздники (Рождество Христово, Богоявление) и дни мучеников (святому Пантелеимону Целителю, святому Георгию Победоносцу, святому Димитрию Солунскому).

²⁰⁰ Флавий Петр Савватий Юстиниан, Юстиниан I (483–565) – византийский император с 527 года.

²⁰¹ Констант II (630–668) – византийский император с 641 года, сын Константина III, внук Ираклия.

²⁰² Мартин Исповедник (ум. в 655 г.) – папа Римский (649–653), защитник Православия от монофелитской ереси, которую вместе с промонофелитским эдиктом императора Константа II осудил на Латеранском Соборе 649 года, за что подвергся покушению на убийство и ссылке.

²⁰³ Максим Исповедник (580–662) – святой, монах, богослов, философ, защитник Православия от монофелитства.

²⁰⁴ Андрей Критский, Андрей Иерусалимский (650–712/726) – святитель, богослов, проповедник, автор духовных гимнов.

²⁰⁵ Иоанн Дамаскин, Мансур (675 – ок. 753/780) – святой, Отец Церкви, богослов, философ, гимнограф, защитник Православия от иконоборчества и многих других ересей, автор «Точного изложения православной веры».

²⁰⁶ Валентиниан I (321–375) – римский император с 364 года, правил западной частью империи, доверив восточную часть своему младшему брату Валенту (328–378).

²⁰⁷ Валентиниан II, Флавий Валентиниан (371–392) – римский император, сын императора Валентиниана I и Юстины, номинальный соправитель Западно-Римской империи (375–383) при старшем

брате, императоре Грациане; в 383–388 годах – при Магне Максиме; затем до 390 года при Феодосии Великом, затем при военачальнике Арбогасте.

²⁰⁸ Симмах (345–405) – древнеримский писатель, политический деятель, консул, префект, защитник язычества и государственного финансового покровительства служителям языческого культа.

²⁰⁹ Абу Бакр Абдаллах ибн Усман ибн Амир Кааб ибн Саад ибн Мурра ат-Тайи (572–634) – первый халиф, сподвижник, тесть Магомета.

²¹⁰ Омар, Умар ибн Хаттаб (581–644) – второй халиф (с 634 г.), завоеватель Иерусалима и Египта.

²¹¹ Птолемеи (Лагиды) – династия египетских правителей в IV–I веках до н. э. Основана преемником Александра Македонского Птолемеем I.

²¹² Лев III Исавр – византийский император-иконоборец (717–741).

²¹³ Герман I (ум. в 740 г.) – святитель, патриарх Константинопольский (715–730), защитник Православия от иконоборчества.

²¹⁴ Анастасий (ум. в 754 г.) – патриарх Константинопольский (730–754), иконоборец, признавший затем почитание икон.

²¹⁵ Григорий II (669–731) – папа Римский (715–731), миссионер Англии, Германии, Ирландии, защитник Православия от иконоборчества.

²¹⁶ Григорий III (ум. в 741 г.) – папа Римский с 731 года.

²¹⁷ Константин V Копроним (718–775) – византийский император с 741 года, сын императора Льва III, **иконоборец, инициатор созыва Иконоборческого Собора в 754 года.**

²¹⁸ Лев IV Хазар (750–780) – византийский император (с 775 г.) Исаврийской династии, сын Константина V, отец Константина VI.

²¹⁹ Ирина (752–803) – святая, византийская императрица (797–802 гг.) Исаврийской династии, первая женщина в истории Византии, правившая от своего имени, жена императора Льва IV Хазара, мать Константина VI. При императрице Ирине было восстановлено иконопочитание на Седьмом Вселенском Соборе в 787 году.

²²⁰ Тарасий (730–806) – святой, патриарх Константинопольский с 784 года, председатель Седьмого Вселенского Собора в 787 году; отстаивал иконопочитание.

²²¹ Лев V Армянин, Левон Арцруни (ум. в 820 г.) – император Византии (с 813 г.), иконоборец.

²²² Михаил II Травл (ум. в 829 г.) – византийский император с 820 года, основатель Аморийской династии.

²²³ Феофил (813–842) – византийский император (с 829 г.) из Аморийской династии.

²²⁴ Феодор Студит (759–826) – святой, византийский монах, писатель, церковный деятель, создатель строгого монастырского общежительного устава, родственник св. Романа Сладкопевца.

²²⁵ Феодора (815–867) – святая, византийская императрица, жена императора-иконоборца Феофила, в 842–856 годы – регентша при своем сыне, императоре Михаиле III; **инициировала созыв Константинопольского Собора 842 года**, восстановившего иконопочитание.

²²⁶ После Константинопольского Собора 842 года, восстановившего иконопочитание, Феодора устроила церковное торжество, пришедшееся на первое воскресенье Великого поста. К XII веку сложился особый чин Торжества Православия, к XIV веку он был дополнен текстами, содержащими православные догматы, провозглашалось торжество Церкви над ересями, утверждались постановления семи Вселенских Соборов, анафематствовались лица, совершившие тяжкие прегрешения перед Православной Церковью. В России чин Торжества Православия был введен в XIV веке, к нему были добавлены имена русских еретиков. С 1801 года стали только перечисляться ереси. К 1917 году чин Торжества Православия включал в себя двенадцать общих анафематизмов.

²²⁷ Козьма Иерусалимский, Косма Маюмский (VIII в.) – византийский церковный поэт, автор многих богослужебных канонов, епископ Маюмский с 743 года, сподвижник и предположительно – брат св. Иоанна Дамаскина.

²²⁸ Кассия Константинопольская (805 – после 867) – преподавательница, основательница женского монастыря в Константинополе, поэтесса, гимнограф.

²²⁹ Меропий.

²³⁰ Фрументий (ум. в 360 г.) – святой, епископ, рукоположенный св. Афанасием Великим, просветитель Эфиопии, воспитатель эфиопского царя Айзана, переводчик Евангелия на эфиопский язык.

²³¹ Нина (предположительно 300–335) – святая, равноапостольная, просветительница Грузии.

²³² Царица Нана, супруга царя Мириана (Мириан III (IV в.) – святой, царь Иберии, установивший Христианство в качестве государственной религии).

²³³ Евстафий Антиохийский (ум. в 337 или 346 г.) – святитель, архиепископ Антиохийский, Отец Церкви, борец против арианства.

²³⁴ Григорий Просветитель, Григорий Парфянин, Григорий Армянский (ок. 252 – 326) – святой, епископ, просветитель Армении.

²³⁵ Исаак Великий, Саак I, Исаак Партев (358–459) – 10-й армянский католикос, просветитель Армении, с его деятельностью связано создание армянской азбуки и начало перевода Библии на армянский язык, автор проповедей и праздничных духовных гимнов.

²³⁶ Гай Юлий Цезарь (102–44 до н. э.) – древнеримский государственный и политический деятель, полководец, писатель.

²³⁷ Крискентий, Криск – святой, Апостол от семидесяти, мученик, сподвижник и ученик св. Апостола Павла.

²³⁸ Иринеи Лионский (ок. 130 – ок. 202) – святой, епископ Лионский, один из первых Отцов Церкви, богослов.

²³⁹ Потин (ум. в 177/178 г.) – святой, епископ Лионский, ученик св. Поликарпа Смирнского, мученик, пострадавший при императоре Марке Аврелии.

²⁴⁰ Хлодвиг I, Клодвиг I (466 –511) – король франков (с 481 г.), сын короля Хильдерика I из рода Меровингов, основатель Франкского королевства; в 496 году Хлодвиг принял Христианство, при нем была написана «Салическая правда».

²⁴¹ Григорий I Великий, Григорий Двоеслов (ок. 540–604) – святой, папа Римский (с 590 г.).

²⁴² Августин Кентерберийский (ок. 1-й трети VI в. – 604) – первый архиепископ Кентерберийский, просветитель Англии.

²⁴³ Этельберт (ок. 552–616) – король Кента (с 591 г.), первым из кентских королей принявший Христианство.

²⁴⁴ Патриарх Фотий I (ок. 820–891) – святой, Константинопольский патриарх (857–867 и 877–886), ученый, учитель св. Кирилла (просветителя славян), богослов, Отец Церкви, настаивал на неприкосновенности никео-царьградского Символа веры, отвергая латинское искажение (*filioque* – «и от Сына»), признавал независимость и равенство обеих Церквей (Западной и Восточной).

²⁴⁵ Атила (ум. в 453 г.) – вождь гуннов с 434 года, покоривший варварские племена от Рейна до Северного Причерноморья.

²⁴⁶ Аларих I – вождь и первый король вестготов в 382–410 годах.

²⁴⁷ Иероним Стридонский.

²⁴⁸ Лев I Великий (390–461) – святитель, папа Римский с 440 года, ученик св. Целестина Римского, защитник Православия против манихейства.

²⁴⁹ Гейзерих (ок. 389–477) – король вандалов с 428 года, создатель государства вандалов и аланов северной Африке.

²⁵⁰ Игнатий (ок. 797–877) – святитель, патриарх Константинопольский (847–858 и 867–877), сын императора Михаила I и дочери Никифора I, Прокопии.

²⁵¹ Варда (ум. в 866 г.) – византийский государственный деятель, регент (856–866) при малолетнем императоре Михаиле III.

²⁵² Николай I Великий (ум. в 867 г.) – папа Римский с 858 года, сторонник усиления папской власти и главенства папы над остальными епископами; канонизирован Католической церковью.

²⁵³ *Filioque* (лат.) – «и от Сына». **Добавление, сделанное Западной (Римской) церковью в никео-царьградский Символ веры, в догмате Троицы: об исхождении Святого Духа не только от Бога-Отца, но «и от Сына».**

²⁵⁴ Окончательное разделение произошло так: патриарх Константинопольский Михаил (1000–1059) в 1053 году отправил послание папе Льву IX (1002–1054), где назывались отступления Церкви Западной от Восточной: совершение Евхаристии на опресноках, пост в субботу, отсутствие постов в среду и пятницу, прибавка к никео-царьградскому Символу веры об исхождении Святого Духа и от Сына, celibат (безбрачие) священников и т. д. Папа в 1054 году отправляет ответное послание, где настаивает на удержании прав, ранее присвоенных папами, а также изъясняет притязания на расширение своей власти. Лев IX анафематствует патриарха Михаила, который в ответ на это созывает Собор, анафематствовавший легатов и буллу.

²⁵⁵ Речь идет о святом Несторе Летописце (XI–XII вв.) – монахе Киево-Печерского монастыря, агиографе, авторе житий святых князей Борис и Глеба, св. Феодосия Печерского.

²⁵⁶ Первая часть произведения представляет собой перевод работы профессора Лилли «Христианская революция».

Победа, победившая мир

Печатается по тексту: *Победоносцев К. П. Победа, победившая мир.* – М.: Синодальная типография, 1895. – 96 с. Произведение

издавалось в 1895 году четыре раза, затем публиковалось в 1896, 1897, 1898 и 1905 годах.

²⁵⁷ Ин. 1:14.

²⁵⁸ Лк. 12:49.

²⁵⁹ Ипполит Римский (ок. 170– ок. 235) – святой мученик, церковный писатель.

²⁶⁰ Климент Александрийский (ок. 150 – ок. 215) – святой, апологет Христианства, проповедник, основоположник Александрийской богословской школы.

²⁶¹ Мф. 6:15.

²⁶² Мф. 5:45.

²⁶³ Мф. 5:48.

²⁶⁴ См.: Мф. 6:26, 28–30.

²⁶⁵ Мф. 7:11.

²⁶⁶ Гал. 2:20.

²⁶⁷ Аврелий Пруденций Клемент (348 – после 405) – римский государственный деятель при дворе императора Гонория и Феодосия, христианский поэт, автор произведения «Peristephanon», восхвалявшего христианских мучеников.

²⁶⁸ Феофил Антиохийский (ум. в 180 / 181 г.) – святитель, епископ Антиохийский с 169 года, апологет Христианства, критик гностицизма.

²⁶⁹ Так в оригинале. Согласно преданию, Спаситель был распят в тридцатитрехлетнем возрасте, следовательно, в 34 году. – О. С.

²⁷⁰ Миланский (Константинов) эдикт – документ императоров Константина и Лициния, изданный в 313 году и провозглашавший религиозную терпимость в Римской империи, все религии уравнивались в правах, язычество переставало быть государственной религией, христианам возвращалась собственность, отнятая во время гонений, тем, кто владел ею после христиан, выплачивалась компенсация. Эдикт цитируется Лактанцием в работе «О смерти гонителей», оригинальный текст эдикта утрачен.

²⁷¹ *Манихейство* – религиозное эзотерическое (тайное) учение пантеистического толка, основанное Манесом (ок. 216 – ок. 277 гг.) на Ближнем Востоке, включало в себя элементы халдейско-вавилонских, персидских, гностических, иудейских и христианских учений. Манихейство связывало зло с материей, а добро – с духом; мировая история – борьба добра и зла. Согласно манихейству, при

нападении тьмы на свет часть света была пленена тьмой, поэтому необходимо освободить плененный свет. Согласно манихейству, человек сотворен дьяволом, но содержит в себе элементы света. Наследниками манихейского учения о дуализме добра и зла стали павликиане, богомилы, катары. Иегову манихеи считают дьяволом, а змия, искушавшего человека в раю, – Иисусом. Земную жизнь манихеи называли злом, отсюда отрицание государства, отрицание семьи. Деторождение (но не сожительство) считалось грехом против света и помощью злему духу, поскольку при этом частички света раздроблялись, препятствуя их извлечению из мира (что перекликается с представлениями Бердяева о «дроблении индивидуальности» при рождении человека). Во многом элементы манихейства содержатся в учении представителей «нового религиозного сознания» в России, выступавших с критикой «официальной» Православной Церкви и ее учения (Н. А. Бердяев, Вл. С. Соловьев, В. В. Розанов, Л. Н. Толстой). Учение имело ряд степеней посвящения, высшие степени строго хранили тайну своего знания даже от низших степеней своей секты. *Пелагианство* – христианская секта IV–V веков, основанная Пелагием, отрицавшая учение о первородном грехе и Божьем Промысле, считавшая возможным спасение человека собственными силами и заслугами. Блаженный Августин некоторые свои сочинения посвятил защите Православия от пелагианства, утверждая, что человеческая природа повреждена первородным грехом, для спасения необходима Божья благодать и следование Христу. Карфагенский Собор в 411 году осудил Целестия – ученика Пелагия – как еретика за учение о том, что Адам умер бы и без греха, что его грех причинил зло только ему самому, что дети рождаются без первородного греха, что люди умирают не из-за грехопадения Адама, а воскресают не вследствие воскресения Христа. Пелагий и Целестий были осуждены папой Иннокентием I в 417 году, затем реабилитированы новым папой Зосимом, затем в 418 году африканские епископы добились осуждения Пелагия и Целестия римскими властями. В 431 году Пелагий был осужден на Эфесском Соборе. Отголоски пелагианства прослеживаются во многих религиозных и философских течениях последующего времени: в V–VI века в Галлии существовало полупелагианство, пытавшееся примирить учение Пелагия с учением св. Августина, осужденное на Соборе в Оронте в 529 году; некоторые протестантские учения эпохи Реформации, утверждавшие спасение делами; рационалистическая философия XVIII века; «новое

религиозное сознание» в России рубежа XIX–XX веков, отрицавшая или преуменьшавшая заслуги Иисуса Христа в спасении человечества. *Донатисты* – антигосударственное религиозное движение в римской Северной Африке IV–V веков, возникшее в 311 году, когда часть африканских церквей с епископом Донатом во главе отказалась признать вновь избранного карфагенского епископа Цецилиана. Карфагенский Собор 411 года осудил донатизм.

²⁷² Варрон Марк Теренций, Варро (116–27 гг. до н. э.) – римский ученый-энциклопедист, писатель, близкий по взглядам к киникам, стоикам и пифагорейцам.

²⁷³ *Неоплатонизм* – направление античной философии III–VI веков, соединившее элементы философии Платона, Аристотеля с пантеистическими восточными учениями и принципом единобожия. Идеи неоплатонизма были разработаны *Плотин*ом (204/205–70), включив в себя платоновскую триаду Единое–Ум–Душа и идею ее воплощения в природе и космосе, идею божества как неизъяснимой и непостижимой первосущности, порождающей все путем эманации («излияния»), идею дуализма духа и плоти, перехода от высшего идеала к разобщенной материи, идею «мировой души», соединяющей все души, идею знания как воспоминания, идею освобождения души человека от рабства материи при помощи мистически-интуитивного познания божества и соединения с ним через эстетику, любовь к «подлинно прекрасному» (платоновский эрос), аскетику, отвлеченное, «абстрактно-математическое» мышление, чистое, отстраненное умозрение и экстатические состояния, идею восхождения души к своему истоку (неоплатоническая сотериология).

²⁷⁴ Венера – в римской мифологии богиня весны, плодородия, любви.

²⁷⁵ Сократ (ок. 469–399 до н. э.) – древнегреческий философ.

²⁷⁶ Аристотель (384–322 до н. э.) – древнегреческий философ и ученый, основоположник формальной логики, разработчик теории познания, согласно которой научное знание приобретает не только с помощью ощущений и восприятий, поскольку все вещи имеют изменчивый характер, но и при помощи понятий, постигающих сущность вещи. Согласно Аристотелю, душа – энтелехия (осуществление) тела, имматериальна, нетелесна, бессмертна. Метафизика Аристотеля стала основой схоластического метода средневекового богословия.

²⁷⁷ См.: Мф. 5.

²⁷⁸ *Юпитер* – в древнеримской мифологии царь богов, верховное божество римлян, бог неба, дневного света, грозы, соответствующий греческому Зевсу. Храм Юпитера располагался на Капитолии. Высшим жрецом храма был великий понтифик, с 753–712 гг. до н. э. эту должность занимали цари, позднее Великими (Верховными) понтификами стали называть римских пап.

²⁷⁹ Фламины – древнеримские жрецы божеств и обоготворенных императоров.

²⁸⁰ Каин – старший сын Адама и Евы (Быт. 4), убийца своего брата Авеля.

²⁸¹ Сиф (род. в 130 г. от сотворения мира) – третий сын Адама, родившийся после убийства Каином Авеля (Быт. 5:3).

²⁸² Речь идет о Протагоре (ок. 490 до н. э. – ок. 420 до н. э.), древнегреческом философе-софисте, сенсуалисте, считавшем, что мир таков, каким он представляется чувствам человека, автор утверждений, что «человек есть мера всех вещей существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют» («Опровергающие речи») и что «о богах невозможно сказать ни что они существуют, ни что их не существует» («О богах»). Эти идеи были унаследованы как философией Просвещения, так и современной идеологией постмодернизма.

²⁸³ Марк Порций Катон Старший (234 до н. э. – 149 до н. э.), прадед Марка Порция Катона Младшего, современника Юлия Цезаря – государственный деятель, воин, безвозмездный защитник обвиняемых на римском форуме, писатель.

²⁸⁴ Квинт Гораций Флакк (65 до н. э. – 8 до н. э.) – древнеримский поэт «золотого века литературы», эпохи гражданских войн конца республики и начала правления Октавиана Августа.

²⁸⁵ См.: Пс. 115:7, 8.

²⁸⁶ Вселенской.

²⁸⁷ Пс. 4:3.

²⁸⁸ Пс. 4:5.

²⁸⁹ Пс. 4:9.

²⁹⁰ Гервасий и Протасий – святые мученики I–II веков, близнецы, сыновья св. мучеников Виталия и Валерии, пострадавшие во времена императора Нерона (по некоторым данным – Марка Аврелия).

²⁹¹ Пс. 100:1.

²⁹² Βαλανεῖον (греч.) – купальня.

Вопросы жизни

Печатается по тексту: *Победоносцев К. П.* Вопросы жизни // Сочинения. – СПб.: Наука, 1996. – С. 172–200, что является перепечаткой издания книги: Вопросы жизни. – М.: Синодальная типография, 1904. Авторство установлено А. И. Пешковым на основании переписки К. П. Победоносцева с С. Д. Войтом (См.: Победоносцев К. П. Сочинения. – СПб.: Наука, 1996. – С. 200). Произведение было также опубликовано в 2001 году (в сборнике «Тайный правитель России»).

²⁹³ Тит Лукреций Кар (ок. 99 до н. э. – 55 до н. э.) – римский поэт, философ, последователь Эпикура, сторонник атомистического материализма, автор философской поэмы «О природе вещей». Погиб в результате самоубийства, бросившись на меч.

²⁹⁴ Агамемнон – в древнегреческой мифологии микенский царь, предводитель ахейского войска Троянской войны, герой «Илиады» Гомера.

²⁹⁵ Ифигения – в древнегреческой мифологии дочь микенского царя Агамемнона, принесенная отцом в жертву богине Артемиде ради благополучия греческого войска, отплывшего к Трое.

²⁹⁶ Диана – в древнеримской мифологии богиня луны.

²⁹⁷ Варфоломеевская ночь – массовое убийство гугенотов католиками в Париже в ночь на праздник св. Варфоломея, отмечающийся 24 августа 1574 года.

²⁹⁸ Пороховой заговор – заговор английских католиков, завершившийся неудачной попыткой взорвать здание британского парламента 5 ноября 1605 года во время тронной речи короля Якова I, симпатизировавшего протестантам и осуществлявшего репрессии против католиков.

²⁹⁹ Анабаптисты, перекрещенцы (самоназвание – крещеные, крещенцы) – религиозная секта XVI века, распространившаяся в Германии, Нидерландах и Швейцарии, призывавшая к повторному крещению в сознательном возрасте. Некоторые представители радикального анабаптизма придерживались идеи общности имущества и общности женщин, некоторые – идей пацифизма. Учение умеренного анабаптизма унаследовали современные меннониты и баптисты.

³⁰⁰ Кадуцей – в античной мифологии магический жезл, обвитый двумя змеями, принадлежащий Меркурию или Гермесу.

³⁰¹ Речь идет о римо-католичестве.

³⁰² Мартин Лютер (1483–1546) – инициатор Реформации, переводчик Библии на немецкий язык, основатель лютеранства, протестантского течения, полагающего спасение только в вере, пассивно принимаемой благодати и Писании (поскольку с грехопадением человек якобы способен только ко злу и не несет ответственность за свои поступки), отвергающего Предание, Вселенские Соборы, святоотеческое наследие, утвердив авторитет толкования Писания за Лютером. Дела человека, согласно Лютеру, не имеют значения. Таинства воспринимаются лютеранством только символически, как знаки, возбуждающие веру в человеке, но не дающие благодати.

³⁰³ Кальвин Жан (1509–1564) – деятель Реформации, основатель кальвинизма, согласно которому одни люди предопределены Богом ко спасению, другие – к гибели, вне зависимости от их духовного состояния и дел. Принятие или отвержение благодати, по мнению кальвинистов, совершается помимо воли человека.

³⁰⁴ Пуритане – последователи кальвинизма в Англии в XVI–XVII веках, выступавшие за усугубление Реформации, требуя заменить епископов выборными старейшинами, ввести проповеди вместо мессы, избавиться от обрядов и украшений в церкви. Пуритане разделились на три толка: умеренного (пресвитериане), радикального (индепенденты) течений и левеллеров, включавших в себя низшие слои общества. Пуританизм послужил идейным основанием революции 1640–1649 годов в Англии.

³⁰⁵ Минерва – в древнеримской мифологии богиня мудрости, искусства и ремесел, аналог древнегреческой богини Афины.

³⁰⁶ *Mutato nomine de te fabula narratur* (лат.) – Басня рассказывает о тебе, изменено только имя.

³⁰⁷ Здесь имеется в виду Великая хартия вольностей, подписанная английским королем Иоанном Безземельным (1199–1216) 15 июня 1215 года.

³⁰⁸ Речь идет о создании парламента в Англии в 1265 год, во время царствования короля Эдуарда I (1272–1307).

³⁰⁹ Статут о купцах (*de mercatoribus*) был издан в 1283 году в Актон Бэрнелл королем Эдуардом I. Документ посвящен обеспечению быстрой судебной защиты прав купцов-кредиторов против задолжников-покупателей. Статут касался английских и иностранных купцов, но не защищал ростовщиков, поскольку в

его тексте было прописано, что речь идет о платежах за проданные в долг товары.

³¹⁰ Война Алой и Белой розы – война сторонников двух ветвей династии Плантагенетов, Йорков-Ланкастеров в 1455–1487 годах, завершившаяся победой Генриха Тюдора (из Ланкастеров), основавшего династию, которая правила в Англии 117 лет.

³¹¹ Тюдоры – королевская династия в Англии, правившая в 1485–1603 годах, потомки уэльского дворянского рода, предки которого известны с I века.

³¹² Стюарты – династия шотландских (1371–1651, 1660–1707 гг.), английских (1603–1649, 1660–1694, 1702–1707 гг.), и ирландских (1603–1649, 1660–1694, 1702–1714 гг.) королей, а также королей Великобритании (1707–1714 гг.).

³¹³ Капетинги – третья (после Меровингов и Каролингов) династия королей Франции, происходящая из дома Робертинов, правившая с 987 по 1328 год (по боковым линиям до 1848 г.). Первый король династии – граф Гуго Капет, избранный после смерти бездетного Людовика V.

³¹⁴ Филипп II Август, Филипп Кривой (1165–1223) – французский король династии Капетингов (с 1180 г.), сын короля Людовика VII Молодого и Адель Шампанской.

³¹⁵ Легисты – «законники», юристы-законоведы, королевские советники в средневековой Франции, разрабатывавшие и проводившие в жизнь римское право, противопоставляя его обычному праву и праву каноническому (церковному).

³¹⁶ Генрих IV, Генрих Наваррский, Генрих Великий (1553–1610) – основатель французской королевской династии Бурбонов, король Наварры с 1572 года, король Франции с 1589 года (фактически с 1594 г.). В конце религиозных войн возглавлял партию гугенотов.

³¹⁷ Лабрюйер Жан де (1645–1696) – французский писатель, сатирик, моралист, воспитатель герцога Бурбонского, живший при его дворе.

³¹⁸ Юнг Артур (1741–1820) – английский писатель, редактор, агроном, путешественник, оставивший бесценные источники по истории Франции в предреволюционную эпоху.

³¹⁹ Contract Social (фр.) – общественный договор.

³²⁰ Наполеон I Бонапарт (1769–1821) – французский государственный деятель и полководец, первый консул Французской республики (1799–1804), император Франции (1804–1814)

и март – июнь 1815 г.), король Италии (с 1805 г.), протектор Рейнского союза (с 1806 г.).

³²¹ Третья республика была провозглашена во Франции 4 сентября 1870 года, во время осады Парижа прусскими войсками, и просуществовала до 1940 года.

³²² Комб Луи Эмиль (1835–1921) – государственный и политический деятель, глава французского правительства, проведшего ряд антиклерикальных мероприятий: подготовку законопроекта об отделении Церкви от государства (осуществлен в конце 1905 г.), закрытие некоторых католических конгрегаций, запрет деятельности религиозных обществ в области просвещения.

³²³ Филипп II (1527–1598) – испанский король из династии Габсбургов (1556), король Нидерландов, король Неаполя с 1554 года, король Португалии с 1580 года. Сын императора Священной Римской империи, короля Кастилии и Арагона Карла V (Карлоса I).

³²⁴ Вольтер, настоящее имя – Франсуа-Мари Аруэ (1694–1778) – французский философ эпохи Просвещения, основоположник вольтерьянства, поэт, писатель, сатирик, историк.

³²⁵ Шарль-Луи де Секонда, барон Ла Брэд и де Монтескье (1689–1755) – французский философ эпохи Просвещения, писатель, правовед, энциклопедист, автор произведения «О духе законов».

³²⁶ Жорж-Луи Леклерк, граф де Бюффон (1707–1788) – французский писатель, математик, биолог, натуралист, естествоиспытатель, автор идеи о единстве растительного и животного мира.

³²⁷ Тэн Ипполит Адольф (1828–1893) – французский писатель, философ-позитивист, создатель культурно-исторической школы в искусствоведении, автор идеи о зависимости изменений в искусстве от изменений быта, нравов и представлений, эстетик, писатель, историк, психолог, основатель частной школы политических наук, автор работы «Философия искусства».

³²⁸ Антонины – третья от начала принципата императорская династия Рима, правившая с 96 по 192 год, названная по имени Антонина Пия.

³²⁹ Гете Иоганн Вольфганг (1749–1832) – немецкий поэт, мыслитель, естествоиспытатель и государственный деятель.

³³⁰ Иез. 2:10.

³³¹ Иер. 12:4.

³³² Ин. 18:36.

³³³ Ин. 18:38.

³³⁴ Ин. 18:37.

³³⁵ Ювенал, Децим Юний Ювенал (ок. 60 – ок. 127) – римский поэт-сатирик.

³³⁶ Оккультизм (от лат. *occultus* – тайный, сокровенный) – мистические учения демонического пантеистического характера, утверждающие существование скрытых сил в человеке и вселенной и связи человека с потусторонним миром, необходимость сближения с ними при помощи различных практик, основанных на бессознательных состояниях, духовно-пассивных упражнениях и различных заклинаниях и обрядах.

³³⁷ Вероятно, высокоумных. – О. С.

³³⁸ Законы двенадцати таблиц – свод законов Древнего Рима, созданный специально избранной комиссией из десяти человек в 451–450 годах до н. э. и принятый Народным собранием. Таблицы содержали в себе положения, регулирующие все отрасли частного и уголовного права (процессуальное, семейное, наследственное право, виновное право (договор, купля-продажа, займ, кредит и кредитные ставки, приобретение и утрата движимого и недвижимого имущества), соседское, уголовное, погребальное право и т. д.). Законы двенадцати таблиц сохранились в отрывках, дополняемых упоминаниями и цитатами вышеназванного документа в сочинениях римских писателей и юристов.

Письма К. П. Победоносцева Николаю II

Печатается по: *Победоносцев К. П. Письма К. П. Победоносцева к Николаю II.* – Публикация М. Н. Курова // Религии мира. История и современность. Ежегодник. – М.: Наука, 1983. – С. 163–194. В данном сборнике публикуются 12 из 15 документов, изданных М. Н. Куровым, наиболее относящихся к вопросу церковной реформы. Подлинники писем хранятся в ЦГИА (Ф. 1574. Оп. 1. Д. 16).

³³⁹ Штунда – протестантская рационалистическая секта, тождественная с баптизмом, возникшая на юге и юго-западе России в 1860-х годах по инициативе пастора Боненкемпера. Распространению штунды способствовал внешне благопристойный образ жизни штундистов и безграмотность населения в вопросах Православия, но кощунство над православными святынями вызвали предание суду, высылку и заключение в тюрьмы некоторых

лидеров штундизма. Указом 1894 года штунда отнесена к особо вредным сектам.

³⁴⁰ Духоборы (духоборцы) – протестантская секта, идейно близкая к английским квакерам, включающая в себя элементы иконоборчества, средневековой «ереси жидовствующих», буддизма, отвергающая первородный грех, Воскресение Христово, Таинства Церкви, верующая в переселение душ. Духоборство связывают с именем Силуана Колесникова, жившего во второй половине XVIII века.

³⁴¹ Толстой Лев Николаевич (1828–1910) – писатель, публицист, религиозные мнения которого вызвали возникновение толстовства. Его воззрения включают в себя элементы древнего сенсуализма, саддукейства, манихейства и арианства. Л. Н. Толстой утверждал непротивление злу насилием, отрицал основные догматы Православия – о Троице, о Божественности Иисуса Христа, об Искуплении, за распространение своих антихристианских и атицерковных учений отлучен от Церкви в 1901 году. 22 сентября 1895 года он писал в дневнике: «Как часто я, бывало, спорил с религиозными догматиками: православными, евангеликами и др. Как это нелепо. *Разве можно серьезно рассуждать с человеком, который утверждает, что верит в то, что есть только одно правильное воззрение на мир и на наше отношение к нему, то, которое выражено 1500 лет тому назад собранными Константином епископами в Никее, – мировоззрение, по которому Бог – Троица, 1890 лет [назад] пославший сына в деву, чтобы искупить мир и т. д. С такими людьми нельзя рассуждать, можно их менажировать, жалеть, пытаться излечить, но на них надо смотреть, как на душевнобольных, а не спорить с ними*». – Толстой Л. Н. Дневники 1895–1910 гг. // Собрание сочинений. В 22 т. Т. 22. – М., 1985. – С. 32). 27 февраля 1896 г. Л. Н. Толстой писал в дневнике: «Люди в борьбе с ложью и суевериями часто успокаиваются тем количеством суеверий, которые они разрушили. Это неправильно. *Нельзя успокоиться до тех пор, пока не уничтожено все, что только противоречит разуму и требует веры*». – Там же. – С. 42, 43 (курсив мой. – О. С.).

³⁴² Чертков Владимир Григорьевич (1854–1936) – общественный деятель, лидер толстовства, друг Л. Н. Толстого, издатель и редактор его произведений.

³⁴³ Трегубов Иван Михайлович (1858–1931) – толстовец, сотрудник издательства «Посредник», автор статей о сектантстве,

защитник сектантства, сторонник идей сектантского коммунизма и активного участия христиан-сектантов в политической жизни.

³⁴⁴ Хилков Дмитрий Александрович (1858–1914) – толстовец, политический деятель, революционер, член партии социалистов-революционеров.

³⁴⁵ См.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1898 год. – СПб., 1901. – С. 92.

³⁴⁶ В феврале 1892 года Хилков был выслан в Закавказье административным порядком в духоборческое село Башкичет Борчалинского уезда Тифлисской губернии. Публикатор писем К. П. Победоносцева М. Н. Куров сообщает следующие факты: «Имение Д. Л. Хилкова находилось по соседству со слободой Павловка, в которой сектанты-толстовцы разгромили Православную Церковь. За близость к ним и духоборам, за выступление против духовенства Хилков был выслан в Закавказье». – Письма К. П. Победоносцева к Николаю II // Религии мира. История и современность. Ежегодник. – М.: Наука, 1983. – С. 193.

³⁴⁷ Малеванцы – секта, основанная на Украине в конце XIX века К. Малеванным, объявившим себя Христом и проповедовавшим скорое наступление конца света, отрицая государство и Православную Церковь. Учение малеванцев имеет много общего с хлыстовством, из которого оно и выделилось, пятидесятничеством, баптизмом, толстовством.

³⁴⁸ См.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1901 год. – СПб., 1905. – С. 184.

³⁴⁹ Квадратные скобки М. Н. Курова.

³⁵⁰ Письмо публикуется с сокращениями. – *Примеч. М. Н. Курова.*

³⁵¹ Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – граф, российский государственный деятель, министр путей сообщения (1892), министр финансов России (1892–1903), председатель комитета министров, председатель Совета министров (1905–1906).

³⁵² Антоний, в миру Александр Васильевич Вадковский (1846–1912) – епископ, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский (с 1898 г.), первенствующий член Святейшего Синода (с 1900 г.), доктор церковной истории (с 1895 г.), почетный член Петербургской академии наук (с 1899 г.), Казанской, Московской и Петербургской

духовных академий (с 1892 г.), Императорского Православного Палестинского общества (с 1893 г.), Петербургского совета детских приютов (с 1887 г.).

³⁵³ Квадратные скобки М. Н. Курова.

³⁵⁴ Квадратные скобки М. Н. Курова.

³⁵⁵ Гапон Георгий Аполлонович (1870–1906) – священник, организатор шествия рабочих в день так называемого «кровавого воскресения» 9 января 1905 года, приведшего к гибели людей, лидер «Общества фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга», сыгравшего роковую роль в организации забастовок на Путиловском заводе и событиях 9 января, присоединив к неисполнимым экономическим еще и политические требования. – См.: *Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II.* – СПб.: Петрополь, 1991. – 644 с.

Современный исследователь религиозных (сектантских) течений И. А. Гордеева на основе архивных материалов доказывает связь Г. А. Гапона с И. М. Трегубовым и толстовством. И. М. Трегубов писал о Г. А. Гапоне в журнале «Освобождение» в 1905 году: «За последнее время я не имел о нем сведений, но организованная им на религиозной почве мирная, безоружная стачка петербургских рабочих показала мне, что он остался верен тем идеям, которые сроднили нас 15 лет тому назад... Да будет известно этому дикому, отжившему свой век правительству, что кроме Гапона в России есть и другие, подобные ему священники и не священники, и что рано или поздно при их помощи, наконец, организуется такая всеобщая стачка, которая и сметет с лица земли никому не нужный, кроме горстки негодяев, остаток варварства – самодержавие. А ты, дорогой друг Гапон, знай, что твое дело вызвало во всем мире всеобщий восторг и любовь к тебе у всех тех, которые, подобно тебе, хотят освободить рабочий народ от всех его угнетателей» (Цит. по: *Гордеева И. А. Георгий Гапон, Иван Трегубов и идея всеобщей мирной стачки: к интеллектуальной истории политических проектов религиозной общественности // Тень Люциферова крыла. 100-летию первой русской революции посвящается // Сборник статей.* – М.: РГГУ, 2005. – С. 45, 46).

³⁵⁶ См.: *Де Местр Ж. Сочинения.* – СПб.: Владимир Даль, 2007. – 300 с.

³⁵⁷ Данная формулировка вошла в царский указ от 31 марта 1905 года без изменений. (См.: *Церковные ведомости.* – № 14).

³⁵⁸ Квадратные скобки М. Н. Курова.

³⁵⁹ Лобко Павел Львович (1838–1905) – государственный деятель, профессор Николаевской академии Генерального штаба (1870–1883), глава комиссии по разработке Положения о полевом управлении войск (1890), начальник канцелярии Военного министерства (1894–1898), член Госсовета (с 1898 г.), генерал от инфантерии (с 1900 г.), генерал-адъютант (с 1905 г.), Государственный контролер (1899–1905).

³⁶⁰ Ермолов Алексей Сергеевич (1846–1917) – государственный деятель, специалист в области сельского хозяйства, товарищ министра финансов (1892), член Комитета министров, министр земледелия и государственных имуществ (1904–1905), член Госсовета (с 1905 г.), почетный член Русского географического общества, академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук.

³⁶¹ Пункт 2 устанавливал, в какой вере должны были оставаться дети, если один или оба родителя переходили в другое вероисповедание.

³⁶² Квадратные скобки М. Н. Курова.

³⁶³ Квадратные скобки М. Н. Курова.

³⁶⁴ В пункте 3 говорилось о возможности исключения из Православия лиц, которые формально принадлежали к нему, исповедуя другую веру.

³⁶⁵ «Б»; пункты 1–4, 6–8, 12 касались послабления в отношении старообрядцев и сектантов.

³⁶⁶ Пункт 3 касался введения наименования «старообрядцы» вместо старого «раскольники».

³⁶⁷ Пункт 4 давал право религиозным обществам старообрядцев и сектантов всех толков именоваться «общинами» и владеть движимым и недвижимым имуществом.

³⁶⁸ Квадратные скобки М. Н. Курова.

³⁶⁹ Квадратные скобки М. Н. Курова.

³⁷⁰ Пункт 6 касался разрешения создания скитов и обителей для старообрядцев.

³⁷¹ В пункте 7 говорится о присвоении духовным лицам старообрядцев и сектантов звания «настоятелей» и «наставников», а также об освобождении их от воинской повинности с разрешения гражданских властей.

³⁷² Квадратные скобки М. Н. Курова.

³⁷³ Пункт 8 касался разрешения свободного отправления духовных треб, но без священнослужительских облачений.

³⁷⁴ Пункт 12 предписывал ведение метрических книг духовным лицам по правилам, которых еще не существовало, а также требовал «распечатать» молитвенные дома, закрытые административным порядком.

³⁷⁵ Скобки М. Н. Курова.

³⁷⁶ Речь идет о перечислении статей старых узаконений, подлежащих отмене, с указаниями министрам юстиции, народного просвещения и внутренних дел по данному вопросу.

³⁷⁷ Скобки М. Н. Курова.

³⁷⁸ Речь идет об учреждении Особого совещания для внесения изменений в законы о веротерпимости.

³⁷⁹ Пункт 1 IX раздела «По инославным христианским исповеданиям» (из семи пунктов) определяет правила разрешения постройки, возобновления и ремонта церквей.

³⁸⁰ Пункт 2 IX раздела «По инославным христианским исповеданиям» касался прекращения обязательного закрытия в Царстве Польском римо-католических монастырей «при наступлении указанных ныне для сего в законе условий», которые не указывались.

³⁸¹ Скобки М. Н. Курова.

³⁸² Святейшим Синодом.

³⁸³ Нольде Эммануил Юльевич (1854–1909) – государственный деятель, барон, управляющий канцелярией Комитета министров (1902–1906), член Госсовета (с 1906 г.).

³⁸⁴ Документ был предназначен для внутреннего служебного пользования и ранее не публиковался. Название дано в соответствии с его наименованием в каталоге Российской государственной библиотеки для удобства исследователей и читателей. – О. С.

**[Предложения
Святейшему Правительствующему Синоду
по вопросу о переменах в церковном управлении]**

Печатается по тексту: *Победоносцев К. П.* Предложения Святейшему Правительствующему Синоду по вопросу о переменах в церковном управлении. – СПб.: Синодальная типография, 1905. – 9 с. Публикуется впервые.

³⁸⁵ В мае 1867 года Высочайше утверждены новые уставы и штаты духовно-учебных заведений, оставаясь в силе до 1884 года, когда были приняты новые уставы, отменившие выборное начало.

³⁸⁶ Победоносцев не был принципиальным противником церковной реформы, лишь выступал за тщательную и профессиональную ее проработку, подбор людей и выжидание более удобного момента, чтобы было меньше соблазна для верующих из-за споров среди иерархов и проповедничества чуждых религий.

Русские листки из-за границы

Печатается по тексту: В. [*Победоносцев К. П.*] Русские листки из-за границы: I. Лионские гражданские похороны. II. В протестантских храмах // Гражданин. – 1873. – № 31. – С. 848, 849; III. Вестминстерское аббатство // Там же. – № 32. – С. 870–873; IV. К вопросу о воссоединении Церквей // Там же. – № 33. – С. 893–896; V. Противоречия в Англиканской церкви // Там же. – № 34. – С. 921–923; VI. Ирвингиты в Лондоне. VII. Деисты и унитарии в Лондоне // Там же. – № 35. – С. 949–951; В рубрике «Русские листки из-за границы» К. П. Победоносцевым опубликованы также: статья VIII. Воровской ужин // Там же. – № 36. – С. 974–976, не вошедшая в данный сборник; IX. Новая вера и новые браки // Там же. – № 39. – С. 1047–1050, вошедшая в «Московский сборник». Авторство установлено Л. Гроссманом на основании писем К. П. Победоносцева Ф. М. Достоевскому (См.: Письма К. П. Победоносцева. Публикация Л. Гроссмана // Литературное наследство. – Т. 15. – М., 1934. – С. 124–149).

³⁸⁷ Беле Шарль Эрнест (1826–1874) – французский археолог, депутат национального собрания (с 1871 г.), министр внутренних дел (с 1873 г.), покончил жизнь самоубийством в результате потери министерской должности и неудачной игры на бирже.

³⁸⁸ Вестминстерское аббатство – Соборная церковь Святого Петра в Вестминстере (Лондон), расположенная западнее Вестминстерского дворца. Исполнена в готическом стиле, строилась с перерывами с 1245 по 1745 год. В Вестминстерском аббатстве коронуют монархов Великобритании.

³⁸⁹ Стенли Артур (1815–1881) – англиканский богослов, историк Церкви, профессор церковной истории (1856–1864), декан Вест-

минстерского аббатства, сторонник примирения между Высокой и Низкой англиканскими церквями, в своих исследованиях немало внимания уделял Православной Церкви, истории иудейства, автор произведения о путешествии по Востоку ("Sinai and Palestine"), написанного в 1856 году.

³⁹⁰ Высокая церковь – направление в англиканстве и лютеранстве, стремящееся к сохранению дореформационного традиционного богослужения; «Низкая церковь» характеризовалась близостью к кальвинистам и поддерживала вигов (пуританская политическая партия) в политике; «Широкая церковь» была объединительным течением.

³⁹¹ Веслеевы братья – англиканское общество, созданное в Оксфордском университете в 1729 году и возглавленное Джоном Веслеем, позднее получившим священнический сан. В общество вошли пятнадцать молодых людей, которые обязывались укреплять друг друга в вере и благочестии общей молитвой и назидательными беседами, помогать больным и бедным, за что их прозвали методистами и «клубом святых». Позднее Веслей проникся идеями Лютера и совершил совместно с Витфильдом миссионерские путешествия по Англии. Их проповедь стала весьма популярной, в результате вышло Постановление о запрещении им доступа в церкви. Стали открываться методистские капеллы, к проповеди были допущены миряне и женщины. В 1744 году состоялась первая конференция веслеянцеv для решения догматических и иерархических вопросов. Догматика содержала учение об оправдании верой, для поддержания которой необходимы добрые дела, и не отступала существенно от англиканства. Веслей был уверен в несправедливости отлучения методистов от Англиканской церкви, призвав защищать учение Английской церкви, повиноваться епископам, соблюдать каноны. Конференция устанавливала строгие правила поведения для методистов с жесткой централизацией управления, дисциплиной послушания и подчинения личности обществу. В 1784 году Веслей посвятил одного из своих последователей в «суперинтенденты» с правами епископа, после того как Англиканская церковь отказала ему в поставлении епископов для методистов. В 1785 году Англиканская церковь формально объявила методистов сектой. Методистские общины в Англии и в Америке проповедовали Евангелие, полемизируя с рационализмом, организовывали филантропические учреждения, боролись против работорговли.

³⁹² Конгрегационалисты, индепенденты – отрасль английского кальвинизма, возникшая в 1580 году в результате раскола с пресвитерианами, утверждавшая автономию каждой приходской общины, отрицая необходимость вселенской и национальной Церкви. Движение индепендентов под руководством Оливера Кромвеля играло ведущую роль в английской революции 1640–1660 годов.

³⁹³ В № 33 журнала «Гражданин» на с. 93, в сноске к статье «К вопросу о воссоединении Церквей» говорится об опечатке: «за незрелость» следует читать как «замерзлость». В настоящем издании текст публикуется в соответствии с указанным исправлением.

³⁹⁴ В № 33 журнала «Гражданин», на с. 893 в сноске к статье «К вопросу о воссоединении Церквей» говорится об опечатке: «чиновных форм» следует читать как «условных форм». В настоящем издании текст публикуется в соответствии с указанным исправлением.

³⁹⁵ Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) – философ, богослов, публицист, поэт, историк, писатель, один из идеологов славянофильства, выступавший за созыв Земского Собора, автор статьи «О старом и новом» (1839), кандидат математических наук, художник, участник Русско-турецкой войны 1828–1829 годов, член Санкт-Петербургской Академии наук (1856); умер, заразившись во время эпидемии холеры, занимаясь лечением крестьян.

³⁹⁶ *E sempre bene* – традиционный разговорный оборот в итальянском языке, означающий условное, ироническое, насмешливое одобрение.

³⁹⁷ Так в оригинале. – О. С.

³⁹⁸ Орден иезуитов (Общество Иисуса) был основан Игнатием де Лойолой (1491/1493–1556), в 1548 году «Духовные упражнения» Игнатия Лойолы были одобрены папой Павлом III. Ю. Ф. Самарин (1819–1876) посвятил немало времени изучению иезуитской идеологии и практики. По словам мыслителя, иезуиты советовали иметь двух духовников: одного – для исповедования смертных грехов, другого – для обычных; советовали также убийство неугодного человека исполнять не самому, а поручить другому, который бы исполнил его из любви к ближнему. (См.: Самарин Ю. Ф. Иезуиты и их отношение к России. – М., 1868. – 510 с.) Интерес Самарина к иезуитам был далеко не праздным. В начале XIX века иезуиты успешно проводили свои взгляды в высшие сферы общества, отдаленные от Православия «просвещенческими» идеями XVIII века.

В 1801 году папа разрешил деятельность Ордена иезуитов в России, хотя повсюду он был запрещен с 1773 года, в 1803 году открылся в Санкт-Петербурге иезуитский пансион. Иезуит Жозеф де Местр (1753–1821) в 1811 году подал обер-прокурору Святейшего Синода и главноуправляющему иностранными исповеданиями А. Н. Голицыну (1773–1844) записку, представлявшую собой отрывок из его трактата о России, с которым впоследствии ознакомился Александр I, в результате царем был подписан указ о преобразовании иезуитской Полоцкой Коллегии в Академию. Де Местр активно и успешно проповедовал свои взгляды в среде аристократии, настаивая на необходимости отдать образование высшего сословия в руки латинства (в иезуитском варианте), поскольку православных священников называл неспособными, невлиятельными и необразованными. При этом де Местр выступал против отмены крепостного права и образования низших слоев общества, видимо, чувствуя мощный интеллектуальный и духовный потенциал православного населения духовного и крестьянского звания, которое могло бы противостоять иезуитским идеям. «Разве истинный друг Его Императорского Величества не найдет случая сообщить ему, что слава и благоденствие империи заключается не столько в освобождении крепостной части народа, сколько в совершенствовании тех, кто свободен и, прежде всего, благороден... Не проводить освобождение от крепостной зависимости слишком широко, никоим образом не способствовать ему принятием какого-либо закона, ибо всякий закон, принятый в этом направлении, был бы просто смертельным... никоим образом не поощрять распространение наук в низших слоях народа и даже *незаметно* (курсив мой. – О. С.) препятствовать начинанию такого рода». – *Де Местр Ж.* Четыре неизданные главы о России // Сочинения. – СПб.: Владимир Даль, 2007. – С. 43, 110, 111. Перед царем де Местр выставлял себя и иезуитов единственными защитниками монархии и традиционных основ общества. Вникнув в суть деятельности иезуитов во второй половине десятих годов XIX столетия, Александр I **выслал их из обеих столиц, а затем (в 1820) и из России**, иезуитский пансион также был закрыт. Но идеи, посеянные иезуитами, не покинули Россию вместе с ними. Ю. Ф. Самарин писал: «Во всех обществах, в которых иезуиты хозяйничали и властвовали, они на прощание оставляли по себе отраву, которая должна была пережить все их интересы и просочиться в умы самых отчетливых их противников, так же как и в умы их неисправимых почитателей.

Эта отравка – не более как недоразумение, но недоразумение живучее, всюду проникающее и почти непобедимое. Оно заключается в отождествлении веры с рабством мысли, благочестия с вольным самообольщением или сознательным притворством, неизменность учения с суровою исключительностью, с духом преследования, и наоборот: неверия – со свободомыслием, а равнодушия – с терпимостью» (*Самарин Ю. Ф.* Указ. соч. – С. 257–259).

³⁹⁹ Гайдн Франц Йозеф (1732–1809) – австрийский композитор, создатель мелодии, ставшей основой гимнов Германии и Австро-Венгрии.

⁴⁰⁰ Мормоны, «Святые последнего дня» – религиозная секта, основанная в США в 1-й половине XIX века **Джозефом Смитом**, назвавшим себя божьим посланником и опубликовавшим в 1830 году «Книгу Мормона», объявленную переводом тайных писаний пророка Мормона, который якобы является одним из родоначальников американских индейцев или американских израильтян. Настоящим автором книги был пресвитерианин, священник Спалдинг. Религия мормонов пантеистична, они признают существование многих духов и ангелов, предсуществование душ людей, которые, воплотившись на земле, получают через это полноту бытия; отсюда убеждение в том, что главное назначение человека – иметь жен и детей, чтобы способствовать воплощению большего числа духов. Общественным строем мормонов является теократия с пророком во главе.

⁴⁰¹ Тирш Фридрих-Вильгельм (1784–1860) – филолог, педагог, публицист, ревностный сторонник изучения древних языков (греческого и латыни) и античных писателей в связи с немецким языком, историей, философией, Законом Божиим и математикой.

⁴⁰² Деисты – религиозно-философское учение, или английская секта, основанная лордом Гербертом Чербери (1583–1648), достигшая расцвета в эпоху Просвещения. Распространением деизма занимался масонский орден иллюминатов. Деизм признает существование Бога, богосотворенность мира, отрицая Откровение, догматы и сверхъестественные явления. После сотворения мира Бог, по мнению деистов, либо не вмешивается в жизнь Своего творения, либо не все в Его власти. Средства познания Бога деизм видит в разуме и наблюдении за природой. Деизм не признает священства церковной иерархии, Церкви, церковных общин, а только светские объединения деистов. *Унитарии*, *антитринитарии* – секта, не признающая догмат Троицы, что подверглось осуждению как ересь

еще на Никейском Соборе в 325 году. Во время Реформации анти-тринитарии называли себя унитариями. Одни из них учили, что Христос есть «внутренний свет» сердца человека (Себастьян Франк, ум. в 1543 г.), другие – что Иисус обычный человек, но исполненный Духа Божьего (Конрад, ум. в 1529 г. и Людвиг Гецер, ум. в 1528 г.). Так или иначе они отрицали крестные заслуги Спасителя и Его Божочеловечество.

⁴⁰³ Фарадей Майкл (1791–1867) – английский физик, химик, родоначальник учения об электромагнитном поле, член Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе.

⁴⁰⁴ Гласситы, сандеманианы – протестантская секта, основанная шотландским пастором Джоном Глассом в первой половине XVIII века.

⁴⁰⁵ Речь идет об учреждении властью культа Разума во время Великой Французской революции.

⁴⁰⁶ Паркер Теодор (1810–1860) – американский политический деятель, писатель, проповедник, основатель Бостонского общества конгрегационалистов в 1845 году (секта, противостоявшая американскому унитаризму), поборник социально-политических преобразований, отмены рабства и введения сухого закона.

⁴⁰⁷ Речь идет о произведении английского писателя и баптистского проповедника Джона Баньяна (1628–1688) «Путешествие пилигрима».

⁴⁰⁸ Мадзини Джузеппе (1805–1872) – итальянский политик, философ, писатель, поборник национального освобождения и либеральных реформ.

⁴⁰⁹ Будда – согласно буддийской мифологии – достигший просветления; основатель буддизма Сиддхартхи Гаутама Будда.

⁴¹⁰ Кокрель Афанас (1795–1868) – французский государственный деятель, умеренный республиканец, реформатский пастор, проповедник, богослов, критик кальвинизма.

⁴¹¹ Бабу Кешуб, Кешуб Чандлер Сен (1838–1884) – индийский философ, пытавшийся соединить христианское богословие с индийской религиозной мыслью, отмечая наличие элементов Христианства во многих учениях.

⁴¹² Навилль Эдуард Анри (1844–1926) – швейцарский египтолог, историк, археолог, протестантский библеист, религиозный деятель, преподаватель Женевского университета, член французской Академии наук.

⁴¹³ Адрес Евангелического Союза Его Императорскому Величеству Александру III, Императору Всероссийскому.

Ваше Величество.

Нижеподписавшиеся, представители различных отраслей Евангелического Союза, с чувством глубочайшего почтения обращаются к Вашему Императорскому Величеству, повергая к стопам Вашим нижеследующую просьбу.

Небезызвестно Вашему Величеству, что одною из главнейших целей Евангелического Союза служило всегда попечение о нуждах христиан во всем мире, дабы все имели возможность свободно следовать своему вероисповеданию по совести каждого и по обрядам той Церкви, к коей принадлежит каждый.

С 1849 года, и неоднократно, Евангелический Союз являлся ходатаем за свободу совести и богослужения перед многими правительствами и Государями Европы. По милости Бога, Царя царствующих и Господа господствующих, усилия наши в Швеции, в Италии, в Тоскане, в Германии, в Испании, в Турции и в Австрии послужили почти всюду к распространению великого начала религиозной свободы на тех, кои до того ею не пользовались.

Евангелическому Союзу не отказывали в благоволении и Императоры, предшественники Вашего Величества, и благосклонным приемом в замке Берг в 1857 и 1870 годах, и заявлением бывшего канцлера Империи по иностранным делам кн[язя] Горчакова в 1871 году при приеме во Фридрихсруэ от имени Его Величества Императора Александра II. Это дает нам надежду, что и ныне император Всероссийский не откажет нас выслушать.

В 1864 году Его Величество Император Александр II приказал произвести исследование по жалобам на стеснение религиозной свободы в Балтийских губерниях. На основании его Августейший Родитель Вашего Величества отменил для сих губерний применение церковного закона относительно предбрачных подписок в смешанных браках. Генерал-губернатору этого края поручено наблюдать за исполнением Высочайшей воли и ограждать протестантских пасторов от всякого преследования.

С тех пор под влиянием обстоятельств, о коих судить не дело Евангелического Союза и коих одни последствия для него очевидны, старинное законодательство относительно смешанных браков вступило снова в силу, лютеранским пасторам положено препятствие в назидании паствы, наконец, все те, кои без достаточного

испытания отвергли религию отцов своих для перехода в православное исповедание, лишены права возвратиться к прежней вере под страхом наказания на основании уголовного закона, вновь восстановленного в действии.

Умоляем Ваше Величество поверить нашему решительному заявлению, что мы далеки от всякой мысли о каком-либо вмешательстве в дела, касающиеся до правления или политики Вашего Императорского Величества. Мы знаем, что в России существуют законы, воспевающие членам Православной Церкви переходить в другие исповедания. Но, осмеливаясь просить Ваше Величество об отмене этих законов, мы эту самую просьбою думаем воздать высочайшую хвалу тому чувству справедливости, коим одушевлен Августейший Сын освободителя 20 миллионов из рабства, Сын монарха, дозволившего свободное распространение слова Божия во всей Империи.

Ходатайствуя за религиозную свободу, мы нисколько не думаем нарушать начало церковного авторитета и никоим образом не выражаем той мысли, что все мнения (в деле веры) имеют одинаковую цену. Наше заветное желание состоит в том, чтобы всякий, имеющий преимущество быть подданным Вашего Величества, мог свободно чтить Бога по своей совести и повелению Божию во святом Его слове, чтобы каждый из подданных Ваших мог свободно воспитывать детей своих в вере отцов, чтобы духовные пастыри христианских церквей неправославного исповедания могли беспрепятственно исполнять относительно своей паствы все обязанности своего звания, наконец, чтобы все те, кои не давали себе отчета в важности решения, записались в списки Православной Церкви, могли без опасения возвратиться в лоно прежней своей Церкви, если изъявят свободное к тому желание.

Мы уверены, что начало терпимости ко всем вероисповеданиям, равно как и начало свободы совести, твердо и в убеждении Вашего Императорского Величества. Посему-то Евангелический Союз законно хранит надежду, что здание, коего основы столь славно заложены покойным Императором Николаем и Его Августейшим Сыном, будет увенчано Вашим величеством, и что Вам благоугодно будет даровать своим подданным величайшее из благ – возможность чтить Бога Христианского по совести каждого и по обрядам той Церкви, к коей принадлежит каждый, и не только в Балтийском крае, но и во всех частях обширной Империи, где Имя Вашего Величества с любовью читается миллионами людей, ежедневно при-

зывающих в молитве благословение Божие на Священную Главу Императора и Отца своего.

Состоя членами различных Церквей, но объединяемые одною верой в Иисуса Христа, Спасителя нашего, во Святом Духе, мы молим Отца Небесного склонить сердце Вашего Величества к милосердию, да удостоите выслушать нашу просьбу и употребить еще раз высочайшее право монаршей власти, приказав, да царствуют мир, правда и свобода во всех семействах и во всех племенах Империи.

С глубочайшим почтением,
Вашего Императорского Величества
покорные слуги

От имени Швейцарского отдела: Г. Эдуард Навилль, президент Швейцарского центрального комитета; Евг[ений] Миттендорф, секретарь.

От имени Голландского отдела: барон де-Вассенер де-Катвик, президент; граф де-Биландт, секретарь.

От имени Датского отдела: Валь, президент; Олаф Гансен, секретарь.

От имени Английского отдела: Польварт, президент; Фильд, секретарь; Арнольд, секретарь.

От имени отдела Северо-Американского: Додж, президент; Филипп Шафф, почетный секретарь; И. Стронг, генеральный секретарь.

От имени Северо-Германского отдела: Андрей граф Бернсторф, президент, Евгений Вауманн, пастор, секретарь.

От имени отдела Восточно-Германского: Федор Кристлиб, профессор богословия, президент; Даммон, пастор, секретарь. (Адрес Евангелического союза Его Императорскому Величеству Александру III // Вера и разум. – 1888. – № 6. – С. 121–124).

**Письмо Обер-прокурора Святейшего Синода
к Эдуарду Навиллю, президенту Швейцарского
центрального комитета Евангелического Союза**

Печатается по тексту: Адрес Евангелического союза Его Императорскому Величеству Александру III и Письмо обер-прокурора Святейшего Синода к Эдуарду Навиллю, президенту Швейцарского центрального комитета Евангелического союза // Вера и разум. – 1888. – № 6. – С. 121–129.

⁴¹⁴ Великое переселение народов – перемещение народов в Европе в IV–VII веках на территорию Римской империи, сопровождаемое религиозными, культурными, языковыми конфликтами между германским (и другим варварским) и романизированным населением.

⁴¹⁵ *Хазары* – кочевой тюркоязычный народ, ставший известным после гуннского нашествия (IV–V вв.). *Печенеги* – кочевые, преимущественно тюркоязычные племена, состоявшие из прототюркских, протоугро-финских и протославянских народов, сложившиеся предположительно в VIII–XI веках. *Половцы*, половчане – кочевой тюркоязычный народ, обитавший в Заволжье, вытеснивший в начале XI века печенегов и огузов из Причерноморской степи и завоевавший всю Великую Степь от Иртыша до Дуная, которая стала называться Половецкой.

⁴¹⁶ Крестоносцы – западноевропейские рыцари-монахи, нашивавшие на одежду кресты и воевавшие против мусульман, язычников и православных по различным религиозным, политическим и экономическим причинам. Целью первых походов было освобождение Палестины, Гроба Господня от турок, позднее крестоносцы обращали в Христианство язычников Прибалтики, выступали против Византии в защиту интересов папы и подавляли антикатолические волнения в Европе.

⁴¹⁷ Инквизиция (Inquisitio Haereticae Pravitatis Sanctum Officium (лат.) – «Святой отдел расследований еретической греховности») – учреждения Римско-Католической церкви, созданные в XII веке для борьбы с ересями (катарами и др.). В конце XV века инквизиция наряду со светскими судами католических и протестантских стран стала активно участвовать в процессах над ведьмами, с 1451 года папа Николай V передал в ведение инквизиции дела по предупреждению еврейских погромов и наказанию за них. Как и в светских судах того времени, в инквизиции на допросах применялась пытка. Если подозреваемый не умирал во время следствия, а признавал свою вину и раскаивался, то материалы дела передавались в суд.

⁴¹⁸ Речь идет о Варфоломеевской ночи, в которую произошло массовое убийство гугенотов католиками в канун праздника святого Варфоломея (24 августа 1574 года).

⁴¹⁹ Сицилийская вечерня – восстание сицилийцев против французских сторонников короля Карла I Анжуйского в 1282 году. Восстание началось с колокольного звона к вечерне. Причинами восстания

стали тяжесть налогов, раздача сицилийских земель вместе с крестьянами французским землевладельцам, бесчинства французов и пр. Сицилия отстояла свою независимость, но Анжуйская династия воевала за нее до 1302 года.

⁴²⁰ В 1099 году при вторжении крестоносцев в Иерусалим православные были вытеснены из храмов и монастырей, даже патриархи Иерусалимские стали вынуждены управлять Церковью из Константинополя. Крестоносцы притесняли православное население и при вторжении в Египет в 1219, 1249 годах, и во время пятого крестового похода. Папа Иннокентий III требовал от византийского императора участия в крестовом походе и восстановления церковной унии, но получил отказ. В 1202 году крестоносцы разорили венгерский христианский торговый город Задар, ограбив который, уплатили часть долга венецианцам. Венеция заключила с крестоносцами договор о разделе территории Византии. Часть византийской аристократии и купечества были заинтересованы в торговых связях с католиками. В 1204 году, воспользовавшись династическими спорами императоров, армия крестоносцев захватила Константинополь. Город подвергся разграблению, многие памятники искусства уничтожены, в том числе и церкви. В 1230-е годы немецкие крестоносцы и шведские рыцари завоевывали племена Прибалтики и Финляндии, подчиняя себе местные племена. Богатые русские княжества (Новгород, Псков) привлекали внимание крестоносцев. В 1237 году папа Григорий IX призвал шведских епископов организовать крестовый поход против «неверных» – тавастов, карелов и русских. В том же году ливонский Орден меченосцев был объединен с Тевтонским орденом. В 1238 году Римский папа благословил крестовый поход против новгородских земель, обещая его участникам отпущение грехов. В 1240 году шведские рыцари были разбиты новгородским князем Александром Ярославичем (св. Александром Невским), а 1242 году он отбил захваченные немцами территории и повел русское войско на территорию Ливонского ордена. 5 апреля 1242 года на льду Чудского озера состоялось Ледовое побоище, немецкие рыцари были разбиты.

⁴²¹ Большой политический процесс русских в Галиции, процесс Ольги Грабарь – судебное дело, возбужденное в 1882 году австро-венгерским правительством против карпато-русских общественных деятелей. Поводом к нему стало обращение жителей галицкого села

Гнилички, принадлежавших к приходу Восточно-Католической церкви, к львовской консистории с просьбой иметь свой приход. Консистория отказала, и крестьяне пошли с жалобой к своему помещику, графу Иерониму Дела Скала, православному румыну, который предложил им перейти в Православие. Опасаясь перехода всего села в Православие, консистория выделила им приход. Ольга Добрянская, дочь Адольфа Добрянского (и мать художника Игоря Грабаря) – лидера закарпатских русинов была одной из главных обвиняемых за переписку с галицко-русскими активистами. Адольфу Добрянскому и униатскому священнику Ивану Наумовичу, который также советовал перейти крестьянам в Православие, было предъявлено обвинение в государственной измене, за которую по закону полагалась смертная казнь. Однако адвокаты оспорили обвинение, и за недостаточностью доказательной базы одни обвиняемые были оправданы, другие подверглись тюремному заключению за возмущение общественного спокойствия. Это судебное разбирательство было первым в ряду процессов, направленных против русского движения в Австро-Венгрии.

⁴²² Густава-Адольфа общество – евангелическо-лютеранский союз, основанный в 1832–1834 годах в Лейпциге и Дрездене по инициативе лейпцигского суперинтенданта доктора Христиана Гроссманна для поддержки единоверцев в Австрии, Германии и других странах с большинством католического и православного населения. Общество названо по имени шведского короля Густава II Адольфа, помогавшего лютеранским государствам по время Тридцатилетней войны.

ОБРАЗОВАНИЕ

¹ Автор вступления – П. В. Бартенев, издатель «Русского архива».

² Синодальный перевод, остающийся до сих пор общепринятым, был начат Российским Библиейским обществом в 1816 году. Сначала был переведен Новый, потом – Ветхий Завет. Новый Завет впервые опубликован в 1822 году, достигнув широкого распространения до закрытия общества в 1826 году, Ветхий Завет был уничтожен. Переводы возобновились в 1858 году по инициативе св. митрополита Филарета, в основу их положен текст общества. Перевод

осуществлялся под наблюдением Святейшего Синода. В 1876 году по благословению Святейшего Синода перевод был полностью опубликован. Многие критиковали его, не считая совершенным. Это и побудило Победоносцева приступить к переводу.

³ Филарет, в миру – Дроздов Василий Михайлович (1783–1867) – святитель, богослов, архиепископ (с 1821 г.), митрополит Московский и Коломенский (с 1826 г.).

⁴ Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) – поэт, критик, переводчик, член Российской академии (с 1818 г.), почетный член (с 1827 г.), академик Петербургской академии наук (с 1841 г.), тайный советник, наставник Наследника Цесаревича Александра Николаевича (будущего Александра II).

⁵ Мальцев Алексей Петрович (1854–1915) – протоиерей, церковный деятель, богослов, духовный писатель, издатель, переводчик православных богослужебных книг на немецкий язык, миссионер в Германии, основатель в 1890 году берлинского благотворительного и духовно-просветительского «Свято-Князь-Владимирского братства», строившего православные церкви в Германии, почетный член всех российских духовных академий, действительный член Христианского археологического общества в Афинах, Сербского содружества св. Саввы, Нью-Йоркского Общества православных соединенных братств в Америке и др.

Из дневника К. П. Победоносцева

Печатается по тексту: Из дневника К. П. Победоносцева. Публикация П. Бартенева // Русский архив. – 1907. – № 1–4. – С. 635–652. Впервые текст опубликован К. П. Победоносцевым (Для немногих. Отрывки из школьного дневника 1842–1845. – СПб., 1885).

⁶ Шнеринг К. Л. – профессор Училища Правоведения.

⁷ Воспитатель Училища Правоведения.

⁸ Богословский Михаил Измаилович (1807–1884) – протоиерей, духовный писатель, магистр Санкт-Петербургской духовной академии, профессор богословия, законоучитель в Училище Правоведения, преподаватель логики, психологии, церковного права, главный священник армии и флота (с 1865 г.).

⁹ Гримм Антон Иоахим (1792–1846) – профессор латинской словесности, переводчик.

¹⁰ Публий Овидий Назон (43 г. до н. э. – 17/18 г. н. э.) – древнеримский поэт, автор поэм «Метаморфозы» и «Искусство любви».

¹¹ Церпинский Иосиф Антонович (ум. в 1852 г.) – выпускник Училища Правоведения 1843 года, титулярный советник.

¹² Штектардт Юлий Андреевич (ум. в 1847 г.) – юрист, профессор римского права в Училище Правоведения и Педагогическом институте, автор «Юридической пропедевтики».

¹³ Пропедевтика – введение в какую-либо науку или искусство, предварительный вводный курс.

¹⁴ Шнейдер Василий Васильевич (1793–1872) – заслуженный профессор Санкт-Петербургского университета по кафедре римского права, профессор Училища Правоведения, действительный статский советник, автор труда «О значении римского права в отношении к новейшему праву» (СПб., 1857).

¹⁵ Оголин Алексей Степанович (ум. в 1871 г.) – выпускник Училища Правоведения 1843 года, статский советник, городской голова г. Оренбурга.

¹⁶ В 1842 году Победоносцев мог встретиться в училище с двумя воспитанниками по фамилии Стасов. *Стасов Владимир Васильевич* (1824–1906) – выпускник Училища Правоведения 1843 года, тайный советник, почетный академик, библиотекарь Императорской публичной библиотеки, художественный критик, публицист, историк искусства, археолог, секретарь Этнографического Отделения Императорского Географического Музея, член комиссии барона М. А. Корфа по собиранию материалов о жизни и царствовании Императора Николая I, автор трудов «Молодые годы Императора Николая I до вступления его в брак», «Обзор деятельности III Отделения Собственной Е. В. Канцелярии в продолжении царствования Императора Николая I», «История Императора Ивана Антоновича и его семейства», написанные специально для Императора Александра II. *Стасов Дмитрий Васильевич* (1828–1918) – выпускник Училища Правоведения 1847 года, обер-секретарь Сената, статский советник, присяжный поверенный, председатель совета присяжных окружной Петроградской судебной палаты, адвокат, земский деятель, автор статей по вопросам права.

¹⁷ Квист Оскар Ильич (1827–1890) – выпускник Училища Правоведения 1847 года, тайный советник, гофмейстер двора великой княгини Елены Павловны, член совета Министра финансов, первый председатель Петроградского столичного съезда мировых судей,

волинский губернский прокурор, обер-секретарь 4-го департамента Сената, принимал деятельное участие в составлении Судебных Уставов 1864 года, активно применял их на практике, будучи избираем мировым судьей.

¹⁸ Мосолов Петр Дмитриевич (ум. в 1905 г.) – выпускник Училища Правоведения 1849 года, статский советник, обер-прокурор Сената.

¹⁹ Карп Евстафий Евстафьевич (ум. в 1852 г.) – выпускник Училища Правоведения 1848 года, коллежский секретарь, помощник секретаря 6 департамента Сената.

²⁰ Голубцов Михаил Евграфович (ум. в 1852 г.) – выпускник Училища Правоведения 1845 года, коллежский асессор, Тверской губернский прокурор.

²¹ Среди выпускников Училища Правоведения не удалось найти человека с такой фамилией, возможно, речь о Замятнине Н. А. Замятнин Николай Александрович (1824–1868) – выпускник Училища Правоведения 1843 года, тайный советник, Самарский губернатор, управляющий земским отделом Министерства внутренних дел.

²² Мансуров Борис Павлович (1828–1910) – выпускник Училища Правоведения 1845 года, служил в Сенате и в морском министерстве, действительный тайный советник, директор департамента народного просвещения, сенатор (с 1865 г.), член Государственного совета (1872 г.), управляющий делами Палестинского Общества, участвовал в покупке Россией места близ храма Господня, руководил раскопками, проводившимися там; автор книг «Базилика императора Константина в святом граде Иерусалиме» (М., 1885), «Русские раскопки в святом граде Иерусалиме перед судом Русского Археологического Общества» (Рига, 1887).

²³ Бебутов Иосиф Григорьевич (ум. в 1859 г.) – выпускник Училища Правоведения 1846 года, князь, надворный советник, чиновник особых поручений при Кавказском наместнике.

²⁴ Полянский Иван Григорьевич (ум. в 1869 г.) – выпускник Училища Правоведения 1846 года, коллежский советник, сотрудник Министерства юстиции.

²⁵ Речь идет о принце Петре Георгиевиче Ольденбургском (1812–1881), попечителе Училища Правоведения.

²⁶ Mein lieben P[obedonostsev], ich muss Sie examinieren (нем.) – мой дорогой П[обедоносцев], мне нужно Вас экзаменовать.

²⁷ Сократ.

²⁸ Ломакин Гавриил Иоакимович (1812–1885) – музыкальный деятель, основатель (вместе с Балакиревым) бесплатной музыкальной школы в Санкт-Петербурге, преподаватель пения в придворной певческой капелле, Училище Правоведения, Пажеском корпусе, в хоре графа Шереметева, театральном училище, автор церковных песнопений и переложений древних церковных напевов.

²⁹ Уваров Сергей Семенович (1786–1855) – граф, государственный деятель, министр народного просвещения (1833–1849), член Российской академии (с 1831 г.), почетный член (с 1811 г.) и президент (с 1818 г.) Петербургской академии наук, сформулировал триаду «Православие – Самодержавие – Народность».

³⁰ Ширинский-Шихматов Платон Александрович (1790–1853) – князь, министр народного просвещения (с 1850 г., с 1842 г. – товарищ министра), преемник С. С. Уварова, академик Императорской академии наук (с 1841 г.), писатель, поэт, участник войны 1812–1814 гг., председатель Санкт-Петербургской археографической комиссии, председатель отделения русского языка и словесности Санкт-Петербургской академии наук, один из составителей словарей церковно-славянского и русского языка.

³¹ Бибиков Дмитрий Гаврилович (1792–1870) – государственный деятель, участник Отечественной войны 1812 года и Русско-Турецкой войны, генерал от инфантерии, член Государственного совета, министр внутренних дел (1852–1855).

³² Le Grondeur (фр.) – ворчун.

³³ Воспитатели Училища Правоведения.

³⁴ Поль де Кок (1793–1871) – французский романист и драматург.

³⁵ Готовцев Дмитрий Валерианович (ум. в 1915 г.) – выпускник Училища Правоведения 1843 года, преобразователь гражданского управления административных и судебных учреждений Царства Польского, поборник освобождения польских крестьян, сотрудник статс-секретаря Милютина, товарищ министра внутренних дел, председатель Комитета о евреях, выработавшего «Временные правила 3 мая 1882 г.», сенатор.

³⁶ Тунцельман Георгий Антонович (ум. в 1888 г.) – выпускник Училища Правоведения 1843 года, надворный советник.

³⁷ Свечин Александр Михайлович (ум. в 1897 г.) – выпускник Училища Правоведения 1843 года, статский советник, драматург, переводчик, журналист (псевдоним – Старый паломник).

³⁸ Жулковский Владимир Николаевич (ум. в 1891 г.) – выпускник Училища Правоведения 1843 года, коллежский советник.

³⁹ **Fiat justitia, pereat mundus (лат.)** – «Да свершится справедливость, хотя бы из-за этого погиб мир» – девиз австрийского императора Фердинанда I.

⁴⁰ Георгиевский Петр Егорович (1791–1852) – действительный статский советник, профессор латинской и русской словесности, преподавал славянский язык и русскую словесность в Училище Правоведения (с 1835 г.).

⁴¹ Раден Владимир Федорович (ум. в 1881 г.) – барон, выпускник Училища Правоведения 1846 года, действительный статский советник, председатель Псковского окружного суда.

⁴² Сиверс Александр Карлович (1823–1887) – граф, выпускник Училища Правоведения 1843 года, тайный советник, губернатор Екатеринославский, Харьковский и Московский.

⁴³ Лерхе Герман Густавович (ум. в 1903 г.) – выпускник Училища Правоведения 1846 года, тайный советник, председатель Саратовского окружного суда, член консультации при Министерстве юстиции, сотрудник Министерства финансов, член совета Государственного банка.

⁴⁴ Вероятно, речь идет о Пояркове Петре Михайловиче (ум. в 1910 г.), впоследствии – действительном статском советнике, товарище председателя Седлецкого окружного суда.

⁴⁵ Тарасенков Александр Васильевич (ум. в 1871 г.) – выпускник Училища Правоведения 1846 года, коллежский асессор.

⁴⁶ **C'est une abomination – vraiment (франц.)** – Это одна мерзость – поистине.

⁴⁷ Кранихфельд Александр Иванович (1812–1881) – юрист, профессор права в Санкт-Петербургском университете, Императорском Училище Правоведения, автор работы «Начертание российского гражданского права в историческом его развитии» (СПб., 1843).

⁴⁸ Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841) – поэт, драматург, писатель, офицер, художник; погиб в результате дуэли.

⁴⁹ Терезия Вильгельмина Фредерика Изабелла Шарлотта Нассауская, в замужестве герцогиня Ольденбургская (1815–1871) – благотворительница.

⁵⁰ Речь может идти об одном из братьев Ласковских. *Ласковский Михаил Иванович* (ум. в 1850 г.) – выпускник Училища Правоведения 1846 года, коллежский асессор, секретарь IV департамента

Сената. *Ласковский Николай Иванович* (ум. в 1877 г.) – выпускник Училища Правоведения 1849 года, статский советник, председатель совета присяжных поверенных в Москве.

⁵¹ Гоголь Николай Васильевич, урожденный Яновский (1809–1852) – писатель, критик, публицист, драматург, поэт, религиозный мыслитель.

⁵² Панин Виктор Никитич (1801–1874) – граф, выпускник Московского университета, государственный деятель, служащий коллегии, а затем и Министерства иностранных дел, товарищ министра юстиции (с 1832 г.), министр юстиции (1841–1862), член секретного, а с 1858 года – Главного комитета по крестьянскому делу, председатель редакционных комиссий (с 1860 г.), готовивших отмену крепостного права, хотя Панин и не являлся сторонником данной реформы.

⁵³ Сен-При Арман Эмманюэль Шарль Гиньяр де (1782–1863) – граф, эмигрировавший в Россию во время революции, служил в русской гвардии, управлял Херсонской и Каменец-Подольской губерниями (где его звали Карлом Францевичем Сен-При), а в начале 1820-х годов вернулся во Францию, унаследовав от отца в 1822 году звание пэра.

⁵⁴ Саллюстий (IV в.) – античный философ-неоплатоник, предположительно ученик Ямвлиха и друг императора Юлиана.

⁵⁵ Comte de Saint-Priest (франц.) – граф де Сен-При.

⁵⁶ Лопатин Ипполит Пафнутьевич (ум. в 1863 г.) – выпускник Училища Правоведения 1844 года, статский советник.

⁵⁷ Купреянов Яков Александрович (1824–1880) – выпускник Училища Правоведения 1844 года, тайный советник, Пензенский губернатор, директор департамента государственного казначейства, сенатор, успешно проводил крестьянскую реформу в Пензенской губернии.

⁵⁸ Речь идет о Михаиле Измайловиче Богословском, законоучителе Училища Правоведения.

⁵⁹ Речь идет об одном из братьев Пейкер. *Пейкер Владимир Иванович* (ум. в 1879 г.) – выпускник Училища Правоведения 1846 года, коллежский советник, управляющий Варшавской таможенной. *Пейкер Константин Иванович* (ум. в 1885 г.) – выпускник Училища Правоведения 1849 года, надворный советник.

⁶⁰ Сальватори Антон Антонович (ум. в 1861 г.) – выпускник Училища Правоведения 1846 года, титулярный советник.

⁶¹ Попов Михаил Николаевич (ум. в 1889 г.) – выпускник Училища Правоведения 1846 года, действительный статский советник, управляющий канцелярией Киевского генерал-губернатора.

⁶² Керстен Николай Богданович (ум. в 1858 г.) – выпускник Училища Правоведения 1846 года, надворный советник, прокурор межевой канцелярии.

⁶³ Врангель Егор Егорович (ум. в 1875 г.) – барон, выпускник Училища Правоведения 1846 года, тайный советник, директор департамента Министерства юстиции, сенатор, член следственной комиссии о покушении Д. Каракозова на Александра II.

⁶⁴ Крюднер Александра Павловна (1827–1881) – баронесса, писательница, (псевдоним – Павлович Александр).

⁶⁵ Христианович Николай Филиппович (1828–1890) – выпускник Училища Правоведения 1848 года, действительный статский советник, председатель Полтавского окружного суда, композитор, музыкальный критик.

⁶⁶ Савелов Сергей Дмитриевич (ум. в 1900 г.) – выпускник Училища Правоведения 1845 года, статский советник, член Елизаветпольского окружного суда.

⁶⁷ Бахметев Александр Николаевич (ум. в 1881 г.) – выпускник Училища Правоведения 1844 года, действительный статский советник, камергер, почетный член совета Петроградских детских приютов.

⁶⁸ Баранов Платон Иванович (1827–1884) – выпускник Училища Правоведения 1847 года, директор сенатского архива (с 1865 г.), член консультации Министерства юстиции, издатель описи Высочайших повелений (1707–1762) под заглавием «Архив Правительствующего Сената», работал над биографическими очерками сенаторов.

⁶⁹ Сербинович Владимир Адрианович (ум. в 1910 г.) – выпускник Училища Правоведения 1844 года, действительный статский советник, член Петроградского окружного суда.

⁷⁰ Вакар Платон Алексеевич (1823–1899) – выпускник Училища Правоведения 1844 года, тайный советник, член Главного управления по делам печати.

⁷¹ Felicita (итал.) – счастье, благополучие.

⁷² Кайданов Иван Кузьмич (1782–1843) – педагог, автор учебников истории, адъюнкт-профессор Царскосельского лицея, преподаватель истории в Училище Правоведения (1835–1843).

⁷³ Пошман Семен Антонович (1788–1847) – директор Императорского Училища Правоведения, действительный статский советник, ранее – актуариус Коллегии Иностранных Дел (1805–1807), затем служил в Комитете Лифляндских Дел (1808–1809), помощником Директора Музеума Государственного Адмиралтейского Департамента (1811–1815), затем была военная служба. В 1827–1835 годах началась работа в Сенате, в Министерстве юстиции, а 10 июня 1835 года С. А. Пошман был назначен директором Императорского Училища Правоведения. Воспитанники вспоминали о нем, как о строгом, но добром человеке.

⁷⁴ Кайпш Егор Иванович – преподаватель статистики Императорского Училища, автор труда «Статистика Российской империи».

⁷⁵ Лустоно Иван Лаврентьевич (1822–1861) – батальный живописец.

⁷⁶ Екатерина Арагонская (1485–1536) – дочь короля Испании Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской, первая жена английского короля Генриха VIII, мать королевы Марии I.

⁷⁷ *Энгельгардт Диодор Андреевич* (ум. в 1883 г.) – выпускник Училища Правоведения 1846 года, статский советник, корреспондент Главного Управления государственными коннозаводами. *Энгельгардт фон Василий Павлович* (1828–1915) – выпускник Училища Правоведения 1847 года, действительный статский советник, почетный доктор астрономии и геодезии Казанского университета, почетный член-корреспондент Императорской академии наук по математике, автор трудов по астрономии, коллекционер, пропагандист Швейцарского похода А. В. Суворова.

⁷⁸ Левашники – домашняя пастила.

⁷⁹ *Le bal masque sous Louis XIV* (франц.) – маскарад при Людовике XIV.

⁸⁰ Так в оригинале. – О. С.

⁸¹ *La famille improvisee* (фр.) – семейная импровизация.

⁸² *L'humoriste* (фр.) – юморист.

⁸³ Дюфур – актер французского театра эпохи Николая I.

⁸⁴ Кропоткин Петр Дмитриевич (1826–1876) – князь, выпускник Училища Правоведения 1847 года, коллежский асессор.

⁸⁵ Тимрот Николай Александрович (ум. в 1890 г.) – выпускник Училища Правоведения 1846 года, действительный статский советник.

⁸⁶ Трузсон Николай Петрович (ум. в 1893 г.) – выпускник Училища Правоведения 1847 года, действительный статский советник, губернский прокурор Калужской губернии, управляющий акцизными сборами Тамбовской губернии.

⁸⁷ Ungeachtet dieser Wissenschaftt... als (нем.) – несмотря на эту науку... так.

⁸⁸ Крылов Иван Андреевич (1769–1844) – баснописец, поэт, переводчик, писатель.

⁸⁹ Гнедич Николай Иванович (1784–1833) – поэт, переводчик «Илиады».

⁹⁰ Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) – государственный, общественный деятель, законотворец и реформатор, потрудившийся в эпоху Александра I и Николая I, основатель теоретического правоведения, масон ложи «Полярная Звезда», член Российской академии (с 1831 г.), почетный член Императорской академии наук.

⁹¹ Так в оригинале. Вероятно, следует читать «себя», вместо «тебя». – О. С

⁹² Вино добро и мягко, / Доброе – добро, кривое – криво. / В целом сладкий вкус, радуйся, / Мировая радость. (лат.)

⁹³ Радость цвета винограда; / Радость, вкус разнообразный; / Мы тобой пьяны, / Чтим силу... (лат.)

⁹⁴ Как прекрасно окупиться / Нам в природу, / Как светит солнце, / Как смеется луг. (нем.)

⁹⁵ O, wie wohl! Ist mir am Abend...“Gute Nacht, gute nacht, schönste Anna-Dorothee“ (нем.) – О! Как здорово! Наступил вечер... «Доброй ночи, доброй ночи, прекрасная Анна-Доротейя».

⁹⁶ “Was macht der Herr Papa? Was macht der lederne Herr Papa?”... “Laurentia, liebe, Laurentia mein” (нем.) – Что за власть, господин-батюшка? Что за власть колотить, господин-батюшка?... Лоренция любимая, Лоренция моя.

⁹⁷ Рылеев Кондратий Федорович (1795–1826) – поэт, декабрист, один из пяти казненных руководителей восстания декабристов 1825 года.

⁹⁸ Давыдов Денис Васильевич (1784–1839) – участник Отечественной войны 1812 года, партизан, генерал-лейтенант, поэт.

⁹⁹ Виардо Полина, Полина Мишель Фердинанд Гарсиа-Виардо (1821–1910) – французская певица, композитор, вокальный педагог,

дочь и ученица испанского певца и педагога Мануэля Гарсиа, автор романсов и опер на либретто И. С. Тургенева.

¹⁰⁰ Рубини Джованни Батиста (1794–1854) – итальянский певец-тенор, прозванный «королем теноров».

¹⁰¹ D'un pensiero (итал.) – размышление.

¹⁰² Соннамбула – мелодрама итальянского композитора В. Беллини.

¹⁰³ Гней Помпей Великий (106–48 гг. до н. э.) – римский государственный деятель и полководец.

¹⁰⁴ Котляревский Андрей Иванович (ум. в 1895 г.) – выпускник Училища Правоведения 1846 года, действительный статский советник, член Московской судебной палаты.

¹⁰⁵ Берар – француз, воспитатель Училища Правоведения.

¹⁰⁶ Так в оригинале. – О. С.

¹⁰⁷ Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864) – граф, государственный деятель, дипломат, литератор, член Российской академии (с 1831 г.), президент Петербургского академии наук, отец Антонины Дмитриевны Блудовой.

¹⁰⁸ Победоносцев Василий Степанович (ум. в 1805 г.) – священнослужитель церкви св. Георгия Победоносца на Варварке.

¹⁰⁹ Левашовы (Левашевы, Левашёвы, Левашёвы) – дворянский и графский род, происходивший от немчина Христофора Карла Дола, выехавшего во Псков, принявшего крещение с именем Василия и ставшего боярином великого князя Александра Михайловича.

¹¹⁰ Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) – историк и историограф, писатель, поэт, почетный член Петербургской академии наук (1818 г.), автор «Истории государства Российского» (1803–1826).

Воспитание характера в школе

Печатается по изданию: *Победоносцев К. П.* Воспитание характера в школе. – Ишим: Издательство журнала «Собор», 2000. – 15 с. Произведение впервые опубликовано К. П. Победоносцевым в 1900 году.

¹¹¹ Шульц Надежда Павловна фон, урожденная Шипова (1792–1877) – воспитательница Царскосельского училища девиц

духовного звания, вдова действительного статского советника А. А. фон Шульца, убитого в 1842 году собственными крестьянами. В том же году Н. П. Шульц вместе со своей сестрой Елизаветой Павловной Шиповой и при помощи великой княжны Ольги Николаевны (впоследствии – королевы Виртембергской) основали первые училища для девиц духовного звания в Царском Селе под управлением Н. П. Шульца и в Ярославле – под началом Е. П. Шиповой.

Надежда Павловна Шульц

Печатается по тексту: *Победоносцев К. П.* Надежда Павловна Шульц (некролог). – СПб.: Типография Пуцыковича, 1877. – 16 с. Впервые опубликовано: К. П. [Победоносцев К. П.] Надежда Павловна Шульц: Некролог // Гражданин. – 1877. – № 25–26. С. 618–620. Произведение вошло в сборник «Вечная память: Воспоминания о почивших» (М., 1896).

¹¹² Шипов Сергей Павлович (1789/1790–1876) – генерал-адъютант (1825 г.), член Военного совета (1838–1841 гг.), генерал от инфантерии (с 1843 г.), казанский губернатор (1842–1844 гг.), сенатор (с 1846 г.).

¹¹³ Леонтьева Мария Павловна (1791–1874) – статс-дама, начальница Смольного института.

¹¹⁴ Шипова Елизавета Павловна (1796–1883) – первая начальница Ярославского женского училища Духовного ведомства (1845–1883 гг.).

¹¹⁵ Ольга Николаевна (1822–1892) – великая княжна, дочь императора Николая I и императрицы Александры Федоровны, жена короля Виртембергского Карла I.

Наставление девицам

Печатается по тексту: *Победоносцев К. П.* <Напутственное слово К. П. Победоносцева в г. Ярославле 9 июня 1880 г. на выпускном акте в училище для дочерей священно- и церковнослужителей...> // Сочинения. – СПб.: Наука, 1996. – С. 123–125, опубликованному А. И. Пешковым по статье К. П. Победоносцева в газете «Московские ведомости» от 21 июня 1880 г.

¹¹⁶ Мария Александровна, урожденная принцесса Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария Гессенская (1824–1880) – великая княгиня (1841–1855 гг.), императрица (с 1880 г.), дочь великого герцога Людвига II Гессенского, супруга российского императора Александра II, **мать будущего императора Александра III, благотворительница, содействовала открытию всесословных женских гимназий, епархиальных училищ, учреждению Красного Креста.**

¹¹⁷ Речь идет о св. жене-мироносице Марии, сестре св. жены-мироносицы Марфы и Лазаря Четверодневного, воскрешенного Спасителем. См.: Лк. 10:42.

¹¹⁸ Речь идет о войне с Турцией 1877–1878 годов.

¹¹⁹ Речь идет о смерти Наследника престола, великого князя Николая Александровича в 1865 году.

¹²⁰ Великий князь Сергей Александрович (1857–1905) – пятый сын императора Александра III, супруг В. К. Елизаветы Федоровны (преподобномученицы), участник Русско-Турецкой войны 1877–1878 годов, московский генерал-губернатор (с 1891 г.), меценат, благотворитель, один из инициаторов и учредителей Палестинского общества. Погиб от рук террориста И. Каляева.

Приветствие старого воспитателя Великому Князю в день его совершеннолетия

Печатается по тексту: *Победоносцев К. П.* Приветствие старого воспитателя великому князю в день его совершеннолетия // Победоносцев К. П. Сочинения. – СПб.: Наука, 1996. – С. 116–122, являющемуся воспроизведением письма К. П. Победоносцева, анонимно опубликованного в журнале «Старина и новизна» (1907. Кн. 12. С. 1–9). Авторство установлено А. И. Пешковым на основании письма К. П. Победоносцева управляющему Московской синодальной типографией С. Д. Войту от 15 мая 1906 г. (См.: Победоносцев К. П. Сочинения. – СПб.: Наука, 1996. – С. 122).

¹²¹ См.: Мф. 13:12.

¹²² См.: Мф. 11:12.

¹²³ См.: Мф. 25:14–30.

¹²⁴ См.: 1 Фес. 5:19.

¹²⁵ См.: Ин. 2:10.

¹²⁶ *Noblesse oblige* (англ.) – положение обязывает.

¹²⁷ Великий Князь Сергей Александрович сполна воплотил в жизнь совет своего наставника. После смерти матери и убийства отца в 1881 году он совершил паломничество на Святую Землю, после чего учредил Императорское Православное Палестинское общество, в котором был председателем до самой смерти в 1905 году от рук террориста. Общество покровительствовало православным паломникам в Палестине. Совместно с Елизаветой Федоровной он участвовал в делах благотворительности. В своем имении в Ильинском Сергей Александрович построил родильный дом для крестьянок. Вместе с супругой он был восприемником крестьянских детей при крещении. Супруги щедро помогали крестьянам в случае беды или нужды. С 1891 года Сергей Александрович стал генерал-губернатором Москвы. На этом посту он участвовал в деятельности многих просветительских и благотворительных организаций, например Московского общества призрения, воспитания и обучения слепых детей, Комитета для оказания пособий вдовам и сиротам, пострадавшим на войне, Московского общества покровительства безпризорным и освобожденным из мест заключения несовершеннолетним, Московского Совета детских приютов, помогал Московскому историческому музею и т. д. Сергей Александрович способствовал организации общежитий при Московском университете, открытых в 1899–1903 годах, состоял президентом, председателем, членом или благотворителем многих научных обществ и организаций: Московского архитектурного общества, Дамского попечительства о бедных в Москве, Московской духовной академии, Московского филармонического общества, Комитета по устройству при Московском университете Музея изящных искусств имени императора Александра III, Московского археологического общества, был почетным членом Академии наук, Академии художеств, Общества художников исторической живописи, Московского и Петербургского университетов, Общества сельского хозяйства, Общества любителей естествознания, Русского музыкального общества, Археологического музея в Константинополе, Православного миссионерского общества, Отдела распространения духовно-нравственных книг. В политике Сергей Александрович занимал жесткую охранительную позицию, в связи с чем 1 января 1905 года подал в отставку с поста генерал-губернатора Москвы, что пришлось сделать в том же году и его бывшему учителю К. П. Победоносцеву. Любовь про-

стых людей и нелюбовь «высшего общества» также была общим делом Сергея Александровича и его «старого учителя». Сергей Александрович разделял воззрения К. П. Победоносцева и пытался воспрепятствовать дехристианизации там, где был в силах это сделать. 2 апреля 1908 года на месте его гибели на добровольные пожертвования пятого гренадерского полка был установлен памятник-крест по проекту художника В. Васнецова. Характерно, что 1 мая 1918 года В.И. Ленин своими руками сбросил его с поста-мента. (См.: *Мельник В. И.* Князь-мученик Сергей Александрович – http://ricolor.org/history/mn/romanov/serg_romanov/4/).

¹²⁸ См.: Мф. 13:45, 46.

К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ И СОВРЕМЕННОСТИ

Письма К. П. Победоносцева к Ф. М. Достоевскому

Печатается по изданию: Письма К. П. Победоносцева. Публикация Л. Гроссмана // Литературное наследство. – Т. 15. – М., 1934. – С. 124–149. Подлинники писем хранятся в рукописном отделе Российской Государственной Библиотеки в фонде Ф. М. Достоевского (Ф. 93/II).

¹ «Гражданин» – литературный и политический журнал, основанный князем В. П. Мещерским. Издавался в 1872–1879 и 1882–1914 годах в Санкт-Петербурге. Выходил в 1872–1879, 1883–1884 и 1911–1914 годах еженедельно, в 1882, 1885–1886 и 1897–1909 годах – 2 раза, а в 1887 году – 3 раза в неделю, в 1888–1897 годах – ежедневно. Редакторы – Г. К. Градовский (1872), Ф. М. Достоевский (1873–1874), В. Ф. Пуцыкович, В. П. Мещерский (1882–1906) и М. Н. Назаров (1906–1914).

² Речь идет о статье «Из Лондона», напечатанной в № 27 «Гражданина» от 2 июля 1873 года анонимно. Статья посвящена проблеме пропаганды английского духовенства против России в пользу Персии.

³ Квадратные скобки Л. Гроссмана.

⁴ Речь идет о статье «Вестминстерское аббатство», напечатанной в № 32 «Гражданина» от 6 августа 1873 года (с. 870–873) за подписью В.

⁵ В № 33 «Гражданина» от 13 августа 1873 года на странице 893 отмечено, что в предшествовавшей статье «Русских листков» «Вестминстерское аббатство» в № 32 допущены две крупные опечатки: «за незрелость» следует читать как «замерзлость», «чиновых форм» – «условных форм».

⁶ Вероятно, речь идет о трех из следующих частей «Русские листки из-за границы»: V. «Противоречия в Англиканской церкви», VI. «Ирвингиты в Лондоне», VII. «Деисты и унитарии в Лондоне», VIII. «Воровской ужин», IX. «Новая вера и новые браки».

⁷ Речь идет о работе Джемса Стифена “**Liberty, equality, fraternity**” (Lond., 1873), критическую статью на которую помещает К. П. Победоносцев анонимно в № 37 «Гражданина» от 10 сентября 1873 года под названием «Свобода, равенство, братство».

⁸ Филиппов Третий Иванович (1825–1899) – государственный деятель, сенатор (с 1883 г.), действительный тайный советник, Государственный контролер (1889–1899 гг.), публицист, историк Церкви.

⁹ Толстой Александр Петрович (1801–1873) – граф, обер-прокурор Святейшего Синода (с 1856 по 1862 г.), член Государственного совета. Воспоминания о нем Т. И. Филиппова опубликованы в «Гражданине» 29 января 1874 года в № 4.

¹⁰ Имеется в виду статья «Борьба государства с Церковью в Германии», опубликованная в № 34 «Гражданина» от 20 августа 1873 года за подписью ZZ.

¹¹ Речь идет о статье К. П. Победоносцева «Свобода, равенство и братство», которая печаталась анонимно в трех последующих номерах «Гражданина» – 35, 36 и 37 (от 27 августа, 3 и 10 сентября).

¹² Речь идет о редакции «Гражданина».

¹³ Квадратные скобки Л. Гроссмана.

¹⁴ Речь идет о статье Победоносцева «Испания», напечатанной в № 37 «Гражданина» от 10 сентября 1873 года, подписанной ZZ.

¹⁵ Речь идет о статье Победоносцева «Франция (взгляд на теперешнее ее состояние)», напечатанной в № 35 «Гражданина» от 27 августа 1873 года, подписанной ZZ.

¹⁶ Дополнение к статье «Испания» было помещено в подстрочном примечании на с. 992.

¹⁷ Исправления внесены в текст статьи «Братство» на с. 1010.

¹⁸ Квадратные скобки Л. Гроссмана.

¹⁹ Данное примечание к статье «Испания» опубликовано на с. 993.

²⁰ Квадратные скобки Л. Гроссмана.

²¹ Речь идет о статье Победоносцева «Новая вера и новые браки», напечатанной в № 39 «Гражданина» от 24 сентября за подписью В.

²² Квадратные скобки Л. Гроссмана.

²³ Речь идет о статье «Обзор важнейших узаконений за летние месяцы (с 18 мая по 11 сентября)», опубликованной в «Гражданине» № 39 от 24 сентября 1873 года анонимно.

²⁴ Квадратные скобки Л. Гроссмана.

²⁵ Речь идет о статье «Церковь и государство в Германии», напечатанной в «Гражданине» № 40 от 1 октября 1873 года за подписью ZZ.

²⁶ В № 39 «Гражданина» опубликованы две статьи Победоносцева: «Обзор важнейших узаконений», IX часть «Русских листков из-за границы» – «Новая вера и новые браки».

²⁷ Речь идет о статье Победоносцева «Съезд юристов в Москве», опубликованной в № 44 «Гражданина», по поводу предположения юридического факультета Московского университета созвать съезд русских юристов в Москве в 1874 году и бесперспективности данного съезда.

²⁸ Квадратные скобки Л. Гроссмана.

²⁹ Речь идет о статье Победоносцева «Картина высшего воспитания. Автобиография Дж. Стюарта Милля», размещенной в № 55 «Гражданина» от 5 ноября 1873 года за подписью В., после передовой статьи.

³⁰ Квадратные скобки Л. Гроссмана.

³¹ См.: «Гражданин» № 52 от 29 декабря 1873 года, раздел «Петербургское обозрение».

³² Речь идет о корректуре статьи Победоносцева «Подлежит ли земство по закону ответственности за непринятие мер против голода», подписанной В. П-ч, помещенной в № 52 «Гражданина» 1873 года.

³³ Квадратные скобки Л. Гроссмана.

³⁴ Так в оригинале. – О. С.

³⁵ Речь идет о «Дневнике писателя», включавшем заметки Ф. М. Достоевского на литературные, политические, социальные, духовные темы, а также художественные произведения писателя. «Дневник писателя» публиковался в «Гражданине» в 1873–1880 годах.

³⁶ См.: Победоносцев К. П. Исторические исследования и статьи. – СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1876. – 352 с.

³⁷ Герцен Александр Иванович (1812–1870) – писатель, философ, публицист, революционер.

³⁸ Речь идет о герое повести А. И. Герцена «Записки доктора Крупова», считавшем людей сборищем сумасшедших.

³⁹ Огарев Николай Платонович (1813–1877) – поэт, публицист, революционер.

⁴⁰ *C'est une vipere* (фр.) – эта первая гадюка.

⁴¹ Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) – писатель, поэт, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук (с 1860 г.).

⁴² «Предпринимаю длинное путешествие. Если самоубийство не удастся, то пусть соберутся все отпраздновать мое воскресение из мертвых с бокалами Клико. А если удастся, то я прошу только, чтоб схоронили меня, вполне убедясь, что я мертвая, потому что совсем неприятно проснуться в гробу под землю. Очень даже не шикарно выйдет!» – Перевод Ф. М. Достоевского, приведенный им в главе «Два самоубийства» «Дневника писателя» за октябрь 1876 года; изложив историю трагедии, он не называет имен. (*Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Т. 9. В 2 кн. – Кн. 1. – М.: Астрель, 2004 – С. 465*).

⁴³ Речь идет о «Дневнике писателя» за май 1876 года.

⁴⁴ Вдова священника из Старой Руссы.

⁴⁵ Речь идет о будущем императоре Александре III (1845–1894), правившем с 1881 года.

⁴⁶ Квадратные скобки Л. Гроссмана.

⁴⁷ «Дневник писателя» за январь 1877 года включал: Глава первая. I. Три идеи. II. Миражи. Штунда и редстокисты. III. Фома Данилов, замученный русский герой. Глава вторая. I. Примирительная мечта вне науки. II. Мы в Европе лишь стрючки. III. Старина о «петрашевцах». IV. Русская сатира. «Новь». «Последние песни». Старые воспоминания. V. Именинник.

⁴⁸ Данилов Фома – унтер-офицер 2-го Туркестанского стрелкового батальона, взятый в плен кипчаками и зверски замученный 21 ноября 1875 года в Маргелане за отказ отречься от Христа и служить им.

⁴⁹ Амвросий, в миру – Ключарев Алексей Иосифович (1820–1901) – благотворитель, богослов, церковный писатель, миссионер,

редактор журнала «Душеполезное чтение», руководитель журнала «Вера и разум», епископ Можайский (с 1878 г.), епископ Харьковский и Ахтырский (с 1882 г.).

⁵⁰ «Современные Известия» – ежедневная газета, издававшаяся в Москве И. П. Гиляровым-Платоновым с 1 декабря 1867 года.

⁵¹ Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – публицист, издатель, критик, редактор «Московских ведомостей» и «Русского вестника».

⁵² Шаховской Лев Владимирович (1849–1897) – князь, дипломат, литератор, супруг дочери М. Н. Каткова Варвары, бывшей фрейлиной Высочайшего двора.

⁵³ Речь идет о материале для главы «Тлетворный дух» романа «Братья Карамазовы», в котором описано погребение старца Зосимы.

⁵⁴ Речь идет о № 81 «Московских ведомостей» от 31 марта 1879 года.

⁵⁵ Квадратные скобки Л. Гроссмана.

⁵⁶ *Forse majeure* (франц.) – непредвиденные обстоятельства.

⁵⁷ «Страшно впасть в руки Бога живого!» (Евр. 10:31).

⁵⁸ См.: Мф. 3:12.

⁵⁹ Речь идет о статье закона, запрещавшей служителям Церкви заниматься образовательной деятельностью. Закон об обязательном светском обучении был принят во Франции в 1880 году.

⁶⁰ См.: Мф. 6:27.

⁶¹ См.: Мф. 6:34.

⁶² Речь идет о романе В. П. Мещерского «В улику времени», изданном в Санкт-Петербурге в 1879 году.

⁶³ Пуцыкович Виктор Феофилович (род. в 1843 г.) – писатель, с 1874 по 1879 год – редактор-издатель «Гражданина», с конца 1879 года по 1881 год – издатель и редактор «Русского Гражданина» в Берлине, корреспондент «Нового Времени».

⁶⁴ См.: «Московские епархиальные ведомости», № 31 от 20 июня 1879 года, с. 258.

⁶⁵ Фазтон – в древнегреческой мифологии сын Гелиоса, упрямивший его разрешить править солнечной колесницей, но кони слишком приблизились к земле, и она загорелась; чтобы потушить землю, Зевс погубил Фазтона.

⁶⁶ Цитович Петр Павлович – юрист, законодатель, доктор гражданского права (с 1873 г.), преподаватель Новороссийского и Харь-

ковского, Киевского и Санкт-Петербургского университетов, сенатор (с 1880 г.), публицист, редактор газеты «Берег», член совета министра финансов.

⁶⁷ Квадратные скобки Л. Гроссмана.

⁶⁸ Речь идет о литературном и политическом журнале «Русский Гражданин», № 5 от 31 июля, изданном В. Ф. Пуцыковичем в Берлине в 1879 году.

⁶⁹ Sine ira et studio (лат.) – без гнева и пристрастия.

⁷⁰ Градовский Александр Дмитриевич (1841–1889) – профессор права, преподаватель Санкт-Петербургского университета, публицист, сотрудник «Голоса», «Русской Речи». Речь идет о статье Градовского «Задача русской молодежи» против «хождения в народ». (См.: Голос. – 1879. – № 211.)

⁷¹ Речь идет о статье Евгения Маркова «Горе от ума. По поводу высших женских курсов». // Голос. – 1879. – 15 и 18 августа. – № 224, 227.

⁷² «Вестник русских евреев» – еженедельная газета, выходившая в 1871–1873 годах в Санкт-Петербурге под редакцией Е. П. Карповича. «Еврейская библиотека» – историко-литературные сборники под ред. А. Е. Ландау. «Русский еврей» – еженедельная газета, выходившая под ред. Л. Бермана в Санкт-Петербурге в 1879–1884 годах.

⁷³ Речь идет о священнике Иоанне Румянцеве, настоятеле Георгиевской церкви в Старой Руссе, с которым Достоевские были дружны.

⁷⁴ Имеется в виду речь Ф. М. Достоевского, сказанная 8 июня 1880 года на пушкинских торжествах, в которой он подчеркивал народность и всемирность А. С. Пушкина, основанную на православной культуре. (См.: Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Т. 9. В 2 кн. – Кн. 2. – М.: Астрель, 2004. – С. 401–415).

⁷⁵ См.: Ин. 5:3.

⁷⁶ Имеется в виду единственный выпуск «Дневника писателя» за 1880 год, где помещена речь Ф. М. Достоевского об А. С. Пушкине.

⁷⁷ Речь идет об одиннадцатой книге четвертой части «Братьев Карамазовых» – «Брат Иван Федорович» (главы I–V), опубликованной в «Русском Вестнике» в июле 1880 года.

⁷⁸ Речь идет о десятой книге четвертой части «Братьев Карамазовых» «Мальчики», опубликованной в «Русском Вестнике» в апреле 1880 года.

⁷⁹ Толстая Софья Андреевна, урожденная Бахметева, в первом браке Миллер (1827–1895) – жена писателя Алексея Константиновича Толстого, содержательница литературного салона.

⁸⁰ Абаза Юлия Федоровна, урожденная Штуббе (1830–1915) – салонная певица, жена министра финансов Александра Агеевича Абазы, камер-певица великой княгини Елены Павловны.

⁸¹ Имеется в виду речь, сказанная К. П. Победоносцевым в Ярославле 9 июня 1880 года выпускницам училища для дочерей священно- и церковнослужителей.

⁸² Речь идет о единственном выпуске «Дневника писателя» за 1881 год.

⁸³ Речь идет о статье К. Н. Леонтьева «О всемирной любви. По поводу речи Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике», напечатанной в №№ 162, 169, 173 (29 июля, 7 и 12 августа) «Варшавского дневника». 16 августа 1880 года Достоевский писал Победоносцеву: «Благодарю за присылку “Варшавского дневника”. Леонтьев, в конце концов, немного еретик – заметили Вы это?» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. В 30 т. – Т. 29. Кн. I. – М., 1991. – С. 209). О том, что Достоевский собирался ответить Леонтьеву, свидетельствуют его заметки в записной книжке 1880–1881 г.: «Леонтьеву (не стоит добра желать миру, ибо сказано, что он погибнет). В этой идее есть нечто безрассудное и нечестивое. Сверх того, чрезвычайно удобная идея для домашнего обихода: уж, коль все обречены, так чего же стараться, чего любить, добро делать? Живи в свое пузо». (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. В 30 т. – Т. 29. – Кн. I. – М., 1991. – С. 370). К. Н. Леонтьев писал: «В речи г. Победоносцева Христос познается не иначе, как через Церковь: “любите прежде всего Церковь”. В речи г. Достоевского Христос, по-видимому, по крайней мере, до того помимо Церкви доступен всякому из нас, что мы считаем себя вправе, даже не справляясь с азбукой катехизиса, то есть с самыми существенными положениями и безусловными требованиями православного учения, приписывать Спасителю никогда не высказанные им обещания “всеобщего братства народов”, “повсеместного мира”, и “гармонии”». (Цит. по: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 29. Кн. I. – М., 1991. – С. 307). Во-первых, по мысли Достоевского, Христос познается не помимо Церкви, а в ее лоне смиренно, без рассуждения, познают верующие, а не пытливые души, через Благодать и Таинства, ничего не формулируя, следовательно, не искажая. Во-вторых, по мысли Победоносцева,

познание Христа через Церковь не означает любви прежде всего к ней. Согласно православному мышлению автора, в ее Таинствах дается благодать Св. Духа, верующие приобщаются Тела и Крови Христовых. Церковь – корабль, несущий душу ко Христу, Он – цель, а Церковь – средство, она – Тело, а Христос – Глава, и она немыслима без Христа. К. Н. Леонтьев же разделяет понятия, неразделимые в православной традиции.

⁸⁴ Полный текст романа «Братья Карамазовы» вышел в начале декабря 1880 года, в ноябре того же года в «Русском Вестнике» был опубликован «Эпилог» произведения.

⁸⁵ Ф. М. Достоевский был принят в Аничковом дворце 16 декабря 1880 года.

⁸⁶ Квадратные скобки Л. Гроссмана.

⁸⁷ Речь о книге К. П. Победоносцева «Курс гражданского права». Первая часть посвящена вотчинным правам, вторая – правам семейным, наследственным и завещательным, третья – договорам и обязательствам (1-е издание в 1868–1879 гг., 2-е – в 1873–1875 гг.).

О. Иоанн Кронштадтский и К. П. Победоносцев

Печатается по тексту: О. Иоанн Кронштадтский и К. П. Победоносцев. Публикация А. Ю. Полунова. // Река времен. Книга истории и культуры. Кн. 2. – М.: Эллис лак, 1995. – С. 86–92. Подлинники документов хранятся в Российском Государственном Историческом Архиве г. Санкт-Петербурга (Ф. 797. Оп. 53. Отд. 1. Стол 1. Д. 5. Л. 36–40).

⁸⁸ Ненарокомов Иван Александрович (1832–1890) – директор канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода (с 1869 г.), тайный советник, магистр Московской духовной академии, член Учебного комитета при Святейшем Синоде.

⁸⁹ Покровский Петр Евдокимович (1802–1888) – протоиерей, главный священник армии и флота, духовный писатель, способствовал учреждению общества попечения о бедных военного духовенства.

⁹⁰ Трачевский Павел Васильевич (ок. 1807–1895) – протоиерей, настоятель собора св. Андрея Первозванного в Кронштадте.

⁹¹ Феокистов Евгений Михайлович (1828–1898) – писатель, публицист, редактор, цензор, тайный советник, начальник Главного управления по делам печати (1883–1896 гг.), сенатор (с 1896 г.).

⁹² Упомянутой записки в архивном деле не содержится. – *Примеч. А. Ю. Полунова.*

⁹³ Грессер Петр Аполлонович (1833–1892) – генерал-адъютант, градоначальник Санкт-Петербурга (1883–1892).

К. П. Победоносцев в письмах к друзьям

Печатается по тексту: *К. П. Победоносцев в письмах к друзьям.* Публикация О. Е. Майоровой. // Вопросы литературы. – 1989. – № 4. – С. 275–281. Подлинники писем хранятся в отделе рукописей Российской Государственной Библиотеки (Ф. 230. Оп. 4410. Д. 1. Л. 19–20 об.), Российском Государственном Архиве литературы и искусства (Ф. 427. Оп. 1. Д. 981. Л. 42–43 об., 70–71 об.).

⁹⁴ Сергей Александрович Рачинский (1833–1902) – педагог, ученый, ботаник, математик, профессор Московского университета, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, публицист.

⁹⁵ Квадратные скобки О. Е. Майоровой.

⁹⁶ Подчеркнуто К. П. Победоносцевым.

⁹⁷ Лорис-Меликов Михаил Таризлович (1825–1888) – государственный деятель, военачальник, граф (с 1878 г.), генерал-адъютант, член Государственного совета (с 1880 г.), начальник Верховной распорядительной комиссии, министр внутренних дел, сторонник либерализации внутренней политики, получивший отставку в начале царствования Александра III.

⁹⁸ Забелин Иван Егорович (1820–1908) – доктор русской истории (с 1871 г.), археолог, председатель Московского общества истории и древностей российских (1879–1888 гг.), товарищ председателя Исторического музея в Москве (с 1883 г.), почетный член Академии наук (с 1892 г.).

⁹⁹ Квадратные скобки О. Е. Майоровой.

¹⁰⁰ Речь идет о деятельности Общества Добровольного Флота, основанного в 1878 году на добровольные пожертвования, при покровительстве наследника Александра Александровича (будущего Александра III). «**Нижний Новгород**» был одним из пароходов Добровольного Флота. Поначалу Победоносцева тяготили обязанности председателя правления Общества. Когда деятельность приобретала христианский смысл, Константина Петровича оставляли

сомнения в ее необходимости. Так было при перевозке каторжных из Одессы на Сахалин. В результате организации Победоносцевым миссии во главе со священником, который внимательно исповедовал каторжников, было принято решение о снятии с арестантов кандалов, многие люди были избавлены от духовного отчаяния. Через корабли Доброфлота на Сахалин отправлялись пожертвования, собранные Победоносцевым и его супругой Екатериной Александровной. Благотворителям давался строгий отчет по использованию пожертвованных средств. Так, в 1879 году К. П. Победоносцев писал Е. Ф. Тютчевой об иеромонахе Афанасии, сопровождавшем арестантов на Сахалин на кораблях Добровольного Флота: «Очень наивным языком этот простой, добрый человек выражает свои впечатления – особенно от исповеди грешников, которую он принимал по пути... “Суд Божий, – говорит он, – несть суд человеческий. Сколько задушевного, сколько потрясающего <...> пришлось выслушать у Св[ятого] Креста и Евангелия, – я считал долгом не спеша исповедовать и, что положил Бог на сердце, говорить тому, кто старался вполне открывать душу”. Вероятно, он и не думает, сколько добра сделал он в своем служении» (НИОР РГБ. Ф. 230. Оп. 4409. Д. 1. Л. 11). А 5 февраля 1888 года Константин Петрович писал преосвященному Никанору: «Доброму участию Вашего Преосвященства жена моя много обязана – доставлением средств для изготовления вещей, отправляемых ежегодно на Сахалин. Перед отправкою эти вещи обыкновенно выставляются у нас в зале, дабы все лица, принимавшие участие в деле, могли видеть, что посылается» (Переписка К. П. Победоносцева с архиепископом Никанором // Русский архив. – 1915. – № 9–12. – С. 258).

¹⁰¹ Квадратные скобки О. Е. Майоровой.

¹⁰² Подчеркнуто К. П. Победоносцевым.

¹⁰³ Подчеркнуто К. П. Победоносцевым.

¹⁰⁴ Квадратные скобки О. Е. Майоровой.

¹⁰⁵ Квадратные скобки О. Е. Майоровой.

¹⁰⁶ Квадратные скобки О. Е. Майоровой.

¹⁰⁷ Квадратные скобки О. Е. Майоровой.

¹⁰⁸ Квадратные скобки О. Е. Майоровой.

¹⁰⁹ Квадратные скобки О. Е. Майоровой.

¹¹⁰ Квадратные скобки О. Е. Майоровой.

¹¹¹ Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889) – граф, государственный деятель, член Государственного Совета (с 1866 г.),

обер-прокурор Святейшего Синода (1865–1880 гг.), министр народного просвещения (1866–1880 гг.), министр внутренних дел (1882–1889 гг.).

¹¹² Квадратные скобки О. Е. Майоровой.

¹¹³ Тютчева Екатерина Федоровна (1835–1882) – младшая дочь Ф. И. Тютчева от первого брака, выпускница Смольного института, фрейлина императрицы Марии Александровны, писательница, автор «Рассказов из священной истории Ветхого и Нового Завета» (М., 1884), напечатанных после ее смерти, переводчица избранных проповедей митрополита Филарета на английский язык: “Select Sermons by the Metropolitan of Moscow Philaret” (Лондон, 1873), многолетняя корреспондентка и друг семьи Победоносцевых.

¹¹⁴ Квадратные скобки О. Е. Майоровой.

¹¹⁵ Преосвященный Алексей, в миру – Александр Федорович Лавров-Платонов (1829–1890 гг.), профессор Московской духовной академии, викарий Московский, епископ Можайский (1878–1885 гг.), епископ Таврический и Симферопольский, епископ Виленский и Литовский (с 1885 г.), в 1886–1889 годах – архиепископ той же епархии.

¹¹⁶ Подчеркнуто К. П. Победоносцевым.

¹¹⁷ Квадратные скобки О. Е. Майоровой.

¹¹⁸ Квадратные скобки О. Е. Майоровой.

¹¹⁹ Ф.М. Достоевский умер 28 января 1881 года. Победоносцев очень скорбел о потере старого друга, с которым был духовно близок. Духовную основу их дружбы чувствовала и Е. Ф. Тютчева, писавшая Победоносцеву 12 июля 1880 года о Достоевском: «Не все вас понимают, а, кажется, он и я вас понимаем. Я шлю ему поклон... Это тип, который здесь, на чужбине, казался бы чудовищным... Для нас же, русских, он олицетворение народной русской простоты, в нем чистосердечная православная вера, душа страждущая и вечно стремящая к вышней правде. Не знаю, так ли я выразилась. Вполне узнала его в речи о Пушкине, о которой он мне говорил, то есть о смысле речи... Я поняла Д[остоевского] и полюбила его (подчеркнуто Е. Ф. Тютчевой. – О. С.)» (НИОР РГБ. Ф. 230. Оп. 4407. Д. 1. Л. 51–53).

¹²⁰ Мещерский Владимир Петрович (1839–1914) – князь, внук Н. М. Карамзина по материнской линии, писатель, публицист, издатель, редактор журнала (с 1 октября 1887 года – газеты) «Гражданин».

¹²¹ Подчеркнуто К. П. Победоносцевым.

¹²² Подчеркнуто К. П. Победоносцевым.

¹²³ Подчеркнуто К. П. Победоносцевым.

¹²⁴ Квадратные скобки О. Е. Майоровой.

¹²⁵ *Григорович Дмитрий Васильевич* (1822–1898) – писатель. *Майков Аполлон Николаевич* (1821–1897) – поэт, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук (1853). *Полонский Яков Петрович* (1819–1898) – поэт, писатель. *Соловьев Владимир Сергеевич* (1853–1900) – поэт, литературный критик, публицист, философ, русский религиозный реформатор 80–90 годов XIX столетия, проводивший в среду русской интеллигенции реанимированные элементы древних языческих учений, пытаясь соединить их с Православием. Так, его учение о вечной Женственности, Мировой Душе совпадает с идеями неоплатонизма, каббалистическим учением о сефиротах и Эн-Софе (воспринятым, в свою очередь, оккультизмом), а также гностическим космологическим учением, в соответствии с которым в бытии есть два элемента – мужской и пассивный женский. Представление о Боге как Творце и Промыслителе заменяется пантеистическим представлением о рождении из хаоса на основе полового принципа, эманации и эволюции. (См.: *Соловьев В. С. Смысл любви // Собрание сочинений. В 2 т. – Т. 2. – М., 1988. – С. 533–535. См.: Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. – М., 2008. – С. 200, 730–744).*

¹²⁶ Квадратные скобки О. Е. Майоровой.

¹²⁷ Мещерский Николай Петрович (1829–1901) – князь, брат В. П. Мещерского, гофмейстер, попечитель Московского учебного округа.

¹²⁸ Мещерская Мария Александровна, урожденная графиня Панина (ум. в 1903 г.) – княгиня, жена Н. П. Мещерского.

¹²⁹ Шекспир Уильям (1564–1616) – английский поэт и драматург.

¹³⁰ Квадратные скобки О. Е. Майоровой.

¹³¹ Макарий, в миру – Михаил Андреевич Невский (Парвицкий) (1835–1926) – святитель, апостол Алтая, миссионер, благодетель, с 1884 года – епископ Бийский, с 1891 года – епископ Томский и Семипалатинский, с 1895 года – епископ Томский и Барнаульский (с 1906 г. – архиепископ), с 1908 года – архиепископ Томский и Алтайский, с 1912 по 1917 год – митрополит Московский и Коломенский, член Святейшего Синода, с 1920 года – митрополит Алтайский. В 1917 году был уволен с московской кафедры под дав-

лением обер-прокурора Священного Синода (в составе Временного Правительства) В. Н. Львова реабилитирован Поместным Собором 1917 – 1918 годов. В 1920 году св. патриарх Тихон оповестил св. Макария об определении Священного Синода о пожизненном бытии Макарию митрополитом Алтайским.

**38 писем бывшего обер-прокурора
Святейшего Синода К. П. Победоносцева
к высокопреосвященному Макарию Томскому**

Печатается по тексту: 38 писем бывшего обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева к Высокопреосвященнейшему Макарию, Архиепископу Томскому. Публикация священника С. П. Дмитриевского. – Томск: Типография Приюта и Дома Трудолюбия, 1910. – 38 с.

¹³² Так в тексте. Победоносцев занимал пост обер-прокурора Святейшего Синода с 1880 по 1905 год.

¹³³ Макарий, в миру – Михаил Яковлевич Глухарев (1792–1847) – святой, преподобный, архимандрит, миссионер (всего св. Макарий крестил 675 инородцев), знаток многих языков, переводчик Библии и многих молитв, краткой Священной истории, краткого катехизиса св. Филарета, чина исповеди, вопросов при крещении на алтайский язык, перевел весь Ветхий Завет с еврейского на русский язык.

¹³⁴ Ильминский Николай Иванович (1822–1891) – миссионер, ориенталист, педагог, переводчик, профессор Казанского университета и духовной академии, директор Казанской инородческой духовной семинарии, член-корреспондент Академии наук.

¹³⁵ См.: Лепта вторая: Сборник песнопений для народа. – М., 1915. – 129 с.

¹³⁶ См.: Лепта: в пользу бедных между новокрещеными при Церковной Алтайской миссии. – Москва: Типография Семена, 1847. – 80 с.

¹³⁷ Речь идет об Иване Ивановиче Красовском, губернаторе Томска в 1883–1885 годы, действительном статском советнике, камергере.

¹³⁸ Тобизен Герман Августович фон (ок. 1847–1917) – государственный деятель, юрист, выпускник Училища Правоведения

(1865 г.), Лифляндский вице-губернатор (1878–1890 гг.), Томский губернатор (1890–1896 гг.), затем Харьковский губернатор, титулярный советник, гофмейстер; настаивал на прекращении ссылки в Западную Сибирь и отмене телесных наказаний для женщин-бродяг, а также на строительстве Транссибирской магистрали через Томск, принимал участие в комиссии по составлению сметы расходов по сооружению Великого Сибирского пути, а также в комиссии по определению общих положений для земельного устройства крестьян на казенных землях в Сибири.

¹³⁹ Издание «Лепты». – *Примеч. священника С. Дмитриевского.*

¹⁴⁰ Смоленский Степан Васильевич (1848–1909) – выпускник юридического и филологического факультетов Казанского университета, музыковед, палеограф, хоровой дирижер, директор Синодального училища, профессор Московской консерватории, управляющий Придворной певческой капеллой.

¹⁴¹ Толмач Архимандр[ита] Макария, из уроженцев Алтая. – *Примеч. священника С. Дмитриевского.*

¹⁴² Радлов Василий Васильевич, Вильгельм Фридрих Радлов (1837–1918) – русский ученый немецкого происхождения, ориенталист-тюрколог, педагог, этнограф, археолог, сторонник сравнительно-исторического изучения тюркских языков и народов, автор труда “*Proben der Volksliteratur der turkischen Stamme Südsibiriens*” (Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи). Тексты и немецкий перевод. – В 7 т. – СПб., 1866–1896.

¹⁴³ Чевалков Михаил Васильевич (1817–1901) – переводчик св. Макария Алтайского, священник, миссионер Алтая, просветитель, родоначальник алтайской литературы, фольклорист, знаток культуры Алтая, способствовал приобщению кочевников-алтайцев к оседлому образу жизни и русской культуре.

¹⁴⁴ Вениамин, в миру – Василий Антонович Благодравов (1825–1892) – миссионер, церковный историк, исследователь ламаизма и других языческих верований, в 1857 году – профессор Казанской духовной академии, в 1858 году – ректор Томской духовной семинарии, в 1861 году – ректор Костромской духовной семинарии, настоятель Богородицкого Игрицкого монастыря, с 1862 года – епископ Селенгинский, викарий Иркутской епархии, начальник Забайкальской духовной миссии, в 1868 году – епископ Камчатский, с 1873 года –

епископ Иркутский (с 1878 г. – архиепископ), с 1890 года – почетный член Московской духовной академии.

¹⁴⁵ Тихон, в миру – Михаил Троицкий-Донебин (1831–1911) – миссионер, благотворитель, распространитель церковно-приходских школ, с 1866 года – ректор Новгородской семинарии и архимандрит, с 1871 года – ректор Кавказской семинарии, с 1882 года – епископ Сарапульский, с 1886 года – епископ Енисейский и Красноярский, с 1892 года – архиепископ Иркутский и Верхотурский (согласно желанию преосвященного Вениамина); создал комиссию для перевода богослужебных текстов на разговорный бурятский язык, сторонник устройства богослужения на родном языке.

¹⁴⁶ См. письмо № 12. Эти сведения оказались неправильными. – *Примеч. священника С. Дмитриевского.*

¹⁴⁷ Елагин Николай Васильевич (1817–1891) – писатель, с 1848 году – цензор.

¹⁴⁸ Еп[ископ] Бийский Владимир Сеньковский. – *Примеч. священника С. Дмитриевского.* Владимир, в миру – Сеньковский Филарет Алексеевич (1847–1917) – архиепископ; в 1875 году – миссионер Алтайской миссии, в 1882 году – миссионер Киргизской миссии, в 1890 году пострижен в монашество, в 1891 году – начальник Алтайской и Киргизской миссий, епископ Бийский, викарий Томской епархии, в 1893 году – епископ Владикавказский, в 1904 году – епископ Кишиневский и Хотинский, в 1908 году – архиепископ Донской и Новочеркасский.

¹⁴⁹ Арх[иепископ] Казанский. – *Примеч. священника С. Дмитриевского.*

¹⁵⁰ Агафангел, в миру – Александр Лаврентьевич Преображенский (1854–1928) – святитель, с 1889 года – епископ Киренский, с 1893 года – Тобольский и Сибирский, миссионер, претерпевший немало клеветы в своем служении: монгольские ламы распространяли слухи среди желавшего креститься населения, что русское правительство назначило для бурят ламаизм, а затем отправили в Санкт-Петербург жалобу на насильственное крещение бурят иркутским миссионером; в 1897 году – епископ Рижский и Митавский (с 1904 года – архиепископ), в 1910 году – архиепископ Литовский и Виленский, в 1913 году – архиепископ Ярославский и Ростовский, с 1917 года – митрополит, постоянный член Святейшего Синода при Патриархе; в 1922 году св. Тихон, подвергавшийся арестам, передал свою власть св. Агафан-

гелу, после чего и он был арестован, отравлен в заключение, а затем в ссылку до 1926 года.

¹⁵¹ Дурново Иван Николаевич (1834–1903) – министр внутренних дел (1889–1895 гг.), председатель Комитета министров (1895–1903 гг.).

¹⁵² Брызгалов Иван – статский советник, инспектор Иркутской духовной семинарии, с 1896 года – епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ и школ грамоты Иркутской епархии, цензор «Иркутских епархиальных ведомостей».

¹⁵³ Корф Андрей Николаевич (1831–1893) – барон, генерал от кавалерии, генерал-губернатор Амурской области (1884–1893), атаман приамурских казачьих войск. В его правление увеличилась численность населения, было открыто много школ, развивалась миссионерская деятельность среди народов Дальнего Востока, шла успешная колонизация Южно-Уссурийского края, началась разработка залежей каменного угля на Сахалине, развивались морские отношения с Китаем, Японией, Кореей.

¹⁵⁴ Ухтомский Эспер Эсперович (1861–1921) – князь, дипломат, ориенталист, публицист, редактор, поэт, переводчик, сторонник «востокофильской» позиции, глава Русско-китайского банка и правления Маньчжурской железной дороги (с конца 1890-х годов до 1905 г.), один из лидеров Соловьевского общества.

¹⁵⁵ Шаховская Наталья Борисовна, урожденная Святополк-Четвертинская (1820–1906) – княгиня, духовная дочь о. Валентина Амфитеатрова, благотворительница, основательница общины сестер милосердия «Утоли моя печали», супруга князя Дмитрия Федоровича Шаховского (1820–1867). С 1863 года Н. Б. Шаховская жила и работала сестрой милосердия в Полицейской больнице доктора Ф. П. Газа, поселившись в одной из ее палат, затем возглавила группу из 30 сестер, ухаживавших за больными и в других бесплатных больницах для чернорабочих; в 1868 году сестры присоединились к Дамскому комитету, возглавленному княгиней Надеждой Борисовной Трубецкой, сестрой Н. Б. Шаховской, который получил название «Московская община сестер милосердия “Утоли моя печали”»; в 1871 году Н. Б. Шаховская со своими сотрудницами была посвящена в «крестовые сестры» милосердия, подобно монахиням, дававшим обеты целомудрия, нестяжания и послушания, но имевшим право отойти от этих обетов, если хотели вернуться в мир и создать семью. Община основывала детский

приют, работала во время эпидемии холеры 1872 года в больницах, которые покидал персонал, заботилась о душевнобольных; во время Сербско-Турецкой и Русско-Турецкой войны оказывала помощь раненым на фронте и в тылу. Сестры милосердия работали в госпиталях Румынии и Болгарии под руководством Н. Б. Шаховской, которая пожертвовала все свое состояние на организацию госпиталей; с 1881 года Александр II взял общину под свое покровительство, и она стала именоваться Александровской. Во время эпидемий тифа и холеры 1891–1892 годов подвижницы «Утоли моя печали» работали по всей России. В 1892–1895 годах сестры общины на пожертвования создали в Иркутском крае лепрозории для прокаженных, где жили и трудились, оказывая помощь страждущим. Во второй половине 1890-х годов в Москве община основывает фельдшерскую школу для девочек, богадельню для престарелых бедных женщин. В 1904–1905 годах участвует в Русско-Японской войне.

¹⁵⁶ Марсден Кэт (род. в 1859 г.) – английская сестра милосердия, совершившая по благословению королевы Виктории и императрицы Марии Александровны поездку в Якутию, посетив места проживания прокаженных. В 1892 году туда прибыли сестры Московской общины «Утоли моя печали». Мисс Марсден оказывала помощь в создании Вилюйского лепрозория, где прокаженным оказывалась сестрами общины духовная, материальная и медицинская помощь, приют существовал за счет пожертвований.

¹⁵⁷ См.: *Чевалков М. В.* Памятное завещание: Автобиография миссионера Алтайской духовной миссии. – М.: Типография А. И. Снегиева, 1894. – 94 с.

¹⁵⁸ Помощник заведующего Катехизаторским училищем, священник Леонид Покровский, перешел на службу в Киргизскую миссию («Еп[архиальные] Вед[омости]». № 9. стр[аница] 15). – *Примеч. священника С. Дмитриевского.*

¹⁵⁹ С 20 апреля 1896 года по 30 января 1900 года пост томского губернатора занимал Ломачевский Асинкрит Асинкритович (1848–1921), генерал-майор, российский дореволюционный военный и политический деятель.

¹⁶⁰ Речь идет о религиозно-философских чтениях.

¹⁶¹ Так в оригинале. – О. С.

¹⁶² Речь идет о книге: *Ильминский Н. И.* Письма. – Казань: Православный собеседник. – 1895. – 414 с.

¹⁶³ Мефодий, в миру – Маврикий Львович Герасимов (1856–1931) – епископ, кандидат богословия; с 1882 года служил в Алтайской духовной миссии, в 1885 года св. Макарием (Невским) пострижен в монашество с именем Мефодий, вскоре приняв сан иеромонаха, в 1893 года стал архимандритом и начальником Алтайской духовной миссии, в 1894 году – епископом Бийским, викарием Томской епархии, в 1898 году – епископом Забайкальским и Нерчинским, где возобновил крестный ход из Читы на Иргень с чудотворным образом св. мученицы Параскевы Пятницы, заложил новый Кафедральный собор, начал издавать «Забайкальские епархиальные ведомости», реорганизовал Центральное Миссионерское училище, каждое лето объезжал епархию, посещал тюрьмы и какому; в 1912 году Указом Императора епископ Мефодий был назначен епископом Томским и Алтайским, в 1914 году был переведен на Оренбургскую кафедру, в 1918 году св. Патриарх Тихон возвел его в сан архиепископа Оренбургского и Тургайского. В 1920 году он возглавил вновь созданную Харбинскую епархию по просьбе митрополита Антония (Храповицкого).

¹⁶⁴ См.: *Митрополит Макарий (Невский Михаил Андреевич)*. Слова, беседы, поучения, речи и воззвания. – Томск: Паровая типография П. И. Макушина, 1898. – 289 с.

¹⁶⁵ Речь идет о студенческих беспорядках в Томском Императорском Университете зимой 1899 года.

¹⁶⁶ Саблер (Десятовский) Владимир Карлович (1847–1929) – юрист, товарищ обер-прокурора Святейшего Синода при К. П. Победоносцеве, затем обер-прокурор (1911–1915).

¹⁶⁷ См.: Мф. 10:36.

¹⁶⁸ Вяземский Сергей Александрович (1844–1923) – выпускник Московского университета, действительный статский советник, олонекский вице-губернатор (1896–1900), томский губернатор в 1900–1903 годах, почетный мировой судья округа Томского окружного суда (в 1907 г.), член Совета министра внутренних дел (в 1903 и после 1907 гг.), член Императорского Православного Палестинского общества, принимал участие в поземельном устройстве государственных крестьян.

¹⁶⁹ В 1900 году вышли четыре труда Победоносцева: в Синодальной типографии (г. Москва) – шестое издание произведения «Праздники Господни», «Ученье и учитель: Педагогические заметки», шестое издание произведения «История Православной

церкви до начала разделения церквей»; в типографии журнала «Народное образование» (г. Санкт-Петербург) – «Воспитание характера в школе».

¹⁷⁰ Так в оригинале. – О. С.

¹⁷¹ Откр. 22:11.

¹⁷² См.: 2 Тим. 4:6.

¹⁷³ 19 октября 1905 года при деятельном участии председателя Совета министров С. Ю. Витте К. П. Победоносцев был уволен с должности Обер-прокурора Синода и члена Комитета министров с оставлением в должностях члена Госсовета, статс-секретаря и сенатора.

¹⁷⁴ Пс. 9:21.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
------------------	---

ВЕРА

Православие и церковность	39
Пособие благочестивому читателю при чтении святого Евангелия.....	39
Праздники Господни	79
История Православной Церкви до начала разделения Церквей	139
<i>Предисловие .....</i>	<i>139</i>
<i>Содержание книги Деяний святых Апостолов .....</i>	<i>141</i>
<i>Глава I. Рим. Первое гонение. Святые первоверховные Апостолы Петр и Павел.....</i>	<i>155</i>
<i>Глава II. Святые Апостолы .....</i>	<i>161</i>
<i>Глава III. Святые мужи апостольские .....</i>	<i>168</i>
<i>Глава IV. Падение Иерусалима .....</i>	<i>175</i>
<i>Глава V. Борьба с язычеством. Апологеты .....</i>	<i>178</i>
<i>Глава VI. Гонения. Святые мученики и мученицы.....</i>	<i>186</i>
<i>Глава VII. Император Константин Великий .....</i>	<i>194</i>
<i>Глава VIII. Первый Вселенский Собор. Арий.....</i>	<i>198</i>
<i>Глава IX. Борьба с арианством. Смерть Константина.....</i>	<i>204</i>
<i>Глава X. Продолжение борьбы с арианством. Святитель Афанасий .....</i>	<i>209</i>
<i>Глава XI. Храмы и богослужение .....</i>	<i>213</i>
<i>Глава XII. Монашество.....</i>	<i>219</i>

<i>Глава XIII. Молодость Василия Великого и Григория Богослова</i>	227
<i>Глава XIV. Юлиан Отступник</i>	232
<i>Глава XV. Святой Василий Великий и святой Григорий Богослов. Второй Вселенский Собор</i>	238
<i>Глава XVI. Святой Иоанн Златоуст</i>	252
<i>Глава XVII. Вселенские Соборы Третий, Четвертый, Пятый и Шестой</i>	267
<i>Глава XVIII. Отцы западной Церкви: Святой Амвросий, блаженный Августин и блаженный Иероним</i>	274
<i>Глава XIX. Магометанство</i>	288
<i>Глава XX. Иконоборчество. Седьмой Вселенский Собор. Иоанн Дамаскин</i>	291
<i>Глава XXI. Распространение Христианства за пределами Римской империи</i>	301
<i>Глава XXII. Падение Западной Римской империи</i>	311
<i>Глава XXIII. Возвышение папской власти. Начало разделения Церквей</i>	315
Победа, победившая мир	320
Приложение Книга IX из Исповеди Блаженного Августина	348
Вопросы жизни	370
<i>Единство веры</i>	370
<i>Свобода совести и терпимость</i>	374
<i>Свободные учреждения</i>	384
<i>Демократия</i>	392
<i>Вера</i>	396
<i>Правда</i>	399
<i>Культура</i>	402
<i>Суд. Bacon. Essays</i>	405
Церковная реформа	410
Письма К. П. Победоносцева Николаю II	410
[Предложения Святейшему Правительствующему Синоду	

по вопросу о переменах в церковном управлении]	426
Терпимость и равнодушие в вероисповедных вопросах	436
Русские листки из-за границы.....	436
<i>Лионские гражданские похороны</i>	436
<i>В протестантских храмах</i>	439
<i>Вестминстерское аббатство</i>	440
<i>К вопросу о воссоединении Церквей</i>	450
<i>Противоречия в Англиканской церкви</i>	460
<i>Ирвингисты в Лондоне</i>	468
<i>Деисты и унитарии в Лондоне</i>	473
Письмо Обер-прокурора Святейшего Синода к Эдуарду Навиллю, президенту Швейцарского центрального комитета Евангелического Союза	476

ОБРАЗОВАНИЕ

Отрывки из школьного дневника	483
Из дневника К. П. Победоносцева.....	484
Воспитание характера в школе	505
Надежда Павловна Шульц	515
Наставление девицам	523
Приветствие старого воспитателя Великому Князю в день его совершеннолетия	526

К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ И СОВРЕМЕННОИКИ

Письма К. П. Победоносцева к Ф. М. Достоевскому	535
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ

О. Иоанн Кронштадтский и К. П. Победоносцев	562
К. П. Победоносцев в письмах к друзьям.....	569
38 писем бывшего обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева к высокопреосвященному Макарию Томскому.....	574
КОММЕНТАРИИ.....	610

Институт русской цивилизации создан в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 12 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 50 томов).

Редактор Л. А. Попенова
Корректор А. А. Полякова
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 05.04.2011 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 32,9 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация (*вышел*)
- Русское Православие в трех томах (*вышли*)
- Русское государство (*вышел*)
- Русский патриотизм (*вышел*)
- Русское мировоззрение (*вышел*)
- Русский образ жизни (*вышел*)
- Русская география
- Русское хозяйство (*вышел*)
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература (*вышел*)
- Русская икона и религиозная живопись в двух томах (*вышли*)
- Русская архитектура и скульптура
- Русская живопись
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.

Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.

Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.

Иван Грозный. Государь, 400 с.

Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.

Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.

Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.

Щербатов А. Г. Православный приход — твердыня русской народности, 496 с.

Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.

Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.

Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.

Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.

Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.

Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.

Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.

Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.

Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.

Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.

Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.

Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.

Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.

Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.

Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.

Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.

Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.

Никольский Б. В. Сокрушить крामолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против ма-
сонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крामолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Платонов О. А. Массонский заговор в России, 1344 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка,
272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия,
688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая
энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофи-
лов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогиче-
ская деятельность преподобного Сергия Радонежского,
192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литера-
тура, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хо-
зяйства, 1184 с.

Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.

Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.

Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.

Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.

Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.

Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.

Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.

Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.

Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.

Платонов О. История царевубийства, 768 с.

Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.

Башилов Б. История русского масонства, 640 с.

Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.

Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.

Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.

Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.

Платонов О. Заговор царевубийц, 528 с.

Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Звенигородское шос., д. 4 (пав. «Детский мир на Пресне»), тел. 8(495)-788-41-48, rodina@gw.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)